Вячеслав Лопатин

СУВОРОВ

ЖИЗНЬ ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК
1608
(1408)

Се российский Геркулес:

Где сколько ни сражался,

Всегда непобедим остался,

И жизнь его полна чудес!

Г.Р. *Державин*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать второго сентября 1786 года Суворов получил долгожданный чин генерал-аншефа. В тот же день он продиктовал свое жизнеописание для представления в Московскую дворянскую опеку. Ему было почти 56 лет — возраст солидный для военной службы даже по нынешним временам. В списке генерал-аншефов он оказался одиннадцатым. Его обошли соперники, менее известные на боевом поприще. «Так вижу сих случайных… полководцами, предводителями армиев, — читаем мы в страстном письме Суворова 1781 года из Астрахани. — Сих детей, с коих подбородком я, остепеняясь, игрывал… Так старее меня: сей — за привоз знамен, тот — за привоз кукол, сей — по квартирмейстерскому перелету, тот — по выводу от отца, будучи у сиськи…»

Раньше многих этих «детей» получил он офицерский чин. В Семилетнюю войну был «первым партизаном», прославился в кампаниях против поляков и турок, сыграл важную роль в деле присоединения Крымского ханства к России… и всё же оказался последним в списке. «Неужели они сделали для империи больше, чем я?» — задавался законным вопросом Суворов.

Казалось, ему остается достойно закончить жизненный путь: он честно служил родине и вправе обратиться к потомкам. Подробно перечисляя обстоятельства своей службы, Александр Васильевич подводит итоги жизни: «Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть моим символом. Не для суеты, но для оного я в сие плодовитое описание вошел… Старость моя наступает, и должен я о моих делах скоро ответ дать Всемогущему Богу».

Суворов не подозревал, что стоит на пороге славы. Через четыре года имя героя войны с Турцией, графа двух империй было у всех на устах. Из новой автобиографии обращение к потомству было исключено. Слава победоносного полководца стремительно росла от одной военной кампании к другой, пока не достигла апогея во время Итальянского и Швейцарского походов. Он действительно стал примером для потомков.

«Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины», — писал в конце 1794 года Суворов одному из своих офицеров, пожелавшему стать биографом полководца, только что получившего за свои подвиги чин генерал-фельдмаршала.

Александр Васильевич справедливо полагал, что свидетелями истины всегда будут его дела и победы. Но путь к признанию был долог и непрост. Зависть и клевета преследовали Суворова при жизни, нападали на него после смерти.

Не раз нам придется давать отпор невежеству и прямой клевете. Свидетелями истины станут служебные документы, письма, отзывы современников, подвиги и дела полководца.

«IO SON NATO 1730, IL 13 NOVEMBRE»

Это цитата из собственноручной записки Суворова на итальянском языке. Перевод прост и исключает другие толкования: «Я родился 1730, 13 ноября». Несмотря на столь ясное заявление Александра Васильевича, в книгах о нем, энциклопедиях и биографических словарях годом рождения называют то 1730-й, то 1729-й.

Виновником этой неразберихи стал близкий родственник генералиссимуса граф Дмитрий Иванович Хвостов. Женатый на родной племяннице Суворова княжне Аграфене Ивановне Горчаковой, он в течение многих лет был своего рода представителем Суворова при императорском дворе. Александр Васильевич скончался на руках Хвостова и его жены, в их доме на Крюковом канале в Петербурге, вскоре по возвращении из похода, принесшего ему мировую славу. Скончался в опале. Торжественная встреча, обещанная императором Павлом, была отменена, а Суворову запрещено являться ко двору. У него были отобраны адъютанты и разосланы по полкам. О смерти генералиссимуса умолчали газеты, а почести, отданные покойному, соответствовали рангу фельдмаршала. Вместо того чтобы публично попрощаться с Суворовым, император предпочел роль случайного зрителя, которого никто не заметил в толпах петербуржцев, провожавших героя в последний путь.

Вот в какой обстановке Хвостов хлопотал о похоронах. Он не обратил внимания на записку верного денщика генералиссимуса Прохора Ивановича Дубасова, который напомнил ему, что князь Италийский, граф Рымникский родился в 1730 году, и, заказывая памятную доску, поставил 1729-й. Вскоре пришло письмо из Москвы от вдовы Суворова. Княгиня Варвара Ивановна указала графу Дмитрию Ивановичу на его оплошность, заявив, что ее муж родился в 1730 году, но тот ошибку не исправил.

Ранние биографы Суворова безоговорочно стояли за 1730 год. Особенно важно свидетельство Фридриха Иоганна фон Антинга, единственного прижизненного биографа полководца. Александр Васильевич лично просмотрел его рукопись. Она была напечатана в 1795 году в Германии на немецком языке. Во время блестящей суворовской кампании 1799 года стали появляться переводы на другие европейские языки. Отметим, что русские переводы были напечатаны после смерти полководца.

В 1808 году в Петербурге вышло «российское сочинение» «Дух великого Суворова». Автор укрылся под инициалами «В. С.». Скорее всего, им был Василий Степанович Кряжев, известный издатель, переводчик, педагог. Среди самых близких друзей Кряжева находился Сергей Сергеевич Кушников, герой последних походов Суворова, взятый им в старшие адъютанты. Годом рождения генералиссимуса в этом жизнеописании назван 1730-й. Эту дату повторил и Егор Борисович Фукс, правивший канцелярией Суворова во время Итальянского и Швейцарского походов, а в 1811 году выпустивший биографию полководца.

Как видим, на установленную Хвостовым надгробную плиту никто не обращал внимания. Положение изменилось в правление императора Николая Павловича, когда Суворов был поднят на щит и официально провозглашен национальным героем. Русский немец Фридрих фон Смитт в солидном документированном труде «Жизнь и походы Суворова» (первая часть его была опубликована в 1833 году) честно признался, что берет год его рождения с могильной доски. С ним не согласился молодой офицер Генерального штаба Дмитрий Алексеевич Милютин, будущий автор капитального труда об Итальянском и Швейцарском походах, военный министр и реформатор армии при Александре II. Он решительно высказался за правильную дату, написав об этом в журнальной статье 1839 года. Но кто читает журнальные статьи?

В 1843 году почти одновременно вышли две биографии генералиссимуса, написанные журналистами Фаддеем Булгариным и Николаем Полевым. Оба доверились надписи на могильной плите. Несмотря на критические отзывы, вымыслы Полевого постепенно превратились в незыблемые факты биографии великого полководца.

В 1884 году Александр Фомич Петрушевский опубликовал свой трехтомный труд «Генералиссимус князь Суворов». Удостоенный высокой академической награды, он и по сей день остается самой полной и лучшей биографией полководца. В нем годом рождения Суворова назван 1730-й. Верной считал эту дату и Василий Алексеевич Алексеев, неутомимый исследователь и публикатор эпистолярного наследия Суворова.

В 1930 году русская эмиграция от Харбина и Нью-Йорка до Берлина и Парижа торжественно отметила суворовское двухсотлетие. В СССР юбилей царского генералиссимуса предпочли не заметить. Когда же в середине 1930-х годов были преодолены ультралевые установки, объявлявшие всю историю России «проклятым прошлым», Суворов занял одно из самых почетных мест среди героев, возвращенных народу. Во время Великой Отечественной войны его слава достигла апогея. В 1950 году с государственным размахом была отмечена 150-я годовщина со дня смерти гениального полководца.

По иронии судьбы в одном из юбилейных сборников появилась статья «К вопросу о времени рождения Александра Васильевича Суворова». Ее автор А.Е. Гутор внес смуту в давно решенный вопрос, заявив, что генералиссимус (к слову, обладавший, по свидетельствам современников, феноменальной памятью) не знал года своего рождения. В качестве доказательства он сослался на две автобиографии Суворова (1786 и 1790 годов), в которых говорилось: «В службу я вступил пятнадцати лет». Получалось, что зачисленный в 1742 году в лейб-гвардии Семеновский полк недоросль Александр Суворов родился в 1727-м.

Всё объясняется просто. Не любивший длинных реляций Суворов диктовал их своим адъютантам. Точно так же поступил он, готовя в 1786 году многостраничное описание своей службы. Адъютант не расслышал и вместо «двенадцати лет» написал «пятнадцати». Александр Васильевич, не читая, подмахнул текст. Через четыре года прославленный победитель турок, ставший графом двух империй, должен был подать в герольдмейстерскую контору новую автобиографию. Суворов приказал переписать старую, дополнив ее новыми сведениями. Вкравшаяся в текст ошибка повторилась. А.Е. Гутор придал преувеличенное значение могильной плите, установленной Хвостовым. При этом он отмел письмо вдовы Суворова и заявил, что все ранние биографы полководца стояли за 1729 год, хотя дело обстояло совершенно иначе.

Главным аргументом стали исповедные книги церкви Николая Чудотворца в подмосковном селе Покровском, обнаруженные в 1941 году. Ни А.Ф. Петрушевский, ни В.А. Алексеев о них не знали. Согласно записям за 1741 год среди исповедовавшихся значатся: лейб-гвардии Преображенского полка поручик Василий Иванов сын Суворов — 33 года, жена его Евдокия Федосеевна — 30 лет, сын их Александр — 12 лет. В книге за 1745 год: прокурор Василий Иванович Суворов — 37 лет, сын его Александр — 16 лет.

«Точных дат — дня и месяца записей — в книгах помечено не было, — пишет А.Е. Гутор, — но можно думать, что обе записи сделаны в период 15 ноября — 24 декабря (так называемый Рождественский пост)… Из них… устанавливается, что Александру Васильевичу Суворову 12 лет было уже в 1741 г. и 16 лет в 1745, другими словами, что он родился в 1729 г.».

Однако имеется еще одна ведомость. В ней говорится: «Генерал Василий Иванов сын Суворов — 50 лет, дети его: Александр — 24 года, Анна — 11 лет, Марья — 10 лет». Некоторые исследователи относят ведомость к 1753 году, другие — к 1754-му. Если принять последнюю датировку, то Александр Суворов родился в 1730 году. Если принять первую, то его отец постарел на целых пять лет. Исследователи давно знают, что доверять исповедным книгам надо с большой осторожностью. Еще в 1881 году об этом писал известный историк Н.И. Григорович, отметив, что лета «записывались со слов говеющего, всегда почти неверно». Ошибка, как правило, составляла год. А.Е. Гутор попытался оспорить и самое важное свидетельство о годе рождения Суворова. Начиная с 1880-х годов суворововеды опирались на собственноручную записку Александра Васильевича на итальянском языке, отысканную в его семейном архиве. Вот ее полный текст в переводе:

Сестра А[нна] В[асильевна] родилась 1743,

5 сентября.

Сестра М[арья] В[асильевна] родилась 1745,

29 января.

Я родился 1730, 13 ноября.

1. Солдат 1742 … октября. В императорской гвардии, в Семеновском полку.

2. Капрал 1747, 25 апреля.

3. Подпрапорщик 1749, 22 декабря.

4. Сержант 1751, 8 июня.

5. Поручик 1754, 25 апреля. Ингермонландского пех[отного] в Новгороде.

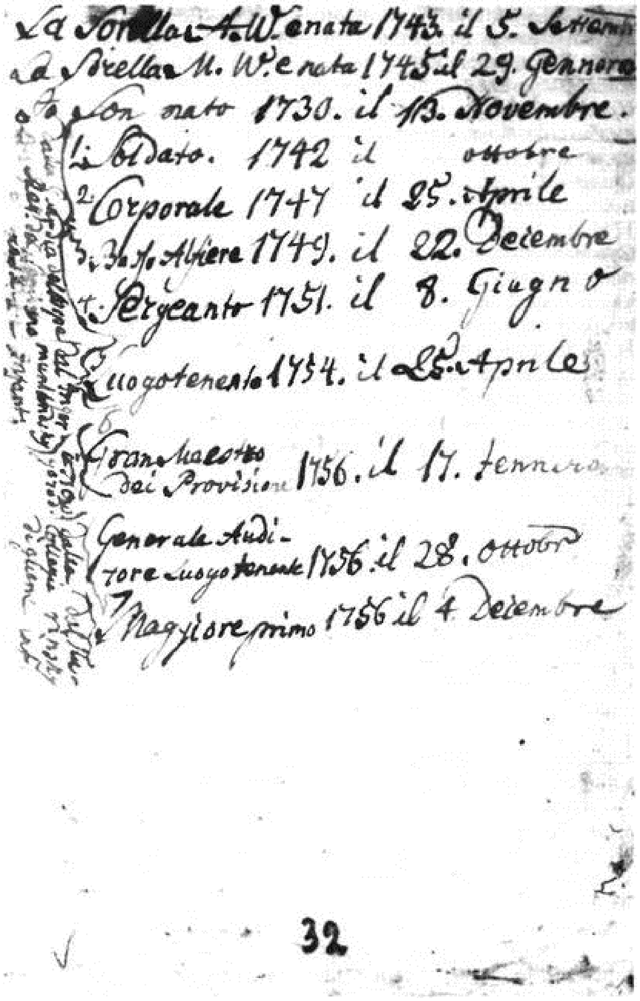
6. Обер-провиантмейстер 1756, 17 января.

7. Генерал-аудитор-лейтенант 1756, 28 октября. Военной коллегии.

8. Премьер-майор 1756, 4 декабря. Куринского пех[отного].

Все даты, касающиеся прохождения службы, приведены точно и подтверждаются послужными списками. Особый интерес представляют записи о возрасте сестер Анны и Марии. На могильной плите княгини Анны Васильевны Горчаковой (в Донском монастыре в Москве) значится: родилась в 1744 году. Александр Васильевич свидетельствует: сестра родилась годом ранее. На плите Марии

Васильевны Олешевой. (в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологдой) значится: родилась 29 января 1746 года. И снова ошибка на год. Хвостов сделал Суворова годом старше, а родственники, хоронившие сестер Суворова, сделали их моложе.



La Sorella A. W. e nata 1743. il 5. Settem

la Sorella M. W. e nata 1745 il 29. Gennaro

Io son nato 1730. il 13. Novembre.

1. Soldato. 1742 il ottobre

2. Corporale 1747 il 25. Aprile

3. Sotto Alfiere 1749. il 22. Decembre

4. Sergeante 1751. il 8. Giugno.

5. Luogotenente 1754. il 25. Aprile

6. Gran Maestro dei Provisione 1756. il 17. Gennaro

Generale Auditore Luogotenente 1756. il 28. ottobre

7. Maggiore primo 1756 il 4. Decembre

32

Надписи на могильных плитах, как и исповедные росписи, должно проверять по другим источникам. Когда памятники ставили супруг или супруга, год рождения приводился верно. Другое дело — родные и близкие. Они отлично помнили дни именин покойных, а вот год указывали на глазок. Анна Васильевна и Мария Васильевна намного пережили своих мужей, и на их могильных плитах годы рождения поставлены с ошибками. Правильно записал семейные сведения старший брат. Не мог он ошибиться и в годе своего рождения.

Ничего этого А.Е. Гутор не ведает и решается на еще одно безответственное заявление: «В записке на итальянском языке Суворов также сделал ошибку, указав, что он был определен "подпоручиком" 25 апреля 1754 года, тогда как этим указом Суворов был произведен в офицеры и выпущен в армию поручиком».

Суворов написал luogotenente. Современные словари соотносят этот чин с лейтенантом, то есть с подпоручиком. По мнению А.Е. Гутора, следовало написать tenente — «старший лейтенант» (то есть поручик). Но в XVIII веке итальянский чин tenente соответствовал российскому капитан-поручику, sot-totenente — подпоручику, а luogotenente — поручику. Суворов написал правильно. Несмотря на очевидные ошибки, составители юбилейного сборника сопроводили публикацию статьи примечанием: «Как установил полковника. Е. Гутор, Суворов родился не в 1730 г., как считалось до сих пор, а в 1729 г.».

Если первое (1946) и второе (1956) издания Большой советской энциклопедии называли годом рождения Суворова 1730-й, то в Советской исторической энциклопедии (1971) указан 1729-й. В третьем издании БСЭ (1976) дан компромиссный вариант — 1729-й или 1730-й. В Военной энциклопедии (2003) читаем: 1730-й, по другим данным, 1729-й.

В 2004 году мемориальный музей Суворова в Санкт-Петербурге собрал научную конференцию по случаю «275-летия» со дня рождения генералиссимуса. Мы предпочитаем довериться самому Суворову: герой нашей книги родился 13 ноября 1730 года!

О РОДЕ И РОДИТЕЛЯХ

Суворовы происходили из старого московского служилого дворянства. Не утруждая себя родословными розысками, Александр Васильевич в автобиографии 1786 года повторил семейное предание: «В 1622 году, при жизни царя Михаила Федоровича выехали из Швеции Наум и Сувор и по их челобитью приняты в российское подданство, именуемы "честны мужи", разделились на разные поколения и, по Сувору, стали называться Суворовы».

Его двоюродный брат Федор Александрович Суворов оказался более дотошным. В своем прошении он использовал родословную, согласно которой предки Суворовых вышли из Швеции в XIV веке и поступили на службу к московскому великому князю Симеону Ивановичу Гордому.

Выдающийся знаток суворовского эпистолярного наследия В.А. Алексеев отметил в 1916 году в работе «Письма и бумаги Суворова»: «Фамилия Суворова много древнее, чем он думает… Суворов не имя, а чисто русское прозвище, встречающееся во многих наших старинных фамилиях… "Сувор, суворый" — то же, что "суровый", т. е. угрюмый, сердитый. Народ употребляет это слово не только в Олонецкой губернии, но и много южнее, например в Тверской».

По мнению ученого, когда по Ореховскому миру 1323 года Великий Новгород уступил Швеции Карелию, из нее, не желая остаться «под шведом», стали выходить русские люди. Среди них были и предки Суворовых.

Знаменитый полководец был первенцем Василия Ивановича Суворова и его жены Авдотьи (Евдокии) Федосеевны, урожденной Мануковой. По исповедным росписям получается, что отец Александра Суворова родился либо в 1708-м, либо в 1704 году, большинство же авторов склоняются к 1705-му.

В одном из писем Александр Васильевич, говоря об отце, сообщает: «Сей родился в 1709-м году». Это хорошо согласуется (с поправкой на год) с записями в двух исповедных ведомостях. Из них же можно установить и год рождения матери Суворова — 1710-й или 1711-й. Родив 25 января 1745 года младшую дочь Марию, Авдотья Федосеевна в конце того же года не смогла присутствовать на исповеди — возможно, к этому времени ее уже не было в живых.

Деда Суворова по отцу звали Иван Григорьевич. Его хорошо знал и ценил царь Петр Алексеевич. Из стрелецкой службы Иван Суворов перешел в создаваемый молодым государем Преображенский полк и дослужился до важного чина — генерального писаря. Царь был крестным отцом его сына Василия. В 1715 году Иван Григорьевич умер. Через три года его вдова Марфа Ивановна подала прошение на высочайшее имя, в котором писала о своей нужде: живет с двумя малолетними сыновьями Василием и Александром, просит за службу мужа наградить выморочным имением, потому что их имение в Пензенском уезде разорено во время набега ногайцев.

Ответ на челобитную неизвестен, но 9 мая 1722 года Василий Суворов был взят в денщики к самому Петру Алексеевичу. Каждый, кто поступал в императорские денщики, обязательно зачислялся в гвардию. О роде занятий юного денщика свидетельствует запись от 9 сентября 1723 года: «…из дому Его Императорского Величества денщик Василей Суворов, пришед в канцелярию от строений, объявил Господам под[ь]ячим, что Его Императорское Величество изволил приказать французу Рострелию вылить из меди персону Его Императорского Величества и к тому, что потребно, материалы отпускать ис канцелярии от строений без замедления». Созданный Бартоломео Карло Растрелли бюст Петра Великого ныне украшает собрание Русского музея.

Вниманием государя не был обойден и сын Ивана Григорьевича от первого брака. Иван Иванович родился в 1695/96 году и, следовательно, был значительно старше своих единокровных братьев Василия и Александра. В 1715 году он вместе с Кононом Зотовым был послан за границу для обучения инженерству и переводам. По возвращении домой Иван служил переводчиком и дослужился до чина регистратора Бергмануфактур-коллегии. После смерти Петра I карьера Ивана Суворова оборвалась. За нелестный отзыв об императрице Екатерине Алексеевне он был наказан «кошками», разжалован в солдаты и сослан в дальний гарнизон — в персидский городок Гилян. Прощенный и восстановленный в правах при Петре II, Иван Иванович вернулся на службу, но вскоре умер.

В короткое царствование вдовы Петра Великого Василий Суворов был пожалован в сержанты гвардии, а при Петре II стал (29 июля 1727 года) прапорщиком Преображенского полка. Вскоре молодому офицеру-преображенцу пришлось принять участие в делах большой политики. 8 февраля 1728 года вместе с двумя обер-офицерами он был послан описать «пожитки» лишенного всех чинов и сосланного Меншикова, недавнего некоронованного правителя России, потерявшего власть из-за интриг окружения юного императора Петра II. Прапорщик Суворов должен был представить начальству общую оценку имущества опального, сделанную «ценовщиками», и «черные описи» привезенного от его родственников золота.

С конца 1729 года российская знать начала съезжаться в Москву, где уже находилась гвардия. На

19 января было назначено торжество бракосочетания Петра II, внука царя-преобразователя, с красавицей-княжной Екатериной Долгоруковой. Но в самый канун свадьбы Петр умер от оспы. Члены Верховного тайного совета, фактически правившего империей, решили пригласить на царствование племянницу Петра Великого вдовствующую курляндскую герцогиню Анну Иоанновну с условием подписания «кондиций» — согласия уступить «верховникам» важные прерогативы самодержавия. Анна «кондиции» подписала и 15 февраля 1730 года торжественно въехала в Москву. На следующий день императрица пожаловала новые чины целой группе офицеров-преображенцев. Василий Суворов получил чин гвардии подпоручика. Таким нехитрым способом новая власть рассчитывала укрепить свои позиции. Но «верховники» просчитались. Пока шло обсуждение семи проектов, касавшихся государственного устройства Российской империи, большая группа российского шляхетства (так на польский манер именовало себя дворянство) подала Анне челобитную с решительными возражениями против ограничения самодержавной власти. «Кондиции» были разорваны, и началось царствование властной, капризной и суровой женщины, которую современники полушутя-полусерьезно называли Иваном Грозным.

В это время Василий Суворов решил связать свою судьбу с Авдотьей Мануковой. 13 ноября 1730 года у молодой четы родился сын, нареченный Александром. Мать нашего героя принадлежала к обрусевшему армянскому роду. Ее дед Семен Иванович служил в Преображенском полку вместе с Иваном Григорьевичем Суворовым. Как и другие гвардейские офицеры, не раз выполнял ответственные поручения царя-реформатора. Сын Семена Ивановича пошел по гражданской линии. По указу Петра он описывал завоеванную Ингерманландию. Как отмечает А.Ф. Петрушевский, в 1715 году «во время празднования свадьбы князь-папы (Н. Зотова. — В.Л.) Мануков участвовал в потешной процессии, одетый по-польски, со скрипкою в руках». Он прослужил почти 60 лет и дослужился до звания вице-президента Вотчинной коллегии, ведавшей дворянским землевладением. В прошении об отставке (1738) Федосей Семенович указал, что служит «с одного Ея Императорского Величества жалованья, понеже за мною недвижимого имущества нет, а в Санкт-Петербурге живу я в наемной квартире. И награждения деревень против моей братьи мне не было». Старый служака просил о вспомоществовании, напомнив сенаторам, что «был у многих… государственных дел беспорочно». Он умер в феврале 1739 года, завещав дочери Авдотье дом «в Земляном городе на Большой Арбатской улице в приходе церкви Николая Чудотворца Явленного». Рядом с церковью (освящена в 1594 году) высилась колокольня, построенная в XVII веке, — одна из лучших в Москве. Соседний переулок по имени владельца дома назывался Мануковым. Резонно предположить, что именно здесь, в доме деда, и родился Александр Суворов.

Собственный дом имелся и у Василия Ивановича. Находился он в пригородном селе Покровском на реке Яузе, неподалеку от храмов Покрова Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Это была настоящая городская усадьба, весьма обширная (длина по фасаду 135 метров!). Иван Григорьевич Суворов владел ею с того времени, когда молодой Петр приступил к формированию и обучению первых гвардейских полков — Преображенского и Семеновского.

Дом в Покровском может рассматриваться как предположительное место рождения великого полководца, но арбатский предпочтительнее: Покровское — далекий пригород, Арбат — в самом центре. Здесь прошли первые девять лет жизни великого москвича, пока 5 апреля 1740 года Авдотья Федосеевна не продала доставшийся ей по наследству дом.

Арбатская жизнь Суворова совпала с временем правления Анны Иоанновны. Старая российская знать, надеявшаяся, что приглашенная ими племянница Петра I будет послушной игрушкой в ее руках, просчиталась. Инициатор приглашения князь Дмитрий Михайлович Голицын умер в заточении. Его брата, фельдмаршала князя Михаила Михайловича, одного из лучших петровских полководцев, возможно, спасла от опалы скоропостижная смерть. Пристрастия и развлечения новой императрицы были не по-женски грубы. Во дворце обосновался целый сонм карлиц, карликов и шутов. Если Анна Иоанновна и покидала дворец, то только ради охоты. Она гордилась тем, что лично застрелила сотни оленей.

«Одна, но пламенная страсть» владела императрицей — любовь и безграничное доверие к прибывшему с ней из Курляндии Эрнсту Иоганну Бирону. Когда скучавшая в Курляндии вдовствующая герцогиня Анна Иоанновна сделала Бирона фаворитом, местное дворянство отказалось принять его в свои ряды. Теперь Бирон взял реванш — при поддержке российской императрицы получил корону курляндского герцога. За ним стали ухаживать дипломаты европейских монархов, искавших союза с северной империей. Не занимая никакого государственного поста, Бирон был главным докладчиком императрицы, на которую имел большое влияние. Он ведал внутренними делами, уступив командование армией Миниху, а внешнюю политику Остерману. Впоследствии это засилье немцев получило название «бироновщины» .

Гроза разразилась над кланом князей Долгоруковых. Весельчак князь Иван Алексеевич, любимец Петра II, в угоду рвавшимся к власти родственникам организовал обручение своей сестры княжны Екатерины с юным императором. Скоропостижная смерть внука Петра Великого от оспы разрушила эти планы. Долгоруковы составили подложное завещание в пользу «обрученной невесты», которая должна была стать императрицей. Обстановка не позволила прибегнуть к подлогу, и Долгоруковы оказались в ссылке. Бдительный Бирон воспользовался доносами и решил продолжить розыск.

Пятого августа 1738 года в Тобольск для следствия над сосланным туда князем Иваном Долгоруковым был командирован поручик Преображенского полка (с 27 апреля 1737 года) Василий Суворов. Роль главного следователя была возложена на гвардии капитан-поручика Федора Ушакова. Допросы, как тогда водилось, шли с применением пыток. Следствие произвело тягостное впечатление на Суворова. Вернувшись через год в столицу, он серьезно заболел. «Поручик Василий Суворов имеет болезнь епохондрию, — говорилось в полковом рапорте 1740 года с приложением списка больных. — Отсутствует в полку с сентября 10-го дня 1739 года».

Дело завершилось казнью князя Ивана и еще троих членов древнего княжеского рода, настоящих Рюриковичей. А в октябре 1740 года Анна Иоанновна умерла, завещав престол Иоанну Антоновичу, сыну своей племянницы Анны Леопольдовны. Новому императору шел третий месяц. Получивший пост регента Бирон продержался недолго. С санкции матери императора-младенца он был арестован Минихом. Анна Леопольдовна была провозглашена правительницей, ее нелюбимый муж, бесцветный принц Антон Ульрих Брауншвейгский, получил чин генералиссимуса, а авторитетный в военных кругах фельдмаршал Миних из-за конфликта с другими министрами был отправлен в отставку

Возможно, эта грызня в «верхах» послужила причиной ухода Василия Ивановича Суворова с военной службы. 2 февраля 1741 года он был определен к гражданским делам в чине коллежского советника.

Резкий поворот в его служебной карьере произошел после 25 ноября 1741 года. Государственное бремя оказалось не по плечу Анне Леопольдовне. Она была свергнута гвардией во главе с популярной в народе дочерью Петра Великого. Переворот стал крахом «немецкой партии». Императрица Елизавета Петровна, формируя свою администрацию, вспомнила деятельного отцовского денщика. Василий Иванович Суворов сначала отправляется воеводой во Владимирскую провинцию Московской губернии, но, едва прибыв во Владимир, получает новое назначение — «о бытии в Генералбергдирекции прокурором». 24 февраля Суворов-старший приступил к исполнению обязанностей и вскоре столкнулся со ставленником Бирона генерал-директором саксонцем бароном Куртом фон Шембергом. Причиной конфликта стала попытка Суворова навести порядок в важном государственном ведомстве. Правительство поддержало прокурора. 24 октября 1743 года горные заводы были у Шемберга отобраны, а сам он за многочисленные нарушения, в том числе хищение государственных средств, оказался в тюрьме и вскоре был выслан из России.

Именно в это время в жизни нашего героя происходит важное событие.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

Согласно преданию отец Суворова собирался определить своего низкорослого и тщедушного сына в гражданскую службу. Но мальчик увлекся чтением книг военно-исторического содержания, стал мечтать о подвигах. Он выказал редкую для своего возраста целеустремленность, закалял тело и дух. Известно предание о том, что желание маленького Александра Суворова стать военным поддержал генерал Абрам Петрович Ганнибал — знаменитый арап Петра Великого.

Как-то раз он посетил Василия Ивановича, и тот попросил старого друга побеседовать с его сыном. Восхищенный знаниями юного собеседника, прадед Пушкина посоветовал не препятствовать мальчику, который, по его словам, заслужил бы похвалу самого царя-преобразователя.

Александр Сергеевич Пушкин называл XVIII век самым романтическим веком нашей истории и собирал предания о Петре, Екатерине и их современниках. Этому столетию посвятил он и свои исторические исследования. Однако у правнука Ганнибала никаких упоминаний о встрече Абрама Петровича с юным Александром Суворовым нет. Об этом впервые написали Ф.В. Булгарин и Н.А. Полевой уже после смерти Пушкина. Ни тот ни другой не назвали источник, из которого они почерпнули предание, ставшее популярным. А.Ф. Петрушевский полагает, что «поражающая энергия и необыкновенное развитие воли» будущего полководца достались ему от матери, которая из-за постоянной служебной занятости мужа сама занималась воспитанием сына.

Александру было около пятнадцати лет, когда Авдотья Федосеевна скончалась. В его обширнейшей и многолетней переписке о матери нет ни слова. Отцу же посвящено несколько скупых, но весьма уважительных строк, относящихся к разным годам. Петрушевский считал Василия Ивановича человеком, что называется, без военной жилки, но образованным, исполнительным, хорошим администратором и ретивым служакой, главной чертой характера которого была бережливость, переходящая в скупость.

Позволим себе не согласиться с этими догадками. Отец уделял большое внимание воспитанию и обучению единственного сына, продолжателя рода.

Известный ученый-геодезист, генерал русской армии Иллиодор Иванович Померанцев в 1900-х годах отыскал любопытную рукопись середины XVIII века. Написанная взрослым, она была старательно переписана детской рукой. Текст изложен прекрасным, точным и ясным французским языком, без орфографических ошибок. Его название знаменательно: «Упражнения по арифметике для Александра Суворова». Рукопись состоит из введения и трех разделов (о целых числах, о дробях и о пропорциях). На тридцатой странице значится «1737 апреля 4 в 9 часов вечера», на титульном листе — «1740 июля 13». Это уникальное свидетельство об учебе Суворова-мальчика. Возможно, первая дата означает день, в который ему была подарена тетрадь, а вторая — начало занятий. Рукопись свидетельствует о том, что мальчик настолько владел французским, что сначала правильно переписал текст, а затем разобрался в довольно сложных математических терминах.

Увлечение всем иноземным, особенно среди высшей знати, порой приводило к забвению родного языка и национальных традиций. Но при всех издержках петровской ломки старого русский человек не потерял своего «я». Творчески усваивая европейскую культуру, он брал из нее то, что наиболее соответствовало национальным традициям и складу его характера. Пример тому — средняя дворянская семья Суворовых: отец полководца владел несколькими новыми и древними языками, дядя Александр Иванович писал по-французски, а другой дядя, Иван Иванович, служил переводчиком и, судя по всему, перевел сочинение французского маршала Себастьена Вобана.

С этим изданием связана одна семейная загадка. Книга под названием «Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана на французском языке, ныне переложен от французского на российский язык» вышла в Санкт-Петербурге в 1724 году. Переводчиком указан Василий Суворов. Е. Б. Фукс приводит слова Александра Васильевича: «Покойный батюшка перевел его по Высочайшему повелению Государя Императора Петра Великого, с французского на российский язык, и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода изволил сам меня руководствовать к познанию сей для военного человека столь нужной и полезной науки».

Но отец Суворова на роль переводчика Вобана явно не подходит. Перевести труд признанного авторитета в военно-инженерном деле — событие из ряда вон выходящее. Василию Суворову в год выхода книги было всего 15 лет. Если даже допустить, что именно он в юности перевел французский трактат, то возникает резонный вопрос: почему за всю свою долгую жизнь Василий Иванович больше никакими переводами не занимался? Очевидно, работу выполнил Иван Иванович, более подготовленный профессионально и лучше владевший французским, и передал рукопись младшему брату, желая поднять авторитет денщика императора.

Об увлечениях юного Александра Суворова можно судить по косвенным, но весьма весомым свидетельствам. Уже будучи прославленным полководцем, он в наставлении Александру Карачаю (сыну боевого товарища, храброго кавалерийского генерала австрийской армии) поделился личным опытом, в котором слышны отголоски собственных детских впечатлений. Суворов советует своему крестнику и тезке вникать в труды выдающихся военных инженеров — француза Вобана и голландца Кугорна, изучать историю и географию, знакомиться с воспоминаниями и мыслями великих полководцев. «Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, Записки Цезаря, Фридриха II, первые тома Истории Роллена и "Мечтания" Графа Сакса. Языки полезны для словесности. Учись понемногу танцам, верховой езде и фехтованию… Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благоразумием».

В других подобного рода наставлениях Суворов советует изучать историю Троянской войны и походы Александра Македонского. Он часто ссылается в письмах на знаменитых героев Древнего мира — Аристида, Эпаминонда, Ганнибала. Для Суворова, как и для многих других юношей на протяжении веков, мир античных героев являлся примером чести, долга, мужества.

Петровские преобразования не только широко открыли перед русским образованным человеком сокровища европейской культуры, накопленные со времени Возрождения, но и позволили ему вернуться к тому уровню межнационального общения, который существовал на Руси до монголо-татарского нашествия. Еще в XII веке Владимир Мономах наставлял своих детей: «Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран».

Получив чин фельдмаршала, Суворов делает важное признание: «Почитая и любя нелицемерно Бога, а в нем и братии моих, человеков, никогда не соблазняясь приманчивым пением сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим на земле сокровищем — временем — бережливо и деятельно». Запомним этот завет великого человека.

Любовь к книге, постоянное стремление пополнять знания чтением были усвоены Суворовым с детства и юности. В зрелые годы он продолжал учить иностранные языки, прибавив к усвоенным в молодости французскому и немецкому итальянский, польский, финский, татарский, турецкий. Александр Васильевич был не только европейски образованным человеком — он прекрасно знал древнерусскую и церковную литературу, любил петь на клиросе. Известна его любовь к пословицам и поговоркам, русской песне и хороводу. Суворова невозможно представить себе с бородой и в стрелецком кафтане, как невозможно понять стиль его речи и особенности поведения без древних народных традиций, запечатленных в произведениях о блаженных, юродивых, странниках. Своей религиозностью, нравственной культурой, подвижническим служением на благо Отечества Суворов во многом обязан влиянию отца и матери.

Установления Петра I подтвердили существовавшую испокон традицию службы: российские дворяне должны были служить государству пожизненно — такова была плата за привилегию владеть крепостными. Отставка допускалась по причине тяжелых ран, по болезни, «по дряхлости». Все мальчики-дворяне по достижении двенадцати лет были обязаны являться на смотр, чтобы определиться на службу. Лишь в 1736 году служба была ограничена двадцатью пятью годами.

Осенью 1742 года отец и мать Суворова решили судьбу своего первенца. Воспользовавшись пребыванием двора и гвардии в Москве, родители помогли сыну составить прошение на высочайшее имя: «Имею я желание служить Вашему Императорскому Величеству в лейб-гвардии Семеновском полку и дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было меня именованного определить в означенный Семеновский полк солдатом… Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинить… К сему прошению Александр Суворов руку приложил. Октября … 1742 году».

Двадцать пятого октября проситель был вызван в полковую канцелярию, где с его слов была составлена «сказка» — опросный лист. Он показал: «…от роду ему 12 лет. В верности Ея Императорского Величества службы у присяги был. Отец ево ныне обретается в Берг-коллегии при штатских делах прокурором. А он, Александр, доныне живет в доме помянутого отца своего и обучается на своем коште французскому языку и арифметике. А в службу нигде не определен, також и для обучения наук во Академиях записан не был. А во владении за отцом ево крестьян мужеска полу в разных уездах… всего триста девятнадцать душ».

Полковой совет постановил принять Александра Суворова в числе девятнадцати дворянских недорослей солдатом и предоставить ему, как и другим, отпуск до совершеннолетия. Отец дал письменное обязательство обучать сына на собственном коште «указным наукам: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и часть инженерии и фортификации, також из иностранных языков да и военной экзерциции совершенно».

Юный гвардеец зажил в Москве в родительском доме на Покровской. Там в семье появились дочери Анна и Мария, но вскоре после рождения младшей умерла мать.

Суворовы относились к среднему дворянству. Если учесть, что в переписных документах учитывались только крепостные мужского пола, и прибавить к ним примерно столько же женщин, получается, что благосостояние семьи обеспечивалось трудом не менее шести-семи сотен человек.

Императрица Елизавета Петровна часто навещала Первопрестольную. По ее приглашению сюда в 1744 году прибыла юная ангальт-цербстская принцесса София Фредерика Августа, вскоре объявленная невестой наследника престола, великого князя Петра Федоровича, единственного племянника императрицы, официально не состоявшей в браке. В православном крещении немецкая принцесса была наречена Екатериной Алексеевной. Именно в ее 34-летнее царствование Суворов достиг вершин славы и занял одно из самых первых мест среди «екатерининских орлов».

Отец Александра, оставшись вдовцом, продолжал руководить занятиями сына. Ежегодно он посылал отчеты в полк. Успехи в учении поощрялись: 25 апреля 1747 года, еще до начала действительной службы, Суворов-младший стал капралом.

Первого января нового, 1748 года в приказе по лейб-гвардии Семеновскому полку значилось: «Явившемуся из отпуска 8-ой роты капралу Суворову быть при 3-ей роте».

Известный русский военный деятель А.В. Геруа, опубликовавший в 1900 году, к двухсотлетию со дня смерти полководца, исследование о первых годах его военной карьеры, отметил, что его действительная служба в Семеновском полку составила шесть с половиной лет. «Зная особенности быта гвардейского полка того времени, — пишет Геруа, — будет ошибочно объяснять спартанские вкусы Суворова привычкою, выработанною во время долгого его пребывания солдатом… Суворов жил с немалыми удобствами, на квартире вне полка, у своего дяди-офицера. У него были свои дворовые; походы он совершал с комфортом, отдельно от "марширующего баталиона"; вообще широко пользовался всеми льготами солдата-дворянина».

Семеновский полк занимал в Петербурге обширную слободу «позади Фонтанки», застроенную вдоль прямых улиц («першпектив» и линий) административными, хозяйственными и жилыми домами. Ротные дома с огородами располагались вдоль своей линии. В солдатских было восемь покоев, каждый на два семейства или на четверых холостых нижних чинов; офицерские состояли из двух квартир: семейные жили отдельно, холостые — попарно. Каждая рота имела собственный плац для учений. Центром слободы являлся полковой двор, где располагались канцелярия и счетная комиссия, три цейхгауза для хранения оружия и амуниции, госпиталь, баня, швальня, где шились мундиры. Неподалеку стояла деревянная полковая церковь, освященная вскоре после прибытия Суворова в полк. Рядом находился полковой плац.Капралу Суворову недолго пришлось жить в солдатском доме. 6 сентября 1748 года приказом по полку ему было позволено квартировать «в лейб-гвардии Преображенском полку, в 10 роте, в офицерском доме, с дядею его родным, реченного полку с господином капитан-поручиком Александром Суворовым же».

Слобода преображенцев также находилась за Фонтанкой, но всё же ближе к императорским резиденциям. Юному москвичу приходилось совершать ежедневные пешеходные прогулки в свой полк и обратно. Это помогало лучше узнать новую столицу, так не похожую на родную Москву. Прямые проспекты, величественные дворцы, множество речек, каналов и мостов, Летний сад и величавая Нева — всё было ему внове и поражало воображение. Особенно красочными были фейерверки, устраиваемые по торжественным дням на стрелке Васильевского острова. Огненные картины сопровождались текстами, пояснявшими суть торжества. В их составлении участвовал сам Михаил Ломоносов, первый поэт того времени.

Отмечая эпикурейство служивших в нижних чинах гвардейцев-дворян, их барство, кутежи, расточительность, А.В. Геруа подчеркивает: «Небогатый дворянин Суворов принадлежал к числу работящих солдат, которые, пользуясь представленными желающим удобствами, трудились и учились… В Семеновском полку Суворов отличался от остальных товарищей лишь особым усердием к службе… Увлекаемый служебною любознательностью, он одинаково ревностно исполняет обязанности как строевые, так и нестроевые… Точно сама судьба заботилась о нем: дала ему всего отведать, чтобы потом всё знать, о всём судить по опыту».

О солдатской сноровке молодого семеновца свидетельствует рассказ самого Суворова, записанный с его слов во время Итальянского похода 1799 года. Он стоял в Петергофе у дворца Монплезир на карауле и так ловко ружьем отдал честь проходившей мимо Елизавете Петровне, что она обратила внимание на невысокого, но бравого гвардейца. Узнав, что он сын Василия Ивановича Суворова, императрица протянула ему «крестовик» (серебряный рубль) и услышала в ответ: «Всемилостивейшая Государыня! Закон запрещает солдату принимать деньги на часах». — «Ай, молодец! — изволила сказать, потрепав меня по щеке и дав поцеловать свою ручку. — Ты знаешь службу. Я положу монету здесь на землю: возьми, когда сменишься», — вспоминал Суворов. Полководец бережно хранил этот первый знак отличия за службу вместе с орденами.

Появление у Суворова спартанских привычек Геруа объясняет особым свойством его характера — «умением извлекать пользу из отрицательных примеров»: «Ближайший результат отрицательного примера — критика, а дитя критики — истина… Роскошь и изнеженность солдат-дворян должны были подействовать вредно на молодого унтер-офицера. Ничуть не бывало: из него при этих условиях вырабатывается самый крайний сторонник сурового воспитания солдата… Почти беспрерывное госпитальное дежурство капрала Суворова в течение пяти месяцев было, быть может, корнем его известной нелюбви к этим лечебным заведениям со всеми их злоупотреблениями и беспорядками. В солдатской же службе Суворова находим и оправдание его крайней ненависти ко всякого рода комитетам, советам, конференциям и гофкригсратам , так досаждавшим ему впоследствии. Что он видел в полку в этом отношении? "Полковые штапы" — тот же комитет штаб-офицеров полка, лучший способ слабого командования и для проведения так называемых полумер, т. е. наихудших из мер.

Известно, что позднее у Суворова совет был лишь средством влияния, воздействия на подчиненных, но не совещательным учреждением».

Знающий и любящий службу унтер-офицер был замечен начальством. 9 апреля 1750 года приказом по полку Александр Суворов был назначен ординарцем «Его Превосходительства Господина Майора и Кавалера Никиты Федоровича Соковнина», который и был одним из «господ полковых штапов». Коренной семеновец Соковнин в 38 лет имел чин армейского генерал-майора и редкий тогда орден Святого Александра Невского — свидетельство его служебных заслуг. Но десятью годами ранее в самом конце аннинского царствования он едва не погиб. Подозреваемый в заговоре против временщика, Соковнин вместе с несколькими товарищами-гвардейцами был схвачен, подвергнут пыткам и исключен из службы. Его спасло падение Бирона. Специальным манифестом Никита Соковнин и его подельники были восстановлены на службе. Многие сослуживцы Суворова могли поведать ему, как перед выстроенными гвардейскими Преображенским и Семеновским полками вчерашних узников трижды покрыли полковыми знаменами, затем облачили в мундиры и вручили шпаги. После этой процедуры восстановления чести все они были повышены в чинах.

Любознательный и неутомимый ординарец Соковнина получил отличную возможность познакомиться со всеми сторонами жизни полка. Этот опыт пригодится Суворову через десять лет, во время Семилетней войны, когда ему самому доверят командование полком.

Медленно, но верно молодой семеновец продвигался в чинах. 8 июня 1751 года его производят в сержанты. Отметим, что одновременно с ним службу в Семеновском полку начинали люди, заметные в истории России: будущие фельдмаршалы графы Иван и Николай Салтыковы, генералы графы Григорий и Алексей Орловы. Суворов получил первый офицерский чин раньше, чем они, однако вскоре оказался позади однополчан.

А пока гвардии сержант Суворов, несмотря на свои полковые обязанности, продолжал пополнять знания. Ему было позволено на правах вольноприходящего посещать лучшее учебное заведение тогдашней России — Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Помимо военных наук кадеты учили иностранные языки, разыгрывали своими силами пьесы. Эти спектакли пользовались большим успехом, так как русского театра тогда еще не было. Их любила смотреть сама императрица.

В корпусе поощрялось занятие кадетов стихотворством, что не могло не укрепить интерес молодого Суворова к литературе и искусству. Но служба была превыше всего. Толковый, исполнительный, добросовестный, надежный сержант-гвардеец, владеющий немецким и французским, был замечен высшими чиновниками. Сам властный канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин одобрил его посылку курьером в 1752 году в Дрезден и Вену. Командировка длилась более семи месяцев. Вспоминая об этой поездке, Суворов рассказывал, как он встретил в Пруссии русского солдата: «Братски, с искренним патриотизмом расцеловал я его. Расстояние состояния между нами исчезло. Я прижал к груди земляка. Если бы Сулла и Марий (предводители враждовавших римских партий, развязавшие в I веке до н. э. беспощадную гражданскую войну. — В. Л.) встретились нечаянно на Алеутских островах, соперничество между ними пресеклось бы. Патриций обнял бы Плебеянина и Рим не увидел бы кровавой войны».

Двадцать пятого апреля 1754 года состоялось долгожданное большое чинопроизводство. Сто семьдесят пять нижних чинов из всех четырех гвардейских полков были выпущены офицерами в армию, большинство прапорщиками и подпоручиками. Чин поручика (XII класс по Табели о рангах) получили только 34 гвардейца. Среди них был Александр Суворов. Ему шел 25-й год. Для дальнейшего прохождения службы он выбрал Ингерманландский пехотный полк, прославившийся в битвах со шведами во время Северной войны.

Долгое пребывание Суворова в нижних чинах объясняется тогдашним общим застоем в чинопроизводстве. «В годы своей солдатской службы, — подводит итог А.В. Геруа, — будущий генералиссимус много наблюдал, многое изучил и ко многому не мог не отнестись без строгой критики. Впоследствии, воспитывая солдата и твердо памятуя уроки и наблюдения своей юности, он старался привить к быту войск невзыскательность, неприхотливость и простоту жизни. А так как он всегда действовал по правилу "нет приказа без показа", то и сам мало-помалу, постепенно стал превращаться из солдата-барина в генерала-солдата». А.Ф. Петрушевский, подчеркивая увлечение молодого Суворова военной наукой, замечает: «Великим полководцем нельзя сделаться с помощью науки; они родятся, но не делаются. Тем более должно ценить тех из военных людей, которые, чувствуя свою природную мощь, не отвергают, однако, науки, а прилежно изучают ее указания. Это есть прямое свидетельство глубины и обширности их ума. Таким умом обладал и Суворов. Он понимал, что изучение облегчает и сокращает уроки опыта; что опыт, не создавая военных способностей, развертывает их… Занимаясь теориею военного дела многие годы, он относился к изучаемым предметам не рабски, а самостоятельно и свободно… Суворов, задавшись конечной целью (стать военачальником), не думал обходить ближайшие, разумея, что хорошему офицеру легче добиться до высшего начальствования, чем плохому, и что добрые качества храброго, но вместе с тем искусного офицера растут под пулями и ядрами, а посредственность разоблачается».

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ОПЫТ

О первых двух годах офицерской службы Суворова известно мало. Получив, как и другие новоиспеченные обер-офицеры, длительный отпуск, он побывал в Москве, чтобы помочь отцу в хозяйственных делах. Вернувшись в полк, поручик, возможно, мечтал о настоящей строевой службе, но начальству было виднее: в январе 1756 года его назначили обер-провиант-мейстером (интендантом) «ранга капитанского» и направили в Новгород. 28 октября того же года он был переведен в Петербург с предписанием состоять при Военной коллегии в звании генерал-аудитор-лейтенанта. Новая должность (по военно-судной части) соответствовала чину секунд-майора (VIII класс по Табели о рангах). Скорее всего, за этими назначениями стоял отец, который уже несколько лет являлся членом Военной коллегии в чине генерал-майора.

Хозяйственная и военно-судная деятельность расширила кругозор молодого офицера, но удовлетворить его не могла, тем более что наступила пора военная. Возмутитель европейского спокойствия король Пруссии Фридрих II, заручившись поддержкой и финансовой помощью Англии, предупредил действия сильной антипрусской коалиции, внезапно напал на Саксонию, заставил капитулировать ее армию и открыл военные действия против главных противников — Австрии, Франции и России.

Пока король-полководец с переменным успехом сражался против австрийцев и французов, русская армия медленно двинулась в Пруссию. Ее возглавил бывший начальник Суворова по Семеновскому полку генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин. Первое же столкновение с пруссаками оказалось успешным. 19 августа 1757 года при Гросс-Егерсдорфе корпус прусского фельдмаршала Левальда был разбит. В этом сражении русские войска сумели выдержать натиск пруссаков, проявив замечательную стойкость. Исход сражения решила введенная в дело бригада молодого генерал-майора графа Петра Румянцева.

Произведенный еще в декабре 1756 года в премьер-майоры, Суворов добился назначения в действующую армию, но в кампании 1757 года ему участвовать не довелось. Толковому, исполнительному штаб-офицеру поручили формирование в Лифляндии и Курляндии третьих батальонов для вступивших в Пруссию пехотных полков. Когда, успешно выполнив поручение, Суворов привел в Мемель 17 вновь сформированных батальонов, его назначили комендантом этого близкого к театру военных действий, но всё же тылового города. Кампанию 1758 года он также пропустил.

Война шла своим чередом. Пруссаки успешно сражались против австрийцев и французов, выставив против русских незначительные силы. Армию восточного соседа король-полководец не считал серьезным противником, презрительно именуя ее «русской ордой». К тому же в верхах России зрели большие перемены. Тяжелая болезнь Елизаветы Петровны вызвала цепь дипломатических и придворных интриг, в которых участвовали высшие чиновники империи и представители союзных держав. Волей случая оказавшийся наследником российского престола слабый и безвольный голштинский принц Карл Петер Ульрих (Петр Федорович) не любил Россию и русских, открыто демонстрируя симпатии к главному противнику империи — прусскому королю. Не любил он и свою умную и сильную духом супругу Екатерину Алексеевну, добиваясь развода и высылки ее из страны, что позволило бы ему жениться на своей любовнице, принадлежавшей к влиятельному клану Воронцовых.

Тяжелобольная императрица поверила обвинениям, возведенным на Апраксина, — 28 сентября 1757 года победитель пруссаков при Гросс-Егерсдорфе был смещен и умер под следствием. 14 февраля 1758 года последовал арест канцлера Бестужева-Рюмина, который в ожидании предстоящих перемен сделал ставку на жену наследника престола, великую княгиню Екатерину. Елизавета Петровна сознавала полное ничтожество своего племянника, но выхода из сложившегося положения не видела. Она всё же заменила Бестужеву казнь довольно мягкой ссылкой и продолжила политику бывшего канцлера.

С самого начала войны планы операций, совместных действий с союзниками-австрийцами разрабатывала предложенная Бестужевым Конференция при высочайшем дворе — военный совет при императрице. Главнокомандующий армией был обязан выполнять полученные из Петербурга директивы. Сместив Апраксина, Конференция остановила свой выбор на генерал-аншефе Виллиме Виллимовиче Ферморе. Русская армия снова двинулась вперед и заняла столицу Восточной Пруссии Кенигсберг.

Король Фридрих не ожидал подобных успехов и решил быстро разделаться с российской армией. В генеральном сражении при Цорндорфе 14 августа 1758 года королю-полководцу удалось выбить русских с позиций и снять осаду с крепости Кюстрин, но его потери составили 11 тысяч человек — на тысячу больше, чем потери противника. Кровопролитная «ничья» в битве с самим Фридрихом дорого обошлась Фермору. Он был заменен генерал-аншефом графом Петром Семеновичем Салтыковым, но остался в действующей армии. Нового главнокомандующего с русской фамилией войска приняли хорошо. Вскоре Салтыков, имевший лишь небольшой боевой опыт в русско-шведской войне 1741 — 1743 годов, доказал, что ему не зря доверили армию. 12 июля 1759 года он успешно отразил наступление прусского корпуса генерала фон Веделя, занял Франкфурт и угрожал Берлину.

Подполковник Суворов (он получил новый чин 9 октября 1758 года) добился перевода в действующую армию. 14 июля 1759 года, находясь в отряде князя М.Н. Волконского, он впервые «видел войну» — участвовал в кавалерийской стычке при Кроссене в Силезии. А через 17 дней, исправляя должность дивизионного дежурного при штабе Фермора, Суворов стал участником генерального сражения.

Энергичным и смелым маневром Фридрих вышел в тыл русской армии (41 тысяча человек), занявшей позицию на высотах при Кунерсдорфе. Король настолько был уверен в исходе сражения, что даже задержал курьера с донесением герцога Фердинанда Брауншвейгского о победе над французами при Миндене 10 июля: «Оставайтесь здесь, чтобы отвезти герцогу такое же известие». 1 августа он лично руководил атакой левого фланга Салтыкова, приказавшего своей армии обратить тыл в передовую линию. Атака развивалась успешно. Но поразительная стойкость русских войск позволила Салтыкову контратаковать в центре и обратить противника в бегство. По окончании сражения у Фридриха не было армии — потери составляли 6052 убитых, 11 139 раненых, 1429 пропавших без вести, 2055 «переметчиков», многие разбежались. Победителям достались вся артиллерия (172 орудия) и армейский обоз (большое количество боеприпасов, амуниции, 10 255 ружей и 1260 палашей). Среди трофеев оказалась треуголка самого короля, едва не попавшего в плен (ныне она хранится в Государственном Эрмитаже).

В сражении участвовали союзники-австрийцы (18 500 человек), но решающий вклад в победу внесли русские: их потери составляли более тринадцати тысяч человек убитыми и ранеными, тогда как австрийцы потеряли менее полутора тысяч.

Катастрофа пруссаков при Кунерсдорфе могла поставить точку в войне. Но Австрия отказалась от активных действий. Салтыков вступил в споры с командованием союзника, писал жалобы в Петербург. Время было упущено. Согласно преданию после битвы подполковник Суворов заявил Фермору: «На месте главнокомандующего я бы пошел на Берлин». Он навсегда запомнил кунерсдорфский урок.

В последний день 1759 года Суворов получил неожиданное назначение. Его затребовал к себе в помощники генерал-кригс-комиссар (главный интендант армии) князь Я.И. Шаховской. Новая, весьма ответственная должность свидетельствует, что в армии уже оценили деловую хватку умного, знающего службу штаб-офицера. Но Суворов решил иначе и обратился за помощью к отцу.

К этому времени Василий Иванович имел чин генерал-поручика и продолжал состоять членом Военной коллегии. В феврале 1760 года он подал императрице челобитную, в которой говорилось: «А ныне оный сын мой ко мне пишет, что он, по своим молодым летам, желание и ревность имеет еще далее в воинских операциях практиковаться и службу свою по-прежнему продолжать при полку».

Просьба была уважена — 25 февраля последовал рескрипт «о исключении подполковника Александра Суворова от правления обер-кригскомиссарской должности и определении по-прежнему в полк при заграничной Армии».

Суворов вернулся в штаб Фермора. Кампания 1760 года свелась к отдельным стычкам с противником и ознаменовалась успешным, но запоздалым набегом на Берлин, совершенным отрядом генерал-поручика графа З. Г. Чернышева. Фридрих воспользовался разногласиями в стане союзников и сумел частично восстановить силы, но его положение было критическим. Пруссаки перешли к обороне.

На вопрос, участвовал ли Суворов в занятии Берлина, у историков нет единого ответа. А.Ф. Петрушевский отвечает на него положительно. В послужном же списке полководца об этом не говорится ни слова. Однако с набегом на Берлин связано одно из первых дошедших до нас воспоминаний о Суворове. В своих мемуарах пастор Иоганн Готфрид Зейме со ссылкой на участника Семилетней войны капитана Бланкенбурга рассказал о том, как «казаки при нападении на Берлин похитили из столицы молодого прекрасного мальчика, вероятно, считая его за сына какого-нибудь знатного человека» и рассчитывая получить за него хороший выкуп: «Мальчик плакал и не мог ни понять диких людей, ни быть понят ими. Суворов нашел его у казаков, стал дружески говорить с ним, взял его к себе и содержал так хорошо, как можно было содержать во время похода. Мальчик мог сказать имя своей матери и улицу, на которой она жила. В продолжение остального похода Суворов уговаривал его быть терпеливым; когда же стали на квартиры, тотчас написал из Кенигсберга к вдове в Берлин письмо почти в таких выражениях: "Любезнейшая маменька! Ваш маленький сынок у меня в безопасности. Если Вы захотите его оставить у меня, то ему ни в чем не будет недостатка. Я буду заботиться о нем, и он будет как мой собственный сын. Если же Вы захотите взять его обратно, то можете получить его здесь или написать мне, куда его Вам выслать. Я совершенно не виноват, что лихие казаки взяли его с собою"».

Фрау поспешила забрать сына. «Капитан Бланкенбург, — продолжает Зейме, — уверял меня, что он сам читал это письмо и что оно было написано совершенно в добродушном и несколько шутливом тоне будущего Суворова. Это был теперешний фельдмаршал, так как, сколько мне известно, в русской армии нет никакого другого Суворова. И такого человека клевета провозглашает варваром».

(Воспоминания Зейме вышли в свет вскоре после блестящей Польской кампании Суворова (1794), закончившего ее решительным ударом. Европейская пресса и особенно газеты Франции, еще не пришедшей в себя после кровавого якобинского террора, обвинили полководца и вообще русских в крайней жестокости. Мемуарист, лично познакомившийся с Суворовым в Варшаве, счел своим долгом опровергнуть клевету.)

Служба под началом Фермора, опытного боевого генерала, много значила для Суворова. Годы спустя победитель поляков и турок, генерал-поручик и кавалер почтительно называл Виллима Виллимовича своим «вторым отцом».

Для его родного отца 1760 год ознаменовался новым продвижением по служебной лестнице. 20 апреля он был назначен главным полевым интендантом заграничной армии. Василий Иванович прекрасно справился с этими обязанностями, обеспечив армию всем необходимым. От имени императрицы Конференция шесть раз благодарила его за службу. 25 июня он был награжден орденом Святого Александра Невского, 16 августа пожалован в сенаторы, а в самом конце года назначен губернатором оккупированной Пруссии и командующим войсками, расположенными на Висле, — главным резервом действующей армии. 5 января 1761 года в Кенигсберге Василий Иванович вступил в новую должность, приняв дела от барона Николая Андреевича Корфа. Отметим, что Корф был родственником императрицы: его жена, графиня Екатерина Карловна Скавронская, приходилась Елизавете Петровне двоюродной сестрой. Барону поручались такие секретнейшие задания, как привоз из Голштинии племянника государыни и перевоз свергнутого брауншвейгского семейства в Холмогоры. И все же члены Конференции решили сменить Корфа на Суворова. Пруссия с Кенигсбергом должна была отойти к России. Жители, в их числе профессор Кёнигсбергского университета Иммануил Кант, уже начинали хлопотать о русском подданстве. В преддверии окончания войны на посту губернатора Пруссии нужен был опытный и твердый администратор.

Замечательный мемуарист XVIII века Андрей Тимофеевич Болотов молодым офицером служил в Кенигсберге. Он воспользовался возможностью пополнить свои знания и стал посещать лекции в местном университете. Болотов вспоминает:

«Дела правления Королевством Прусским шли хотя по-прежнему, но несомненно с лучшим порядком. Губернатор наш (В.И. Суворов. — В. Л.) был гораздо степеннее и разумнее Корфа и во всех делах несравненно более знающ. Он входил во всякое дело с основанием и не давал никому водить себя за нос… и действительно не только сократил он многочисленные расходы, но почти целым миллионом увеличил доходы с сего маленького государства и всем тем приобрел особливое благоволение от Императрицы.

Впрочем, жил он удаленным от всякой пышности и великолепия и, в особливости сначала и покуда не приехали к нему его дочери, весьма тихо и умеренно. Не было у него ни балов, ни маскарадов, как при Корфе, а хотя в торжественные праздники и давал он столы, но сии были далеко не такие большие, как при Корфе…

Кроме сих двух дочерей, имел он у себя еще и сына, служившего тогда в армии еще подполковником и самого того, который прославил себя потом так много в свете и в недавние пред сим времена потряс всею Европою и дослужился до самой высшей степени чести и славы. О сем удивительном человеке носилась уже и тогда молва, что он был странного и особливого характера и по многим отношениям сущий чудак. Почему, как случилось ему тогда на короткое время приезжать к отцу своему к нам в Кенигсберг — при котором случае удалось мне только его и видеть в жизнь мою, — то и смотрел я на него с особливым любопытством как на редкого и особливого человека; но мог ли я тогда думать, что сей человек впоследствии времени будет так велик и станет играть в свете толь великую роль и приобретет от всего отечества своего любовь и нелицемерное почтение?»

К пребыванию Александра Суворова в январе 1761 года в Кенигсберге восходит миф о принадлежности его к масонству. Миф этот усиленно навязывается в последнее время массовому российскому читателю, радиослушателю и телезрителю. Обратимся к фактам. А.Ф. Петрушевский еще более века назад заметил: «Есть также известие, что Суворов посещал прусские масонские ложи. Может статься, так как он был человек любознательный; но сомнительно, чтобы сам он был когда-либо масоном».

В 1934 году в Париже вышла небольшая книжечка Татьяны Алексеевны Бакуниной «Русские вольные каменщики». После двух изданий «Словаря русских масонов» (1940, 1967) за его автором закрепилась репутация видного специалиста по истории русского масонства. Однако ее первая книжечка не является научным трудом — это самая обыкновенная пропагандистская брошюра. Не будем забывать, что сама Бакунина и ее муж писатель М.А. Осоргин были видными деятелями русского масонства в эмиграции. Желание масонов зачислить в свои ряды национального героя России понятно — непонятно легковерие современных историков и журналистов.

В предисловии утверждается, что всё изложенное в брошюре основано на исторических фактах и преследует «простую задачу — показать, что в русском Братстве вольных каменщиков состояли виднейшие и знаменитейшие русские люди»: «В дни, когда толки о масонстве приобрели неожиданную политическую окраску… резким, голословным осуждениям не следует ли противопоставить невольного вопроса: как же могли принадлежать к такому "дурному обществу" люди, деятельность которых создала то великое, что мы называем русской культурой? … Уча детей преклоняться перед именем Пушкина и чтить достоинства Суворова, нелишне знать, что их имена значатся в списках русских вольных каменщиков».

«Народный герой, человек непревзойденной славы, генералиссимус Александр Васильевич Суворов — вот кто должен открыть собой ряд знаменитых русских деятелей-масонов» — такими словами начинает Т.А. Бакунина свой рассказ и сразу же опровергает А.Ф. Петрушевского, не называя его по имени и забывая отметить, что автор, сомневающийся в принадлежности Суворова к братству «вольных каменщиков», является его лучшим биографом. Она предъявляет, как ей кажется, неотразимые доказательства, «сравнительно недавно обнаруженные в архиве Великой национальной ложи "Три глобуса" в Берлине»: 16 (27) января 1761 года кёнигсбергскую масонскую ложу «К трем коронам» посетил «обер-лейтенант Александр фон Суворов» и сообщил о своей принадлежности к петербургской ложе «Три звезды», в которой получил степень мастера. С необъяснимым пиететом прусские масоны приняли «брата-каменщика» и сразу возвели его в градус шотландского мастера. Хотя «братья» продолжали числить «обер-лейтенанта» в своих списках, Александр фон Суворов больше никогда в ложе не появлялся.

Автор не обращает внимания на явную ошибку — в документах сказано, что ложу «К трем коронам» посетил «обер-лейтенант», то есть поручик, тогда как прибывший в Кенигсберг Александр Суворов имел чин подполковника. Здесь можно было бы поставить точку и заявить, что у прусских масонов побывал какой-то другой Суворов. Но мы простим Т.А. Бакуниной ее оплошность, потому что уверены, что в ложе побывал будущий генералиссимус, а при передаче сведений произошла ошибка: оберст-лейтенант (подполковник) превратился в обер-лейтенанта. Гораздо существеннее факты, на которые Бакунина не обратила внимания: самые авторитетные исследователи российского масонства не смогли отыскать названную Суворовым петербургскую ложу. В письмах самого генералиссимуса и воспоминаниях близко стоявших к нему лиц явственно прослеживается отрицательное отношение Суворова к масонству. Загадку единственного визита подполковника к прусским «братьям-каменщикам» легко разгадать. Тогда в Кенигсберг только что прибыл его отец. Новый губернатор слышал о влиянии масонов в Прусском королевстве и захотел ознакомиться с настроениями в их среде. Для этого как нельзя лучше подходил прибывший в отпуск сын, владеющий немецким языком и знающий толк в разведке. Он придумал легенду о своем членстве в никогда не существовавшей петербургской ложе «Три звезды». Двери вложу кёнигсбергских «братьев» были открыты. Польщенные визитом сына самого губернатора, они возвели его в новый градус. Выполнив задание, визитер больше в ложе не появлялся и вскоре отбыл в действующую армию, где завоевал репутацию смелого, находчивого и удачливого кавалерийского начальника.

Попытки русских и австрийцев действовать соединенными силами ни к чему не привели. Место жаловавшегося на медлительность австрийцев П.С. Салтыкова занял генерал-фельдмаршал А.Б. Бутурлин. Австрийцам не терпелось отвоевать Силезию, захваченную Фридрихом 20 лет назад. Русские не собирались проливать кровь за чуждые им интересы. Армия двинулась в более близкую Померанию с целью завладеть Кольбергом, важной приморской крепостью противника. Чтобы помешать осаде, Фридрих отрядил корпус генерала Платена (около десяти—двенадцати тысяч сабель), который должен был тревожить тылы русской армии. Против него был выставлен летучий кавалерийский отряд Г.Г. Берга. В сентябре 1761 года последовал приказ главнокомандующего графа Бутурлина: «Так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала».

Дебют Суворова в качестве боевого офицера состоялся при деревне Рейхенбах недалеко от Бреславля, где он артиллерийским огнем отразил атаку сильного прусского отряда. Вскоре подполковник Суворов, командуя казаками и гусарами, отличился в стычках с прусской кавалерией и пехотой вблизи главного лагеря неприятеля под Швейдницем, где отсиживался сам король.

Чтобы затруднить поход Платена к Кольбергу, Суворов с сотней казаков форсировал реку Нетце, совершил ночной переход (более 40 верст), ворвался в городок Ландсберг на реке Варте, положив до пятидесяти прусских гусаров, и сильно повредил мост, вынудив противника терять драгоценное время на установку понтонов. При дальнейшем движении прусского корпуса храбрый и решительный подполковник тревожил противника с фланга и смелыми атаками отрезал его боковые отряды, захватывая много пленных.

При штурме городка Гольнау Суворов, получив в подкрепление три батальона, добился успеха. Чтобы повысить подвижность вверенного ему во временное командование Тверского драгунского полка (его командир был болен), он приказал оставить обоз в надежном месте. Несмотря на наступившие холода и постоянные стычки с противником, он сохранил личный состав — потерь (боевых и от болезней) было мало. Прусскому корпусу Платена так и не удалось доставить транспорт продовольствия в осажденную крепость. В столкновениях с пруссаками подполковник Суворов получил первые боевые отметины — две раны и контузию. Генерал Берг, аттестуя своего подчиненного, писал: «Быстр в рекогносцировке, хладнокровен в опасности и отважен в бою».

Двадцать третьего октября 1761 года Бутурлин отправил письмо отцу Суворова. «Я не могу умолчать по преданности моей к вам, — писал фельдмаршал, — чтоб не объявить моего удовольствия о похвальных и храбрых сына вашего поступках против неприятеля. Ваше Превосходительство поверить можете, что он тем у всех командиров особую приобрел любовь и похвалу. Я не преминул Ея Императорскому Величеству… донести, что он себя пред прочими в служении гораздо отличил и Всемилостивейшего благоволения достойным учинил».

Осаду Кольберга вел генерал-поручик граф Петр Александрович Румянцев, выдвинувшийся в ходе войны в первый ряд лучших генералов русской армии. Он также обратил внимание на храброго подполковника. «Тверской полк, — доносил Румянцев Бутурлину, — врубясь в пехоту, многого числа, кроме порубленных, взял в полон».

По каким-то причинам эти представления не были уважены. Командир Тверского полка выздоровел, и Суворову пришлось сдать командование.

Шестнадцатого декабря гарнизон крепости капитулировал. Кампания была окончена. Донесение о новой победе было получено в Петербурге накануне смерти императрицы. Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 года. Вступивший на престол Петр III поспешил прекратить военные действия против своего кумира, заключил с ним мир и вернул стоявшему на грани катастрофы Фридриху все завоевания, добытые русской кровью. Главным советником нового российского императора стал прибывший в Петербург прусский посланник. Михаил Васильевич Ломоносов в гневных стихах выразил суть произошедшей перемены:

Слыхал ли кто из в мир рожденных,Чтоб торжествующий народПредался в руки побежденных?О стыд, о странный оборот!

Предательство национальных интересов сопровождалось объявлением новой войны. Петр III решил использовать российскую армию, чтобы отвоевать у Дании Шлезвиг для своей любимой Голштинии. Командовать армией должен был Румянцев, пожалованный в полные генералы. Незадолго до этого, отмечая заслуги своих подчиненных в донесении в Петербург, граф писал: «Подполковник Александр Суворов… всех состоящих в корпусе моем подполковников старее… Он, хотя в пехотном полку счисляется, однако во все минувшие кампании… употребляем был к легким войскам и кавалерии… и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте, получил, в подносимом при сем списке ни в который полк не назначен, а всеподданнейше осмеливаюсь испросить из Высочайшей Вашего Императорского Величества милости его, Суворова, на состоящую в кавалерийских полках ваканцию в полковники Всемилостивейше произвесть».

Представление Румянцева не получило хода, хотя чины сыпались как из рога изобилия — император всячески старался снискать благосклонность армии и гвардии. Отказ повысить Александра Суворова в чине связан с недовольством короля Фридриха деятельностью Суворова-старшего. Не случайно уже 27 декабря 1761 года, на вторые сутки своего царствования, Петр III отозвал Василия Ивановича из Пруссии. 30 января 1762 года последовал указ о его назначении губернатором в Сибирь. Эта поспешная перестановка аукнулась Суворову-младшему. Подполковник, оцененный начальством, отстал от товарищей, вступивших в службу после него. Князь Николай Репнин, граф Иван и Николай Салтыковы и ряд других офицеров вышли из Семилетней войны полковниками, даже бригадирами и вскоре стали генералами, при этом почти никто из них не мог похвастаться такими боевыми заслугами, какие были у Суворова.

Биографы Суворова (тот же А.Ф. Петрушевский) пишут о том, что военное искусство в период Семилетней войны находилось в упадке. Войска противников Фридриха II были плохо обучены. Из-за огромных обозов движение армий происходило крайне медленно. Так же медленно войска выстраивались в боевые порядки. Маневрирование большими силами почти не применялось. Генералитет и высшее начальство (за редкими исключениями) были ниже всякой критики. Из четырех русских главнокомандующих, считает Петрушевский, только Фермор с грехом пополам соответствовал должности, остальные были вельможи, в лучшем случае — администраторы. Офицерский состав также оставлял желать лучшего. Прусская армия, в отличие от войск противников, была подвижной, отлично вымуштрованной, лучше вооруженной. Много воевавший Фридрих выдвинул талантливых помощников.

Но почему же тогда лучшая армия своего времени, побеждавшая численно превосходящих противников (французов, реже австрийцев), ни разу не смогла одержать победу над русской армией? Когда в кровопролитном сражении при Кунерсдорфе дело дошло до штыкового боя, вымуштрованные в условиях самой суровой дисциплины, действовавшие с точностью механизма прусские солдаты (как правило, наемные) не выдержали и в панике бежали. Стойкость русских потрясла короля и навсегда отбила у него охоту воевать. Эту стойкость давно знали русские военачальники. Не мог не оценить ее и Суворов. Опираясь на нее, он будет строить свою систему обучения и воспитания войск. В битве при Кунерсдорфе наблюдательный и пытливый подполковник получил важнейший опыт предпочтения быстрой и решительной штыковой атаки малоэффективной стрельбе и стройной маршировке. Через 30 с лишком лет непобедимый фельдмаршал кратко и сильно заявит в своей «Науке побеждать»: «Пуля — дура, штык — молодец».

Заметим, что в ходе Семилетней войны выдвинулись и приобрели боевой опыт такие известные русские военачальники, как П.А. Румянцев, А.М. Голицын, З. Г. Чернышев, П.И. Панин. Научились воевать и многие офицеры. Подполковник Казанского пехотного полка Александр Суворов проверил себя на интендантской, военно-судной и штабной должностях, покомандовал кавалерийским полком. Человек творческий, он осмысливал полученный опыт и вскоре получил возможность применить его на практике.

КОМАНДИР ПОЛКА

Двадцать восьмого июня 1762 года взбалмошный и недалекий император Петр III был свергнут сторонниками его супруги. Переворот поддержали гвардия, войска столичного гарнизона и жители Петербурга. На престол взошла Екатерина II. Поход против Дании был отменен. Румянцев привел свои находившиеся за границей войска к присяге новой императрице, но Екатерина всё же заменила его Петром Ивановичем Паниным, которому было приказано готовить армию к возвращению на родину. В конце августа Панин составил донесение о состоянии армии, которое повез в Петербург подполковник Суворов. Как правило, за доставку важных известий посланцы получали ценные подарки и новые чины. Так было и в этот раз. Императрица лично приняла сына Суворова-старшего, который задержался с отъездом в Сибирь и оказался среди самых деятельных участников переворота. Василий Иванович был приближен ко двору и награжден весьма почетным чином премьер-майора лейб-гвардии Преображенского полка (полковником всех гвардейских полков числилась сама императрица).

С Суворовым-младшим Екатерина беседовала с глазу на глаз. 26 августа 1762 года последовал указ императрицы: «Подполковника Александра Суворова жалуем Мы в наши полковники в Астраханский пехотный полк». Через пять дней новый полковник принял командование.

Руководство полком является важнейшим и необходимым этапом в становлении полководца, само прозвание которого напрямую связано с этой основной ячейкой вооруженных сил.

Астраханский полк был полностью укомплектован и насчитывал по штатному расписанию 1893 человека. В это время он нес караульную службу в Петербурге. По заведенному порядку через год-два его должен был сменить другой полк. В 1762 году предусмотрительная государыня, отправляясь в Москву, где 22 сентября в Успенском соборе Кремля должна была состояться торжественная церемония ее коронации, оставила в Северной столице надежных, верных и толковых людей. Командир астраханцев попал в их число.

Всего семь месяцев Суворов прокомандовал Астраханским полком. Отметим интересную подробность: одним из шестнадцати капитанов полка значился Михаил Голенищев-Кутузов.

Шестого апреля 1763 года под командование Суворова был дан Суздальский пехотный полк. За пять лет суворовского руководства полк сделался одним из лучших в русской армии. После того как полк, окончив караульную службу в столице, вернулся на постоянные квартиры в Новую Ладогу, его командир в полной мере развернул свой талант организатора, военного педагога, новатора в военном деле. Строго соблюдая требования нового «Строевого устава пехотной экзерциции» (1764), при составлении которого специальная комиссия постаралась учесть опыт Семилетней войны, полковник искал и проверял на практике наиболее действенные способы обучения солдата. «Суздальским учреждением» назвал Суворов свою полковую инструкцию. Главный упор был сделан на подготовку солдат к действиям в боевых условиях. «По данному в полк моему учреждению экзерцирование мое (строевая подготовка) было не на караул, на плечо, но прежде повороты, потом различное марширование, а потом уже приемы, скорый заряд и конец — удар штыком. Каждый шел через мои руки», — писал он через несколько лет во время боевых действий в Польше. Суворов умел учить и того же требовал от своих подчиненных. «Солдат учение любит, — не уставал повторять в зрелые годы полководец, — лишь бы с толком и кратко».

В то время как европейские военные авторитеты копировали до мелочей военную систему Фридриха II, превращая солдат в автоматических кукол, командир Суздальского полка обратил особое внимание на нравственное воспитание подчиненных. «Зимою и летом я их приучал к смелой, нападательной тактике», — вспоминал Суворов и тут же пояснял: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут истекать от искусства».

Эти два правила — нравственное воспитание и воинское обучение, как справедливо отмечает А.Ф. Петрушевский, «сливались у него в одно, и второе вполне служило первому». «Русская армия, — добавляет он, — всегда чувствовала склонность к штыку. Но эта склонность оставалась инстинктивной и неразвитой. Суворов взялся за дело рукою мастера. Драгоценная особенность русской армии, замеченная им в Семилетнюю войну, стойкость, была элементом, обещавшим Суворову богатую жатву. Предстояло дорогой, но сырой материал — пассивную стойкость — обработать, усовершенствовать и развить до степени активной настойчивости и упорства… Почти вся учебная программа прямо или косвенно сводилась к наступлению и удару».

Будучи искренне верующим, православным человеком, Суворов уделял большое внимание развитию у солдат религиозного чувства. «Немецкий, французский мужик, — писал он, — знает церковь, знает веру, молитвы. У русского едва знает ли то его деревенский поп; то сих мужиков в солдатском платье учили у меня неким молитвам. Тако догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними, и устремлялись к честности».

Приведем редкое и ценное свидетельство современника: «Старожилы Новой Ладоги помнят и рассказывают, что Князь Александр Васильевич, находясь там полковником Астраханского (на деле Суздальского. — В. Л.) полка, учредил училище для солдатских детей. На своем иждивении выстроил для оного дом, был сам учителем арифметики и сочинял учебные книги, как то: молитвенник, краткий Катехизис и начальные правила Арифметики. Рукописный молитвенник мне показывали. Можно себе представить, какою любовью платили ему отцы за воспитание детей своих».

Суворова хватало на всё: на руководство постройкой силами солдат полковых конюшен и новой церкви, разведение сада, сооружение школы для солдатских детей, преподавание в ней и устройство при школе любительских спектаклей. Но главным было обучение и воспитание вверенных ему служивых.

«В Новой Ладоге делал он со своим полком разные маневры, повторяя беспрестанно: "Солдат и в мирное время на войне"… Весьма желал он показать полку своему штурм. На пути встречается монастырь. В пылу воображения тотчас готов у него план к приступу. По повелению его полк бросается по всем правилам штурма, и победа оканчивается взятием монастыря. Екатерина пожелала увидеть чудака. И сие первое свидание, как он сам говорил, проложило ему путь к славе», — читаем в собрании анекдотов о Суворове, изданном в 1827 году Егором Борисовичем Фуксом. И в написанной им биографии Суворова, и в собрании анекдотов встречаются неточности и передержки, послужившие основанием для некоторых распространенных мифов (в частности, о том, что Суворов был предан суду Румянцевым и что с ним враждовал Потемкин). Но Фукс лично знал полководца и привел множество драгоценных сведений о великом человеке, записанных по горячим следам. Эпизоду со штурмом монастыря можно верить.

В короткое время Суздальский пехотный полк сделался образцовым. На больших красносельских маневрах в июне 1765 года, проходивших в присутствии императрицы, суздальцам выпала самая видная роль: они действовали в составе войск Екатерины, вели разведку, обеспечивали развертывание главных сил, показав отличную выучку и заслужив похвалу. Не случайно в официальном описании маневров среди генералов упомянут всего лишь один штаб-офицер — полковник Суворов.

Может показаться, что, занимаясь полковыми делами, Александр Васильевич превратился в ограниченного служаку, однако это не так. В первом по времени сохранившемся письме Суворова (его эпистолярное наследие огромно — около двух тысяч писем) слышится голос воспитанного и образованного человека с широкими культурными запросами. 27 января 1764 года он пишет по-французски из Петербурга Луизе Ивановне Кульневой, природной немке из Прусской Померании, вышедшей после Семилетней войны замуж за русского офицера, служившего под начальством Суворова во время кампании 1761 года:

«На сих днях получил я случаем пачку писем от вашего батюшки. Посылаю при сем, сударыня, письмо, Вам адресованное. Очень сему рад; сильно жалею старика: по сю пору не получил он от Вас весточки. Я ему про жизнь Вашу отписал да обещал ему от Вас письмецо собственноручное, кое прошу доставить мне возможно скорее… Приезжайте сюда. Три-четыре раза в неделю в маскараде будете да два-три в театре. Бываю и я, коли здоровье позволяет… Головные и грудные боли не оставляют… Чую приближение смерти. Оная меня со свету потихоньку сживает, но я ее презираю, позорно умирать не желаю, а желаю встретить ее только на поле сражения».

Мы привыкли к хрестоматийному образу железного полководца, которому не страшны ни итальянская жара, ни холод альпийских ледников. Настоящему Суворову пришлось много работать над собой, чтобы с годами стать образцом выносливости, физической закалки, неутомимости.

Важная подробность: сын Луизы Ивановны стал военным. Он боготворил Суворова и старался во всем походить на него. Это Яков Петрович Кульнев, любимец солдат, снискавший заслуженную славу одного из храбрейших генералов русской армии и геройски погибший в самом начале Отечественной войны 1812 года.

ВОЙНА С ПОЛЬСКИМИ КОНФЕДЕРАТАМИ

Пятнадцатого ноября 1768 года Суздальский пехотный полк выступил в поход. Перед его началом (22 сентября) Суворов был пожалован в бригадиры. Петербург жил новостью — Турция объявила войну России. Но полк двинулся не на юг, а в Польшу, раздираемую очередной междоусобицей.

Самовластно правившие в Речи Посполитой магнаты мало считались с избиравшимися на престол королями. Опираясь на постоянно готовую к смуте шляхту, они часто образовывали конфедерации и вооруженной силой навязывали центральной власти свою волю. Зачастую за спиной конфедератов стояли внешние силы. В 1768 году против короля Станислава Августа Понятовского, избранного при решительной поддержке России, образовалась сильная оппозиция. Фанатичные католики в штыки встретили либеральную политику короля, направленную на примирение с некатолическим населением страны, на котором настаивала императрица Екатерина. Оппозиционеры собрались в пограничном городке Бар, объявили себя по старинному обычаю конфедерацией и начали гражданскую войну. Их целями были свержение Понятовского и ослабление позиций поддерживающей его России. Конфедераты обрушили репрессии на православное население Польши, спровоцировав взрыв народного гнева на Правобережной Украине. О кровавой весне 1768 года, вошедшей в историю под именем Колиивщины, дает представление поэма «Гайдамаки» Тараса Шевченко; ее отголоски звучат даже в гоголевском «Тарасе Бульбе».

«Восстание стоило жизни более чем пятнадцати тысячам людей благородных и более чем тридцати тысячам евреев — мужчинам, женщинам, детям, зарезанным в их собственных домах или городках, где они пытались укрыться», — вспоминал на склоне лет польский король Станислав Август. Он же указал на сходство этих событий с восстанием украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого в середине XVII века, до основания потрясшим Польское государство: «Крестьянский бунт был повторением того, что однажды уже имело место столетие назад при правлении Яна Казимира, и возник по тем же причинам».

В 1768 году временно находившиеся в Польше по соглашению правительств русские войска пришли на помощь центральной власти и, выражаясь современным языком, помогли предотвратить распространение гуманитарной катастрофы. Восстание казачьей вольницы и крестьян было подавлено. Плененные практически без сопротивления гайдамаки-запорожцы отправлялись в Россию, а местные казаки как нарушители присяги выдавались польским властям и подвергались казни. По просьбе короля русские вели военные действия против конфедератов.

«Итак, любезный друг! я с полком здесь, — уведомляет Суворов своего столичного приятеля Андрея Ивановича Набокова письмом из Смоленска от 15 декабря 1768 года. — Пришел сюда ровно в месяц. 869 верст, на колесах, дорога большею частью была худа, так как и переправы через реки дурны и опасны. Убытку в людях состоит: трое оставленных на пути по госпиталям, один умер, один бежал. Ныне всего в полку больных и слабых одиннадцать человек. Впротчем, в полку люди и лошади здоровы и крепки толико, что полк готов сей час выступить в дальнейший и поспешнейший поход». Далее следует просьба к Набокову, служившему советником в канцелярии Коллегии иностранных дел: «Пожалуй, зделай мне сию милость, поелику в твоей власти, и ежели не с полком, то вырви меня одного туда, где будет построжае и поотличнее война».

Сам глава военного ведомства граф Захар Григорьевич Чернышев выразил Суворову искреннее восхищение образцовым маршем его полка. «Превознесен я до небес! И только за скорый поход», — поделился с приятелем Суворов и в коротком, полном иронии стихотворении (он писал стихи в минуты большой радости или сильной грусти) заметил, что столь восторженные отзывы высокого начальства можно было бы заслужить свержением с престола самого султана или пленением девушек из его гарема.

Настоящая война, на которую хотел попасть Суворов, разгоралась на юге. Набоков не смог помочь переводу приятеля — высшее начальство решило, что Суворов нужнее в охваченной волнениями Польше.

Барские конфедераты превосходили русские войска числом, но были хуже организованы и обучены. Война вылилась в партизанские действия: конфедераты появлялись неожиданно и после налета быстро исчезали. Пришлось организовывать сеть постов, налаживать прочную связь между ними и взаимную поддержку.

С начальником русских войск в Польше генерал-поручиком Иваном Ивановичем фон Веймарном отношения у Суворова не сложились. Опытный в военном деле Веймарн (он занимал главный штабной пост в действующей армии в начале Семилетней войны) был большим педантом, руководил подчиненными из Варшавы и своими запоздалыми приказами часто не поспевал за быстро менявшейся обстановкой. Боевая работа легла на плечи Суворова.

Его первое серьезное дело произошло близ деревни Орехово, в 70 верстах от Бреста. Имея чуть более четырехсот человек, он настиг крупный отряд конфедератов (две тысячи человек), который возглавляли братья Франц и Казимир Пулавские. Умело сочетая нападение с активной обороной, Суворов твердо руководил четырехчасовым боем. Разбитый противник бежал. Недостаток кавалерии не позволил Суворову довершить победу полным разгромом. Но один из вождей конфедерации, Франц Пулавский, погиб. Казимир же продолжил борьбу и даже заслужил лестный отзыв Суворова за проявленное воинское искусство. После поражения конфедерации он эмигрировал в Северную Америку и прославился в Войне за независимость.

За победу при Орехове и успешную боевую деятельность Суворов получил в следующем, 1770 году свой первый орден — Святой Анны — и чин генерал-майора. Ему шел сороковой год.

Отметим, что Николай Репнин получил этот чин в 26 лет, Николай Салтыков — в 27, Иван Салтыков — в 31 год. Все они воевали на юге, куда в мечтах уносился Суворов. Блестящие победы Румянцева при Ларге, Рябой Могиле и Кагуле в кампании 1770 года привели к разгрому численно превосходящих сил турок и крымских татар и прославили русское оружие. Главнокомандующий был пожалован в генерал-фельдмаршалы и стал вторым (первым являлась императрица) кавалером ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени. Учрежденный Екатериной 26 ноября 1769 года во время войн с Турцией и польскими конфедератами орден состоял из четырех степеней и быстро заслужил признание как самая почетная награда среди офицеров и генералов русской армии. Высшей, 1-й степени удостаивались главнокомандующие за выдающиеся победы, 2-й и 3-й — генералы и старшие офицеры за выигранные сражения и взятые крепости, 4-й — офицеры за блистательные личные подвиги.

Третьим кавалером ордена Святого Георгия 1-й степени стал Алексей Орлов — командующий флотом, разгромившим османов в сражении при Чесме у берегов Малой Азии. Война фактически была выиграна. Но султан под влиянием Франции, главной противницы России, продолжал сопротивление.

Дела в Польше также шли трудно. Приходилось сражаться с отрядами конфедератов, возникавшими как грибы после дождя. Суворовская наступательная тактика приносила успех, но мелочной войне не было видно конца. Когда успехи русских войск в Польше стали очевидными, Франция прибегла к прямому вмешательству, направив на помощь конфедератам своих офицеров. Французский бригадир Шарль Франсуа Дюмурье поначалу добился успехов, пока не столкнулся с Суворовым, которого против него послал Веймарн.

В мае 1771 года двумя энергичными ударами русский генерал разбил конфедератские войска, руководимые бригадиром-французом. Силы были равны, но Суворов выказал себя несравненным тактиком и тонким психологом. В сражении под Ландскроной недалеко от Кракова противник занимал сильную позицию на высотах. Двигаясь в авангарде своих войск, Суворов обозрел позицию и, не дожидаясь подхода главных сил, бросил в атаку кавалерию — казаков и карабинеров. Дюмурье приказал пехотинцам и артиллерии не открывать огонь, пока русские не ступят на гребень высот, чтобы расстрелять их с близкого расстояния. Но атака была столь стремительна, что польские части дрогнули и побежали. Подошедшая пехота довершила разгром. В результате сражения, продолжавшегося всего полчаса, противник потерял 500 человек убитыми. Неудачник Дюмурье был отозван на родину. В своих мемуарах он задним числом заметил, что распоряжения Суворова якобы обрекали того на неминуемое поражение, избежать которого ему помог случай.

Сам же победитель, несмотря на успехи, был недоволен своим положением. 26 июля 1771 года он подал по инстанции прошение на высочайшее имя. «Бьет челом генерал-майор и святыя Анны кавалер Александр Васильев сын Суворов, — говорилось в нем. — Я, нижеимянованный, находился с прошлого 1769 году в польской области и был всегда противу мятежников, а ныне желаю по усердию моему продолжать с практикою службу Вашего Императорского Величества в находящейся в турецких областях в Главной армии. И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое челобитье принять и по моему желанию меня приказать перевесть из польского корпуса в вышеозначенную армию».

Суворов умолчал о своих отношениях с начальством. Несправедливые упреки Веймарна больно ранили его самолюбие. Но он был человеком чести. Когда пришло письмо Веймарна с известием о награждении офицеров, представленных Суворовым за подвиги при Тынце (10 мая), Ландскроне (12 мая) и Замостье (22 мая), Александр Васильевич сердечно поблагодарил начальника и попросил не отсылать его челобитную. Вскоре Суворов получил рескрипт императрицы Екатерины от 19 августа 1771 года о его награждении орденом Святого Георгия 3-й степени.

Конфедераты, потрясенные поражениями, сделали ставку на великого литовского гетмана Михаила Казимира Огинского. Противник короля, сам претендовавший на престол, гетман имел собственную армию. Он тайно помогал конфедератам и готовился, выждав удобный случай, нанести удар. 30 августа 1771 года Огинский вероломно напал на русский отряд полковника Албычева из Санкт-Петербургского легиона и разбил его, захватив в плен около пятисот человек. К нему потянулись отряды конфедератов. Собрав большие силы, Огинский мог реально угрожать тылам армии Румянцева, сражавшейся на Дунае.

На случай возможного выступления Огинского у Веймарна был план действий, в котором главная роль отводилась его любимцу полковнику Иоганну (Ивану) фон Древицу, напористому и храброму гусару, но жестокому человеку. Но Суворов, получив сведения о нападении Огинского, не стал ждать указаний. Совершив стремительный марш из Люблина к Бресту, он атаковал войско гетмана в ночь на 12 сентября 1771 года. Русских было всего 800, корпус Огинского насчитывал четыре тысячи человек.

Противник был застигнут врасплох. «Помощию Бога войски Ея Императорского Величества команды моей разбили гетмана Огинского впятеро сильняе нас, — писал Суворов своему другу генерал-майору Михаилу Никитичу Кречетникову. — Кратко донесть Вашему Превосходительству имею: потерял он всю свою артиллерию и обозы, ста в три в полону, гораздо больше того убито. Отбиты легионные, что от него захвачены были, осталось у него войска еще около двух тысяч, или тысяча или меньше — узнать не можно. Гетман ретировался на чужой лошади в жупане, без сапогов, сказывают так! Лутчие люди убиты или взяты в полон, и то верно. Мы атаковали с 500-ми, ста-два были в резерве. Наконец, для эскорта пленных нас не доставало. Простительно, ежели Ваше Превосходительство по первому слуху сему сумневатца будете, ибо я сам сумневаюсь. Только правда. Слава Богу! Наш урон очень мал». Русские потеряли восемь человек убитыми и около восьмидесяти ранеными. Огинский едва спасся, ускакав вместе с двумя адъютантами в Данциг, где французский консул снабдил беглеца одеждой и дал денег на дорогу до Франции.

Однако педантичный Веймарн выговорил Суворову за самовольство и даже пожаловался на своего подчиненного в Военную коллегию. Но императрица рассудила иначе. «Что господин Суворов окончил фарсу господина Огинского, — писала она генералу Александру Ильичу Бибикову, вскоре сменившему Веймарна, — сие весьма хорошо и тому радуемся, и казалось, всегда, что оно так и будет». Высочайшим рескриптом от 20 декабря 1771 года победитель был награжден орденом Святого Александра Невского.

Чтобы поправить свои дела, конфедераты прибегли к дерзкой вылазке: 23 октября (3 ноября) 1771 года в центре Варшавы перебили охрану короля и захватили его. Станислав Август чудом спасся благодаря несогласованности действий налетчиков. «В отчаянном положении, в котором находится конфедерация, — доносил в Париж французский генерал барон де Виомениль, возглавивший вместо Дюмурье войска конфедератов, — необходим блистательный подвиг для того, чтобы снова поддержать ее, вдохнуть в нее мужество». Таким подвигом стал захват Краковского замка в ночь с 10 (21) на 11 (22) февраля 1772 года.

Хорошо укрепленный, стоявший на возвышенном месте замок считался неприступным. Местный трактирщик Франц Залесский приютил двух конфедератов, которые ночами начали подпиливать решетки сточной скважины. Через нее отряд конфедератов (до четырехсот человек) во главе с французскими офицерами проник в замок. Слабый караул был перебит, ворота открыты, подъемный мост опущен, и в замок ворвался полутысячный конный отряд. Внезапности нападения способствовала беспечность коменданта замка полковника В.В. Стакельберга (Штакельберга), «из числа избалованных Иваном Ивановичем Веймарном», как доносил Суворов генералу А.И. Бибикову. В сердцах он прибавил, что незадачливому полковнику «ксендзы и бабы голову… весьма повредили»: «Опасаясь, чтоб ксендзов и баб никогда не тревожить, разрядил он ружья, да и по просьбам их сводил часовых, а того часового действительно свел, который был у скважины, где французы вошли».

Когда раздалась стрельба, Стакельберг веселился на балу в городе. Предпринятая им попытка штурмовать замок окончилась неудачей. С небольшим отрядом Суворов поспешил к Кракову. Сразу же ему пришлось отражать дерзкую вылазку противника. Конфедераты, понеся потери, укрылись за стенами замка. Сил у Суворова было мало — всего 800 человек, не считая конницы, бесполезной для штурма. Королевские войска под командой польского генерала графа Ксаверия Браницкого несколько усилили отряд Суворова. Но штурм в ночь с 7 на 8 марта оказался неудачным. Пришлось прибегнуть к блокаде и правильной осаде. Одновременно королевские и русские войска отражали атаки конфедератов, появлявшихся в окрестностях Кракова. В одной из таких стычек Суворов едва не погиб.

Подошедшая осадная артиллерия начала обстрел замка. Из перехваченного письма стало известно о бедственном положении осажденных: у них было много раненых, не хватало еды и боеприпасов. Парламентер-француз попросил Суворова о свидании. Условия капитуляции, предложенные русским генералом, были весьма умеренными, причем он пресек попытку оспорить некоторые пункты, заявив, что условия будут ужесточены, если на другой день не будет получен ответ. 12 апреля условия были подписаны, и через три дня замок вновь заняли русские войска. Бригадир Шуази и прочие офицеры-французы хотели отдать Суворову шпаги. Но русский генерал выказал себя тонким политиком, заявив: «Я не могу лишить шпаги храбрых офицеров, которые служат Королю, состоящему в союзе с моею Императрицею».

Маленькое свидетельство о рыцарском характере Александра Васильевича: поздравляя А.И. Бибикова с успешным окончанием осады, Суворов сделал приписку: «Простите, батюшка, бедного старика Стакельберга».

Конфедерация доживала последние дни. Многие предводители распускали свои отряды. Развязанная ими гражданская война стала началом конца Польского государства. Австрия, позволявшая конфедератам укрываться на своей территории, теперь объявила их разбойниками и закрыла границы. Австрийские дипломаты включились в тайные переговоры с Пруссией и Россией о разделе польских земель. Инициатором раздела выступил король Фридрих, на рабочем столе которого в те годы лежала карта Польши. Екатерина поначалу отвергла проект союзника. Но проигравшие войну турки верили французским посулам и продолжали сражаться. Прусский король буквально вырвал согласие российской императрицы на раздел Речи Посполитой. Его страна, не воюя, получила значительное приращение территории.

Еще со времен Петра Великого Франция пыталась создать из Швеции, Польши и Турции барьер, который бы препятствовал участию России в европейских делах. Результат ее усилий оказался особенно плачевным для Польши и Турции. В 1772 году Пруссия, Россия и Австрия подписали конвенции о первом разделе Речи Посполитой. Исконно польские земли на севере и юге страны достались Пруссии и Австрии. Россия получила Восточную Белоруссию и часть Ливонии. Западная Белоруссия и большая часть Правобережной Украины остались у Польши, однако почти вся Галиция с городом Львовом попала под власть австрийских Габсбургов.

Поспешная оккупация австрийскими войсками Краковского воеводства вызвала серьезные трения между находившемся в Кракове Суворовым и напористым австрийским генералом Ричардом д'Альтоном. И снова русский генерал-майор выказал большой дипломатический такт и выдержку.

После безуспешных попыток добиться поддержки у Англии и Франции Польский сейм и король в 1773 году ратифицировали договоры с тремя державами о разделе страны.

К этому времени Суворову уже удалось вырваться туда, где «построжае и поотличнее война». В соответствии с высочайшим повелением от 4 апреля 1773 года спустя два дня последовал указ Военной коллегии князю А.М. Голицыну. «Находящейся при войсках команды вашей, Господина Генерал-Фельдмаршала, Генерал-Майор и Кавалер Суворов определен по желанию его в Первую армию, куда для получения надлежащего пашпорта не оставите вы приказать явитца ему в Военную коллегию». Этой армией командовал прославленный Румянцев.

Еще в сентябре 1772 года Суворов был переведен в Обсервационный корпус генерал-поручика И.К. Эльмпта, который предполагалось направить в Польшу. Однако после переворота в Стокгольме, устроенного французами в пользу молодого короля Густава III, возникла угроза новой войны в непосредственной близости от Петербурга. Корпус был направлен в русскую Финляндию. Войны удалось избежать. Отметим, что Суворов задержался на севере, выполнив секретную миссию по осмотру границы империи с целью выработки мер по ее надежной защите.

Покидая Варшаву, Александр Васильевич писал 17 сентября 1772 года оставшемуся в Кракове приятелю, гвардии капитан-поручику Александру Михайловичу Лунину: «Час сей откланялся Александру Ильичу [Бибикову] и против ночи уеду». Он просит передать поклоны знакомым, среди которых наряду с сослуживцами Суворова фигурируют несколько польских дам — Софья Грабовская («Старостина Чховская»), генеральша Эльжбеция Грабовская (вскоре она стала фавориткой короля), «Старостина Барчицкая с старицами Марусею, Анюсею и со всем домом».

С особой теплотой и откровенностью Суворов пишет Александру Ильичу Бибикову. Этот крупный и просвещенный деятель, кстати говоря, противник раздела Польши, умел располагать к себе людей. Как известно, XVIII век не отличался аскетичностью нравов. Для Суворова, воспитанного в строгих традициях православия, нравы польского общества казались слишком свободными. «Не много знавал я женщин, — пишет он Бибикову 21 октября из Вильно, — но, забавляясь в обществе их, соблюдал всегда почтение. Мне недоставало времени быть с ними. Я их страшился. Женщины управляют здешнею страною, как и везде; я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей». Запомним это признание 42-летнего генерала.

Еще интереснее другое признание, сделанное тому же Бибикову, в котором Суворов раскрывает суть своих жизненных принципов: «Служа августейшей моей Государыне, я стремился только к благу Отечества моего, не причиняя особенного вреда народу, среди которого я находился. Неудачи других воспламеняли меня надеждою. Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропреходящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей».

Прибавим к этой маленькой исповеди Суворова отзыв о нем польского короля. На склоне лет утративший власть Станислав Август писал об ожесточении, с которым дрались русские войска и конфедераты, о больших людских потерях и развале хозяйственной жизни. Описывая эти беды, Понятовский отметил: «Справедливо здесь отдать должное добросовестности господина Суворова: из всех русских командиров его менее всего можно было упрекнуть в чем-либо похожем на жадность или жестокость».

На русского генерала обратил внимание и престарелый Фридрих Великий. Король-полководец, любивший в минуты отдыха от государственных забот заниматься музыкой и поэзией, в одном из своих стихотворных опусов посоветовал полякам остерегаться Суворова.

Об этом лестном отзыве Александр Васильевич не знал, но ему было известно, что его воинское мастерство высоко оценили в Петербурге. Но по каким-то причинам (скорее всего чисто бюрократическим) глава Военной коллегии граф Чернышев тянул с производством Суворова в следующий чин.

Подводя итоги, можно сделать заключение: в 1769 году в Польшу прибыл отличный командир полка, а через три года ее покидал генерал-майор с большим боевым опытом, кавалер трех орденов. Немногие генералы, даже старшие по званию, имели такие отличия.

В АРМИИ РУМЯНЦЕВА НА ДУНАЕ

Шестого мая 1773 года Суворов прискакал в монастырь Негоешти на левом берегу Дуная. На противоположном берегу стоял городок Туртукай с сильными турецкими укреплениями.

Шел пятый год войны. Более полувека миновало с тех пор, как вдохновленный полтавской викторией царь Петр предпринял поход против Оттоманской Порты. Это была очередная попытка России вернуться на берега Черного моря, которое еще в X веке звалось «Русским морем». Почти три столетия здесь безраздельно господствовала Турция, превратившая море в свое внутреннее озеро.

Казалось, после победы над лучшей европейской армией — шведской — одолеть турок не составит труда. Жизнь опровергла эти расчеты. Небольшая армия Петра была окружена на реке Прут превосходящими силами турок и крымских татар и оказалась на грани гибели. Бежавший в Турцию после полтавского разгрома Карл XII помчался к Пруту, предвкушая пленение своего победителя, но не успел. Катастрофы удалось избежать благодаря искусству российских дипломатов, однако Петру пришлось вернуть все завоевания в Приазовье, добытые ратным трудом нескольких поколений русских солдат.

Новая попытка, предпринятая в царствование Анны Иоанновны (в союзе с Австрией), закончилась практически безрезультатно. Несмотря на взятие Очакова, занятие Крыма и разгром Минихом главной турецкой армии при Ставучанах, Россия сумела вернуть лишь Азов. И вот новая война.

Поначалу успехи превзошли все ожидания. В 1770 году Румянцев в блестящей кампании разгромил главные силы турок и крымских татар в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Пришедшие с Балтики две российские эскадры под руководством графа Алексея Орлова уничтожили флот османов в Чесменском бою у побережья Малой Азии. Но величайшая империя того времени продемонстрировала огромные мобилизационные возможности и продолжала войну. В кампании 1771 года боевые действия развернулись на берегах Дуная. Под руководством Румянцева успешно сражались генералы князь Николай Репнин, граф Иван Салтыков, Григорий Потемкин и другие. Особой дерзостью, искусством и удачливостью выделялся барон Отто Вейсман фон Вейсенштейн. Лифляндец смелыми рейдами («поисками») за Дунай разгромил численно превосходящего противника, который потерял почти всю артиллерию. За эти подвиги Вейсман, прозванный «Ахиллом армии», первым из генерал-майоров получил Большой крест Святого Георгия 2-й степени.

В письмах и донесениях в Петербург Румянцев ставил кампанию 1771 года выше предыдущей. К успехам 1-й армии прибавились победы 2-й армии. Князь Василий Михайлович Долгоруков, сменивший ушедшего в отставку Панина, занял Крым, выбив оттуда турецкие войска. Новый крымский хан Сахиб-Гирей II был вынужден начать мирные переговоры. Запросили перемирия и в Константинополе.

Почти весь 1772 год сначала в Фокшанах, затем в Бухаресте велись переговоры. Проигравшая войну Блистательная Порта, поддержанная Францией и Австрией, отказывалась признать главные выставленные Россией условия: независимость Крымского ханства, свобода плавания для русских судов по Черному морю и через проливы. Переговоры закончились провалом, весной 1773 года возобновились военные действия.

Истощенная войной Россия нуждалась в мире. Екатерина и ее окружение требовали от Румянцева наступления на Балканы. Не располагая достаточными силами, главнокомандующий решил переправить армию за Дунай и овладеть опорным пунктом противника — крепостью Силистрия с последующим наступлением на юг. Чтобы облегчить переправу главного корпуса, Румянцев приказал командующему отдельной дивизией графу И.П. Салтыкову провести «поиски» за Дунай. Сын победителя Фридриха возложил выполнение этой задачи на прибывшего к нему Суворова.

Александр Васильевич сознавал, как важно на новом месте подтвердить свою боевую репутацию. Его беспокоил недостаток сил. «Всё мне кажетца пехоты мало, — делился он своими сомнениями с Салтыковым в письме от 8 мая. — Целим атаку, захватывая ночь».

О решении атаковать противника 9-го числа Суворов уведомил своего соседа слева и попросил у него содействия демонстрацией против «Силистрийского неприятеля». Соседа звали Григорий Александрович Потемкин, он командовал отдельным корпусом и входил в число близких сподвижников фельдмаршала. За боевые отличия Потемкин имел ордена Святой Анны и Святого Георгия 3-й степени. В письме от 7 мая Суворов называет Потемкина генерал-майором, еще не зная, что 21 апреля тот получил чин генерал-поручика. Вместе с ним новые чины были пожалованы нескольким генералам, в том числе непосредственному начальнику Суворова И.П. Салтыкову — тот стал генерал-аншефом.

В ночь накануне переправы турки предприняли встречный «поиск», но их нападение было отбито.

Уведомив Салтыкова об успехе, Суворов еще раз посетовал на недостаток пехоты — он имел всего 500 человек против четырех тысяч у турок (о численности неприятеля узнали от пленных). Граф прислал подкрепление — малопригодных для дела карабинеров, которых и без того было достаточно. Теперь нужны были дополнительные суда. Последовать совету Салтыкова попросить их у Потемкина означало отложить переправу. К тому же суворовский отряд был обнаружен противником. И тогда Суворов принимает смелое решение: не откладывая, переправить пехоту через Дунай. Переправа шла ночью, чтобы скрыть малочисленность сил. Генерал твердо руководил штыковыми атаками своих каре и добился успеха. Турецкие батареи и три лагеря были взяты, противник бежал. Подоспевший резерв (60 казаков и 150 карабинеров) завершил разгром. В этом первом сражении на новом для него театре военных действий Александр Васильевич едва не погиб. Когда его подчиненные пытались выстрелить из захваченной турецкой пушки, ее разорвало. Осколками Суворов был ранен в правую ногу, но довел бой до победного конца. Причем ему пришлось лично отбить шпагой сабельный удар наскочившего на него янычара. К началу четвертого часа утра всё было кончено. В числе трофеев были шесть знамен, 16 пушек, 30 судов и 21 небольшая лодка. Солдаты получили богатую «добычь». Укрепления противника были уничтожены, а из городка на левый берег Дуная выведены 700 христиан.

«Ваше Сиятельство. Мы победили, — нацарапал Суворов карандашом на клочке бумаги. — Слава Богу; слава Вам!»

Это лаконичное послание Салтыкову послужило поводом к анекдоту, сложившемуся в начале XIX века. Суворов будто бы совершил «поиск» «без воли и ведома главного начальства», а донесение в стихах послал самому Румянцеву:

Слава Богу, слава Вам,Туртукай взят, и я там.

Главнокомандующий якобы не оценил ни оригинальности донесения, ни самой победы и отдал нарушителя дисциплины под суд, который приговорил Суворова к лишению чинов и жизни. Но «Екатерина написала на докладе: "Победителя судить не должно" — и сею строкой спасла спасителя своего царства».

Анекдот стал широко известен и дожил до наших дней, хотя еще в 1853 году были опубликованы документы, из которых следовало, что набег на Туртукай был проведен в рамках общей задачи, поставленной Румянцевым. Ни о каком суде не могло быть и речи. Петрушевский предполагает, что стихотворное донесение главнокомандующему всё же было послано. О нем упомянул и единственный прижизненный биограф Суворова И.Ф. Антинг.

Сам Александр Васильевич был очень доволен своим дебютом. Он даже напомнил Салтыкову знаменитое изречение Юлия Цезаря Veni, vidi, vici — «Пришел, увидел, победил»: «Милостивый Государь Граф Иван Петрович! Подлинно мы вчера были veni, vede, vince, а мне так первоучинка. Вашему Сиятельству и впредь послужу, я человек безхитростный. Лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс».

Несмотря на ошибки в латыни, главное сказано — победа настоящая, а победителю положен орден Святого Георгия 2-й степени. Через два дня, прикидываясь простаком, Суворов повторяет просьбу: «Не оставьте, батюшка Ваше Сиятельство, моих любезных товарищей, да и меня Бога ради не забудьте; кажетца, что я вправду заслужил Георгиевский второй класс, сколько я к себе ни холоден, да и самому мне то кажетца».

Румянцев с похвалой отозвался о «поиске» новичка. Когда же от петербургского друга Суворова А.И. Набокова пришло известие о том, что и президент Военной коллегии доволен его службой, Александр Васильевич решился написать самому Чернышеву: «Когда же меня повысить соизволите в Георгия 2-й класс, Вашему Высокографскому Сиятельству клянусь, что я на всю кампанию удовольствован буду, хотя бы еще полдюжины раз мне подратца случилось». Честолюбивый воин не знал, что императрица уже подписала грамоту о награждении, как не знал и того, что ему предстоят новые славные дела в кампании 1773 года, что именно он поставит победную точку в войне и за все эти победы наград не получит.

Рейды за Дунай не гарантировали легкого успеха. Так, 17 мая отряд полковника князя Петра Репнина, выполняя приказ Салтыкова, попытался сорвать турецкий пост ниже Рущука. Турки встретили лодки Репнина огнем и окружили их. Арьергард отстреливался, прикрывая отступление главных сил. Когда же патроны кончились, тяжело раненный князь с тремя штаб-офицерами и несколькими десятками нижних чинов были взяты в плен. Репнина отвезли в Константинополь.

Эта неудача вызвала большое волнение среди командования. Пленение младшего брата князя Николая Васильевича, известного генерала и дипломата, было несомненным успехом противника, постоянно терпевшего поражения.

Беду, приключившуюся с князем Петром, обсуждали в переписке Суворов, Потемкин, Салтыков, Румянцев и сам глава Коллегии иностранных дел Никита Иванович Панин, приходившийся полковнику дядей. При содействии французских дипломатов младший Репнин был вызволен из плена еще до окончания войны и с большим трудом добрался до Петербурга. Но полученные раны дали о себе знать — в начале 1776 года князь Петр Васильевич умер.

Для Суворова поражение и пленение значительной части отряда Репнина стали вескими доказательствами необходимости обучать солдат и офицеров решительному штыковому удару. Через 14 лет, уже после кинбурнской победы, в письме де Рибасу, предназначавшемуся для Потемкина, он набросал краткий план обучения войск активным наступательным действиям: «Против неверных пехота должна иметь 100 патронов, молодой Репнин оттого растерялся (не хватило патронов), да и другие, а надобно — в штыки».

В разгар подготовки похода за Дунай Румянцев приказал провести новые «поиски». Генерал-майор Вейсман разбил двенадцатитысячный турецкий корпус и при содействии Потемкина обеспечил переправу главных сил при Гуробалах. Суворов тщательно готовился к новому рейду, однако лихорадка заставила его отбыть на лечение в Бухарест. Там больной узнал, что его подчиненные, усмотрев значительные силы турок, не решились высадиться и повернули назад. Потрясенный этим малодушием Суворов писал Салтыкову: «Какой это позор. Все оробели, лица не те. Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутца».

На правом берегу Дуная уже шло успешное наступление на крепость Силистрия. Но Суворов решил во что бы то ни стало восстановить боевую репутацию своих частей. Едва оправившись от лихорадки, он в ночь с 17 на 18 июня переправился через Дунай и разгромил при Туртукае семитысячный отряд противника.

Попытка овладеть Силистрией, куда отступила целая турецкая армия, окончилась неудачей. Противник активно контратаковал. Серьезные потери понес корпус Потемкина. Сам Румянцев едва не попал в плен. И тут разведка донесла о движении двадцатитысячного корпуса Нуман-паши, шедшего с намерением отрезать малочисленную русскую армию от переправ. Созванный 24 июня военный совет постановил вернуться на левый берег. Вейсману было приказано прикрывать отход.

Двадцать второго июня, имея всего пять тысяч человек, «Ахилл армии» наголову разгромил численно превосходящего противника, но в конце сражения сам был смертельно ранен. Румянцев донес Екатерине о его смерти как о большой потере. Суворов во время Итальянского похода, вспоминая кампанию 1773 года, заметил: «Вейсмана не стало; я из Польши, один бью; всех везде бьют».

Вскоре после смерти Вейсмана самому Суворову пришлось пережить тягостные минуты. В корпусе Салтыкова он пользовался полной самостоятельностью. И вдруг 7 июля Румянцев перевел его в корпус деятельного Потемкина. Присланный к Салтыкову в качестве инспектора желчный Михаил Федотович Каменский в письме к нему заметил, что, вероятно, генерал-аншеф доволен этой переменой, «ибо не знаю, кто из вас двух был в Негоешти начальником, особо с тех пор, как Суворов стал посылать донесения прямо к фельдмаршалу».

Сам Александр Васильевич расценил перевод как немилость. «Гром ударил, мне сего не воображалось, — писал он Салтыкову. — Прошу иного… И Ваше Сиятельство может ли помочь? Мне бы только с честью отсюда вытти; всего основания не знаю. Больно… Бегать за лаврами неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да еще хорошо, коли с честью и пользою».

Но всё обошлось. Румянцев вызвал строптивца в Главную квартиру, чтобы лично поставить ему задачу по обороне единственного укрепленного пункта на правом берегу Дуная — Гирсовского поста. «Делами Вы себя довольно в том прославили, — писал главнокомандующий в ордере от 4 августа, — сколько побудительное усердие к пользе службы открывает Вам путь к успехам. На сие, как и на искусство Ваше, весьма мне известное, довольствуюсь я возложить сохранение и оборону сего нужного поста».

Готовясь к обороне Гирсова, Суворов подружился с командиром приданной ему бригады генерал-майором Андреем Степановичем Милорадовичем. Первое из трех сохранившихся его писем Милорадовичу свидетельствует о деловой хватке Суворова. «Приношу за письмо Вашего Превосходительства мою покорную благодарность, — пишет он 9 августа 1773 года, вскоре после прибытия на место. — Из письма Князя Василья Володимировича (Долгорукова. — В.Л.) увидеть изволите, что мне на Барте надобен понтонный мостик. Прошу Вашего Превосходительства скорее тому споспешествовать. На бродах люди тонут. Я же от Г. Север[ного] далеко и прямо с ним дела иметь не могу, ни желаю». Кто зашифрован под именем «Г. Север», неизвестно. Возможно, речь идет о стоявшем в Бабадаге генерал-поручике бароне Карле Унгерне фон Штернберге. На его помощь в случае атаки турок Александр Васильевич почему-то не рассчитывал.

Два других письма написаны в конце кампании. Суворов называет Милорадовича «любезным другом» и просит не забывать: «Благодарю от естественной моей чистой души и цалую жизненным последним целованием. Прости! Всемогущий Бог да дарует вперед свидетца в радости».

Третьего сентября Александр Васильевич снова подтвердил свою боевую репутацию. Турки стремительно атаковали порученный ему Гирсовский пост десятью тысячами пехоты и конницы. Имея около трех тысяч человек, Суворов, подпустив противника на близкую дистанцию, встретил его картечью и нанес штыковые удары во фланги и в центр. После упорного боя нападавшие были опрокинуты и бежали. Энергичное преследование конницей довершило разгром. Противник потерял только убитыми более 1100 человек, семь орудий, почти весь обоз с провиантом и другим имуществом.

«За победу, в которой признаю искусство и храбрость предводителя и мужественный подвиг вверенных вам полков, воздайте похвалу и благодарение именем моим всем чинам, трудившимся в сем деле», — спустя два дня писал Суворову Румянцев.

Потемкин в приказе от 7 сентября служившему под его началом полковнику Н.Д. Языкову писал: «Его Сиятельство повелевающий Армиею Господин Генерал-Фельдмаршал присланным ко мне ордером дал знать, что торжествует Армия Ея Императорского Величества одержанную 3-го числа настоящего течения совершенным образом победу на той стороне Дуная Господином Генерал-Майором и Кавалером Суворовым над неприятелем в семи тысячах приходившим атаковать пост наш Гирсовский, где реченный Генерал с своими войсками, встретя оного, разбил и преследовал с великим поражением и, сколько еще из первого и краткого его рапорта известно, то взято довольно и пленных, и артиллерии, и обозов, Ваше Высокоблагородие имеете о сем благополучном происшествии за-втрешний день принести в Вашей части торжественные молитвы, учиня при том с полковых пушек тридцать два выстрела».

Армия салютовала суворовской победе, но «искусный и храбрый предводитель» за новый подвиг не получил ничего. Румянцев, зная, с каким неудовольствием приняли в Петербурге известие об отступлении от Силистрии, не стал представлять победителя к чину генерал-поручика. Суворов остался генерал-майором, хотя его успех позволил предпринять в сентябре новое наступление.

Сковав значительные силы противника под Рущуком и Силистрией, главнокомандующий двинул на правый берег Дуная два корпуса. Ими командовали генерал-поручики барон К.К. Унгерн и князь Ю.В. Долгоруков. Турки, не оказывая серьезного сопротивления, отступали. В этом походе Суворов не участвовал. Но Унгерн и Долгоруков действовали нерешительно и несогласованно. Несмотря на первоначальный успех, они не выполнили приказ Румянцева. Унгерн попытался самостоятельно захватить Варну, но был отбит и отошел. Оставшись один, Долгоруков поспешил повернуть назад от Шумны, в которой почти не было войск, тогда как падение этого опорного пункта могло приблизить долгожданный мир.

В составленной для себя в мае 1790 года записке уже прославленный своими блестящими победами Александр Васильевич отметил: «Графа А. Суворова-Рымникского Графу З. Г. Чернышеву [лучше] было бы в степень Генерал-Поручика — от меня больше пользы! — после не были б странности при Варне, Шумне».

Глава Военной коллегии задержал его производство в следующий чин, и дело пострадало. Кампания 1773 года не принесла ожидаемого мира.

В зимнее затишье Суворов прибыл в Москву, куда звал его родитель. Престарелый Василий Иванович спешил устроить важное семейное дело — женить сына, которому шел 44-й год. Подысканная им невеста, княжна Варвара Ивановна Прозоровская, и по отцу, и по матери (урожденной княжне Голицыной) принадлежала к старинной московской знати. Среди близких родственников княжны оказались три фельдмаршала. Князь Михаил Михайлович Голицын, самый талантливый полководец Петра Великого, приходился ей дедом, князь Александр Михайлович Голицын — дядей, а на ее тетке Елизавете Михайловне был женат граф Петр Александрович Румянцев.

Невеста была моложе жениха на 20 лет. По понятиям того времени княжна засиделась в девицах. Да и Суворов был не первой молодости. Но он во всем повиновался воле отца: сватовство и помолвка прошли споро. 23 декабря Александр Васильевич писал своему новому родственнику Румянцеву: «Сиятельнейший Граф Милостивый Государь! Вчера я имел неожидаемое мною благополучие быть обрученным с княжною Варварою Ивановною Прозоровскою по воле Вышнего Бога!»

Тут же следовали просьба разрешить задержаться долее дозволенного отпуска и обещание вернуться к армии сразу по окончании связанных с женитьбой хлопот. Из прошения Варвары Ивановны на высочайшее имя от 17 января 1774 года видно, что ее приданое было невелико: «бриллиантов, золота, серебра — всего по цене на 7000 рублев; да сверх того на покупку деревень деньгами 5000 рублев». Княжна заявляла, что своей долей довольна и обещала «как при жизни… отца и матери моих, так и по смерти их о недвижимых и движимых их имениях на братьев моих родных и по них наследников не бить челом и никаких дел не вчинять».

По мнению В.А. Алексеева, Прозоровские приняли предложение Суворова не в последнюю очередь потому, что отец невесты, отставной генерал-аншеф князь Иван Андреевич, прожил свое состояние.

Княжне Варваре деньги на приданое, очевидно, дали богатые родственники — Голицыны. Для обедневших Прозоровских Александр Васильевич был выгодной партией.

Его победы уже сделали его известным, а Василий Иванович оставлял единственному сыну значительное состояние.

Где состоялось венчание — в Москве или в одном из подмосковных имений Суворовых — мы не знаем. 30 января 1774 года Александр Васильевич уведомил новоиспеченного родственника — фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына: «Изволением Божиим брак мой совершился благополучно. Имею честь при сем случае паки себя препоручить в высокую милость Вашего Сиятельства». Варвара Ивановна сделала приписку: «И я вам, Милостивый Государь дядюшка, приношу мое нижайшее почтение и при том имею честь рекомендовать в Вашу милость Александра Васильевича и себя также».

Голицын не замедлил с ответом. «Сердечно поздравляю как Вас, так и государыню мою Варвару Ивановну с благополучным окончанием брака вашего, — читаем мы в его письме от 8 февраля из Петербурга. — Да соблаговолит Всевышний благословить оный к взаимному удовольствию Вашему и учинит оный для вас щастливым на множайшие лета, подав вам при том утешение видеть и воспитывать сынов ваших».

По словам знатока екатерининского времени Сергея Николаевича Шубинского, «жена Суворова была красавицей русского типа, полная, статная, румяная; но с умом ограниченным и старинным воспитанием, исключавшим для девиц всякие знания, кроме умения читать и писать». Сохранился редчайший отзыв о Варваре Ивановне младшего современника Суворова Аркадия Александровича Ригельмана, собравшего и опубликовавшего рассказы людей, хорошо знавших полководца. По этим свидетельствам, относящимся к концу 1783-го — началу 1784 года, когда Суворовы жили в крепости Святого Дмитрия Ростовского, супруга Александра Васильевича отличалась любовью к танцам и веселью.

Письма Суворова жене не сохранились. Из дошедших до нас отзывов Александра Васильевича о супруге видно, что он искренне привязался к ней.

Прибавим еще одно важное обстоятельство. Служба Суворова проходила на окраинах империи, как бы сейчас сказали, в горячих точках. Многие генералы, которых он считал своими соперниками, подолгу жили в столицах, были приняты при дворе, выезжали вместе с семьями за границу. Их жены веселились на балах, посещали театры и маскарады, одевались по последней моде. Варваре Ивановне довелось сопровождать мужа в Крым (полуостров тогда считался гиблым местом) и на Кубань, жить в далеких гарнизонах, среди постоянных опасностей. Известный русский психолог П.И. Ковалевский в своем очерке о Суворове подчеркнул одну из главных черт его характера: он не принадлежал ни себе, ни жене, ни обществу, был воин без страха и упрека.

Пока Суворов улаживал свои брачные дела, в судьбе его боевого товарища Потемкина произошли невероятные перемены. Еще во время мирных переговоров 1772 года стало ясно, что не только противница России Франция, но и ее союзница Пруссия не заинтересованы в скором окончании Русско-турецкой войны, истощавшей силы противоборствующих сторон. Войска молодого шведского короля Густава 111 (двоюродного брата Екатерины) заняли угрожающее положение в непосредственной близости от Петербурга. Высвободившиеся после раздела Речи Посполитой силы пришлось перебрасывать не на Дунай к Румянцеву, а на северную границу и в Предуралье, где в сентябре 1773 года вспыхнул мятеж яицких казаков.

Беглый донской казак Емельян Пугачев, объявив себя спасшимся мужем Екатерины, стал седьмым самозванцем, принявшим на себя имя незадачливого Петра III. Но именно ему удалось разжечь пламя восстания. Мятежники без труда захватили маленькие крепости, прикрывавшие границы от кочевников, собрали значительное количество артиллерии и осадили губернский город Оренбург. У Пугачева собралась армия, по численности не уступавшая армии Румянцева. После первых же поражений правительственных войск императрица осознала опасность ситуации. В письме новгородскому губернатору Я.Е. Сиверсу государыня признавалась: «Рейнсдорп (оренбургский губернатор. — В. Л.) вот уже целых два месяца осажден толпою разбойников, производящих страшные жестокости и опустошения. Два года назад у меня в сердце Империи была чума, теперь у меня на границах Казанского царства политическая чума, с которою справиться нелегко… Генерал Бибиков отправляется туда с войсками, чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли. Всё же с Божиею помощию надеюсь, что мы возьмем верх… По всей вероятности это кончится виселицами. Какая перспектива, господин Губернатор, для меня, не любящей виселиц. Европа подумает, что мы вернулись к временам Ивана Васильевича».

Непросто складывались и отношения в высших сферах. За десять лет царствования Екатерина показала себя умной, рачительной правительницей и сумела упрочить свое положение. Но формально она могла править только в период несовершеннолетия своего сына Павла. Осенью 1773 года, буквально накануне получения известий о мятеже яицких казаков, в Петербурге была торжественно отпразднована свадьба наследника престола. Вопрос о власти встал во весь рост. Мятеж яицких казаков в условиях неоконченной войны с Турцией обострил политический кризис. Как и 12 лет назад, Екатерина оказалась перед трудным выбором. И она его сделала — вызвала из действующей армии Григория Александровича Потемкина и наделила его огромной властью. Опытная правительница давно оценила его ум, волю и независимость характера, разглядела в нем талант государственного деятеля, способного разделить с ней бремя власти.

Четвертого февраля 1774 года Потемкин прискакал в Царское Село. 1 марта он был пожалован в генерал-адъютанты. Затем последовали новые назначения, сделавшие Потемкина главным советником государыни по военным делам. Вскоре их союз был скреплен тайным браком. «Я без тебя, как без рук», «В тебе одном больше ревности к общему делу, нежели в протчих», «Что враги России и мои равномерно и тебе ищут досады, сему дивиться нечего, ибо ты им опаснее всех по своим качествам и моей к тебе доверенности» — такими признаниями полны письма Екатерины Потемкину.

Надо было утихомирить разыгравшуюся в Поволжье и Предуралье народную стихию. Потемкин добился того, чтобы главнокомандующему Румянцеву была предоставлена полная свобода рук для ведения мирных переговоров с турками. Не забыл он и своего боевого товарища: высоко ценя решительность, мужество и военный талант Суворова, рекомендовал его Екатерине как военачальника, способного быстро прекратить смуту.

Семнадцатого марта 1774 года Александр Васильевич получил долгожданный чин генерал-поручика. 29-го Екатерина писала Бибикову, недовольному действиями своего подчиненного И.А. Клапье де Колонга: «На случай же неспособности того Генерал-Порутчика к исполнению от Вас ему предписываемого отправлен будет к Вам немедленно Генерал-Порутчик Суворов».

Военная коллегия предписала Румянцеву откомандировать Суворова к Оренбургскому корпусу. Фельдмаршал предписание не исполнил, поскольку сам рассчитывал на своего нового родственника. В мае он двинул за Дунай два корпуса с решительными намерениями — разбить неприятеля и взять Шумну, где находился визирь. Одним корпусом командовал Суворов, другим — Михаил Федотович Каменский.

Последний был моложе Суворова на восемь лет, однако чин генерал-поручика получил чуть раньше и, следовательно, имел старшинство. Опытный Румянцев не мог не видеть разницы дарований посылаемых за Дунай генералов. Возможно, по этой причине он, в нарушение всех правил, прямо не подчинил Каменскому Суворова. Александр Васильевич, уловив эту слабину и не желая подчиняться осторожному и методичному Каменскому, шел со своим корпусом таким образом, чтобы только не пересечься с «мальчиком». Каменский пожаловался Румянцеву. Фельдмаршал раздраженно напомнил Михаилу Федотовичу о правилах старшинства, переложив на него ответственность за налаживание отношений. Военные историки справедливо упрекают мастера военного искусства за непоследовательность, однако его расчет оправдался.

Девятого июня, когда в районе села Козлуджа, наконец пути генералов пересеклись, Суворов поспешил двинуть свой корпус вперед. Во главе кавалерийского авангарда он втянулся в лесистое, протяженное дефиле , не подозревая, что с другого конца движется авангард сорокатысячного турецкого корпуса. При столкновении с противником слабые суворовские передовые части были отброшены.

Рассказ самого Суворова об этих событиях мальчик Денис Давыдов услышал после маневров лета 1793 года на обеде, данном его отцом бригадиром Василием Денисовичем в честь графа Александра Васильевича.

«После обеда — вспоминал герой войны 1812 года, — Суворов завел речь о лошади, на которой ездил на маневрах и приехал к нам на обед. Хвалил ее прыткость и силу и уверял, что никогда не езжал на подобной, кроме одного раза, в сражении при Козлудже.

"В этом сражении, — сказал он, — я отхвачен и преследуем был турками очень долго. Зная турецкий язык, я сам слышал уговор их между собою, чтобы не стрелять по мне и не рубить меня, а стараться взять живого: они узнали, что это был я. С этим намерением они несколько раз настигали меня так близко, что почти руками хватались за куртку, но при каждом их наскоке лошадь моя, как стрела, бросалась вперед и гнавшиеся за мною турки отставали вдруг на несколько саженей. Так я спасся!"».

Противник дрался с ожесточением. Захваченным русским пленным турки отрезали головы. Но по выходе из леса неприятель столкнулся с построенной в каре суворовской пехотой и был отброшен. Генерал немедленно двинулся вперед. Стояла сильная жара, и вдруг разразившийся ливень освежил наступающих. Выбив противника из дефиле, Суворов увидел главные силы турок, значительно превосходившие его собственные и занимавшие хорошо укрепленные высоты.

Но полководец был уверен в своих войсках. Дав небольшой отдых уставшим бойцам, он повел решительное наступление, действуя пехотными каре с кавалерией на флангах. Появляясь в самых горячих точках сражения, Суворов воодушевлял воинов, среди которых были и его любимые суздальцы. Подоспевшая артиллерия (десять орудий) повернула колесо Фортуны в сторону атакующих. Противник бежал, бросив лагерь. Успех был полным. Победителям достались 29 орудий, 107 знамен и обоз.

Из корпуса Каменского в сражении участвовал только один кавалерийский полк — остальные подошли после. Таким образом, победа была добыта Суворовым и его войсками. Если смотреть надело формально, победитель пошел на нарушение дисциплины и заслуживал не только упрека, но и наказания. Но, как справедливо отмечал А.Ф. Петрушевский, «Каменских встречается в военной истории сотни, а Суворовых — единицы». Зная горячность и неуступчивость коллеги и соперника, Александр Васильевич взял на себя ответственность за решительное наступление и делом доказал свою правоту. «Победителя судить не должно».

Разгром главных турецких сил открывал путь на Балканы. Но вместо продвижения вперед Каменский собрал военный совет. Под предлогом недостатка провианта и трудных дорог совет решил приостановить движение русских войск на шесть дней. Не желая обострять отношения с Каменским (и без того раздраженным его действиями), Суворов подписал мнение совета, но, недовольный фактическим срывом блестяще начатой операции, под предлогом болезни уехал в Бухарест.

Румянцев, узнав о решении совета, резко выговорил Каменскому за неумение пользоваться плодами победы и потребовал идти вперед на Шумлу где у визиря почти не было войск. Досталось и Суворову — главнокомандующий перевел его в корпус Салтыкова, в котором год назад он начал свою славную службу на берегах Дуная.

Победа при Козлудже была использована Румянцевым в полной мере. Он переправил через Дунай крупные силы, готовые поддержать выдвинувшийся за Балканы передовой отряд бригадира И.А. Заборовского. Визирь запросил перемирия. В ответ Румянцев заявил, что условия мирного договора давно обсуждены и что он в своей ставке в местечке Кючук-Кайнарджи ждет турецких уполномоченных. Престарелый визирь Муссун-заде Мегмет-паша (противник продолжения проигранной войны) капитулировал. 10 июля 1774 года мирный договор был подписан. Согласно договору Крымское ханство объявлялось независимым (выходило из вассальной зависимости от Османской империи) с уступкой России территории южнее Азовской крепости (граница по реке Ея), территории в низовьях Днепра и Южного Буга, а также крепостей Керчь и Еникале в самом Крыму и Кинбурна на узкой косе напротив мощного турецкого форпоста — Очакова. Порта признала за Россией власть над Большой и Малой Кабардой. Имеретинское царство в Грузии освобождалось от унизительной дани (невольниками, деньгами и натурой). Российские торговые суда получили право беспрепятственно плавать по Черному морю и проходить через Босфор и Дарданеллы в море Средиземное. Княжествам Молдавии и Валахии была гарантирована ограниченная автономия. Османская империя как зачинщица войны должна была выплатить большую контрибуцию. Это был выдающийся успех русского оружия и русской дипломатии.

Спустя 12 дней после подписания мира, 22 июля, турецкий флот в составе пятнадцати линейных кораблей и шестидесяти фрегатов и транспортов подошел к Алуште и высадил двадцатитысячный десант. Возможно, командующий флотом и десантным корпусом трапезундский и эрзерумский паша Хаджи Али Джаныклы-бей еще не получил известия о мире — или турецкое правительство намеренно не известило его о прекращении войны.

По приказу главнокомандующего князя В.М. Долгорукова ближайший к Алуште отряд генерал-поручика графа В.П. Мусина-Пушкина атаковал непрошеных гостей. Противник был разбит и бежал к своим кораблям. В этих боях отличился премьер-майор Михаил Голенищев-Кутузов: со знаменем в руках он повел свой сводный гренадерский батальон в атаку и был опасно «ранен пулею навылет в голову позади глаз». Потемкин и императрица приняли участие в судьбе героя. Отправленный за границу Кутузов после лечения вернулся в строй.

Энергичный отпор, данный турецкому десанту, спас жизнь российскому резиденту при крымском хане Петру Петровичу Веселицкому. Хан Сахиб-Гирей II, получив известие о высадке десанта, вызвал к себе Веселицкого со свитой. По прибытии к хану все они были вероломно схвачены и отвезены к Хаджи Али. Паша лично рубил головы пленникам. Ему помогали грузинский князь Георгий и 30 его соплеменников, воевавшие на стороне злейших врагов своей родины. Казнь Веселицкого отложили, потому что его жена ждала ребенка, а по мусульманским обычаям мужа можно было казнить только через шесть недель после разрешения супруги от бремени.

Российское правительство оставило этот инцидент без внимания, но еще раз убедилось в вероломстве соседа, ведь Сахиб-Гирей совсем недавно торжественно заключил с Долгоруковым соглашение о мире.

Победную точку в затянувшейся войне поставила суворовская победа при Козлудже. Однако донесение командующему писал старший начальник — Каменский. Он похвалил своего подчиненного, который якобы точно исполнил его приказания. Румянцев не стал разбираться в конфликте двух генерал-поручиков и 30 июня удовлетворил прошение Суворова, отпустив его из армии «ради излечения болезни».

А Каменский за Козлуджу получил ордена Святого Георгия 2-й степени и Святого Александра Невского. Сильно переживавший по поводу выговора Румянцева Суворов обратился к графу Чернышеву с просьбой о новом назначении, не зная, что оно уже состоялось.

СУВОРОВ ПРОТИВ ПУГАЧЕВА

Крестьянская война полыхала с грозной силой. Внезапная смерть А.И. Бибикова 9 апреля 1774 года в Бугульме повлекла за собой резкое ухудшение обстановки. Несмотря на поражения, которые мятежники потерпели от князя Петра Голицына и Ивана Михельсона, Пугачев прорвался к Казани и разорил богатый губернский город. С величайшим трудом защитникам удалось удержать цитадель. 15 июля Михельсон настиг повстанческую армию и нанес ей сокрушительный удар. Пугачев бежал на правый берег Волги, но, как справедливо заметил Пушкин, «это бегство напоминало нашествие». Поднялись массы крестьян густонаселенного Правобережья. В Нижнем Новгороде и самой Москве вспыхнула паника. На собранном императрицей совете Екатерина заявила, что сама отправится в Москву, чтобы защитить ее от толп самозванца. Члены совета, потрясенные известием о захвате Казани, вели себя пассивно. Возразил только глава Коллегии иностранных дел граф Никита Иванович Панин, считавший, что императрица должна оставаться в столице, а выставленные против самозванца силы следует поручить авторитетному лицу, наделив его чрезвычайными полномочиями. Уже после совета Панин убедил Потемкина поддержать кандидатуру его брата графа Петра Ивановича, проживавшего в отставке в Москве. Императрица не без оснований видела в Паниных главную оппозиционную придворную партию, действовавшую в пользу наследника престола, называла Панина-младшего своим «персональным оскорбителем», но всё же согласилась на его назначение. Ограничить диктаторские полномочия Панина в охваченных мятежом губерниях должен был начальник секретных комиссий (Казанской и Оренбургской), расследовавших причины возмущения. На этот пост был назначен Павел Сергеевич Потемкин, дальний родственник Григория Александровича, незадолго до назначения Панина вызванный из армии и получивший большие полномочия. Еще одним противовесом Панину должен был стать Суворов, о котором императрица уведомила графа Петра Ивановича: «Я фельдмаршалу приказала Генерал-Порутчика Суворова послать к вам наискорее».

Четырнадцатого августа в Киев, где Александр Васильевич пребывал с женой, прискакал курьер. Приунывший генерал вскрыл пакет. Главнокомандующий переслал ему высочайшее повеление прибыть в Москву для «употребления против возмутительного бунтовщика». Удачливого генерала императрице рекомендовали многие, в том числе племянник братьев Паниных князь Н.В. Репнин. Сам граф Петр Иванович просил себе опытного и авторитетного заместителя. Полагаем, что Суворов новым назначением больше всего был обязан возвысившемуся Потемкину, который полновластно распоряжался в Военной коллегии. Поначалу Александр Васильевич был назначен состоять при Московской дивизии, то есть выведен из непосредственного подчинения Панину. Тот запротестовал, и, поскольку острота кризиса миновала, Екатерина пошла на уступку. Мир с Турцией позволил высвободить военные силы для подавления мятежа. Императрица приказала Военной коллегии считать Суворова до окончания мятежа «под командою Генерала Графа Панина».

Суворов скакал в Москву, не подозревая о той борьбе, которая развернулась вокруг его назначения. 25 августа Панин из села Ухолова донес Екатерине о приезде Суворова «в одном только кафтане, на открытой почтовой телеге». Получив наставления, генерал-поручик «тот же момент и таким же образом поскакал с моим предписанием для принятия главной команды над самыми передовыми корпусами». «Таковую неутомленность и усерднейшее рвение в службе Вашего Императорского Величества, — писал Панин, — я справедливое -тию принял представить к монаршему Всемилостивейшему воззрению». Государыня отвечала, что Суворов своим приездом доказывает «давно уже известную его ревность и великую охоту к службе», и послала верному слуге Отечества две тысячи червонцев на «устроение экипажа». Неутомимый генерал в это время был уже в Царицыне. По дороге он видел, в какое разорение пришел край, испытавший ужасы истребительной смуты: восставшие не только поголовно уничтожали помещиков с их женами, детьми и родственниками, но, как правило, убивали их слуг и дворовых людей, сжигали дома, грабили храмы.

Как ни спешил Суворов, но всё же опоздал. Еще 25 августа в 95 верстах ниже Царицына полковник Михельсон нанес самозванцу решающий удар. Пятнадцатитысячная толпа пугачевцев была разгромлена. Спаслись около тысячи человек, но и они были настигнуты при переправе через Волгу и рассеяны. Пугачев бежал за Волгу. С ним были предводители мятежников, казаки и его личная охрана — всего 150 человек. Разобравшись в обстановке, Суворов 3 сентября донес из Царицына Панину о принятых мерах, чтобы Пугачева «истребить или же заключить от всех мест в такой зев, которого бы не мог миновать». Правительственные войска образовали кольцо окружения, вырваться из которого самозванец не мог.

Еще во время кампании в Польше Суворов оценил Михельсона как отличного боевого офицера. Через 12 лет после пугачевщины он честно признал в автобиографии: «…ежели бы все были, как г. Михельсон… разнеслось бы давно всё, как метеор». А в 1774 году, забрав у Михельсона кавалеристов и оставив ему пехоту, Суворов устремился в заволжские степи вслед за передовыми отрядами донских и оставшихся верными власти яицких казаков. «Иду за реченным Емелькою, поспешно прорезывая степь», — писал он 10 сентября командиру одного из правительственных отрядов гвардии поручику Гавриле Державину, не зная, что Пугачев уже схвачен. В первую же ночь после бегства за Волгу ближайшие сообщники самозванца Иван Творогов и Федор Чумаков «возобновили… намерение связать злодея» и привлекли на свою сторону еще несколько человек.

Пугачев предлагал уходить на Каспий и далее в Персию, но был арестован и 8 сентября доставлен на собранный казачий круг. Из 186 мятежников только 32 не одобрили ареста и лишь один высказался против. Лжеимператор грозил Божьими карами, местью наследника престола, пытался бежать — всё было тщетно. Оказывая самозванцу внешние знаки почтения, как государю, его бывшие сообщники направились в Яицкий городок (после подавления мятежа он был переименован в Уральск). Из правительственных манифестов они знали, что всем, кто захватит или убьет «набеглого царя», обещано прощение.

«Среди Большого Узеня я тотчас разделил партии, чтоб его ловить, — вспоминал Суворов, — но известился, что его уральцы, усмотря сближения наши, от страху его связали и бросились с ним, на моем челе, стремглав в Уральск, куда я в те же сутки прибыл. Чего ж ради они его прежде не связали, почто не отдали мне, то я был им неприятель и весь разумный свет скажет, что в Уральске уральцы имели больше приятелей…»

Стремительное преследование мятежников в заволжских степях ускорило развязку. Узнав от яицкого коменданта, что Пугачев арестован и находится в крепости, Суворов поспешил донести Панину: «Как-то кончитца? Однако призываю Бога! Беру смелость, поздравляю Ваше Высокографское Сиятельство! Рука дрожит от радости. На походе 60 верст от Яицкого городка. Спешу туда».

Генерал-поручик оказался первым из старших начальников, прискакавших в Яицкий городок. К этому времени гвардии капитан-поручик Савва Иванович Маврин уже допросил самозванца. «Описать того невозможно, сколь злодей бодрого духа», — отмечал по горячим следам Маврин. Емельян Иванович каялся в преступлениях и всю вину валил на яицких казаков. Гвардеец дважды предъявлял самозванца его вчерашним сторонникам, явившимся с повинной и численно превосходившим гарнизон крепости. Расчет Маврина оказался точным: признание Пугачева в том, что он простой донской казак, толпа встретила криками возмущения и рыданиями. Узнав о том, что были обмануты, мятежники осознали тяжесть совершённого ими греха.

Суворов, приняв Пугачева в Яицком городке, 18 сентября выступил в обратный путь. С дороги он предложил Панину доставить «государственного злодея» прямо в Москву. Можно представить себе, с каким восторгом встретили бы его жители древней столицы, еще недавно трепетавшие от страха за свою участь. Но Панин не собирался уступать Суворову славу спасителя Отечества и приказал везти Пугачева к себе в Симбирск. 2 октября Суворов сдал самозванца Панину.

В донесении императрице граф Петр Иванович отметил заслуги и труды генерал-поручика Суворова и генерал-майора Голицына, «которые по степи с худшею пищею рядовых солдат, в погоду несноснейшую, без дров и без зимнего платья, с командами, приличествующими чинам больше майорским, нежели генеральским, гонялись до последней крайности злодея и собственной своей отваги».

Панин прибавил, что отпустил Суворова в Москву «для свидания с душевною его обладательницею, прилепленность к которой уже совершенно утверждает сию истину, что преданность к любовному союзу совершенно владычествует над самыми строгими героическими и философическими дарованиями и правилами». Государыня поручила объявить Суворову и Голицыну свою благодарность. «Отпуск первого к Москве на короткое время к магниту, его притягивающему, — писала Екатерина, — я почитаю малою отрадою после толиких трудов».

Но эти светские любезности прикрывали тонкую политическую игру. Императрица уже имела еще одно донесение из Симбирска. Павел Сергеевич Потемкин писал: «Всего горше, Всемилостивейшая Государыня, что при самом первом свидании Господина Генерал-Порутчика Суворова и моего, Его Сиятельство удостоил пред целым народом изъяснить благодарность Господину Суворову Священным имянем Вашего Величества и всей Империи, якобы Суворов поймал злодея Пугачева; с такою холодностию, ко мне изъявляемою, что нетрудно было видеть в нем внутреннюю ко мне досаду. Может, сие происходит от того, что не скрыл я от Его Сиятельства, каким образом в самом деле злодей был пойман, а Господин Суворов не устыдился при всех зрителях целовать шесть раз в руки и полы одобрителя».

Получив это послание своего доверенного лица, Екатерина заметила его родственнику Григорию Александровичу, хлопотавшему о достойной награде для Александра Васильевича: «Голубчик, Павел прав. Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драк и по поимке злодея». Ироничная ссылка на комнатную собачку императрицы в большей степени, чем Суворову, предназначалась Панину. Опасаясь усиления его придворной группировки, государыня перехватила инициативу и выдвинула на первое место никому не известного полковника, заявив, что «Михельсону обязана поимкою Пугачева, который едва было не забрался в Москву, а может быть и далее». Суворов, оказавшийся в центре сложной политической борьбы, тайные пружины которой он вряд ли сознавал, остался без наград.

Сегодня можно слышать рассуждения о том, как трудно писать учебники истории. В качестве примера часто приводится Суворов: он был великий полководец — но он же разгромил армию

Пугачева и приказал соорудить клетку, в которой повез «народного вождя» на казнь. Как об этом рассказывать школьникам?

Суворов прибыл на Волгу после разгрома мятежников. Если бы он оказался там в марте — апреле, участь самозванца и его толп была бы той же, зато губернский город Казань и густонаселенные места правобережья Волги были бы спасены от истребительного пожара народного бунта. Пресловутая же клетка представляла собой телегу, перекрытую прочными деревянными жердями, между которыми были оставлены зазоры для наблюдения за «государственным злодеем». Ее соорудили по приказанию следователя Саввы Маврина. И сегодня опасных преступников перевозят в специально оборудованных машинах.

Коммунистические диктаторы, навязывая народу Болотникова, Разина и Пугачева в качестве образцов для подражания («борцов против самодержавия»), беспощадно подавляли казачьи и крестьянские восстания. Жертвы массового террора исчислялись сотнями тысяч. Идеализируя пугачевщину, советские историки называли мятеж яицких казаков «крестьянской войной», хотя сам Пугачев и его атаманы презрительно именовали крестьянский люд «сволочью».

С середины 1930-х годов, когда история была возвращена в школы и университеты, участие Суворова в борьбе против самозванца стыдливо замалчивалось. Великая Отечественная война, во время которой именем Суворова были названы полководческие ордена и военные училища, заставила на время приглушить восхваления Пугачева. Но после «оттепели» появились выпады против Суворова в стихах советских поэтов: он вез Пугачева на казнь. На одном из живописных полотен советская художница изобразила железную клетку, из которой «народный вождь», одетый в кумачовую рубаху, грозил своим тюремщикам во главе с Суворовым.

В грозные дни осени 1774 года для Суворова не существовало вопроса, как поступить. Он видел, во что превратился край, в котором бушевал мятеж. При всей справедливости народного возмущения против крепостнических порядков (об этом честно писали и Бибиков, и Маврин, и Державин) восстание действительно было «политической чумой». В автобиографии 1790 года Суворов счел нужным остановиться на своей тогдашней деятельности: «Сумасбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тирански умерщвленных, и не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя. Сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, разве гражданскую, и то одним безнравным зачинщикам, но усмирял человеколюбивою ласковостию, обещанием Высочайшего Императорского милосердия».

Приведем сведения из «Ведомости перечневой, сколько и каких званий людей злодеями разными способами умерщвлено…»: «Страдальческими смертьми замучено… перебито до смерти… повешено… застрелено, потоплено… заколото… изрублено» 1572 человека, принадлежавших к дворянскому званию, из них 474 женщины и 282 ребенка. Повешены 237 человек духовного звания с женами и 1037 унтер-офицеров, разночинцев, канцелярских служителей с женами и детьми. Об этом учебники молчали, как и о признании, сделанном самим Пугачевым на первом допросе: «Дальнего намерения, чтоб завладеть всем Российским царством, не имел, ибо, рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способным».

Победа неграмотного «народного царя» при поголовном истреблении дворянства, имевшего не только власть, но знания и опыт управления, означала бы крах государства с чудовищными жертвами среди народа. Страна была бы обречена на расчленение соседями.

Если мы хотим воспитывать сознательных граждан-созидателей, то героями учебников истории должны быть не разрушители, а строители государства, среди которых самое видное место занимает Суворов.

Десятого января 1775 года Пугачев и четверо его сообщников были казнены на Болотной площади в Москве. Через две недели в Уфе был обезглавлен Чика-Зарубин, годом ранее пытавшийся захватить эту маленькую крепость. Сообщники самозванца, выдавшие его властям, получили помилование. Смертная казнь постигла еще нескольких виднейших деятелей мятежа. Наибольшее число казней (324) пришлось на самые горячие дни бунта. Из захваченных с оружием в руках пугачевцев, дела которых (всего более 12 тысяч) рассматривали секретные Казанская и Оренбургская комиссии, а также Тайная экспедиция Сената, были казнены только 48 человек, сотни наказаны кнутом, плетьми, розгами, шпицрутенами, батогами, но подавляющее большинство (11 917 человек) было освобождено. Маленькая подробность опровергает измышления советских историков о «дворянском терроре». В разгар торжеств 1775 года к Потемкину, шефу казачьих войск, был прислан под стражей донской казак Дементий Иванович Пугачев. Ни в каких мятежах он замечен не был, служил исправно. Потемкин распорядился освободить родного брата «государственного злодея», приказав ему именоваться Дементием Ивановым и помалкивать о самозванце. О предании всего мятежа забвению говорилось в специальном манифесте императрицы от 17 марта 1775 года.

Несколько лет спустя Суворов подвел итог своей деятельности в Поволжье. «Не могу, почтенный друг, утаить, — писал он из Астрахани статссекретарю императрицы Петру Ивановичу Турчанинову, — что я, возвратясь в обществе разбойника с Уральской степи, по торжестве замирения, ожидал себе Св. Ан[дрея]. Шпаги даны многим, я тем доволен! Обаче (впрочем. — В. Л.) не те награждения были многим, да — что жалко — за мои труды».

В июле 1775 года во время московских торжеств по случаю замирения с Турцией и прекращения внутренней смуты Суворов наряду с несколькими другими генералами был награжден драгоценной шпагой, украшенной бриллиантами.

Александр Васильевич не гонялся за чинами и орденами, но очень горячо переживал недооценку своих заслуг. Скажем прямо, судьба оказалась к нему несправедливой. Но Суворов приобрел репутацию умелого, бесстрашного и, главное, удачливого военачальника. Его хорошо узнала императрица. За него хлопотал самый влиятельный человек при дворе — Потемкин. «Удостаивайте, Милостивый Государь, — писал ему Суворов 13 октября 1774 года, — способием Вашим могущественного ходатайства такого человека, которого надежда вверяет в достохвальные Ваши добродетели. Великость оных ознаменится тем более и обяжет меня к прославлению имени Вашего».

Последующие события подтвердили, как высоко ценил Суворова князь Григорий Александрович. При решении новых встававших перед Россией задач он смело выдвигал боевого товарища на ответственные посты.

БОРЬБА ЗА КРЫМ И КУБАНЬ

Кючук-Кайнарджийский мир, добытый напряжением всех сил государства, стал важным этапом в укреплении позиций России в Северном Причерноморье. По условиям мира Россия получила Керчь и Еникале в Крыму, а на узкой, далеко выдвинутой в море Кинбурнской косе спешно перестраивалась бывшая турецкая крепость. Эти укрепления обеспечивали выход русских кораблей из Азовского моря и Днепровско-Бугского лимана в Черное море, хотя и под бдительным присмотром Турции. Крепость Суджук-Кале в Прикубанье и мощный, возвышавшийся над маленьким Кинбурном Очаков позволяли Порте сохранять сильные позиции на северных берегах Черного моря. Поэтому особое значение приобретало Крымское ханство.

Спустя несколько десятков лет после освобождения от монголо-татарского ига именно Крым стал самым беспощадным врагом Московского государства. Иван Грозный начал успешную войну с северо-западными соседями. Но в 1571 году крымско-ногайская конница хана Девлет-Гирея прорвалась через засечную черту к Москве. В гигантском пожаре погибли многие жители столицы, тысячи русских людей были угнаны в полон и проданы в рабство. Хан обещал на будущий год прийти снова и покончить с самостоятельностью Московии. Но в битве при Молодях в 50 верстах от Москвы (под нынешней Лопасней) крымцы были разгромлены. Однако набеги продолжались с пугающей регулярностью. Грабеж русских земель и торговля рабами стали основным способом хозяйственной жизни ханства. Главным невольничьим рынком, известным далеко за пределами Черного моря, была Кефе (ныне Феодосия), второй центр работорговли находился в Анапе. По некоторым подсчетам, набеги соседей за неполные три века стоили Руси около двух миллионов человек.

Почти сразу же после образования в XV веке Крымского ханства его властители, потомки Чингисхана из рода Гиреев, сделались вассалами турецкого султана. По воле Константинополя ханская конница совершала набеги на Москву или польский Краков. Крымско-ногайских всадников видели в центре Европы. В 1683 году огромная османская армия, в которую входили ханские воины, обложила Вену. Столицу крупнейшей европейской державы спас польский король Ян Собеский, хотя сама Польша в войне с турками потеряла Каменец-Подольский и другие крепости.

Выплата Москвой дани Крыму была отменена только в 1700 году при Петре 1. Последний набег крымской конницы на южные земли России был совершен зимой 1769 года. После него остались тысячи сгоревших изб, разграбленные церкви и мельницы, были уничтожены запасы хлеба и сена, почти три тысячи мирных жителей погибли или были угнаны в плен. Степные хищники угнали весь скот.

Наконец по условиям Кючук-Кайнарджийского мира Россия получила крепости в Крыму, а ханство было объявлено независимым. Сразу же завязалась упорная борьба за влияние на него. Сначала Турции удалось возвести на ханский престол своего ставленника Девлет-Гирея IV. Россия сделала ставку на кочевавших в Прикубанье и на Тамане (Тамани) ногайцев, которыми правил калга (наместник хана) Шагин-Гирей. Среди них удалось создать сильную партию, выступившую за союз с Россией.

Суворов после бурных событий 1774 года получил короткую передышку. Он повидался с семьей в Москве, потом снова отправился в Поволжье налаживать жизнь в крае, пострадавшем от Пугачевского восстания. Затем Потемкин перевел его в Санкт-Петербургскую дивизию, которой командовал фельдмаршал граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Назначение в столичную дивизию было весьма почетным.

В 1775 году в личной жизни Александра Васильевича произошли два заметных события. 15 июля скончался его отец, оставив сыну значительное состояние и дом, купленный в Москве у Никитских ворот. Сегодня на этом доме можно видеть мемориальную доску с изображением Суворова. Возможно, именно здесь 1 августа 1775 года родилась его любимица — дочь Наташа, «Суворочка».

Рядом находился дом Григория Александровича Потемкина, также доставшийся ему от отца. Два великих человека сделались соседями. Правда, и тот и другой бывали в Москве редкими наездами.

В январе 1776 года, уже по возвращении царского двора из Москвы в Петербург, Потемкин обратился к императрице с докладом: «Генерал-Порутчик Суворов просит в отпуск на год. По сему и не остается в дивизии Петербургской ни одного Генерал-Порутчика. Я б желал Господина Кашкина, но на сие нужна Ваша воля. Ежели позволите, то Коллегия его определит». Резолюция Екатерины: «Определите Кашкина».

На это время приходится самый острый кризис в отношениях между Екатериной и Потемкиным. Семейная лодка оказалась слишком мала для двух сильных характеров. Потемкин был не из тех, кому нравилась жизнь при дворе. Он был рожден для великих дел, и Екатерина первой поняла это. «Мы ссоримся о власти, а не о любви», — признавалась она Григорию Александровичу. Появление нового фаворита Завадовского означало конец «случая» Потемкина. Придворные и дипломаты со дня на день ждали отставки князя — и не дождались. К изумлению современников, властные полномочия «отставленного фаворита» неуклонно росли. Получив в 1775 году титул графа, в следующем он стал (при решающем содействии императрицы) князем Священной Римской империи германской нации. Ему подчинялся первый из четырех гвардейских полков — Преображенский. Он возглавлял военное ведомство и был шефом казачьих и нерегулярных войск. Государыня вручила ему власть генерал-губернатора в Новороссии — землях, отвоеванных у Турции и Крыма. Утверждение России в ранге черноморской державы стало главным делом жизни светлейшего князя. Именно он возглавил поворот российской внешней политики с Запада на Юг.

Когда в 1776 году положение в Крыму обострилось, туда вошли русские войска, которыми командовал генерал-поручик князь А.А. Прозоровский. В помощь ему Потемкин направил Суворова. 17 декабря 1776 года Александр Васильевич прибыл в Крым и через месяц вступил во временное командование корпусом вместо заболевшего Прозоровского. Одним маневрированием пехоты и конницы он рассеял сторонников турецкого ставленника Девлет-Гирея и вынудил его бежать на турецком корабле в Константинополь.

Двадцать третьего марта 1777 года в Карасу-Базаре Суворов торжественно встретил прибывшего с Кубани Шагин-Гирея. Ногайцы при поддержке русских войск избрали его ханом. Через шесть дней диван (совет знати) в Бахчисарае утвердил этого ставленника России на ханском престоле. Турция, занятая войной с Персией и столкновениями с Австрией, не решилась на еще одну войну. Однако Румянцев, которому подчинялись расположенные в Малороссии и Новороссии войска, на всякий случай приказал занять стратегические пункты в Крыму и на Кубани для предотвращения турецких десантов.

После выздоровления Прозоровского Александр Васильевич отпросился в отпуск под предлогом болезни. Князь Александр Александрович (троюродный брат жены Суворова) поспешил удовлетворить просьбу своего слишком деятельного подчиненного. Генерал-поручик отправился в Полтаву, где его ожидали жена и маленькая дочь, и сразу же напомнил о себе Потемкину: «Вашей Светлости всевозможная милость сколь бы велика ко мне была! естьли б меня удостоить соизволили препоручением какого корпуса, каковым до сего я начальствовал без порицания».

Дожидаясь ответа, Александр Васильевич провел лето и осень 1777 года в Полтаве и в селе Опошня. Сохранилось редкое свидетельство недолгого семейного счастья полководца. «Ожидаю скорого отправления к препоручаемому мне корпусу, — пишет он 3 октября своему бывшему начальнику по службе в Петербурге генерал-аншефу Василию Ивановичу Храповицкому — Становлюсь стар и дряхл, однако ныне здесь на свадьбе танцую; дочь моя в меня, бегает в холод по грязи, еще говорит по-своему… Когда-то Бог велит видетца. Правда, надлежало бы моей жене погулять по набережной и в проезде Вам наш поклон отдать».

Вскоре неотложные дела заставили Суворова покинуть семью. Обстановка в Крыму резко обострилась. Спешка Шагин-Гирея с реформами на европейский лад, его пренебрежение национальными и религиозными традициями, а главное, экономическая необеспеченность преобразований — всё это привело к широкому недовольству, которым не замедлила воспользоваться турецкая агентура. 5 октября 1777 года взбунтовались бишлеи — личная гвардия хана. Шагин-Гирей бежал под защиту русских войск. Волнения перекинулись на Тамань и в Прикубанье. По просьбе хана русским войскам было приказано восстановить порядок. Но бои носили ожесточенный и затяжной характер. Нерешительность Прозоровского вызвала недовольство Румянцева. Когда же фельдмаршал усмотрел из его рапортов, что Суворова нет в Крыму, он строго выговорил командующему корпусом. Самому же Александру Васильевичу 14 ноября 1776 года последовал короткий приказ: «По получении сего имеете Ваше Превосходительство явиться к команде в корпусе, вверенном Генерал-Порутчику Князю Прозоровскому, где, как и Вам небезызвестно, открылись уже военные действия».

Без сомнения, Румянцев рассчитывал на Суворова. Но тот не забывал выговора, полученного после блистательной победы при Козлудже. «По течению службы благополучие мое зависит от одной власти высокой особы Вашей Светлости, — писал он Потемкину 20 ноября из Опошни. — Граф Петр Александрович посылает меня в Крым». За осторожно высказанным нежеланием служить под началом Прозоровского следовала просьба о покровительстве. Глава Военной коллегии откликнулся незамедлительно и предложил Румянцеву направить Суворова на Кубань, где небольшое число войск должно было прикрывать обширную границу от набегов кочевников и горцев. Командовавший Кубанским корпусом генерал-майор И.Ф. Бринк не справлялся с обстановкой, обострившейся после мятежа в Крыму: 2 декабря 1777 года с трудом удалось отбить нападение протурецки настроенных закубанцев на главную базу корпуса Копыл. Среди ногайских орд активно действовала турецкая агентура. Набеги продолжались — фактически шла необъявленная война.

Сам Румянцев был недоволен Бринком, требуя от него «свои позиции взять так, чтобы ему удобно было и границы свои прикрывать, и разные орды и народы держать в страхе. И не бесплодно озираться на так великом пространстве и на кочующие разные орды и народы, и которые сей отряд, с разных сторон тревожа, изнурить могут до крайности».

Фельдмаршал согласился с предложением Потемкина. 7 декабря он уведомил светлейшего князя, что Суворов «находился в отпуску, как открылися в Крыму военные действия. И по полученным тогда неприятным известиям велено было от меня явиться ему к команде, а ныне дал я ордер, чтоб он, Господин Суворов, ехал для принятия команды над корпусом на Кубани».

Ордер Суворову гласил: «Ваше Превосходительство, имеете с получением сего ехать для принятия команды над корпусом на Кубани и по данным от меня Господину Генерал-Майору Бринку [наставлениям], относительно дел татарских и взаимного сношения, поступать. И как о получении сего, так и отъезде, прибытии и принятии команды меня рапортовать».

В первый день 1778 года Суворов, преодолев бескрайние заснеженные степи (на единственном тракте от Полтавы до крепости Святого Дмитрия Ростовского было 22 ямские станции), прибыл в главный опорный пункт на юге России, где размещался штаб Кубанского корпуса. Болезнь задержала отъезд генерала на Кубань, но уже 18 января он донес Румянцеву из Копыла о личном обозрении «положения сей земли, всех в ней учрежденных постов и набережных мест». Через месяц императрица выразила Румянцеву свое удовольствие в связи с тем, «что Генерал-Порутчик Суворов принял команду над корпусом Кубанским», и повелела, чтобы Бринк передал ему и все политические дела с местными племенами и турками.За три месяца пребывания на Кубани Суворов развил кипучую деятельность. Прекрасно поставленная разведка позволяла ему быть в курсе настроений и намерений горских и ногайских предводителей. Среди ногайцев были и сторонники, и противники Шагин-Гирея, и приверженцы ориентации на Россию или Турцию. Горские племена, жившие военной добычей, враждовали с кочевниками-ногайцами, совершали набеги, угоняли лошадей и скот, захватывали пленных. От набегов страдали казаки Войска Донского и жители приграничных губерний. Новый командующий, где лаской и подарками, где угрозой применить силу, а где и решительными действиями, сумел умиротворить вверенный ему край.

Пригодился опыт борьбы с польскими конфедератами. Суворов внедрял в армии тактику активной обороны. При нехватке войск он так поставил дело, что ему удалось высвободить значительное количество солдат для проведения фортификационных работ. В короткое время были сформированы две «работные армии» по 700 человек и опасный разрыв между Моздокской линией и укреплениями на Кубани прикрыт системой полевых крепостей и шанцев. Не хватало инженеров. Еще в юности проштудировавший сочинения великого Вобана Суворов лично выбирал места для новых укреплений, сам чертил планы, обучая на практике подчиненных основам инженерного дела. Сочетая систему опорных пунктов с подвижными резервами, он сделал линию укреплений непреодолимой для кочевников и горцев.

К пребыванию Суворова на Кубани относится небольшая, но весьма характерная история (в те времена подобные истории называли анекдотами), попавшая на страницы самых ранних книг о полководце:

«Некогда Суворов, находясь на Кубанской линии, предприял объехать оную. Слух о сем разнесся по линии, и каждый начальник в своем месте ожидал его прибытия. Но Суворов не любил, чтоб его ожидали: всегда приезжал, когда его не чаяли, и так, что его не узнавали.

В сей раз выехал он в простых пошевнях и ночью приехал на почтовую станцию, где стоял со своею командою капитан N, старый служивый и весельчак. Он никогда Суворова не видывал. Услышав почтовый колокольчик, он вышел и никак не мог подумать, чтоб был то корпусной начальник, и счел его за простого офицера.

"Э! брат, служивый, — сказал он ему, — ты иззяб, войдем в избу; выпей чарку водки, да поужинаем, чем Бог послал".

Суворов, благодаря его, вошел с ним. Стол был готов, то есть на оном поставлена была кашица и штоф с водкою. Сели за стол. Суворов с отличною охотою ел горячую кашицу. Капитан спрашивал у него, кто он, куда едет? Суворов на первое отвечал ему, что в мысль попало, а на последнее, будто бы послан от Суворова заготовлять для него лошадей по линии.

"Странно! Не нашли тебя моложе. Да сколько надобно лошадей?"

"Ведь Генерал, — отвечал Суворов, — хоть будет налегке, но все восемнадцать".

"Вот тебе раз! А здесь только восемь. Ну, да станица казачья близка, за лошадьми не станет. Изволит подождать. Да скажи мне, камрат , каков этот Суворов? Говорят, строг? Полно, я не боюсь, хоть в полночь приезжай, все у меня исправно. Я люблю служить у строгова командира".

"Неужли ты не слыхал об нем? Все говорят, об нем, что он пьяница и чудак".

"Э, э! ты, брат, шутишь! Видна птица и по полету. Он так загонял поляков и турков, что пред ним другие Генералы дрянь".

После сего много наговорил он в похвалу Суворова, на что Суворов отчасти говорил опровержения, частью же соглашался. Суворов с капитаном подружились, выпили еще по рюмке водки, переценили всех знакомых генералов, обнялись, пожали друг у друга руку, и Суворов поскакал далее. С следующей станции Суворов написал к сему Капитану записочку: "Суворов проехал, благодарит капитана N за ужин и просит о продолжении дружбы"».

Приведенный анекдот свидетельствует об известности и популярности в войсках боевого и победоносного генерала, чуждого показной важности и роскоши.

Усилиями Суворова и его подчиненных Кубань и Тамань были защищены от турецких десантов и их местных союзников. В Крыму обстановка оставалась тревожной. Хотя мятеж был подавлен и власть Шагин-Гирея восстановлена, Румянцев и сама императрица были недовольны тем, как Прозоровский распоряжался имевшимися у него значительными силами.

Было решено сменить его на деятельного и удачливого Суворова. 23 марта 1778 года последовал ордер фельдмаршала о назначении Александра Васильевича командующим Крымским корпусом, при этом Кубанский корпус также остался за ним.

Двадцать восьмого апреля 1778 года генерал-поручик прибыл в Крым. Покидая Кубань, он счел необходимым подвести некоторые итоги и сделать приобретенный опыт достоянием каждого офицера и солдата. В приказе по Кубанскому корпусу от 16 мая подробно разбираются меры по организации службы, обучению войск, сбережению здоровья воинских чинов. Ничто не забыто: как строить батальонные каре (подвижные крепости, удобные и при обороне, и при наступлении), как учить войска стрельбе и штыковому удару, конницу — атаке на саблях, казаков — на пиках. «Пехотные огни открывают победу, — наставляет подчиненных Суворов, — штык скалывает буйно пролезших в карей (каре. — В. Л.), сабля и дротик (пика. — В.Л.) победу и погоню до конца совершают». В несколько тяжеловесных, перегруженных подробностями строках приказа уже проступают идеи «Науки побеждать». Красной нитью проходит наставление о дружбе с мирным населением и гуманном отношении к плененному врагу. «С пленными поступать человеколюбиво, стыдиться варварства», — приказывает Суворов.

Война всегда была кровавым делом. Ее суть не изменилась и сегодня, когда сказки о гуманном отношении к гражданскому населению зачастую прикрывают преступления политиков, а средства истребления достигли мировых масштабов. Что же говорить о XVIII веке? Вспомним приказ командующего Египетской армией Наполеона Бонапарта о расстреле четырех тысяч пленных, сдавшихся под честное слово его подчиненных в Палестине. Призыв русского полководца к человеколюбивому обращению с пленными резко контрастирует с тогдашней военной практикой. Суворов был христианин не на словах, а на деле, придавал огромное значение развитию в подчиненных чувства нравственного долга и патриотизма, видя в этом залог моральной стойкости своих войск. Этот приказ был дословно повторен для Крымского корпуса.

Новый командующий быстро установил доверительные отношения с крымским правительством и лично с Шахин-Гиреем. Хан слыл человеком просвещенным. В юности он учился в Венеции, знал итальянский, арабский, греческий и русский языки, писал стихи. Но его деспотизм и торопливость в проведении реформ, в перестройке крымских войск на европейский лад вызвали ропот среди подданных. Распускались слухи о том, что хан изменил вере предков и тайно принял христианство. Шагин-Гирей знал о том, как его ненавидят в Турции, чувствовал себя очень неуверенно и просил Суворова об охране. Тот выделил ему батальон.

Без единого выстрела Суворову удалось выпроводить отряд турецких кораблей, с декабря 1777 года застрявших в Ахтиарской бухте. На кораблях имелось много больных, и под предлогом карантина туркам было запрещено сходить на берег. Начался голод. Экипажи требовали от начальства либо начинать боевые действия, либо уходить. После вероломного убийства одного казака турками, самовольно высадившимися на берег, Суворов выразил резкий протест начальнику турецкой эскадры. По его приказу 15 июня по обеим сторонам гавани расположились три батальона с «приличною артиллериею и конницею и при резервах вступили в работу набережных ее укреплениев» (так было положено начало строительству главной базы Черноморского флота — славного Севастополя). Турецкий адмирал Хаджи Мегмет поспешил уверить Суворова в дружбе, обещал строго наказать виновных и запросил о причинах постройки укреплений. В ответ он получил заверения в желании сохранить мир. Касательно заявления турка о праве пребывания его кораблей в крымских водах Суворов напомнил, что ханство является землей независимой, и возложил ответственность за обострение отношений персонально на Хаджи Мегмета. Тот поспешил покинуть гавань и пошел со своими судами к Очакову.

Шагин-Гирей выразил Суворову благодарность. Был доволен действиями подчиненного и Румянцев.

Вскоре над Крымом нависла новая опасность. 9 июля 1778 года Румянцев сообщил Потемкину о том, что, согласно полученным им известиям, большой турецкий флот выступил в Черное море, пойдет в Синоп, а оттуда в Крым. «А как там господин Суворов не говорлив и не податлив, — выражал опасение фельдмаршал, — то не поссорились бы они, а после не подрались бы».

Через пять дней генерал-поручик получил письмо, подписанное капитан-пашой Газы Хасаном и трапезундским и эрзерумским пашой Хаджи Али Джаныклы. Турецкие военачальники в ультимативной форме требовали прекратить плавание русских судов по Черному морю — «наследственной области величайшего и могущественнейшего монарха, в которой никто другой и малейшего участия и никакого права не имеет». Заканчивалось послание угрозой топить русские военные корабли.

На кораблях командующего морскими силами Османской империи находился десант — воины Хаджи Али. Акция выглядела как личное дело полунезависимого феодала, порой бунтовавшего против центральной власти.

К встрече непрошеных гостей Суворов был готов: удобные для десантирования места были надежно прикрыты укреплениями и войсками. Ответ русского генерала был учтивым, но твердым: он не может поверить, чтобы «письмо… точно от вас было писано», ибо столь важные особы должны не только хранить обязательства своего государя насчет Крыма, но и соблюдать благопристойность и вежливость по отношению к России, с которой султан заключил договор о вечном мире; угрозы же свидетельствуют о намерении этот мир разрушить, а посему он, Суворов, имеет полное право дать отпор «сильною рукою», за что вся ответственность «пред Богом, Государем и пред целым светом по всей справедливости» падет на турецких военачальников.

Пока корабли с десантом медленно плыли от Синопа к берегам Крыма, Суворов провел важнейшее мероприятие — вывод местных христиан. Еще 8 марта Екатерина повелела Румянцеву «живущих в Крыму греков, грузин и армян, кои добровольно согласятся прибегнуть под покров наш и пожелают поселиться в Новороссийской и Азовской губерниях… принимать их со всею ласкою». Потемкину предписывалось «учинить подлежащие распоряжения, дабы новые сии поселяне со дня вступления в границы наши не токмо в пропитании своем не претерпели ни малого недостатка, но и по рассмотрению Вашему снабдены были как достаточным числом земли, так и нужными к заведению их домостроительства пособиями из казны нашей».

Инициатором акции был Потемкин. Проводя курс на ликвидацию постоянной угрозы для южных губерний России, он сознавал, что борьба за утверждение в Северном Причерноморье будет долгой и трудной. Без сильного флота ее не выиграть. Поэтому после окончания войны Потемкин, назначенный генерал-губернатором Новороссии, форсировал заселение и хозяйственное освоение причерноморских степей. Он выбрал место для Херсона — базы создаваемого на Черном море флота. Одновременно со строительством города шло возведение верфей.

На повестку дня встало решение вековой задачи — овладение Крымом. Христиане — греки и армяне, колонии которых давно существовали в Крыму и насчитывали более тридцати тысяч человек, во время мятежа 1777 года поддержали русские войска, поэтому угрозы фанатиков расправиться с ними были вполне реальны. История изобилует примерами жестоких расправ османских правителей над христианским населением Греции, Кавказа, южными славянами.

Потемкин учел и то, что ханская казна получала основной доход от налогов, уплачиваемых христианами, занимавшимися, в отличие от воинов-степняков, ремеслами, торговлей, сельским хозяйством, рыбной ловлей. Их вывод подрывал и без того слабую финансовую базу Шагин-Гирея, ставя его в еще большую зависимость от России.

Хан и правящая верхушка сразу поняли, чем грозит уход христиан. В гневе Шагин-Гирей обвинил Суворова в том, что его агенты принуждают греков и армян к выезду угрозами и обманом, а командующий Крымским корпусом нарушает договор о независимости ханства. Суворов и резидент А.Д. Константинов пускали в ход всё свое дипломатическое искусство, чтобы не допустить разрыва с ханом. Увещевание крымских христиан поселиться на новых землях в Приазовье с гарантией больших привилегий взяли на себя их духовные пастыри.

Но Шагин-Гирей всё же пошел на разрыв — отказался принять резидента и в новом письме Суворову от 22 июля 1778 года, обвинив того в неуважении к себе лично, потребовал полного ответа по делу о переселении. Генерал-поручик разъяснил, что христиане просили императрицу о защите «от предгрозимых бедствий и сущего истребления», и подтвердил верность России договорным обязательствам с гарантией полной поддержки хана как законного правителя Крыма, однако на просьбу дивана о 25-дневной отсрочке вывода ответил вежливым отказом.

Хан пригрозил, что пожалуется Панину и Румянцеву на несправедливости, якобы самовольно совершенные Суворовым и его подчиненными. В знак протеста он покинул дворец в Бахчисарае и стал лагерем в нескольких верстах от столицы. Как видим, операция по выводу христиан оказалась чрезвычайно сложным со всех точек зрения делом. Пришлось нанять более двух тысяч подвод, запряженных парами волов, обеспечить переселенцев продовольствием и жильем на всем пути следования к новым местам, придать им охрану. От Суворова требовали как можно быстрее завершить операцию и… поддерживать добрые отношения с ханом. Он должен был не допустить высадки турецких десантов в Крыму и… не давать повода к войне.

Описывая Петру Ивановичу Турчанинову ход переселения, впечатлительный Суворов делился с ним опасениями: «Боюсь особливо Петра Александровича за християн. Хан к нему послал с письмами своего наперсника. Чтоб он меня в Санкт-Петербурге чем не обнес. Истинно, ни Богу, ни Императрице не виноват». В письме от 18 августа читаем: «Худо с большими людьми вишенки есть (намек на живущего в имении «Вишенки» Румянцева, который, поддавшись ханским наветам, будет строго взыскивать с Суворова. — В. Л.), — бомбардирование началось и с получения [ордера] я, жена, дочь — в один день в публичной горячке. Прости, мой благодетель!»

В разгар вывода христиан у крымских берегов появились корабли Газы Хасана. Командующий Крымским корпусом предупредил турецких военачальников о том, что «карантин (на турецких кораблях отмечались случаи заболевания чумой. — В. Л.) не позволяет отнюдь ни под каким предлогом спустить на берег ни одного человека из ваших кораблей». Запрет был подкреплен военными демонстрациями.

Турция не решилась на новую войну — вскоре подписала с Россией конвенцию, подтверждавшую условия Кючук-Кайнарджийского мира, и признала законность избрания ханом Шагин-Гирея. Россия в ответ обещала вывести войска из Крыма и с Кубани. Трепетавший за свою участь хан также пошел на уступки. Напряжение спало.

Шестнадцатого сентября Суворов донес Потемкину о завершении операции по переселению крымских христиан:

«Кончен сей вывод, Светлейший Князь! Нижайше поздравляю Вашу Светлость с 31 096 душ обоего пола. За тем еще осталось в полуострове за долгами и расправами зимующих в Ениколе и Черкасске 288 душ. Святые пастыри митрополит и архимандрит с их последним стадом отправляютца 17-го числа под приличным эскортом. В тож время почтенный отец Иаков, католицкие из Кефы духовные их труды избавления христиан от варварского ига основали и кончили.

О издержанных деньгах точные ведомости из всех мест еще не дошли, о чем Вашей Светлости непродолжительно донесу; но полагать можно, расход сей на вывод христиан простиратца может здесь до 130 000 рублев. Прогоны замыкают в себе половину того или свыше.

Генерал-Порутчик Александр Суворов».

Точно такое же донесение было отправлено Румянцеву. Суворову по-прежнему казалось, что фельдмаршал недоволен его действиями и порой принимает сторону хана. «В когтях я здесь ханского мщения, Фельдмаршал… воздвигнетца на мои недостатки, коими постепенно полон род человеческий, а дела мне здесь скоро не будет или нет, — пишет Суворов Турчанинову. — Вывихрите меня в иной климат, дайте работу, иначе или будет скушно, или будет тошно. Жена родит, коли будет жива, в исходе ноября; в половине генваря дайте работу… свеженькую. Денежек немало у меня на христиан вышло, не противно ли то будет Светлейшему Князю? А, правда, кажетца, по душам дешевле нельзя».

Опасения Суворова были напрасными — Румянцев высоко ценил его. Но излишняя суровость фельдмаршала заставляла впечатлительного генерал-поручика искать поддержки у добросердечного Потемкина. Именно ему предназначались письма, адресованные Турчанинову. Красноречива приписка к посланию от 19 сентября: «Вышний Боже! Что я Вам могу отвечать на Ваше письмо от 21 ч. августа. Всякого рода одна благодарность мала. Моя — за границей! Нет, жертва самого себя! Остатки последней моей рабской крови не могут отплатить пролитием их на алтарях матери вселенной! Томящуюся в болезни, чреватую жену, равно мою девчонку, себя — забываю, помня себя только в единственной части — высочайшей службы, где бы она ни была, хоть в бездне океана. Бог да подкрепит мои силы».

Это был отклик на сообщение Турчанинова о высокой оценке Потемкиным и самой Екатериной деятельности Суворова в сложных крымских обстоятельствах. В награду генерал получил украшенную бриллиантами золотую табакерку с портретом императрицы и надписью: «За вытеснение турецкого флота из Ахтиарской гавани и от крымских берегов».

Александр Васильевич отпросился у Румянцева в отпуск, чтобы навестить в Полтаве свое семейство, о судьбе которого сильно беспокоился. Варвара Ивановна, перенесшая тяжелый приступ лихорадки, родила мертвого мальчика.

Двадцать третьего февраля 1779 года Суворов донес Румянцеву о личном осмотре старых и новых укреплений от Кубани до Астрахани: «На Кубани, Сиятельнейший Граф! точно тихо… Ногайские и крымские поколения силою укреплениев в узде. Светлейший Хан, сколько ни гневен и непостоянен, более жалок по бедности его». Можно только поражаться рвению и энергии Суворова, которому шел 49-й год. По зимним дорогам он преодолел более двух с половиной тысяч верст.

Помня выговор за несвоевременное возвращение из отпуска, Суворов испрашивает дозволения посетить жену и дочь на Святую неделю: «Вашему Сиятельству осмелюсь о себе прибавить, что, ежели обстоятельства службы дозволят, мог бы я краткое время около Святой недели побывать в Полтаве и, буде далее, то с каким, но не толь обширным объездом, ежели б в том усмотрел нужду». Но он не поехал в Полтаву. Беда пришла, откуда Суворов менее всего ожидал. Он узнал об измене жены.

Соблазнителем Варвары Ивановны оказался сын двоюродного брата Суворова, секунд-майор Николай Сергеевич. Он начал служить у своего дяди еще со времен борьбы с конфедератами, был тяжело ранен. Александр Васильевич продвигал племянника по службе, хлопотал о нем перед Потемкиным, а Николай отплатил злом за добро.

Варвара Ивановна с дочерью отправилась в Москву к матери. Сестра тещи Суворова графиня Екатерина Михайловна Румянцева писала мужу 25 июня: «Суворова жена приехала в Москву. Я ее не видала, а по письмам, что сестра ко мне писала, думаю, что они с мужем в худом положении. Правда ли это, что он так спился, что всякий час пьян?»

Графиня передает сплетни родственников, взявших в семейном конфликте сторону жены Александра Васильевича. Но в ее письме слышна и собственная боль. Прошло почти 20 лет, как граф Петр Александрович разъехался с супругой, оставив на ее руках троих сыновей, которым она дала воспитание и образование. Всем сердцем графиня Екатерина Михайловна сочувствовала племяннице и готова была во всем винить ее мужа.

Суворов очень тяжело переживал измену супруги. Чтобы заглушить душевные муки, он с головой ушел в неотложные дела: выводил войска из Крыма и Кубани, строго взыскивал с нерадивых подчиненных, у которых в мирное время умирали солдаты из-за плохо выбранных мест квартирования и нарушения элементарных санитарных норм, хлопотал перед Потемкиным о льготах и помощи выведенным христианам, обустраивавшимся на новых землях.

Седьмого июля 1779 года Потемкин уведомил Суворова о новом назначении: состоять при пограничной дивизии Новороссийской губернии, которой командовал сам светлейший князь.

К этому времени относится разбор суворовского прошения о разводе. Дело решалось в Славянской духовной консистории. «Обесчестен будучи беззаконным и поносным поведением второй половины, молчание было бы знаком моего в том соучастия, — говорится в страстном письме Суворова своему благодетелю. — Нет тут, Светлейший Князь! недоказательного. Иначе совесть моя, никогда не поврежденная, была бы мне в несправедливости изобличителем». Он просил Потемкина быть у высочайшего престола предстателем «к освобождению меня в вечность от уз бывшего… союза, коего и память имеет уже быть во мне истреблена», прибавляя, что только смерть может положить конец его злоключениям.

Ответом стал вызов в Петербург. 8 декабря 1779 года генерал-поручик присутствовал на званом обеде в Зимнем дворце. 20 декабря курьер Потемкина поскакал к московскому главнокомандующему М.Н. Волконскому.

Князь Михаил Никитич 31 декабря докладывал Потемкину: «Письмо Вашей Светлости… которым мне объявить изволили, что Ея Императорское Величество приказать изволили определить для воспитания дочь Александра Васильевича Суворова по прошению его в учрежденное общество для воспитания благородных девиц и чтоб я о сем высочайшем соизволении, матери ее объявя, оное дитя отправил с капитаном Корицким, что и исполнено».

Наташа Суворова была принята в Воспитательное общество (Институт благородных девиц), созданное в 1764 году по инициативе императрицы и Ивана Ивановича Бецкого в Смольном монастыре. Родители, помещая своих дочерей в Смольный, давали подписку не забирать их до окончания обучения. Это условие было важнейшим в программе Бецкого по воспитанию новых людей.

Дочь Суворова жила и училась вместе со своими подругами, но в списках выпускниц ее имя отсутствует. Для нее было сделано исключение. Считалось, что девочка живет у директрисы Смольного Софьи Ивановны Делафон. Присмотр за ней был поручен Петру Ивановичу Турчанинову, в семье которого Наташа часто гостила.

Двадцать четвертого декабря, когда порученец Суворова капитан Петр Корицкий собирался везти четырехлетнюю Наташу из Москвы в Петербург, императрица Екатерина во время аудиенции сняла со своего платья бриллиантовую звезду ордена Святого Александра Невского и приколола ее на грудь Суворова, тем самым воздав ему выдающуюся почесть. В тот же день он получил записку Потемкина: «Тако да просветится свет Ваш пред человеки, яко да видят добрые дела Ваши. Ея Императорское Величество жалует Вам сию звезду, а я Вас чистосердечно поздравляю».

Не без участия императрицы и Потемкина делались попытки помирить Суворова с женой. Но светлейший князь знал, что страстную натуру генерала может утешить только новое важное дело.

АСТРАХАНСКАЯ КОМАНДИРОВКА

Секретный ордер Потемкина от 11 января 1780 года предписывал: «Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, Ея Императорское Величество усмирить оных силою своего победоносного оружия. Усердная Ваша служба, искусство военное и успехи, всегда приобретаемые, побудили Монаршее благоволение избрать Вас исполнителем сего дела».

Намечаемая экспедиция должна была обеспечить торговлю с Востоком посредством создания на южном берегу Каспия «безопасного пристаница» — укрепленной торговой фактории, которую следовало приобрести у тамошнего владельца и надежно защитить. Требовалось разведать дороги, ведущие по побережью к Решту (главному городу Гилянской провинции Персии), чтобы согласовать действия сухопутных сил с флотилией. Особое внимание обращалось на «обстоятельства Персии, Грузии, Армении».

Видный поборник освобождения Армении от персидского ига архиепископ Иосиф Аргутинский 2 января 1780 года записал в дневнике: «Генерал-поручик Александр Васильевич Суворов приехал к нам на свидание и в течение двух часов… задавал много вопросов… о наших краях. Подробно расспрашивал о состоянии престола нашего Святого Эчмиадзина и сильно обнадеживал нас, что намерены восстановить наше государство. Выйдя от нас, он поехал к Светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину и передал ему всё сказанное нами о городах».

В инструкции Потемкина предлагалось вступить в дружеские сношения с грузинским царем Ираклием, искавшим покровительства России, а также с независимыми владетелями небольших прикаспийских ханств. Суворову поручались находившиеся в Астрахани сухопутные войска. Он должен был рассчитать маршрут военной экспедиции для освобождения Армении, численность сухопутных и морских сил и количество потребных для них артиллерии, амуниции, провианта и других припасов.

Отметим, что Суворов, отправляясь в Астрахань, направил архиепископу Славянскому и Херсонскому Никифору письмо с просьбой временно остановить его разводное дело, так как должен заботиться «о благоприведении к концу спасительного покаяния и очищения обличенного страшного греха». Вскоре к нему приехала супруга.

Прибыв на место, Александр Васильевич энергично принимается за дело. Он ведет обширную переписку с царем Картли-Кахетии Ираклием II и прикаспийскими ханами, одного из которых, воинственного и вероломного владетеля Гиляна Гедает-хана, пытается склонить на сторону России. Через свою агентуру, большую часть которой составляли выходцы из Армении, имевшие в тех местах обширные торговые связи, Суворов получает важную политическую, географическую и экономическую информацию о состоянии прикаспийских ханств, о положении в Персии, о междоусобной борьбе тамошних феодалов. На основании полученных данных генерал составляет подробные карты и описания мест, в которых должна разворачиваться вверенная ему экспедиция.

Судя по письмам Александра Васильевича, настроение у него хорошее. Он готовится к церковному примирению с женой, оправдывает проступок «Варюты» ее молодостью и неопытностью. «Сжальтесь над бедною Варварою Ивановною, которая мне дороже жизни моей», — пишет он 12 марта 1780 года Турчанинову.

Примирение состоялось на Страстной неделе, между 11 и 18 апреля 1780 года в церкви села Началова. «Суворов пошел в простом солдатском мундире и супруга его в самом простом также платье», — говорится в так называемой Астраханской летописи, которая была составлена по прошествии многих лет, поскольку Суворов именуется в ней графом, хотя этот титул он получил лишь в конце 1789 года. Этим объясняется и ошибка составителей, отнесших примирение к декабрю 1783-го, когда Александр Васильевич давно покинул Астрахань. Но сам рассказ заслуживает доверия: «Граф и Графиня позади диаконовского амвона и все приближенные, как мужеский, так и женский пол, стояли на коленях, обливаясь слезами… Граф встает и идет в алтарь к престолу, полагает три земных поклона, став на коленях, воздевает руки. Встав, прикладывается к престолу, упадает к протоиерею в ноги и говорит: "Прости меня с моею женою, разреши от томительства моей совести". Протоиерей (Василий Панфилов) выводит его из царских врат, ставит на прежнем месте на колена, жену Графа подымает с колен и ведет для прикладывания к местным образам, подводит к Графу, которая кланяется ему в ноги, также и Граф. Протопоп читает разрешительную молитву, и тот час начинается литургия, во время которой оба причастились Святых Тайн».

«Разрешением архипасторским обновил я брак, — поделился Суворов радостью со старым другом Иваном Алексеевичем Набоковым в письме, помеченном 3 мая 1780 года, — и супруга моя Варвара Ивановна свидетельствует Вам ее почтение. Но скверный клятвопреступник да будет казнен по строгости духовных и светских законов для потомственного примера и страшного образца, как бы я в моей душе ему то наказание ни умерял, чему разве, по знатном времени, полное раскаяние нечто пособить может».

На время Александр Васильевич обретает душевное равновесие. Но вскоре новые обстоятельства тревожат его: задуманная экспедиция откладывается. Причина была экстраординарная. Еще 22 января 1780 года, когда Суворов только собирался отбыть из Москвы в Астрахань, русский посол в Вене князь Дмитрий Михайлович Голицын сообщил государыне о приватном визите к нему императора Иосифа. Незаживающей раной для австрийцев была потеря Силезии, вероломно захваченной Фридрихом Прусским. Вот уже несколько лет Иосиф правил Австрией совместно с матерью, императрицей Марией Терезией, и, наконец, решился восстановить союз, разорванный Петром III. Император сообщил послу, что собирается весной наведаться в Галицию и готов заехать в Россию, чтобы повидаться с императрицей. Ответ последовал незамедлительно — 4 февраля Екатерина писала князю Голицыну, что в мае будет в Могилеве.

Свидание состоялось 24 мая. Заранее прибывший в Могилев Потемкин представил императрице «графа Фалькенштейна» (под этим именем путешествовал австрийский император). Переговоры продолжились в Царском Селе и Петербурге. 8 июля Иосиф покинул гостеприимную Северную Пальмиру. Дипломатический мир был взбудоражен: дело шло к заключению русско-австрийского союза.

«Я не ручаюсь за то, что будет завтра, — доносил в Лондон из Петербурга английский посланник Джеймс Гаррис. — Прусская партия здесь многочисленна, ловка, изощрилась в интригах и до того привыкла властвовать, что ее значение нелегко поколебать». «Прусской партии» покровительствовал глава Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин. Тем не менее Екатерине и Потемкину удалось добиться заветной цели — 18 мая 1781 года союзный русско-австрийский договор был заключен. В секретных статьях Австрия обязалась вступить в войну в случае нападения на Россию Турции, за это Россия должна была выставить войска против Пруссии, если бы последняя стала угрожать союзнице.

Договор развязывал руки для реализации планов России в Северном Причерноморье. Вместо запутанной политики на Западе (как правило, в интересах Пруссии) начался решительный поворот на Юг. Момент был выбран точно. Франция схватилась с Англией, выступив на стороне ее восставших североамериканских колоний. Испанцы пытались выбить англичан из Гибралтара — важнейшего стратегического пункта на торговых путях Европы с Азией. Голландцы стремились восстановить свои торговые позиции в Индии, где их теснили англичане. Провозгласив «политику вооруженного нейтралитета», Российская империя оказала существенную поддержку новому государству — Североамериканским Соединенным Штатам. Сама Россия приступила к завершению великой исторической задачи утверждения на берегах Черного моря. Закаспийская экспедиция утратила свою актуальность.

Александр Васильевич почувствовал эту перемену. Письма 1780—1781 годов Петру Ивановичу Турчанинову, статссекретарю императрицы по военным делам и близкому сотруднику Потемкина, можно назвать астраханским дневником Суворова. Они красноречиво передают его переживания:

«…Жарам и комарам чуть за месяц. Я чищу желудок миллефолиумом (тысячелистником. — В.Л.). Варюта моя подобно тому по-своему недомогает… Вашей и моей Наталье Александровне мир и благословение… Жду Ваших уведомлениев, как манну с небеси…

Мать ее (жены. — В. Л.) Княгиня Марья Михайловна скончалась 17 июня. Всемогущий Бог да примет ее в лоно Авраамле! Я ей положил сие таить до крайности. Где наш злочестивый …!

Портрет мой готов. [Полковник] Пиери сказывает, что он походит на Логина Ивановича Миллера (их общего астраханского знакомого. — В. Л.). Для того нижайше прошу, по доставлении к Вам, приказать на нем мое имя подписать…

Как я в зеркало не гляжусь, то и картины моей не видал, следующей при сем…»

«…Спросите вы, Милостивый Государь мой, чем я в бездействе упражняюсь? В грусти из моей кибитки исхожу на полеванье (охоту. — В. Л.), но к уединению: отвес меня тревожит. Сей, сходный на Нат[альи] Ал[ександровны] нрав, мрачится. Остатки волос седеют и с главы спадают. Читаю "Отче наш"…

Необходимо надлежало бы мне знать термин начала экспедиции… Сия есть не вредная делу откровенность, мне же весьма полезная. Отдаю протчее верховной власти…

По Оренбургскому] корпусу и Каз[анской] дивизии частыми моими предуведомлениями не прискучьте: ведомо, изтекают они от моего естественного чистого сердца, с коим я к Вам непоколебим.

Общая наша дочка была вчера именинница. Варюта проплакала…

Коли мой портрет толь неудачен, пусть Ваш удачнее будет, — иного посредства нет — Вам лутче щастье будет, и оспорите Варюту, которой кажетца, что она больше на Нат[алью[Ал[ександровну] походит».

Турчанинов передал Суворову просьбу императрицы прислать его портрет, обещая в ответ прислать портрет Наташи (примечательно, что Александр Васильевич почтительно именует маленькую дочку Натальей Александровной, а супругу — Варютой). Астраханский иконописец (Суворов называет его ризомарателем) выполнил заказ. Этот портрет сохранился. «Написан он очень сухо, живопись его жесткая, невысокого качества, — отмечает Андрей Валентинович Помарнацкий, выпустивший в 1963 году в издательстве Государственного Эрмитажа замечательную работу «Портреты Суворова». — Хорошо переданы такие характерные черты наружности полководца, как высоко приподнятые брови и тяжелые веки… Художник попытался изобразить на лице Суворова сардоническую улыбку, но… улыбка получилась застывшей деревянной… Яркая и своеобразная индивидуальность полководца совершенно не передана на этом портрете — Суворов на нем, действительно, похож на аккуратного немца-лекаря…»

В Астрахани у Суворова находилась особая канцелярия. До 1 сентября ей заведовал старший адъютант Алексеев, затем — секунд-майор Кексгольмского полка Иван Сырохнев. Но у него почти не было войск. Не случайно стали приходить мысли о недовольстве Потемкина его службой. «Ныне, чувствуя себя всеми забытым, — делится он с Турчаниновым, — не должен ли я давно сомневатца в колебленной милости ко мне моего покровителя, одного его имея и невинно лишась, что мне тогда делать, как стремитца к уединению, сему тихому пристанищу, и в нем остатки дней моих препроводить? Кроме примечательных слабостей телесных от долголетней нелицемерной моей службы, чувствую, что болезнь оная, пред сим лет шесть меня угнетавшая, снова ныне свой яд в меня поселяет».

Еще на Дунае он подхватил лихорадку, которая теперь напомнила о себе. Ему уже 50 лет, большая часть жизни позади. Александр Васильевич невольно возвращается мыслями к своим подвигам, оставшимся без награждения. Может быть, это его удел? Может быть, ему пора на покой? Но нет, нет и нет. Он готов служить «Великой Императрице» и Отечеству. Для душевного спокойствия ему нужно знать «время начала здешней экспедиции»: «Без того ничто меня от отчаяния не извлечет».

Под его пером рождаются историко-философские рассуждения о добродетели и общественном служении, о таланте и важности его поддержки сильными мира сего. Он приводит множество примеров из древней и новой истории, вспоминает Юлия Цезаря, Чингисхана и Тамерлана, знаменитых французских полководцев Конде и Тюренна, кардинала Мазарини, петровских генералов и адмиралов. Все эти примеры должны подтвердить главную мысль: талант редок, его не только важно отыскать, но и поддержать:

«Большое дарование в военном человеке есть щастие… Сей, ослиная голова, говорил на мое лицо: "Правит слепое щастье", — я говорю: "Юлий Цезарь правил щастьем"…

Великотаинственна та наука, которую [составляет умение] обладать в народе людьми доказанных заслуг… и во благое время уметь ими править, избирая их неошибочно по способностям и талантам. Часто розовые каблуки (так именовались придворные «короля-солнце» Людовика XIV. — В.Л.) преимуществовать будут над мозгом в голове, складная самохвальная басенка — над искусством, тонкая лесть — над простодушным журчанием зрелого духа».

Местное общество его раздражает: сплетни, суета, интриги. Гражданский губернатор И.В. Якоби оказался противником экспедиции. Сменивший его М.М. Жуков окружил себя подхалимами. Его супруга, дальняя родственница Потемкина, тоже хороша. «Варюта за 12 Губернаторше визитов не омилос-тивлена ею ни одним, — замечает Суворов. — Перестали они говорить между собою и кланятца».

Мастерски набросав картину местных нравов, он иронично сравнивает губернатора с вице-королем, правителем одной из колоний, и, описывая прием по случаю Михайловских праздников, замечает: «Грядет Виц-ре гордым шагом; престол его движется за ним. Вскричал я: "Не Мексика здесь!"». Губернатора, хотя он всего лишь действительный статский советник (IV класс по Табели о рангах, соответствовал чину генерал-майора), встречали музыкой, положенной полному генералу. «Вчера пополудни… гремит Вицреева карета… Музыка его, не удостоивши того меня, ревет полный поход. Я чуть не выбежал на рундук, щитая, не двуклассный ли кто? — иронизирует Суворов. — Такая тоска, голубчик, от… спесивой вони».

Свое присутствие на куртагах сам Александр Васильевич объясняет тем, что его «люди любят» и «приятели к себе… просят». Он вывозит в свет Варюту, веселится и танцует на праздниках, но при этом требует к себе и супруге заслуженного уважения: «Астрахань в Москву или в Петербург не переименована. И там недостойный бы я был раб Великой Монархини, естли б я пренебрежения сносил. Вы знаете, унижу ль я себя? Лутче голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести: смертями 500-ми научился смерти не бояться. Верность и ревность моя к Высочайшей службе основана на моей чести».

И снова мысли о службе: «Но года два что я? Оставить службу рад, удалюсь мирских сует — говорю по чувствам: но, как одушевленный, — оставить службу грех!» Истинно грех, потому что он исповедует принцип «долг к Императорской службе столь обширен, что всякий другой долг в нем исчезает».

Больше всего генерал-поручика томила неопределенность с началом экспедиции. Прибывший в июне 1781 года командир Каспийской флотилии далматинец на русской службе граф Марк Иванович Войнович заявил, что сам «отопрет почивальню царя-девицы», то есть пойдет в Персию без Суворова. И действительно, флотилия отплыла из Астрахани и 27 июля 1781 года бросила якоря в Астрабадском заливе на юге Каспия. Вскоре пришло донесение Войновича: владетель Астрабадской провинции Персии Ага Мохаммед-хан дал согласие на постройку укрепленной фактории.

Суворов, хорошо изучивший повадки восточных правителей, предупредил Турчанинова о ненадежности успехов заезжего графа — и как в воду глядел: во время пира, устроенного местными властями в честь Войновича и его офицеров, все они были вероломно схвачены, закованы и брошены в тюрьму. От графа потребовали послать подчиненным приказ о срытии укреплений и возвращении экипажей на корабли. Когда это было выполнено, коварный Ага Мохаммед-хан с показной любезностью принял пленников и принес извинения за действия своих подчиненных, якобы неправильно понявших его волю. 2 января 1782 года Войнович и его спутники вернулись на корабли. Только через девять месяцев флотилия возвратилась в Астрахань. Экспедиция провалилась.

Еще летом Александр Васильевич попросил у Потемкина разрешения на приезд в столицу, однако, получив его, не поехал. В письмах Турчанинову он поделился своими планами: ему хотелось получить по примеру сослуживцев (того же Каменского) должность губернатора в Оренбурге или Астрахани, «но звание сие не обратилось бы в мой Губернаторский кафтан, который доходит мне променять на судьбу моего родителя… И ежели вообразительно я иногда чего желаю, то сие для публики».

Пятнадцатого декабря Суворов поставил перед главой Военной коллегии вопрос о своей дальнейшей службе:

«Вашу Светлость обыкновенным мои чистосердечием утруждаю: ибо сколько ни старался докладывать Вам чрез других — те мне ответствовали молчанием или двоесловием…

Слух здесь разнесся, что я более в здешней стороне быть не потребен. Свет работает случаю! Ежели так, то и оборот мой должен быть к Казанской дивизии, Светлейший Князь! В ней два полка… то не повелите ли, чтоб по последнему росписанию Государственной] Военной коллегии я командовал и Оренбургским корпусом… Коли сего не можно, то прикажите, Ваша Светлость, мне возвратитца в Полтаву к прежней моей команде…

Сверстники мои входят в правление Г[енерал]-Губернаторских должностей. Велика б была милость Вашей Светлости, естли б и мне таковую поручить изволили и естли она меня от Государевой военной службы не отвлечет. Сей последней я, себя посвятя, буду тем ревностнее ободренным к ежечасному употреблению в оной».

Ответ Потемкина помечен 31 декабря 1782 года: «Как уже не настоит больше нужды, дабы Ваше Превосходительство для порученной Вам комиссии далее в Астрахани оставаться изволили, ибо обстоятельства оного дела приняли другой вид, препровождая при сем Военной коллегии указ о отбытии Вашем в Казань».

Суворов формально уже два с лишним года значился начальником Казанской дивизии. В те времена дивизиями именовались военные округа. Всего их было двенадцать. Ими командовали генерал-фельдмаршалы граф К.Г. Разумовский, князь А.М. Голицын, граф П.А. Румянцев, граф 3. Г. Чернышев и генерал-аншефы князь Г.А. Потемкин, князь В.М. Долгоруков, граф Я.А. Брюс, князь Н.В. Репнин, граф И.С. Салтыков, Н.И. Салтыков. Одновременно они являлись генерал-губернаторами губерний, в которых размещались подчиненные им воинские формирования. Из трех десятков генерал-поручиков только Суворову да нижегородскому генерал-губернатору А.А. Ступишину было доверено командовать дивизией. И хотя Казанская дивизия являлась самой маленькой, Потемкин явно выделял Александра Васильевича из общего состава армейского генералитета.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА К РОССИИ

Документами о пребывании Суворова в Казани историки не располагают. Возможно, он так и не добрался до места нового назначения, поскольку понадобился на Кубани — там осенью 1781 года вспыхнул мятеж против Шагин-Гирея, возглавленный его братом Батыр-Гиреем. В мае 1782 года волнения перекинулись на Крым. Ханская гвардия переметнулась на сторону мятежников, которые провозгласили Батыр-Гирея ханом.

Шагин-Гирей бежал под защиту русских войск сначала в Керчь, затем на российском военном судне в Петровскую крепость на северном берегу Азовского моря. В Петербург полетели просьбы хана о помощи. Императрица обратилась за советом к Потемкину. Светлейший князь понял, что борьба за Крым вступила в решающую фазу. Всесторонне обдумав сложившуюся обстановку, он подал императрице записку:

«…Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны кубанской — в обоих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего Хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце.

Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное… Доверенность жителей Новороссийской губернии будет тогда несумнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее…

Презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит».

В записке Потемкин предлагал за отказ Шагин-Гирея от ханства помочь ему утвердиться на шахском престоле в Персии, где развернулась ожесточенная борьбы за власть.

Потемкин блистательно обобщил все прежние аргументы российских государственных мужей относительно необходимости присоединить Крым. Императрица подключила Коллегию иностранных дел. Предложения Потемкина были детально рассмотрены и одобрены. Быстрых и решительных действий требовала и международная обстановка. Англичане, несмотря на победы своего флота, потерпели тяжелые поражения на суше и пошли на заключение предварительного мирного договора с Соединенными Штатами. К концу близилась их война с Францией, Испанией и Голландией. Агрессивность Пруссии уравновешивалась поддержкой Австрии. Посланник в Константинополе Я.И. Булгаков писал о неготовности Турции к войне.

Потемкин поскакал на юг и встретился с Шагин-Гиреем. Вскоре русские войска вступили в Крым. Мятежники, в том числе Батыр-Гирей, сдались, практически не оказав сопротивления, и хан был восстановлен на престоле.

Четырнадцатого декабря 1782 года в секретном рескрипте на имя Потемкина императрица предписала принять все меры к присоединению ханства. Последовали приказы князя: войскам в Крыму занять берега Ахтиарской гавани, командованию вступить в тесную связь с Суворовым, прибывшим на Кубань в качестве командующего корпусом.

Малоизвестный факт: уже тогда Суворов был на особом счету среди дипломатов, аккредитованных при дворе Екатерины. В их донесениях было отмечено новое назначение генерал-поручика, с которым они связывали подготовку России к важным событиям.

Потемкин приказал ему держать корпус «на готовой ноге, как для ограждения собственных границ и установления между ногайскими ордами нового подданства, так и для произведения сильного удара на них, естьли б противиться стали, и на закубанские орды при малейшем их колебании, дабы тех и других привести на долгое время не в состоянии присоединиться к туркам».

Решающие события произошли в 1783 году. На случай войны с Турцией были сосредоточены крупные силы под общим командованием прославленного Румянцева. Однако Крымский, Кубанский и Кавказский корпуса были подчинены Потемкину. Он же как шеф казачьих войск командовал донцами.

Восьмого апреля Екатерина подписала подготовленный вместе с Потемкиным манифест о присоединении Крыма. Сам Григорий Александрович уже ехал на юг, чтобы лично руководить сложнейшей военно-дипломатической операцией. Манифест хранился в тайне до того часа, когда присоединение ханства станет свершившимся фактом.

Восстановленный на престоле Шагин-Гирей не смог удержаться от мести. Началась расправа над мятежниками. Потемкин от имени императрицы потребовал прекратить казни, поскольку мятежники сдались русским войскам. Возглавлявшие мятеж родственники хана были взяты под охрану и вывезены из Крыма. Оказавшись в изоляции, Шагин-Гирей неожиданно собрал представителей знати, духовенства, местных общин и 17 апреля отрекся от власти.

Потемкин приказал командованию в Крыму не допускать избрания нового хана, вступил с Шагин-Гиреем в переговоры, пообещав ему от имени императрицы огромную пенсию — 200 тысяч рублей в год. «Главная теперь надобность настоит в удалении хана из Крыму, — писал князь Екатерине, — в чем я не вижу большого затруднения, как и в присоединении Крыма к державе Вашего Императорского Величества. Но кубанская сторона будет не без затруднения. Обширность места, разноколенные орды и близость горских народов затруднят несколько исполнение. Я дам повеления Генерал-Порутчикам Суворову и Потемкину (Павлу Сергеевичу. — В. Л.) зделать движение к Кубани и надеюсь, что многие султаны покорятся, из коих некоторые и теперь просят подданства».

Светлейшему князю удалось привлечь на сторону России влиятельных крымцев, уставших от кровавых смут. Но Шагин-Гирей затягивал свой отъезд, рассчитывая на обострение русско-турецких отношений. Потемкин перебрасывал на полуостров войска, чтобы успех был несомненным. Присяга в Крыму задерживалась.

На Кубани дело шло быстрее. Суворов занял укрепления бывшей Кубанской линии, возобновил контакты с предводителями ногайских орд, установив с некоторыми из них дружеские отношения.

Десятого июня Потемкин переслал ему 60 экземпляров манифеста Екатерины «о присоединении полуострова Крымского и Кубани с Таманом к Империи Всероссийской», а также собственные «плакаты» (обращения) к ногайцам, переведенные на их язык. От Суворова требовалось обнародовать манифест и «наблюдать с крайнею точностию, чтоб татарские народы в краю Кубанском о верности подданства Ея Императорскому Величеству целовали Алкоран в присутствии определенных от Вас штаб и обер-офицеров и чтоб начальники и старшины приложили свои печати на посылаемых при сем экземплярах присяги».

Вслед за этим ордером летит другой: «Предписав… Вашему Превосходительству о обнародовании в вашем краю известных Манифестов, за нужно нахожу вам приметить, что сила оных простирается на одни только татарские, Хану подвластные народы, и что между ими обнародование сие произвести должно, не касаясь протчих народов, начальства ханского над собою не признающих».

Суворов вместе со своими помощниками прекрасно справился с задачей. 28 июня, в годовщину восшествия на престол императрицы Екатерины, он лично привел к присяге мурз и беев Едисанской и Джамбайлукской орд под Ейским укреплением, устроив увеселения в духе местных традиций: с угощением, играми, скачками и пушечным салютом. Со своим старым другом атаманом Войска Донского Алексеем Ивановичем Иловайским он делится надеждой: «Тихо есть, тихо будет, — разве что Бог определил выше человеческого предвидения». Через пять-шесть дней под Копылом на Кубани деятельный помощник Суворова подполковник Иван Федорович Лешкевич привел к присяге мурз и беев Едичкульской орды, причем присягнули даже те, кто готовился уйти за Кубань. Ожидались добрые вести и с Тамани, где присяга едичкулов задержалась из-за разливов рек. Едичкульская орда была самой большой и состояла из четырех поколений общей численностью более тридцати тысяч казанов (семей).

Успешно прошло принесение присяги и в верховьях Кубани, где русскими войсками командовал Павел Потемкин. Наконец, 10 июля на плоской вершине белоснежной горы Аккая под Карасу-Базаром светлейший князь Потемкин лично принял присягу крымской знати и духовенства. Шагин-Гирею были посланы знаки ордена Святого Андрея Первозванного. Это стало первым награждением мусульманина высшим орденом империи. Чтобы бывший хан мог принять награду, в знаки ордена были внесены изменения: христианская символика заменялась государственной.

В Петербурге императрица Екатерина, получив долгожданную весть от Потемкина, повелела опубликовать в ведомостях сообщение о присоединении ханства к России с приложением манифеста от 8 апреля 1783 года. Попытки Франции и Пруссии вмешаться в российско-турецкие отношения, обострившиеся после присоединения ханства, были твердо отклонены.

Одиннадцатого июля правитель канцелярии Потемкина Василий Степанович Попов по поручению князя уведомил Суворова:

«…все Крымские беи, мурзы, духовенство и всё общество подклонились под державу Всероссийскую и торжественно учинили присягу верности подданства Ея Императорскому Величеству.

Его Светлость, намеряясь посмотреть города новой нашей области, изволит быть также и в Керче. Естли коммуникация установится с Таманом, то Его Светлость желал бы увидеться с Вами в Керче… многое имеет говорить с вами».

Добрые вести пришли с Темрюка и Тамани, где соратники Суворова приводили к присяге едичкулов, сильно претерпевших от турецкого наместника (каймакана). 22 июля Суворов рапортовал Потемкину: «Сколько теперь есть присяг с прошениями, те подношу на благоволение Вашей Светлости. Остальные по Темрюку и Таману с окрестностями еще мне не досланы. Г[осподин] Генерал-Майор Елагин благоразумно начал, благоразумно и кончил. Приставом у него майор Полторацкий. Жаль только, что турецкий Гасан Гаджи каймакан его страну не столько что своему монарху в подданство приводил, сколько безчеловечно опустошил, и он ныне печется, елико можно, о собрании разсеянных».

К рапорту генерал-поручик приложил список из двенадцати фамилий своих помощников, заслуживающих награждения. Среди тех, кого Александр Васильевич считал достойными ордена Святого Владимира 4-й степени, упомянут секунд-майор Казанского пехотного полка Иван Сырохнев, который «по отряду моему во время волнования некоторых между едичку-лами успешно и благоразумно с преподанием похвальных уверений довел к точнейшему исполнению воли Монаршей». Это имя нам еще встретится.

Пятого августа Потемкин донес Екатерине о новом успехе — подписании в Георгиевской крепости российско-грузинского договора о принятии Картли-Кахетинского царства под протекторат России: «Матушка Государыня. Вот, моя кормилица, и грузинские дела приведены к концу. Какой государь составил толь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпеи, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому; а таврический Херсон — источник нашего христианства, а потому и людскости, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое. Род татарский — тиран России некогда, а в недавних времянах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы же истребили корень. Границы теперешние обещают покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской».

Потемкин еще не знал, что на Кубани вспыхнул мятеж ногайцев. Сначала «учинились непослушными» 15 тысяч казанов Едичкульской орды.

«Сей день есть наинеудовольственнейший, а сия минута всех горше», — писал Суворов Иловайскому 9 июля из Ейского укрепления, прося его прислать казачьи полки и быть наготове. Донские атаманы настаивали на Закубанской экспедиции. Генерал-поручик был против. 16 июля он ответил:

«Право, почтенный брат, под секретом скажу, что сей осени нет у меня охоты за Кубань — и сам не знаю от чего… Да, истинно можно устать. Полно бы и того, коли б изволил Господь Бог и благословил препровождение наших новых друзей на их старину. У Матушки бы прибавилось очень много подданных, и надобно бы их благоразумно учредить. Тем бы хоть и всю нашу кампанию кончить.

Выходцы от черкес объявляют, что они боятца нашего наступления, и более таких, кои крепко оборонятца хотят, также думают просить помощи турецкой, кою щитают тысяч до пятнадцати, а я в выгрузке их одною целой и десяти не щитаю. Впрочем, сколько знаю, то турки ныне спокойны».

Подготовка к переселению ногайских орд на места их древних кочевий, в приволжские и уральские степи, с целью оторвать степняков от турецкого влияния и обезопасить земли Войска Донского шла полным ходом. Неготовность Порты к войне была столь очевидна, что Потемкин в конце июля послал приказ отложить переселение на будущий год. Но приказ опоздал.

Суворову казалось, что всё обошлось. Он даже просил Иловайского не тревожить и жаловать «наших любезных братцев, добрых молодцев», которые, кроме «4000 казанов, приклоненных к разврату… жнут теперь хлебец и собираются на Уральскую степь в неблизкий поход, что, уповая на Всевышнего, дней чрез десять начатца может».

В конце июля огромные толпы кочевников двигались по берегам реки Ей. Тысячи кибиток, гурты скота, табуны лошадей в тучах пыли переправлялись через реку и поворачивали на восток. Их сопровождали небольшие воинские команды и казачьи отряды. Вдоль левого берега реки тянулась цепь сторожевых постов, прикрывавших броды. Южнее в трех летучих корпусах были сосредоточены основные силы суворовских войск.

Незадолго до начала перекочевки был раскрыт заговор влиятельного джамбайлукского владетеля Тав-Султана. Давний враг России был арестован и содержался под присмотром неподалеку от Ейского укрепления. Оставшиеся на воле предводители джамбайлуков возглавили мятеж, начавшийся 30 июля.

Масло в огонь подливал Шагин-Гирей. Обманув бдительность русских приставов, он вместо Херсона, где его ждал Потемкин, перебрался на Тамань и оттуда рассылал письма, в которых давал понять бывшим подданным, что не окончательно отказался от власти.

Приказ Потемкина о приостановке перекочевки Суворов получил 2 августа одновременно с известием «о весьма сильных бунтах». «Я сию минуту выступаю, — уведомил он атамана донцов Иловайского. — Бога ради, елико можно, Ваше Превосходительство, поспешайте с толиками людьми, сколько ныне при Вас в собрании есть, к Кагальницкой мельнице войска подкрепить и оные спасти».

Мятежники внезапно напали на охранение и перебили его большую часть. Уйти удалось лишь казакам. В междоусобной схватке пострадали и мирные ногайцы, многие из которых погибли. Видный предводитель джамбайлуков и старинный приятель Суворова Муса-бей, один из инициаторов перекочевки, был тяжело ранен. Поднялись все орды. Кочевники поворачивали на юг, прорывались через Ею, устремляясь к Кубани — границе с турецкими владениями. Повсюду шли ожесточенные схватки.

Толпы вооруженных всадников, за которыми следовали кибитки с их семьями и стада скота, хотели уйти за Кубань. Часто в бессильной ярости оттого, что им не удалось одолеть русские форпосты, прикрывавшие броды через Ею, они рубили всё, что попадалось под руку, даже своих жен и детей.

Суворов тяжело переживал неудачу. В гуще боев он рассылал увещевательные письма своим старым знакомым — ногайским предводителям. Верные присяге ногайцы перекочевывали под защиту русских военных постов. Тысячи женщин, детей и пленных по приказанию Суворова были размещены на Дону и тем самым спасены от гибели. Потери Кубанского корпуса составили до шестисот человек.

Значительным силам мятежников удалось уйти. Получив донесения Суворова, тяжелобольной Потемкин, которого медленно везли из Крыма в Петербург, приказал «считать возмутившихся ногайцев не подданными России, а врагами отечества, достойными всякого наказания оружием».

Одиннадцатого августа из Ейского укрепления выступил авангард Кубанского корпуса — пехота, конница, артиллерия, понтоны и обозы. Суворов собирал силы подле Копыла на Кубани, куда должны были подойти казачьи полки Иловайского. В донесении Потемкину о подготовке закубанской операции генерал-поручик сообщил, что его письма мятежникам возымели действие — «многие, пред сим ушедшие, поворотились назад». К донесению было приложено перехваченное письмо Шагин-Гирея ногайцам. «Он более нелюбим, — писал Суворов, — и все меры я принял в осторожности от него».

В разгар подготовки похода за Кубань Александр Васильевич получил от Потемкина поздравление с награждением орденом Святого Владимира 1-й степени за успешное присоединение ханства к России.

«По службе Ея Императорского Величества малые мои труды ожидали от Вашей Светлости только отдания справедливости, — откликнулся 18 августа благодарный Суворов. — Но Вы, Светлейший Князь, превзошли мое ожидание: между сих великих талантов великодушие Ваше превосходит великих мужей наших и древних времян».

Девиз недавно учрежденного ордена гласил: «Польза, честь и слава». Отметим, что высшую степень этого ордена Суворов получил в чине генерал-поручика. Случай крайне редкий.

Насущной задачей являлось выдворение Шагин-Гирея. Однако попытка вывезти его в Россию с почетным эскортом сорвалась из-за нерасторопности и беспечности подчиненных Суворова. Предупрежденный своими лазутчиками хан со свитой покинул таманскую крепость и ушел за Кубань. «Я смотрю на сие с прискорбием, — выговорил генерал-поручику Потемкин, — как и на другие в Вашем краю происшествия, и рекомендую наблюдать, дабы повеления, к единственному Вашему сведению и исполнению переданные, не были известны многим».

Суворов болезненно переживал выговор. На Кубани царил хаос. Конные скопища мятежников и абреков совершали нападения, захватывали пленных для получения выкупа. Бежавший из-под стражи Тав-Султан с большим конным отрядом прорвался к Ейскому укреплению. Судьба одного из главных опорных пунктов Кубанского корпуса висела на волоске.

Штурм 23 августа был жестокий. Ногайцы имели большое численное превосходство. Гарнизон во главе с полковником Лешкевичем картечью и ружейными залпами отбил натиск. Ночью два храбрых казака сумели прокрасться мимо ногайцев, спавших у костров после обильного угощения захваченными припасами, и ускакали за подмогой. Новый штурм также был отбит. В ночь на 25 августа осажденные произвели дерзкую вылазку и захватили две сотни пленных.

Утром, когда Тав-Султан послал своих воинов на новый приступ, дозорные доложили ему об облаке пыли со стороны Азова. Это шли на помощь казачьи полки Кульбакова, Сычева и Барабанщикова. Мятежники бежали. Если бы не казаки, Тав-Султан мог захватить крепость и расправиться со всеми находившимися в ней, в том числе с женой Суворова. Не в эти ли полные опасности дни у Варвары Ивановны завязался роман с секунд-майором Иваном Ефремовичем Сырохневым?

Ногайцы обладали значительной военной силой. Не раз их конные орды совершали набеги на русские земли, разоряя всё на своем пути и уводя тысячи пленников для продажи на невольничьем рынке в Анапе. Вспомним прошение о помощи, поданное в 1718 году бабкой Суворова Марфой Ивановной Петру Великому после разорения ее пензенского имения ногайцами.

Поход за Кубань, на котором давно настаивали донские атаманы, готовился Суворовым особенно тщательно. Ровно месяц провел генерал-поручик в Копыльском лагере. Чтобы не дать мятежникам уйти в горы, Александр Васильевич, чей военный талант уважали не только друзья, но и враги, распустил слух о том, что он якобы отбыл в Полтаву «для войны с немцами», а его корпус готовится идти на Дон на зимние квартиры. Между тем войска скрытно, ночами передвигались к устью Лабы, где их ожидали донские казаки.

В ночь на 1 октября началась переправа через Кубань. Пехота переправлялась вброд, конница и казаки — вплавь. По дну реки перевезли пушки. Разведка и квартирмейстерская служба были на высоте. Каждый знал свой маршрут и место в общем порядке. Кочевавшие в урочище Керменчик на правом берегу Лабы мятежные ногайцы были застигнуты врасплох. Стычка превратилась в побоище. Особенно беспощадно рубились донцы. Из окружения удалось вырваться лишь Тав-Султану с небольшими силами. Но вскоре дерзкий и талантливый предводитель мятежников был настигнут и погиб в бою. Ногайская конница как грозная военная сила перестала существовать. В Прикубанье наступило затишье. Турция признала акт присоединения Крымского ханства к России.

Осталось решить судьбу бывшего хана. 14 октября императрица обратилась к нему с посланием: «Вам известны предположения Наши в пользу Вашу, основанную на особливом Нашем к Вам благоволении. В ожидании, покуда оные в действо произведены быть могут, Мы желаем, чтоб Ваша Светлость отправилися тотчас в Губернский город Воронеж… Впрочем, Генерал Наш Князь Потемкин, а в отсутствие его Генерал-Поручик Суворов изъяснят Вам волю Нашу и подадут… новые уверения о Нашей милости».

Потемкин находился в Чернигове. Врачи спасли ему жизнь. Собираясь отправиться в Петербург, он снова поручил Суворову удалить Шагин-Гирея с Тамани. Однако Александр Васильевич напомнил князю об «остуде» к нему бывшего правителя Крыма «по выводе из Крыма христиан, обратившейся в злопамятство». По этой причине он поручил ведение переговоров полковнику Сергею Булгакову и председателю армянского магистрата в Нахичевани майору Ивану Абрамову. Переговоры не увенчались успехом. Под разными предлогами Шагин-Гирей оставался на Тамани.

После официального признания Турцией присоединения Крымского ханства к России Потемкин отозвал Суворова с Кубани.

МИРНЫЕ ГОДЫ

В апреле 1784 года Суворов рапортовал из Москвы главе Военной коллегии: «Исполняя повеление Вашей Светлости, сдав я Кубанский корпус, в моем начальстве бывший, Господину Генерал-Порутчику и Кавалеру Леонтьеву, к принятию новой команды поспешая на почтовых лошадях в назначенное Вашею Светлостию место Москву, 21 числа сего апреля прибыв, у Его Сиятельства Господина Генерал-Фельдмаршала и разных орденов Кавалера Графа Захара Григорьевича Чернышева явился и в ожидании Вашей Светлости повеления остаюсь здесь».

Почти восемь лет он безвыездно провел на юге, в самых горячих точках, большей частью в условиях походной жизни. И вот наступил заслуженный отдых. Потемкин назначил его состоять при 6-й Владимирской дивизии, которой командовал граф И.П. Салтыков. Александр Васильевич, воспользовавшись отпуском, посетил свои подмосковные деревни. Вскоре в подмосковную вотчину, село Рождествено, полетел приказ:

«Матерей, воспитывающих нерадиво своих детей, может наказывать по духовенству и священник. Крестьянин богат не деньгами, а детьми. От детей ему и деньги. Чужих детей из сиротопитательного дома принимает только одно нерадение за собственными детьми. Мзда тут ослепляет и человек бывает подобен змее, которая детей своих не жалеет.

Того ради, по довольном отдалении от Москвы, чужих детей на воспитание отнюдь никому из крестьян не брать, а забранных, сколько есть, одного за другим сдать в свое время человеколюбиво».

Строгость приказа была вызвана распространившейся среди крестьян, живших неподалеку от Москвы, практикой брать из воспитательного дома детей и получать за это деньги. Причем деньги расходовались не на содержание сирот, а на хозяйственные нужды. Но, кажется, была еще одна причина, и связана она с личными переживаниями.

Александр Васильевич узнал о новом романе Варвары Ивановны и решил окончательно расстаться с неверной супругой. Подтверждением служит донесение Турчанинова Потемкину, находившемуся в Крыму, переименованном в Таврическую область. Под его руководством шло устройство местного губернского правления. (В те самые дни, когда Суворов прибыл в Москву, командующий Крымским корпусом генерал-поручик барон Осип Андреевич Игельстром по приказу Потемкина успешно привел «в действо высочайшее Ея Императорского Величества повеление о высылке внутрь России Хана Шагин-Гирея».)

Перед тем как на Тамань скрытно высадился перевезенный по морю отряд войск Игельстрома, опытнейший дипломат Сергей Лазаревич Лошкарев уговаривал бывшего хана повиноваться воле императрицы, вручив тому крупные суммы из положенной ему Екатериной пенсии.

«9 мая пред самым выступлением на Таман Генерал-Порутчика Барона Игельштрома Хан ускакал к устью Кубани и там взял свой лагерь, — доносил императрице Потемкин. — Барон Игельштром, имея известие о сношении его с Пашою Суджукским и что находился уже на противном береге кегая пашинский для принятия Его, поспешил отправить две небольшие команды к Кубани, дабы отрезать Ему переправу. Сие произведено с таким успехом и расторопностию и столь благопристойно, что Хану под видом почести дан караул прежде, нежели мог он что-либо предпринять.

Генерал-Порутчик Игельштром при свидании с ним объяснил Ему всевысочайшим Вашего Императорского Величества рескриптом предписанное. Хан, будучи в руках, переменил глас свой и слушал объявленное с оказанием должного повиновения готовности исполнить высочайшую Вашего Императорского Величества волю.

Теперь делается приуготовление к его отъезду. Фрегат Святой Николай доставит Его в Таганрог, оттуда ж будет он продолжать путь свой в Воронеж. Я не оставил как в Воронеже, так и во все на пути места сообщить об оказании Ему повсюду благоприятства и принадлежащих почестей».

Расторопность в экспедиции на Тамань проявил младший брат известного впоследствии Осипа де Рибаса Эммануил, получивший от Потемкина чин майора.

Первого июня 1784 года Турчанинов писал из Петербурга: «Имею честь Вашей Светлости донесть, что Александр Васильевич Суворов приехал сюда неожидаемо, желал представлен быть Государыне для принесения благодарности за орден, и как здесь ни Графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина, вице-президента Военной коллегии. — В. Л.), ни Безбородки (Александр Андреевич Безбородко в то время был членом Коллегии иностранных дел. — В. Л.) не было, то он просил Александра Дмитриевича (Ланского, фаворита императрицы. — В. Л.) о представлении его. По чему и приказано быть ему к столу.

По выходе Государыни к столу, по обычаю своему представился он двоекратным земным поклоном и, будучи весьма милостиво принят во время стола разговором, вышед из-за стола, повалился паки в ноги и откланялся.

На другой день ездил в Гатчину и, зделав то же самое, уехал сегодня в ночь в Москву.

Причину приезда своего объяснил так: видеть Матушку, поблагодарить за все милости и посмотреть дочь свою.

По возвращении его из Гатчина ездил я в город, чтобы поговорить с ним, где и узнал, что надобно ехать к Преосвященному, что я и исполнил. Будучи же там, узнал, что прежнее бешенство в семейных делах его не токмо возобновилось, но и превзошло всякие меры.

Володимирской дивизией он весьма доволен и благодарен. Но, кажется, что Москва по приезде его натолковала что-нибудь другое, без чего он бы, как кажется, не приехал. Впрочем, кроме семейных огорчений, ни о чем он не говорил и уехал довольный».

Картину, нарисованную наблюдательным и осведомленным Турчаниновым, подтверждает обширная переписка Суворова со Степаном Матвеевичем Кузнецовым, управляющим московским домом полководца. Александр Васильевич очень доверял ему и ласково называл Матвеичем. Эта часть семейного архива, хранившегося в одном из суворовских имений — селе Кончанском, дошла до нас благодаря историку-любителю Николаю Рыбкину. Служивший управляющим имением Рыбкин получил у наследников Суворова разрешение ознакомиться с архивом и опубликовал в 1874 году большие выдержки из него.

Письма подтверждают слова Турчанинова о семейной драме Александра Васильевича. «Матвеич! — пишет он 27 июля 1784 года. — Я решился всё забрать сюда в Ундол (одно из самых обширных суворовских имений, расположенное под Владимиром. — В. Л.) из Москвы, т. е. тамошнего моего дома: людей, вещи, бриллианты и письма».

Узнав о новом романе жены с секунд-майором Иваном Сырохневым, Суворов подал челобитную о разводе. Однако Синод поставил ему на вид отсутствие надлежащих свидетельств и «иных крепких доводов» и предложил начать бракоразводное дело в низшей инстанции.

«Ныне развод не в моде, — резюмирует огорченный Александр Васильевич, привыкший всё делать споро. — Об отрицании брака, думаю, нечего и помышлять». Получив известие о намерении тестя «поворотить жену к мужу», Суворов наставляет Матвеича перед беседой с членом Синода преосвященным Платоном, известным своим красноречием: «Скажи, что третичного брака быть не может и что я тебе велел объявить ему это на духу. Он сказал бы: "Того впредь не будет". Ты: "Ожегшись на молоке, станешь на воду дуть". Он: "Могут жить в одном доме розно". Ты: "Злой ея нрав всем известен, а он не придворный человек"». Дело о разводе остановилось.

В августе 1784 года Варвара Ивановна родила сына, которого назвали Аркадием. Суворов долго не признавал его. Никаких откликов на рождение мальчика в дошедших до нас письмах нет. Впервые он увидел Аркадия в 1797 году, когда к нему в Кончанское приехала дочь, графиня Наталья Александровна Зубова, с маленьким сыном и братом. Красивый, смышленый мальчик понравился старику, страдавшему от опалы и одиночества, и тот признал его сыном и принял большое участие в его обучении и воспитании. Пока же в письме от 28 декабря 1784 года из Кончанского Суворов приказывает Матвеичу: «Супругу Варвару Ивановну довольствовать регулярно из моего жалованья».

Похоже, гнев прошел, но боль осталась. Александр Васильевич решил выделить неверной жене скромное содержание. Запротестовал тесть, князь Иван Андреевич. Когда же он умер, Варвара Ивановна поселилась сначала в московском доме брата, потом в съемной квартире. Дела ее шли плохо, росли долги. Через три года супруга Суворова решилась обратиться к императрице. Московский главнокомандующий Петр Дмитриевич Еропкин писал 11 сентября 1787 года главному докладчику Екатерины графу Александру Андреевичу Безбородко: «По высочайшему соизволению всемилостивейшей Государыни, объявленному мне Вашим Сиятельством, хотя старался я доставить всевозможное спокойствие супруге Его Высокопревосходительства Александра Васильевича Суворова, но она требует еще приданых своих 12-ти образов, 13-ти серебряных вещей, слитка серебряного и пяти тысяч рублей денег. А как управляющий московским домом его показал, что в нем ничего принадлежащего не находится, и для того прошу Ваше Сиятельство о таковой претензии известить Его Высокопревосходительство Александра Васильевича с требованием противу оной решительного его положения к совершенному сего дела окончанию и меня уведомить».

Муж был готов возвратить требуемое Варварой Ивановной приданое, но она к этому вопросу более не возвращалась, а сам он был всецело занят важнейшим делом — готовился дать отпор туркам. Через три недели имя мужественного защитника Кинбурна прогремело не только в России, но и в Европе.

Александр Васильевич никогда не писал отставленной супруге и не одобрял ее переписки с дочерью. В завещании 1798 года он отписал все приобретенные им деревни дочери, все родовые и пожалованные за службу — сыну. Варваре Ивановне он не назначил ничего, оставшись непреклонным в отношении нарушительницы святости брачных уз.

В дни опалы Суворова кто-то посоветовал Варваре Ивановне обратиться к императору Павлу I с жалобой на скупость мужа и просьбой об увеличении выделенного ей содержания. Не без злорадства Павел Петрович велел непокорному фельдмаршалу оказать жене денежную помощь. Суворов повеление выполнил, но переписку с неверной супругой так и не возобновил.

Поскольку официального развода не было, Варвара Ивановна стала графиней Рымникской, затем княгиней Италийской. После дворцового переворота 1801 года новый император Александр I заявил о намерении царствовать по правилам своей великой бабушки. Подчеркивая уважение к памяти прославленного «екатерининского орла» и народного героя, новый император пожаловал княгиню Варвару Ивановну в статс-дамы и наградил ее орденом Святой Екатерины 2-й степени.

Вдова Суворова пережила мужа на шесть лет. «Судьба судила этой женщине быть женой гениального полководца, — заметил В.А. Алексеев, — и она не может пройти незамеченной. Она, как Екатерина при Петре, светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницей. Своего жребия она не поняла и не умела им воспользоваться, в значительной степени по своей вине, а таких людей нельзя оправдывать, их можно только прощать».

1784—1785 годы были для полководца временем отдыха. Он посетил несколько своих имений, но жил главным образом во владимирском селе Ундоле. Соседи-помещики с удовольствием принимали заслуженного генерала, а сам он, стараясь не ударить в грязь лицом, потчевал гостей не только яствами, но и своим домашним крепостным театром.

«Помни музыку нашу — вокальный и инструментальный хоры, и чтоб не уронить концертное… Театральное нужно для упражнения и невинного веселия», — читаем мы в одном из писем Суворова от августа 1785 года Степану Матвеевичу Кузнецову, заведовавшему канцелярией по управлению всеми суворовскими вотчинами, жившему в московском доме Александра Васильевича у Никитских ворот и пользовавшемуся его полным доверием.

В середине XIX века был записан чудесный рассказ ундольского крестьянина Дмитрия Гавриловича Локтева, который мальчиком видел Суворова. Особенно запомнились старику быстрота, с какой ходил генерал, его стремительность, нелюбовь к торжественным застольям. «Именитый был человек, и выслуги его были большие, а от почета бегал», — вспоминал Локтев.

Достойно внимания упоминание о нетерпимости Суворова к пьянству: «Угощал он всех не скупо. Но ни сам не любил много пить, ни пьяниц не терпел. Даже зимой приказывал поливать водой у колодца таких крестьян, которые шибко загуливали. — От холодной воды, говорит, хмельное скорее пройдет и дольше этот человек стыд и муку будет помнить, нежели его высечь розгами. Когда горячее любишь, то и к холодному будь способен. От этого пьянства не было при нем, а если и случалось каким людям в праздник подгулять, то укрывались от его милости».

Замечателен конец немудреного рассказа: «В 1812 году, когда мы всем селом бежали от Бонапарта в лес, мы все вспоминали нашего Суворова: он не дожил до французов».

Из писем Матвеичу (Кузнецову) следует, что и на хозяйственном поприще полководец проявил себя сведущим, рачительным хозяином, строгим, но справедливым. «Ундольские крестьяне не чадолюбивы и недавно в малых детях терпели жалостный убыток. Это от собственного небрежения, а не от посещения Божия, ибо Бог злу невиновен, — наставляет он своих крестьян. — В оспе ребят от простуды не укрывали, двери и окошки оставляли полые и надлежащим их не питали, и хотя небрежных отцов должно сечь нещадно в мирском кругу, а мужья — те с их женами управятся сами. Но сего наказания мало; понеже сие есть человекоубийство… Порочный, корыстолюбивый постой проезжих главною тому причиною, ибо в таком случае пекутся о постояльцах, а детей не блюдут… А потому имеющим в кори и оспе детей отнюдь не пускать приезжающих, и где эта несчастная болезнь окажется, то с этим домом все сообщения пресечь, ибо той болезни прилипчивее нет». Один из самых последовательных и оригинальных гигиенистов своего времени, сторонник народной медицины, Суворов, как и Потемкин, придерживался убеждения, что болезнь легче предупредить, нежели лечить. Он начал внедрять это золотое правило в своих имениях.

Н. Рыбкин отмечает, что помещик Суворов задолго до пушкинского Евгения Онегина перевел своих крестьян с барщины на оброк. А ведь даже во времена поэта эта перемена, существенно облегчавшая жизнь крепостных крестьян, считалась среди многих помещиков опасным нововведением, чуть ли не «фармазонством».

Мы, воспитанные на обличительной литературе, часто судим о России суворовского времени как о сплошном и беспросветном царстве произвола, поголовной жестокости помещиков по отношению к своим крепостным. Против такого взгляда в 1868 году выступил граф Лев Толстой в статье «Несколько слов по поводу книги "Война и мир"»: «Я знаю, в чем состоит тот характер времени, которого не находят в моем романе, — это ужасы крепостного права; и этот характер того времени, который живет в нашем представлении, я не считаю верным и не желал выразить. Изучая письма, дневники предания, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда-либо».

Письма Суворова подтверждают мнение великого писателя. «Лень рождается от изобилия, — начинает Суворов наставление крестьянам села Ундол. — Так и здесь оная произошла издавна от излишества земли и от самых легких господских оброков. В привычку вошло пахать землю без навоза, от чего земля вырождается и из года в год приносит плоды хуже». Генерал-поручик советует своим крепостным заняться разведением скота, чтобы восстановить плодородие земли, и запрещает резать животных: «Самим же вам лучше быть пока без мяса, но с хлебом и молоком».

В самом конце письма содержится поразительное свидетельство об отношениях, существовавших между барином и миром: «У крестьянина Михаила Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михаилу Иванова дожить до одной коровы. На сей раз в первые и последние прощается. Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег. Сие делаю не в потворство и объявляю, чтобы впредь на то же никому не надеяться. Богатых и исправных крестьян и крестьян скудных различать и первым пособлять в податях и работах беднякам. Особливо почитать таких, у кого много малолетних детей. Того ради Михаиле Иванову сверх коровы купить еще из моих денег шапку в рубль».

Зная по опыту командования войсками, как много зависит от толкового управления, Суворов завершает письмо требованием о перемене старосты: «Ближайший повод к лени — это безначалие. Староста здесь год был только одним нарядником и потворщиком. Ныне быть старосте на три года Роману Васильеву и вступить ему в эту должность с нового года. Ежели будет исправен, то его правление продлится паче, ежели в его правление крестьяне разбогатеют; а паче того, ежели из некоторых выгонит лень и учинит к работе и размножению скота и лошадей радельными, то в работах ему будет помощь от мира».

Далеко не все помещики походили на сумасшедшую изуверку Салтычиху, кстати говоря, жестоко наказанную по суду, ведь их богатство напрямую зависело от благосостояния их крестьян.

Поразительный рост русской культуры, науки, искусств во второй половине XVIII века шел рука об руку с ростом производительных сил страны и численности народонаселения. Относительно хозяйственного развития империи еще в 1910 году высказался молодой приват-доцент Петербургского университета Евгений Викторович Тарле (ставший крупным ученым-историком, академиком, автором классических трудов). На заседании Русского исторического общества он выступил с блестящим докладом на тему «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной». Основываясь на большом документальном материале, ученый отметил стремительный рост промышленного производства, сельского хозяйства и торговли. Британский флот ходил под парусами, сшитыми из русского холста. Русское железо высочайшего качества способствовало успеху промышленной революции в Англии. В торговле с Россией крупнейшая держава Европы Франция не могла добиться положительного баланса. Вывод ученого однозначен: «Экстенсивная мощь русской Империи в конце XVIII столетия является одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории». Об отношении правительства к крепостному праву свидетельствует записка императрицы Екатерины, в которой говорится: «Если крепостного нельзя признать персоною, следовательно, он не человек: но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет; все, что следует о рабе, есть следствие сего богоугодного положения и совершенно для скотины и скотиною делано».

В ответ на предложение ограничить крепостное право верховная власть услышала от дворянства решительное «нет». Историк Г.В. Вернадский в своем небольшом исследовании «Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767—1768 годов» отмечает: «Волна дворянского недовольства обрушилась на Комиссию и смыла ее. Если бы Екатерина не распустила своего парламента, эта волна обратилась бы на нее самоё».

Разразившаяся вскоре пугачевщина с ее поголовным истреблением дворянства показала перспективу непродуманных и неподготовленных действий по отмене крепостного права. Государственно-мыслящие люди (Екатерина, Бибиков, Потемкин, Суворов, Румянцев, братья Панины) справедливо сравнивали бунт самозванца с событиями Смутного времени (в которых также активно действовали самозванцы), приведшего к краху государства, вторжению воинственных соседей и неисчислимым бедствиям для народа. Правительство вступило на долгий путь реформ.

Когда Екатерина вступила на престол, население России составляло 19 миллионов человек, к концу ее царствования увеличилось до 29 миллионов. И это несмотря на войны, которые пришлось вести России чуть ли не половину правления великой государыни. Прибавим семь миллионов жителей территорий, присоединенных к империи в ходе борьбы с Польшей и Турцией.

Особые надежды Екатерина возлагала на распространение образования. «В 60 лет все расколы исчезнут, — делится она своими мыслями в 1782 году со статссекретарем Александром Васильевичем Храповицким. — Сколь скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истребится само собою. Тут насилия не надо».

При Екатерине II правительство в неурожайные годы обеспечивало население городов хлебом из государственных хранилищ. Ответственность за пропитание крепостных возлагалась на их помещиков.

Переписка Суворова свидетельствует о том, как энергично трудился он над устройством хлебных запасов для своих крестьян, выказав и здесь организаторскую хватку. Из тех же писем видно, как много хлопот доставляли ему спорные дела с соседями-помещиками, ведь за ущерб, нанесенный крестьянами, отвечал их владелец. Примечательно, что Александр Васильевич с большим недоверием смотрел на хлопоты нанятого им профессионального стряпчего Терентия Ивановича Черкасова, который, по его словам, «вместо дела упражняется только в поэзии». Черкасов грубо льстил Суворову, воспевая его подвиги в стихах и умышленно затягивая решение дел, чтобы вытянуть у клиента побольше денег. Зато староста Мирон Антонов, из зажиточных крестьян села Кончанского, грамотный и толковый, умело и успешно разрешил споры с соседними помещиками и заслужил полное одобрение барина.

Обратим внимание и на такую интересную подробность хозяйственной деятельности помещика Суворова, как нежелание отдавать своих крестьян в рекруты. Согласно государственной разверстке в мирное время брали, как правило, одного с тысячи человек, а в связи с напряженной обстановкой на границах с Турцией в 1784 году забривали четырех. Александр Васильевич приказал, «чтобы в рекруты из крестьян никого не отдавать, а покупали бы чужих рекрутов» в складчину: половину требуемой суммы давал барин, остальное — мир.

Крепостные Суворова из села Маровки Мокшанского уезда Пензенского наместничества, получив этот приказ, решили сэкономить. Пожаловавшись на свое бедственное состояние — из-за неурожая хлеба впору просить милостыню, — они вместо сбора денег предложили отдать в рекруты бобыля, «который никаких податей не платит, а шатается по сторонам года по два и по три, и в дом, Государь, не приходит, и не знаем, где он, бобыль, живет».

Барин был недоволен таким подходом, ведь рекрутские наборы проходили регулярно, а в следующий бобыля могло не оказаться и пришлось бы кому-то из маровских мужиков идти в солдаты. Суворов решил проучить прижимистых крестьян и вступился за одинокого сироту, потребовав от мира поставить бобыля на ноги. Его резолюция была по-военному решительной: «Рекрута ныне купить и впредь також всегда покупать; хотя у кого и неурожай, тех снабдевать миром, а по миру не бродить. Иначе велю Ивана и прочих высечь. Бобыля же отнюдь в рекруты не отдавать. Не надлежало дозволять бродить ему по сторонам. С получением же сего в сей же мясоед этого бобыля женить и завести ему миром хозяйство. Буде же замешкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной девице, а доколе он исправится, ему пособлять миром во всём: завести ему дом, ложку, плошку, скотину и прочее».

Отметим, что крепостной Суворова Прохор Иванович Дубасов (знаменитый Прошка) стал в 1779 году старшим камердинером барина. Бессменный спутник был с Александром Васильевичем до последней минуты его жизни. Суворов, называвший Прохора «своим другом», завещал отпустить его на волю. Варвара Ивановна попыталась оспорить завещание, но усилиями опекунов несовершеннолетнего сына желание полководца было выполнено — Прохор с семьей получил вольную и был принят в придворный штат.

Поездки по имениям, хлопоты по хозяйству, встречи с хлебосольными соседями-помещиками, охота, устройство певческой капеллы и театра — все эти занятия только на время могли удовлетворить деятельную натуру Суворова.

Известный дореволюционный ученый П.И. Ковалевский в своих «Психиатрических этюдах из истории» высказал интересные суждения о характере полководца: «Суворов жил идеей и для идеи! Всю свою жизнь отдавал военной службе и войскам. В военное время и в походах Суворов не знает усталости и утомления. Ни непогоды, ни невзгоды для него не существовали. Он был всегда счастлив, доволен и прекрасно настроен. Хуже бывало в мирное время. Не было дела, не было живого захватывающего интереса. Суворов томился, Суворов скучал, хандрил и капризничал».

Десятого декабря 1784 года он садится за письмо Потемкину. Это предновогоднее послание принадлежит к числу самых откровенных исповедей Суворова. Александр Васильевич просит поручить ему особую команду, упоминая о «ваканции» по дивизиям Брюса и Репнина, которые дислоцировались в Московской и Смоленской губерниях. «В стороне первой я имею деревни, — уточняет Суворов, — но всё равно, Светлейший Князь! где бы я от высокой милости Вашей Светлости особую команду не получил, хотя в Камчатке».

Он сообщает о покупке под вексель девяноста двух душ и мимоходом напоминает о своей бережливости в трате казенных сумм: за время командования Кубанским корпусом он сэкономил 100 тысяч рублей, при этом сам до сих пор не получил жалованье за четыре месяца. «Вот мое корыстолюбие!» — восклицает Суворов, давая понять, что просит особую команду не для собственной выгоды, а ради пользы дела. Далее следует замечательное по искренности и смелости изложение его символа веры:

«Служу я, Милостливый Государь, больше 40 лет и почти 60-ти летний, одно мое желание, чтоб кончить Высочайшую службу с оружием в руках. Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать.

Наука просветила меня в добродетели; я [не] лгу, как Эпаминонд, бегаю, как Цесарь, постоянен, как Тюренн, и право-душен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был щастлив потому, что я повелевал щастьем.

Успокойте дух невинного пред Вами, в чем я на Страшном Божием суде отвечаю, и пожалуйте мне особую команду… Исторгните меня из праздности, но не мните притом, чтоб я чем, хотя малым, Графом Иваном Петровичем (Салтыковым. — В. Л.) недоволен был, токмо что в роскоши жить не могу».

Сознавая дарованный ему от Бога талант, Суворов без ложной скромности сравнивает себя с великими полководцами: римлянином Юлием Цезарем, французом Тюренном, героем древних Фив Эпаминондом и афинянином Аристидом. Завистникам он отвечает афоризмом: «Был щастлив потому, что я повелевал щастьем». Об одном Суворов просит своего друга и благодетеля: «Исторгните меня из праздности».

Мы не знаем ответа Потемкина. Занимавшийся заселением и устройством новых провинций на юге, строительством Черноморского флота и его главной базы Севастополя, он в конце июня был вызван в Петербург — императрица, потрясенная скоропостижной смертью молодого красавца Александра Ланского, потеряла интерес к жизни. Потемкину удалось вернуть Екатерину к жизни. Главным лекарством стали государственные дела, которые князь предлагал на обсуждение и решение своей тайной супруге, зная, что привычка к постоянной работе возьмет верх над душевным кризисом.

Четвертого сентября 1784 года императрица подписывает указ о назначении на место умершего московского главнокомандующего графа З. Г. Чернышева графа Я.А. Брюса. В тот же день Потемкин представляет ей на рассмотрение проект об учреждении университета в Екатеринославе. Его планы грандиозны. Он мечтает о том, чтобы Екатеринослав сделался крупным культурным центром, куда бы потянулась молодежь из Греции, Молдавии, Валахии, славянских стран, порабощенных Портой. Он рассказывает императрице о Тавриде, о прекрасной естественной гавани и растущем на ее берегах новом городе-порте Севастополе. Именно в эти тяжелые для Екатерины дни светлейший князь увлекает ее идеей совершить путешествие в Крым.

На следующий день императрица покидает Царское Село и возвращается в столицу. 8 сентября двор и дипломаты видят ее у обедни после трехмесячного перерыва. 13 октября Екатерина утверждает план застройки Екатеринослава. 15-го следует рескрипт Потемкину о мерах по предотвращению «опасной болезни» в Екатеринославском наместничестве.

В вихре дел Потемкин не забыл своего друга. 5 ноября он уведомляет Суворова о награждении его золотой медалью за участие в присоединении Крымского ханства к России.

1785 год соправитель императрицы провел в Петербурге. 14 января Екатерина подписала рескрипт Потемкину об умножении и преобразовании армии. Еще весной 1783 года он подал записку «Об одежде и вооружении сил», в которой говорилось:

«Одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать еще нельзя лучше к угнетению солдата. Тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать лет уже почти узнаёт узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих.

Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье должно служить солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плод роскоши, требует много времени и иждивения и слуг, чего у солдата быть не может…

Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов! Если б можно было счесть, сколько вьщано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! И простительно ли, чтоб страж целости Отечества удручен был прихотьми, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных?»

Екатерина утвердила предложения главы Военной коллегии. Было введено новое обмундирование:

шаровары, суконная куртка, мягкие сапоги с портянками, холщовое нижнее белье, нарядная кожаная или фетровая каска с плюмажем. Практичная, удобная форма была встречена армией с восторгом. Она не только облегчила солдатскую жизнь, но и позволила казне сэкономить значительные суммы. Солдаты европейских армий могли только завидовать русским.

Опираясь на богатый боевой опыт, на мысли и наставления Румянцева и других передовых военных деятелей России и зарубежья, Потемкин требовал обучать солдат тому, что пригодится на войне. Он решительно выступил против муштры и палочной дисциплины. Горячим сторонником и последовательным проводником этих идей в жизнь был Суворов.

Двадцать первого апреля 1785 года Екатерина подписала «Жалованную грамоту дворянству». За ней последовала «Жалованная грамота городам». 24 мая — 19 июня состоялась подготовленная Потемкиным поездка императрицы через Вышний Волочек в Москву. Помимо свиты Екатерину сопровождали аккредитованные при российском дворе дипломаты. Сразу же по возвращении в Петербург последовал рескрипт Потемкину (26 июня) об умножении сил на китайской границе. 10 августа светлейший князь поднес государыне разработанные им штаты строящегося Черноморского флота и планы строительства крепостей в Тавриде. По его убеждению там «главная одна только крепость должна быть — Севастополь — при гавани того же имени». Спустя три дня последовала конфирмация (утверждение) штатов Черноморского флота. Особого внимания требовала обстановка на Кавказе. Только благодаря демаршу русского правительства было предотвращено двойное нападение на царство Ираклия II: с севера — турецкого наемника Омар-хана, с юга — правителя Ахалцихской провинции Турции Сулейман-паши.

В марте 1785 года Суворов еще раз напомнил о своем желании получить особую команду и закончил коротенькое письмо В.С. Попову словами: «Господь Бог да умилостивит ко мне Светлейшего Князя».

Потемкин и не думал гневаться на своего мнительного подчиненного. Очередь до Александра Васильевича дошла осенью. 16 ноября 1785 года мы видим его на званом обеде в Зимнем дворце. Через пять дней следует указ Военной коллегии командующему столичной дивизией графу Разумовскому о переводе к нему Суворова. 25 ноября граф приказал генерал-аншефу Н.И. Салтыкову «состоящие ныне в командовании Вашего Высокопревосходительства полки, с бригадными их командирами, отдать в командование определенному в 1-ю дивизию господину Генерал-Поручику и Кавалеру Суворову, по исполнении мне рапортовать».

На другой день Александр Васильевич присутствовал на празднике георгиевских кавалеров, который императрица ежегодно устраивала в Зимнем дворце. Рядом с ним за царским столом восседали Потемкин, Репнин, Михельсон и другие прославленные генералы и штаб-офицеры, удостоенные самой почетной боевой награды России. Через три дня там же проходил праздник андреевских кавалеров. Суворова среди присутствующих не было — он стал кавалером старейшего российского ордена, учрежденного Петром Великим, только через два года.

В 1786 году Суворов прочно осел в Петербурге. Камер-фурьерский церемониальный журнал свидетельствует о том, что с конца апреля по середину октября он 11 раз приглашался к царскому столу Однако документов, относящихся к этому периоду его службы, отыскать не удалось, кроме нескольких частных писем Александра Васильевича управляющим его имениями. Скорее всего, генерал под руководством Потемкина трудился над планами реорганизации армии и предстоящих войн.

Восьмого апреля 1786 года Потемкин поднес на утверждение императрицы «штаты кирасирских, карабинерных, драгунских, легкоконных, гренадерских и мушкетерских четырехбаталионных и мушкетерских двубаталионных полков, егерских корпусов и егерских же и мушкетерских баталионов и табели положенных всем сим войскам ружейных, мундирных и амуничных вещей». Глава Военной коллегии подчеркивал выгоды казенным интересам от вводимого единообразия в одежде и вооружении солдат.

Потемкин, как и Суворов, прошел румянцевскую школу. В своей деятельности он опирался на опыт и заветы учителя, который требовал соблюдать строгую соразмерность расходов на военные нужды с другими государственными надобностями, без чего «часть воинская будет в нестроении и терпеть недостатки или другие чувствительные угнетения». Благосостояние армии, подчеркивал Румянцев, всецело зависит от благосостояния народа, дающего и людей, и деньги, а потому особенно важно сберегать народные силы, чтобы «несоразмерным и бесповоротным взиманием не оскудеть казну».

Твердо проводя в жизнь эти правила, Потемкин готовил вооруженные силы к возможным испытаниям. Его записка императрице, поданная в конце июля, дает представление о политической осведомленности и прозорливости князя:

«Сколько мне кажется, то кашу сию Французы заваривают, чтобы нас озаботить, убоясь приближения смерти Прусского Короля, при которой они полагают, конечно, Императору затеи на Баварию. Сие тем вероятнее, что во Франции приказано конницу всю укомплектовать лошадьми, что у них без намерения о войне никогда не бывает. Пусть хотя и уверили французы, что не пустят нас в Архипелаг (в Средиземное море, к берегам Греции. — В. Л.), однако ж флот потребно иметь в состоянии [готовности]. Прикажите себе подать ведомость о кораблях и фрегатах с описанием годности каждого. Расположение духа в Швеции кажется в нашу пользу, но назначенный туда министр (граф Андрей Разумовский. — В. Л.) годится ли по нынешнему времяни, где устремлять всё, что можно, против французов следует? Мне сии последние… известия по многим обстоятельствам вероятны. Однако ж я надежен, что француз посол… поворотит сии дела, чтоб получить у Вас мерит . К Г[рафу] Сегюру привезен большой пакет из Константинополя. Завтра он у меня будет обедать, я сам не зачну говорить, а ежели он зачнет, то из сего можно будет заключение зделать. Главное то, чтобы выиграть несколько время».

Граф Сегюр, французский посланник в Петербурге, хлопотал о новом торговом договоре, который должен был сблизить Россию и Францию. Но он шел против течения. Версальский кабинет интриговал в Константинополе против России. Англия, обеспокоенная продвижением империи на Восток, занимала выжидательную позицию, втайне сколачивая блок с Пруссией. Союзники-австрийцы могли воспользоваться приближавшейся смертью Фридриха II и снова предъявить свои права на баварское наследство. Требовала большого внимания северная соседка Швеция. Попытка создать четверной союз (Австрия, Франция, Испания и Россия) против Турции оказалась безрезультатной из-за противодействия Франции, имевшей свои интересы на Востоке.

На случай войны с жаждавшей реванша Турцией план предусматривал активную оборону Херсона, Крыма и Кубани с Таманью. Не сомневаясь в победе, Потемкин обозначил главную цель войны: ликвидация турецкого форпоста Очакова и отодвигание границы до Днестра. (Забегая вперед скажем, что развязанная Турцией война закончилась подписанием мира именно на этих условиях.) Вспомогательные действия должны были вестись на Кубани и в Закавказье.

План был принят, 16 октября 1786 года Екатерина подписала рескрипт о назначении Потемкина главнокомандующим главной армией на юге. Вспомогательная армия поручалась Румянцеву.

Огромный круг обязанностей, возложенных на Потемкина, его инициативность и самостоятельность при решении вопросов государственной важности не могли не создать ему врагов. Историк Е. И. Дружинина в обстоятельной монографии о деятельности Потемкина на юге страны отмечает: «Правительство лихорадочно заселяло приграничные районы, не останавливаясь перед фактической легализацией побегов крепостных из внутренних губерний… Беглые в случае розыска чаще всего объявлялись "неотысканными". Этот курс, связанный с именем Потемкина, вызвал раздражение многих помещиков более северных украинских губерний и Центральной России: массовое бегство крепостных в Причерноморье лишало их работников. Против Потемкина возникло оппозиционное течение, представители которого стремились скомпрометировать мероприятия, проводившиеся на юге страны».

Среди оппонентов Потемкина мы видим таких крупных деятелей правительственной администрации, как генерал-прокурор князь А.А. Вяземский, президент Адмиралтейской коллегии граф И.Г. Чернышев, президент Коммерц-коллегии граф А.Р. Воронцов. И всё же план Потемкина был одобрен советом при высочайшем дворе — на этом настояла императрица. Выросшая в обстановке придворных интриг, сама большая мастерица политических комбинаций, государыня высоко ценила не только государственный ум и деловую хватку Потемкина, но и его умение сотрудничать на пользу дела с самыми разными людьми, даже с явными недоброжелателями и противниками.

Шестого августа умер Фридрих Великий, бывший на протяжении многих лет «возмутителем спокойствия в Европе». После тяжелых поражений от русской армии в Семилетней войне король стал более осторожным и старался не доводить дело до войны, но суть его политики не изменилась: любой ценой добиться гегемонии в Германии, расширить территорию и увеличить людские ресурсы Пруссии за счет Польши, над картой которой старый король провел последние дни жизни. Начало было положено первым разделом шляхетской республики. Соседи Пруссии волновались: как поведет себя на престоле племянник великого короля Фридрих Вильгельм II?

Среди внешнеполитических забот России самыми острыми являлись отношения с Турцией и безопасность южных границ, протянувшихся от Каспийского моря до Буга. На Северном Кавказе уже шли боевые действия. Горцы во главе с чеченцем Ушурмой, объявившим себя пророком Шейхмансуром, нападали на русские посты и крепости.

В конце октября Потемкин поскакал на юг. Вместе с ним отправился и Суворов, незадолго до того получивший долгожданный чин полного генерала (пожалован по старшинству 22 сентября 1786 года). В списке генерал-аншефов он оказался двенадцатым, но именно его Потемкин взял с собой, хорошо зная, каким мастером обучения войск был Александр Васильевич.

Согласно разработанному князем плану императрица весной 1787 года должна была посетить южные губернии. Путешествие задумывалось как важная политическая и дипломатическая акция. С государыней ехали дипломатические представители ведущих европейских держав, придворные чины. В Херсоне к путешественникам должен был присоединиться австрийский император Иосиф.

Потемкин хотел показать достижения по заселению и хозяйственному освоению Северного Причерноморья. Новые города и селения, крепости и верфи, ремесленные мастерские и мануфактуры, возникшие за последние десять лет на безлюдных землях, красноречивее всех дипломатических нот должны были убедить друзей и недругов России, что ей есть что защищать, есть и чем защищать.

Суворов, состоявший при 3-й дивизии Екатеринославской армии, через три месяца должен был командовать частью войск, «к границе польской назначенной». Перед ним открывались широкие возможности внедрять в армии свои принципы боевой подготовки и воспитания солдат и офицеров.

В то самое время, когда Потемкин и Суворов скакали на юг, из Калуги к турецкой границе медленно следовал бывший крымский хан со своим обозом. Екатерина после настойчивых просьб Шагин-Гирея дала разрешение на его отъезд в Турцию. Узнав об этом, русский посланник в Константинополе Яков Иванович Булгаков предсказал судьбу последнего правителя Крыма, заявив, что тот едет навстречу своей смерти. Шагин-Гирей при пересечении границы был принят турками с показной пышностью. Вскоре его отправили на остров Родос — место пребывания потерявших власть ханов. После объявления Турцией войны России он был вероломно убит.

А пока в причерноморских губерниях шла подготовка к приезду императрицы. Города, которые собиралась посетить Екатерина, приводились в праздничный вид. Чинились дороги и переправы. Возводились путевые дворцы для самой государыни и жилища для ее многочисленной свиты. Суворову было поручено обеспечить безопасность границы по Южному Бугу и приготовить войска для торжественных встреч и смотров.

Седьмого января 1787 года из Царского Села выехал царский санный поезд. Почти три месяца двор провел в древнем Киеве, где Екатерину принимал генерал-губернатор Малороссии граф Петр Александрович Румянцев. Среди многочисленных спутников и гостей императрицы был и Суворов, прибывший в Киев 16 февраля.

Двадцать второго апреля вниз по Днепру двинулась большая флотилия. Спустя три дня на борту царской галеры «Десна», ставшей на якорь напротив Канева, состоялось свидание Екатерины с польским королем. В этом месте польская граница подходила к Днепру, и Станислав Август, которому по конституции было запрещено покидать пределы страны, мог, не нарушая закона, беседовать с российской императрицей.

Понятовский просил защитить его от собственных подданных, влиятельных польских магнатов, грозивших ему свержением с престола, искал сближения с Россией, предлагал заключить союзный договор в преддверии близкой войны с Портой. За полтора месяца до каневского свидания он уже провел предварительные переговоры с Потемкиным, горячим сторонником русско-польского оборонительного и наступательного союза. Но Екатерина отнеслась к этим предложениям сдержанно и не спешила связывать себя обязательствами перед Польшей, внутреннее положение которой оставалось крайне неустойчивым. К тому же союз со Станиславом Августом мог вызвать осложнения в отношениях с Австрией и Пруссией. Королю была обещана поддержка, дипломатам поручена работа над проектом союзного договора.

Дни с 30 апреля по 3 мая императрица провела в Кременчуге, временно являвшемся главным городом наместничества. Смотр легкоконных полков, батальонов Бугского егерского корпуса и батальона екатеринославских гренадер произвел на императрицу и ее гостей большое впечатление. Отметим, что среди генералитета, встречавшего Екатерину в Кременчуге, были генерал-аншеф Суворов и генерал-майор Голенищев-Кутузов, командовавший бугскими егерями. «Здесь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили доныне, будто она лишь счисляется на бумаге, а в самом деле ее нет, — пишет Екатерина 30 мая П.Д. Еропкину. — Однако ж она действительно налицо, а такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду». То же она подтверждает в письме, отправленном в Петербург Николаю Ивановичу Салтыкову, исполнявшему обязанности гофмейстера двора наследника Павла Петровича: «Здесь я нашла три легкоконные полка, то есть треть тех полков, про которые покойный Панин и многие иные старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные».

И город, и жители, и войска очень понравились императрице и ее спутникам, среди которых были полномочные дипломаты: французский посланник граф Сегюр, английский посланник Фицгерберт, австрийский посол граф Кобенцль.

С Кременчуга начиналась главная часть путешествия — осмотр губерний, вверенных попечению Потемкина. Уже после смерти и светлейшего князя, и его венценосной супруги давно ходившие в кругу его политических противников слухи о плачевном состоянии вверенных его управлению губерний были литературно оформлены секретарем саксонского посольства в Петербурге Георгом фон Гельбигом, анонимно опубликовавшим в 1797—1800 годах биографию Потемкина, в которой он дал волю вымыслам о «потемкинских деревнях» — символе показного благополучия и неспособности России к созидательной деятельности. Этот злобный вымысел был переведен на несколько европейских языков и получил широкое распространение.

В далеком от нас XVIII веке тоже велись информационные войны. Стрелы, выпущенные в сторону Потемкина, были направлены против России. Далеко не случайно Екатерина почти ежедневно сообщала в Москву и Петербург о своих впечатлениях. «Чтоб видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала Князя Потемкина, — писала императрица Салтыкову 3 мая, покидая Кременчуг, — надлежит приехать в его губернии, где все части устроены, как возможно лучше и порядочнее: войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оныя хвалят неложно; города строятся, недоимок нет».

Флотилия снова тронулась в путь. Но 7 мая, получив известие о том, что император Иосиф уже прибыл в Херсон и отправился к ней навстречу, Екатерина сошла на берег и в карете поспешила к Новым Кайдакам.

Свидание глав двух великих держав произошло в степи. Не было ни свиты, ни дипломатов. Присутствовал Потемкин да еще германский принц Карл Генрих Нассау-Зиген, рассказавший, как князю пришлось самому готовить для коронованных гостей импровизированный обед.Спустя два дня на месте, избранном Потемкиным для основания губернского города Екатеринослава, императрица заложила церковь. Ей помогали Потемкин и австрийский император: первый подал закладную плиту, второй клал кирпичи на известковом растворе. 10 мая Потемкину был пожалован кайзер-флаг (гюйс) начальника над Черноморским флотом.

Двенадцатого мая Екатерина и Иосиф («граф Фалькенштейн») в коляске Потемкина торжественно въехали в Херсон, впоследствии прозванный «колыбелью Черноморского флота». Им салютовали пушки херсонской крепости, их приветствовали войска. После литургии в соборной церкви Святой великомученицы Екатерины генералитет, херсонское дворянство и именитые граждане во главе с Потемкиным встречали коронованных гостей у дворца. Вечером на торжественном приеме звучала музыка, город украшали огни иллюминации. На следующий день на приеме присутствовал Суворов. 15 мая Екатерина во флотском мундирном платье и скромно одетый в простой армейский мундир «граф Фалькенштейн» участвовали в торжественном спуске на воду кораблей — восьмидесятипушечного «Иосифа», семидесятипушечного «Владимира» и пятидесятипушечного «Александра».

На большой званый обед снова был приглашен Суворов, а вместе с ним — прибывшие из Константинополя посол Булгаков и полномочный представитель Священной Римской империи при Блистательной Порте Герберт, неаполитанский дипломат маркиз Галло, польский посол Мощинский, племянник короля Станислав Понятовский.

Тринадцатого мая Храповицкий записывает в дневнике: «В письме к Еропкину сравнение шестилетнего устроения Петербурга с Херсоном; укрепления города и здания похвалены; в расторопности и успехах должно отдать справедливость Князю Г.А. Потемкину». На другой день в письме государыни Брюсу Херсон назван одним из лучших русских городов. И это великолепие было достигнуто за шесть лет, в голой степи!

Путешественники намеревались посетить Кинбурн, но маршрут пришлось изменить — к Очакову пришел сильный турецкий флот: четыре линейных корабля, десять фрегатов и множество вспомогательных судов. Екатерина выразила неудовольствие графу Сегюру за подстрекательство турок к войне. Француз оправдывался, ссылаясь на то, что Порту могло напугать присутствие на юге собранных Потемкиным войск. Император Иосиф всё же посетил Кинбурн и лично обозрел Очаков. Через три месяца здесь загремят пушки и турки попытаются захватить Кинбурн. Отпор будет дан Суворовым, а Австрии придется выполнить свои обязательства и вступить в войну.

Совместное путешествие глав двух империй не осталось незамеченным. Англия, Пруссия и Швеция усилили свои интриги при дворе султана, но главным противником России в Константинополе представлялась Франция, приславшая в Турцию своих советников — обучать янычар европейскому строю, укреплять фортификацию и строить новые военные корабли.

Сегюр в своих поздних записках утверждал, что Потемкин, в отличие от проявлявшей сдержанность императрицы, хотел войны, чтобы получить высшую степень ордена Святого Георгия. Документы же говорят о том, что Потемкин после неурожайного года с большим трудом пополнял хлебные «магазей-ны» закупками в Польше и хлебородных губерниях России. Его грандиозная строительная программа в Северном Причерноморье нуждалась в мире. Имея от императрицы полномочия давать указания российским дипломатам, он требовал от Булгакова еще на год-два сохранить мир с Портой. Князь был готов пойти на удовлетворение значительной части требований, выдвигаемых в Константинополе сторонниками войны.

Разрыв произошел в августе, а пока путешествие продолжалось. 17 мая императрица и ее спутники покинули Херсон и держали путь в Крым, сказочную Тавриду. Накануне отъезда из Херсона императрица делится впечатлениями от увиденного в письме Брюсу: «Здешний край чрез десять лет будет из изобильнейших… здешний край есть земной рай».

На подходе к Перекопу царский поезд встречали казаки — три с половиной тысячи донцов во главе с войсковым атаманом А.И. Иловайским. Были устроены показательные маневры, вызвавшие неподдельное восхищение австрийского императора. В Крыму карету императрицы окружили татарские всадники, полторы тысячи отборной конницы под начальством бригадира Ивана Горича Большого, родом черкеса. Снова взрыв удивления: вчерашние враги конвоируют карету российской императрицы!

На длинном спуске к Бахчисараю лошади понесли. Иосиф и принц де Линь, сидевшие в карете напротив Екатерины, восхищались силой ее характера: на ее лице не промелькнуло и тени беспокойства. Татарским наездникам удалось на полном скаку перехватить лошадей и спасти высоких гостей.

В самом Бахчисарае путников встретило мусульманское духовенство во главе с муфтием. Гости остановились в бывшем ханском дворце. Мечети и дома освещались иллюминацией. Во время одной из прогулок император и граф Сегюр признались друг другу, что увиденное напоминает сказку «Тысячи и одной ночи»: русская императрица спокойно отдыхает в столице ханства, наводившего в течение столетий ужас на Россию и Польшу.

Двадцатого мая статссекретарь Храповицкий заносит в дневник слова Екатерины: «Говорено с жаром о Тавриде: "Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то"». На следующий день Екатерина пишет в Москву Еропкину: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением бесславили приобретение сего края. И Херсон, и Таврида со временем не токмо окупятся, но надеяться можно, что если Петербург приносит осьмую часть дохода империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами безплодные места».

Двадцать второго мая царский поезд прибыл в Инкерман — небольшую деревушку на высоком берегу Ахтиарской гавани. Во время обеда в путевом дворце по приказу Потемкина упали шторы на окнах — и гости увидели белокаменный Севастополь, прекраснейшую гавань и стоящий в ней флот! Это была кульминация путешествия.

На обратном пути, расставшись с императором, Екатерина прибыла в село Блакитное на Полтавской дороге в 70 верстах от Херсона. Здесь во главе шести полков государыню встречал Суворов.

Как записано в камер-фурьерском журнале, 8 июня на Полтавском поле «под предводительством генерал-аншефа и кавалера князя Юрия Владимировича Долгорукова все конные полки маршировали мимо ставки Ея Величества. А напоследок в присутствии Ея Императорского Величества всё войско, имея 40 орудий полевой артиллерии, атаковало неприятеля пред собою поставленного, причем во всех движениях доказало совершенное устройство и похвальную расторопность». На кургане, прозванном в народе «Шведской могилой», рядом с императрицей стоял Потемкин в окружении генералов, свиты и знатных иностранцев. Торжество на поле русской славы должно было подтвердить преемственность политики Екатерины II, идущей по стопам Петра I.

О своем участии в полтавских маневрах Суворов не упоминает. Скорее всего, он внес лепту в подготовку войск, но честь их показа Екатерине выпала на долю князя Ю.В. Долгорукова, произведенного в генерал-аншефы ранее его.

В тот же день государыня повелела: «Сенату заготовить похвальную грамоту с означением подвигов Господина Генерал-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина в присоединении Тавриды к Империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части и населении губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Черном море, с прибавлением ему наименования Таврического».

Красноречивее всех свидетельств о великом созидательном подвиге на юге говорит изменение численности населения Азовской и Новороссийской губерний, входивших в Екатеринославское наместничество: с 1777 по 1787 год она увеличилась с 200 тысяч до 725 тысяч человек обоего пола. Потемкин сделал на юге больше, чем Петр Великий на севере.

Три десятилетия спустя Сегюр в своих «Записках» рассказал о путешествии, больших маневрах в Кременчуге и полтавском торжестве. Однако камер-фурьерский церемониальный журнал, фиксировавший всё происходившее при высочайшем дворе, о «кременчугских маневрах» не упоминает. Очевидно, за давностью лет впечатления от тамошнего смотра войск слились с впечатлениями от полтавских маневров.

По горячим следам Сегюр дал высочайшую оценку увиденному во время путешествия. «Я с большим удовольствием опишу… все те великолепные картины, которые Вы нам показывали, — писал он Потемкину 25 августа 1787 года. — Торговлю, привлеченную в Херсон, несмотря на зависть и болота; чудом созданный в два года флот в Севастополе… и ту гордую Полтаву, где Вы с такою убедительностью мощью 70 баталионов отвечали на те нападки, которым подвергалось Ваше устроение Крыма со стороны невежества и зависти. Если мне не поверят, то это будет Ваша вина: зачем Вы сделали столько чудесного в столь короткое время, ни разу не похвалившись, пока не показали всего разом?!»

Поверив поздним мемуарам Сегюра, Николай Полевой, самый популярный биограф Суворова в XIX веке, заявил, что «в Кременчуге Екатерина любовалась маневрами войск, предводимых Суворовым». Полевой вообще весьма вольно обращался с документами (которые, к слову сказать, были еще малоизвестны) и предпочитал им устные предания.

Под его бойким пером анекдоты претерпевали большие изменения. Так, в сборнике Е. Б. Фукса приведен рассказ о том, как Суворов катался с императрицей в лодке. Зная, что завистники распустили слух о дряхлости полководца, чтобы добиться его увольнения из армии, он так ловко выпрыгнул на берег, что вызвал восхищение Екатерины. «Ах! Александр Васильевич! Какой вы молодец!» — смеясь, сказала ему государыня. «Какой молодец, матушка! Ведь говорят, будто я инвалид?» — «Едва ли тот инвалид, — возразила царица, — кто делает такие сальто-мортале!» — «Погоди, матушка, еще не так прыгнем в Турции!» — бодро ответил Суворов. Дело происходило в Царском Селе. Но Полевой, повторив этот анекдот, пристроил его по соседству с рассказами, относящимися ко времени путешествия Екатерины:

«В Херсоне нечаянно подошел к Суворову какой-то австрийский офицер, без всяких знаков отличия — то был Иосиф. Суворов говорил с ним, притворяясь, будто вовсе не знает, с кем говорит, и с улыбкой отвечал на вопрос его "Знаете ли вы меня?": "Не смею сказать, что знаю", — и прибавил шепотом: "Говорят, будто вы Император Римский!" — "Я доверчивее вас, — отвечал Иосиф, — и верю, что говорю с русским фельдмаршалом, как мне сказали"».

Вот еще один анекдот из книги Полевого: «В Полтаве Императрица, довольная маневрами войск, спросила: "Чем мне наградить вас?" — "Ничего не надобно, матушка, — отвечал Суворов, — давай тем, кто просит, — ведь у тебя таких попрошаек чай много?" Императрица настояла. "Если так, матушка, спаси и помилуй: прикажи отдать за квартиру моему хозяину, покою не дает, а заплатить нечем!" — "А разве много?" — сказала Екатерина. "Много, матушка, — три рубля с полтиной!" — важно произнес Суворов. Деньги были выданы, и Суворов рассказывал "об уплате за него долгов" Императрицею. "Промотался, — говорил он, — хорошо, что Матушка за меня платит, а то беда бы…"».

Эти забавные истории, несомненно, доносят до читателей живые черты Суворова. Но в них много прибавлений, сделанных позже, когда Александр Васильевич уже стал признанным национальным героем. Накануне войны никто не собирался исключать его из армии. Не мог Суворов, человек умный и тонкий, публично обвинять придворных в попрошайничестве.

Петрушевский в своей монографии опустил «сказки» Полевого. Однако советские биографы генералиссимуса повторяют их без малейшего сомнения. Вот и приходится читать, как после «кременчугских маневров» полководец, «запыленный, в легкой каске и солдатской куртке», подлетел на коне к императрице. «Чем наградить вас?» — спросила довольная Екатерина и услышала в ответ о попрошайках-придворных и трехрублевом долге за квартиру.

Между тем существуют замечательные маленькие истории, которые были опубликованы в 1895 году и в книгу Полевого попасть не могли. Петрушевский в примечаниях ко второму изданию своего труда (1900) упомянул о них как о редком и ценном источнике. (Советские биографы Суворова, пользовавшиеся монографией Петрушевского как первоисточником, о втором ее издании, похоже, не подозревали, а если и держали его в руках, то примечаний не читали.)

Речь идет о воспоминаниях суворовского ветерана Ильи Попадичева, записанных в 1854 году в Пятигорске одним из служивших на Северном Кавказе офицеров. Он был потрясен встречей с солдатом, на шинели которого красовались медали за штурм Очакова и Праги. В ответ на расспросы ветеран сообщил, что ему 100 лет, сражался он против турок и поляков, был в походах в Италии и Швейцарии, дрался с французами при Аустерлице.

В рассказах Попадичева о службе под знаменами «батюшки Александра Васильевича» встречаются ошибки и неточности, но память у старого солдата была крепкая. Илья Осипович называет имена полковых командиров, пересказывает суворовскую «солдатскую азбуку» — «Науку побеждать». Его воспоминания о 1787 годе заслуживают доверия:

«Во ожидании приезда Императрицы мы занимали форпосты на турецкой границе, близ устьев Днепра и Буга. Однажды в прекрасный летний вечер мы стояли на форпосте… Кашица на ужин была готова. Мы уселись в кружок вечерять, как вдруг к нашему бекету (пикету. — В. Л.) подъехал на казачьей лошади, в сопровождении казака с пикой, просто одетый неизвестный человек в каске и кительке, с нагайкой в руках. Он слез с лошади, отдал ее казаку и, подойдя к нам, сказал: "Здравствуйте, ребята!" — "Здравствуйте", — просто отвечали мы, не зная, кто он такой. "Можно у вас переночевать?" — "Отчего не можно? — можно". — "Хлеб да соль вам". — "Милости просим к нам поужинать". Он сел к нам в кружок; мы подали гостю ложку и положили хлеба. Отведав кашицы, он сказал: "Помилуй Бог, братцы, хорошая каша". Поевши ложек с пять, не более, говорит: "Я тут лягу, ребята". — "Ложитесь", — отвечали мы. Он свернулся и лег; пролежал часа полтора, а может и меньше; Бог его знает, спал ли он или нет, только после встал и кричит: "Казак, готовь лошадь!" — "Сей час!" — ответил казак так же просто, как и мы. А сам подошел к огоньку, вынул из бокового кармана бумажку и карандаш, написал что-то и спрашивает: "Кто у вас старший?" — "Я!" — отозвался унтер-офицер. "На, отдай записку Кутузову и скажи, что Суворов проехал!" И тут же вскочил на лошадь; мы все встрепенулись! Но покуда одумались, он был уже далеко, продолжал свой путь рысью к форпостам, вверх по Бугу. Так впервые удалось мне видеть Суворова. Тогда у нас поговаривали, что он приехал из Петербурга или из Швеции».

Даже такая маленькая деталь, как просто одетый Суворов с нагайкой в руках, без оружия, точно передает облик полководца, запечатленный в других свидетельствах современников.

Попадичев продолжает: «Через три дня после этого сама Императрица изволила проезжать мимо нас. Войска стояли вдоль по дороге в строю, наш полк был с правого фланга, а еще правее нас донские казаки. Государыня ехала в коляске, самым тихим шагом; спереди и сзади сопровождала ее пребольшая свита. Отдав честь саблями, мы кричали "Ура!". В это же самое время мы видели, как Суворов в полной форме шел пешком с левого боку коляски Императрицы и как Она изволила подать Суворову свою руку. Он поцеловал ее и, продолжая идти и разговаривать, держал всё время Государыню за руку. Императрица проехала на Блакитную почту, где на всякий случай был приготовлен обед».

Какие живые подробности! Суворов, идущий в полной парадной форме рядом с коляской и держащий Екатерину за руку, гораздо ближе к оригиналу, нежели дерзкий обличитель придворных.

Представление о награждении своих помощников Потемкин подал заблаговременно. Суворов оказался среди тех, чьи заслуги в освоении «полуденного края» и укреплении его обороноспособности были достойно отмечены. В автобиографии он отметил: «1787 года июня 11 дня, при возвращении Ея Императорского Величества из полуденного краю, Всемилостивейшим благоволением пожалована табакерка золотая с вензелем Ея Императорского Величества, украшенная бриллиантами».

На самом деле этим числом помечено письмо Потемкина: «Милостивый Государь мой Александр Васильевич! Всемилости-вейше пожалованную Вам от Ея Императорского Величества, с вензелевым Ея Величества именем, табакерку имею честь препроводить к Вашему Превосходительству, присовокупляя к тому уверение об истинном к Вам почтении». В постскриптуме светлейший князь сообщил новость: «Ея Императорское Величество пожаловать изволила Харьковскую Губернию в мое управление».

Пока российская императрица и сопровождавшие ее лица возвращались из путешествия, международная обстановка резко обострилась. Восстание в принадлежавших Австрии бельгийских провинциях связало руки союзнице России. Англия и Пруссия подталкивали Турцию к разрыву с Россией. Партия войны во главе с визирем Юсуф-пашой буквально взяла в осаду султана Абдул-Хамида, который в самом начале своего правления заключил мир с северным соседом, прекратив давно проигранную войну. Теперь же закулисные подстрекатели к новой войне обещали туркам помощь, внушая им, что Россия ничего не сделала для укрепления в Северном Причерноморье. Миф о «потемкинских деревнях» еще не был литературно оформлен Гельбигом, но, безусловно, уже использовался в информационной войне.

Визирь Юсуф-паша пошел напролом и сумел «дожать» султана. От российского посланника Якова Ивановича Булгакова в ультимативной форме потребовали согласия на возвращение Крыма. Булгаков отверг ультиматум, после чего 5 августа в нарушение всех международных норм после приема у визиря был арестован и препровожден в Семибашенный замок в Константинополе. 13 августа Порта официально объявила России войну.

«НАША КИНБУРНСКА КОСА ВСКРЫЛА ПЕРВЫ ЧУДЕСА»

В начавшейся войне первый и мощный удар турок отразил Суворов. В ходе кровопролитного сражения его войска уничтожили на Кинбурнской косе десант противника, прикрываемый огнем господствовавшего на Черном море турецкого флота. По горячим следам солдаты сложили песню о победе:

Ныне времечко военно,От покоев удаленно.Наша Кинбурнска косаВскрыла первы чудеса.

Война, принесшая Суворову российскую и европейскую славу, вошла в историю под именем второй Русско-турецкой. Она и была таковой в царствование Екатерины Великой. Но для России это была седьмая за 100 лет война за выход к Черному морю. Выдающиеся победы русской армии и молодого Черноморского флота поражают воображение. Однако, как ни странно, именно эта победоносная война окружена легендами. Главнокомандующего Потемкина обвиняли (и обвиняют по сей день) в бездарности, неумении пользоваться результатами побед и даже в том, что он, завидуя таланту Суворова, мешал своему гениальному подчиненному успешно вести войну.

Ответ на эти обвинения дал в 1891 году замечательный русский военный историк Д.Ф. Масловский, по инициативе которого началось издание четырех томов архивных документов, относящихся к деятельности Потемкина в войне 1787—1791 годов. «Блестящие эпизоды подвигов Суворова во вторую турецкую войну… составляют гордость России, — писал Масловский. — Но эти подвиги (одни из лучших страниц нашей военной истории) лишь часть целого; по оторванным же отдельным случаям никак нельзя судить об общем, а тем более делать вывод о состоянии военного искусства… Вторая турецкая война, конечно, должна быть названа "потемкинскою". Великий Суворов, столь же великий Румянцев занимают в это время вторые места».

Ученый подчеркнул, что выводы о бездарности светлейшего князя как полководца ненаучны и сделаны «без опоры на главнейшие материалы». Документы свидетельствуют, что «Потемкин имел вполне самостоятельный и верный взгляд на сущность самых сложных действий войск на полях сражений». Именно он в эту войну «является первым главнокомандующим нескольких армий, оперировавших на нескольких театрах». Он же дает и первые образцы управления этими армиями и флотом путем общих указаний (директив). Потемкин обладал замечательным даром стимулировать у своих подчиненных максимум напряжения сил для достижения поставленной цели.

Боевые действия велись на огромном пространстве от Кавказа до Дуная. Сражения выигрывали генералы и адмиралы, но замысел кампаний, группировка сил и направление ударов разрабатывались главнокомандующим. Он опередил свое время и не был понят современниками, привыкшими видеть полководца во главе армии на поле сражения.

Критики Потемкина не замечали очевидных истин. Война, развязанная Турцией, оказалась для России войной против мощной коалиции. Через год после ее начала Швеция открыла боевые действия в Финляндии и на Балтийском море. В конце 1789 года Пруссия, заключившая союз с Польшей и поддержанная Англией, стала представлять угрозу на западных границах. Всё это должен был учитывать Потемкин. Россия с честью вышла из тяжелого положения, и заслугу в этом главнокомандующего отрицать невозможно.

Следует сказать, что легенды о зависти и даже прямой вражде «капризного фаворита» к Суворову родились в «суворовской» литературе. Наиболее «убедительно» об этом рассказал русский немец Фридрих фон Смитт в монографии «Суворов и падение Польши». Автор получил от Дмитрия Ивановича Хвостова ценнейшее собрание неопубликованных суворовских писем, адресатом которых являлся сам Хвостов, которому Суворов доверял свои тайны и сомнения. Подавляющее большинство писем относится к 1791—1796 годам, причем особенно часто и откровенно Александр Васильевич писал тогда, когда ему казалось, что он оттерт завистниками от боевой деятельности. На глаза Смитту попались резкие выпады Суворова против Потемкина (лето 1791 года) с обвинениями светлейшего во властолюбии. Прибавив к ним ходячий анекдот о размолвке покорителя Измаила с главнокомандующим, Смитт выстроил версию о непримиримой вражде Потемкина с Суворовым.

Однако подобный вывод был основан на поверхностном прочтении писем. Смитт не разобрался в обстановке, в которой оказался Суворов по приезде в Петербург в 1791 году. Если конфликт и был, то, во-первых, он не являлся столь острым, как казалось исследователю, а во-вторых, его виновником являлся сам Суворов. Одновременно версию о самом завистливом враге Суворова выдвинул бойкий и плодовитый журналист Николай Полевой. Первое издание его книги «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского генералиссимуса Российских войск» вышло в 1843 году. Эта книга получила несравненно более широкую известность, чем труд Смитта, выдержала семь изданий и надолго стала самой популярной биографией великого полководца. «Наступило царство Полевого», — отметил в 1911 году знаток жизни Суворова П.Н. Симанский. Версия Смитта—Полевого была принята большинством историков. Ее повторили все биографы генералиссимуса, в том числе такой авторитет, как профессор Александр Фомич Петрушевский.

По словам профессора, Потемкин «знал Суворова давно и потому собственной инициативой взял его в свою армию перед началом войны, дал ему важный пост и зачастую советовался с ним, в чем удостоверяет их переписка». Но тот же Потемкин решил отказаться от помощи Суворова после размолвки под Очаковом летом 1788 года, «потому что самолюбие и эгоизм его пересиливали все другие соображения». При распределении генералитета на должности на кампанию 1789 года (в разгар войны!) Потемкин не включил Суворова в списки действующих генералов, то есть фактически отстранил его от боевой деятельности. Опальный полководец сумел получить назначение лишь после жалобы императрице.

Правда, отмечает Петрушевский, после фокшанской и рымникской побед Потемкин забыл неприязнь к Суворову и хлопотал перед императрицей о «знатной награде» победителю. Но через год, после блестящего штурма Измаила, между героем и его начальником произошло новое столкновение. Недовольный медлительностью и некомпетентностью Потемкина, Суворов решил высказать ему правду в глаза. Тот вознегодовал, «обнес» его перед Екатериной, и покоритель Измаила не получил за свою выдающуюся победу достойной награды, на которую рассчитывал, — чина фельдмаршала.

Советские авторы растиражировали эти версии в сотнях тысячах экземпляров, а отечественные и зарубежные энциклопедии, словно соревнуясь между собой, не устают обвинять Потемкина в том, что он мешал Суворову успешно вести войну.

Переписка Потемкина с Суворовым еще ждет своего издателя и комментатора. Однако уже изданные письма и служебные документы производят однозначное впечатление: это переписка единомышленников. Причем Суворов признает за Потемкиным первое место не по форме, а по существу. Основываясь на этой переписке, опубликованных ранее материалах и архивных документах, я в конце 1970-х годов написал книгу «Потемкин и Суворов», в которой проследил совместную службу и боевую деятельность героев книги. И если исполинская фигура Потемкина в период второй Русско-турецкой войны заслоняет фигуру Суворова, то таковой была истинная субординация двух гениальных деятелей Екатерининского века, таковой была их роль в решении великой исторической задачи — утверждения России на берегах Черного моря.

Итак, война уже стучалась в дверь. Стояла страшная жара. Потемкин после расставания с императрицей занемог и переехал из Кременчуга в село Михайловку под Елизаветградом. Приходившие из Константинополя известия были противоречивы. К ожиданию разрыва с Турцией прибавлялись заботы о закупке хлеба для армии и проблемы в связи с умножившимся числом больных. По приказу князя все работы в Херсоне были приостановлены до середины сентября.

По предписанию Потемкина под Ольвиополем у самой границы начали собираться войска. Всем начальникам было указано совершать сборы втайне, не давая туркам ни малейшего повода к беспокойству. Оборону самого ответственного боевого участка от Кинбурна до Херсона главнокомандующий поручил Суворову.

В местах, удобных для высадки десанта, спешно укреплялись редуты (сомкнутые полевые укрепления) и более крупные ретраншементы с главным валом и оборонительными постройками. Цепь постов донских казаков обеспечивала наблюдение за низовьями Буга, Днепра и лиманом. В Глубокой пристани у самого устья Днепра базировалась небольшая парусная эскадра под начальством контр-адмирала Н.С. Мордвинова: два корабля — 54- и 40-пушечный, три галеры, три канонерские лодки и 20 мелких судов. Фрегат «Скорый» и бот «Битюг» находились неподалеку от Очакова, чтобы сопровождать в Севастополь недавно спущенные со стапелей в Херсоне и спешно вооружаемые два линейных корабля «Владимир» и «Иосиф». Основные силы Черноморского флота (три линейных корабля, семь фрегатов и др.) стояли в прекрасной севастопольской гавани.

«Милостивый Государь мой, Александр Васильевич. Болен бых и посетисте мя, — читаем мы в письме Потемкина Суворову от 8 августа. — Евангелие и долг военного начальника побуждают пещись о сохранении людей. Когда Вы возьмете труд надзирать лазареты, то врачи будут стараться паче. Предписанные лекарства и наблюдение чистоты суть средства наиудобнейшие к пресечению. Я худо сплю от сей заботы, но надеюся на милость Божию и полагаюсь на Ваши неусыпные труды».

Суворов ответил:

«Светлейший Князь, Милостивый Государь! Турецкая флотилия под Очаковом ныне состоит: фрегат около 40 пушек, три корабля 60 пушечных, 6 шебек 10 пушечных, 6 фелюг 5 пушечных, военный бот… 12 пушечный, протчих 15 фелюк и мелких тартан 1 пушечных. Войска полевого было около 3000; более конницы; ныне гораздо уменьшилось; конницы ж осталось до 500 албанцев; более уходят, нежели прибывают по притчине, что Паша не довольную порцию производит за недостатками.

Милостивое письмо Вашей Светлости от 8 августа получил и повеления Вашей Светлости выполнять потщусь. Больные мне наибольшая забота. Несказанная милость, что изволили уволить от работ, я караулы уменьшу… Между Збурьвска и Кинбурна у Александровского редута приставали вооруженные турки на лодке из камышей и побранились с казаками. Генерал-Майор Рек их ласково отпустил. Очаковский Паша обещал… впредь своих посылать с билетами, как и за соль, ежели случитца.

Очаковское крепостное строение продолжается, работников мало…

Мне осмотром надлежит связать внимание здешнего ныне спокойного капитала (Херсона, считавшегося «капиталем» — столицей Юга. — В.Л.) с Бугскою стороною, куда, здесь управясь, поеду».

Восемнадцатого августа Потемкин уведомил Румянцева:

«Из приложенной при сем копии с последней реляции Господина Посланника Булгакова Ваше Сиятельство изволите усмотреть укрощение духов при Порте в соответствии миролюбивых намерений Султанских. Но вслед за оною получил я донесение от вице-консула в Яссах Господина Селунского, что Господарь Молдавский присылал к нему гетмана своего объявить о открытии войны между Россиею и Портою и что Министр наш при Порте арестован.

Я, хоть не утверждаюсь еще на сем известии, ожидая чрез посланных моих достоверного обо всём сведения, однако же почитаю за долг донести Вашему Сиятельству и покорно просить, как о приближении войск Ваших к границам на случай нужды, так и о скорейше ко мне отправлении Лифляндского корпуса егерского».

В тот же день главнокомандующий ордерами предупредил своих подчиненных об объявлении Турцией войны и потребовал усилить бдительность и сообщать обо всех движениях турок. 20 августа Потемкин писал Суворову:

«Из письма Вашего к Попову я видел, сколько Вас тяготят обстоятельства местных болезней. Мой друг сердешный, ты своей персоной больше десяти тысяч. Я так тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердешно.

От злых же Бог избавляет. Он мне был всегда помощником. Надежда моя не ослабевает, но стечение разных хлопот теснит мою душу, и скажу Вам правду, что сердце мое столь угнетено, что одна только помощь Божия меня утешает. Что Вы только придумать можете к утешению больных, всё употребляйте. Я не жалею расходов. Вода ли дурна, приищите способ ее поправлять переваркою или уксусом. Винную порцию давайте всем. В жарких местах наружная теплота холодит желудок, то и должно его согревать спиртом.

Рекрут я на укомплектование приказал отправить, кои прежде месяца не будут.

Как много в Херсоне иностранных, то скрывайте от них число больных, показывая, что много выздоровело. Я дал ордер отпустить всё, что нужно, на поправление казарм. А за всем еще скажу Вам, что мне крайне нужно узнать, что слышно в Очакове. О сем проведать можно чрез обыкновенного посыльного из Кинбурна, которому объявите, что я приказал ему сверх его жалованья производить на расходы еще 2000 рублев…»

Не успел курьер с этим письмом прискакать в Херсон, как прозвучали первые выстрелы: турецкие корабли внезапно напали на стоявшие под Очаковом фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Русские моряки успешно отразили нападение и ушли к Глубокой пристани.

Суворов сразу же начал усиливать войска на самом угрожаемом направлении. 22 августа он пишет Потемкину из Херсона:

«Увенчай Господь Бог успехами высокие Ваши намерения, как ныне славою "Скорого" и "Битюга", и соблюди Ваше дражайшее здоровье. За милостивое письмо Вашей Светлости тут вся моя благодарность. Повеления в нем исполню. Старику Реку (начальнику войск в Кинбурне. — В.Л.)я отправляю его бывший полк налегке. Пехоты у него для полевого действия было только сот 5—6. Херсонский пехотный полк выступил для формирования, здесь за расходами — пехоты 1000. Смоленский драгунский на средине пункта отсюда к Глубокой… Глубокая ограждена. Адмирал (Мордвинов. — В. Л.) трудится, я туда сегодня съезжу, к Бугу ж недосуг.

Вчера поутру я был на броде Кинбурнской косы, на пушечный выстрел. Варвары были в глубокомыслии и спокойны. Против полден обратился сюда…

Накануне разрыва Очаковский паша нашего из Кинбурна присланного принимал ласково, сказывал, что наш посланник арестован и замкнут в титле Стамбульского кабальника. В ночь запорожцев ушло к Кинбурну человек 25, сказывая, что их принуждают готовить оружие, что ударят на наш фрегат и бот и потом на Кинбурн…»

Машина войны набирала обороты. Суворов поскакал в Кинбурн, чтобы еще раз лично осмотреть места предстоящих боев. Как и Потемкин, он был убежден, что именно эта маленькая крепость станет первой целью атаки турок, затем последует наступление на Глубокую пристань и Херсон. Это подтвердили перебежчики-запорожцы. После ликвидации Сечи в 1775 году часть из них ушла за границу и поселилась на турецком берегу лимана. Они не хотели воевать под знаменами своих давних врагов и стали переходить на русскую сторону. Вскоре по приказанию Потемкина Суворов начал формировать из запорожцев, оставшихся верными России, и из перебежчиков отряд (кош) «верных казаков», который впоследствии с отличием сражался на протяжении всей войны и в награду получил земли на Кубани, положив начало славному Кубанскому казачьему войску.

Биографы генералиссимуса справедливо подчеркивают энергию, неутомимость и бодрость духа Суворова, но искажают до неузнаваемости образ Потемкина, обвиняя его в нерешительности, хандре, чуть ли не в панике.

Война шла на огромном пространстве — от Северного Кавказа до Днепра и Буга. Главнокомандующий ни на секунду не выпускал из рук нити управления войсками и флотом. Замечателен его приказ севастопольскому флоту: «Атаковать неприятеля и во что бы то ни стало сразиться. Естьли б случилось и погибнуть, то чтобы сие вдвое было туркам чувствительнее». Князь был уверен, что искусство и храбрость русских моряков лишат противника свободы действий в Причерноморье.

Границы по Бугу и Днепру были надежно прикрыты войсками; силы, дислоцированные в Крыму, собраны в кулак и готовы встретить десанты. Кубанский и Кавказский корпуса получили задание действовать наступательно. В Петербург полетели требования о новом наборе рекрутов. Войска Румянцева выступили из мест дислокаций и выдвинулись на правобережье Днепра, прикрывая правый фланг армии Потемкина. Но главная забота — Херсон, Глубокая, Кинбурн. Именно здесь действовал Суворов, именно его и только его Потемкин в своих письмах называл «другом сердешным». 1 сентября он наставлял своего любимца:

«Показания вышедшего из Очакова частию, может быть, и справедливы. Частию же похожи и на хвастовство, турецкому народу свойственное. Ты, мой друг сердешный, преодолеешь своим усердием их замашки. Нельзя ли как-нибудь удостовериться о истине нового флота — вправду ли он прибыл.

Я бы советовал Вам Мариупольский полк придвинуть ближе к Кинбурну, поставя ево там, где лутче вода и корм. Тоже Санкт-Петербургский, когда прибудет. Павлоградский же оставьте у мосту. Казакам подтвердите бдение иметь неоплошно. Боже дай Вам здоровье и помощь».

Отметим, что Мариупольский и Павлоградский легкоконные полки вскоре внесут победный перелом в Кинбурнское сражение.

Тринадцатого сентября Суворов донес о начале бомбардировки крепости со стороны моря. Перебежчики-греки из Очакова принесли важные сведения: крупные силы турецкого флота идут к Очакову из Варны; как только они прибудут, десант попытается взять Кинбурн.

Сам Суворов уже там. 14 сентября он докладывает о результатах жестокой бомбардировки крепости (убито пять рядовых) и ответной стрельбы (точным попаданием взорван линейный корабль, поврежден фрегат). В ночь с 13 на 14 сентября противник попытался высадить пробный десант, но был отбит. Бомбардировка крепости с моря продолжается.

В вихре дел Потемкин даже забывает вовремя отправить донесения императрице, которая выговаривает ему: «Третья неделя, как я от Вас не имею ни единой строки, почему нахожусь в великом душевном беспокойстве сколько по делам, так и о Вашем здоровье».

Наконец 23 сентября курьер привозит новости с театра войны:

«Прежде всего начну, что Кинбурн неприятель жестоко притесняет, направя все свои бомбарды, и 4 сутки безпрестанно канордирует и бомбардирует как днем, так и ночью. Вред он причинил еще небольшой. Убито у нас 4, а ранено 10.

Бог вливает бодрость в наших солдат. Они не унывают… Командует тем отрядом Генерал-майор Рек, курляндец, храбрый и разумный, по-русски разумеет, как русский, и сие много значит для людей. Комендант тамо Тунцельман — человек испытанный.

Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит потом и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать. Каховский в Крыму — полезет на пушку с равною холодностию, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом. Не думайте, матушка, что Кинбурн крепость. Тут тесный и скверный замок с ретраншементом весьма легким, то и подумайте, каково трудно держаться тамо. Тем паче, что сто с лишним верст удален от Херсона. Флот Севастопольский пошел к Варне. Помоги ему Бог».

До самого последнего времени биографы Суворова об этом отзыве не знали, хотя ответ Екатерины был хорошо известен: «Усердие Александра Васильевича Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало. Ты знаешь, что ничем так на меня не можно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности. Хорошо бы для Крыма и Херсона, естьли б спасти можно было Кинбурн. От флота теперь ждать известия».

В том же письме Потемкин признался, что очень устал: «…забот миллионы, ипохондрия пресильная. Нет минуты покою. Право, не уверен, надолго ли меня станет. Ни сна нет, ни аппетиту. Всё в играх, чтобы где чего не потерять. Когда уже удалюсь или скроюсь, что свет обо мне не услышит?! Это проклятое оборонительное положение. Один Крым с Херсоном держит пехотных полков 20. Какая бы из сего была армия! Да больные, ох, много отнимают сил». «Молю Бога, чтоб тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию, — отвечала государыня. — Для чего не берешь к себе генерала, который бы имел мелкий детайль. Скажи, кто тебе надобен, я пришлю. На то даются Фельдмаршалу Генералы полные, чтоб один из них занялся мелочью, а Главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, того я уверена, но во всяком случае не унывай и береги силы».

Суворов с его неуемной энергией бдительно следил за военной ситуацией и, готовясь к боям, ободрял войска. Он решился поделиться с начальником планами («мечтами») относительно предстоящих боевых действий. Восхищенный боем «Скорого» и «Битюга», он предлагал послать севастопольский флот под Очаков, чтобы вместе с имевшейся на лимане эскадрой блокировать крепость с моря, а сухопутные войска двинуть на Очаков.

Однако главнокомандующий, располагавший надежными сведениями о мощи турецкого флота, не разделял оптимизма подчиненного. Противник, благодаря превосходству на море, держал в своих руках инициативу, выбирая места для десантов. Сообщая Екатерине о том, что всё готово к отражению нападения, Потемкин точно обрисовал обстановку:

«Я защитил, чем мог, сторону Буга от впадения. Кинбурн перетянул в себя почти половину херсонских сил. Со всем тем мудрено ему выдержать, естли разумно поступят французы — их руководители… Сии злодеи издавна на нас целят…

Флоту приказано атаковать, что б во что ни стало. От храбрости сих частей зависит спасение. Больше я придумать не могу ничего».

Потемкин не скрывал трудностей: Кинбурн доступен для обстрела с лимана и с моря. Удержать его трудно — вся надежда на севастопольский флот. Близилась зима, и боевые действия должны были приостановиться. Он просил разрешения хотя бы на краткое время побывать в Петербурге, сдав командование армией Румянцеву: «Ей Богу, я ни на что не годен. Теперь нужна холодность, а меньше большая чувствительность, какова во мне. К тому же, Боже сохрани, ежели бы зделалась какая потеря, то естли не умру с печали, то наверное все свои достоинства я повергну стопам твоим и скроюсь в неизвестности. Будьте милостивы, дайте мне, хотя мало, отдохнуть».

Светлейший князь будто предчувствовал беду. Но пришла она с той стороны, откуда никто не ожидал. Была получена страшная весть: флот попал в сильнейший шторм и погиб. Потрясенный Потемкин в письме супруге-императрице берет всю ответственность на себя: «Бог бьет, а не Турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому… Не дайте чрез сие терпеть делам… Хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к Графу Петру Александровичу, чтоб он вступил в начальство, но, не имея от Вас повеления, не чаю, чтоб он принял». С той же открытостью он пишет и своему учителю Румянцеву, сообщая о решении сдать ему командование армией.

Письма датированы 26 сентября. Дорога в Петербург занимала семь—девять дней, дорога в имение Румянцева на Украине — два-три. Не сговариваясь, Екатерина и Румянцев выказали Потемкину решительную поддержку: только он способен успешно двигать военную махину. Достойно внимания, что граф Петр Александрович посоветовал послать в Крым Суворова как человека надежного и прекрасно знающего местные условия.

Сильная придворная партия (братья Александр и Семен Воронцовы, Петр Завадовский и на первых порах Александр Безбородко) добивалась поручения главного командования герою прошедшей войны — фельдмаршалу Румянцеву. Приезд Потемкина в Петербург, какими бы причинами он ни был вызван, мог серьезно подорвать его авторитет. Уверенная в силе духа светлейшего князя, Екатерина, казалось бы, пошла ему навстречу — подписала два рескрипта: Потемкину (о разрешении временно сдать командование) и Румянцеву (о принятии его на себя), — но послала оба Григорию Александровичу. И не ошиблась. Курьер с рескриптами еще скакал на юг, когда Потемкин узнал, что флот начал собираться в севастопольской гавани. Эта новость пришла 26 сентября, сразу после отправки им просьбы о сдаче командования.

Корабли получили сильные повреждения, но были на плаву. Уцелел и золотой фонд молодого флота — обученные экипажи. Потемкин остался на посту. Душевный кризис, который любят расписывать критики князя, длился всего пять-шесть дней. Но даже в это тяжелое для него время Григорий Александрович ни на мгновение не оставлял руководства войсками. Так, получив рапорт Суворова от 27 сентября, в котором сообщалось о намерении отпустить Санкт-Петербургский драгунский полк на зимние квартиры, потому что наступивший период штормов не позволит неприятелю высадить десант под Кинбурном, Потемкин наложил резолюцию: «Чтобы обождал отправлением полков конных, по крайней мере, до половины месяца».

Главнокомандующий оказался прав. 30 сентября турецкие корабли подвергли Кинбурнскую крепость жестокой бомбардировке, а 1 октября на оконечности косы стал высаживаться десант.

Давно приучивший себя вставать с первыми петухами, Суворов на рассвете 2 октября диктует рапорт о первой большой победе начавшейся войны: «Турки на Кинбурнской косе, приближась от крепости на версту. Мы им дали баталию! Она была кровопролитна, дрались мы чрез пятнадцать сделанных ими перекопов, рукопашный бой обновлялся три раза. Действие началось в 3 часа пополудни и продолжалось почти до полуночи беспрестанно, доколе мы их потоптали за их эстакад на черте мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с полною победою…» Кратко сообщив о потерях своих войск и отметив заслуги двух офицеров, Александр Васильевич прерывает диктовку: «Подробнее Вашей Светлости я впредь донесу, а теперь я нечто слаб, Светлейший Князь».

На следующий день, получив ответ главнокомандующего, Суворов собственноручно пишет ему:

«Батюшка Князь Григорий Александрович! Простите мне в штиле, право, силы нет, ходил на батарею и озяб. Милостивое Ваше письмо получил. Ей-ей всякий день один раз к Вашей Светлости курьера посылал.

Флот наш, Светлейший Князь, из Глубокой вдалеке уже здесь виден. О! коли б он, как баталия была, в ту же ночь показался, дешева б была разделка. Кроме малого числа, все их морские солдаты были на косе против нас… Какие ж молодцы, Светлейший Князь, с такими я еще не дирался; летят больше на холодное ружье. Нас особливо жестоко и почти на полувыстреле бомбами, ядрами, а паче картечами били. Мне лицо всё засыпало песком и под сердцем рана картечная ж… У нас урон по пропорции мал, лишь для нас велик: много умирает от тяжелых ран… Но, Милостивый Государь, ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом! Ад бы нас здесь поглотил…

Реляция тихо поспевает; не оставьте, батюшка, по ней рекомендованных, а грешников простите. Я иногда забываюсь. Присылаю Вашей Светлости двенадцатое знамя».

В официальном рапорте от того же числа Суворов оправдывается: «Реляция, Светлейший Князь, сегодня не поспеет, и сего дня мы отправляем благодарственный молебен Всемогущему Богу за дарованную им нам победу!» Реляция была закончена 4 октября. Как уже говорилось, сам Александр Васильевич, подобно другим командующим крупными соединениями, никогда не писал официальных реляций о своих победах, предпочитая диктовать их адъютантам. Замечательно его признание, сделанное правителю канцелярии Потемкина Попову в письме от 11 октября: «Пришлите, братец Василий Степанович! какого к нам беллетриста для сочинения журнала. Это идет к славе России! Иван Григорьевич [Рек] древнее меня, я ж, право, слаб… Притом, Милостивый Государь мой, Вы знаете, каково писать про себя. Про меня в журналах неправедно писывали, и то давно отбило у меня вкус к журналам. Лутчий здесь Репнинский, да и тому не написать; Кутузову — отлучитца нельзя».

В этих строках страстная натура великого воина как на ладони. Он никогда не забывал, как официальным описанием у него была украдена победа при Козлудже, поставившая точку в предыдущей войне с Турцией. И вот новая война с тем же противником и первая большая победа. Писать о ней необходимо — «идет к славе России». Из всех подчиненных это мог бы хорошо сделать только Михаил Илларионович Кутузов, да он со своими бугскими егерями охраняет важный участок границы. Раз так, то пусть пишет «беллетрист», каких много в штабах.

Александр Васильевич прибеднялся — он прекрасно владел пером, но считал, что самому писать о своих подвигах не по-христиански.

Сражение запечатлелось в его памяти. Полководец не раз будет мысленно возвращаться к нему. Так, 20 декабря 1787 года он пишет двенадцатилетней дочери: «Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмом… Больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье , и того больше, как будем жить вместе… У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы, а как вправду потанцовали, то я с балету вышел — в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили с театру в камеру…»

А четыре месяца спустя после сражения, 1 февраля 1788 года, Александр Васильевич подробно и красочно рассказал о нем старому боевому товарищу Петру Абрамовичу Текелли-Поповичу.

С австрийским сербом Текелли, перешедшим на русскую службу еще в 1747 году, они познакомились на прусской войне. Служба свела их вместе в 1773 году в армии Румянцева на Дунае. В один день оба были пожалованы в полные генералы. В октябре 1787-го Текелли, командовавший войсками на Кубани и Северном Кавказе, совершил успешный поход против горцев.

Сторонники Турции во главе с Шейхмансуром надолго затихли. Петр Абрамович по представлению Потемкина был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени.

Рассказ о Кинбурнском сражении в письме к Текелли несравненно ярче, живее и картиннее, чем официальная реляция:

«Высокопревосходительный брат!

Желаю Вас потешить некоторым кратким описанием нашей здешней прошлой Кинбурнской баталии. Накануне Покрова с полден неверные с их флота бомбардировали нас жесточае прежнего, до темноты ночи. С рассвета, на праздник за полдни, несказанно того жесточае били солдат, рвали палатки и разбивали стены и жилье. Я не отвечал ни одним выстрелом. Мы были спокойно в литургии: дал я им выгружаться без малейшего препятства. Они сильно обрылись. После полден варвары зделали умовение и отправляли их молитву пред нашими очами. Часа три пополудни они шли, от замка в версте, на слабое его место от Черного моря. Очаковская хоронга и передовые под закрытым тамо берегом приступили уже шагов на 200. Тогда дан сигнал баталии! С лежащих на косе полигонов залпом из всех пушек, пехота выступила быстро из ворот, казаки из-за крепости. Басурман сильно поразили штыками и копьями кололи их до их ложементов. Тут они храбро сразились. При жестокой пальбе нам надлежало брать их один за другим и идти чрез рвы, валы и рогатки чем далее, тем теснее. Неверные их с великою храбростию защищали. Отличный Орловский полк весьма оредел. Вторая линия вступила в бой сквозь первую линию».

Хотя отборному пятитысячному десанту противника Суворов мог противопоставить лишь около двух тысяч пехоты и конницы, он был уверен в превосходстве своих войск и твердо руководил боем. Но массированный артиллерийский огонь с турецких судов оказался столь губительным, что необстрелянные солдаты его отряда не выдерживали и отступали. Суворов продолжает рассказ:

«Уже мои осилили половину ложементов — и ослабли. Пальба с обеих сторон была смешана с холодным ружьем. Я велел ударить двум легкоконным эскадронам. Турки бросились на саблях, они сломили и нас всех опрокинули, отобрали от нас свои ложементы назад. Я остался в передних рядах. Лошадь моя уведена; я начал уставать; два варвара на збойных (пойманных. — В. Л.) лошадях — прямо на меня. Сколоты казаками; ни единого человека при себе не имел. Мушкетер Ярославского полку Новиков возле меня теряет свою голову; я ему вскричал; он пропорол турчина штыком, его товарища — застрелил, бросился один на тридцать человек. Все побежали, и наши исправились, вступили и паки в бой».

На самом деле спасителем Суворова оказался гренадер Шлиссельбургского пехотного полка Степан Новиков. Главнокомандующий Потемкин вызвал героя к себе в ставку и лично наградил серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью «Кинбурн». В замечательной суворовской солдатской памятке «Наука побеждать» подвиг Степана Новикова, правда без упоминания имени, приводится как пример мастерского владения штыком. Новиков дослужился до прапорщика и в начале 1812 года хлопотал перед московским начальством о пенсии.

Поле сражения под Кинбурном несколько раз переходило из рук в руки. Бросив в бой свой последний резерв пехоты и подошедшие два кавалерийских полка, Суворов решил исход сражения. Спастись удалось менее чем десятой части десанта. Полководец пишет:

«Мы побежали на них и одержали несколько ложементов. Но в сих двух сражениях лутчий штаб-офицер убит; кроме подполковника Маркова, протчие все переранены. Г[енерал]-М[айор] Рек ранен. С их флота они стреляли на нас из пятисот пушек бомбами, ядрами и каркасами, а особливо картечами пробивали наши крылья насквозь, полувыстрелом; пехота наша уже выстрелила все ящики. Их пули были больше двойные. Тако возле меня прострелена шея Манееву, из моих штабных. Я получил картечу в бок, потерял дух и был от смерти полногтя. Головы наши летали. Пехота отступила в крепость; мы потеряли пушки; они их, при моих глазах, отвозили. Бог дал мне крепость, я не сомневался, при одной пушке на толпу ударил казак Турченков [и] его товарищ Рекунов — в дротики. Я вскричал; их передних казаки заворотили. Солнце было низко. Из замка прибыло ко мне 400 наихрабрейшей пехоты; вдоль лимана приспевшая легкоконная бригада вломилась в их средину; пехота справа, казаки слева, от Черного моря, — сжали варваров. Смерть летала над главами поганых!Больше версты побоище было тесно и длинно; мы их сперли к водам. Они, как тигры, бросались на нас и наших коней, на саблях, и многих переранили. Отчаяние их продолжалось близ часу. Уже бусурман знатная часть была в воде. Мы передовых ко оной стеснили. Им оставалось места меньше ½ версты; опять они в рубку, и то было их последнее стремление. Прострелена моя рука. Я истекаю кровью. Есаул Кутейников мне перевязал рану своим галстуком с шеи. Я омыл на месте рану в Черном море. Эстакад их в воде нашему войску показался городком. Осталось нашим только достреливать варваров вконец. Едва мы не все наши пули разстреляли, картузов осталось только три. Близ полуночи я кончил истребление. Вы спросите меня, почтенный Герой! чего ради я их всех не докончил? — Судите мою усталь, мои раны. Остерегался я, чтоб в обморок не впасть. Божиею милостию довольным быть надлежало. Не было у меня товарищей, возвратился я в замок. Прибыл Генерал-Маиор Исленьев с пятью эс[кадронами] драгун. В руке рана суха; я держал узду правою рукою. Имел большой голод, как кому бывает перед смертию, и помалу к еде потерял позыв. Безпамятство наступило и, хотя был на ногах, оно продолжалось больше месяца. Реляции не мог полной написать и поныне многое не помню. Нашего общего благодетеля, Князь Григорья Александровича скоро увидел я здесь живо с радостными слезами… Вы спросите меня о нашем уроне? Правда, сперва с легко ранеными был он к тысяче; ныне осталось к излечению человек 30-ть. Сколько увечных, избитых и умерших от ран? Всего, милостию Божиею, только около 250, в том числе майоры Булгаков и Вилимсон, один офицер. Кавалерами: подполковник Марков, полковник Орлов, подполковник Исаев; из капитанов в секунд-майоры и кавалеры — ротмистр Шуханов [и] Калантаев. 6-й крест оставлен лейтенанту Ломбарду, что в полону, — ежели жив. В пехоту и конницу и казакам по 6 медалей — как Кагульские — храбрейшим, коих избирали в корпусах все между собою, но притом Высочайшия Георгия ленты. Князь Григорий Александрович пожаловал мужественнейшим по 5 рублей, вторым — по 2 р[убля], драгунам, кои, за сильным маршем, поспели при конце сражения, — 1 рублю. Сверх того свыше: рядовым по 1-му, унтер-офицерам — по 2-а. Отличившимся произвождение было чрезвычайное; Г[енерал]-М[айору] Реку из 4-го в 3-й класс и 4000 денег».

Первого октября 1907 года, в 120-ю годовщину Кинбурнского сражения, был торжественно открыт памятник Суворову. Одесский скульптор Б.А. Эдуарде изобразил полководца в полный рост. Левой рукой он зажимает полученную под сердцем рану, правой указывает на неприятеля. Вся фигура дышит неукротимой энергией и мужеством. Памятник задумывался для Кинбурна, где ранее стоял бронзовый бюст Суворова, похищенный англичанами во время Крымской войны. Но Кинбурнская крепость уже утратила свое значение и не восстанавливалась, а сама коса представляла собой пустынное место. Поэтому памятник, посвященный знаменитой победе Суворова, было решено установить в Очакове.

Кинбурнская победа досталась нелегко. По горячим следам тяжело раненный Александр Васильевич высказал Потемкину горькую правду: турецкие суда почти безнаказанно расстреливали его солдат. Лиманская эскадра контр-адмирала Мордвинова ничего не сделала. Исключение составил мичман Джулиано Ломбард, мальтиец на русской службе. Героические действия его галеры «Десна» (командир был произведен Потемкиным в лейтенанты), а также точные выстрелы суворовских артиллеристов заставили турецкий флот отойти. Но главным фактором победы стала стремительная атака подошедшего резерва. Великодушный победитель просил главнокомандующего простить «грешников».

Только 4 октября Мордвинов с большим опозданием попытался напасть на турецкий флот, однако противник, укрывшись под стенами Очакова, не понес потерь. Зато плавучая батарея капитан-лейтенанта Веревкина ветром и течением была унесена в море и выброшена на турецкий берег. Среди попавших в плен моряков оказался храбрец Ломбард, напросившийся идти волонтером.

Потемкин сразу оценил выдающуюся роль Суворова в кинбурнской победе. В личном письме победителю от 5 октября он отметил: «Александр Васильевич! Из полторы тысячи один человек только порядочным образом удовлетворил своей должности». Эту же оценку главнокомандующий подтвердил в ордере от 22 октября:

«Ваше Превосходительство совершенным поражением и истреблением турков, дерзнувших на Кинбурн, умножа заслуги ваши пред Монархинею и Отечеством, подтвердили справедливость тех заключений, которые всегда имела Россия о военных Ваших достоинствах.

Ваше бдение и неустрашимость, споспешествуемые храбростию сотрудников ваших, доставили нам сию сколь славную, столь и неприятелю чувствительную победу.

Признавая труды ваши, опасности и важность зделанного туркам удара, чрез сие изъявляю Вам мою искреннюю благодарность и поручаю засвидетельствовать оную также и всему войску, участвовавшему в сем деле».

В письме к Текелли победитель скромно умолчал о полученной им награде. На ней следует остановиться особо. Потемкин 6 октября донес императрице:

«Получа здесь 4-е число рапорт Александра Васильевича о сильном сражении под Кинбурном, не мог я тот час отправить к Вам, матушка Всемилостивейшая Государыня, курьера, ибо донесение его было столь кратко, что я никаких обстоятельств дознать не мог.

Вчерашнего же числа получил полную реляцию, которой по слабости после труда и ран прежде он написать не мог. Дело было столь жарко и отчаянно от турков произведено, что сему еще примеру не бывало. И естли б Бог не помог, полетел бы и Кинбурн, ведя за собою худые следствия.

Должно отдать справедливость усердию и храбрости Александра Васильевича. Он, будучи ранен, не отъехал до конца и тем спас всех. Пришло всё в конфузию и бежали разстроенные с места, неся на плечах турок. Кто же остановил? Гранодер Шлиссельбургского полку примером и поощрениями словесными. К нему пристали бегущие, и всё поворотилось. Сломили неприятеля, и конница ударила, отбили свои пушки и кололи без пощады даже так, что сам Генерал-Аншеф не мог уже упросить спасти ему хотя трех живых».

Получив это донесение, Екатерина призналась своему окружению: «Александр Васильевич поставил нас на колени, но жаль, что его, старика, ранили». Поздравляя Суворова с победой, императрица писала: «Чувствительны Нам раны Ваши. Мы Бога молим, да излечит наискорее сии уязвления, претерпенные при защите веры Православной и предел Империи, и возстановит оными болящего к обретению вящих успехов». Но в выборе награды победителю государыня заколебалась. «Ему же самому думаю дать деньги — тысяч десяток, либо вещь, буде ты чего лутче не придумаешь», — писала она Потемкину. В конце письма сделана приписка: «Пришло мне было на ум, не послать ли к Суворову ленту Андреевскую, но тут паки консидерация (условность) та, что старее его Князь Юрья Долгоруков, Каменский, Меллер и другие — не имеют. Егорья Большого [креста] — еще более консидерации меня удерживают послать. И так, никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета, понеже ты еси воистину советодатель мой добросовестный». Условности старшинства, на которые часто сетовал Суворов, должны были учитываться и верховной властью.

Пересылая рескрипт государыни, Потемкин 2 ноября заверил Суворова в скором получении достойной награды: «Друг мой сердешный, Александр Васильевич. Я полагал сам к Вам быть с извещением о Милости Высочайшей, с какою принята была победа неприятеля под Кинбурном, но ожидание к себе Генерала Цесарского тому воспрепятствовало. Препровождаю теперь к Вам письмо Ея Величества, столь милостливыми выражениями наполненное, и при том [спешу] Вас уведомить, что вскоре получите знаки отличной Монаршей милости… Будьте уверены, что я поставляю себе достоинством отдавать Вам справедливость, и, конечно, не доведу Вас, чтоб сожалели быть под моим начальством».

Не избалованный признанием своих заслуг Суворов был потрясен. 5 ноября в порыве счастья из-под его пера рождаются строки: «Такого писания от Высочайшего Престола я никогда ни у кого не видывал. Судите ж, Светлейший Князь! мое простонравие; как же мне не утешаться милостьми Вашей Светлости! Ключ таинства моей души всегда будет в Ваших руках».

Светлейший князь сдержал слово. 1 ноября, подробно описав императрице сражение, он еще раз подчеркнул значение победы для хода войны и дал высшую оценку победителю:

«Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость. Генерал-Аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностию, как двадцатипятилетний, которому еще надобно зделать свою репутацию…

Всё описав, я ожидаю от правосудия Вашего наградить сего достойного и почтенного старика. Кто больше его заслужил отличность?! Я не хочу делать сравнения, дабы исчислением имян не унизить достоинство Св. Андрея; сколько таких, в коих нет ни веры, ни верности. И сколько таких, в коих ни службы, ни храбрости. Награждение орденом достойного — ордену честь. Я начинаю с себя — отдайте ему мой…

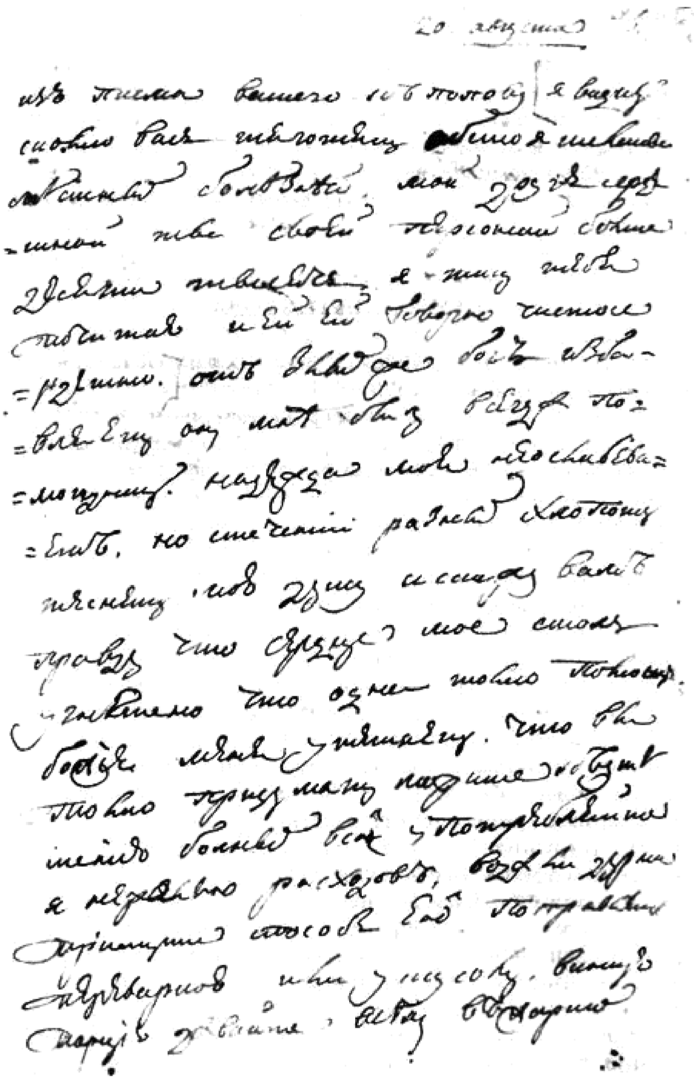
Он отозвался предварительно, что ни деревень, ни денег не желает и почтет таким награждением себя обиженным… Важность его службы мне близко видна. Вы уверены, матушка, что я непристрастен в одобрениях, хотя бы то друг или злодей мне был. Сердце мое не носит пятна зависти или мщения».

Нет никаких свидетельств того, что Суворов отказался от денежных сумм или деревень. Просто князь Григорий Александрович как никто другой читал в душе своего «друга сердешного»: высший орден империи значил для старого воина больше любых материальных благ.

Императрица вняла уверениям Потемкина. «Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея», — говорится в письме Екатерины от 9 ноября.

Главнокомандующий поздравил Суворова. В его письме из Херсона от 24 ноября читаем: «За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает. Поздравляю Вас, мой друг сердешной, в числе Андреевских кавалеров. Хотел было я сам к тебе привезти орден, но много дел в других частях меня удержали. Я всё сделал, что от меня зависело. Прошу для меня о употреблении всех возможных способов к сбережению людей… А теперь от избытка сердца с радостию поздравляю… Дай Боже тебе здоровья, а обо мне уже нельзя тебе не верить, что твой истинный друг Князь Потемкин Таврический. Пиши, Бога ради, ко мне смело, что тебе надобно».

Ответ Суворова, написанный 26 ноября, замечателен: «Светлейший Князь, мой Отец! Великая душа Вашей Светлости освещает мне путь к вящщей Императорской службе. Мудрое Ваше повелительство ведет меня к твердому блюдению должностей обеим Богам… Цалую ваше письмо и жертвую Вам жизнию моею и по конец дней». Никому и никогда этот страстный человек не делал таких признаний!



Наступило зимнее затишье. «При поздравлении тебя, любезный друг, с Новым годом желаю тебе паче всего здоровьеца и всех благ столько, сколько я тебе хочу, — пишет ему 1 января Потемкин и прибавляет важную новость: — Сей час получил я из Вены известие, что Цесарские войска делали покушение на Белград: им хотелось его схватить, но не удалося. Война открылася».

КАМПАНИЯ 1788 ГОДА

Суворов быстро оправился от тяжелых ран. «Я теперь только что поворотился, выездил близ пяти сот верст верхом в шесть дней, а не ночью, — пишет он дочери. — Прости, мой друг Наташа, я чаю, ты знаешь, что мне моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту "За веру и верность"».

Он готовился к новым боям, обучая вверенную ему пехоту штыковому бою, а кавалерию — сабельной атаке.

Первое большое сражение закончилось победой, но оно показало недостаточную стойкость войск. Через десять дней после Кинбурна Суворов поделился с главнокомандующим мыслями о способах усиления армии. Чтобы успешно сражаться с хорошо подготовленным неприятелем, утверждал он, нужны мужественные, знающие свое дело офицеры, спартанцы, а не сибариты. Он резко критикует привилегированную часть офицерского корпуса — гвардейцев, называет их преторианцами, льстецами, прекраснодушными болтунами и предлагает с целью обеспечения офицерами растущей во время войны армии приостановить действие указа о вольности дворянства. В трудный для Отечества час никто не может прятаться за спины других. Все должны служить!

Столь резкий и откровенный тон письма озадачил составителей четырехтомного собрания суворовских документов, издававшихся в 1949—1953 годах. Публикаторы сделали пометку: «Письмо написано неустановленному лицу, очевидно В.С. Попову». Однако судя по обращению «любезный шевалье» оно было адресовано О.М. де Рибасу — дежурному бригадиру Потемкина, приезжавшему по его поручению в Кинбурн сразу после сражения, — и, конечно, предназначалось самому главнокомандующему Оно и находится среди писем и донесений Суворова Потемкину, а следовательно, дошло до адресата.

Мы не знаем, что ответил главнокомандующий. Но строки его приказов созвучны мыслям, знакомым нам по суворовским наставлениям войскам. В приказе от 18 декабря 1787 года сказано:

«Из опытов известно, что полковые командиры обучают часто движениям, редко годным к употреблению на деле, пренебрегая самые нужныя; и для того я сим предписываю, чтобы обучали следующему: марш должен быть шагом простым и свободным, чтобы не утруждаясь, больше вперед подвигаться… Как на войне с турками построение в каре испытано выгоднейшим, то и следует обучать формировать оный из всякого положения. Наипаче употребить старание обучать солдат скорому заряду и верному прикладу…

В заключение всего я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению. Господа полковые командиры долг имеют испытать наперед самих обер- и унтер-офицеров, достаточно ли они сами в знании. Унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями…

Отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с сим и храбрость…

В коннице также исполнять, что ей может быть свойственно. Выстроение фронтов и обороты производить быстро, а паче атаку, коей удар должен быть во всей силе; сидеть на лошади крепко с свободностию, какую казаки имеют, а не поманежному принужденно…

Артиллеристов обучать ежедневно примерно и с порохом, егерей преимущественно обучать стрелять в цель…

Всякое принуждение, как-то вытяжки в стоянии, крепкие удары в приемах ружейных должны быть истреблены; но вводить бодрый вид при свободном держании корпуса, наблюдать опрятность, столь нужную к сохранению здоровья, содержать в чистоте амуниции платья и обуви, доставлять добрую пищу и лудить почасту котлы.

Таковыми попечениями полковой командир может отличиться, и буду я на сие взирать, а не на вредное щегольство, удручающее дело».

Как видим, главнокомандующий и его лучший боевой генерал в вопросах обучения войск, отношения к солдату, ведения боевых действий были единомышленниками.

Потемкин держал Суворова в курсе всех важнейших новостей, делился с ним планами предстоящей кампании. Суворов чувствовал, что находится у главнокомандующего на особом счету. 25 февраля 1788 года он пишет: «Вашей Светлости милостивое письмо от 13 ч. сего месяца получил. Будьте, батюшка, здоровы для нас и веселы. Чем больше Вы до меня милостивы, тем паче я боюсь проступитца по общему несовершенству.

С аулами поступлю точно по велению Вашей Светлости. Верный кош произведет здесь благочестивый парад и повеселитца…»

Он большей частью живет в Кинбурне, учит свои войска, готовится к новым боям. В минуты отдыха вспоминает о дочери, радуется ее успехам в учебе, мечтает о встрече с ней: «Милая моя Суворочка!.. Ты меня так им утешила, что я по обычаю моему от утехи заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу, что я завидую, чтоб ты меня не перещеголяла... О! ай да Суворочка, как же у нас много полевого салату, птиц, жаворонков, стерлядей, воробьев, полевых цветков! Морские волны бьют в берега, как у вас в крепости из пушек. От нас в Очакове слышно, как собачки лают, как петухи поют. Куда бы я, матушка, посмотрел теперь тебя в белом платье! Как-то ты растешь! Как увидимся, не забудь мне разсказать какую приятную историю о твоих великих мужах в древности. Поклонись от меня сестрицам. Благословение Божие с тобою!»

Зимой—весной 1788 года армия Потемкина прирастала подходившими пополнениями. Готовилась осадная артиллерия, делались запасы пороха, ядер, бомб. Особое внимание главнокомандующий уделял строительству гребных судов, и Суворову вскоре пришлось заняться новым для него делом — созданием гребных флотилий на Днепровско- Бугском лимане.

«Суда готовить приказал я гребные с крайнею поспешностию, — уведомляет Потемкин Суворова письмом от 2 марта. — В Кременчуге у меня наподобие запорожских лодок будет 75, могущих носить и большие пушки. Как скоро Днепр пройдет, то и они пойдут. Естли бы сие строилося в Адмиралтействе, то бы никогда их не дождалися».

Суворов разделял мнение своего начальника о Херсонском адмиралтействе, которое возглавлял контр-адмирал Николай Семенович Мордвинов. Вот строки из его письма Мордвинову от 23—24 октября 1787 года: «Не приемли всуе имя Господа. Ваше Превосходительство 3-й раз покорно прошу о спуске на здешний берег Ярославского пехотного полка, которого обозы уже сюда переправляютца... Милостивый Государь мой, я служил флоту всем сухопутным войском из Херсона, оставляя там почти одни нужные караулы и в жестокости войны ограничивая себя здесь известным моим малочислием. Вы по службе делаете толь слабое воздаяние».

Александр Васильевич иронично именовал неповоротливых моряков «херсонской академией». Для его отношений с Мордвиновым характерен эпизод, приведенный в поздних воспоминаниях дочери адмирала Надежды Николаевны: «Отец рассказывал, как раз он был озабочен во время турецкой войны.

Однажды он принес план Суворову и, разложив на стол, просил решения на счет каких-то распоряжений, но тот вместо ответа прыгал около стола и повторял: "Ку-ку-ри-ку", что он обыкновенно делал, когда не хотел отвечать. Отец, потеряв терпение, должен был уйти со своим планом и решить сам, как действовать без совета Суворова».

Главнокомандующий не мог простить Мордвинову его формального отношения к делу. Когда в конце августа минувшего года он приказал севастопольскому флоту выйти в первый боевой поход, Мордвинов, как старший морской начальник на Черном море, продублировал этот приказ командующему севастопольской эскадрой контр-адмиралу М.И. Войновичу, не решившись доложить Потемкину о приближении периода опасных осенних штормов. Флот попал в страшную бурю и едва не погиб: фрегат «Крым» затонул у крымских берегов, линейный корабль «Мария Магдалина» был отнесен к Босфору и захвачен турками, остальные корабли получили сильные повреждения.

Недовольный Мордвиновым и Войновичем Потемкин уже разглядел в скромном капитане бригадирского ранга Федоре Ушакове талант морского предводителя. В конце октября светлейший князь вызвал его в Херсон, но Мордвинов, воспользовавшись занятостью главнокомандующего, отослал Ушакова обратно в Севастополь, за что и получил выговор. Потемкин был вынужден воспользоваться услугами иностранных специалистов. Сначала он добивался приглашения опытного моряка голландца Яна Генриха ван Кинсбергена, но этот герой минувшей войны с турками и георгиевский кавалер не смог отправиться в Россию. Пришлось искать других моряков.

«В крайней прошу содержать тайне, — сообщает Потемкин Суворову, — гребными судами будет командовать князь Нассау под Вашим начальством. Он с превеликою охотою идет под Вашу команду Я бы давно его отправил, но даю время морским изготовиться для себя, а как будет готово, тогда ево пришлю». «Милостивый Государь! — отвечал 9 марта Суворов. — Я несказанно рад Князю Нассау, толь испытанному мужественному товарищу, что ему частью ревную».

На другой день Суворов, получив новое письмо, благодарил Потемкина за милость к нему и его племяннику князю Андрею Горчакову: Григорий Александрович добился у императрицы разрешения определить восемнадцатилетнего сержанта гвардии флигель-адъютантом к дяде.

Еще 13 февраля императрица писала Потемкину: «В американской войне имянитый аглинский подданный Пауль Жо-нес, который, служа Американским колониям, с весьма малыми силами зделался самим агличанам страшным, ныне желает войти в мою службу. Я, ни минуты не мешкав, приказала его принять и велю ему ехать прямо к Вам, не теряя времени. Сей человек весьма способен в неприятеле умножить страх и трепет. Его имя, чаю, Вам известно. Когда он к Вам приедет, то Вы сами луч[ш]е разберете, таков ли он, как об нем слух повсюду. Спешу тебе о сем сказать, понеже знаю, что тебе небезприятно будет иметь одною мордашкою более на Черном море». «Третьего дни приехал Князь Нассау, — отвечал Потемкин. — Наполнен ревности к службе. Просит неотступно самой опаснейшей комиссии, какая может представиться. Столь знаменитый американский Генерал Пауль Жонес, прославившийся самими дерзновенными предприятиями на море… лутче будет у нас, а то худо, коли пойдет к туркам». Итак, Джонс собирался в Россию, а принц Нассау уже был готов поступить под команду Суворова.

Следует сказать несколько слов об этих «мордашках», с которыми Суворову пришлось тесно общаться во время боев на Лимане в июне 1788 года.

Принц Карл Генрих Николай Оттон Нассау-Зиген, которому шел 43-й год, принадлежал к побочной линии известного владетельного дома в Германии — княжества Нассау. Дуэлянт и прожектер, принц с пятнадцати лет служил во французской армии. Участвовал в кругосветной морской экспедиции знаменитого Бугенвиля. Когда Франция и Испания выступили против Англии на стороне ее восставших колоний, Нассау руководил неудачной осадой с моря важнейшей британской крепости Гибралтар. Он имел чины генерал-лейтенанта испанской и французской армий. Поправив свои денежные дела женитьбой на богатой польке, Нассау взялся устроить сбыт польских товаров через Херсон и сумел войти в доверие к Потемкину, сопровождал князя во время путешествия Екатерины на юг и стал известен самой императрице. После начала войны принц выполнил несколько важных дипломатических поручений в Париже и Мадриде. Имея репутацию опытного морского командира, он был принят на русскую службу с чином контр-адмирала. 26 марта Потемкин назначил его начальником армейской гребной флотилии.

Шотландец Джон Поль Джонс, переселившись в североамериканские колонии Великобритании, занимался торговлей рыбой и имел небольшую рыболовецкую флотилию. В начале Войны за независимость он предложил свои услуги американскому конгрессу. Джонс со своими небольшими судами дерзко нападал на отдельные английские корабли, чем заслужил прозвища «пирата» и «врага» родины. Не имея патента капитана, он сильно рисковал — попадись он в руки англичан, те бы его повесили. Французская печать создала Джонсу репутацию выдающегося моряка. После войны он жил в Париже. Екатерина, зная о желании Потемкина заполучить предприимчивого командира для Черноморского флота, решила сделать ему «подарок». «Он у самих агличан слывется вторым морским человеком», — писала она светлейшему князю, не подозревая о том, что повторяет легенду, созданную французами. И с легкой руки российской императрицы американец, не командовавший даже фрегатом, заочно получил чин капитана генерал-майорского ранга, а 4 апреля, еще до приезда в Россию, был возведен в контр-адмиралы.

На юге дела шли своим чередом. 1 апреля любезным письмом по-французски Суворов приветствовал принца Нассау: «Я имел честь получить письмо Вашего Высочества… Не токмо квартира моя в Херсоне, но и все мои дома везде — Ваши. Дорожу славой иметь счастие служить на одном континенте со столь прославленной особой. Постараюсь своею искреннею преданностию стать во всякое время достойным Ваших милостей».

Командующему 3-й дивизией Екатеринославской армии (так именовалась должность Суворова) пришлось, помимо укомплектования и обучения своих войск, заниматься укомплектованием гребной флотилии принца. На ее суда определялись суворовские пехотинцы. Ему была подчинена и вторая гребная флотилия, куда послали бывших запорожцев, из которых Суворов сформировал по приказу Потемкина в феврале 1788 года отряд «верных казаков». Князь поначалу хотел назвать его «кошем верных запорожцев», но императрица поправила его. Кош во главе с опытным заслуженным воином Сидором Игнатьевичем Белым насчитывал около тысячи человек и представлял грозную силу.

Нассау и войсковой есаул Белый принялись сколачивать свои флотилии, учить новоявленных моряков маневрированию, взаимодействию, сигналам. Часто они просили Суворова подействовать на Мордвинова, не спешившего снабдить флотилии всем необходимым. Генерал всегда шел им навстречу. Он был воин до мозга костей и сразу же предложил Нассау:

«Принц! Покамест храните в тайне общую нашу задачу, как делаю я здесь: по мнению моему, в Херсонской академии по временам многие непотребства творятся. Слышал я, что г. Корсаков служит в егерях, кои вероятно будут на вашей эскадре. Я его знаю с детства, это мелкий плут, но в своем деле искусный. Не будете ли Вы добры лично испытать его по прилагаемым к сему пунктам, не отдавая ему моего письма… Полезно также узнать, какого он о сем будет мнения, и дать мне знать. Простите мою смелость и откровенность».

Инженер-подполковник Николай Иванович Корсаков, любимец Потемкина, строил Херсон, укреплял Кинбурнскую крепость. Он действительно добился перевода во флотилию Нассау и геройски сражался с турками в лимане. Хорошо знакомый с его родителями Суворов назвал Корсакова «мелким плутом», очевидно, в связи с его недавней женитьбой на родной сестре Мордвинова. Но он, безусловно, доверял знающему дело инженеру, о чем свидетельствует письмо с «прилагаемыми пунктами»:

«Любезный Николай Иванович! Поздравляю с возвращением. Каких Вы мыслей об Очакове? Осмелюсь просить у вас совета как у инженера — хоть из одного любопытства. Будем прямы и откровенны и да останется всё между нами, порукой в том моя честь.

Посему и только посему предположите, что Вы не видите еще наших войск со стороны степи, а с моря не будет нам препятствий и мы начнем на плоскодонных судах. Не посеешь — не пожнешь, так ведь?

1. Расстояние. 2. Расчет времени. 3. Березань. 4. Батарея Гассана. 5. Местность открытая, настильным огнем стенку нетолстую на берегу у самой воды обстрелять… Случиться может, что против ожиданий наших пожар в крепости не разгорится. 6. Как пробьем брешь — сразу на штурм… 7. Подступы к крепости сильно минированы. Возможно, что и вся крепость также. Можно на воздух взлететь. 8. Прочие предосторожности?

В ожидании Вашего мнения целую Вас…»

Речь идет о проработке плана взятия Очакова, не дожидаясь подхода главных сил Екатеринославской армии. Основная идея — атаковать крепость до прибытия турецкого флота, атаку вести на слабейшую стену, обращенную к Кинбурну. Гребные суда, на которые предполагалось посадить десанты, должны действовать при поддержке парусных кораблей Лиманской эскадры, которой командовал капитан бригадирского ранга Алексиано. Впрочем, оставались серьезные сомнения в осуществимости этого плана. О нем стало известно Потемкину, и тот потребовал пояснений. 18 апреля Суворов ответил:

«Вашей Светлости признаюсь, это моя система! План у меня больше недели. Принц Нассау вчера его у меня взял… Я требовал его мыслей глухо. Он мне на письме то же почти сказал. После первого огня он заворачивает вторую линию. Но чтоб Алексиано зависел от него, от берегу на полверсты, опровергает набережную, слабейшую Кинбурнской, стену. Первая линия парабольными выстрелами его протектует (защищает. — В. Л.). Как лутче меня матроз, он вам, Милостивому Государю, лутче то опишет.

К брешам транспорты мои: "а" — вправо, "б" — влево на стены, и пушки "с" — внутрь города. Тут и верный кош…

Основанием — вид Кинбурна оборонительный. Слабо по пункту, ежели действие не наступательное. Руки развязаны. Надлежит предварить бусурманский флот! Вот только, Светлейший Князь…»

Конечно, Суворов допустил бестактность, занявшись с Нассау и Корсаковым прикидкой плана штурма Очакова и не поставив в известность начальника. Он вознегодовал на Корсакова, подозревая, что именно тот выдал план Потемкину. Но, кажется, виновником был принц, человек на русской службе новый, своим назначением обязанный светлейшему князю и боявшийся потерять его доверие.

Как бы там ни было, главнокомандующий нисколько не оскорбился, внимательно рассмотрел план и откровенно высказал свое мнение автору. 29 апреля он писал своему любимцу из Херсона:

«Я на всякую пользу руки тебе развязываю. Но касательно Очакова попытка неудачная тем паче может быть вредна, что уже теперь начинается общих сил действие. Я бы не желал до нужды и флотилии показываться, чтобы она им (туркам. — В.Л.) не пригляделась.

Очаков непременно взять должно. Я всё употреблю, надеясь на Бога, чтобы достался он дешево. Потом мой Александр Васильевич с отборным отрядом пустится передо мною к Измаилу, куда поведем и флотилию. И для того подожди до тех пор, как я приду к городу. Верь мне, что нахожу свою славу в твоей… все тебе подам способы, но естли бы прежде случилось дело авантажное, то можно пользоваться следствием.

Ты мне говорил, что хорошо бы, пока флот не пришел. Кто знает, может быть, он тогда окажется, как только подступим. Позиция судов на плане в 250 саженях, что далеко для бреши.

Я получил известие из Цареграда, что муфти сменен. Визирь с Капитан-паши содрал несколько мешков на поход себе. Он, хотя и губы кусал с досады, но отдал.

Из Петербурга получил курьера. Государыня опробовала мой план о присоединении польских войск, которые состоять будут из 12 тысяч конницы народовой… Цесарцы от Графа Петра Александровича требуют, чтоб он, перешед Днестр, присоединив их к себе, действовал обще. Он прислал ко мне с казаком, требуя моих мыслей. Я пишу, что это будет очень хорошо».

Точно и обстоятельно главнокомандующий раскрывает перед командующим одной дивизией своей армии перспективы предстоящей кампании. В 1891 году замечательный русский военный историк, генерал-майор Генерального штаба, профессор Дмитрий Федорович Масловский, выпуская первый том «Бумаг князя Г.А. Потемкина», отметил: «Главная идея операционного плана Потемкина резко расходилась с суворовскою с первого же раза. У Суворова была одна частная идея — взять Очаков... Потемкин преследовал ту же цель... но, кроме того, он хотел тем или иным путем получить господство на море».

Турция хорошо подготовилась к войне. Французские корабелы руководили постройкой ее военных кораблей, французские инженеры укрепляли фортеции (в том числе Очаков), французские офицеры учили европейскому строю сухопутные силы. За спиной «партии войны» стояли две ведущие европейские державы — Англия и Пруссия. Швеция имела с Портой союзный договор.

Падение Очакова не вело к немедленному миру, как полагали многие, в том числе в высших сферах Петербурга. Война обещала быть затяжной, поэтому Потемкин не собирался сразу бросать войска на штурм мощной крепости, сберегая офицерский и унтер-офицерский состав армии для формирования новых частей и обучения пополнений.

Турецкий флот на Черном море имел подавляющее численное превосходство, поэтому еще до войны предполагалось послать в Средиземное море российский Балтийский флот. Как мы помним, подобный поход в 1770 году ознаменовался блистательным Чесменским сражением и полным уничтожением флота османов. Замечательный стратег Потемкин рассчитал, что осада Очакова заставит противника поддержать эту приморскую крепость своими кораблями и севастопольская эскадра получит необходимое время для восстановления и усиления.

Была еще одна причина не спешить со штурмом. Австрийский император Иосиф согласно союзному договору с Россией объявил войну Турции. Это стало большим успехом российской дипломатии и лично императрицы Екатерины. Потемкин хотел, чтобы союзники втянулись в боевые действия и отвлекли главные турецкие силы от помощи осажденному Очакову. Все эти расчеты блестяще оправдались.

Получив разъяснения главнокомандующего, Суворов отвечал кратко и точно: «Вашей Светлости милостивое письмо... будучи в отлучке, сего числа удостоился прочесть. За благоволения Ваши, Светлейший Князь, нижайше благодарю; всем жертвую милости Вашей, елико Господь Бог пособит. Повеления Вашей Светлости исполнил. Кавалерия вчера училась лутче. Шлиссельбургский полк хорошо учился».

В тот же день Александр Васильевич обратился с вежливым, но твердым наставлением принцу Нассау: «Слышал я, что Ваши егеря не стреляли боевыми патронами в цель. Не могу сему поверить. Должны же они были сделать хоть несколько выстрелов. Ради Бога, примите меры. Выдайте им скорее на олово за мой счет 50 рублей или больше. Покорно прошу Ваше Высочество, чтобы каждый человек выстрелил в цель до 20 раз... Бог да хранит нас от Академии. Я в сем уверился 1 октября (намек на бездействие херсонской эскадры Мордвинова в день Кинбурнского сражения. — В. Л.).

В моей пехоте каждый имеет при себе по 100 патронов в кожаных мешках, и им запрещено стрелять торопливо, наугад. Ваши имеют по 75, из коих только 40 при них, и хватает им сего запаса частенько не больше чем на полчаса, особливо ежели они себя убедят, что "пуля виноватого найдет". Постарайтесь, чтобы все 75 патронов были при них».

Суворов всерьез готовился к новым боям и требовал от своих подчиненных того же. Императрица Екатерина была против участия в наступившей войне иностранных добровольцев. Исключение делали для высококлассных специалистов — прежде всего инженеров и опытных моряков. 23-летний волонтер-француз граф Роже де Дама сам примчался в Елизаветград, где находилась ставка Потемкина. За него попросил принц Нассау, и главнокомандующий сделал для молодого человека исключение. В благодарность Дама, действуя через своих влиятельных родственников, помог Потемкину заполучить знаменитого французского хирурга Никола Массо, который впоследствии под стенами Очакова оперировал Суворова и Кутузова. Принц Нассау взял графа на свою флотилию. К этим дням относится описание Александра Васильевича, сделанное Дама в своих воспоминаниях, основанных на дневниковых записях:

«30 апреля принц Нассау получил письмо от генерала Суворова, в котором тот просил 2 вооруженных судна для крейсирования у носа Кинбурна и прекращения сообщения между Очаковом и морем. "Вот вам случай, — сказал мне принц Нассау, — в ожидании лучшего. Хотите взять под свою команду 2 маленьких парусно-гребных судна с двумя 12-ти дюймовыми орудиями и 500 стрелков. Отвезите их к генералу Суворову и примите его приказ. Если он не пошлет вас на смерть или не отдаст вас в плен, то даст вам, по крайней мере, возможность к тому..."

Я с восторгом согласился, взошел на борт моей маленькой эскадры и с попутным ветром... прибыл в Кинбурн.

Генерал Суворов спал, когда я пристал, и так как я не мог его видеть и передать имевшееся у меня для него письмо, я тут же велел моим стрелкам высаживаться на берег и разбить палатки на косе. Сам я затворился в своей палатке и спокойно уселся писать, велев сообщить мне, когда проснется генерал…

Я не без волнения размышлял о минуте, когда мне придется представиться ему, и был целиком занят этой мыслью, как вдруг в мою палатку совершенно просто вошел человек в сорочке и спросил меня, кто я такой. Я ответил ему и прибавил, что ожидаю пробуждения генерала Суворова, чтобы отнести ему письмо, данное мне принцем Нассау… "Я очень рад, — ответил он, — познакомить вас с ним. Это я, не правда ли, я держусь без чинов?"

Его манеры меня настолько же удивили, как и его одежда. Увидев, насколько меня смутило его странное появление, он сказал мне: "Оправьтесь и не беспокойтесь. Кому вы писали, когда я вошел?"

Между тем, я заметил, что с генералом в сорочке чувствуешь себя легче, поэтому я ответил ему просто, что пишу сестре и надеюсь, что принцу Нассау на следующий день представится случай послать мое письмо в Елизаветград, откуда оно пойдет по адресу.

"Не принц Нассау, а я отправлю его, — ответил он. — Но я ей тоже напишу". Он взял бумагу и перо, сел на табурет и написал сестре моей письмо в четыре страницы, содержания которого я никогда не узнал, которое она, однако, получила одновременно с моим письмом, не поняв и половины, как она впоследствии мне сказала. Когда мы сделали конверты и запечатали письма, он встал и ушел, унося письма с собою, а я проводил его до дому. Через некоторое время он меня отпустил, сказав, что известит меня завтра о том, что мне делать; предупредил, что всегда обедает в 6 часов и желает, чтобы я нигде больше не обедал, как у него.

Ровно в 6 часов, в тот же вечер, я явился к обеду. "Вы, конечно, ошиблись, monsieur, — сказал мне флигель-адъютант, — Его Превосходительство обедает в 6 часов утра, а теперь он спит". И он указал мне соломенный шалаш на берегу моря — единственную комнату генерала».

С нескрываемой иронией Дама описывает жалкий обед, которым его угостил русский генерал. Но после трапезы французу стало не до шуток — Суворов отвел его на берег моря и сказал: «Видите ли вы одномачтовое судно, пришвартовавшееся к нижней батарее Очакова? Оно ночью пришло из Константинополя, и я желал бы, чтобы вы сегодня ночью обрезали его канат и с частью ваших стрелков взяли его на абордаж. Это был бы очень полезный поступок: во-первых, мы получили бы сведения о турецком флоте, а во-вторых, добыли бы апельсинов, так как я знаю, что оно нагружено ими».

Граф признавался, что «весь день надеялся получить отмену приказания, но так как она не приходила, то он, хоть и считал задание крайне нелепым, поднял паруса». Ночью его судно сначала под парусами, затем на веслах осторожно подошло к «добыче». «Надежда на успех начала возрождаться во мне, — вспоминает Дама. — Но турки отлично видели наше приближение и… открыли огонь со всех батарей ядрами, картечью и ружейными выстрелами». Пришлось ретироваться. «Я сошел на берег Кинбурна сильно смущенный тем, что не мог принести апельсинов генералу Суворову, однако же нужно было рапортовать ему. Каково же было мое удивление, когда он мне сказал, что сам не считал дело возможным, но что он любил отдавать подобные приказания, чтобы развивать под пушечными ядрами воинский дух в солдатах».

Молодой француз с гордостью записал, что в этот день, 2(13) мая 1788 года, он «в первый раз в жизни побывал под пулями». Суворов поручил ему крейсировать каждую ночь у носа Кинбурнской косы, чтобы следить за кораблями противника. «В те дни, когда я обязан был представлять отдых моему экипажу, — вспоминает француз, — я смотрел на маневры, которые генерал Суворов приказывал производить своим войскам и которые все носили отпечаток его характера и его военного духа. То он штурмом брал свою крепость, то устраивал атаку одних каре на другие, подобные им, которые сходились со штыками наперевес; никогда его обучение не шло известным тактическим путем, и тем любопытнее для меня было это зрелище».

Так продолжалось до 20 мая. «Когда я окончил письмо, — сообщил Суворов Нассау, — бусурманский флот явился величественно в числе 52 судов. Из них многие уже стоят на якоре под Очаковом… Я предполагаю, если только старый Капитан-паша находится на флоте, то не пройдет суток, как он нападет на нас. Это было писано в 8 часов утра, а в 9 часов мы увидели еще 22 парусных судна… Пока обнимаю Вас, Принц. Да увенчает Вас Господь лаврами».

Тут же последовал приказ атаману коша верных казаков: «Сидор Игнатьевич! Сближте ко мне сюда под Кинбурн ваших запорожских две легких лодки и одну побольше с добрыми молодцами. Те, которые были из Глубокой, отпускаю я назад».

В донесении главнокомандующему от 21 мая Суворов уточнил: всего под Очаковом и в море 92 судна.

Граф Дама, не задерживаясь, ночью ушел к Глубокой пристани, где находилась флотилия Нассау Капитан-лейтенант Рейнгольд Остен-Сакен задержался со своей дубель-шлюпкой до утра и был настигнут быстроходными легкими судами противника подле устья Буга. Сакен отправил экипаж с флагом и секретными документами на весельной шлюпке, а сам взорвал свое судно, причинив ущерб окружившим его туркам. Подвиг Сакена стал широко известен. Сама императрица позаботилась о его родных.

Кампания на воде началась. И в это время к Потемкину прибыл Поль Джонс. Дареному коню в зубы не смотрят, гласит народная мудрость. Главнокомандующий был вынужден дать американцу должность, соответствующую его высокому чину контр-адмирала, пожалованному щедрой российской императрицей. 20 мая светлейший князь назначил Джонса командиром парусной лиманской эскадры и отправил его на лиман и в Кинбурн с приказанием принять команду и рапортовать, «относясь также и к Господину Генерал-Аншефу и Кавалеру Суворову для согласования действий».

Джонс не знал русского языка. Еще в Петербурге к нему был прикомандирован переводчик из Коллегии иностранных дел. Потемкин послал с американцем своего дежурного бригадира Осипа де Рибаса. Письма умного и наблюдательного неаполитанца правителю канцелярии Потемкина Василию Степановичу Попову дают представление о том, что творилось в командной среде на лимане накануне сражений с могущественным флотом противника. «Александр Васильевич принял вчера Поль Джонса с распростертыми руками, — сообщает Рибас 24 мая. — Доверие, дружба установлены как с одной, так и с другой стороны. Генерал Суворов написал сейчас к Алексиано письмо, копию которого прилагаю. Уверяю Вас, любезный друг, что определение здесь в должность этого нового контр-адмирала утомило мой ум и тело.., Дай Бог, чтобы чувство долга и отечества превозмогли досаду и злобу».

Парусной эскадрой командовал Панаиоти Павлович Алексиано, храбрый и знающий морское дело грек, перешедший на русскую службу в годы предыдущей турецкой войны. Он отличился во многих морских боях и заслужил Георгия 4-й степени. Оскорбленный предпочтением ему Джонса, Алексиано решил уйти в отставку. За ним готовы были последовать греки, составлявшие значительную часть командного состава Черноморского флота. Не хотели служить с «пиратом» и офицеры-англичане. «Если этот человек (Алексиано. — В. Л.) удалится, — предупреждал Потемкина Рибас, — эскадра не будет существовать!»

«Батюшка мой друг Панаиоти Павлович! — взмолился Суворов. — Помилуйте, что Вы предпринимаете, заклинаю Вас днем Нашего Спасителя, грядущего судить живых и мертвых. Вы ему отвечать будете! Лавры Ваши ныне завянуть не могут… Я уступал Судьбе, Россия службою моею питалась, Вашею питатца будет. По критическим обстоятельствам достоинствами Вашими Вы вечно прославитесь. Из рога изобилия Высочайшего престола истекут Вам милости выше Вашего ожидания. Светлейший Князь его покровительством уважит Ваши заслуги. Будьте с Адмиралом (Джонсом. — В. Л.) на образ консулей, которые древле их честь жертвовали чести Рима… Кончите толь важную экспедицию… кампания начинается… здравый разсудок не дозволяет решиться стремглав и дать своим страстям над собою обладать.

Теперь храброго и честного человека долг избавить Кинбурн предосуждения, поразить неверных и увенчатца победами».

Авторитет Суворова подействовал. 26 мая Алексиано написал Потемкину: «С самого того времени, как я имел счастие принять Россию за свое отечество, никогда я ни от чего не отказывался и прихотей не оказывал. Критические обстоятельства, в которых мы находимся, и любовь общего блага меня решили. Я остаюсь, но чувствуя обиду». Заслуженный моряк принял на себя роль заместителя и консультанта Джонса, поднявшего свой флаг на линейном корабле «Святой Владимир».

К этим раздорам прибавилась нерасторопность руководимого Мордвиновым Херсонского адмиралтейства, еле успевавшего снабдить эскадру и гребные флотилии всем необходимым для боевых действий. Нассау и Джонс сразу невзлюбили друг друга. Наличие трех контр-адмиралов на лимане (Мордвинов, Нассау и Джонс) было явным перебором.

Главнокомандующий, заваленный делами накануне похода армии к Очакову, поручил налаживать отношения между флагманами Суворову и Рибасу. Но отношения между сухопутным и морским начальством всегда были сложными. Эскадра Джонса Суворову не подчинялась, Да и Нассау считал себя независимым и от Джонса, и от Суворова. Отсутствие единого командования не позволило выработать единый план действий. Моряки были заняты подготовкой к отражению атаки турецкого флота.

Суворова беспокоило положение Кинбурнской крепости. О готовности самого генерала и его войск сразиться с врагом красноречиво говорит письмо полковнику Чиркову: «Николай Александрович! … прибудет к Вам гранодер с ножом и помочью для закидывания ножа за плечо к удобности в походе и атаке пальбою, что прошу Вас наискорее исправить. На сухом пути против бусурман потребно непрестанное движение! Оборонительного нет, коль паче отступательного. Пулю беречь… на 3 дни бою… Отнюдь не расстрелятца и позорно погибнуть на месте, как Анреп … Пугательная пальба противника паче ободряет… Прибавьте команды: режь, коли, руби… От храброго российского гранодера не только сии неверные варвары, но и никакое войско в свете устоять не может. Господь Бог Вам в помощь!»

Напряжение нарастало. Ежедневными рапортами Суворов сообщал Потемкину о маневрировании морских сил противника. Его наблюдатели особенно внимательно следили за адмиральским кораблем. 7 июня в ночь на стрелке Кинбурнской косы по приказу Суворова была скрытно сооружена батарея на 13 орудий. А в четыре часа утра в лимане турки двинулись на сближение с русскими флотилиями. В семь часов заговорили пушки российских гребных судов — секретное оружие Потемкина. Эффект оказался потрясающим: турецкие корабли не выдерживали концентрированного огня, в панике наталкивались одно на другое. Сражение длилось до полудня. Три больших корабля были взорваны, многие получили течь, десятки сделались непригодными к бою. Флотилия Нассау и приданная ей флотилия запорожцев, которую вел Алексиано, с победой вернулись и встали впереди эскадры Джонса, которая из-за противного ветра не двинулась с места. Сам контр-адмирал во время сражения был на шлюпке Нассау в роли адъютанта.

Эмоциональное описание хода битвы оставил Нассау в письме жене: «У Капитан-паши против меня было пятьсот семь судов, прекрасно построенных, снабженных всем, вооруженных большими пушками, и, однако, я потерял только двух офицеров ранеными. Но в возмездие на трех кораблях, которые они потеряли, должны были погибнуть, по крайней мере, триста человек… Нет большего удовольствия, как содействовать выигрышу сражения! Но это удовольствие я буду часто иметь с русскими. Офицеры, бывшие под моей командой, солдаты, матросы — все вели себя как герои! Никого нет в мире храбрее русских! Сегодня утром мы отслужили молебен при громе пушек. Генерал Суворов, который из Кинбурна видел нашу победу, тоже служит молебен и стреляет из пушек».

Еще не получив донесения Нассау, Суворов послал ему записку: «Здесь поговаривают, Принц, что Вы за Сакена воздали с лихвой. Ежели это правда, так дай Бог, чтоб и дале было не хуже. Провидение за нас. Атакуйте сообща. Я в Вашем распоряжении. Возможно, выдвину вперед одну батарею, для пущей важности, а также чтобы более пробить брешей в золотом мосту».

Потемкину полетел рапорт: «Вашу Светлость поздравляю с победою на Лимане над старым турецким великим адмиралом!.. На Кинбурнской стрелке совершена батарея с тринадцатью орудиями… С помощью Всемогущего Бога, сколько можно, не будем давать золотого моста неверным». В личной записке Суворов не смог сдержать чувств: «Батюшка Князь Григорий Александрович. Цалую Ваши руки! Главное дарование великого человека — знать избирать особ по их талантам».

Главнокомандующий не ошибся, поручив гребную флотилию предприимчивому и знающему морское дело Нассау, как не ошибся и в Суворове. Считая завершившееся сражение первой пробой сил, тот готовился внести свой вклад в победу.

Тогдашние военачальники, чтобы избежать ожесточенного сопротивления разбитого и загнанного в угол противника, давали ему возможность отступить — «золотой мост». Турки должны были входить в лиман и выходить из него в море через узкий пролив. Подле этого «золотого моста» и поджидали их хорошо замаскированные суворовские батареи. При них устраивались калильные печи — раскаленные ядра легче пробивали деревянные корпуса кораблей. Для прикрытия артиллерии были расставлены два батальона.

Эти места показались Потемкину нездоровыми, поскольку именно здесь были зарыты тела погибших в прошлогоднем сражении. Он посоветовал их переменить. «Бога ради, сделайте милость, потерпите, — решительно возразил Суворов, — батарею не я выдумал… Теперь она уж есть, и другая, к ней крестная, в сию ночь поспела… Я сам там и подручные войски к ним стоят спокойно и здоровы. Помилуйте, Светлейший Князь, ежели их сносить, вид не очень будет хорош туркам и нашим».

Потемкин согласился, приказав прислать из Херсона пушки для усиления Кибурнской крепости. Все ждали прихода севастопольского флота. Капитан-паша мог оказаться между двух огней. Но Войнович не появлялся. Потемкин посетовал Суворову на медлительность контр-адмирала, прибавив, что его квартирмейстеры затащили армию на Буг, где «перейти болоты мешают». «Однако, — добавил он, — я нашел теперь место, без того был бы я уже у вас».

При сооружении батарей Суворову пришлось выдержать напор моряков. «Поль Джонс мне пишет про батарею, словно министр, — делится он с Рибасом. — Я отбрасываю холодность и отвечаю: "В соответствии с желанием Вашего Превосходительства батарея может быть построена с тем, чтобы сжечь раскаленными ядрами все корабли неверных… Когда морское сражение будет выиграно, Вы будете преследовать их флот, бегущий в беспорядке. Сделайте милость, известите меня заранее, поскольку, ежели я поспешу, они выведут нас из строя до назначенного Вашим Превосходительством срока"».

В отличие от Джонса Суворов знал, какой губительный вред батареям на косе может принести массированный огонь с турецких кораблей. Его расчет основывался на внезапности ввода батарей в действие и только после решительного успеха, когда суда противника будут ретироваться через пролив, — и он оказался правильным.

В письме Рибасу он дает «пирату» и другим морякам язвительную характеристику: «Поль Джонс страшится варваров. Служба наша ему внове, делать ничего не желает, а посему батарея — повод для проволочек или для того, чтобы сказать на мой счет, что я ничего делать не желаю. Вот тайна англо-американца, у которого вместо Отечества — собственное его благополучие… Таковы же Чесменский, Войнович. Чего им еще надобно? Коли по прихоти их не сбывается, сразу грозят отставкой… Это мое зубоскальство, хотя и против моей воли». Рибас предупредил Попова: «Снова черт вмешался между Нассау и Джонсом. Но любят ли они друг друга или нет, это не наше дело. Лишь бы не страдали люди, состоящие под их командой, и благо государства» .

Шестнадцатого июня опытный командующий турецким флотом Газы Хасан воспользовался попутным ветром и снова двинул в лиман свои легкие суда, поддерживая их линейными кораблями и фрегатами. Это была ошибка: на мелководье кораблям было трудно маневрировать. Сразу же сел на мель корабль самого капитан-паши. Флот был вынужден лечь в дрейф. Утром русские гребные суда под командой Нассау, Алексиано, Корсакова и Белого атаковали противника. Капитан-паша покинул свой неподвижный корабль и пересел на легкое судно. Еще один линейный корабль и два фрегата были объяты пламенем и взорвались.

С особенным мужеством и искусством дрались запорожцы. Их предводитель Сидор Игнатьевич Белый был смертельно ранен. «Алексиано, не будучи командиром, всем командовал, — писал Рибасу Корсаков, — по его совету во всём поступали. Где он, там и Бог нам помогает, и вся наша надежда была на него».

Но, как говорят французы, «на войне как на войне». Старшим начальником был Нассау, ему и достались лавры. Повезло и недавнему знакомцу Суворова молодому графу Дама: в его руки попал важный трофей — флаг самого турецкого адмирала.

«Ура! Светлейший Князь. У нас шебека 18-пушечная. Корабль 60-пушечный не палит, окружен, Адмиральский 70-пу-шечный спустил свой флаг. Наши на нем», — доносил Потемкину Суворов. В записке, посланной им Нассау, сквозит ревность: «Увы! Какая слава Вам, блистательный Принц! Завтра у меня благодарственный молебен. А мне одни слезы».

Но Александр Васильевич все-таки внес лепту в окончательную победу. Ночью, когда турецкие корабли попытались выйти в море, заговорили суворовские батареи. Внезапность обстрела деморализовала турецких капитанов. Они решили, что сбились с курса и вместо пролива подошли к Кинбурнской крепости. Корабли стали на якорь. Раскаленные ядра, пробивая корабли насквозь, наносили тяжелые повреждения. Суворовские артиллеристы потопили семь судов (экипажи до 1500 человек, вооружение — 120—130 орудий). Сам он послал шлюпку к Нассау с предложением добить противника. Несмотря на протесты Джонса, боявшегося за свою оставшуюся без прикрытия эскадру, Нассау и Алексиано ринулись в атаку; пять линейных кораблей было сожжено, один фрегат взят невредимым. «Теперь у нас на Лимане идет окончательное, — радостно сообщил Потемкину Суворов. — В дыму слышно "ура!"». И, наконец, наступил финал сражения: «Виктория… мой любезный шеф! 6 кораблей».

Потемкин получил это известие на марше армии к Очакову. «Мой друг сердешный, любезный друг, — писал он Суворову. — Лодки бьют корабли, и пушки заграждают течение рек. Христос посреди нас! Боже! дай мне тебя найтить в Очакове. Попытайся с ними переговорить, обещай моим именем цельность имения и жен и детей. Прости, друг сердешный, я без ума от радости. Всем благодарность, и солдатам скажите».

В вихре дел Александр Васильевич успел отправить письмо в Смольный институт Наташе: «Здравствуй, Суворочка, с столь знатными победами. Тебе в подарок план».

Моряки были щедро награждены. За первую победу Нассау получил Георгия 2-й степени, за вторую — чин вице-адмирала и богатое имение. Алексиано по представлению Потемкина был пожалован в контр-адмиралы. Джонс, чья эскадра так и не приняла участия в сражении, получил орден Святой Анны, как и сидевший в Херсоне Мордвинов. Наиболее отличившиеся офицеры были награждены Георгиевскими крестами или богато украшенными шпагами с надписью «За мужество, оказанное в сражениях на Лимане Очаковском». Георгия 4-й степени получил и счастливчик Дама.

«Мы лодками разбили в щепы их флот и истребили лутчее, —доносил 19 июня Потемкин императрице. — Вот, матушка, сколько было заботы, чтобы в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля. Не сказывая никому, но флот Архипелажский теперь остановить совсем можно… Бог поможет — мы и отсюда управимся».

Успех следовал за успехом. 1 июля флотилия Нассау уничтожила турецкие суда, спасавшиеся под стенами Очакова. В сражениях в лимане противник потерял 15 кораблей, не считая более мелких судов — целый флот, превосходивший Севастопольскую и Херсонскую эскадры вместе взятые. 3 июля в морском сражении севастопольцы заставили турецкий флот отступить.

Победы на юге имели важное стратегическое значение. 25 июня после устроенного в Петербурге благодарственного молебна за победу в лимане в столицу пришло известие о нападении шведов на пограничный укрепленный пункт Нейшлот. Король Густав III не без подстрекательства Англии и Пруссии открыл военные действия поблизости от столицы Российской империи. Рассчитывая на превосходство своего флота, он мечтал захватить Петербург и сбросить статую Петра Великого в Неву. Готовившийся к походу в Средиземное море Балтийский флот остался дома и дал отпор агрессору.

С очаковской осадой связаны обвинения Потемкина в гонениях на Суворова. Эта легенда оформилась под пером Полевого. По словам журналиста, Суворов, недовольный нерешительностью главнокомандующего и медленным ходом осады, воспользовался вылазкой турок и попытался захватить крепость, но, не получив поддержки Потемкина, понес серьезные потери. Раздраженный главнокомандующий сделал выговор генералу, и тот был вынужден перебраться в Кинбурн, где провел без дела четыре месяца. После взятия Очакова Потемкин не простил ослушника: тот оказался исключенным из списка генералов действующей армии. Защитила полководца императрица, направив его в армию Румянцева.

На самом деле армия с осадной артиллерией подтягивалась к Очакову в течение всего июля. Крепость окружалась полукольцом батарей и траншей. Жара и твердая почва затрудняли работы. 25 июля во время первой рекогносцировки, проведенной Потемкиным, турецкое ядро угодило в его свиту, смертельно ранив екатеринославского губернатора генерал-майора И.М. Синельникова. Через день турецкий гарнизон предпринял отчаянную вылазку и напал на левый фланг русской армии, которым командовал Суворов. Завязался горячий бой. Он шел с переменным успехом. В разгар схватки Александр Васильевич был ранен пулей в шею и покинул поле боя. Сменивший его генерал-поручик Юрий Богданович Бибиков не сумел организовать отход, и гренадеры понесли большие потери.

Последовал строгий запрос главнокомандующего. «Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам, — писал он Суворову. — К тому же странно мне, что Вы в моем присутствии делаете движения без моего приказания пехотою, в линии стоящею. Ни за что потеряно бесценных людей столько, что бы довольно было и для всего Очакова. Извольте меня уведомлять, что у Вас происходить будет, а не так, что ниже прислали мне сказать о движении вперед». Не дождавшись рапорта подчиненного, Потемкин посылает второй запрос: «Будучи в неведении о причинах и предмете вчерашнего происшествия, желаю я знать, с какими предположениями Ваше Высокопревосходительство поступили на оное, не донеся мне ни о чем во всё продолжение дела, не сообща намерений Ваших прилежащим к вам начальникам и устремясь без артиллерии противу неприятеля, пользующегося всеми местными выгодами. Я требую, чтоб Ваше Высокопревосходительство немедленно меня о сем уведомили и изъяснили бы мне обстоятельно все подробности сего дела».

Двадцать восьмого июля двумя собственноручными рапортами Суворов подробно донес о происшедшем: несколько раз он безуспешно пытался вывести своих ожесточенно дравшихся солдат из боя. «Тут я ранен и оставил их в лутчем действии. По прибытии моем в лагерь посыланы еще от меня секунд-майор Курис и разные ординарцы с приказанием возвратитца назад. Неверные были сбиты и начали отходить». Следуют сведения о потерях: «…у противника — убито от 300 до 500, раненых гораздо более того. Наши потери — убито 153, ранено 210 человек». Задержку с уведомлением начальства он объяснил тем, что «при происшествии дела находился», а также «по слабости здоровья моего».

Лучшим доказательством того, что у Суворова не было намерения штурмовать Очаков, является отсутствие в его отряде артиллерии. Осадные работы только начинались. В донесении императрице главнокомандующий почти дословно повторил рапорт Суворова, подчеркнув героизм сражавшихся солдат и прибавив, что среди раненых — « Генерал-Аншеф Суворов легко в шею».

В личном письме Екатерине от 6 августа 1788 года Потемкин более откровенен: «Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек лишь с Фишера баталиона. У меня на левом фланге в 6 верстах затеял после обеда шармицель , и к казакам соединив два баталиона, забежал с ними, не уведомя никого прикосновенных, и без пушек, а турки его чрез рвы, коих много по берегу, отрезали. Его ранили, он ускакал в лагерь, протчее всё осталось без начальника. И к счастию, что его ранили, а то бы он и остальных завел. Я, услышав о сем деле, не верил. Наконец, послал пушки, под которыми и отретировались, потеряв 160 убитыми, остальные ранены».

Это письмо стало известно только недавно. Потемкин писал государыне правду об осаде Очакова, трудностей которой в Петербурге долго не понимали. Дело 27 июля он представил как один из эпизодов, которыми изобилует война. Упомянув про «дурачество» и неудачный бой, самого виновника неудачи он при этом уважительно назвал Александром Васильевичем.

«Нет, — заявляет Николай Полевой, — Суворову оставалось просить об увольнении… Потемкин был неумолим, он хотел доказать, что если гнев его постиг кого-либо, то для такого опального нет службы нигде ни по практике, ни по степени. Все заслуги Суворова были забыты».

Известен рапорт Суворова главнокомандующему от 2 августа. «Болезнь раны моей и оттого слабость удручают меня, — говорилось в нем. — Позвольте, Светлейший Князь, Милостивый Государь, на кратчайшее время к снисканию покоя отлучиться в Кинбурн. Я надеюсь на Всемогущего, недель чрез две укреплюсь; не теряя ни минуты, буду сюда, естли и прежде того не повелите».

Разрешение было дано. Как мы помним, после кинбурнской победы дважды раненный Суворов остался в строю. Отметим и другое. С армией прибыли старшие генерал-аншефы — И.И. Меллер и князь Н.В. Репнин. Под Очаковом оказался и представитель союзников принц де Линь, который всячески торопил Потемкина со штурмом. На то были свои причины: армия императора Иосифа II с трудом отбивалась от войск визиря Юсуф-паши. Именно де Линь (и только он) написал Иосифу о том, что была возможность взять крепость во время боя 27 июля. Такие авторитетные свидетели осады, как граф Дама и переводчик походной канцелярии Потемкина Роман Цебриков, об этом не упоминают.

Двадцать седьмого июля армия салютовала победе адмирала С.К. Грейга над шведским флотом в Балтийском море. Цебриков делает запись в дневнике:

«И сей день торжествования нашего изменился в несказанную для нас печаль. О Боже! Колико судьбы Твои неисповедимы! После обеда выступает разженный крепкими напитками Генерал-Аншеф Суворов с храбрым баталионом старых заслуженных и в прошедшую войну неустрашимостью отличившихся гренадеров из лагерей. Сам ведет их к стенам Очаковским. Турки или от страху, или нам в посмеяние, стоя у ворот, выгоняют собак в великом множестве из крепости и встравливают их против сих воинов. Сии приближаются; турки выходят из крепости, устремляются с неописанною яростию на наших гренадеров, держа в зубах кинжал обоюду изощренный, в руке острый меч и в другой оружие, имея в прибавок на боку пару пистолетов; они проходят ров, становятся в боевой порядок, палят, наши отвечают своею стрельбою. Суворов кричит: "Приступи!" Турки прогоняются в ров, но Суворов получает неопасную в плечо рану от ружейного выстрела и велит преследовать турок в ров; солдаты повинуются, но турки, поспеша выскочить из оного, стреляют наших гренадеров, убивают, ранят и малое число оставшихся из них обращают в бегство. Подоспевает с нашей стороны другой баталион для подкрепления, но по близости крепости турков число несказанно усугубляется. Наступают сотни казаков, волонтеров и несколько эскадронов легких войск, но турков высыпается тысяч пять из города. Сражение чинится ужасное, проливается кровь и пули ружейные, ядра, картечи, бомбы из пушек и мечи разного рода — всё устремляется на поражение сих злосчастных жертв… Лютость турков не довольствуется тем, чтоб убивать… наимучительнейшим образом, но чтоб и наругаться над человечеством, отрезывая головы и унося с собою, натыкая их на колья по стенам градским, дабы зверское мщение свое простирать и на безчувственную часть… Все в замешательстве, и немного требовалось уже времени для посечения турецким железом наихрабрейших наших воинов, числом против неприятеля весьма немногих, ежели бы Репнин не подоспел было с третьим баталионом и с конным кирасирским полком и не спас сей злосчастной жертвы от конечной гибели, которой пьяная голова оную подвергла.

Князь по человеколюбивому и сострадательному сердцу не мог не пролить потока слез, слыша таковые печальные вести, и когда ему сказано было, что любимый его полк кирасирский поведен против неприятеля, то он: "О, Боже мой! Вы всех рады отдать на жертву сим варварам".

Все иностранные офицеры, бывшие на сем сражении зрителями, удивлялись неустрашимости наших солдат, от коих они слышали, когда возвращались в свой стан окровавленные и ранами покрытые: "Мы-де, солдаты, очень стояли крепко, да некому нами было командовать"».

Несколько наивная и сентиментальная зарисовка сугубо штатского человека, питомца европейского университета, но, безусловно, сделанная с натуры и, что важно, вдень неудачного боя.

То же говорит в своих воспоминаниях граф Дама, прибавляя, что в разгар боя и вынужденного отступления под градом артиллерийского и мушкетного огня он «осмелился заметить Суворову, какие несчастия могут последовать, если он не потребует подкрепления». «Он упорствовал и потерял половину своих людей. Редко я видел столь кровопролитное дело. Наконец, отбросив его почти до самого его лагеря, турки остановились при виде боевого порядка и закончили эту бесполезную бойню, виновником которой был Суворов».

Хотя Дама излагает свои воспоминания в форме дневника, это именно воспоминания, написанные годы спустя и содержащие много неточностей и ошибок. Так, автор даже не упоминает о том, что во время боя Суворов был ранен. Принятый в компанию таких лиц, как принцы Нассау, де Линь, Ангальт, Дама повторяет сплетни, ходившие среди иностранцев, в частности, об «отчаянии Суворова, принужденного служить под начальством Потемкина». Но само описание боя Дама дает верно: горячее, кровопролитное дело, плохо управляемая импровизация без дальнего прицела.

Лучше всех объяснил неудачу 27 июля сам Александр Васильевич. В доверительном письме Рибасу он высказался с солдатской прямотой:

«Проклятые волонтеры, самый проклятый — Дама, словно мне равный. Хоть бы и князь. Титул предков ничто, коли не доблестью заработан… (коли не в нашей службе, с радостью уступлю место Нассау-иностранцу, а иначе ни за что, хоть бы даже и в одном был со мною чине. Пусть бы даже был он Герцогом и Пэром Франции, ни ему не уступлю, ни Ангальту, ни другим, ежели будут со мною в одной службе). Сопливец Дама… возомнил, что он мне равен, подходит и кричит мне: "Сударь!"… Берется в полный голос распоряжаться, русские слышат язык французский словно от играющего свою роль актера, а меж тем я, командующий, ни на мгновение ни единого слова, кроме его приказов, услышать не могу. Я в бешенство пришел… принужден был команды давать чрез младших чинов и потому Фишера [батальон] упустил, который дошел уже до края бездны, а как достал я его, он уже был там. Другой,повежливее Дама, привязался ко мне, представлялся будто на обеде, из виду меня не терял (говорю Вам, пусть Князь о сем думает, как хочет, я же всё сие видел. В другой раз, коли так придется, выгоню их, да и наших, кнутом, ибо за исход боя я отвечаю, а ежели им угодно, так я их саблей). Есть способ от пуль укрыться. Слева от меня был один, но честный человек. Я поворачиваю круто вправо, воспитанный волонтер предо мной. Вдруг левый повод у меня хватает, моя лошадь еще на пядь — и конец. Хотел бы я, чтобы Вы о нем разузнали. Коли останусь жив, буду у Князя. Я русский, не потерплю, чтоб меня теснили эти господа… Боюсь, рана моя чрез месяц заживет, а за три недели — скажу спасибо…

У меня 27[-го] артиллерии не было. Она была в резервном корпусе… Последние слова мои (перед ранением. — В. Л.) были касательно того, чтоб другой баталион позвать, а 1-й притянуть… Но вы знаете, у меня всегда ординарцев мало… Даже для повторных приказов не хватало. Субординация! Стыдно мне говорить о сем. Разве не я громче всех кричал против неподчинения? Хватит… да, истинная правда: я ведь не разбираюсь в пехоте, я там и недели подряд не служил во всю жизнь, которая вот-вот кончится, а до того пребуду при Князе, ежели только сам он меня не откомандирует».

«Нет, — решительно возражает Суворов в ответ на хвастовство Нассау, приписавшего себе одному успехи на лимане. — Лавры 18 июня — мои, а Нассау только фитиль поджег; а скажу и более — неблагодарный он!»

Его упреки в адрес бесцеремонных иноземцев справедливы. Как пример грубейшего нарушения субординации, приводит Суворов поведение полковника Дама, отдававшего приказы в присутствии генерал-аншефа. Законное подозрение вызывает «вежливый иностранец», хватающий во время боя поводья суворовской лошади и подставляющий генерала под турецкие пули. Нассау назойливо предлагал немедленно штурмовать крепость. Джонс не мог пресечь сообщение Очакова с флотом, который постоянно подбрасывал в крепость подкрепления.

Сущность американца была ясна и Потемкину. «Сей человек неспособен к начальству: медлен, неретив, а может быть, и боится турков, — писал он 17 октября императрице. — Притом душу имеет черную. Я не могу ему поверить никакого предприятия. Не зделает он чести Вашему флагу. Может быть, для корысти он отваживался, но многими судами никогда не командовал. Он нов в сем деле, команду всю запустил, ничему нет толку: не знавши языка, ни приказать, ни выслушать не может… В презрении у всех офицеров. Я в сей крайности решился ему объявить, что Вы изволите его требовать в Петербург».

Пока главнокомандующий, занятый осадными работами и тайными переговорами с турками о сдаче крепости, еще только собирался очистить армию и флот от иностранцев, ему пришлось для поддержания дисциплины сделать замечание своему любимцу. Привыкший к постоянной поддержке Потемкина Александр Васильевич болезненно пережил и саму неудачу, и выговор.

Создавая легенду об очаковской размолвке, Полевой крайне тенденциозно использовал несколько писем Суворова Потемкину, появившихся в печати в самом начале XIX века. «Не думал я, чтоб гнев Вашей Светлости толь далеко простирался; во всякое время я его старался моим простодушием утолять, — писал Суворов 8 августа 1788 года. — Невинность не терпит оправданиев, всякий имеет свою систему, так и по службе, я имею и мою; мне не перефодиться, и поздно. Светлейший Князь! успокойте остатки моих дней, шея моя не оцараплена, чувствую сквозную рану, и она не пряма, корпус изломан, так не длинные те дни. Я християнин, имейте человеколюбие. Коли Вы не можете победить Вашу немилость, удалите меня от себя, на что Вам сносить от меня малейшее безпокойство. Есть мне служба в других местах по моей практике, по моей степени; но милости Ваши, где б я ни был, везде помнить буду. В неисправности моей готов стать пред престол Божий».

Той же датой помечено еще одно письмо. «Какая вдруг перемена милости Вашей и что могу надеяться в случайных смертному нещастьях, когда ныне безвинно стражду! Противна особа, противны дела, — сетует Суворов. — С честью я служил бы, М[илостивый] Г[осударь], но жестокие мои раны приносят с собою, Светлейший Князь, утруждать В[ашу] С[ветлость] о испрошении милости Вашей, чтоб изволили дозволить мне на некоторое время отдалиться к стороне Москвы для лутчего излечения оных и поправления моего ослабшего здоровья с жалованием и моему стабу (штабу. — В. Л.). Я явиться к службе не замедлю».

Были ли эти сохранившиеся только в черновиках письма отправлены адресату? Полевой и его последователи таким вопросом не задавались. Не знали они и того, что письма стали ответом на новый упрек Потемкина. Подчиненные ему морские офицеры, внимательно отслеживая маневры флота противника, умудрялись доносить не только о типах турецких кораблей, но даже о калибре корабельных орудий. Суворов переслал эти сведения Потемкину и получил справедливое замечание: пусть его моряки не фантазируют насчет орудийного калибра. По своей впечатлительности Александр Васильевич расценил это как проявление гнева.

Суворов прекрасно сознавал слабые стороны своего характера: горячность, нетерпеливость, мнительность, раздражительность. «Я иногда растение Noli mi tanger, то есть не трогай меня, — признавался он, — иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не убьет». Но он был отходчив и совестлив. Узнав о том, что Корсаков, осматривая осадные батареи, упал в ров и погиб, наколовшись на собственную шпагу, Суворов забыл свои подозрения и обиды, признавшись Рибасу: «Я оплакиваю Николая Ивановича. Он скончался. Я знал его еще ребенком. Избранное им поприще побуждало его к великим деяниям. Отечество теряет в нем человека редкого».

В распоряжении историков имеется письмо Суворова Потемкину от 10 августа, переписанное набело. «Если хотите истинной славы, следуйте стопами добродетели, — начинает генерал по-французски и тут же переходит на родной язык. — Последней я предан, первую замыкаю в службе Отечества. Для излечения моих ран, поправления здоровья от длинной кампании еду я к водам, Вы меня отпускаете; минерал их ближе: в обновлении Вашей Милости..,. Светлейший Князь! Защищайте простонравие мое от ухищрениев ближнего. Против Государственных неприятелей, ежели Бог изволит, я готов, Милостивый Государь! чрез 14 дней». Всего за двое суток тон Суворова сильно изменился. Он уже не собирается лечиться водами, а простодушно намекает на другое чудодейственное лекарство — милость Потемкина.

Судя по всему, ответ был благожелательным. Очевидно, главнокомандующий упомянул о горячности и нетерпеливости своего друга и его стремлении всегда быть первым. Поэтому в новом письме, от 18 августа, Александр Васильевич переводит диалог в русло моральных сентенций: «Боже мой! Как я обезпокоил Вашу Светлость, моего благодетеля. Скромность, притворство, благонравие, своенравие, твердость и упрямство равногласны, что разуметь изволите? Общий порок человечества… Один способен к первой роле, другой ко второй; не в своей роле испортят. Обоим воинские законы руководством, щастье от их правил!.. Кто у Вас отнимает, С[ветлейший] К[нязь], Вы великий человек, Вы начальник начальников, Вы говорите: их слава — Ваша слава; кто ж из них за нею бегает — она бежит от того, а истина благосклонна одному достоинству. М[илостивый] Г[осударь], добродетель всегда гонима, покровительство ближе всех к Вам, Вы вечны, Вы кратки, в него я себя поручаю…»

Конфликт был исчерпан. Суворов остался в Кинбурне. А через день он едва не погиб от случайного взрыва снарядной лаборатории, находившейся неподалеку от его дома.

Василий Степанович Попов прислал соболезнования. Продиктовав ответ, Суворов приписал в конце: «Ох, братец, а колено, а локоть. Простите, сам не пишу, хвор».

И вдруг его настроение переменилось. «Батюшка Князь Григорий Александрович! Нижайше благодарю Вашу Светлость за Милостивое Ваше письмо и Госпожу Давье. Как Вам наипреданнейший вечно! здесь я служить могу, Бог даст и дале, дух мой бодр; целую Ваши руки».

Потемкин, приславший сиделку госпожу Давье для ухода за раненым генералом, выразил ему свое сочувствие — этого было достаточно, чтобы воскресить «умирающего». Отношения были полностью восстановлены.

Легенда о серьезной размолвке Суворова с Потемкиным под Очаковом и изгнании Александра Васильевича из армии, придуманная Полевым, была повторена Петрушевским. Правда, после выхода в свет работы Масловского (1891) лучший биограф Суворова во втором издании своего капитального труда был вынужден отказаться от нее, но сделал это весьма деликатно — поместив опровержение в примечаниях.

Советские биографы генералиссимуса вторых изданий и примечаний не жаловали. Вот и приходится читать у самого плодовитого из них К. Осипова, чья книга о Суворове переиздавалась десяток раз, как адъютант Потемкина явился с грозным запросом о самочинном бое, а виновник, из шеи которого извлекали пулю, «корчась от боли, велит передать:

Я на камушке сижу,На Очаков я гляжу…»

Поскольку «князь Тавриды не прощал обид и не жаловал ослушников», «Суворову было предложено покинуть армию», а спасло его лишь вмешательство императрицы.

Несомненно, ближе к истине граф Ланжерон. Хотя сам француз в осаде Очакова не участвовал и повторил выпады против Потемкина, якобы медлившего с взятием крепости и тем самым побудившего Суворова «завязать дело, которое могло бы повести к штурму», рассказанный им эпизод заслуживает внимания:

«Его отнесли в лагерь, и распространился слух, что он умирает. Массо, французский хирург, прибежал и нашел Суворова в его палатке плавающим в крови и играющим в шахматы со своим адъютантом. Массо просит его дать перевязать себя. Суворов, не отвечая, продолжает свою партию, восклицая: "Тюренн! Тюренн!"

Массо в досаде говорит ему: "Ну что же, генерал, когда Тюренн бывал ранен, то он давал себя перевязать!"

Суворов посмотрел на Массо и, не говоря ему ни слова, бросился на свою постель и позволил перевязать себе рану».

Александр Васильевич не вернулся в лагерь под Очаков. Может быть, причиной тому были плохо заживавшая рана и контузия в грудь, полученная при взрыве в Кинбурне. Но, скорее всего, привыкший с легкой руки Потемкина к большой самостоятельности, он не захотел играть вторые роли.

Через два дня после ранения Суворова огромный турецкий флот снова бросил якоря подле Очакова. Капитан-паша больше не решался атаковать русскую эскадру и флотилии на лимане. Отказавшись от активных действий, он нес охранную службу. Только 4 ноября Гази Хасан-паша решил покинуть очаковские воды и ушел зимовать на юг. И почти сразу же, 7 ноября, по приказу Потемкина ватага верных запорожцев взяла приступом остров Березань — важный укрепленный пункт на подступах к Очакову.

Сильные снегопады почти на месяц приостановили активные действия. 1 декабря главнокомандующий подписал составленную им лично диспозицию штурма крепости. Удар наносился одновременно шестью колоннами с разных направлений. Для развития успеха был выделен резерв. Атака должна была вестись со всей решительностью.

Шестого числа в семь часов утра начался штурм, а через час с четвертью всё было кончено. Потери противника, не считая обывателей, составили девять с половиной тысяч убитыми и четыре тысячи пленными. В крепости были взяты огромные трофеи: 310 пушек, 180 знамен, запасы оружия на тысячи человек. Потери русской армии составили более двух с половиной тысяч убитыми и ранеными, среди них один генерал-майор, один бригадир и 147 обер-офицеров.

Кампания закончилась. Кинбурн, Херсон, Крым и Кубань остались неприкосновенными. Падение крепости, которую считали главным турецким оплотом в Причерноморье, произвело огромное впечатление в Европе и означало конец трехсотлетнему господству Оттоманской Порты на Черном море.

«С завоеванием Очакова спешу Вашу Светлость нижайше поздравить, — писал Суворов. — Боже даруй Вам вящие лавры!»

Неделю спустя он напомнил о себе: «Ваша Светлость изволите описывать обыкновенное жребия течение высокости или великости веществ. Я всегда говорил, перемена от Каира до Стокгольма, от Багдада до Филадельфии. Милостивый Государь! мне повелите ли явиться к себе в Санкт-Петербург, или… ничего не скажу, да будет Ваша воля!»

Ответ Потемкина неизвестен. Но уже 23 декабря Суворов набрасывает записку: «Как мне, батюшка, с Вами не ехать! Здесь сдам и — ночью в Херсон».

Светлейший князь звал его с собой в столицу.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Четвертого февраля Потемкин прибыл в Петербург. Очевидно, Суворов приехал вместе с ним.

Официальные события при дворе описывались в камер-фурьерском церемониальном журнале. В записи от 11 февраля читаем:

«По собрании ко Двору знатных Российских обоего пола особ, чужестранных министров и знатного дворянства, в 12 часу пред полуднем Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества в препровождении знатных придворных особ обоего пола изволили выход иметь к литургии, а по окончании оной, приняв поздравление от членов Синода в церкви и пожаловав их к руке, благоволили возвратиться из церкви и шествовать чрез парадные покои…

Пред внутренними покоями в кавалергардской комнате угодно было допустить же к руке знатный воинский Генералитет, членов Совета и придворных кавалеров… В сие время мимо Зимнего каменного Ея Императорского Величества дворца эскадроном лейб-гвардии Конного полка с 4 трубачами везены в Петропавловскую крепость взятые войсками Ея Императорского Величества при сражении под Очаковом турецкие знамена числом до 200, которые обозрев Ее Императорское Величество из фонарика, потом обще с Их Императорскими Высочествами изволила иметь обеденный стол в столовой комнате на 27 кувертах; к столу же были приглашены:

1. Княгиня Катерина Романовна Дашкова

2—4. Дежурные фрейлины

5. Князь Григорий Александрович Потемкин Таврический

7. Александр Васильевич Суворов».

Вместе с Потемкиным Суворов присутствовал и на литургии, и на торжественной церемонии, и за царским столом.

Однако биографы Суворова ничего этого не заметили. В первом издании труда А.Ф. Петрушевского утверждается: «Хотя Потемкин не отличался злопамятностью, но на этот раз был слишком глубоко задет в своем властительном самолюбии… Он был принят с почетом и триумфом, причем благосклонность к нему Государыни играла гораздо большую роль, чем действительные его заслуги… При распределении генералитета по войскам обеих действующих армий Суворов не был внесен в списки; единственной тому причиной могло быть неудовольствие Потемкина. Суворов узнал про это вовремя, поскакал в Петербург и представился Государыне для принесения благодарности за прошлогодние награды. Поклонившись по обыкновению ей в землю, Суворов с жалобным видом сказал: "Матушка, я прописной". — "Как это?" — спросила Екатерина. "Меня нигде не поместили с прочими генералами и ни одного капральства не дали в команду". Государыня на этот раз не поддержала своего баловня, не захотела сделать несправедливость, как бы ни был в ее глазах виноват Суворов за очаковскую попытку. В самом деле ей не расчет было лишиться на театре войны такой боевой силы, какую представлял Суворов, особенно при усложняющихся обстоятельствах. Но, не желая поступать наперекор Потемкину, государыня назначила Суворова в армию Румянцева».Этот вымысел повторяли все без исключения советские исследователи жизни Суворова. Обратимся к документам.

Одиннадцатого марта в Зимнем дворце «имели счастие быть представлены Ее Императорскому Величеству Очаковский Гассан-паша и прочие турецкие чиновники, взятые в плен при завоевании войсками Ея Императорского Величества города Очакова. Причем угодно было Ее Императорскому Величеству удостоить Гассан-пашу чрез Статского Советника Лашкарева вопросом с принятием милостивого на оный от Гассан-паши ответа. После чего и прежде, однако ж, как Гассан-паша, так и другие из турок к руке Ее Императорского Величества допущены не были». Журнал не приводит имен представителей «знатного генералитета, членов Совета, придворных кавалеров и прочих знатных особ», удостоенных милости поцеловать руку императрицы. Скорее всего, в их числе находился и Суворов.

Восьмого апреля, на Пасху, он присутствует и за столом императрицы, и на вечернем приеме. 9-го он снова на приеме вместе с их императорскими высочествами (великим князем Павлом Петровичем и его супругой Марией Федоровной), Потемкиным, генералами и придворными. 15-го состоялось торжественное награждение очаковских победителей:

«Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества изволили прибыть в Аудиенц-камеру, в которую пред тем по учиненному приказанию от Господина Главнокомандующего Екатеринославскою армиею, здесь обретающегося Генерал-Фельдмаршала Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического собрались обще с Его Светлостию и ожидали Высочайшего прибытия разных чинов военнослужащие из числа бывших на штурме Очаковском, которым между прочим за подвиги и отличную к службе… усердность Ее Императорское

Величество в присутствии Их Императорских Высочеств всемилостивейше пожаловать изволила:

Генерал-Фельдмаршалу Князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому — фельдмаршальский жезл, алмазами и бриллиантами украшенный, похвальную грамоту с изложением заслуг его и в память медаль да денег 100 000 рублей.

Генерал-Аншефу Александру Суворову — перо бриллиантовое в шляпу.

Генерал-Порутчику Павлу Потемкину — шпагу с золотым эфесом.

Прочим, довольному числу чиновников — ордены Военного и Св. Владимира».

Итак, согласно записи в камер-фурьерском журнале, первым из рук императрицы награду получил главнокомандующий, вторым — не участвовавший в штурме Суворов. В списке заслуживающих награждения лиц, поданном Потемкиным, напротив имени Суворова значится: «Командовал при Кин-бурне и под Очаковом, во время же поражения флота участвовал немало содействием с своей стороны».

Светлейший князь Григорий Александрович считал кинбурнскую победу прологом к взятию Очакова и высоко ценил вклад Суворова в победы на лимане. Таким образом, Александр Васильевич обошел даже тех, кто провел всю осаду и принял участие в штурме. Впервые в жизни он грелся в лучах заслуженной славы.

Документов о его пребывании в столице, кроме официальных записей, очень мало. Героя войны приглашали в гости друзья и знакомые. Он вел оживленную переписку с управляющими его имениями. 3 марта в письме отставному полковнику Роману Яковлевичу Качалову, главноуправляющему новгородскими имениями Суворова, читаем:

«Милостивый Государь мой, я боролся с басурманами и с смертью, — право, домашнее правление и на ум не шло! Да и ныне, не прогневайтесь, тож!

Переписывайтесь иногда с Князь Иваном Романовичем (мужем старшей сестры Суворова. — В. Л.), но по отдаленности во всём да будет милостивая ваша резолюция на месте.

Я очень рад, что теперь лутше, сего году оброки никуда не отправлены, то с Божиею помощию и извольте на них церквы исправлять, хотя бы досталось и прибавлять заимообразно с крестьян в щет предбудущих оброков, которых и всех я нимало не жалею, как мне собственной надобности в них не предвижу…»

Он напоминает о выплате денег шестерым солдатам-инвалидам, содержавшимся в Кончанском, приказывает исключить из числа оброчных крестьян Прохора Дубасова, поскольку тот жил при барине.

«Платонушке мой поклон с сестрицами, — заканчивает письмо Суворов. — Моя сестрица тож здесь в монастыре, подросла. Господам Гардемаринам желаю славно геройствовать; и их здесь товарищи хвалят. Пелагее Федоровне с детьми мое почтение, как и протчим любезным соседям. Кончу благодарностию моею за милостивое Ваше попечение о моем достоянии! Желал бы Вас лично обнять — здесь недосуг».

«Платонушка» — племянник Качалова, морской офицер, отличившийся в сражениях против шведов, в которых участвовали и гардемарины, сыновья Романа Яковлевича. Пелагея Федоровна Лупандина — ближняя соседка по новгородским имениям. Сестрицей он называет Наташу «Суворочку», перешедшую в старшие классы Смольного монастыря. Через два года ей предстоял выпуск. Самого Романа Яковлевича Суворов высоко ценил за честность, разносторонние дарования и знания. Недаром в 1786 году дворяне Боровичского уезда избрали отставного полковника своим предводителем.

Суворов так и не смог выбраться из Петербурга в свои деревни. Позволим высказать предположение, что Потемкин, готовясь к новой кампании, постоянно советовался с «другом сердешным» и не отпускал его от себя. Сразу после приезда в Петербург князь подвел итоги минувшей кампании и представил императрице свои планы.

«Неприятель, вместо предполагаемых побед, потерял против Екатеринославской Вашей армии, считая от Кинбурнского дела по взятьи Очакова, более сорока тысяч человек. Судов больших и малых взято и истреблено более ста. Пушек взятых и потопленных более тысячи. Знамен взятых двести и столько же переломано, флаг Генерал-Адмиральский и несколько прочих, не потеряв на пределах Ваших ни вола, ниже аршина земли…

Взятие Очакова… развязывает руки простирать победы к Дунаю и угнетать неприятеля до крайности для нанесения вящего удара. Потребно усиление флота.

Войски Кубанские с частью Кавказских сил произвели бы диверсию и тем, так как и ныне, удержали б турецкие силы в Анатолии.

Армия Украинская всю бы имела удобность вытеснить неприятеля из обоих княжеств (Молдавии и Валахии)… Не можно никак рапортировать войск той стороны, не знав — армия Украинская на месте остается или обратится в другую сторону, вся или частью. Ежели тут, то совсем другой образ войны будет.

В силу Вашего повеления четыре полка пехотных я от себя вывел к Лубнам ради обращения в Лифляндию, и десять эскадронов драгун…

Решение об Украинской армии нужно скорей быть дано, ради принятия мер, ибо разстроенное надлежит исправлять. Может случиться, что и хлеба ни куска у них не будет к тому времени, как я прибуду. А время кратко. Я трудов не щажу и рад хотя задохнуться под тягостию их, но нужна скорость».

Несмотря на столь очевидные успехи на главном театре войны, обстановка оставалась сложной. В Финляндии шли бои местного значения. Шведским морским силам надежно противостояли Балтийский флот и спешно снаряженная гребная флотилия, командовать которой Екатерина пригласила Нассау. Прусский король Фридрих Вильгельм II и его дипломаты, угрозами добившиеся выхода из войны против шведов Дании, развили бурную деятельность в Польше. В союзе с турками и пруссаками поляки готовились выступить против России. Потемкину пришлось перебрасывать полки к западным границам империи. Он требовал, чтобы до окончания войны с Турцией прусская угроза была предотвращена дипломатическими средствами. Между ним и Екатериной происходили тяжелые объяснения.

«Я гневных изражений, мой друг, с тобою, кажется, не употребляла. А что оскорбления Короля Прусского принимаю с нетерпением с тем чувством, с которым прилично, за сие прошу меня не осуждать, ибо я недостойна была своего места и звания, естьли б я сие чувство в своей душе не имела, — отвечала на его упреки Екатерина. — Мое мнение есть — Фельдмаршала Румянцева отозвать от армии и поручить тебе обе армии, чтобы согласнее шло… Всё, что пишешь о операции армии, весьма хорошо, и мое мнение было всегда, чтоб Бендеры и Бессарабия были предметом сей кампании».

Операции против Османской Порты предполагалось развернуть на широком фронте от Очакова до Бендер, Аккерма-на, Фокшан. Особая роль отводилась выдвинутой вперед армии Румянцева. В минувшей кампании старый фельдмаршал прикрыл занятую осадой Очакова потемкинскую армию и помог австрийцам овладеть Хотином. Теперь граф Петр Александрович, отбросив самолюбие, признал необходимость объединения армий. «А по моему обыкновению, — писал он Потемкину, — не скрываясь, Вам говорю, что не может лучше и пойтить наше дело в сем краю, верно как под одним Вашим начальством».

Третьего марта 1789 года указом императрицы Украинская армия была объединена с Екатеринославской под общим командованием князя Таврического. До его прибытия Румянцев временно поручил армию Каменскому. Так Суворов едва не попал под начало Михаила Федотовича, которому он не мог простить своих невзгод при окончании минувшей войны. Но 9 апреля Потемкин заменил Каменского Репниным, а 23-го предписал Суворову «немедленно отправиться к бывшей армии Украинской, где назначается в Вашу команду часть, состоящая под начальством Господина Генерал-Порутчика и Кавалера Дерфельдена, которую по прибытии моем не премину я в особый корпус устроить».

Александр Васильевич не замедлил с отъездом. «Прости, душа моя Наталья Александровна, — писал он дочери 25 апреля. — Цалуй за меня ручки Милостивой Государыне Софье Ивановне. Поцалуй за меня сестриц. Божье благословение с тобою». 10 мая он был уже в Яссах и уведомил Потемкина: «Я сюда не мог прежде поспеть, как ровно в две недели, и отправляюсь к повеленному месту. Поручаю себя в продолжение Милости Вашей Светлости».

Главнокомандующий уже был на пути к своим войскам. Сильные разливы рек задерживали его и, главное, затрудняли подвоз продовольствия, в котором особенно нуждалась бывшая Украинская армия. Неожиданно польские власти запретили использовать свою территорию для снабжения действовавших на юге армий и потребовали вывода всех русских войск. Пришлось переносить коммуникации, создавать новые склады. Потемкин не упускал из поля зрения флот, который пополнялся новыми судами, строившимися в Таганроге и на Хопре. А в устье Ингула, неподалеку от Очакова, уже заканчивалось сооружение четырех эллингов в новом городе Николаеве, названном так в честь дня победы: турецкая твердыня была взята в день Николая-угодника.

Объединенная армия снималась с зимних квартир, форсировала Буг и занимала позиции на широком фронте между Очаковом и Бендерами.

Планируя кампанию, Потемкин получил секретное письмо из Константинополя, шедшее более двух месяцев. Оно содержало запись беседы французского посла графа Шуазель-Гуфье с капудан-пашой (командующим османским флотом). «Бесполезно употреблять против императора главные ваши силы, — внушал французский дипломат собеседнику, — а надлежит вам быть только в оборонительном состоянии и обратить всю силу против России… Вам труднее победить русских, ибо они лучше обучены и лучше всех знают, как с вами вести войну». Посол предлагал свой план: наносить быстрые внезапные удары силами армии и флота, блокировать Севастополь, напасть на Кинбурн, высадить десанты в Крыму, послать крупные сухопутные силы под Очаков (известие о падении крепости еще не пришло в Константинополь).В конце письма сообщались важные сведения о численности турецкого флота, бунте янычар и нежелании населения продолжать войну. Далее тайный корреспондент писал: «Прошу извинить беспорядок моего донесения, пишу украдкою. Не знаю, дошли ли мои прежние? Ниоткуда и ни от кого не получаю ни ответа, ни одобрения. И в сем состоянии стражду уже семнадцать месяцев. Дай Боже, чтоб только доходило, что я пишу. Сего довольно для моего утешения. Истощил все каналы, подвергая себя всем опасностям. Что могу я больше сделать для пользы Отечества?» Это томящийся в турецком плену российский посланник Яков Иванович Булгаков одному ему известными путями добывал ценнейшие сведения и, рискуя жизнью, переправлял их Потемкину.

Следуя советам французов, турки решили перенести направление главных ударов. Их значительные силы уже с начала марта начали поиски в.междуречье Прута и Серета. Вот куда стремглав направился Суворов. Но он опоздал — 16 и 20 апреля генерал-поручик Вильгельм Христофорович Дерфельден разбил турецкие отряды. И всё же Потемкин оказался провидцем: именно здесь развернулись решающие события кампании. Две попытки турецкого командования в июле и сентябре 1789 года разбить примыкавший к правому флангу русской армии вспомогательный корпус австрийцев и выйти в тыл главным силам Потемкина потерпели неудачу. Именно здесь противника ждал выдвинутый далеко вперед корпус Суворова.

Блестящие победы, одержанные полководцем при Фокшанах и Рымнике, давно стали классикой военного искусства, сделали его тем Суворовым, слава которого перешагнула границы России. Победителя стали выделять и турки, давшие ему прозвище «Топал-паша» — «Хромой генерал». (Александр Васильевич как-то наступил на иголку, она вошла в хрящ пятки и сломалась. После этого быстро ходивший Суворов стал слегка прихрамывать.)

Весной 1789 года Потемкин представил императрице планы кампании, целью которой было нанести поражения сухопутным силам противника и захватить его крепости на Днестре, который и должен был стать новой границей между Россией и Турцией.

Столь же решительные цели в далеком Константинополе поставил перед своей армией новый султан — молодой племянник умершего Абдул-Хамида, воинственный Селим III. Визирь и капитан-паша получили отставку.

Бывший командующий флотом Газы Хасан-паша был направлен в Измаил, где сосредоточивался сильный корпус. Новый визирь Дженазе Хасан-паша, сменивший зачинщика войны Юсуф-пашу, готовился с главными силами наступать в стык союзных русской и австрийской армий. Именно здесь Потемкин поставил Суворова.

Непосредственным начальником Александра Васильевича оказался князь Николай Васильевич Репнин, человек известный в придворных, дипломатических и военных кругах. Внук петровского фельдмаршала и сын елизаветинского генерал-аншефа и придворного приходился племянником главе Коллегии иностранных дел графу Н.И. Панину, который поручил ему возглавить посольство в Польше. Он был лично знаком с Фридрихом Великим и являлся поклонником его военной системы. Лавры военачальника он заслужил, сражаясь с турками под знаменами Румянцева. За сражение при Ларге он одним из первых получил большой Георгиевский крест 2-й степени, отличился в генеральном сражении при Кагуле, а в кампанию 1771 года одержал решительную победу над турецким корпусом под Бухарестом, где его подчиненным был Потемкин. Фельдмаршал Румянцев заметил Репнину, что победу следует доканчивать энергичным преследованием разбитого врага. Князь счел выговор незаслуженным и, сославшись на болезнь, отпросился в отпуск, а вернулся в армию перед самым окончанием войны и от имени Румянцева вел переговоры о мире с турецкими уполномоченными. За привоз Кючук-Кайнарджийского мирного договора в Петербург он был пожалован в генерал-аншефы и снова отправился в армию, чтобы заменить тяжело заболевшего Румянцева. Репнин был послан в Константинополь в качестве главы дипломатической миссии для обмена ратификационными грамотами. В 1779 году он участвовал в качестве посредника в Тешенском конгрессе, остановившем австро-прусскую войну за баварское наследство. В 1781 году князь стал псковским генерал-губернатором, продолжая руководить Смоленским генерал-губернаторством. После начала войны Репнин прибыл в армию Потемкина осенью 1787 года, участвовал в очаковской осаде и победном штурме, фактически являясь заместителем главнокомандующего. Именно Репнин 27 июля 1788 года отдал приказ прикрывать отходившие в беспорядке суворовские части.

Разница в полководческих дарованиях Суворова и Репнина скоро стала очевидной. Первый, прибыв в Берлад, который он избрал своим «капиталем» (столицей), сразу приступил к обучению вверенных ему войск скорым маршам и наступательным действиям с использованием усиленных батальонных каре и кавалерии. Он располагал четырнадцатью батальонами пехоты (гренадеров, егерей и мушкетеров), двенадцатью эскадронами конницы (карабинеров), тремя казачьими полками и арнаутской командой из восьмисот местных жителей — всего около четырнадцати тысяч человек.

Казачьи и арнаутские разъезды получили приказ вести активную разведку. Была установлена тесная связь с австрийским корпусом принца Фридриха Саксен-Кобургского. Сохранилась недатированная записка Суворова на французском языке о боевом порядке и ведении боя против турок. Едва ли он собирался углубить знания своих подчиненных относительно противника, сильные и слабые стороны которого были им давно известны, да еще и путем составления записки-наставления на французском языке. Генерал-поручик Вильгельм фон Дерфельден, генерал-майоры князь Борис Шаховской и Александр Поздняков, бригадиры Степан Бурнашев, Фридрих (Федор) фон Вестфален, Федор Левашев и их офицеры были опытными воинами, к тому же они ежедневно общались со своим начальником, проводили под его руководством учения, занимались их разбором и устранением недостатков. Другое дело — союзники. Кампания минувшего года показала, что, несмотря на крупные силы, выставленные австрийцами против турок, они терпели серьезные неудачи. Их выстроенные в линии войска не выдерживали мощного удара конных масс. Записка предназначалась принцу Саксен-Кобургскому.

В ней Суворов ссылался на примеры прошлых боев и доказывал, что вместо малоподвижных, «тяжелых» многотысячных каре следует применять выстроенные в шахматном порядке батальонные каре, способные поддерживать друг друга перекрестным ружейным и пушечным огнем. Позади каре должна идти кавалерия, которая после удара пехоты («наступление, ярость, ужас. Изгнать слово ретирада») «тотчас через интервалы между каре рубит бегущих без пощады, не дает им времени опомниться или соединиться… Мы однажды преследовали 30 верст… После того как кавалерия хорошо порубила, [она] немного останавливается и перестраивает свои эскадроны. Гусары и другая легкая конница проходят через нее вперед, рубят остатки и дают пощаду… Надо уметь бить, а не царапать… не развлекаться мелкими стычками, наносить сильные удары, проходить массами через дефиле, атаковать стремительно, бить с быстротой». Александр Васильевич даже вычертил квадраты, изображающие каре, из которых во все стороны исходили тонкие лучики «крестных огней», и поместил позади пехотных каре прямоугольники, обозначающие конницу.

Принц Кобургский был на семь лет моложе Суворова, но чин генерала от кавалерии получил раньше и, следовательно, считался старшим. Однако несокрушимая воля соседа, а главное, его боевая репутация, умение побеждать с малыми силами численно превосходящего противника заставляли принца и его окружение прислушиваться к советам русского генерала.

Шестого июня Репнин донес Потемкину: «Несказанно мне прискорбно, что я не могу по сих пор исполнить повеления Вашей Светлости в отыскании нужных людей для получения известий о неприятеле… Писал я и к Александру Васильевичу, чтобы он приискал между своими арнаутами, нет ли охотников и способных к посылке за известиями… Беспрестанные дожди сделали грязь и затруднение в подвозах, однако уповаю по нынешнему годовому времени, что долго сие протянуться не может, а между тем, слава Богу, при полках еще на три недели хлеба есть».

Суворов действовал энергичнее своего начальника. 10 июня он донес о скоплении турок в нижней части Дуная, где ожидался сам визирь. Спустя неделю последовало новое сообщение: «Шпионы мои не возвращаются и паки посылаю. Разъезды мои за Серетом переговаривают с крестьянами, те объявляют о числе турецких войск почти сходно с иными показаниями. Слышно, что они хотят покушаться на австрийцев и на нас, когда сбудет вода из Серета». Через пять дней Суворов уточнил: «Лагерь турецкий, расположенный у Фокшан… против прежнего количества удвоился». Участились стычки передовых постов с партиями противника. Но обстановка оставалась неясной.

Показательно письмо Суворова Репнину от 9 июля.

«Желал бы и я, и тако ж говорю с полным чистосердечием, чтоб Ваше Сиятельство нашего общего начальника (Потемкина) теми военными подробностьми, что подвержены ежечасным местным переменам, по наклонению обстоятельств, без-покоить не изволили. В сих последних и в течение времени мы были согласны по правилам службы и моей к вам преданности… Форпост, где я был, близ 30 в[ерст]… от самого Берлада… от войск в[ерст] 16. Казачий п[икет] версты 2 ближе. Сей форпост тож самовремянное мое место и приличен для обозрения турецких лагерей». Он не отсиживался в базовом лагере в Бер-ладе, а находился на форпостах, чтобы лично оценивать меняющуюся обстановку и принимать соответствующие решения. Большим подспорьем для Суворова стал приказ главнокомандующего, чтобы «отнюдь перед собой не терпеть скопляющегося неприятеля и тотчас с помощию Божиею его атаковать».

Репнин сообщал Потемкину 15 июля: «Из рапорта моего с приложением сообщения от меня к Александр Василиевичу Суворову, сим утром отправленного, изволите увидеть, что я против воли и желания принужден был сделать. Но здесь не идет дело о занятии Фокшан, а о удержании Принца Кобурга, чтобы он назад не ушел, чрез что бы опровергнулась вся здешняя связь и со всем открылся наш зад».

Обнаружив большое скопление неприятеля, принц уведомил решительного соседа, что без его поддержки не сможет противостоять туркам. Сославшись на приказ Потемкина, Суворов добился у Репнина разрешения поддержать союзников. 16-го он выступил в поход, оставив для «прикрытия здешней дирекции» четверть своих и без того небольших сил. Имея восемь тысяч пехоты и конницы, он шел с полной уверенностью в успехе, обещая Репнину «с помощию Божиею кончить дело» и вернуться «в свои пункты». Пройдя по кратчайшей, но трудной дороге полсотни верст за 28 часов, корпус Суворова соединился с австрийцами. Их общие силы насчитывали не более 25 тысяч человек, а противостояли им 30 тысяч турок под командованием Осман-паши.

Принц, изумленный скорым маршем суворовских войск, хотел лично приветствовать их предводителя и обсудить с ним план действий. Согласно достоверному преданию Суворов трижды уклонялся от встречи. Адъютанты ссылались на то, что их командир устал, молится, спит. 18июля за час до полуночи Кобург получил написанную по-французски записку: войска выступают в два часа ночи тремя колоннами. Среднюю составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влево. На заре прибыть к реке Путна, перейти ее и продолжить наступление. Конец записки был просто невероятен для методичных и нерешительных австрийцев: «Говорят, что турок перед нами тысяч пятьдесят, а другие пятьдесят — дальше. Жаль, что они не все вместе, лучше бы было покончить с ними разом».

Поскольку Суворов уступал принцу в старшинстве, последний имел право на общее руководство. Ситуация напоминала давнюю историю с Каменским. Годы спустя, во время Итальянского похода, Александр Васильевич объяснил нежелание встретиться с принцем: «Мы бы всё время провели в прениях дипломатических, тактических, энигматических; меня бы загоняли, а неприятель решил бы наш спор, разбив тактиков».

Приемы борьбы с конными массами противника уже были усвоены австрийцами. Надо было действовать. Суворов не оставил Кобургу времени на размышления и колебания, взял руководство и ответственность на себя, внушив союзникам и их командующему уверенность в победе. Умный и покладистый принц благоразумно подчинился воле опытного и решительного соседа.

Ночью 20 июля союзники двинулись вперед к Фокшанам. Движение русской колонны проводилось скрытно (отдыхали в лощинах) и прикрывалось австрийской конницей полковника Карачая. Безусловно, союзники намеревались поразить противника внезапностью появления войск Суворова.

Завязавшиеся кавалерийские схватки не воспрепятствовали переправе через Путну, вздувшуюся после сильного дождя. Суворов постоянно был в авангарде. С большим уроном противник был прогнан, переправа прошла успешно. 21 июля союзники повели наступление на главный турецкий лагерь при Фокшанах. Конные атаки во фронт и фланги наступавших были отбиты огнем и штыками пехотных каре. Энергичная атака на укрепленный лагерь решила исход сражения: лагерь был взят, противник обращен в бегство. Конница его преследовала. Слаженные действия артиллерии и пехоты положили быстрый конец попыткам янычар удержаться в укрепленном монастыре. Во время штурма взорвался пороховой погреб. Несколько офицеров пострадали. Сам принц едва уберегся от обломка стены. Вскоре был взят второй монастырь. Турки бежали, бросая повозки, скот. В захваченном лагере победителям достались большие запасы продовольствия, 12 пушек и 16 знамен. В сравнении с потерями противника (1500 убитых, около сотни пленных, множество разбежавшихся) потери союзников за десять часов упорного боя были невелики — около 350 человек убитыми и ранеными.

Когда всё было кончено, Суворов и Кобург сердечно обнялись. Их примеру последовали подчиненные. Все поздравляли друг друга с победой. Александр Васильевич особенно хвалил Карачая и расцеловал храброго венгра. Походный обед, устроенный принцем, завершил торжество. Даже дележ трофеев не вызвал разногласий. Популярный анекдот о том, как возникший спор о дележе захваченных орудий Суворов пресек словами: «Отдайте, мы себе достанем, а им где взять?!» — следует признать вымыслом. Добрые отношения были спаяны кровью. Союзникам предстояли новые испытания. Оставив австрийцам захваченные у турок продовольственные склады, Суворов повел свой корпус обратно в Берлад.

Отметим небольшую подробность, характеризующую полководца. В конце напряженного дня, полного борьбы и опасностей, он находит время для письма дочери. «Моя любезная сестрица! Поцелуй за меня моих приятельниц и ручку Софье Ивановне, — начинает он по-французски и сразу переходит на русский: — В Ильин и на другой день мы были в Rufectoire с турками. Ай да ох! Как же мы потчевались! Играли, бросали свинцовым большим горохом да железными кеглями в твою голову величины; у нас были такие длинные булавки, да ножницы кривые и прямые: рука не попадайся, тотчас отрежут, хоть голову. Ну, полно с тебя, заврались! Кончилось иллюминацией), фейерверком… С Festin турки ушли, ой далеко! Богу молиться по-своему, и только; больше нет ничего. Прости, душа моя. Христос Спаситель с тобою».

В тот же день, 21 июля, Репнин, еще не зная о победе, поспешил сообщить Потемкину: «С двумя курьерами писал к Александр Василиевичу, чтобы он как можно скорее возвращался после дела, не задерживаясь ничем и не занимаясь преследованием неприятеля». И тут прискакал посыльный с донесением Суворова: «Мы здесь одержали победу! Легко ранены бригадиры Левашев, Вестфален, подполковник артиллерии Воейков, Хастатов; и протчей урон мал. От австрийцев убит полковник Граф Ауерсберг. Взяли несколько пушек и знамен, о чем впредь подробнее объясню».

Князь не мог скрыть изумления. «Поздравляю всепокорнейше с сей победой, — писал он Потемкину. — Скоро там дело идет. Александр Василиевич бьет, как громовые стрелы. Боже продли свою милость над Вами, над всеми Вашими делами и подчиненными».

Главнокомандующий, предоставляя своим генералам широкую свободу действий, не выпускал из рук управление ходом кампании и твердо поддерживал дисциплину. Так, 31 июля он выговорил самому победителю: «До сих пор я не имею обстоятельного рапорта о деле Фокшанском. Я не знаю, в каких силах был неприятель, под чьим начальством, как происходило сражение и куда бегство свое побежденные направили. Вашему Высокопревосходительству предписываю поспешить доставлением ко мне онаго и дать при этом знать, какая причина, что ни ко мне, ни к Господину Генерал Аншефу и Кавалеру Репнину не прислали сего подробного донесения». Однако он сразу безошибочно оценил роль в победе Суворова и его войск. Назначая Александра Васильевича на крайний правый фланг армии, он знал, что при взаимодействии союзников часто возникают сложности, но был уверен, что «его друг сердешный» найдет нужный тон с методичным и нерешительным принцем Саксен-Кобургским. Получив 31 июля от Репнина копию поздравления, направленного им австрийцу, он в тот же день выговорил осторожному начальнику Суворова: «В письме к Кобургу Вы, некоторым образом, весь успех ему отдаете. Разве так было? А иначе не нужно их так поднимать, и без того они довольно горды».

Впрочем, австрийцы признавали, что победой обязаны Суворову, которого Кобург (правда, позже, после Рымника) стал называть «своим великим другом и учителем». По приказу Потемкина победа была торжественно отмечена всей армией. Солдаты получили денежную награду, многие офицеры повышены в чинах. Сам Александр Васильевич был награжден знаками особого отличия — бриллиантовыми украшениями к звезде и кресту ордена Святого Андрея Первозванного. Император Иосиф прислал ему любезное письмо и дорогую табакерку со своим портретом. Российская императрица ответила такой же наградой Кобургу. От своего монарха принц получил высшее отличие за боевые заслуги — орден Марии Терезии 1-й степени.

Результаты фокшанской победы имели большое военно-политическое значение. «Это зажмет рот тем, кои разсеивали, что мы с союзниками не в согласии», — записал в своем дневнике слова Екатерины ее статссекретарь Храповицкий.

Основные события разыгрались осенью. Визирь задумал решительную операцию с целью навязать русской армии генеральное сражение в невыгодных для нее условиях. Турки предприняли наступление двумя группировками. Первая, численностью до 30 тысяч, под командованием Газы Хасана двинулась от Измаила на север вдоль реки Прут, чтобы отвлечь на себя часть русских сил. Сам визирь с огромной армией (до 80 тысяч) двинулся к местечку Рымник, неподалеку от которого стоял корпус принца Саксен-Кобургского. Визирь намеревался разгромить австрийцев до подхода Суворова, стоявшего в 100 километрах восточнее, в Берладе, а затем, смяв маленький суворовский корпус (около 10 тысяч человек), выйти на тылы главных русских сил. Потемкин носился между Херсоном, Очаковом, Каушанами: побуждал флот к активным действиям, продвигал корпуса за Днестр и к Хаджибею на черноморском побережье, сосредоточивал крупные силы, которые могли быстро подкрепить и Репнина, и Суворова.

Маневр корпуса Газы Хасана был замечен русской разведкой. Потемкин приказал Репнину атаковать. Суворов также получил приказ: «Естьли бы где в Вашей дирекции неприятель оказался, то, Божию испрося милость, атакуйте, не дав скопляться».

Движение огромной главной армии турок было проведено с большим искусством. Суворовские передовые разъезды не смогли ее обнаружить. Австрийцы заметили противника лишь тогда, когда он находился от них значительно ближе, чем Суворов.

Шестого сентября австрийский курьер прискакал в Главную квартиру Суворова при Пуценях с тревожным сообщением: крупные турецкие силы идут на сближение. Желая удостовериться в точности этих сведений, русский полководец выждал день. Был канун Рождества Богородицы. «7 сентября, в воскресенье, Генерал Суворов и несколько офицеров, в том числе и я, были в церкви, — вспоминал секунд-майор Черниговского карабинерного полка Рейнгольд (Родион) фон Каульбарс. — Старик Суворов по своему обыкновению стоял посреди певчих. В начале богослужения прибыл австрийский курьер, если не ошибаюсь… граф Траутмансдорф. Он просил, чтобы Граф Суворов его немедленно принял. Можно себе представить удивление курьера, когда дежурный майор Курис объявил ему, что надо обождать конца службы и представиться Графу при его выходе из церкви. Когда Граф по окончании служения вышел из церкви и ему представили курьера, он приказал прочесть ему привезенное курьером письмо и ответил по-русски: "Хорошо. Вечером поход"».

В девять часов вечера Суворов приказал начать марш, кратко сообщив Потемкину: «От Принца Кобурга полученное мною письмо Вашей Светлости прилагаю, по которому немедленно выступил я чрез Текуч к Фокшанам, на понтоны, при Фурчени… устроенные». Сам он заблаговременно продвинул свой корпус из Берлада в Пуцени, ближе к австрийским войскам, но всё же опасался, как бы турки его не упредили.

Начиналась решающая фаза кампании. В тот же день кавалерийский авангард во встречном бою при реке Сальча разбил авангард Газы Хасана. Турки стали поспешно отходить к Измаилу. Потемкин приказал преследовать неприятеля и, если позволит обстановка, овладеть крепостью. Отправляя 10 сентября донесение Екатерине о победе при Сальче, главнокомандующий писал: «Сие дело меня разрешило итить, и я завтре выхожу очищать всё вне крепостей стоящее… Жду теперь от флота и от корпуса к Хаджи-бею посланного; но больше всего меня беспокоит цесарский корпус. Кобурх почти караул кричит. Суворов к нему пошел, но естли правда, что так неприятель близко, то не успеют наши притить».

Под проливным дождем по размытым дорогам суворовский корпус подошел к понтонному мосту, наведенному австрийцами через Серeет. Вздувшаяся вода его повредила, и пехота была вынуждена остановиться. По приказу Суворова дежурный майор Курис всю ночь занимался починкой моста. «Тяжела была ночь с 8 на 9 сентября для войск, а для самого Суворова и того хуже, — замечает А.Ф. Петрушевский. — При своей энергической, бурной натуре он испытывал Танталову муку, сидя сложа руки на месте, когда нужно было идти и идти. Нарочно для сокращения пути… перешел он из Берлада в Пуцени и оттуда внимательно следил за турками, а между тем потерял целые сутки, когда спешность именно и требовалась… Суворов, ценивший в военном деле время выше всего, больше всякого другого понимал важность потери. Но в этом обстоятельстве заключалась и надежда: у Суворова двойника не было, а взгляд других (на драгоценность времени. — В. Л.), особенно турок, не отличался такой строгостью… Кобург беспрестанно посылал к Суворову гонцов с записочками, на которых Суворов писал ответы карандашом; извещения… ничего существенно-тревожного не предвещали: турки очевидно не торопились. Суворов мог под конец успокоиться совершенно, но что он достиг этого после сильной внутренней тревоги… подкрепляется одним обстоятельством. Находясь в Пуцени, он страдал лихорадкой, поход к Рымнику делал при самых неблагоприятных для развития болезни условиях, а между тем совершенно выздоровел. Такой неожиданный исход может быть объяснен только психическими причинами».

За двое с половиной суток суворовские чудо-богатыри прошли 100 верст и в десять часов утра 10 сентября соединились с союзниками. «На другое утро мы уже достигли Фокшан, где австрийцы, мужчины и женщины, встретили нас возгласами: "Слава Богу, русские идут, мы спасены"», — вспоминал Каульбарс.

Быстрота марша казалась невероятной и союзникам, и врагам. Визирь, согласно преданию, повесил «за ложные слухи» своего шпиона, донесшего о прибытии Суворова. По другой версии, русский офицер вместе с несколькими казаками был захвачен турками и на допросе у визиря показал, что Суворов с корпусом уже здесь. Визирь заметил, что Суворов умер от ран, полученных при Кинбурне, а это, должно быть, его однофамилец.

Записка Кобургу свидетельствует, что Александр Васильевич спешил использовать фактор внезапности: «Я пришел и, чтобы доказать это туркам, хочу напасть на них немедленно по прибытии». С учетом подошедшего корпуса русских (7—8 тысяч) союзные силы насчитывали не более 25 тысяч, у визиря же было около 80 тысяч.

Петрушевский достоверно и психологически тонко описал встречу и переговоры командующих союзными корпусами: «Приехал к нему принц Кобургский; услышав имя принца, Суворов вскочил, бросился ему навстречу, крепко его обнял и несколько раз поцеловал. Принц стал выражать ему свою радость, свою благодарность за своевременное прибытие. Суворов, не охотник вообще до комплиментов и до траты слов, когда ожидало спешное дело, не слушая Кобурга… принялся объяснять свои предположения. Он настаивал на необходимости безотлагательной атаки, потому что если турки сами не атакуют, то, значит, поджидают подкреплений. Кобург заметил, что силы слишком неравны, что турок почти вчетверо больше и атака будет рискованной. Суворов возразил, что при таком неравенстве сил только быстрая смелая атака и обещает успех… наконец, прибавил с усмешкою: "Все же их не столько, чтобы заслонить нам солнце"» .

Принц Кобургский отговаривал Суворова от, как ему казалось, поспешных действий, ссылаясь на то, что русские войска изнурены марш-броском, а неприятельские позиции сильно укреплены. В конце концов Суворов раздраженно сказал, что если австрияк не разделяет его мнения, то он атакует турок одними своими войсками и надеется их разбить. Поскольку была затронута военная честь, принц счел за лучшее согласиться.

«Не стоит, — пишет Петрушевский, — вдаваться в предположение — исполнил ли бы Суворов вырвавшееся у него слово или нет, но ясно, что он прибегнул к своей угрозе как к последнему средству. Перед ним находился представитель тогдашнего, низко упавшего военного искусства, совершенно расходившегося с суворовскими принципами. Дело, которое Суворов строил на духовной натуре человека и обставлял целою воспитательною системой, понималось другими в виде какого-то графического искусства, требовавшего кучи механических подробностей, то есть, дрессировки. При такой основной разнице взглядов, возможно ли было свободное соглашение и не следовало ли разрубить Гордиев узел вместо его развязывания? Атака турецких позиций, таким образом, была решена».

Во время рекогносцировки (пришлось взобраться на дерево) Суворов обнаружил турецкие силы разбросанными по трем группировкам, что давало возможность бить их по частям. Полководец чувствовал, что пробил его час. Составленная им диспозиция пронизана уверенностью в успехе:

«Начинать малым лагерем, потом на большой. Построясь ордером баталии, вмиг перешед Рымну, идти храбро, атаковать при Тырго-Кукули или всех встречающихся варваров лагери. Один за другим. До конца… Боже, пособи!

Прежние сигналы: "Иосиф", "Екатерина".

Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня».

Ночью 11 сентября австрийцы и русские совершили скрытный марш (12—14 верст), перешли вброд неширокую и неглубокую Рымну и на рассвете двинулись в атаку. Кобург наступал на большой турецкий лагерь впереди Крынгумейлорского леса. Левее под прямым углом шел Суворов. Его целью был ближайший лагерь турок при селе Тыргокукули, защищенный батареей. Как и при Фокшанах, пехота образовала каре, выстроенные в шахматном порядке. За пехотой шла конница, она же прикрывала фланги. Связь между корпусами поддерживал произведенный за Фокшаны в генерал-майоры Андрей Карачай со своими кавалеристами.

Внезапное появление перед противником, замечательно быстрое маневрирование, точность и быстрота распоряжений Суворова, неотразимые штыковые удары его пехоты, принявшей на себя основную тяжесть битвы, сразу обозначили успех. Очевидец, австрийский офицер, свидетельствовал:

«Как ни хороши наши люди, но русские еще превосходят их в некоторых отношениях. Почти невероятно то, что о них рассказывают. Нет меры их повиновению, верности, решимости и храбрости. К этому еще присоединяется крайне воздержанный образ жизни этих людей. Непостижимо, какою пищею и в каком малом количестве питается русский солдат и как легко он переносит, если не получает оной целый день. Это не мешает ему идти 12 или 14 часов сряду и, кроме того, переносить всякую невзгоду без ропота.

Пехота главным образом составляет силу русской армии… Она всегда чисто и щегольски одета и даже, можно сказать, убрана. Когда она идет против неприятеля, то одета щеголеватее, чем наши войска на плац-параде. У каждого солдата галстух и манжеты чисто вымыты и каждый из них смотрит щеголем. Но при атаке он снова вполне делается скифом. Они стоят, как стена, и всё должно пасть пред ними. Атака малого лагеря 22 сентября (11 сентября по юлианскому календарю. — В. Л.), которую Генерал Суворов выпросил произвести со своими войсками, была произведена с ужасным, диким хохотом, каким смеются Клопштоковы черти. Слышать, как такой хохот подняли 7000 человек, было делом до того новым и неожиданным, что наши войска смутились, однако вскоре снова пришли в себя и с криками "Виват Кобург!" и затем "Виват Иосиф!" двинулись против турок».

Оставим на совести австрийца оговорку насчет Суворова, «выпросившего» атаку. Полководец лично вел свои каре на лагерь у Тыргокукули, прикрытый сильной батареей. Неожиданно перед ними оказалась лощина. Под сильным артиллерийским огнем первая линия замялась. Суворов приказал правому крылу спуститься, потом подняться и атаковать. Именно в этот решающий момент Александр Васильевич бросил своим чудо-богатырям какую-то едкую солдатскую прибаутку. Ответом стал громовой хохот, напомнивший австрийцу хохот чертей из драмы популярного поэта Фридриха Клопштока. Батарея была взята. Атака турецкой кавалерии, сумевшей опрокинуть русскую, была отбита пехотой, артиллерий и воспрянувшей конницей. Лагерь был взят, противник бежал за лес и по бухарестской дороге. «Я велел… дать золотой мост, — писал Суворов в подробной реляции. — Дирекция моя была важнее сего». «Дирекцией» было оказание поддержки австрийцам, которые в течение двух часов храбро отражали массированные атаки двадцатитысячной турецкой конницы, подкрепляемой янычарами и арапами из главного лагеря.

Оттуда же пять-шесть тысяч человек наскочили на одно из каре наступавших русских войск. Суворов приказал соседнему каре поддержать атакованных. В ходе часового боя огнем и штыками неприятель был отбит, а русско-австрийская конница довершила разгром. Как сказано в реляции, Кобург с трудом сдерживал атаки, «паче его левое крыло», окруженное со всех сторон. «По 3-х верстах марша, — докладывал Суворов, — виден нам стал ретраншемент под лесом Крынгу-Мейлор. Тотчас я приказал карабинерам и на их фланге гусарам стать посреди кареев (каре. — В. Л.) 1-й линии и сим дать интервал… я послал дежурного полковника Золотухина просить Принца Кобурга, чтоб приказал его кареям бить сильно вперед, что сей герой тотчас в действо произвел… Сия пространная страшная линия, мечущая непрерывно с ее крыл из кареев крестные, смертоносные перуны… пустилась быстро в атаку. Не можно довольно описать сего приятного зрелища, как наша кавалерия перескочила их невозвышенный ретраншемент и первый полк Стародубовский, при его храбром полковнике Миклашевском, врубясь, одержал начальные четыре орудия и нещетно неверных даже в самом лесу рубили всюду».

Участник кавалерийской атаки Каульбарс оставил выразительные подробности сражения: «Когда мы атаковали турок в большом лесу, Генерал Суворов подъехал ко мне со словами: "Обрадуй меня, атакуй еще раз!" Я, конечно, бросился, но настичь отступавшего противника мы уже не могли. Тем не менее, Суворов всё время скакал рядом с нами, крича: "Хорошо, хорошо, вперед, вперед!"».

Укрепленный турецкий лагерь был взят конницей, опередившей уставшую пехоту, — случай настолько редкий в военной истории, что Суворов несколько раз с восхищением описывал его. Толпы турок бежали к главному лагерю, пытались укрыться в лесу, но всё было тщетно. В продиктованной победителем реляции читаем:

«Мы прервали погоню на Рыбницкой черте (реке Рымник. — В. Л.). Речку сию увидели загруженную тысячами амуничных и иных повозок и утопшими сотнями трупов и скотины.

Во время баталии Верховный визирь особою своею под лесом Крынгу-Мейлор обретался. Когда оттуда изгнали его войско, поехал он на рыбницкий лагерь и, останавливаясь неоднократно, при молитве возвышал алкоран и увещевал им бегущих сражение обновить, но они его слушать не хотели, отвечая, что стоять не могут. По прибытии его в лагерь учинил он на своих выстрелов пушечных до 10 без успеха и после того поспешно отъехал по Браиловской дороге.

Неприятеля на месте убито более 5000. Знаки победы: 100 знамен, мортир 6, пушек осадных 7, полевых… 67 с их ящиками и амуничными фурами, несколько тысяч повозок с припасами и вещьми, множество лошадей, буйволов, верблюдов, мулов и иной добычи и от трех лагерей палатки».

Энергичное преследование довершило разгром. На другой день был взят и лагерь за Рымником. В реляции сказано: «Армия турецкая бежала до речки Бузео. Достигши оной в разлитии ее, Великий визирь с передовыми переехал мост на правый берег и его поднял. Турецкая конница от трепета бросилась вплавь и тысячами тонула. Оставшая на левом берегу конница и пехота рассеялись во все стороны без остатку… На сем берегу лежало множество раненых, умерших и умирающих. Визирь ныне в Браилове. Смерть пожрала из армии его 10 000 человек». Потери суворовского корпуса, согласно реляции, составили 45 убитых, 29 раненных тяжело и 104 — легко. «Цесарской урон немногим превосходнее нашего», — прибавляет Суворов. Военные историки считают эти цифры заниженными. Но совершенно очевидно — победа над главной турецкой армией была достигнута малой кровью.

В то время как на берегах Рымника решалась судьба кампании, Репнин, приблизившись к Измаилу, обстрелял крепость из пушек, но на штурм не решился. Как доносил сам князь, его войска с развернутыми знаменами и музыкой отступили. Между тем в крепости находились немногочисленные и деморализованные силы противника. Измаил еще не был так основательно укреплен, как год спустя, когда Суворову пришлось брать его штурмом.

Успешно шли дела в других местах. 13 сентября турки были разбиты под Каушанами. Потемкин лично принял участие в бою. 14-го по его приказу Гудович и Рибас взяли Хаджибейский замок, на месте которого после окончания войны начнет строиться красавица Одесса.Развивая выдающийся успех Суворова, главнокомандующий блокировал сильную турецкую крепость Аккерман (современный Белгород-Днестровский) и 30 сентября принудил гарнизон к капитуляции. Затем русские войска обложили хорошо укрепленные Бендеры, и 4 ноября эта сильнейшая крепость сдалась без единого выстрела. Ободрились и союзники. Старый фельдмаршал Лаудон на Дунае взял Белград. Десятитысячный турецкий корпус потерпел поражение в Баннате. Принц Кобургский занял Бухарест.

«Ну, матушка, сбылось ли по моему плану? — писал 9 ноября Потемкин. — Неприятель с визирем оттянут был весь почти в нужную часть Дуная. Противу цесарских безделица оставалась. Из прилагаемой ведомости изволишь увидеть, во всю кампанию, что мы потеряли и цесарцы — за пять тысяч».

Получив известие о рымникской победе, главнокомандующий не мог сдержать чувств: «Объемлю тебя лобызанием искренним и крупными словами свидетельствую мою благодарность. Ты, мой друг любезный, неутомимой своею ревностию возбуждаешь во мне желание иметь тебя повсеместно… Будь уверен, что в полной мере прославлю Вашу ревность, храбрость и труды, и прошу, дай мне подробно о всём. Я рад, воздам щедрою рукою». Только имея перед собой это письмо, можно понять ответ Суворова, посланный 18 сентября из местечка Текуч: «Между протчим 16 лет. Близ 200 000. Воззрите на статуты милосердным оком… Был бы я между Цинциннатом и репным Фабрицием, но в общем виде та простота давно на небесах. Сей глуп, тот совести чужд, оный между ими. Хотя редки, токмо есть Леониды, Аристиды, Эпаминонды. Нек-кер хорош для кабинета, Демостен для катедры, Тюренн в поле. Дайте дорогу моему простодушию, я буду вдвое лутче, естество мною правит. Драгоценное письмо Ваше цалую!»

Не письмо, а целая поэма в прозе. Завидна эрудиция Александра Васильевича — от Леонида и Демосфена до Тюренна и Неккера. И всё же о чем он просит Потемкина: «Дайте дорогу моему простодушию»? На какие статуты должен воззреть светлейший милосердным оком?

Да, он был честолюбив, этот страстный человек, посвятивший себя любимому призванию. Он смело сравнивал себя с великими полководцами Древней Греции, ибо сознавал, что Рымник — настоящая, искусная, а потому вдвойне славная победа. И он хотел, чтобы этот подвиг был оценен по достоинству. По его убеждению, «человек, совершивший великие дела, должен говорить о них часто, чтобы возбуждать честолюбие и соревнование своих слушателей». «А титлы мне не для меня, — прибавляет Суворов, — но для публики потребны».

Так неужели он должен уподобиться Цинциннату или Фабрицию — знаменитым римским полководцам, смиренно предававшимся после ратных подвигов трудам и утехам мирной сельской жизни (первый, по преданию, ходил за сохой, второй сажал репу)? Нет, «та простота давно на небесах». Суворов признаётся в своем сокровенном желании: за 16 лет, что он воюет против турок, он по праву и по чести заслужил высшую боевую награду русской армии — орден Святого Георгия 1-й степени!

За 20 лет, прошедших со дня основания императрицей Екатериной этого военного ордена, только пять человек были удостоены Святого Георгия 1-й степени: Румянцев, Алексей Орлов, Панин, Долгоруков — все за победы в первой Русско-турецкой войне. Потемкин получил свой крест за взятие Очакова. Шестым кавалером стал Суворов. Император Иосиф 29 сентября (9 октября) обратился к Суворову с рескриптом:

«Господин Генерал-Аншеф! Вы сами легко поймете, как приятно Мне было получить известие об одержанной 22 сентября победе над Великим визирем при реке Рымник. Я вполне признаю, что ею я особенно обязан Вашему быстрому соединению с корпусом Принца Кобургского, как и Вашей личной храбрости и геройскому мужеству войск, состоящих под Вашим начальством.

Примите как всенародный знак Моей благодарности диплом на Имперское Графское достоинство, у сего приложенный. Я желаю, чтобы чрез него потомство Ваше незабвенно вспоминало о сем славном деле, и я не сомневаюсь, чтобы по дружбе ко мне и по благоволению, которое Вы заслуживаете, Ее Императорское Величество не позволила Вам принять сей диплом и оный употребить».

Потемкин упредил императора. «Скоро пришлю подробную реляцию о суворовском деле, — писал он Екатерине 22 сентября. — Ей, матушка, он заслуживает Вашу милость и дело важное. Я думаю, что бы ему, но не придумаю; Петр Великий графами за ничто жаловал. Коли бы его с придатком Рымникский? Баталия была на сей реке».

Храповицкий заносит в дневник 25 сентября: «Подполковник Николай Александрович Зубов приехал курьером, с победой над Визирем, 11-го сентября на реке Рымнике одержанной Суворовым и Принцем Кобургским. Веселы… О победе всем рассказывали с удовольствием… Велено Вице-Канцлеру сообщить об оном всем нашим Министрам с уверением, что, не взирая на победы, согласны принять мирные предложения». 3 октября следует запись: «Пожалованы: Суворов Графом Рымникским, Платон Александрович Зубов в Корнеты Кавалергардов и в Генерал-Маиоры». Еще через три недели: «Курьер от Суворова. Бендеры окружены. В бывших сражениях Кобург его во всём слушался, а он всё делал. Ему 1-й степени Георгия». Но даже хорошо осведомленный статссекретарь императрицы не знает, что эти награждения предложены Потемкиным.

Целых три письма Екатерины, адресованные светлейшему князю, датированы 18 октября. В двух говорится, что подробная реляция о выигранной Суворовым и принцем баталии еще не привезена. «Постарайся, мой друг, — прибавляет императрица, — зделать полезный мир с турками, тогда хлопоты многие исчезнут и будем почтительны; после нынешней твоей кампании сего ожидать можем… Александру Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет. А что тунеядцев много, то правда. Я давно сего мнения». Екатерина советуется о смене командования войсками, действующими в Финляндии против шведов: уже две кампании потеряны, граф В.П. Мусин-Пушкин не справился, нужен другой решительный генерал, но не граф И.П. Салтыков, которого Потемкин отзывает с Кавказа и который, по словам императрицы, «упрям и глуп».

И вдруг — разительная перемена. «Третье письмо, мой друг сердечный, сегодня я к тебе пишу: по написании двух первых приехал Золотухин и привез твои письмы от 5 октября… К Графу Суворову, хотя целая телега с бриллиантами уже накладена, однако кавалерию Егорья большого креста посылаю по твоей прозьбе: он того достоин».

Что же так обрадовало императрицу? Официальное донесение Потемкина давно опубликовано. Вот его начало: «Всемилостивейшая Государыня! Об одержанной союзными и Императорскими войсками над верховным визирем при речке Рымник 11-го минувшего сентября победе присланное ко мне от Генерала Суворова обстоятельное донесение с планом баталии имею счастие всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству чрез полковника Золотухина, который, быв при нем дежурным, может подробно донести Вашему Величеству, колико ознаменовал себя в тот день Господин Суворов. Его искусством и храбростию приобретена победа…»

Но были еще личные письма. Предлагаем читателю самому оценить письма Потемкина императрице, большая часть которых только недавно введена нами в научный оборот. 2 октября Потемкин сообщал:

«Естли бы не Суворов, то бы цесарцы были на голову разбиты. Турки побиты русским имянем. Цесарцы уже бежали, потеряв пушки, но Суворов поспел и спас. Вот уже в другой раз их выручает, а спасиба мало. Но требуют, чтоб я Суворова с корпусом совсем к ним присоединил и чтобы так с ними заливать в Валахию. Нашим успехам не весьма радуются, а хотят нашею кровию доставить земли, а мы чтоб пользовались воздухом.

Будь, матушка, уверена, что они в тягость… Матушка родная, будьте милостивы к Александру Васильевичу. Храбрость его превосходит вероятность. Разбить визиря дело важное.

Окажи ему милость и тем посрами тунеядцев генералов, из которых многие не стоят того жалования, что получают. Завтре отправляю курьера с подробным описанием визирского дела».

Через день в Петербург летит новое письмо:

«Сей час получил, что Кобург пожалован фельдмаршалом, а всё дело было Александра Васильевича. Слава Ваша, честь оружия и справедливость требуют знаменитого для него воздаяния, как по праву ему принадлежащего, так и для того, чтоб толь знатное и важное дело не приписалось другим. Он, ежели и не главный командир, но дело Генеральное; разбит визирь с Главной Армией. Цесарцы были бы побиты, коли б не Александр Васильевич. И статут Военного ордена весь в его пользу Он на выручку союзных обратился стремительно, поспел, помог и разбил. Дело всё ему принадлежит, как я и прежде доносил. Вот и письмо Кобурхово, и реляция. Не дайте, матушка, ему уныть, ободрите его и тем зделаете уразу генералам, кои служат вяло. Суворов один.

Я, между неограниченными обязанностями Вам, считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня. Сколько бы генералов, услыша о многочисленном неприятеле, пошли с оглядкою и медленно, как черепаха, то он летел орлом с горстию людей. Визирь и многочисленное войско было ему стремительным побеждением. Он у меня в запасе при случае пустить туда, где и Султан дрогнет!»

Князь точно выразил суть: «Суворов один!» Вот достойная отповедь позднейшим вымыслам о зависти и вражде главнокомандующего к своему подчиненному!

Потемкин, сделав императрице представление о достойном награждении рымникского победителя, подкрепил его обращением к главному докладчику Екатерины графу Безбородко: «Кобург пожалован фельдмаршалом зато, что Суворов его вынес на своих плечах, уже цесарцы бежали. Я просил об нем, честь оружия требует ознаменить его подвиг».

О том, что награждение Суворова вызвало бурю эмоций в чиновных кругах столицы, свидетельствует Михаил Горновский, доверенное лицо Потемкина в Петербурге: «Многие здесь, однако же одни только чиновники, завидуют ему, почитая успехи Александра Васильевича произшедшими от счастия, а не от распоряжения его. Но Государыня уважила об нем рекомендацию Вашей Светлости столько же, сколько и службу его».

Восемнадцатого октября императрица посылает рескрипт «Нашему Генералу Графу Суворову-Рымникскому» о пожаловании его кавалером ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия Большого креста 1-й степени.

Третьего ноября Суворов пишет дочери: «Ай да любезная сестрица. Целую ручки почтеннейшей Софье Ивановне. Она твоя матушка. Почтительнейше и благоговейно приветствую моих любезнейших сестриц… Сестрицы, приезжайте ко мне, есть чем подчевать: и гривенники, и червонцы есть. Что хорошего, душа моя сестрица? Мне очень тошно: я уж от тебя и не помню, когда писем не видал. Мне теперь досуг, я бы их читать стал. Знаешь, что ты мне мила; полетел бы в Смольный тебя посмотреть, да крыльев нет. Куда, право, какая. Еще тебе ждать 16 месяцев, а там пойдешь домой. А как же долго! Нет, уже не долго. Привози сама гостинцу, а я для тебя сделаю бал… Прощай, моя любезная Графиня Суворочка».

В этот самый день Потемкин, занятый переговорами о капитуляции Бендер, пересылает Суворову рескрипт императрицы и награды, сопровождая их своими поздравлениями:

«Милостивый Государь мой Граф Александр Васильевич! Неустрашимость Ваша и искусство в предводительствовании войсками, ознаменованные в сражении Рымникском, где совершенная над Великим Визирем одержана победа, доставили Вам право к получению Первой степени Военного ордена Святаго Великомученика и Победоносца Георгия. Ея Императорское Величество благоволила воздать сию справедливость заслугам Вашим, и я, с особливым удовольствием препровождая к Вам Высочайшую Ея Императорского Величества грамоту с знаками ордена, предвижу ревностное рвение, с которым Ваше Сиятельство устремитесь на новые подвиги к службе Ея Императорского Величества и пользе Отечества».

Второе письмо, сообщавшее о пересылке алмазных знаков к кресту и звезде ордена Святого Андрея Первозванного, пожалованных Суворову за фокшанскую победу, как и первое, относится к разряду официальных. Но было и третье, личное послание главнокомандующего:

«Я с удовольствием сердечным препровождаю Вам, мой любезный друг, милости Монаршие. Вы, конечно, во всякое б время равно приобрели славу и победы. Но не всякий начальник с равным мне удовольствием сообщил бы Вам воздание. Скажи, Граф Александр Васильевич! что я добрый человек. Таким я буду всегда.

Бендеры, когда Богу угодно, завтре будут наши. О! как трудно улаживать с тремя пашами и всеми трехбунчужными.

Прощай, Милостивый Государь, я во всю жизнь верный друг и слуга Князь Потемкин Таврический.

Еще будет Вам и шпага богатая».

Восьмого ноября Суворов поблагодарил императрицу за «неограниченные, неожидаемые и незаслуженные милосердия» и заявил, что он «ныне, паки нововербованный рекрут», готов всем пожертвовать ради службы: «Когда пределом Божи-им случитца мне разстаться с ею и моею Матерью, Матерью отечества, у меня кроме Бога и великия Екатерины, нет! И простите, Ваше Величество, посредник сближения моего к нижним степеням Высочайшего престола Вашего — великодушный мой начальник, Великий муж, Князь Григорий Александрович! Да процветает славнейший век царствования Вашего в наипозднейшие времена!»

Светлейшему князю он официально выразил признательность — сдержанно и с большим достоинством. Но был, не мог не быть ответ на личное послание Потемкина. К сожалению, он не сохранился. Какими же словами Суворов выразил свою признательность своему покровителю, если в порыве восторга писал правителю его канцелярии Попову: «Насилу вижу свет от источника радостных слез. Могу ли себе вообразить? Верить ли? …Долгий век Князю Григорию Александровичу! Увенчай его Господь Бог лаврами, славою. Великой Екатерины верноподданные, да питаютца от тука Его милостей. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»?

В тот же день он поделился радостью с дочерью: «Comtesse de deux empire , любезная Наташа-Суворочка! Ай да надобно тебе всегда благочестие, благонравье, добродетель. Скажи Софье Ивановне и сестрицам: у меня горячка в мозгу, да кто и выдержит. Слышала, сестрица душа моя, еще de та Magnanime Миге рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому. Знаки Св. Андрея тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, Первый класс Св. Георгия. Вот каков твой папенька. За доброе сердце чуть, право, от радости не умер».

Конец 1789 года был одним из счастливейших времен в жизни Суворова. 2 декабря граф двух империй, кавалер Георгия 1-й степени спешил поделиться с дочерью новой радостью: «С полным удовольствием провел я несколько дней в Яссах и там был награжден одною из драгоценнейших шпаг. Такую же получил и верный мой друг Принц Саксен-Кобургский, находящийся теперь в Бухаресте».

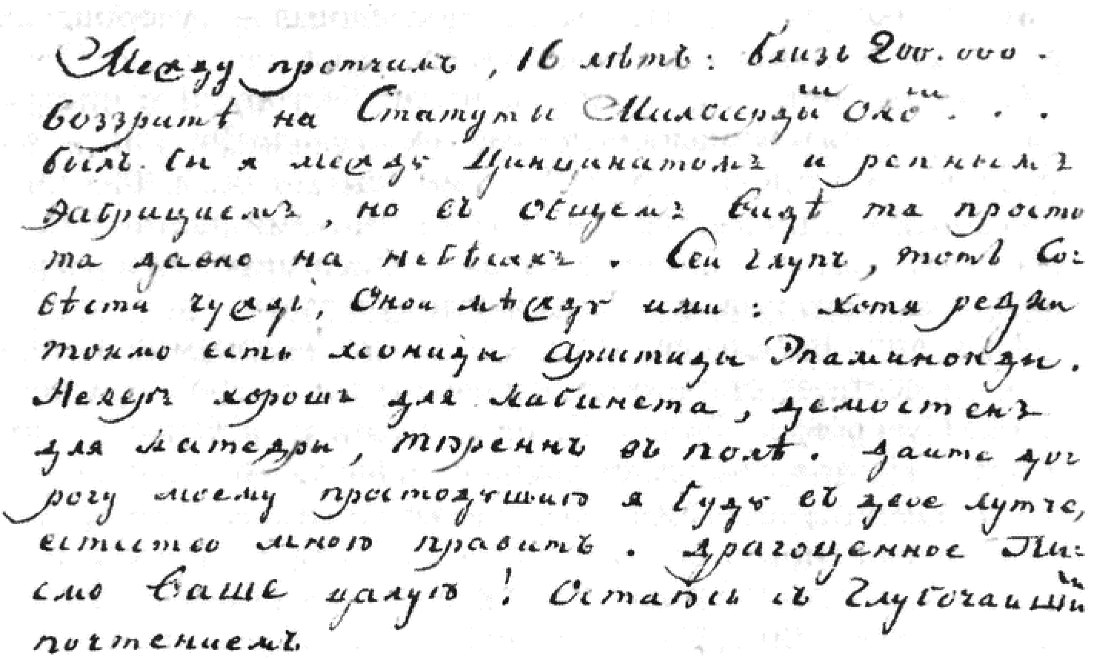
Приняв из рук Потемкина шпагу с надписью «Победителю Визиря», Суворов не забыл о соратниках. 3 декабря он писал главнокомандующему: «Светлейший Князь, Милостивый Государь! Дерзаю приступить к позволенному мне Вашею Свет-лостию. Действительно боюсь, чтоб не раздражить… другой список так же не мал, но, Милостивый Государь! где меньше войска, там больше храбрых. Последуйте Вашему блистательному великодушию». Потемкин последовал — суворовские представления к наградам были утверждены.

Суворова засыпали поздравлениями. Остроумное письмо принца де Линя начиналось словами: «Александр Филиппович!» Сравнив его с Александром Великим, сыном царя Филиппа Македонского, принц называл родственниками рымникского победителя самых знаменитых полководцев мировой истории и предвещал ему новые победы и великую славу.

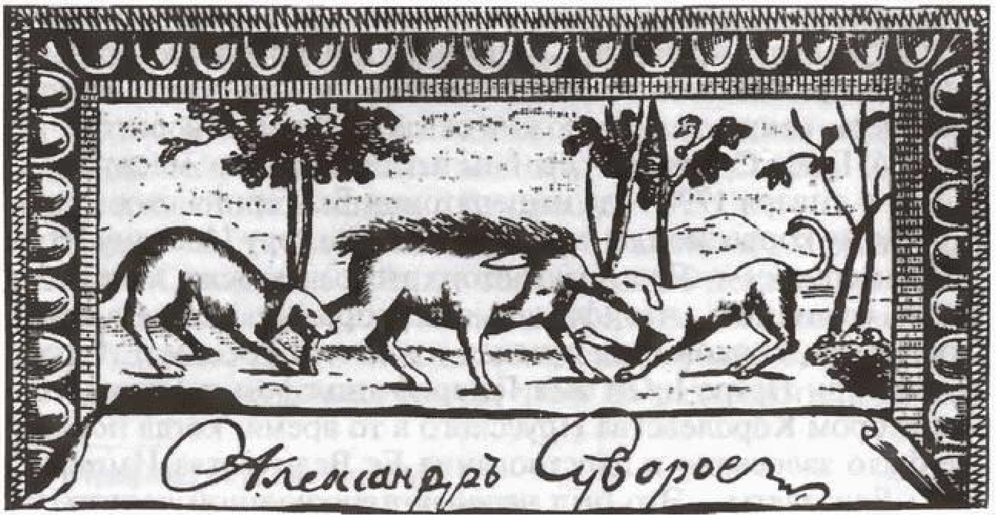
Александр Васильевич отвечал не менее остроумно и страстно. Существует старинный перевод отрывка французского письма Суворова де Линю: «Любезный мой дядя! Отрасль крови Юлия Цезаря, внук Александров, правнук Иисуса Навина! Никогда не прервется мое к тебе уважение, почтение и дружество, явлюсь подражателем твоих доблестей ироических… Толстый и плотный батальонный каре… решит судьбу. Щастие поможет нам… Во вратах, в которых душа оставила тело последнего из Палеологов (в Константинополе!), будет наш верх. Там-то заключу я тебя в моих объятиях и прижму к сердцу, воскликнув: "Я говорил, что ты увидишь меня мертвым или победоносным!"».

Пожалованный в фельдмаршалы принц Кобургский именовал боевого товарища «великим учителем». Ветераны австрийской армии сравнивали Суворова со славным Лаудоном. Безбородко писал в Лондон российскому посланнику графу Семену Романовичу Воронцову: «Австрийцы от сна восстали, но уже и загордилися успехами, величая дело, бывшее с визирем на Рымнике, равным баталиям при Центе и Кагуле. Не спорят однакож, что Суворов решил Принца Кобургского атаковать турков, а то бы уже стали на оборонительную ногу».

О Суворове заговорили европейские газеты. Не обошлось и без курьезов. «Предупреждаю вас, Милостивый Государь, что в номере 123 Геттингенской газеты напечатана величайшая нелепость, какую только можно сказать. В ней говорится, что Генерал Граф Суворов — сын гильдесгеймского мясника, — писала 4 января 1790 года императрица Екатерина своему постоянному корреспонденту в Германии доктору Иоганну Георгу Циммерману. — Я не знаю автора этого вымысла, но не подлежит сомнению, что фамилия Суворовых давным-давно дворянская, спокон века русская и живет в России. Его отец служил при Петре I. Он был Генерал-аншефом и Генерал-губернатором Королевства Прусского в то время, когда последнее было завоевано в царствование Ее Величества Императрицы Елизаветы… Это был человек неподкупной честности, весьма образованный; он говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых и живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не произносила его имя без особого уважения. Вот из какого человека ваша газета делает мясника…»



Между протчимъ, 16 летъ: близъ 200.000 -
воззритъ на Статуи Милосерди Оно . . .
былъ. Сия я между Цинцинатомъ и ревнымъ
Фабрициемъ, но съ Отцемъ видъ та проста
та давно на небесахъ. Сей глупъ, тотъ Со:
вести чуждъ, Оной между ими: хотя редки
токмо есть Леониды Аристиды Эпаминонды.
Неккеръ хорошъ для кабинета, Демостенъ
для катедры, Тюреннъ въ поле. Дайте дру:
гу моему простодушного я буду ее дело лутче,
естьли его мною править. Драгоценное Пи:
смо ваше целую! Остаюсь съ глубочайшимъ
почтениемъ.



Александръ Суворовъ

Заканчивался 1789 год. Критики Потемкина называют военную кампанию этого года кампанией неиспользованных возможностей, утверждая, что главнокомандующий якобы упустил шанс добить противника и заключить выгодный мир. На самом деле старый Газы Хасан-паша после смерти визиря Дженазе Хасан-паши принял власть с условием окончить войну. Было ясно, что Порта ее проиграла. Он обратился к Потемкину с предложением о перемирии, которое было принято. Начались переговоры об условиях мирного договора.

Мир казался достижимым и близким. Но тут, как выразилась российская императрица, на сцене появились новые актеры. И не вина Потемкина, что в вопросе о мире России пришлось иметь дело не с побежденным противником, а с коалицией враждебных европейских государств.

ШТУРМ НЕПРИСТУПНОЙ ТВЕРДЫНИ

Успехи русского оружия вызвали взрыв ненависти в Берлине и Лондоне. Прусская дипломатия развила бешеную активность: Порте был предложен оборонительный и наступательный союз, Швеции обещана Лифляндия с Ригой. Австрия должна была вернуть Польше полученную по первому разделу Галицию, а взамен получить турецкие земли в Валахии и Молдавии, за что Россия должна была отдать Турции Крым. Сама Пруссия за посредничество просила самую малость — Данциг (Гданьск) и Торн (Торунь), последние города, обеспечивавшие Польше выход на европейский рынок. При этом Фридрих Вильгельм II не собирался возвращать польские территории, захваченные по разделу 1772 года. Наследник великого Фридриха, мечтавшего об уничтожении славянского государства, сулил Польше российские земли до Смоленска и Киева, отрезая ее от Балтики.

Заодно с Пруссией действовала Англия. Воспользовавшись тем, что ее главная конкурентка, охваченная революционной смутой Франция, на время выпала из большой политики, Англия в союзе с Пруссией заявила о своих претензиях на роль гегемона в Европе. Требуя от России и Австрии помириться с Портой без территориальных изменений, лондонский кабинет советовал полякам быть уступчивыми по отношению к Пруссии. Поляки отвергли предложенный Россией союзный договор и предпочли союз с Фридрихом Вильгельмом.

Не случайно в мае минувшего 1789 года британский посланник в Берлине Джозеф Эварт предложил план нападения на Россию: английский флот идет на Кронштадт, прусская армия — на Ригу. На правящую верхушку Турции оказывалось давление, чтобы убедить ее продолжать войну.

Храповицкий 24 декабря 1789 года записывает в дневнике слова императрицы: «Теперь мы в кризисе: или мир, или тройная война, то есть с Пруссией».

Начатая Турцией при прямом подстрекательстве Англии и Пруссии война была проиграна. Широкие круги в Константинополе жаждали мира. Визирь Газы Хасан вступил в переговоры с Потемкиным, еще летом получившим все необходимые полномочия. Условия победителей были умеренными: подтверждение всех предыдущих договоров, граница по Днестру, выплата контрибуции. В запасе держались предложения об автономии княжеств Молдавии и Валахии.

В Яссы в ставку Потемкина прибыл Байрактар Ага-эфенди, а к визирю в Шумлу был направлен майор Иван Степанович Бароцци, опытный дипломат и разведчик. Обмен посланиями осуществлялся курьерами, путь которых лежал через посты выдвинутого вперед корпуса Суворова. О доверительных, дружеских и сердечных отношениях между ним и главнокомандующим свидетельствует их переписка:

«Рад я, мой любезный друг Граф Александр Васильевич, спасению Мемиш-Ага. Желая спасти и протчих, посылаю теперь майора Иотовича остеречь Мухафиза Бендерского. Хорошо, естли догонит. Придумайте способ в случае нужном». (8 января). — «Повеление Вашей Светлости сего от 8-го ч. Мухафизу предварено… Послал разведать в Браилов».

Речь идет о попытках спасти турецких пашей и чиновников, капитулировавших вместе с гарнизоном Бендер. Уже стало известно, что комендант Аккермана Тайфур-паша, сдавший крепость Потемкину, «по приезде в Измаил стоял горою за нас», «…открыл глаза в народе и произвел почти общую наклонность к миру во что бы то ни стало. Хасан-паша струсил, потребовал от Султана его головы, которую по переправе его за Дунай с него сняли с некоторыми из лутчих чиновников», — писал еще 28 декабря 1789 года императрице Потемкин.Переговоры шли трудно. Обстановка оставалась очень сложной. Потемкину пришлось не только перебрасывать полки к западным границам, но и разрабатывать планы войны против Пруссии и Польши. Он предложил императрице сформировать под своим командованием большое казачье войско, а ему самому присвоить звание великого гетмана войск казацких Екатеринославской губернии. Если бы Польша приняла участие в нападении на Россию, казачья армия великого гетмана вторглась бы на Правобережную Украину, подняла православное население и повторила войну Богдана Хмельницкого. Предложение было принято.

«Вот, мой любезный и милостивый друг, стал я Гетманом Великим. Дай Бог собрать и войско великое. Император очень болен. Курьеров моих к Визирю, за сим следующих, прикажи препроводить на Браилов», — пишет Потемкин Суворову 16 февраля 1790 года. «Великий Гетман! — отвечает через два дня Суворов. — Господь Бог и Великая Императрица да увенчают и далее Великую душу, высокие таланты Вашей Светлости».

Через три дня пришла печальная весть о смерти императора Иосифа. «Мы лишилися нашего Союзника. Так Богу угодно. Великий Князь Тосканский (Леопольд, брат Иосифа II, унаследовавший престол после его смерти. — В.Л.) теперь уже должен быть в Вене. Уповаю, что он от нас не отстанет. Он человек твердый и более систематичный. Вот всё, что могу Вам, мой любезный и милостивый друг, сказать», — говорится в письме Потемкина от 21 февраля. «Проливаю слезы паче о незаплатимом Союзнике! — откликается Суворов. — Леопольд был скупой гражданин по прежнему престолу. Ныне Белград с протчим его удержать должен; Шлезия та ж для Австрийского дому». (Суворов полагал, что нового императора от выхода из войны с турками удержит желание сохранить за собой завоеванный Белград, а Силезия, вероломно захваченная Фридрихом Великим у Австрии, — незаживающая рана — будет способствовать сохранению русско-австрийского союза.)

Имея на руках две войны, Екатерина, Потемкин и их сподвижники вели упорную дипломатическую борьбу против европейских диктаторов. Императрица через своих агентов активно зондировала почву в Берлине. По настоянию Потемкина российский посланник в Польше Штакельберг был заменен старым знакомцем Суворова Булгаковым, одним из самых талантливых российских дипломатов. Поскольку перемирие касалось только главного сухопутного театра войны, главнокомандующий особое внимание обратил на флот: осторожного Войновича сменил знающий морское дело храбрый Ушаков.

Переговоры с визирем продолжались. Стало известно, что русские условия не встречают возражений. Визирь направил к Потемкину своего представителя Мустафу-эфенди. По дороге в Яссы турецкий чиновник должен был проехать Берлад. «Буде виз[итер] сегодня сюда явился б, — наставляет Суворов подчиненных, — Лалаеву принять его ласково и откровенно.

Любопытствовать благопристойно о мире, войне и новизнах. Подчевать кофьем, табаком и, ежели пожелает, пилявом, кебабом и протчим, как и питьем. Меня предуведомить. В свое время просить ко мне. По возвращении от меня — трапеза, коли не прежде».

После смерти 13 марта Газы Хасана новым визирем стал Шериф Хасан-паша, которому Потемкин сразу дал точную оценку. «Человек небольших достоинств и никогда в делах не бывший, — писал он 2 мая императрице. — Хорошо то, что он миролюбивый, но, будучи маломощен, не посмеет громко о сем говорить».

В апреле последовал прусский ультиматум России: прекратить войну и заключить мир на условиях статус-кво. Это означало, что страна, подвергшаяся нападению и одержавшая серьезные победы, должна отказаться от своих умеренных требований. Навязывая России и Австрии посредничество в переговорах с Турцией, Англия и Пруссия вели нечестную игру.

Очевидно, главнокомандующий поделился с Суворовым мыслями о предстоящей войне с Пруссией и Польшей. «В высокославной прусской армии быстрая польская конница умокнет, у себя оставить прусскую пехоту на жертву, — резюмировал Суворов, намекая на разгром армии Фридриха при Кунерсдорфе и на утрату польской конницей маневренности, если она будет прикована к прусской пехоте. — У нас ныне легкие войски не те, что были при Петре Великом. Помочи Се-лимовы далеки. Жаль, что после Данцига в угодность неудобно променять Каменца на молошный рожок» .

Кажется, именно к этому периоду относится утраченное письмо Суворова Попову, свидетельствующее о самых доверительных отношениях его с Потемкиным: «Наш ангел везде открывает мне пути и ни в чем не связывает мне руки!»

Но возникшая длительная пауза в боевых действиях не могла не сказаться на нартроении полководца. Он признается дочери: «И я, любезная сестрица Суворочка, был тож в высокой скуке, да и такой черной, как у старцев кавалерские ребронды. Ты меня своим крайним письмом от 17 ч. апреля так утешила, что у меня и теперь из глаз течет».

В другом майском письме Александр Васильевич начинает с наставлений подросшей дочери, как жить и кому служить. Причем, желая, чтобы у Наташи было больше практики в иностранных языках, пишет он по-французски, вставляя фразы на русском и немецком: «Сберегай в себе природную невинность, покамест не окончится твое учение. На счет судьбы своей предай себя вполне промыслу Всемогущего и, насколько дозволит тебе твое положение, храни неукоснительно верность Великой нашей Монархине». Неожиданно следует исповедь: «Я ее солдат, я умираю за мое отечество. Чем выше возводит меня ее милость, тем слаще мне пожертвовать собою для нее. Смелым шагом приближаюсь я к могиле, совесть моя не запятнана. Мне шестьдесят лет, тело мое изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага государства. Обязан и не замедлю явиться пред Его судилище и дать за то ответ». И вдруг тональность разговора с дочерью снова меняется: «Вот сколько разглагольствований, несравненная моя Суворочка, я было запамятовал, что я ничтожный прах и в прах обращусь. Нет, милая сестрица, я больше не видал Золотухина, быть может, с письмом твоим блуждает он средь морских просторов, бурных и коварных. Деньги, данные на гостинцы, ты могла бы употребить на клавесин, если Софья Ивановна не будет против. Да, душа моя, тебе пойти будет домой! Тогда, коли жив буду, я тебе куплю очень лутче [подарок] с яблоками и французские конфекты. Я больше живу, голубушка сестрица, на форпостах, коли высочайшая служба не мешает, как прошлого году, а в этом еще не играли свинцовым горохом. Прости, матушка! Милость Спасителя нашего над тобою».

В будущем году Наташа заканчивала учебу в Смольном. Не случайно старик-отец упоминает своего любимца Василия Золотухина, особенно отличившегося при Фокшанах и Рымнике. Император

Иосиф пожаловал ему перстень, а Потемкин послал к императрице с подробной реляцией о баталии с визирем, прибавив в письме: «Быв при нем дежурным, может подробно донести Вашему Величеству, колико ознаменовал себя в тот день господин Суворов. Его искусством и храбростию приобретена победа». Золотухин был милостиво принят при дворе. Он же передал письмо своего начальника Наташе и, несомненно, произвел большое впечатление на девиц-смолянок. Судя по всему, отец хотел поддержать взаимный интерес, возникший между любимой дочерью и храбрым офицером, видя в нем достойного претендента на руку своей «Суворочки».

Человек действия, Суворов явно грустил. Ему почти 60 лет, он многого достиг. Но сколько же мог бы он совершить, если бы не превратности судьбы! Он набросал одну из тех записок, в которых возвращался к узловым моментам своей долгой, безупречной и славной службы на благо государства. «Графа А. Суворова-Рымникс кого Графу З. Г. Чернышеву было бы в степень Генерал-Поручика. От меня больше пользы! После не были б странности при Варне, Шумне», — пишет Суворов, вспоминая, как во время первой турецкой войны, осенью 1773 года, Румянцев послал за Дунай не его, а других. Чернышев, глава Военной коллегии, затянул с присвоением ему чина генерал-поручика, и дело пострадало — генерал-поручики Унгерн и Долгоруков его провалили. Да и в 1774 году эта задержка дорого обошлась: «7 батальонов, 3—4000 конницы были при Козлудже. Прочие вспячены Каменским 18 верст. Отвес списочного старшинства. Каменский помешал Графу Суворову-Рымникскому перенесть театр чрез Шумну на Балканы». Правда, он сумел нанести противнику решающий удар, но война закончилась без него, и лавры достались другим. Так и ныне: «Граф Суворов-Рымникский удручен милосердиями… В общественности на том же рубеже. Принц Кобургский овластчен к плодоносиям… Так Евгений, Лаудон, прочие. Они обошли Графа Суворова-Рымникского. Во всей армии никого». (Принц Саксен-Кобургский, подобно своим знаменитым землякам принцу Евгению Савойскому и Лаудону, получил фельдмаршальский чин, и теперь у этого осторожного австрийца, во всём слушавшегося Суворова, больше полномочий и возможностей, чтобы оказывать влияние на ход войны.) Александр Васильевич перечисляет всех генерал-аншефов, отнюдь не победами обошедших его в чинах: Юрия Долгорукова и Петра Еропкина, Ивана и Николая Салтыковых, Ивана фон Эльмпта и Николая Репнина, Якова Брюса и Валентина Мусина-Пушкина, Михаила Каменского и Михаила Каховского. «Все они были обер-офицерами. Граф Суворов-Рымникский — премьер майор». Короткой французской фразой Суворов высказывается напрямик: «Если бы я был Юлий Цезарь, то назывался бы первым полководцем мира…» Но — не судьба. «Время кратко, сближаетца конец! Изранен, 60 лет, и сок высохнет в лимоне».

В мае обстановка резко осложнилась. Екатерина с беспокойством пишет Потемкину о готовом к нападению тридцатитысячном корпусе пруссаков, о недостаточном количестве наших войск под Ригой, о том, что необходимо добыть мир с турками. «Дела дошли до крайности», — признаётся она в письме от 14 мая. Австрия, не выдержав нажима, пошла на уступки. Россия проявила твердость. Екатерина заявила, что она за прямые переговоры и с Портой, и со Швецией, а потому отклоняет ультиматум.

Двадцать третьего мая Храповицкий заносит в дневник: «Ужасная канонада слышна с зари до зари почти весь день в Петербурге и в Царском Селе. Безпокойство». В столице опасались шведских десантов.

В эти дни на юге Потемкин приказал привести войска в боевую готовность. А тут еще принц Кобургский попытался атаковать турок и понес большие потери в людях и артиллерии. Неумелые действия новоявленного фельдмаршала ободрили противника. Принц запросил помощи. Верный союзническим обязательствам Потемкин приказал Суворову подвинуть его корпус ближе к австрийцам и в случае необходимости оказать поддержку. Однако, не желая упускать ни малейшего шанса заключить мир, главнокомандующий специальным ордером предупредил своего любимца, чтобы тот не начинал военных действий.

К верховному визирю был послан опытный дипломат Сергей Лазаревич Лошкарев с точными инструкциями и условиями мира. Одновременно Потемкин приказал подготовить к взрыву занятые его войсками турецкие крепости, чтобы в случае их возвращения турки в течение длительного времени не могли опираться на фортификационную линию.

Двадцать четвертого июня следует директива Потемкина флоту: найти неприятеля и сразиться. Кубанскому и Кавказскому корпусам посланы ордера: быть готовыми встретить на Кубани крупные силы противника. Наконец, Суворов сообщает, что, по сведениям Кобурга, армия визиря вот-вот переправится через Дунай.

Двадцать восьмого июня Лошкарев получает указание потребовать у Шерифа Хасан-паши окончательного ответа и в случае отказа немедленно уезжать. И тут приходит первая радостная весть с севера: 22 июня адмирал В.Я. Чичагов при попытке шведского флота прорваться из Выборгского залива, где он был заперт с конца мая, в упорном сражении разбил его. Не желая отставать от своих товарищей на Балтике, моряки-черноморцы 8 июля атаковали турецкий флот в Керченском проливе. Новый командующий эскадрой Ушаков подтвердил свою боевую репутацию. Сильный турецкий флот отступил.

Переговоры возобновляются. Снова кажется, что Порта вот-вот пойдет на мир. Потемкин обращает внимание визиря на разгром шведов и победу Ушакова и требует не трогать австрийцев, иначе его армия должна будет вступить в дело.

Но в эти самые дни в силезском Рейхенбахе собирается конгресс, на котором Пруссия и Англия буквально выкручивают руки австрийцам, принуждая их выйти из войны. Кобург опять сообщает, что турецкая армия переправляется через Дунай, и опять суворовский корпус выступает в поход и подвигается к Бухаресту. Расчет Потемкина был на то, что визирь крепко подумает, прежде чем атаковать австрийцев, если рядом Суворов.

Александр Васильевич, истосковавшийся по новому делу, горел желанием сразиться. Его письмо Потемкину от 27 июля полно оптимизма: «Здесь мы сыты, здоровы и всего у нас довольно… Ленивая турецкая переправа за бурями на Дунае и небольшой охотой визиря. Милостивый Государь! Боже, благослови предприятия Ваши». Он уже обо всем договорился с Кобургом, который готов был выполнять указания «своего великого друга». Но обстановка резко изменилась.

«Сейчас получил я из Вены курьера, — сообщает Потемкин 31 июля, — чрез которого уведомлен о заключенном договоре с Королем Прусским. Мир положен с Портою на условии все завоевания Порте возвратить. Венский двор согласился; неизвестно, останется ли в действии наш трактат о вспоможении нам корпусом 30 тысячном. Теперь крайне нужно не терять людей для союзника, который уже помирился…» К официальному ордеру главнокомандующего было приложено личное письмо: «Вот, мой милостивый друг, австрийцы кончили. Пруссаки домогаются, чтоб и вспомогательного корпуса нам не давать, да я думаю и успеют. Слышно, что Букарестскому корпусу будет поведено иттить восвояси».

Главнокомандующего тревожило положение корпуса Суворова, для помощи австрийцам выдвинутого далеко вперед. «…Теперь, — доносил он Екатерине 2 августа, — необходимо его оттуда взять должно, ибо, что копилось противу союзников, обратится уже на него одного, и он, будучи отрезан браиловским и силистрийским неприятелем, не в состоянии возвратиться без большой потери». Суворовский корпус снялся с позиций под Бухарестом и отошел на реку Серет, куда Потемкин заблаговременно выслал резервный корпус князя Сергея Федоровича Голицына.

Австрийцы вышли из игры, и Россия осталась одна против Порты и европейской коалиции. Правда, 3 августа русской дипломатии при личном участии государыни удалось вырвать (без посредников!) мир у шведов. Едва не попавший в плен в Выборгском сражении Густав III решил не искушать судьбу и прекратил непопулярную в Швеции войну.

«Одну лапу мы из грязи вытащили, — радостно сообщила Екатерина Потемкину. — Как вытащим другую, то пропоем Аллилуйя… Предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест, а постарайся заключить свой особенный для нас мир с турками».

«Вторую лапу» вытащить оказалось труднее. Визирь явно тянул время. Турция уже имела на руках наступательный и оборонительный договор с Пруссией. Прусский дипломат Джироламо Лукезини, сумевший настроить против России поляков и поработавший над выходом из войны австрийцев, активно «помогал» новым союзникам. В конце августа Шериф Хасан-паша неожиданно предложил Потемкину прусское посредничество.

«Наскучили уже турецкие басни. Их министерство и нас, и своих обманывает, — писал Лошкареву Потемкин. — Тянули столько, вдруг теперь выдумали медиацию прусскую, да и мне предлагают. Мои инструкции: или мир, или война… коли мириться, то скорее, иначе буду их бить».

Снова заговорили пушки. Первым успеха добился Черноморский флот. В двухдневном сражении 28—29 августа у Тендры Ушаков наголову разбил превосходящие турецкие силы. Адмиральский корабль взлетел на воздух, один линейный корабль был пленен, другой затонул.

В сентябре возобновились действия сухопутных сил. Кубанскому и Кавказскому корпусам было приказано действовать наступательно и разбить армию Батал-бея, а генерал-аншефу князю Репнину с главным корпусом — наблюдать польскую границу и прикрывать тылы; корпусам генералов Меллера, Гудовича и Самойлова — идти в низовья Дуная, где находилась целая система турецких крепостей, сильнейшей из которых был Измаил. Гребная флотилия под начальством Рибаса и флотилия черноморских казаков под командованием Головатого должны были прорваться в Дунай.

Существует версия, согласно которой ревнивый главнокомандующий хотел обойтись без Суворова, чьи громкие победы якобы бросали тень на его полководческую репутацию, но был вынужден прибегнуть к его помощи, чтобы овладеть считавшимся неприступным Измаилом. Это неправда. Как и в прошлую кампанию, на Суворова была возложена ответственная задача: с двумя корпусами сторожить армию верховного визиря на Дунае. Отрывок из письма Потемкина посланнику в Варшаве Булгакову наглядно подтверждает его полное доверие к самому выдающемуся генералу своей армии. Потемкин опровергал ходившие в Польше слухи о гибели Суворова: «Плюйте на ложные разглашения, которые у Вас на наш счет делают. Суворов, слава Богу, целехонек».

Десятого сентября светлейший князь ставит Суворову задачу не допустить турецкие подкрепления к Измаилу сухим путем. 25 сентября он делится со своим другом планом операции. К сожалению, этот документ не разыскан. Из ответа Суворова следует, что он разделял замысел главнокомандующего и смело развивал его: «Вашей Светлости милостивое письмо сего от 25 ч. получил… В присутствии или помощи сухопутных войск гребной флот возьмет Килию, Измаил, Браилов… Как декрет на Булгарию не публикован, мечтается в перспективе, что по времени Ваша Силистрия… ежели черта пера не предварит острие меча. Вашей Светлости Новый год! Новые мне милости. Я выстрелю за Ваше здравие». Последние три фразы — характерное для Суворова поздравление князя Григория Александровича с днем рождения. Мысль о взятии Силистрии и походе за Дунай, в Болгарию — свидетельство участия Суворова в разработке планов кампании. После овладения крепостями на Дунае решительный удар на Константинополь должен был заставить противника спасаться от «острия меча» (войны) «чертой пера» (миром).

Идея Суворова была замечательной, если забыть об англо-прусских планах. Переход Дуная мог вызвать прямое вооруженное вмешательство союзников Турции. Поэтому Потемкин решил ограничиться захватом турецких крепостей в низовьях Дуная. 29 сентября он приказал начальнику всей русской артиллерии генерал-аншефу Ивану Ивановичу Меллеру-Закомельскому овладеть крепостью Килия.

Несмотря на значительное число войск и относительную слабость этой крепости, русскому командованию не удалось обеспечить четкого взаимодействия корпусов. Более двух недель войска топтались под ее стенами. Осаде сильно вредила артиллерийским огнем турецкая речная флотилия. В одной из схваток Меллер был смертельно ранен. Сменивший его генерал-поручик Иван Васильевич Гудович не отличался решительностью. Жалуясь Потемкину на опоздание гребной флотилии (сильные ветры задержали ее поход к устью Дуная), он не видел иной возможности взять Килию, кроме формальной осады с рытьем траншей и постройкой осадных батарей. Задержка у стен незначительной крепости грозила срывом всей операции, но 18 октября гарнизон Килии капитулировал. На другой день последовал ордер Суворову: «Хотя Ваше Сиятельство может быть прямо получили уже известие о покорении Килии, но, тем не менее, считаю за нужно Вас о том чрез сие уведомить, предписывая объявить о том в команде Вашей и принести благодарственное Всевышнему моление». Как всегда, к ордеру было приложено письмецо: «Килия сдалась, флотилия входит, флот наш показался. Боже, дай хорошее время, а паче свою всемощную помощь…» Приписка внизу: «Граф Бальмен умер чахоткою, но турки разбиты и славно истреблены. Прощай, мой милостивый друг».

Новый командующий Кубанским корпусом генерал-майор Иван Иванович Герман, старый знакомец Суворова по Астрахани, отличился 30 сентября, разгромив сорокатысячную армию Батал-бея на Кубани. Весь лагерь, вся артиллерия и сам турецкий военачальник с многочисленной свитой оказались в руках победителей.

Двадцатого октября гребная флотилия прорвалась в Дунай. Решительными и дерзкими десантами были захвачены укрепления в устье реки. Вскоре пали турецкие крепости Тульча и Исакча. Неприятельская флотилия на Дунае была разбита. К середине ноября низовья Дуная от Галаца до устья были в руках русских, за исключением Измаила.

Поначалу Потемкин не мог поверить, что за стенами этой твердыни, подготовленной французскими инженерами к длительной обороне, укрывается целая армия — около 35 тысяч человек. Но разведка подтвердила: Измаил превращен в «орду колеси» — армейскую крепость, защищенную мощной артиллерией (около 250 орудий) и обильно снабженную припасами.

Известия, поступавшие из разных источников, свидетельствовали об активизации англо-прусской дипломатии. В Систове на Дунае затевалась новая конференция с целью принудить Россию к миру с Турцией без каких-либо территориальных уступок. Таким образом, Измаил, помимо стратегического, приобретал важное политическое значение: надо было напомнить противнику и его покровителям, кто является победителем. «Мы ожидаем известий из-под Измаила, — писала императрица Потемкину. — Это важный пункт в настоящую минуту. Он решит или мир, или продолжение войны».

Сухопутные войска и гребные флотилии, блокировавшие Измаил, насчитывали не более 30 тысяч штыков и сабель. Около половины составляли казаки, вооружение и характер службы которых мало подходили для штурма. Надвигавшаяся зима требовала скорых и решительных действий.

Потемкин поставил войскам задачу взять крепость. Гудович, только что отличившийся при Килии, не обладал достаточным авторитетом. Созванный им 25—26 ноября военный совет постановил прибегнуть к осаде, что фактически означало отказ от штурма. И действительно, командиры корпусов начали отводить войска. Даже наиболее решительно настроенный Рибас стал снимать осадную артиллерию с острова Чатал напротив Измаила и грузить ее на суда.

Но главнокомандующий предвидел такое развитие событий. 25 ноября, еще до решения совета, он послал секретный ордер Суворову: «Флотилия под Измаилом истребила уже почти все их суда и сторона города к воде очищена. Остается предпринять с помощию Божиею на овладение города. Для сего, Ваше Сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в Вашу команду, взяв на судах своих сколько можете поместить пехоты, оставя при Генерал-Порутчике Князе Голицыне для удержания неприятеля достаточное число и всю конницу, которой под Измаилом и без того много. Прибыв на место, осмотрите чрез инженеров положение и слабые места. Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею: естли б начать тем, чтобы, взойдя тут, где ни есть ложироваться (закрепиться. — В.Л.) и уже оттоль вести штурмование, дабы и в случае чего, Боже сохрани, отражения было куда обратиться. Сын Принца Де Линя инженер, употребите его по способности. Боже, подай Вам свою помощь! Уведомляйте меня почасту. Генерал-Майору и Кавалеру Де Рибасу я приказал к Вам относиться…»

Тем же числом помечены ордер Суворову о необходимости дать остающимся вместо него генералам Дерфельдену и Голицыну наставления и личное письмо главнокомандующего «другу сердешному»:

«Измаил остается гнездом неприятеля. И хотя сообщение прервано чрез флотилию, но всё он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг!

По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части. Много тамо равночинных Генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всём на пользу и по предприимчивости и усердию; будешь доволен и Кутузовым. Огляди всё и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимайте. Есть слабые места, лишь бы дружно шли. Князю Голицыну дай наставление. Когда Бог поможет, пойдем выше».

Под Измаилом находились известные в армии генералы, в том числе родственники князя — генерал-поручики Александр Николаевич Самойлов и Павел Сергеевич Потемкин. Но главнокомандующий выделяет предприимчивого Рибаса и Кутузова. «Будешь доволен и Кутузовым» — сколько веры в полководческий талант Михаила Илларионовича содержит эта короткая фраза!

Узнав о решении совета, главнокомандующий послал Суворову новые указания: «Прежде, нежели достигли мои ордера к господину Генерал-Аншефу Гудовичу, Генерал-Порутчику Потемкину и Генерал-Майору Де Рибасу о препоручении Вам команды над всеми войсками, у Дуная находящимися, и о произведении штурма на Измаил, они решились отступить. Я, получа сей час о том рапорт, предоставляю Вашему Сиятельству поступить тут по лучшему Вашему усмотрению: продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением онаго».

Потемкин понимал, в каком трудном положении оказался Александр Васильевич: отходящие от крепости войска уже потеряли уверенность в успехе, а противник ободрился. Но он знал, каким выдающимся воином был его «друг сердешный», и, предоставляя ему полную свободу действий, верил в его полководческий талант и воинскую честь. «Ваше Сиятельство, будучи на месте и имея руки развязанные, не упустите, конечно, ничего того, что только к пользе службы и славе оружия может способствовать. Поспешите только дать знать о мерах, Вами приемлемых, и снабдить помянутых Генералов Вашими предписаниями», — заканчивает Потемкин.

И Суворов (в который раз!) доказал, что его имя не напрасно было овеяно славой. Его рапорт от 30 ноября 1790 года краток: «По ордеру Вашей Светлости от 25 ноября за № 1336, мною сего числа полученному, я к Измаилу отправился, дав повеление генералитету занять при Измаиле прежние их пункты, а господину Генерал-Порутчику Князю Голицыну предписал ведать здешний пункт Галац».

Биографы Суворова «не заметили», что назначение под Измаил для Суворова не явилось неожиданностью. Еще не получив извещения об отходе войск, полководец приказал генералам «занять при Измаиле прежние их пункты». 30 ноября, отдав Голицыну и Дерфельдену распоряжения относительно «наблюдения и обеспокоивания» турецких сил под Браиловом, он с небольшим казачьим конвоем поскакал к Измаилу. Суворов очень торопился и утром 2 декабря прибыл в расположение русских войск. 2 декабря он отписался Потемкину: «К Измаилу я сего числа прибыл. Ордер Вашей Светлости от 29-го за № 1757 о мероположении, что до Измаила, я имел честь получить и о последующем Вашей Светлости представлю».

Осмотрев крепость, он рапортовал на следующий день: «У господина Генерал-Порутчика Потемкина я застал план, который поверял: крепость без слабых мест. Сего числа приступлено к заготовлению осадных материалов, коих не было, для батарей, и будем старатца их совершить к следующему штурму дней чрез пять, в предосторожность возрастающей стужи и мерзлой земли. Шанцовый инструмент по мере умножен. Письмо Вашей Светлости к Сераскиру (турецкому главнокомандующему. — В. Л.) отправлю я за сутки до действия. Полевая артиллерия имеет снарядов только один комплект. Обещать нельзя, Божий гнев и милость зависят от его провидения. Генералитет и войски к службе ревностию пылают. Фанагорийский полк будет сюда». В этом письме весь Суворов: деятельный, решительный, честный. Его реакция на решение военного совета та же, что и у главнокомандующего: «…так безвременно отступить… почитается постыдно».

Надо было успеть построить насыпи для батарей, пока морозы не сковали землю, и подтянуть к крепости ударные части. Суворов с нетерпением ждал свой любимый Фанагорийский гренадерский полк.

От каждого слова его рапорта веет сдержанной решимостью: «Генералитет и войски к службе ревностию пылают!» Только день пробыл он под стенами Измаила, но уже успел поднять боевой дух подчиненных. Очевидцы свидетельствуют: при одном слухе о скором прибытии Суворова все сразу преобразились и были уверены, что крепость будет взята. Поразительный пример влияния полководца на ход военных действий!

Замечателен эпизод, записанный со слов молодого французского офицера герцога Армана Эммануэля Ришелье де Фронсака, напросившегося волонтером в армию, осадившую Измаил:

«Рано утром… в сопровождении русского офицера он отправился явиться к главнокомандующему. Было очень холодно, стоял морозный туман. Посреди лагеря Ришелье заметил несколько человек солдат вокруг совершенно голого человека, который скакал по траве и выделывал отчаянную гимнастику.

"Кто этот сумасшедший?" — спросил Ришелье своего спутника. — "Главнокомандующий граф Суворов", — сказали ему Суворов, заметив иностранца (на Ришелье был майорский мундир французских гусар), поманил его к себе.

— Вы француз, милостивый государь?

— Точно так, генерал.

— Ваше имя?

— Герцог де Фронсак.

— А, внук маршала Ришелье! Ну, хорошо! Что вы скажете о моем способе дышать воздухом? По-моему, ничего не может быть здоровее. Советую вам, молодой человек, делать то же. Это лучшее средство против ревматизма!

Суворов сделал еще два или три прыжка и убежал в палатку, оставив своего собеседника в крайнем изумлении».

В многочисленных описаниях осады и штурма Измаила приходится читать утверждения, совершенно искажающие роль Потемкина: якобы, обуреваемый сомнениями, он сам вряд ли верил в возможность взятия Измаила и своей второй депешей от 29 ноября, по сути, переложил на Суворова всю ответственность за исход сражения. Лучшим ответом им являются подлинные документы тех дней.

Ордер Потемкина Суворову № 1730 от 4 декабря 1790 года: «Когда уже корпусы заняли прежнее место, то и быть по прежнему повелению. Даруй Боже Вам счастье». Его письмо от того же числа: «Даруй Боже тебе, мой любезнейший друг, счастье и здоровье. Желаю от искреннего сердца. Снарядов нету ли поблизости? А я отсюда послал. Кажется, в Килии у Ивана Ивановича был запас. Прости! Твой вернейший друг Князь Потемкин-Таврический».

Рапорт Суворова Потемкину № 86 от 5 декабря: «Уже бы мы и вчера начали, естли б Фанагорийский полк сюда прибыл. О чем Вашей Светлости доношу». Рапорт № 90: «7-го числа пополудни в 2 часа, послан был к крепости трубач с письмом Вашей Светлости и моими, где означен срок суточный на ответ, что принято было учтиво».

Письмо Потемкина измаильскому командованию: «Приближа войска к Измаилу и окружа со всех сторон сей город, уже принял я решительные меры к покорению его… Но прежде, нежели употребятся сии пагубные средства, я, следуя милосердию… требую от вас добровольной отдачи города; в таком случае все жители и войска… отпустятся за Дунай с их имением. Но если будете вы продолжать бесполезное упорство, то с городом последует судьба Очакова и тогда кровь невинная жен и младенцев останется на вашем ответе. К исполнению сего назначен храбрый Генерал Граф Александр Суворов-Рымникский».

Имя Суворова значило для осажденных больше, чем известие о прибытии под стены крепости крупных подкреплений с многочисленной осадной артиллерией. После Фокшан и особенно Рымника турецкие военачальники выделили «То-пал-пашу» из числа русских военачальников. В письме Суворова, переданном парламентерами вместе с посланием главнокомандующего, говорилось: «Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками, в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость, при том бываемую, даю знать чрез сие Вашему Превосходительству и почтенным Султанам и требую отдачи города без сопротивления. Тут будут показаны все возможные способы к выгодам Вашим и всех жителей, о чем и ожидаю от сего чрез 24 часа решительного от Вас уведомления… В противном же случае поздно будет пособить человечеству, когда не могут быть пощажены не только никто, но и самые женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства, и за то никто, как Вы и все чиновники пред Богом ответ дать должны».

Девятого декабря Суворов собрал военный совет. Состав его был почти тот же, что и двумя неделями ранее. Но какая перемена! После того как был зачитан ответ сераскира Айдозлу Мегмет-паши с просьбой дать десять дней, чтобы связаться с верховным визирем, совет единодушно постановил: «Приближась к Измаилу, по диспозиции приступить к штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю время еще более укрепиться. И посему уже нет надобности относиться к его Светлости Главнокомандующему. Сераскиру в его требовании отказать. Обращение осады в блокаду исполнять не должно.

Отступление предосудительно победоносным Ея Императорскаго Величества войскам». Суворов сделал приписку: «По силе четвертой на десять главы воинского устава». В 14-й главе Воинского устава Петра I говорилось: «Генерал своею собственною волею ничего важного не начинает без имевшего наперед военного совета всего генералитета, в котором прочие генералы паче других советы подавать могут». Полководец счел необходимым опереться на ближайших соратников.

Под постановлением 13 подписей: бригадир Матвей Платов, бригадир Василий Орлов, бригадир Федор Вестфален, генерал-майор Николай Арсеньев, генерал-майор Сергей Львов, генерал-майор Иосиф де Рибас, генерал-майор Ласий, дежурный генерал-майор граф Илья Безбородко, генерал-майор Федор Мекноб, генерал-майор Борис Тищев, генерал-майор Михаила Голенищев-Кутузов, генерал-поручик Александр Самойлов, генерал-поручик Павел Потемкин. Отметим двоих — Кутузова и его героического сподвижника в борьбе с Наполеоном донца Платова.

Девятого декабря Суворов предпринял последнюю попытку предотвратить кровопролитие — направил послание сераскиру Айдозлу Мегмет-паше, командовавшему армией, укрывшейся за стенами Измаила: «Получа Вашего Превосходительства ответ, на требование согласиться никак не могу, а против моего обыкновения еще даю вам сроку сей день до будущего утра на размышление».

Диспозиция была готова: на штурм пойдут девять колонн. Были назначены колонновожатые, розданы фашины и лестницы. Начало — «два часа перед рассветом» по сигнальной ракете. Чтобы противник не разгадал раньше времени сигнала к штурму, надлежало «ракетами приучать басурман, пуская оные в каждую ночь во всех частях перед рассветом». Были кратко и точно определены задачи каждому участнику, выделены резервы. Особо указывалось: «Всему войску наистрожайше запрещается: взошед на вал, никому внутрь города не бросаться и быть в порядке строя на крепости, до повеления от начальства… Христиан и обезоруженных отнюдь не лишать жизни, разумея то же о всех женщинах и детях».

В донесении о штурме говорится:

«10-го числа, по восхождении солнца, с флотилии, с острова и с четырех батарей, на обеих крылах к берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась беспрерывно до самых пор, как войски на приступ прияли путь свой. В тот день из крепости сначала ответствовано пушечною пальбою живо, но к полудни пальба умалилась, а к ночи вовсе пресеклась, и чрез всю ночь было молчание и токмо слышен был глухой шум, изъявляющий внутреннюю заботу и осторожность.

С 10-го на 11-е число в три часа пополуночи все войски выступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а флотилия по Дунаю плыла к назначенным местам. А в пять часов с половиною все колонны с Сухова пути так и водою двинулись на приступ. Небо облечено было облаками и расстланный туман скрывал от неприятеля начальное наше движение. Но вдруг с приближением первой и второй колонн неприятель открыл пушечную картечами пальбу и ружейный огонь вокруг всего вала загорелся».

Одиннадцатого декабря Суворов отправил главнокомандующему победный рапорт: «Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред Высочайшим троном Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом! Нижайше поздравляю Вашу Светлость». Никакое подробное описание штурма Измаила не дает лучшего представления о подвиге Суворова и руководимых им войск, чем эти скупые строчки донесения на небольшом листке бумаги, пожелтевшем словно от порохового дыма и гари пожарища. Взятие и по сей день поражает знатоков военного искусства. Это был переворот в военном деле: за девять суток подготовить и осуществить штурм сильной крепости, гарнизон которой значительно превосходил силы осаждавших!

«Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся, — писал жене Кутузов, командовавший одной из девяти колонн, а после взятия Измаила назначенный Суворовым комендантом покоренной крепости. — Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках. Ввечеру приехал домой, как в пустыню… Кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами. К тому же столько хлопот, что за ранеными посмотреть не могу; надобно в порядок привести город, в котором однех турецких тел больше 15 тысяч… Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось».

Суворов твердо держал в руках все нити командования сражением: вовремя поддерживал атакующих словом и делом, посылал резервы. Согласно преданию в критический момент штурма, когда, казалось, бойцы Кутузова не выдержат и отступят, пришел приказ о назначении их командира комендантом Измаила.

Защитники крепости дрались с отчаянием смертников. Большую их часть составляли войска, выпущенные при капитуляции других турецких крепостей. За повторную сдачу султан грозил им казнью. Этим и объясняются ожесточенность сражения и большие потери.

Сергей Иванович Мосолов, командовавший батальоном егерей, свидетельствует:

«В крепости было одного гарнизона 35 тысяч турок и татар… Оные собрались из 4-х главных крепостей, из Хотина, из Бендеры, из Аккермана, из Килии, и свой пятый гарнизон; и потому они держались крепко, что почти все побиты и поколоны были; штурм продолжался 8 часов и некоторые колонны взошли было в город, опять выгнаты были, я из своего батальона потерял 312 человек убитых и раненых, а штаб- и обер-офицеры или ранены, или убиты были, и я ранен был пулею на вылет в самой амбразуре в бровь, и в висок вышла, и, кабы трубач меня не сдернул с пушки, то бы на ней и голову отрубили турки. На рампар (вал. — В.Л.) я взошел первой, только предо мною по лестнице 3 егеря лезли, которых в той амбразуре турки изрубили; ров был так глубок, что 9 ар[шинная] лестница только могла достать до берму, а с берма (уступа между рвом и бруствером. — В.Л.) до амбразур другую мы наставляли. Тут много у нас солдат погибло, они всем нас били, чем хотели.

Как я очнулся от раны, то увидел себя только с двумя егерями и трубачом, протчие все были или перебиты или ранены на парапете; потом стал кричать, чтоб остальные офицеры сами лезли с егерями из рва вверх, придавал им смелости, что турки оставили бастион. Тогда ко мне влезли по лестницам порутчик Белокопытов и подпорутчик Лавров с егерями здоровыми, мы закричали ура и бросились во внутрь бастиона и овладели оным; но однако ж много егерей тут было изрублено и офицер один убит, а меня, хоть и перевязали платком, намочив слюнями землю, к ране приложил трубач… но всё кровь текла из головы. Ослабел и пошел лег на банкете (а потом рана сия засохла с слюнями и землею, и так вылечился, но глазом правым долго не мог видеть), а пушки белел обратить и внутрь по городу стрелять. И штурм продолжался еще после сего; то наши гонют, то турки наших рубят; более 4 часов внутри города и без строю. Окончилось тем, что Бог нам определил быть победителями. Нас всего было 17 тысяч регулярных да казаков 5 тысяч, с которыми щастливый и смелый Граф Суворов взял крепость Измаил. После боя Граф позволил нижним чинам в крепости брать всё, кто что нашел, три дни. Правду сказать, у нас не было уже почти хлеба, а потом сделались с хлебом и разными припасами довольны; нижние чины достали и червонцев много, так что шапками иные к маркитантам носили…»

Недавно отысканное в архиве письмо Василия Степановича Попова прекрасно передает боевой настрой русских чудо-богатырей. Посланный Потемкиным в Измаил, он сразу по прибытии известил своего друга Якова Ивановича Булгакова, посланника в Варшаве:

«Пал теперь гордый Измаил. Войска, в нем бывшие, дрались, как львы. Кроме русских, никто бы, конечно, не одолел их. Сердце содрогается, представляя ужасное кровопролитие сего бедственного для турков дня. До двадцати тысяч убитых! Человечество (так по-старинному называли гуманность. — В. Л.) молчало. Герои наши не злобою, не жадностию к крови, сколько мщением за братию свою разъяренные, не щадили никого. Казалось, что не будет пощады, но к вечеру и на другой день собрано их до шести тысяч с несколькими пашами… Наших легло, может быть, более двух тысяч, не считая раненых… С какою решительностью шли наши на дело, изволите усмотреть из следующего поступка черноморцев. Они постились целые сутки, исповедались и, надев белые рубашки, пустились на город. Конечно, они были твердо убеждены быть или в Измаиле, или в раю».

Измаильский штурм явился высшей точкой всей войны. «Не Измаил, но армия турецкая, состоящая в 30 с лишком тысячах, истреблена в укреплениях пространных», — доносил Потемкин в Петербург. «Измаильская эскалада города и крепости с корпусом в половине противу турецкого гарнизона, в оном находящемся, почитается за дело, едва ли еще где в гистории находящееся, и честь приносит неустрашимому Российскому воинству», — отвечала Екатерина.

Императрица не преувеличивала. Тайные и явные враги России, ее друзья и оробевшие союзники — все единодушно признавали: в Европе нет армии, способной на подобный подвиг. «Сия потеря Измаила произвела великий страх в задунайских пределах», — сообщал Суворов главнокомандующему известия, полученные через своих агентов. Стратегическая и политическая обстановка резко изменилась. Жители Валахии выражали бурную радость. Венгры предлагали императору Леопольду 80 тысяч войска для продолжения войны с Портой за лучшие условия мира.

Английские, голландские и прусские дипломаты были в растерянности. Систовская конференция прервала свои заседания. В Турции царила паника. За произнесение слова «Измаил» людей хватали и ссылали на галеры. Султан казнил гонцов, посылаемых визирем с известием о катастрофе. Шериф Хасан-паша назвал виновниками кровопролития англичан и пруссаков. Вскоре по приказу султана он был застрелен в Шумле (современный Шумен в Болгарии) и его отрубленная голова выставлена на всеобщее обозрение.

С измаильским триумфом связан исторический миф, который просуществовал почти 200 лет. В петербургском периодическом издании «Дух журналов» в 1817 году были напечатаны несколько анекдотов о Суворове, в том числе один — о размолвке измаильского победителя с Потемкиным. В 1827 году Е. Б. Фукс повторил его в своей книге «Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского». Фридрих фон Смитт, чье сочинение на немецком языке «Суворов и падение Польши» вышло в 1830-х годах, подал эту байку как факт. Его примеру последовал Николай Полевой. С их легкой руки анекдот не только прижился, но и не подвергался сомнению. Вот как передавался он первым анонимным рассказчиком:

«По взятии Графом Суворовым Измаила Князь Потемкин ожидал победителя в Яссы. Желая сделать ему почетную встречу, Князь велел расставить по дороге нарочных сигнальщиков, а в зале, из которой видно было далее версты на дорогу, приказал смотреть Боуру, чтобы как скоро увидит едущего Графа, немедленно доложил бы Князю, ибо о выезде его из последней к Яссам станции дано уже было знать. Но Суворов, любивший всё делать по-своему, приехал в Яссы ночью и остановился у молдаванского капитан-исправника, запретивши ему строго говорить о приезде своем.

На другой же день, часу в десятом по утру, севши в молдаванский берлин (похожий на большую архиерейскую повозку), заложенный парою лошадей в шорах; кучер на козлах был молдаван же, в широком плаще с длинным бичом; а назади лакей капитан-исправника в жупане с широкими рукавами, и в таком великолепном экипаже поехал к Князю.

Дорогою никто из наблюдавших его не мог подумать, чтоб это был Суворов, а считали, что едет какая-нибудь важная духовная особа. Когда же въехал он к Князю во двор, то Боур, увидя из окошка, побежал к Князю доложить, что Суворов приехал. Князь немедленно вышел из комнат и пошел по лестнице, но не успел сойти три ступеньки, как Граф был уже наверху. Потемкин обнял его, и оба поцеловались. При Князе был один только г. Боур, а мы стояли все в дверях и смотрели.

Князь, будучи чрезвычайно весел, обнимая Графа, говорит ему: "Чем могу я вас наградить за ваши заслуги?" Граф поспешно отвечал: "Нет! Ваша Светлость! Я не купец и не торговаться с вами приехал. Меня наградить, кроме Бога и Всемилостивейшей Государыни, никто не может!"

Потемкин весь в лице переменился. Замолчал и вошел в залу, а за ним и Граф. Здесь подает ему Граф рапорт; Потемкин принимает оный с приметною холодностию; потом, походя по зале, не говоря ни слова, разошлись: Князь в свои комнаты, а Суворов уехал к своему молдавану; и в тот день более не видались».

Смитт, уверовавший в эту байку, возмущался: «Могущественный враг его умел воспрепятствовать всему, что могло быть благоприятным Суворову. И последний не был пожалован не только фельдмаршалом, но даже и генерал-адъютантом, чего он желал, чтобы постоянно иметь свободный доступ к императрице».

Без малейшей критики повторил анекдот и А.Ф. Петрушевский. Его не смутил факт, что никто из находившихся в ставке Потемкина генералов и офицеров не заметил такого из ряда вон выходящего события, как ссора Суворова с самим главнокомандующим. До публикации 1817 года никто о размолвке в Яссах не слыхал. Жизнеописатель полководца чувствовал неправдоподобность анекдота и всё же попытался объяснить выходку измаильского героя психологическим просчетом: Суворов совершил выдающийся подвиг, на который можно отважиться только раз в жизни, и приехал к Потемкину новым человеком, а тот остался верен прежнему дружескому тону, вот и случилась размолвка.

Советских авторов такое объяснение не устраивало. «Потемкин обомлел. Подобного тона он никак не ожидал, — читаем у самого растиражированного биографа Суворова К. Осипова. — Они молча ходили по залу; ни тот ни другой не могли найти слов. Наконец Суворов откланялся и вышел. Это была его последняя встреча с князем Таврическим… Пять минут независимого поведения дорого обошлись Суворову… Екатерининская эпоха еще раз зло посмеялась над ним. Суворову горше, чем когда бы то ни было, было суждено почувствовать, что недовольство фаворита значит для царицы больше, чем любые подвиги полководца… Суворов выехал в Петербург. Потемкинские эстафеты опередили его. Он был принят очень холодно». Абтор, видимо, даже не подозревал о том, что по приезде в столицу Александр Васильевич и Григорий Александрович не раз встречались на официальных приемах.

Анонимный анекдот является позднейшей выдумкой . Кстати, еще в 1841 году известный русский военный историк Александр Васильевич Висковатов в работе «Сведения о князе Потемкине» заметил: «Должно ли после сих слов и после всех знаков веры Потемкина в воинские дарования Суворова согласиться с преданием, что он завидовал Рымникскому и препятствовал ему получить должную награду? Прибавим к тому, что Суворов и не был обижен: важный в то время чин Подполковника Лейб-Гвардии Преображенского полка и выбитая в его честь золотая медаль были наградами, полученными им от Императрицы за Измаильский подвиг».

Полным вымыслом являются ссылки биографов Суворова на «эстафеты разгневанного временщика», которые якобы помешали герою получить фельдмаршальский жезл. Донесения, опередившие приезд измаильского победителя в столицу, были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях» вскоре после штурма крепости. «Не Измаил, но армия турецкая, состоящая в 30 с лишком тысячах, истреблена в укреплениях пространных, — говорилось в первом донесении Потемкина Екатерине. — Храбрый Генерал Граф Суворов-Рымникский избран был мною к сему предприятию». А вот отрывок из второго донесения: «Отдав справедливость исполнившим долг свой военачальникам, не могу я достойной прописать похвалы искусству, неустрашимости и добрым распоряжениям главного в сем деле вождя Графа Суворова-Рымникского. Его неустрашимость, бдение и прозорливость всюду содействовали сражающимся, всюду ободряли изнемогающих и, направляя удары, обращавшие вотще неприятельскую оборону, совершили славную сию победу». Таким образом, миф о размолвке Суворова с Потемкиным должен быть вычеркнут из биографии великого полководца.

Нельзя не остановиться на еще одной фальсификации. Западные историки выставляют Суворову очень строгий счет за Измаил, обвиняя его в чрезмерной жестокости. О кровавом штурме сразу же стала писать европейская пресса. Особенно усердствовали журналисты революционной Франции. В дни якобинского террора, унесшего жизни десятков тысяч французов, эти «разбойники пера» проклинали русского полководца за кровь «несчастных жертв», пролитую в Измаиле. Играя словами, они сравнивали Суворова с беспощадным султаном Марокко Мулаем Исмаилом ибн Шерифом (1672—1727), изгнавшим из страны европейцев.

В начале XIX века великий английский поэт лорд Байрон в своем сатирическом эпосе, поэме «Дон Жуан», описал «измаильскую эскаладу»:

Суворов появлялся здесь и там,Смеясь, бранясь, муштруя, проверяя.(Признаться вам — Суворова я самБез колебаний чудом называю!)То прост, то горд, то ласков, то упрям.То шуткою, то верой ободряя.То арлекин, то Марс, то Мом,Он гением блистал в бою любом.

Советские биографы полководца часто цитировали эти строки, стыдливо скрывая продолжение:

Суворов в этот день превосходилТимура и, пожалуй, Чингисхана:Он созерцал горящий ИзмаилИ слушал вопли вражеского стана;Царице он депешу сочинилРукой окровавленной, как ни странно — Стихами: «Слава Богу, слава Вам! —Писал он. — Крепость взята, и я там!»Двустишье это, мнится мне, страшнееМогучих слов «Мене, Мене, Текел!»,Которые, от ужаса бледнея,Избранник Даниил уразумел.Но сам пророк великой ИудеиНад бедствием смеяться не посмел.А этот рифмоплет — Нерону пара! —Еще острил при зареве пожара .

Приведя библейский рассказ о страшной гибели Вавилона, предсказанной пророком Даниилом, и повторив ходячий анекдот о стихотворном донесении Суворова по случаю взятия турецкой крепости Туртукай, британский лорд отнес русского полководца к самым жестоким деятелям мировой истории. Суворов «не острил при зареве пожара». Его донесения шли не царице, а, как положено, главнокомандующему:

«Простите, сам не пишу: глаза от дыму болят. Легло наших героев сухопутных с флотскими за отечество до двух тысяч, а раненых больше. Варваров, получавших провиант, до 40 000, но числом менее того; в полону при разных пашах и чиновниках около трех, а всех душ до пяти тысяч. Протчие погибли… Трофей — больших и малых пушек ныне около 200 и знамен до 200, должно быть больше. Победоносное войско подносит Вашей Светлости городские ключи».

Казалось бы, грандиозная победа должна была ускорить окончание войны. Но вышло иначе: союзники султана заверили его, что, если Россия не заключит мир на условии сохранения статус-кво, против нее двинутся британский флот и прусская армия.

В период зимнего затишья Потемкин и Суворов отправились в Петербург. Там между ними и произошел конфликт, совершенно искаженный биографами великого полководца. И виноват в нем был измаильский победитель.

ПОСЛЕ ИЗМАИЛА

Четвертого марта 1791 года в камер-фурьерском церемониальном журнале появилась запись: «В 11 часу утра… приехал ко двору и имел счастие представиться пред Ее Императорским Величеством во внутренних Ея Величества покоях прибывший накануне из главной армии Господин Генерал-Аншеф Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, который потом около полудня, для отдания всенижайшего поклона, был у Их Императорских Высочеств Государя Цесаревича и Государыни Великой Княгини и у Государей Великих Князей».

Герою войны была оказана высокая честь: почти два часа с ним наедине беседовала императрица. Затем он был принят наследником престола и его супругой.

Через день в Эрмитаже состоялся большой вечерний прием. «В 3/4 10-го благоволила Ее Императорское Величество из Эрмитажа отсутствовать в свои апартаменты, а Их Императорские Высочества по прошению Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического проходить изволили из Эрмитажа в покои Его Светлости, к чему также были приглашены Его Светлость Принц Виртемберг-Штутгардский и прочия до 65-ти знатные обоего пола особы… Сего числа в реестр, по которому были приглашены в Эрмитаж, по приказу Господина Гофмаршала внесен Господин Генерал-Аншеф Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, который потому в сей вечер и приглашен был».

Девятого марта «пополудни мимо Зимнего дворца везены турецкие знамена и другие трофеи, взятые под Измаилом российским войском». В журнале не указаны имена присутствовавших на церемонии, но, очевидно, как и два года назад, Суворов стоял рядом с Екатериной и Потемкиным. Граф двух империй, кавалер Георгия 1-й степени, обладатель драгоценной шпаги с надписью «Победителю Визиря» выделялся из когорты генералов империи. Сановники и придворные устно и письменно поздравляли героя, его приглашали в гости друзья, поэты подносили хвалебные стихи.

«25 марта, — читаем в камер-фурьерском журнале, — после литургии Ее Императорское Величество изволила прибыть обще с Их Императорскими Высочествами в аудиенц-камеру и Всемилостивейше жаловала Монаршими милостями как предводительствовавшего на юге Российским оружием Генерал-Фельдмаршала Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического, так рекомендованных от Его Светлости и от частных командиров разных чинов военнослужащих за отличные подвиги, оказанные в прошедшую пред сим кампанию и особливо при взятии приступом города и крепости Измаила, со Всемилостивейшим пожалованием всему войску, бывшему на приступе, каждому по серебряной медали с надписью "за храбрость и усердие"». Награждения были щедрыми и ничуть не уступали очаковским.

Через три дня Потемкин получил короткое письмо. «Светлейший Князь, Милостивый Государь! — писал Суворов. — Вашу Светлость осмеливаюся утруждать о моей дочери в напоминовании увольнения в Москву к ее тетке Княгине Горчаковой года на два. Милостивый Государь, прибегаю под Ваше покровительство о ниспослании мне сей Высочайшей милости. Лично не могу я себя представить Вашей Светлости по известной моей болезни».

Как мы помним, «Суворочка», определенная при участии Потемкина и самой государыни в Смольный институт, росла без матери, жившей с маленьким сыном у родственников в Москве. Всю нежность родительского сердца Суворов перенес на дочь, о чем красноречиво говорят его письма. Мы видели, как отец радовался успехам Наташи в учебе, передавал поклоны директрисе Смольного Софье Ивановне Делафон и «сестрицам» — одноклассницам дочери, как мечтал о времени, когда его «Суворочка» наденет белое платье — символ скорого окончания учебы.

Александр Васильевич писал дочери о своей боевой и походной жизни, о своих победах, применяясь к ее понятиям. Отметим интересную подробность: Наташу несколько раз приглашала государыня для чтения перед ней и придворными писем ее ставшего знаменитым отца. Дочь относилась к нему с уважением, почтительностью и любовью. К сожалению, ее ответные письма, за редкими исключениями, до нас не дошли. Процитируем одно из сохранившихся, датированное 17 апреля 1790 года:

«Довольно долгое время, дражайший батюшка, я была лишена удовольствия получать от Вас новости. Не зная причины столь жестокого молчания, я приписывала ее нездоровью либо какой другой напасти. Но благодаря Богу Ваше письмо успокоило мои тревоги. Не могу выразить Вам радость, какую оно мне доставило. Будьте уверены, батюшка, я сделаю всё, чтобы жить в соответствии, согласно Вашим советам, которые Вы даете мне, всегда самым совершенным образом покоряться Вашей воле, ибо Вы знаете, сколь Вы мне дороги.

Моя милая матушка Софья Ивановна всем сердцем согласна, чтобы я потратила деньги, которые Вы назначили мне на гостинцы, на покупку клавесина. Он уже совсем готов. Она испрашивает Вашего приказания, чтобы эти деньги были мне переданы, так как Вы знаете, дражайший батюшка, что она не дала тогда согласия на это и с тех пор больше не видела господина, который должен был ей его передать. Это органный клавесин стоимостью 500 рублей, и лишь только я буду в состоянии заплатить за него, я смогу им пользоваться сразу же.

От всего сердца прошу Бога, чтобы он сохранил милого батюшку. Не могу и думать, не проливая слез и не трепеща, об опасностях, которые каждый день угрожают драгоценной жизни моего отца. Сестрицы вам кланяются. Я целую Ваши руки».

Второго марта 1791 года, накануне приезда Суворова в столицу, Екатерина пожаловала пятнадцатилетнюю графиню Рымникскую в свои фрейлины. Много горестных часов доставил старику-отцу этот знак монаршей милости. Будучи невысокого мнения о придворных нравах, он сокрушался об опасностях, подстерегавших дочь. Придворные интриганы сразу заметили его терзания. Особо следует отметить опытного царедворца графа Николая Ивановича Салтыкова. В отсутствие Потемкина он руководил Военной коллегией и по совместительству занимался воспитанием внуков императрицы. Салтыков ладил и с Екатериной, и с ее раздражительным сыном. Именно при его поддержке Зубов занял место подле государыни. Граф Николай Иванович предложил Суворову выдать Наташу замуж за своего сына Дмитрия, а до осуществления этого марьяжа поручить опеку над юной фрейлиной своей супруге Наталье Владимировне, статс-даме императрицы.

Осведомленный Гаврила Романович Державин в своих «Записках» рассказывает: «Надобно знать, что в сие время крилося какое-то тайное в сердце императрицы подозрение против сего фельдмаршала (Потемкина. — В.Л.) по истинным ли политическим каким, замеченным от двора причинам, или по недоброжелательству Зубова, как носился слух тогда, что князь, поехав из армии, сказал своим приближенным, что он нездоров и едет в Петербург зубы дергать. Сие дошло до молодого вельможи и подкреплено было, сколько известно, разными внушениями истинного сокрушителя Измаила, приехавшего тогда из армии. Великий Суворов, но, как человек со слабостьми, из честолюбия ли, или зависти, или из истинной ревности к благу отечества, но только приметно было, что шел тайно против неискусного своего фельдмаршала, которому со всем своим искусством, должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться».

Державин писал свои «Записки» спустя много лет после Итальянского и Швейцарского походов, обессмертивших имя Суворова. В оценке «неискусного фельдмаршала» слышатся сплетни, распространявшиеся еще при жизни Потемкина в придворных и дипломатических кругах. Но главное передано верно: осложнение отношений Потемкина с императрицей, недоброжелательство к нему Зубова и участие измаильского героя в противостоянии князю Таврическому. Это подтверждается письмами самого Суворова.

Летом 1791 года Александр Васильевич действительно резко отзывался о властолюбии Потемкина и даже писал сатирические стихи на своего начальника. Однако всё это не предназначалось для чужих глаз и проявлялось исключительно в личных письмах Суворова Дмитрию Ивановичу Хвостову. Женатый на племяннице полководца, Хвостов сделался своего рода представителем графа Рымникского при дворе. От него у Суворова не существовало тайн. Что же случилось? Чем провинился Потемкин?

Воспользовавшись его двухлетним отсутствием в столице, придворные завистники пытались ослабить влияние соправителя и супруга императрицы. Им удалось провести в фавориты Екатерины молодого и малоопытного в делах Платона Зубова. Измаильский герой понадобился им для того, чтобы внушить недоверие к главнокомандующему, якобы только пожинавшему плоды побед своих подчиненных. Общественное мнение, которое сам Суворов называл «стоглавой скотиной», приняло эту сплетню. Но государыню обмануть было невозможно — она знала настоящую цену Потемкину, более того, понимала, что в случае его отставки ключевые посты в армии окажутся в руках сторонников наследника престола, поклонника Пруссии. В Берлине уже ходили слухи о скорой перемене в России царствующей особы. Этому должны были способствовать угрозы Англии и Пруссии.

Екатерина разгадала маневры домашних друзей прусского короля и не предала своего тайного мужа и соправителя. Суворов же поплатился за свою доверчивость. Горько читать строки из письма поседевшего в битвах полководца мальчишке Зубову, с которым его свели «новые друзья» и вся сила которого заключалась лишь в привязанности престарелой императрицы. «Ежечасно возпоминаю благосклонности Вашего Превосходительства и сию тихую нашу беседу, наполненную разума с приятностью честосердечия, праводушия, дальновидных целей к общему благу», — писал Суворов 30 июня 1791 года. Неужели он верил, что этот юнец способен понять и оценить его лучше, чем «батюшка князь Григорий Александрович»?

Из писем Суворова лета—осени 1791 года видно, что он, презиравший придворную суету, хотел во что бы то ни стало задержаться при дворе. Не фельдмаршальский чин, как считают многие биографы Суворова, желал получить он за свой подвиг, а звание генерал-адъютанта, открывавшее прямой доступ ко двору, которое обещал исхлопотать ему Платон Зубов. Старый воин не знал, что Потемкин, представляя наградной список отличившихся при штурме Измаила, предлагал Екатерине отличить главного предводителя «гвардии подполковника чином или генерал-адъютантом», но императрица не пожелала иметь среди своих генерал-адъютантов человека, который в ответ на ее милость торопится забрать дочь из дворца, словно это притон.

Какие же награды мог получить Суворов? Он уже имел высшие степени всех российских орденов, а дважды одним и тем же орденом не награждали. «Чин фельдмаршала!» — вслед за Полевым и Петрушевским заявляют биографы полководца.

Екатерина очень скупо жаловала в фельдмаршалы. Князь Александр Михайлович Голицын и граф Петр Александрович Румянцев получили этот чин, командуя армиями в первой войне с Турцией. Граф Захар Григорьевич Чернышев и князь Григорий Александрович Потемкин стали фельдмаршалами по должности президента Военной коллегии. Суворов будет пожалован им после выдающегося успеха в Польской кампании 1794 года, когда его победы поставят точку в военных действиях. Весной 1791-го до мира с турками было еще далеко, вот он и получил почетный чин подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.

Полковником всех гвардейских полков значилась сама императрица. В число подполковников (около десяти) входили Потемкин, Румянцев, а также те, кого Суворов считал своими соперниками: Репнин, Салтыковы, Брюс, Мусин-Пушкин, Долгоруков.

Потемкин предложил также наградить измаильского победителя именной медалью с его портретом. Императрица согласилась и написала статссекретарю Д.П. Трощинскому: «Я думаю Суворову приказать вытиснуть медаль за взятие Измаила и для сего, когда приедет, приказать профиль его срисовать».

Медаль была выбита в 1791 году на Петербургском монетном дворе, ее автор — придворный медальер Карл Лебрехт. На лицевой стороне помещен профильный портрет Суворова. Знатоки суворовской иконографии давно разошлись во мнениях. Одни (Д.А. Ровинский, С.В. Козлов) считали это изображение совершенно непохожим на прототип, вымышленным, героизированным. Другие (М.Б. Стремоухов, П.Н. Симанский) доказывали, что изображение «не совсем вымышленное», на что «указывают некоторые схваченные на медали черты суворовского типа, как, например, выдвинутая вперед нижняя губа, изогнутое очертание бровей, развитые лобные кости, глубокие правильные морщины на лбу и сосредоточенное выражение лица».

Лучший исследователь портретов великого полководца А.В. Помарнацкий убедительно доказал, что профиль срисован с натуры, прибавив, что «Суворов на этой медали очень некрасив… на ней беспощадно подчеркнут его возраст со всеми присущими старости… чертами». В соответствии со вкусами времени он изображен в виде Геркулеса со шкурой немейского льва, наброшенной на обнаженные плечи. Однако героизация образа полководца неожиданно сочетается в изображении на медали с «весьма натуралистической передачей его невзрачной внешности», что, по мнению исследователя, противоречит «'основным установкам эстетики классицизма, неизменно требовавшей "поправления", идеализации "натуры"». Поэтому медаль стала своего рода «гротеском». Потемкин, раздраженный «дерзостью» подчиненного при встрече в Яссах, не только помешал производству героя в чин фельдмаршала, но и подсказал Екатерине «изобразить Суворова на памятной медали хотя и с атрибутами могучего Геркулеса, но без прикрас, а таким, каким он был в действительности».

Но это явная натяжка и дань антипотемкинской легенде. Именная медаль была очень редкой и, безусловно, очень почетной наградой. Румянцев получил такую медаль за Кагул, Орлов — за Чесму. Сам Потемкин удостоился трех таких медалей, последней — за очаковский штурм. Ее штамп резал тот же Лебрехт.

«Посылаю тебе медали три, кои ныне лишь поспели, — писала 7 сентября 1789 года Екатерина Потемкину. — Я в них любовалась на образ твой, так как и на дела того человека, в котором я никак не ошиблась, знав его усердие и рвение ко мне и общему делу, совокупно со отличными дарованиями души и сердца». Однако самому князю медаль не понравилась. «Изображен я сердитым, — отвечал он императрице, но тут же сгладил вырвавшийся упрек: — ибо сержусь, что не в силах заслужить бездны твоих милостей».

В апреле 1791 года Екатерине и Потемкину было не до иронии над Суворовым — Россия стояла на грани войны с Англией и Пруссией. Измаильский победитель в этом месяце несколько раз приглашался во дворец: 17-го он присутствовал на эрмитажном собрании и трижды (последний раз 24-го) удостоился чести обедать за «высочайшим столом». На другой день императрица писала Потемкину: «Я нахожу Вашу мысль — составить наилучшим образом значительный корпус в Финляндии и прежде всего назначить начальником Графа Суворова — отличною. И чтобы ускорить дело, посылаю Вам при этом записку к Генералу Суворову, если Вы найдете нужным передать ее ему». Тем же числом помечен рескрипт: «Граф Александр Васильевич! Я желаю, чтоб Вы съездили в Финляндию до самой шведской границы для познания положения мест, служащих для обороны оной. Пребываю к Вам доброжелательна. Екатерина».

Большинство биографов Суворова видят в этом назначении опять-таки происки Потемкина, якобы не желавшего присутствия измаильского героя на великолепном празднике, устроенном им 28 апреля в своем дворце, впоследствии названном Таврическим. На празднике присутствовали императрица со своим семейством, придворные, генералитет, члены дипломатического корпуса — всего три тысячи человек. Программу торжества помогал составить Державин, написавший тексты для исполнявшихся хоров. Он же в 1792 году опубликовал подробное описание праздника.

Одни живые картины сменялись другими. Гости слушали хоры, смотрели балет, который, по словам Державина, «представлял Смирнского купца, торгующего невольниками всех народов, но, к чести Российского оружия, не было ни одного соотечественника нашего в плену у сего корыстолюбивого варвара». «Какая перемена политического нашего состояния! — восклицал поэт и кабинет-секретарь императрицы. — Давно ли Украина и Понизовые места подвержены были непрестанным набегам хищных орд? Давно ли? — О! Коль приятно напоминание минувших напастей, когда они прошли, как страшный сон. Теперь мы наслаждаемся в пресветлых торжествах благоденствием. О потомство! Ведай: всё сие есть творение Духа Екатерины».

Особенно поразил гостей польский танец, в котором участвовал цвет петербургской молодежи. Две великолепные кадрили вели юные внуки государыни Александр и Константин. Танец сопровождал хор на слова первого поэта России.

Гром победы, раздавайся!Веселися, храбрый Росс!

Как и балет, он был пронизан злободневным политическим содержанием:

Воды быстрые ДунаяУж в руках теперь у нас;Храбрость Россов почитая,Тавр под нами и Кавказ.Уж не могут орды КрымаНыне рушить наш покой;Гордость низится Селима,И бледнеет он с луной.Стон Синила раздаетсяДнесь в подсолнечной везде;Зависть и вражда мятетсяИ терзается в себе.Мы ликуем славы звуки,Чтоб враги могли то зреть,Что свои готовы рукиВ край вселенной мы простреть.Зри, премудрая Царица,Зри, Великая Жена,Что твой взгляд, твоя десницаНаш закон, душа одна.

Императрица, пробывшая на празднике девять часов, в письме своему давнему зарубежному корреспонденту, барону Фридриху Мельхиору Гримму подвела под торжество политический подтекст: «Зрелище было чудное… Вот так, государь мой, проводят время в Петербурге, не смотря на шум, и войну, и угрозы диктаторов!» Устроенный Потемкиным праздник продемонстрировал друзьям и недругам России несокрушимую мощь империи и отсутствие разногласий в ее верхах.

Пока в Таврическом дворце гремела музыка и звучали хоры, Суворов по раскисшим весенним дорогам двигался вдоль границы со Швецией. По какому-то недоразумению историки связали этот праздник с взятием Измаила, поэтому отсутствие главного героя объясняли кознями «всесильного временщика».

Выдающиеся победы армии и флота, венцом которых стало взятие Измаила, не приблизили мира. Султан Селим под давлением Англии и Пруссии поставил на место казненного визиря «бешеного» Юсуфа-пашу, зачинщика войны. Британский парламент проголосовал за вооружение флота. Готовые к походу на Кронштадт английские корабли ждали, когда на Балтийском море растает лед. Премьер-министр Уильям Питт Младший лично составил ультиматум России.

К западной границе империи выдвигалась прусская армия, а шведский король Густав настаивал на выплате крупных сумм, обещанных ему при заключении мира. В российской казне, истощенной двумя войнами и новыми военными приготовлениями, свободных денег не было, зато английский посол в Стокгольме предлагал их за «небольшую услугу» — разрыв мира с Россией и предоставление британскому флоту права пользоваться шведскими гаванями.

Поручение осмотреть границу в Финляндии, данное лучшему боевому генералу империи, было хорошо продуманным политическим актом. Екатерина в письме принцу де Линю в Вену высказалась на этот счет вполне определенно: «Страх ни на что не годится в сем мире, сказала я, как бы по вдохновению, при виде возвратившегося весьма неустрашимого Графа двух Империй Суворова-Рымникского, который от нечего делать съездил прогуляться в Финляндию…» Горячие головы были предупреждены: если Швеция рискнет воевать — придется сразиться с «росским Геркулесом».

Потемкин, несомненно, был осведомлен о попытках втянуть его друга в дворцовые интриги. Светлейший князь знал о коварстве придворных кругов, жертвами которых становились и не такие неискушенные люди, как измаильский триумфатор, и решил занять полководца делом. В суворовских письмах тех дней нет и тени уныния и обиды. Как всегда, он краток и точен, его сведения исчерпывающе полны, предложения целесообразны.

Екатерине, Потемкину и их соратникам удалось одержать победу в тяжелейшей дипломатической битве с европейскими противниками. Новая война была предотвращена. В Англии парламентская оппозиция убедительно доказала пагубность политики Питта для британской торговли и промышленности, премьера обвинили в потворстве корыстным планам прусского короля. На митингах в промышленных центрах Англии звучали протесты против намерения правительства послать флот на Кронштадт. Антивоенная кампания развернулась в печати. Теряя авторитет и доверие сторонников, Питт был вынужден отступить. Курьер, везший ультиматум России, был возвращен — вместо него в Петербург отправился специальный представитель правительства. Открывшиеся переговоры показали, что Англия войны не начнет, не решится на разрыв и Пруссия. На юг поскакали нарочные с приказаниями Потемкина армии и флоту перейти в наступление.

Императрица была очень довольна миссией Суворова. Чуть ли не каждый день он приглашается к царскому столу. 22 июня 1791 года на приеме в Царском Селе Александр Васильевич в последний раз видел «великолепного князя Тавриды». Могучая фигура Потемкина возвышалась над толпой придворных. К сожалению, неизвестно, беседовали ли они.

Очередное свидетельство дружеского отношения князя к боевому товарищу — его письмо государыне от 24 июня: «Подполковник Князь Алексей Горчаков приобрел особливое внимание усердием и способностьми своими к службе. Во уважение оных, а равно и заслуг дяди его Графа Суворова-Рымникского, всеподданнейше испрашиваю пожалования его в полковники». Так суворовский племянник получил новый чин.

Двадцать пятого июня Екатерина именным указом предписала Суворову исполнить предложенный им план укрепления границы. Граф отбыл в Финляндию. Незадолго до этого ему удалось добиться отпуска для Наташи, которая вместе с теткой Марией Васильевной Олешевой (овдовевшей младшей сестрой Суворова) поселилась в столице у Хвостовых.

Александр Васильевич со свойственной ему энергией принялся за новое большое дело. О его хорошем настроении красноречиво свидетельствует письмо Хвостову от 11 июля из Кюменьгорода. «Я очень от вояжей и дела устал, насилу это письмо кончу», — пишет он. И тут же следует наставление племяннику: «Господин полковник Князь Алексей Иванович, благодарите Бога ревностию к службе вашей Великой Императрицы и в моральном виде будьте моральны». Основное содержание письма (с небольшими отступлениями) посвящено «Суворочке»: «Что дитя читает, шьет, вяжет и для здоровья прыгает, гуляет, за рапорт благодарность Петру Григорьевичу (Корицкому. — В. Л.). Дмитрия Ивановича поздравляю с наследником Магометовым ; желаю скоро поздравить с Наташею в отцовском доме; хоть бы там батюшка месяца два ее не видал, да сердце его будет спокойно».

Суворов обращается к дочери: «Ай-да душа моя Наташа, поезжай на кораблике: так-то там весело катаца, и везде там кошечки! Каких же у нас ловят прекрасных лососей живых! Я в пятницу пишу, а ты в пятницу хотела поехать к Графине Наталье Володимировне (Салтыковой. — В. Л.). Вот приходит [письмо] в один день и в тот самый час, как ты где-нибудь кушаешь, и мне пора кушать. Много писал, глаза будто в стеклышках, что на нос надевают. Божье благословение с тобою! Поцалуй за меня тетушку».

В Петербурге завершились переговоры: английские и прусские дипломаты согласились на российские условия мира с Турцией. И в тот же день, 12 июля, из Главной армии прискакал курьер. Репнин доносил Потемкину, что русская армия (30 тысяч человек при 78 орудиях) переправилась через Дунай и, совершив тридцативерстный марш, 28 июня атаковала при Мачине главные силы турок. После упорного шестичасового сражения шестидесятитысячная армия противника была разбита. Лагерь, обоз и до сорока орудий достались победителям.

Немного найдется в истории примеров, когда истощенная четырехлетней войной страна столь впечатляюще доказывала свое военное и моральное превосходство над сильным противником. Русская армия, преобразованная реформами Потемкина, выполнила свой долг.

Еще до этих побед Безбородко чутко уловил перемену обстановки: «За Дунаем начали драться, а Гудович уже перешел Кубань и идет к Анапе, а оттуда далее. Кажется, всё клонится к миру».

В пять часов утра 24 июля из Царского Села по большой дороге промчалась тройка — Потемкин поскакал на юг. Взятие Анапы и мачинская победа вкупе с дипломатическими успехами поставили Блистательную Порту в безвыходное положение. Вековая борьба России за выход к Черному морю подходила к концу.

Суворов поздравил императрицу с новыми успехами. Но вскоре его хорошее настроение сменилось тревогой. «Между нами: Вы знаете, у меня больше всего на сердце благонравие моего невинного ребенка, — пишет он 19 июля Турчанинову. — При Высочайшей милости только что ей пока жить в отцовском дому, у ее двоюродной замужней сестры. Дойдет до Вас, будь Ваше доброе слово». На другой день — письмо Хвостову:

«Сонное суеверство... Ныне я видел, потерявши, отыскавши, Наташу в присутствии Вел[икого] Гет[мана] с б[аронессовыми] Мальтицовыми девицами наряду, калмыковатую, с горбом, так что разсмеялся.

Поди сюда, гетман,Язык твой на аркан.Марс пошлет Геркулеса,А ты пошлешь Зевеса.Ты Терзиту подобен.И Царь-Град вам покорен.

Г[рафа] Н[иколая] Ивановича] С[алтыкова] сын… Тупой ответ. Для чего не помолвка, сговор, обрученье? Отложить года на два. Холодный ответ: почивает тут цель!.. Какая?.. Гетман и сераль — Боже соблюди!

Между тем я в оковах, в ласкании. Чужие край — и то временить. Я слышу — [князь Потемкин] отсутственен, предвижу обновившуюся возрастшую силу. Перун в руках — кто не припадет? Летит моя глава…

У Платона Александровича длят, избирают время — у Гетмана всё секунды… Но где ж Наташа? Утверждена ли у вас? Что за препятствы? Приятное обличается само собою, неприятное поспешно объяснять для мероприятиев. Малые притчины рождают великие приключения. Цалую тебя, Наташа!»

Всю эту бурю мыслей вызвали перемены в придворных кругах. Было очевидно: свалить соправителя государыни не удалось; он заключит мир и станет могущественнее, чем прежде. И Салтыковы сразу же решили отложить сватовство своего сына к Наташе «Суворочке» на два года. Один из подчиненных Суворова подполковник Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен (будущий фельдмаршал) поспешил предупредить шефа о грозящих опасностях. «Графиня живет с ее кузиной, что возможно, пока двора нет здесь, — сообщал он из столицы. — Но коль скоро он вернется, нет никакой причины ее удерживать. Вы знаете, какими красками расписывали враги Ваши поступки, когда Вы требовали ее возвращения… Мой совет: действуйте с большей деликатностью. Нужно, чтобы Графиня была уже при дворе в тот день, когда Императрица вернется в город».

Связавшись с противниками светлейшего князя (великого гетмана) и доверившись нерешительному Платону Зубову, Суворов оказался в проигрыше. Его терзают сны: Наташа в кругу фрейлин, которыми командует преданная Потемкину баронесса Мальтиц; он боится, как бы его дочь не стала жертвой ухаживаний гетмана.

Из-под его пера выходят сатирические стихи. Он сравнивает Потемкина с трусливым Терзитом, противником Ахилла, героя Троянской войны. И этому новому Терзиту судьба готова подарить Царьград. Словно всемогущий Зевс, князь Потемкин держит в руках стрелы молний, снова велик и могуч: «Кто не припадет? Летит моя глава».

Нарастала тревога не только за дочь, но и за собственную судьбу Репнин получил Георгия 1-й степени, а Гудович — 2-й. «Не навлекут ли эти успехи мне упадок? — вопрошает он Хво-стова. — Вправду, не пошлете ли оду Князю Николаю Васильевичу Репнину? Тем пииты утверждают себя в патриотстве. Как думаете?» И тут же — новые вопросы: «Что за слухи? Будто под Мачином наши потеряли несколько сот больше — это неважно, — притом, что Визиря тут не было… Кто при дворе мне отзывается зложелательным? Надобно их имяна мне знать для ежевременных предосторожностей и чтоб не принять ель за сосну».

В его голове стремительно возникают и исчезают предположения о возможных политических комбинациях. После новых побед и заключения мира Потемкин станет генералиссимусом, Безбородко — канцлером, а приехавший в столицу Алексей Орлов — фельдмаршалом. «Вот и триумвират», — делает вывод Суворов. Противостоять им некому, даже если Репнин получит чин фельдмаршала, а Салтыков станет президентом Военной коллегии.

Особенно велика сила Потемкина: «Чин страшен… Перун его грозит, его рог изобилия привлекает… По победе над Визирем чем далее Князь Потемкин пойдет, тем опаснее… Я легкий временщик и для него прах. Разве быть в так называемой "Его армии" помощником Князя Николая Васильевича Репнина? Какое ж было бы мне полномочие? Вогнавши меня во вторую ролю, шаг один до последней… Здесь колебался Князь Потемкин, там Князь Николай Васильевич Репнин дал ему новые силы, так чтобы лутче вовсе не было Мачина».

Только душевным терзанием можно объяснить последние слова. Он, Суворов, выиграл четыре самых главных сражения и всё же оказался в тени, а лавры победителя достались Репнину, проведшему три года войны почти в полном бездействии, но подписавшему с визирем предварительные условия мира. И всё же трудно поверить, что это пишет Суворов, известный своим горячим патриотизмом. Лучше вовсе не было бы мачинской победы, принесшей долгожданный мир России? Разве не очевидно, что вовлеченный в придворные интриги полководец погрешил против своего жизненного кредо — служить Родине. Но он быстро взял себя в руки. На рескрипт императрицы он ответил искренним поздравлением: «Какой же прекрасный новый предел! Приобретением знаменитого пространства и вящим обезпечением прикосновенных. Слава, польза, благоденствие России паки верховно возросли под премудрейшей Державой Вашего Императорского Величества. Европа от северо-запада до юга поднятое оружие повергла пред освящен-нейшие стопы Великия Екатерины! И Азия трепещет».

Суворов уже раскаивается и признается Хвостову:

«И с какими ж гусями… сей К[нязь] Г[ригорий] Александрович] имеет дело. Всего больше я могу остаться между неба и земли. Я в счислении на юге и по обстоятельствам… легко исключусь. В норде служу, но чужая команда не постоянная. Вот мое перспективное благосостояние! Разсмеется К[нязь Пригорий] Александрович] Щотемкин].

Бежа гонениев, я пристань разорял.Оставя битый путь, по воздухам летаю.Гоняясь за мечтой, я верное теряю.Вертумн поможет ли? Я тот, что проиграл».

Да, он проиграл, пойдя против «батюшки князя Григория Александровича». Какое-то затмение окутало его ум, и он «принял ель за сосну».

С удвоенной энергией Суворов занимается строительными работами на шведской границе. «Государева служба мне здесь несказанно тяжела, — пишет он Хвостову в середине августа, — но по святости усердия невероятно успешна: прибавление вящее практики по инженерству…»

«По тяжкой работе пишу. Против 20 ч[исла] буду в Вильманстранде и, ежели сюда (в Кюменьгород. — В. Л.) на краткое время не обращусь по Роченсальму, еду в Нейшлот… Поручением мне Финл[яндско]й дивизии поспешить. Я от нее могу откомандирован быть повсюду, но в ней мне будет пристань… И Г[раф] Б[рюс], Г[раф] И[ван] С[алтыков], К[нязь] Р[епнин] и кого хотите — мне препоны. Они лутче уступят достоинству родства и свойства, нежели достоинству моих испытанных качеств. Для России ж хоть трава не расти!» — читаем в письме Хвостову от 10 сентября.

Через десять дней — новые вопросы и терзания: «Для чего же я не Генерал-Адъютант, как то почиталось немудреным?.. Что ж я до сего выиграл, кроме времянностей, правда, к пользе доказал мои качествы, но неприязненного мне К[нязя] П[отемкина] зделал или вечным злодеем, или обратиться мне паки к нему в сателиты, последуя всем протчим до единого, и в обоих видах ждать гибели?» Мнительный и легкоранимый генерал страдал от неопределенности своего положения: «Между тем знаю, что Граф Безбородко мне сюда предграждал. Так ныне, по наказу Князя Потемкина: "Дивизиею погодить его обременять, он потребен на важнейшее". Он же Петру Ивановичу Турчанинову: "Ему давно Финляндская дивизия определена"… Но положение мое так странно, что мне почти хоть миновать Санкт-Петербург. Или вспятить могут».

Вместе с Екатериной у кормила власти стоял не капризный временщик, каким пытались представить Потемкина завистники и недруги, а мудрый, опытный политик. В зависимости от развития внешнеполитической ситуации он предполагал использовать полководческий талант Суворова на главнейшем направлении — на юге, где продолжалась война, либо на западе, в случае нападения европейских союзников султана.

Знаменитый государственный деятель и реформатор начала XIX века Михаил Михайлович Сперанский назвал Потемкина, Суворова и Безбородко тремя гениальными людьми екатерининского царствования. Нет сомнения в том, что «батюшка Григорий Александрович» сумел бы вывести из временного затмения своего «друга сердешного». Два гения снова нашли бы общий язык. Но судьба распорядилась иначе.

За несколько дней до приезда на юг Потемкина Репнин поторопился подписать предварительные условия мира, при этом сделал необъяснимые уступки Юсуф-паше. Стоило чуть повременить, и визирь стал бы податливее. 31 июля, в тот самый день, когда они скрепляли своими подписями прелиминарные условия мира, Ушаков атаковал турецкий флот при мысе Калиакрия и нанес ему тяжелое поражение. Корабли османов спешно вернулись в Константинополь, где вызвали панику своими сигналами о помощи. Султан Селим был готов подписать любые условия мира.

Потемкин взял переговоры с визирем в свои руки. В Яссах, где должен был открыться мирный конгресс, свирепствовала эпидемия возвратного тифа. Не уберегся и светлейший князь. Накануне приезда турецкой делегации тяжелобольной Потемкин двинулся в Николаев, надеясь, что свежий воздух поможет ему справиться с болезнью. Он умер в степи. Умер, исполнив свой долг: война за утверждение России на берегах Черного моря была блистательно выиграна.

Запись в камер-фурьерском церемониальном журнале от 12 октября повествует: «В 5-м часу вечера начали съезжаться в Эрмитаж званые накануне по реестру на бал знатные обоего пола персоны. И едва 11 персон съехались, вдруг последовало Высочайшее повеление об отказе собрания в Эрмитаже по случаю в самое то время полученного Ея Императорским Величеством известия о последовавшей в 5-й день сего месяца кончине Главнокомандующего соединенною армиею и Черноморским флотом господина Генерал-Фельдмаршала Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, приключившейся ему по долговременной болезни во время выезда его из Ясс в Николаев».

«Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца, — призналась в письме Гримму потрясенная смертью Потемкина Екатерина. — В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача — и на суше, и на море. Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить… В нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, и смелое сердце… По моему мнению, Князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать… Теперь вся тяжесть правления лежит на мне».

Письмо помечено третьим часом ночи 13 октября 1791 года. В этот самый день в Яссах армия торжественно проводила в последний путь своего главнокомандующего. Гроб должны были выносить назначенные заранее штаб-офицеры, но генералы потемкинской армии приняли эту миссию на себя. Среди них были Кутузов, Тормасов и Платов — будущие победители полчищ Наполеона.

Екатерина заявила, что берет всех друзей и сотрудников покойного князя Таврического под свое крыло. Члены канцелярии Потемкина и его адъютанты были щедро награждены. Попов вошел в число самых доверенных лиц, состоявших при «собственных Ее Императорского Величества делах и у принятия прошений», а Самойлов получил посты генерал-прокурора и государственного казначея.

Граф Александр Андреевич Безбородко 29 декабря 1791 года в Яссах подписал мирный договор с Турцией. «Потемкинская война» закончилась.

Скорбную весть о кончине князя Суворов получил в Финляндии, где занимался подготовкой к развертыванию большого строительства, вел переговоры с подрядчиками о поставках извести, заготовке дров, изготовлении кирпича. Из приграничной крепости Вильманстранд 15 октября 1791 года с курьером было отправлено письмо в Петербург, адресованное Дмитрию Ивановичу Хвостову, в доме которого жила Наташа, временно взятая из дворца.

Хвостов был известен как переводчик и поэт. Кажется, это обстоятельство стало причиной особого доверия к нему со стороны знаменитого родственника — Александр Васильевич питал уважение к творческим людям. При посредничестве Суворова Хвостов познакомился с такими влиятельными лицами, как Зубов, Безбородко, Турчанинов. Никому из современников полководец не написал столько писем, сколько ему, и никому не писал с такой откровенностью. В письме Суворов передает привет своей сестре Марии Васильевне Олешевой, советует ее сыну Васе, если тот хочет выбрать военную карьеру, читать нужные книги, «предпочтя их пустым спекулятивным». Его новости таковы: строительство укреплений идет успешно, через неделю он рассчитывает приехать в столицу с докладом императрице. Готов к новым поручениям, но повеленное ему укрепление границы почитает «ревностной должностью» и доведет дело до конца. После благословения Наташе следуют приветы Наталье Владимировне и Николаю Ивановичу Салтыковым, чей сын всё еще считается женихом «Суворочки».

Обычное семейное письмо с характерными для Суворова мгновенными переходами от одной темы к другой. Лишь одна строка выпадает из него: «Се человек… "образ мирских сует", беги от них мудрый!» Это первый отклик Суворова на известие о смерти Потемкина, только что достигшее Вильманстранда. А.Ф. Петрушевский приводит другой отзыв Суворова на смерть Потемкина, взятый из сборника суворовских анекдотов: «Великий человек и человек великий. Велик умом, велик и ростом: не походил на того высокого французского посла в Лондоне, о котором канцлер Бэкон сказал, что чердак обыкновенно плохо меблируют». По-суворовски оригинальное признание ума покойного. Но сравним его с отзывом Румянцева, у которого действительно были сложные взаимоотношения с Потемкиным, и станет очевидным, что Суворов еще не остыл от «борьбы», в которую его вовлекли придворные интриганы. «Вечная тебе память, князь Григорий Александрович», — сказал со слезами на глазах Румянцев, узнав о кончине главнокомандующего. И, заметив недоумение своих приближенных, прибавил: «Князь был мне соперником, может быть, даже неприятелем, но Россия лишилась Великого человека, а Отечество потеряло сына бессмертного по заслугам своим!»

Во время войны 1812 года племянник Потемкина Александр Николаевич Самойлов приступил к написанию биографии дяди. «Не могу, — начал он свой рассказ, — читать без душевного негодования напечатанных в разных книгах недостойных лжей, злословий и клевет, на щет его вымышленных, и вместо признательности за заслуги отечеству, за добро содеянное, за благотворения, явленные всем вообще и каждому имевшему в защите и покровительстве его нужду, с прискорбием вижу в разных изданиях, что сколько злоба, зависть и невежество могли в хулу ему излить яда… Вопреки справедливости и благомыслию, по кончине сего великого мужа появились о нем истории от издателей отечественных и иностранных, из которых не было ни одной верной. Все сии биографы не вникали в существо истины, а может быть, не имели и источников, откуда оную почерпнуть; но, следуя преданиям, рассказам и злословию, рассеянному от врагов и завистников Князя Потемкина, описывали жизнь его неверно и оскорбительно».

Самойлов упомянул и о том, что после смерти Потемкина и Суворова людская молва и падкие на сплетни «писатели» стали усиленно ссорить их: «Истории о наших знаменитых людях, иностранными писанные, преисполнены вздорами, нимало на дело не похожими. Например, будто бы Князь Григорей Александрович, завидовав славе известного в свете полководца, Графа Александра Васильевича не любил до такой крайности, что внушил Государыне, что он полоумный, — читаем мы в черновом варианте рукописи Самойлова. — Но Ея Величество, призвав Александра Васильевича в кабинет, а Князя Григорья Александровича оставила в каком-то коридоре, и в сие время изволила с Суворовым говорить о многом, и что Суворов отвечал ей весьма умно, и Государыня, призвав Князя, начала упрекать ему в том, что обнес он Суворова. Не стыдно ли было сочинителю такую ложь писать. Я сам от Князя слыхал, что для необыкновенных предприятий равного Суворову нет. До командования Князем армии Суворов имел еще умеренную репутацию. Но Князь подал ему случаи к победам при Фокшанах и Рымнике и к овладению Измаилом…»

Вскоре после кончины светлейшего князя Суворов почувствовал тяжелую руку своих «новых друзей» и вспоминал службу под его непосредственным начальством как счастливейшие годы своей жизни.

БЕЗ ПОТЕМКИНА

1792 год Александр Васильевич встречал в тревожном состоянии духа и с дурными предчувствиями. Внешне всё выглядело отлично: ему доверено большое государственное дело — обезопасить столицу империи с севера. В январе он получит в полное командование Финляндскую дивизию, Роченсальмский порт и Саймскую флотилию.

Желая лично доложить императрице об успехах строительства укреплений, Александр Васильевич приехал в Петербург. Страх за судьбу дочери, приступившей к исполнению своих обязанностей фрейлины, несколько утих. Ее по-прежнему опекали Николай Иванович и Наталья Владимировна Салтыковы.

Двадцать шестого ноября, в день учреждения Георгиевского ордена на приеме в Зимнем дворце в числе присутствовавших находились 51 кавалер ордена 4-го класса, восемь — 3-го, четверо — 2-го и двое — князь Репнин и граф Суворов-Рымникский — 1-го класса. Камер-фурьерский журнал сообщает:

«В аудиенц-камере приносили поздравления Ее Императорскому Величеству кавалеры Военного ордена и жалованы к руке… Обеденный стол изволила иметь Ее Императорское Величество с кавалерами Военного ордена в галерее на 72 кувертах.

Во время стола в галерее ж на хорах играла италианская вокальная и инструментальная музыка с хором придворных певчих, и пили кубком следующие здоровья, при пушечной пальбе с Адмиралтейской крепости:

1-е. Начинали два старшие кавалеры Военного ордена (Суворов и Репнин. — В. Л.) за Высочайшее здравие Ее Императорского Величества.

2-е. Начинать изволила Ее Императорское Величество за здравие кавалеров ордена, при чем выпалено из 31 пушки».

Тридцатого ноября состоялся новый праздник — в честь кавалеров ордена Андрея Первозванного. На торжественном обеде среди тринадцати персон во главе с императрицей присутствовали князья Н.В. Репнин и А.А. Прозоровский, графы И.П. Салтыков и А.В. Суворов-Рымникский.

В эти дни из-под пера Александра Васильевича рождаются строки, отражающие смятенное состояние его духа:

«Здесь по утру мне тошно, с вечеру голова болит!

Перемена климата и жизни.

Здешний язык и обращения мне незнакомы.

Могу в них ошибаться.

Поэтому расположение мое не одинаково: скука или удовольствие.

По кратковременности мне неколи, охоты нет иному учиться, чему до сего научился.

Это всё к поступкам, не к службе!

Глупость или яд — не хочет то различать.

Подозрения на меня быть не может: я честный человек.

Бог за меня платит.

Безчестность клохчет и о частом моем утолении жажды.

Известно, что сия умереннее, как у протчих.

Зависть по службе! Заплатит Бог!

Выезды мои кратки; ежели противны, и тех не будет».

Никто не воспрещал ему посещать столицу. Но Александр Васильевич почувствовал, что отношение к нему Екатерины изменилось. Положа руку на сердце, ей было не до приветливости. Храповицкий в дневнике отмечает, что императрица часто плакала, скорбя о невосполнимой утрате. 1 декабря он записал слова государыни: «Довольны, что откланялись Суворов и Прозоровский. Они лучше на своих местах».

Причину, по которой государыня не хотела видеть Суворова, угадать нетрудно. Осведомленная о закулисной борьбе придворных группировок, она сочла неблагодарностью с его стороны участие в интригах против Потемкина. Александр Васильевич понимал чувства государыни. «Каково смотреть на лицо, упрекающее покойного», — писал он Хвостову, которому всецело доверял, и, то ли раскаиваясь в совершённой ошибке, то ли убеждая самого себя в невиновности, настаивал: «Я чист душою и сердцем перед Богом и моей Великой Императрицей, в чем моя совесть никогда не упрекает. И приезд мой в Санкт-Петербург непорочен».

Никогда Суворов не писал столько писем, как за время пребывания в Финляндии. Адресатом большинства из них был Хвостов, с которым продолжался «разговор по душам». Много писем получал «старый друг» Турчанинов. Это и понятно: Петр Иванович состоял «при собственных Ее Императорского Величества делах» и отвечал за военные вопросы и строительство. А вот с Поповым, которому государыня доверила управление своим кабинетом, переписка оборвалась — возможно, по причине неловкости, испытываемой Суворовым в отношении самого доверенного сотрудника Потемкина, прекрасно осведомленного о том, как его начальник любил и ценил «друга сердешного».

Для работ по укреплению границы Суворов располагал восемью пехотными полками своей дивизии. Дозорную службу нес казачий полк. Из Петербурга присылались каменщики и другие мастеровые, но главной рабочей силой были солдаты. Суворов еще в конце октября узнал, что в столице распускаются слухи, будто он безжалостно эксплуатирует солдат, занятых на строительных работах. Говорили, в частности, о том, что их мундиры от работы сильно истрепались. «Перед выездом моим сюда осуждали в кампании невежды мою дисциплину и субординацию, полагая первую в кичливости, другую в трепете подчиненных. Дивизия здешняя одета полковниками. Кроме исходящих сроков, я вижу много новых мундиров и донашивают старые… Прибавлю, что работные имеют теплую казенную одежду… Не похвально тем частным особам платить так мою службу и одолжают меня, чтоб я требовал удовольствия», — дает Суворов отповедь толкам в письме Турчанинову. Он назвал и имя начальника, ответственного за недостатки в обмундировании солдат: это предыдущий командир дивизии Иван Петрович Салтыков. «Что наги и босы, [граф Николай Иванович Салтыков] должен был знать прежде других и претендовать», но Салтыковы списали всё на Суворова.

Выявив большую запущенность в санитарном обеспечении личного состава, Суворов стал твердой рукой наводить порядок. В специальном приказе, доведенном до каждого подчиненного, он обращал особое внимание на необходимость поддержания чистоты, посещения бани, на создание условий для обогрева, сушки одежды и обуви, на здоровую пищу. Важнейшим условием сбережения здоровья солдат, проверенным многолетней практикой, было «непрестанное движение на досуге — марш, скорый заряд, повороты, атака». «За нерадение в точном блюдении солдатского здоровья, — подчеркивалось в приказе, — начальник строго наказан будет». Результаты сразу дали себя знать. «Здоровье солдат, слава Богу, утверждено; дисциплина идет по степеням», — сообщает Суворов 15 февраля Хвостову

Генерал подбирал надежных помощников, расставлял их по самым важным объектам строительства, строго контролировал отчетность. Все дела, касающиеся работ на границе, он решал с Турчаниновым, реже — с Н.И. Салтыковым, председательствующим в Военной коллегии, установил деловые отношения с морским ведомством, поскольку главным транспортным средством по доставке стройматериалов и других грузов были суда.

Остроумный рассказ о том, как из-за педантичности командира эскадры Суворову пришлось сдавать экзамен на первый офицерский морской чин (мичмана), чтобы получить право распоряжаться кораблями, является художественным вымыслом. Правда заключалась в выдающемся организаторском таланте начальника работ, его доскональном знании инженерных вопросов, ответственности за порученное дело, неуемной энергии.

В вихре забот он не забывал о важном семейном деле — устройстве судьбы дочери. 3 февраля была утверждена «Духовная Александра Васильевича Графа Суворова-Рымникского», в которой говорилось: «Завещаю по смерти моей получить в вечное и потомственное владение дочери моей, Двора Ея Императорского Величества Фрейлине, графине Наталье Суворовой-Рымникской всё благоприобретенное мною». Ей предназначались деревни и села, «а всего в вышеозначенных местах дворовых людей и крестьян 834 души» (учитывались только души «мужеска пола»). Следовательно, «Суворочка» была богатой невестой. Вот только с женихом дело обстояло неладно. Салтыковы, отложив сватовство на два года, фактически разорвали договоренность о свадьбе. Чтобы защитить честь дочери и свою собственную, Александр Васильевич уверял, что сам отказал «подслепому» жениху.

В Финляндию с рекомендательным письмом Хвостова прибыл князь Сергей Долгоруков. Цель поездки любознательного капитана лейб-гвардии Семеновского полка — посмотреть строительство укреплений «для навыка в инженерном деле». Серьезный молодой человек сразу приглянулся Суворову. «Наташу пора с рук — выдать замуж! Не глотать звезды, довольно ей Князя Сергея Николаевича Долгорукова, — советуется он с Хвостовым. — Не богат — не мот, молод — чиновен, ряб — благонравен. Что еще скажете? Мне он кажется лутче протчих. Сродники не мешают. Бедности пособлю службою, поелику здравствую. Благоприобретенное уж ей отсулено и укрепляю приданым! Сам я без того сыт».

Привыкший всё делать быстро, по-военному, генерал без малейшей деликатности обращается к Долгорукову: «Князь Сергей Николаевич! Моя Наташа — ваша невеста, коли вы хотите, матушка ваша и Нестор благословят! Нет — довольно сего слова; да — покажите после их письмы для скорых мероположениев».

Вмешались родственники, прежде всего Аграфена Ивановна, жена Хвостова, двоюродная сестра Наташи, у которой та жила минувшим летом. «Я истинно не знал, что Князь С.Н. Долгоруков родня Графу Николаю Ивановичу Салтыкову, — оправдывался Суворов. — Одно то отторгало бы меня для моей свободы».

Впервые в жизни оказавшись так близко ко двору, он не мог не откликаться на перемены, происходящие в правящих кругах. Очевидным было возвышение Платона Александровича Зубова, которому стареющая Екатерина начала передавать властные полномочия Потемкина. Но молодой фаворит был слишком неопытен, и поэтому решающее влияние на военные дела и кадровые перемещения стал оказывать триумвират — Репнин и двое Салтыковых. Все они поступили на службу позже Суворова, но быстро обошли его в чинах. Все трое были генерал-адъютантами императрицы, имели свободный доступ ко двору. Зубов, обещавший Суворову помощь, ничего не сделал, хотя сам тоже стал генерал-адъютантом. «Стыд измаильский из меня не исчез, — сетует Суворов, — сколько времени тянется одно Генерал-Адъютантство: от Ирода к Пилату, от Пилата к Ироду. Обещать можно до замирения, до новой войны и до нового замирения».

Биограф Суворова Смитт, первым получивший доступ к семейному архиву Суворова, связал эти слова с «кознями Потемкина». Но совершенно очевидно, что через год после смерти князя счет был выставлен другим лицам — Зубову и Турчанинову.

Можно понять обиду Суворова. «Петр Иванович Турчанинов, — жалуется он Хвостову, — …клонит на жадность мою к награждениям, которой нет, разве их благоприятие». Очевидно, статссекретарь передал мнение самой Екатерины. Но Суворов прав: у членов триумвирата имелись почти все ордена, что и у него, только без его побед.

Дела в Европе осложнились. Революционная буря, разразившаяся во Франции, нарушила равновесие на континенте. Произошла резкая смена политических ориентиров. Перед лицом растущей угрозы со стороны ниспровергателей общественных устоев пошли на сближение такие непримиримые соперники, как Австрия и Пруссия. Екатерине удалось привлечь к антифранцузскому союзу шведского короля Густава III, оставляя за собой свободу рук. Но 5 (16) марта 1792 года на маскараде в Стокгольме король был смертельно ранен. За спиной его четырнадцатилетнего наследника Густава IV Адольфа стоял регент, его дядя герцог Карл, противник России. 19 февраля (1 марта) 1793 года скоропостижно скончался австрийский император Леопольд II. Давним недругом России оставался прусский король. В Польше правила антироссийская партия. Перевооружалась Турция. Во Франции продолжал бушевать революционный пожар.

Великий воин по давней привычке не мог не делать профессиональных расчетов. «Глухой слух! Король шведский мирится. А коли нет! Наш флот парусный втрое сильнее; гребной остался вполовину; армия сухопутная вдвое, кредит плох, — читаем в записке Суворова, названной им «Греза или сновидение». — Турки! Кредит не в моде. Вывели людей вполовину меньше прошлогоднего. Будущая кампания! Меньше охоты, всего меньше. Против турок вспомогательных австрийцев 30 000 нет! — 15 000 русских, а действующих — 24 000 пехоты, 12 000 конницы всякого звания, комплектной. Осадной артиллерии — по потребности. Прусский король — 120 000, русских — 60 000. На поляков, ежели не покорятся, 20 000 бойких».

Закономерен вопрос: на каком месте Суворов видел себя в грядущих событиях? Не случайно «Греза» начинается словами: «Что это вы затеяли? Прошлого года я считал Князя Григория Александровича у себя по пятам… На что мое достоинство поручать зависимости? Искусство не может терпеть порабощения. Ужели из угодности к бабушкиному старшинству? Но я имею законное старшинство летами, вступлением в службу и самою службою. Диалектику уступаю вашим денщикам… Им бы надобно успокоиться, видя меня поравненного с их побочными талантами, а не кричать в чертогах».

Екатерина II внимательно следила за развитием событий в Европе. Антирусская позиция, занятая правящими кругами Речи Посполитой во время минувшей войны с Портой, заставляла Россию принимать меры. Польша оказалась в политической изоляции. Ей угрожала Пруссия, не получившая от своей союзницы Данцига и Торна. Занятая подготовкой войны против Франции, Австрия этому не препятствовала. Пруссию поддержала Англия. Новая польская конституция, принятая 3 мая 1791 года в обстановке царившего в Варшаве энтузиазма, покончила с остатками автономии Литвы и превратила Речь Посполитую в Польшу. Верхи городской буржуазии получили политические права. Были сделаны попытки укрепить центральную власть посредством замены выборов короля наследственной династией. Было запрещено образование конфедераций и отменено пресловутое либерум вето (право одним голосом отменять обсуждение вопроса в сейме). Эти ограниченные реформы встретили сильное сопротивление консерваторов. Конституция не изменила тяжелого положения крепостного крестьянства, значительную часть которого составляли православные — белорусы и украинцы. Реформы не смогли предотвратить финансовый крах страны и преодолеть междоусобицу.

Поскольку король Станислав Август и его немногочисленные сторонники оказались в полной изоляции, Екатерина поддержала группу магнатов, недовольных реформами. Неизбежность войны с Францией рождала слухи. В Петербурге говорили о посылке на помощь австрийцам русского корпуса, командующим называли Репнина.

Суворов, строивший крепости на границе, встревожился не на шутку. Он понимал, что без могучей поддержки Потемкина ему трудно получить боевое назначение, что недоброхоты «заглушат его талант». Все чаще к нему приходили мысли об «абшиде» — отставке.

Двадцать восьмого апреля до Петербурга докатилась новость: французы объявили войну австрийцам. 3 мая 1792 года польские магнаты Браницкий, Ржевусский и Щенсны-Потоцкий опубликовали в местечке Тарговицы акт конфедерации. Согласно договорам Россия была гарантом польской конституции, радикально измененной ровно год назад. Екатерина получила формальный повод отплатить антирусской партии. На поддержку конфедерации были двинуты корпуса под командованием М.В. Каховского и М.Н. Кречетникова. Кречетников без сопротивления занял Вильно, а Каховский на пути к Варшаве разбил польские войска.

Еще в конце февраля Александр Васильевич почувствовал неприязнь к себе членов триумвирата. «Крайне берегитесь Репнина, — наставляет он Хвостова. — Для Репнина должно быть в бессменном карауле… Только я ему истинное противостояние». Когда же открылись военные действия во Франции и Польше, Суворов встревожился не на шутку. «Усердная моя и простодушная служба родила мне завистников безсмертных, — читаем в его письме Турчанинову от 21 июня. — Ныне 50 лет практики обратили меня в класс захребетников… Далек от тебя смертный, о Мать Отечества! Повели вкусить приятный конец хоть пред эскадроном!» В тот же день — еще одно письмо тому же адресату: «Во всю мою жизнь я был всегда в употреблении; ныне, к постыдности моей, я захребетник! Здесь всеместно в лутчем течении! Генерал-майор Князь Щербатов — достойный мой преемник. Окропляю слезами освященнейшие стопы».

Через Турчанинова Суворов передает прошение императрице: «Высочайшую милость всеподданнейше приемлю смелость испросить, чтоб быть мне употреблену с каким отделением войск в Польше, как тамо действия происходят и хотя бы оные приняли скорый конец».

Старый друг исполнил просьбу. «Ея Величество, прочитав письмо Ваше, соизволила мне отозваться, что Польские дела не стоят того, чтоб Вас употребить, — сообщает он 24 июня, — и что употребление Вас требует важнейших предметов, нежели Польское дело. Прилагаю при сем Высочайший Ея отзыв для единственного Вашего только сведения: "Польские дела не требуют Графа Суворова. Поляки просят уже перемирия, дабы уложить, как впредь быть. Екатерина"».

Александр Васильевич потрясен отказом. 20 июля он пишет Хвостову:

«Глаза очень болят при слабом здоровье… Весьма наскучило о сих материях писать и без нужды не буду. Да будет воля Божия и Матери отечества. Смертный помнит смерть, она мне не далека.

Сего [года] 23 ч[исла] октября 50 лет в службе; тогда не лутче ли кончить мне непорочный карьер? Бежать от мира в какую деревню, где мне довольно в год содержания 1000 руб., готовить душу на переселение, ежели вовсе мне употребления предусмотрено не будет…

Здесь за мною бес, в С.-Петербурге 70 бесов, разве быть самому бесом?»

Он вспоминает свою службу у Потемкина: «Прежде против меня бес Князь Григорий Александрович, но с благодеяними, ныне без них 7 бесов: Луцифер Мартинист, Асмодей Благочестивый, Астарот Иван-Царевич с прочими бесятами без щоту». Имена самых страшных демонов он присваивает своим главным соперникам — Репнину и Салтыковым. Но герой устоит против козней завистников и недоброхотов: «Надлежит исподволь разогнуться, круто подняться вверх… Изготовься, атакуй честно, разумно, смело! Царь жалует, псарь не жалует!.. Достоинство выше старшинства, практика выше пробы; не сули журавля в поле, дай синицу в руке… Но ближе абшид, чуж[ая] служба, смерть — всё равно, только не захребетник… Я ползать не могу, вались хоть Вавилон».

Как поразительно созвучна эта исповедь с мыслями другого русского гения — Пушкина, родившегося за год до смерти великого полководца и, возможно, названного в его честь: «Я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного! Да плюнуть на

Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независимым… Царь любит, да псарь не любит». Чувство собственного достоинства выступает у двух великих Александров осознанной чертой национального характера. Можно только гадать, каким вывел бы Пушкин знаменитого тезку, если бы ему удалось осуществить свой замысел написать «Историю Суворова».

Летом 1792 года кампания в Польше и Литве шла успешно. Король Станислав Август заявил о своем переходе на сторону тарговичан. В середине июля было заключено перемирие. На Рейне французы потерпели поражение от австрийцев. В августе прусские войска перешли границу Франции.

Суворову кажется, что близится затишье: «Марсовы дела польские кончены, и Король приступает к Конфедерации, отчего будет прежняя конституция. Кутузов с 18 000 к французам… и Репнин на образ Тешенского комиссионера. Турки… спокойны. С королем прусским утвердительный трактат. С Готтами (шведами. — В. Л.) тишина. Принц Брауншвейгский вступил в французские границы, и будет тож, что с Польшею».

Но европейские дела запутывались всё сильнее. 30 июля в Париже бунтующие толпы захватили дворец Тюильри, погибли швейцарцы — стража короля. Сам Людовик XVI вынужден был надеть красный фригийский колпак — символ революционеров-санкюлотов. Это его не спасло — король и его семья были арестованы, монархия низвержена. А вскоре Европу потрясло известие: австро-прусские войска, предводимые герцогом Брауншвейгским, при селении Вальми разбиты толпами плохо обученных французских добровольцев. Командовал французами генерал Дюмурье — тот самый, которого Суворов в 1771 году разгромил в Польше.

В какой-то момент полководцу кажется, что триумвират во главе с «гугнивым Фаготом» (так называл он Репнина за гнусавый голос) обрек его на бессрочные строительные работы. 11 октября он пишет Турчанинову: «В сих трудах и сокращающейся жизни оставь меня в покое, о, Фальгот, воспитанный при дворе и министре и от того приобретенными качествами препобеждающий грубого солдата! Не довольно ли уже ты меня унизил?.. Петр Иванович, исторгайте меня в поле. Херсон моя участь. Тут я потерян Великой Императрице!»

Он мысленно окидывает взором свою службу и делает заключение: Репнин был и остается его главным соперником:

«Один меня недавно спросил: Кто наглее и скрытнее князя Репнина?

Мне С[вятого] Андрея — "Ежели расточать милости, что останется при мире?"

П[ринц] Де Линь — "Ежели так откладывать, у нас никто служить не будет".

Я ранен. — Поносит меня громогласно… и умирающему мне отдает благодушный кондолеанс (соболезнование. — В. Л.).

Я под Измаил. — Простодушно: "Право, не его дело крепости брать. Увидите"…

— "Оставляете Суворова: поведет армию в Царьград или сгубит! Вы увидите" ».

Заканчивая перечень козней Репнина, Суворов подводит итог: «С Графом Николаем Ивановичем меня сплел женихом. Стравил меня со всеми и страшнее… Я ему зла не желаю, другом его не буду, разве в Шведенберговом раю ».

Петрушевский полагает, что Суворов просто перенес на князя Николая Васильевича раздражение, с которым он недавно обрушивался на Потемкина. Но тогда почему он постоянно предупреждает Хвостова о том, что Репнин опасен из-за своих масонских связей, что его надо «остеречься по мартинитству»?

Еще осенью 1790 года, в разгар угроз, приходивших из Лондона и Берлина, Екатерина обратила внимание на московский кружок розенкрейцеров, руководимый Николаем Ивановичем Новиковым. Ведущую роль в прусской политике играли масоны. Члены новиковского кружка по имени своего духовного учителя, мистика Сен-Мартена, звались мартинистами, но организационно подчинялись берлинским «братьям». После смерти Потемкина императрица приняла решительные меры. В апреле 1792 года Новиков был арестован. Следователей интересовали связи московских и берлинских масонов с наследником российского престола.

«Сношения с цесаревичем и его берлинскими друзьями, конечно, и погубили Новикова, подвергнув разгрому весь кружок, — делает вывод крупнейший авторитет по русскому масонству Г.В. Вернадский. — Екатерина не могла без достаточных улик тронуть влиятельных закулисных столпов масонской партии, вроде князя Репнина… Она долго искала причину для ареста даже поручика Новикова».

Хотя следствие велось втайне, некоторые сведения всё же проникали в общество. Знал о деле Новикова и Суворов. «Новиков цельно естли у Соловков. Калкуну Шувалову быть у скворцов, а оратору Репнину у сов», — делится он слухами с Хвостовым.

Вместо Соловков Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Увлекавшийся всем французским граф Андрей Петрович Шувалов оказался «у скворцов», то есть ушел в мир иной. Оратор князь Николай Васильевич Репнин потерял влияние при дворе и вскоре очутился «у сов» — вдалеке от столицы.

Екатерина продолжала внимательно изучать списки российских «вольных каменщиков». 18 октября Храповицкий занес в дневник ее слова: «Сказывать мне изволили, что "всех Мартинистов обманывал бывший в нашей службе Поручик Шредер. Удивишься, кто подписали присягу на его листе… Всё найдено в бумагах Новикова"».

Среди этих бумаг оказалась масонская клятва: «Я, Николай Репнин, клянусь Всевышним Существом, что никогда не назову имени Ордена, которое мне будет сказано почтеннейшим братом Шредером. И никому не выдам, что он принял от меня прошение к предстоятелям сего Ордена о вступлении моем в оный, прежде чем я вступлю и получу особое позволение открыться братьям Ордена. Князь Николай Репнин, полный генерал Российской службы».

Тронуть «столпов» было политически невыгодно — тем самым власть признала бы наличие сильной оппозиции. Опытная правительница сочла «достаточной предупреждающей мерой страх». Некоторые влиятельные московские масоны выехали в свои деревни. Глава партии наследника престола Репнин покинул столицу, получив пост рижского и ревельского генерал-губернатора.

Суворов же, закончив главные строительные работы в Финляндии, получил в командование целую армию, расположенную «в Екатеринославской губернии, Тавриде и во вновь приобретенной области». Кажется, императрица оценила не только его инженерные труды, но и его противостояние партии наследника престола.

Восьмого сентября 1792 года Суворов донес об окончании работ и поднятии штандарта над Роченсальмским портом: «Крепости пограничные совершены. Нейшлот по тесноте места поправлен свыше половины. Главным орудием сих успехов был Генерал-Майор Турчанинов».

Самому же Петру Ивановичу Турчанинову он напомнил: «Пора меня в поле, здесь я захребетник… Берегите меня от козней Репнина, я немощен, ему и никому зла не желаю». О том же он просит и графа Безбородко: «Не предавайте меня моим завистникам, я им не мешаю… Не отсылайте меня на дальновидные предопределения; я не закулисный солдат… Вы Министр! Настоит дело с Франциею. Число войск — влажный предлог (то есть пустая отговорка. — В. Л.); победительным оружием я сражался с 500, с 5000 против десяти численных, а галлы не пруссаки». Он словно предчувствует, что «галлы» (французы) очень скоро станут головной болью всей Европы.

По желанию Екатерины Суворов представил «замечания к оборонительной и наступательной войне в Финляндии, так и о числе потребных на оные войск». Его советы предельно просты: малая война изнуряет армию. Оборона границ основана на надежной системе крепостей, которая выдержит атаки сухопутных войск и десантов противника. Наступательная война должна вестись решительно. Предпочтительнее совместные операции сухопутных войск с силами флота на Свеаборг и Гельсингфорс, главные морские базы шведов.

В начале декабря Суворов был уже в Екатеринославе. Следующие два с лишним года он провел на юге. Главным местом его пребывания стал Херсон. Это время можно считать сравнительно спокойным, хотя и здесь не обошлось без трений с властями предержащими.

Он был еще в дороге, когда екатеринославский губернатор Василий Васильевич Каховский получил предупреждение из столицы: «Александр Васильевич к Вам отправился и, кажется, при отъезде не очень доволен был, что ему предписано наблюдать порядок и содержать гошпитали в хорошем состоянии. В Финляндии много у него бежало людей. Боже сохрани, чтоб сие не завелось и в Вашем крае». Критически высказался и Безбородко, повторив распускаемые слухи: Суворов всех изнурит и разгонит, как в Финляндии.

Александр Васильевич знал об этом. Он описал Турчанинову беседу с одним из своих офицеров: «Зыбин, что вы бежите в роту, разве у меня вам худо, скажите по совести? — Мне там на прожиток в год 1000 рублей. — Откуда? — От мертвых солдат» — и тут же привел примеры из своей многолетней практики: во время командования Суздальским полком у него «умирало редко в год до полдюжины», марш из Ладоги в Смоленск в распутицу стоил ему одного пропавшего и шестерых больных — и так во всех походах. Командуя войсками в жаркой Тавриде, он «оздоровил гошпитали», хотя «подрядчики давали задатку 4000 рублей на разведение больных», и вышел из Крыма, «не оставя там ни одного больного». Так было и в холодной Финляндии, где он застал высокую смертность среди личного состава.

То, что он увидел на новом месте службы, было настоящим бедствием. Никогда не имел он под своим началом таких сил. По штату было положено 77 341 человек, однако налицо оказались 51 484 служивых. В госпиталях и командировках — 8963, больных — 3888, некомлект — 13 006. Болезни, особенно после прихода летней жары, усилились. Смерть косила людей хуже самой кровопролитной войны. В некоторых полках число больных доходило до 205, 218, 241 и даже до 484 человек, не считая находившихся в госпиталях. В Троицком пехотном полку за 28 дней умерли 27 человек, в Полоцком за 18 дней — 43. А ведь с этими полками Суворов совершил свой великий подвиг — взял Измаил!

Смерть Потемкина сильно ослабила дисциплину в войсках на далеком юге. Многие начальники находились в отпусках и не торопились возвращаться. Зубов, ставший преемником Потемкина на посту екатеринославского и таврического генерал-губернатора, свои губернии никогда не посещал. Порядок пришлось наводить Суворову. Созданные им комиссии выявили не только ужасающие санитарные условия квартирования войск, но нечто худшее: отпускаемые с Карасубазарского магазейна (склада) продукты оказались никуда не годными. «Тайная притчина (смертности. — В. Л.) не жар, а как аквы тофана (яда. — В. Л.) гнилого провианта позднее действие», — делится он результатами проверки с Хвостовым. В письмах Зубову он не скрыл горькой правды: виновными в смертности личного состава оказались некоторые командиры, принимавшие за взятки гнилой провиант от поставщиков.

Его рапорты дошли до императрицы. Екатерина была в гневе. «Белевского и Полоцкого полков полковников, Карасубазарского магазейна провиант кто подрядил, кто в смотрении имел, провиантского штата провиантмейстера или комиссионера, — прикажите судить и сделайте пример над бездельниками и убийцами, кои причиною мора ради их воровства и нерадения, — потребовала у Военной коллегии государыня. — Прикажите сделать осмотр прочим магазейнам в той стороне и на каторгу сошлите тех, кои у меня морят солдат, заслуженных и в стольких войнах храбро служивших. Нет казни, которой те канальи недостойны».

«Кого бы я на себя не подвиг, мне солдат дороже себя!» — приказывал Суворов, требуя от подчиненных «взять меры к предохранению от зла».

Начальники вызывались из отпусков, дисциплина восстанавливалась. По поручению Суворова штаб-лекарь Ефим Белопольский составил «Правила медицинским чинам», разосланные в войска для «точного выполнения». От командиров требовалось «причины умножающихся болезней ведать непременно, а выискивать оные не в лазаретах между больными, но между здоровыми в полках, батальонах, ротах, карпоральствах и разных отдельных командах, изследовав их пищу, питье, строение казарм и землянок… чистоту, поваренную посуду, всё содержание, разные изнурения… Стараться, чтобы домашними простыми лекарствами запасены были все артели». Подробно перечислялись целебные растения, лекарственные и гигиенические средства, наиболее действенные для лечения самых распространенных болезней (цинги, чесотки, лихорадок, желудочных расстройств).

Сырые казармы просушивались и проветривались. Были установлены строгие правила приготовления пищи и контроля за качеством питьевой воды. Госпитали проверяли, отделяя тяжелобольных от слабых и хворых. Войска выводились в лагеря, причем лагерные места часто переменяли, чтобы поддерживать чистоту. В жаркие дни все строительные работы приостанавливались или переносились на раннее утро и даже ночь.

Исходя из полученных при отъезде из Петербурга указаний, Суворов должен был укрепить границы, обезопасить Крым и отошедшие к России новые территории от возможных турецких десантов и покушений. Сразу по прибытии в Херсон он вместе с военными инженерами Иваном Князевым и брабантским дворянином на российской службе Францем де Волланом принялся за разработку планов новых крепостей. «Через три дня планы поспеют, — сообщил он Турчанинову 26 января 1793 года. —Лес против Финляндии почти вдесятеро… К прочим местам материалы и припасы прежде августа не поспевают. Князев Фанагорию полагает кончить прежде четырех лет. Прочие ж пункты целим на два года, ситуация их несумнительна».

Однако представленные сметы не были утверждены в Петербурге. Там решили, что отношения с Турцией изменились в лучшую сторону и с форсированным строительством крепостей можно подождать. Суворов посылает официальный протест Турчанинову, который обязан был предупредить об изменении политической ситуации, прибавив в личном письме: «Так добрые люди не делают. Вы играете вашим словом, я ему верю. Вы пускаете плащ по всякому ветру, ведая, что они непостоянны… В просвещении Турки не те в прошлой войне, что были в предтекшей… впредь ручаться не можно (оне загнали Графа Войновича в Севастополь), чтоб оне, прорвавшись в Тавриде, не зделали десанта и не повредили неоцененного морского депота в Севастополе, как генерал и когда выручкою или по диверсии не поспеет».

Доказывая важность укрепления границ, Суворов постоянно ссылался на авторитет покойного Потемкина: «Знаете Вы, что Князю Григорию Александровичу на Севастополь ассигновано было 6 миллионов и Кинбурн он ограждал драгоценнее настоящего». Когда же Турчанинов напомнил полководцу его собственные позапрошлогодние нелестные отзывы о князе, то получил решительное возражение: «Я кланялся мощам той особы, которая, отнюдь не касаясь протчего, находила во мне свойственные мне достоинства».

По торжественным дням в херсонской соборной церкви Святой Екатерины собирались соратники Потемкина. Старшим был Суворов. Там в специально построенном склепе покоились останки князя Таврического. «Бойцы вспоминали минувшие дни» и молились за упокоение души своего великого предводителя.

Денег на ограждение Севастополя с суши Суворов так и не получил. Это аукнулось 60 лет спустя, во время Крымской войны. Англо-французские, турецкие и сардинские войска высадились в Крыму и осадили главную базу Черноморского флота. Героическая оборона закончилась сдачей Севастополя. Если бы интервентов вместо поспешно возведенных земляных укреплений встретили каменные бастионы, о которых хлопотали Потемкин и Суворов, итог войны мог быть иным.

Пока военное ведомство и генерал-прокурор Самойлов решали, как отказаться от программы строительства укреплений на юге, Суворов выслал Хвостову доверенность на продажу своих деревень, чтобы вырученными деньгами выплатить неустойку подрядчикам. Не получив от Военной коллегии положительного ответа, он решает просить императрицу «повелеть меня по здешней тишине уволить волонтером к немецким и союзным войскам на сию кампанию».

Екатерина не отпустила своего лучшего полководца. Ознакомившись с делами и требованиями Суворова, она незамедлительно распорядилась выдать 250 тысяч рублей на строительные работы.

Возводя новые крепости (подпись Суворова стоит на плане Аджибейских укреплений — будущей Одессы), заботясь о санитарном обеспечении войск и повышении их боеспособности, Александр Васильевич много разъезжал по обширному краю. Маршруты его поездок были в несколько раз длиннее, чем в Финляндии. Во время этих вояжей он предавался горестным раздумьям: уже третий год он в инженерах, когда другие (Каховский, Кречетников и назначенный послом в Польшу Игельстром) «суть на театре чести и славы». Он делится с Хвостовым:

«Сухопутная операция вперед моя! Нет ее… Флот идет: мой долг умереть хоть под Контр-Адмиралом… или победить десантным войском, какое бы его количество ни было. Здесь долго чего, кроме гарнизонщины, не ожидать. Я ж всех легче, ни за что награждениев требовать не буду.

С Гаврилой Романовичем, елико прилично, в удобных случаях Вы можете быть откровенным по моей оглохлой судьбе. Истинно, не мое дело инженерными миллионами править. Какой бы малый корпус ни был, все мне лутше быть в поле, хоть чрез море».

Державин, с которым Суворов познакомился в Петербурге, занял важный пост личного докладчика императрицы. Он уже подносил Александру Васильевичу хвалебные стихи. Вот один из них:

Не всякий день мы зрим Перун небес,Которым Божий гнев разит злодеев,Но часто тучки лишь. — Почий, наш Геркулес,И ты теперь среди своих трофеев.

Лучший полководец России, несмотря на сравнение с Геркулесом, был не в восторге от этих строк: не намекает ли лучший поэт России на то, что его победы в прошлом?

Седьмого сентября 1793 года в Петербурге была торжественно отмечена годовщина окончания войны с Турцией. «Граф Александр Васильевич, — писала императрица в рескрипте. — В день мирного торжества, вспоминая заслуги и дела, которыми вы отличилися, пожаловали Мы Вам похвальную грамоту, с прописанием всех храбрых подвигов, Вами произведенных, и воздвигнутых Вами оборонительных зданий и укреплений в течение долговременного и навсегда знаменитого Вашего служения… Во свидетельство же Нашей к Вам доверенности и в надеянии на знание и искусство Ваши, вверяем Вам один 3-го класса крест ордена Св. Георгия Победоносца, да возложите оный по выбору Вашему на того из отличившихся в военном знании и храбрости, которого сочтете достойным. Сверх того, в знак Монаршего Нашего к Вам благоволения, посылаем Вам еполет и перстень алмазные».

На копии рескрипта сделана помета: «Еполет и перстень оценены в 60 тыс. рублей».

Еще не получив новых наград, Александр Васильевич, занятый наведением порядка в поставках провианта в войска, обеспокоенный нехваткой средств для возведения укреплений, пожаловался Хвостову: «При торжестве мира, естли б милость — я ее не прошу, ниже желаю. Лучше процент за долг измаильский». Этот «процент» он связывал не с генерал-адъютантством, а с командованием армией в случае войны.

Когда же рескрипт и награды были привезены в Херсон, Александр Васильевич послал коротенькое письмецо своему старшему адъютанту Курису: «Иван Онофриевич! Сюда я приехал; Вы приезжайте скоряе. Я вам конфеточку дам» (под конфеточкой подразумевался Георгиевский крест 3-й степени — очень высокая награда). Подполковник Курис заслужил доверие Суворова, выполняя его поручения в сражениях при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и во время измаильского штурма. Он находился на излечении, но поспешил откликнуться на вызов нетерпеливого начальника. Вручая крест одному из самых близких и доблестных своих струдников, Суворов сопроводил награду оригинальным наставлением:

«Получил. Быть может, что обретется в тягость. Для того приобретать достоинства генеральские.

1. Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Оная — в держании слова, в безлукавствии и осторожности, в безмщении.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Всего выше глазомер, то есть, пользование положением места, трудолюбие, бдение и постижение…

3. Непрерывная та наука из чтениев: с начала регулярства — курс Марсов; а для единственных 6-ти ордеров баталии — старинный Вигеций. По Русской войне мало описания, а прежнюю и последнюю Турецкие войны с великим затверждением эволюциев. Старинные ж, какие случатся. Монтекукули очень древен и много отмены соображать с нынешними правилами Турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюрен, маршал Де Сакс, Виларс, Катинат, какие есть переводы, и також поясняются текущею с французами войною. В ней много хороших правил, особливо к осадам! Стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, комментарии Кесаревы и Квинтус Курциус — Александрия. Для возвышения духа старый Ролен».

Здесь, как и в приказах Суворова, уже отчетливо проступают чеканные строки «Науки побеждать». Не менее впечатляет знание полководцем человеческой натуры. Он предупредил соратника, что награда соответствует генеральским заслугам, поэтому может оказаться в тягость, если новый георгиевский кавалер не чувствует в себе соответствующих сил, способностей и знаний. На плечах генерала лежит очень большая ответственность за принятие самостоятельных решений в походах и на поле брани.

«Наука из чтениев» — это мировой опыт военного искусства. Для воспитания мужества нет чтения лучше, чем гомеровская «Илиада» с ее Троянской войной, а также история походов Александра Македонского, написанная римским историком I века Квинтом Курцием Руфом, и, разумеется, «Записки» Гая Юлия Цезаря. Заслуживали внимания также французские полководцы, мастера ясно излагать ход военных действий. К сожалению, описаний войн, которые вела Россия, почти не было, за исключением «Книги Марсовой, или Воинских дел от войск Царского Величества Российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войском Его Королевского Величества Свейского», изданной в 1766 году. Но после окончания Северной войны со шведами Россия трижды воевала с турками. Приходилось пользоваться поучительным, но уже устаревшим трудом «Записки, или Главные правила военной науки» знаменитого австрийского полководца и военного писателя фельдмаршала Раймунда Монтекукколи (1609—1680). Была насущная необходимость в специальных работах по военной науке. Но в то время печатались лишь реляции в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Можно понять возмущение Суворова, ознакомившегося с изданной Академией наук брошюрой секунд-майора фон Раана:

«Сделал постыдное изъяснение о делах Кинбурнском и совместным действиям с Императорскими австрийскими войсками при Фокшанах и Рымнике, и столь противно положению оных и реляциев, изданных от Дворов Австрийского и Российского, описал, что дает другой толк знаменитым происшествиям к славе обоих Дворов победоносного оружия.

И так как я при оных был начальником, то не токмо мне, но и каждому офицеру терпеть лжи невозможно, потому Академии Наук, представляя сочинение сие, которая благоусмотрит из реляциев, колико оное описание противоречущее, следственно, и не имеющее внимания света, — уничтожить».

Верный и исполнительный помощник полководца Курис сопроводил письмо своего начальника в Академию наук примечанием: «Помянутый же майор Раан свойства неспокойного и не возвышенных способностей и потому во время бытности его при обер-квартирмистре корпуса, которым начальствовал Граф, ни в какие должности употребляем не был, кроме что частью по чертежной, и при случившихся делах при Фокшанах и Рымнике не был, а находился по неспособности в Берладе, как и при Кинбурне, где он особливо Графа прославил гайдамаком». Очевидно, письма Суворова и Куриса были отправлены Дмитрию Ивановичу Хвостову для передачи в Академию наук. Но Хвостов счел выходку фон Раана не заслуживающей внимания и оставил послание Александра Васильевича у себя.

Иван Онофриевич, получив Георгия 3-й степени, писал Хвостову, что принять его из рук «великого нашего героя» — «уже лекарство». Однако, как и предполагал Суворов, подтвердить награду генеральскими заслугами его преданный адъютант не сумел.

Суворов не забывал о главной задаче — обезопасить Крым, Кубань и новоприобретенные земли от Очакова до Днестра — и наладил разведку, чтобы иметь сведения о положении в Турции, где шла усиленная реорганизация армии и флота с помощью французских инструкторов. Французские агенты подстрекали Порту к войне с Россией, но в Константинополе не спешили испытывать судьбу. О неготовности Турции к войне Суворов получал подробные сведения от нового чрезвычайного и полномочного российского посла Михаила Илларионовича Кутузова, который в одном из писем ему подчеркнул: «Но наиболее ее (Порту. — В. Л.) удержит знание, что управляет войсками в новоприобретенной области муж, столь страшные раны ей наносивший».

На случай нового столкновения Суворов обдумывает план войны и диктует его по-французски своему любимцу инженеру Францу де Воллану. С учетом опыта кампаний Румянцева и Потемкина предполагается иметь крупный стратегический резерв для наступления на столицу османов, чтобы в одну-две кампании победоносно завершить войну. План показывает, как расширился полководческий кругозор Суворова.

Вернувшийся из Петербурга контр-адмирал Федор Федорович Ушаков сообщает ему слова Екатерины по поводу ведения войны с французами принцем Кобургом: «Ученик суворовский в подмастерье еще не годится».

Во Франции якобинцы сумели разжечь энергию масс, поставив под ружье 1 миллион 200 тысяч человек! Огромную роль в формировании и снабжении войск, в воспитании наступательного духа играли комиссары Конвента. Солдаты, офицеры и генералы французских армий сражались с невероятным ожесточением.

Антифранцузская австро-прусская коалиция, к которой присоединились Сардинское королевство, Великобритания, Нидерланды, Испания, Неаполитанское королевство, выставила миллионную армию, но успехи были незначительными. Газеты пестрели сообщениями о новых сражениях.

Суворов пристально следил за этой войной. После казни короля 10 (21) января 1793 года и установления режима террора он, как и многие другие, называл потенциального противника «французскими извергами» и мечтал сразиться с ними. Но всё чаще в письмах полководец сетовал: ему уже за шестьдесят, а он так и не попробовал себя в роли самостоятельного командующего армией.

Не давала покоя и судьба дочери. В поисках выгодной партии для нее Суворов приглядывался к молодым офицерам. «Очень показался и лутчий жених, — сообщает он в Петербург Хвостовым о сыне своего старого соратника по первой Русско-турецкой войне князе Александре Юрьевиче Трубецком, к двадцати одному году уже имевшем чин премьер-майора. — Собою хорош, порядочных поступков и воспитания. За отцом 7000 душ». Прошло совсем немного времени, и кандидатура Трубецкого отпала: «Пьет, его отец — пьет, должен. Родня строптивая, но паче мать его родная тетка Наташе ».

Еще раньше в качестве потенциального жениха на какой-то миг мелькнул служивший в русской армии сын царя Картли-Кахетии. «Дивитесь мечте: Царевич Мириан Грузинский — жених. Коли недостаток, — один: они дики — благонравны; увезет к отцу — Божья воля!» Родственники не одобрили кандидата.

Наконец, перебрав женихов, он останавливается на кандидатуре сына генерал-аншефа Ивана Карловича фон Эльмпта — полковнике Филиппе Ивановиче: «Не сей ли наш судебный… Коли старики своенравны, то отец его разве в пункте благородного почтения и послушания. Мать добродушна и по экономии скупа, тем они богатее. Кроме германского владения, юноша тихого портрета, больше с скрытыми достоинствами и воспитанием, лица и общения непротивного, в службе безпорочен и по полку без порицания. В немецкой земле лутче нашего князя, в России полковник, деревни под Ригой и деньги.

Вера: он христианин! Не мешает иной вере. И дети христиане.

Далее по сему мне судить не можно: при сестрице Вы! Более со мной по сему не входите; нежели благоугодно Богу и Вам, то с Его вышнею Помощию начинайте. Петр Иванович (Турчанинов. — В. Л.) покажет дорогу и в свое время откроет Графу Платону Александровичу (Зубову), от которого вступления зависит как покончательность, купно с старым отцом юноши. Христос Вас благослови!»

(Поскольку Наталья Александровна была фрейлиной, надо было испросить позволения на брак у самой императрицы, для чего и нужен был Зубов.)

Дело со сватовством затянулось до лета следующего года. «Граф Филипп Иванович Эльмпт лутчий жених Наташе, я в нем никаких пороков не нахожу, сколько ни стараюсь, и еще верный муж, как ни балансируйте», — объявляет он Хвостову свое окончательное решение. Но жена Дмитрия Ивановича решительно возражала против такого марьяжа. «Затеи Груши уничтожьте, вообще всем семейством приуготовляйте Наташу к браку, внушайте исподволь в комнате Графа Платона

Александровича, — требует Суворов. — Чрез год второй жених не родился».

И тут вмешался Зубов. Польстив отцу за его «попечительство о устроении жребия дочери», фаворит сообщил ему:

«Не могу, однако ж по моей к Вам дружбе и преданности, умолчать пред Вами, что Всемилостивейшей Государыне оное показаться может необычайным, а быть может и неприличным, что дочь столь знаменитого Российского полководца, слывущего столь привязанным и к вере, и к отечеству своему, отличенная именем и покровительством Великой нашей Государыни, выдается за иностранного иноверца.

Дочь Ваша еще в весьма молодых летах, конечно, не замедлит сделать партию и приличнее, и выгоднее, и соответственнее состоянию, достоинствам и рождению ея».

Право, Суворову оставалось только воскликнуть: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» Но автор бессмертной комедии «Горе от ума» еще не родился.

Читая письма Суворова Хвостову и Турчанинову, можно подумать, что полководец постоянно хандрил и раздражался, вспоминал удары судьбы и козни недоброхотов. Это преувеличение.

Поразительно яркий образ Суворова, относящийся к этому времени, нарисовал в своих воспоминаниях поэт-партизан Денис Давыдов.

«С семилетнего возраста я жил под солдатскою палаткой при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировании, а верх блаженства в езде на казачьей лошади… Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря? А тип всего военного, Русского, родного военного, не был ли тогда Суворов? Не Суворовым ли занимались и лагерные сборища, и гражданские общества того времени? Не он ли был предметом восхищений и благословений заочно и лично, всех и каждого? Его таинственность, происходившая от своенравных странностей, которые он постоянно употреблял наперекор условным странностям света; его предприятия, казавшиеся задуманными, как "очертя голову"; его молниелетные переходы; его громовые победы на неожиданных ни нами, ни неприятелем точках военных действий — вся эта поэзия событий, подвигов, побед, славы, продолжавшаяся несколько десятков лет сряду, всё отзывалось в свежей, молодой России полною поэзией, как всё, что свежо и молодо…

Четыре кавалерийские полка, входившие в состав корпуса, Переяславский конно-егерский, Стародубовский и Черниговский карабинерные и Полтавский легкоконный, стояли лагерем близ Днепра, в разных пунктах, но близких один к другому. Полтавский находился у села Грушевки… Лагерь полка отстоял от дома не далее ста шагов. Я и брат мой жили в лагере.

В одну ночь я услышал в нем шум и сумятицу. Выскочив из палатки, я увидел весь полк на конях… Сказали, что Суворов только что приехал из Херсона в простой курьерской тележке и остановился в десяти верстах от нас, в лагере одного из полков, куда приказал прибыть всем прочим полкам на смотр и маневры.

Я был очень молод, но уже говорил и мечтал о Суворове. Можно вообразить взрыв моей радости! Впрочем, радость и любопытство овладели не одним мною. Я помню, что покойная мать моя и все жившие у нас родственники и знакомые, и даже лакеи, кучера, повара и служанки, — всё, что было живого в доме и в селе, собиралось и спешило, бежало туда, где остановился Суворов, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на любимого героя, на нашего боевого полубога…

К полудню войска возвратились. Отец мой, запыленный, усталый и окруженный своими офицерами, вошел к нам в палатку. Рассказы не умолкали. Анекдоты о Суворове, самые прелестные его слова, самые мелкие его странности, передавались из уст в уста с восторгом. Противна была только лишняя, как говорили тогда офицеры, быстрота в движениях, которой он требовал от конницы, и продолжительное преследование мнимого неприятеля, изнурявшее людей и лошадей.

Но всего более не нравился следующий маневр. Суворов требовал, чтобы каждый род войска подчинял всё второстепенно касающееся до боевого дела той цели, для которой он создан. Существенная обязанность конницы состоит в том, чтобы врезываться в неприятельские войска, какого бы рода они ни были: она должна вторгаться в середину неприятельской колонны или фронта и рубить всё, что ни под руку

Суворов, приучая лошадей своей конницы к скоку во всю прыть, вместе с тем приучал их и к проницанию в середину стреляющего фронта, на который производится нападение. Но чтобы вернее достигнуть своей цели, он не прежде приступал к последнему маневру, как при окончании смотра или ученья, уверенный в памятливости лошадей о том построении и даже в том командном слове, которым прекращается зависимость их от седоков.

Для этого он спешивал половинное число конных войск и ставил их с ружьем, заряженным холостыми патронами, так, чтобы каждый стрелок находился от другого на таком расстоянии, какое нужно лошади для проскока между ними. Другую половину оставлял он на конях и, поставив каждого всадника против промежутка, назначенного предварительно для проскока в пехотном фронте, приказывал идти в атаку.

Пешие стреляли в то самое время, как всадники проскакивали во всю прыть сквозь стреляющий фронт. Проскочив, они тотчас слезали с лошадей, и этим заключался каждый смотр, маневр и ученье.

Посредством выбора времени для этого маневра лошади так приучались к выстрелам, пускаемым, можно сказать, в их морду, что вместо страха они при одном взгляде на построение против них спешившихся всадников с ружьми, предчувствуя конец трудам своим, начинали ржать и рвать вперед, чтобы скорее проскакать сквозь выстрелы и возвратиться на покой в свои коновязи или конюшни.

Но эти проскоки всадников сквозь ряды спешившихся солдат часто дорого стоили последним. Случалось, что от дыма ружейных выстрелов, от лишней торопливости всадников или от заноса некоторых своенравными лошадьми, не по одному, а по нескольку вдруг, они попадали в промежуток, назначенный для одного. Это причиняло увечье и даже смертоубийство в пехотном фронте. Вот отчего маневр был так неприятен тем, кому выпадал жребий играть роль пехоты.

Но эти несчастные случаи не сильны были отвратить Суворова от средства, признанного им за лучшее для приучения конницы к поражению пехоты. Когда доносили ему о числе жертв, затоптанных первою, он обыкновенно отвечал: "Бог с ними! Четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выучу!"

И тем оканчивались все попытки доносящих отвлечь его от этого единственного способа довести конницу до предмета, для которого она единственно создана».

Блестящий гусарский офицер, бесстрашный партизан, побеждавший в 1812 году лихими налетами численно превосходящие наполеоновские отряды, Денис Давыдов точно передал суть суворовской системы обучения войск — его знаменитые сквозные атаки, ставшие одним из залогов выдающихся побед великого полководца.

На следующий день, наблюдая маневры, маленький Денис безуспешно пытался в облаках пыли разглядеть Суворова.

«Наскучив, наконец, бесплодным старанием хоть однажды взглянуть на героя, мы возвратились в лагерь, в надежде увидеть его при возвращении с маневров…

Около десяти часов утра всё зашумело вокруг нашей палатки, закричало: "Скачет! Скачет!"

Мы выбежали и увидели Суворова в ста саженях от нас, скачущего во всю прыть в лагерь и направляющегося мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, как после упадало оно при встрече с родными после долгой разлуки. Я был весь внимание, весь был любопытство и восторг, и как теперь вижу — толпу, составленную из четырех полковников из корпусного штаба, адъютантов и ординарцев, и впереди толпы Суворова на саврасом калмыцком коне, принадлежавшем моему отцу: в белой рубашке, в довольно узком полотняном нижнем платье, в сапогах вроде тоненьких ботфорт и в легкой, маленькой, солдатской каске… На нем не было ни ленты, ни крестов.

Это очень мне памятно, как и черты сухощавого лица его, покрытого морщинами; как и поднятые брови и несколько опущенные веки. Всё это, несмотря на детские лета, запечатлелось в моей памяти не менее его одежды. Вот отчего мне не нравится ни один из его бюстов, ни один из его портретов, кроме портрета, написанного в Вене во время проезда его в Италию… да бюста Гишара, изваянного по слепку с лица после его смерти. Портрет, искусно выгравированный Уткиным (добавим от себя, самый известный. — В. Л.), не похож: он без оригинального выражения его физиономии, спящ и безжизнен.

Когда он несся мимо нас, любимый адъютант его Тищенко, человек совсем необразованный, но которого он пред всеми выставлял за своего наставника и как будто слушался его наставлений, Тищенко закричал ему: "Граф! Что вы так скачете? Посмотрите, вот дети Василья Денисовича!"

"Где они? Где они?" — спросил он и, увидя нас, поворотил в нашу сторону, подскакал к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена, подозвал нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: "Любишь ли ты солдат, друг мой?"

Смелый и пылкий ребенок, я со всем пылом детского восторга мгновенно отвечал ему: "Я люблю графа Суворова; в нем всё — и солдаты, и победа, и слава!"

"О, помилуй Бог, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указ на моего брата) пойдет по гражданской службе!"

С этим словом он вдруг поворотил лошадь, ударил ее нагайкой и поскакал к своей палатке».

В данном случае предсказание Суворова не сбылось: Евдоким Давыдов стал военным и получил восемь ран, а сам Денис не командовал «ни армиями, ни даже отдельными корпусами, следовательно, не выигрывал и не мог выигрывать сражений». Но слова великого человека, пишет мемуарист, имели что-то магическое: «Когда, спустя семь лет, подошло для обоих нас время службы, отцу моему предложили записать нас в Иностранную Коллегию, но я, полный слов героя, не хотел другого поприща, кроме военного. Брат мой, озадаченный, может быть, его предсказанием, покорился своей судьбе и, прежде чем поступил в военное звание, около году служил в Архиве Иностранных Дел юнкером».

Замечателен эпизод воспоминаний, связанный с разбором Суворовым маневров:

«В этот день все полковники и несколько штаб-офицеров у него обедали. Отец мой, возвратясь домой, рассказывал, что перед обедом Суворов толковал о маневре того дня и делал некоторые замечания. Как в этом маневре отец мой командовал второй линией, то Суворов, обратись к нему, спросил: "Отчего вы так тихо вели вторую линию во время третьей атаки первой линии? Я посылал вам приказание прибавить скоку, а вы всё продолжали тихо подвигаться!"

Такой вопрос из уст всякого начальника не забавен, а из уст Суворова был, можно сказать, поразителен. Отец мой известен был в обществе необыкновенным остроумием и присутствием духа в ответах. Он, не запнувшись, отвечал ему:

— Оттого, что я не видел в этом нужды, Ваше Сиятельство!

— А почему так?

— Потому что успех первой линии этого не требовал: она не переставала гнать неприятеля. Вторая линия нужна была только для смены первой, когда та устанет от погони. Вот почему я берег силу лошадей, которым надлежало впоследствии заменить выбившихся уже из сил.

— А если бы неприятель ободрился и опрокинул первую линию?

— Этого быть не могло: Ваше Сиятельство были с нею!

Суворов улыбнулся и замолчал. Известно, что он морщился и мигом обращался спиною в ответ на самую утонченную лесть и похвалу, исключая тех только, посредством кого разглашалась и укоренялась в общем мнении его непобедимость. Эту лесть и эти похвалы он любил, и любил страстно, — вероятно, не из тщеславия, а как нравственную подмогу и, так сказать, заблаговременную подготовку непобедимости».

Давыдов вспоминал, что на обед, данный его родителями Суворову, командирам участвовавших в маневрах полков и штаб-офицерам Полтавского полка, генерал-аншеф явился в легкоконном темно-синем мундире с тремя звездами; по белому жилету лежала лента Георгия 1-го класса; более орденов не было. Александр Васильевич расцеловал мать в обе щеки, вспомнил ее покойного отца генерал-поручика Щербинина, а мальчиков благословил, дал поцеловать свою руку и сказал: «Это мои знакомые».

За обеденным столом старый воин подшучивал над одной пожилой дамой и, «когда она, услышав его голос, оборачивалась на его сторону, он, подобно кадету-повесе, потуплял глаза в тарелку, не то обращал их к бутылке или стакану, показывая, будто занимается питьем или едою, а не ею…». Пробыв после обеда около часу «весьма разговорчивым, веселым и без малейших странностей», он отправился в лагерь и там вынес вердикт:

«Первый полк отличный.

Второй полк хорош.

Про третий ничего не скажу.

Четвертый никуда не годится».

Спустя несколько месяцев после мирных маневров конницы и насмешек над пожилой дамой на берегах Днепра, пишет Давыдов, Польша уже стояла вверх дном и курилась Прага, залитая кровью ее защитников.

«ШАГНУЛ И ЦАРСТВО ПОКОРИЛ»

Так образно, кратко и точно Державин в оде «На взятие Варшавы» выразил самую суть блестящей кампании Суворова — кампании, принесшей ему чин генерал-фельдмаршала и славу первого полководца Европы.

Война началась с катастрофы. В секретном донесении императрице, отправленном российским посланником и командующим войсками в Варшаве бароном Иосифом Андреевичем Игельстромом, говорилось:

«Сражение в Варшаве началось в пять часов по полуночи 6 апреля. Бунт во всех частях города единовременно возгорел; польские войска, во-первых, обняли цейхауз и замок королевский. Овладев цейхаузом, открыли его и выдали из оного пушки и множество разного оружия, коими вооружилась чернь.

Баталионы войск Вашего Императорского Величества в Варшаве в восьми частях города были расположены. Многочисленные толпы мятежников устремились вдруг на все те места, кои назначены были сборными для войск Вашего Императорского Величества при случае тревоги… Каждый баталион принужден был особенно сражаться на сборном месте, а соединение совсем было отрезано.

Продолжая сражение, я ласкал себя всё еще надеждою, что которому ни есть баталиону удастся подойти ко мне на подкрепление или что прусские войска, под самым городом стоявшие, преподадут мне оное. Но, не открыв себе ни с какой стороны пособия, решился, наконец, отвергнув несколько кратные со стороны мятежников между тем зделанные мне постыдные предложения положить ружье и отдаться пленным, пробиться чрез толпы бунтовщиков до края города.

Сие предприятие, сколько отчаянное, но столько же и необходимое, удалось мне: я прорвался за город и, соединяясь с прусскими войсками, вчерашнего дня вечером обще с ними дошел до Закрочина, где и остановился на нынешний день».

Прорваться удалось лишь пяти сотням человек. «Прочие все убиты и так изранены, что остались на месте. Что последовало с другими в Варшаве бывшими семью баталионами гренадер и егерей, пятью эскадронами Харьковского легкоконного полку и с орудиями полевой артиллерии, по краям города стоявшими, о том до сего часа не имею я достоверного сведения. Из посторонних между разговоров показаний ведаю лишь, что по жесточайшем же сопротивлении частию они побиты, частию в плен взяты…

Как же ныне открылось, что всем настоящим в Польше смятениям Король глава, то теперь безсомненно ожидать следует, что скоро и в Литве начнется революция, в коей по приглашению возмутителя Костюшки чрез манифесты и акт возстания… не только войска и дворянство, но и мещане, и поселяне будут участвовать и действовать все вообще военною рукою».

Генерал-аншеф Игельстром, заслуженный ветеран русской армии, опытный администратор проглядел близившийся взрыв. Теперь он предлагал немедленно двинуть в Польшу многочисленные войска.

Разгневанная Екатерина поручила командование силами, направляемыми в Польшу и Литву, Репнину. Едва князь Николай Васильевич принял новую должность, как ему пришло донесение:

«…Россиян в Вильне перерезали в ту самую ночь, то есть со вторника на среду Святой Недели… На 12 число в ночи граждане и литовские в Вильне бывшие войски напали на губвахту и на сонных россиян в квартирах и оных умерщвляли; захватили Гетмана Коссаковского и многих наших чиновников…

Войски наши, в Варшаве пребывающие, почти все перебиты, в плен захвачены и весьма малое количество оных осталось. Генералы Апраксин и Граф Зубов взяты под арест. Вся канцелярия Барона Осипа Андреевича Игельстрома взята и до миллиона суммы захвачено. Три племянника его убиты, а сам он неизвестно куды девался».

В хаосе событий верные сведения перемежались слухами. На самом деле генерал-поручик Степан Апраксин и генерал-майор Николай Зубов пробились из Варшавы вместе с Игельстромом. Старший брат фаворита добрался до Петербурга и привез государыне дурные вести.

После второго раздела Речи Посполитой в 1793 году Россия получила Правобережную Украину и значительную часть Белоруссии, Пруссия — польские земли в Померании. У власти оказались сторонники союза с Россией, которых поддержал и король Станислов Август, фактически отстраненный от власти еще в предшествующие годы.

Восстание тщательно готовилось, но началось стихийно с выступления 1 (12) марта кавалерийской бригады Мадалинского из числа польских войск, подлежавших расформированию. Бригаде удалось прорваться в Краков, куда из-за границы прибыл Тадеуш Костюшко, популярный генерал, прославившийся в Войне за независимость американских колоний под знаменами Джорджа Вашингтона. Заранее назначенный диктатором и главнокомандующим, Костюшко 13 (24) марта обнародовал в Кракове Акт восстания и принес присягу. Победа 24 марта (4 апреля) его отряда над незначительными русскими силами при Рацлавице стала сигналом к всеобщему выступлению. Ночью 6(17) апреля в Варшаве ударили в колокола. Шла православная Страстная неделя, русские солдаты и офицеры молились в храмах. Началась беспощадная резня. Потери составили около половины варшавского гарнизона — более четырех тысяч человек убитыми и пленными. Было захвачено российское посольство. Вместе с военными в заточении оказались дипломаты. Обращение с ними было крайне суровым.

Когда же в Варшаве польские якобинцы подняли массы, на сторонников России был обрушен революционный террор. Возбужденные толпы требовали казни попавших в плен «москалей».

Восстание перекинулось в другие места. Поднялись дислоцированные на территориях Правобережной Украины и Белоруссии польские части (всего до пятнадцати тысяч человек), принятые на русскую службу и принесшие присягу Екатерине.

Лидеры восставших требовали возвращения территорий, утраченных в результате первого и второго разделов.

Осведомленный Петр Васильевич Завадовский, имевший значительный вес в правящих кругах, писал из Петербурга своему другу графу Александру Романовичу Воронцову: «По бумагам открылось достоверно, что бунтовщики полную связь имели с конвенциею Парижскою и получали помощь денежную. План улажен обширный, чтоб поднять Турков, Шведов и Датчан, но Костюшко по своим видам, не дожидаясь общего подвига, открыл ранее свое дело, надеясь на громаду повсюду в Польше равных себе злоумышленников».

Франция была крайне заинтересована в том, чтобы поляки отвлекли на себя силы европейских монархий. Французские армии под лозунгом «Мир хижинам, война дворцам» начали успешное контрнаступление, вскоре превратившееся в захват территорий соседних государств.Война поляков за национальную независимость стала для русских войной за национальную безопасность. Екатерина объявила поляков мятежниками. Общее руководство подавлением мятежа принял на себя исполняющий обязанности президента Военной коллегии граф Николай Иванович Салтыков.

Двадцать четвертого апреля Суворов получил рескрипт: «Граф Александр Васильевич! Известный Вам, конечно, бунтовщик Костюшко, взбунтовавший Польшу, в отношениях своих ко извергам, Франциею управляющим, и к Нам из верных рук доставленных, являет злейшее намерение повсюду рассеивать бунт во зло России». Суворову повелевалось поступить под командование Румянцева, возвращенного императрицей из отставки. Прославленному победителю турок, старому и больному, было поручено возглавить войска на Волыни, в Подолии и на юге России с задачей не допустить проникновений туда польских отрядов и быть готовым воевать с Портой. Десятого мая Суворов рапортовал фельдмаршалу: «Вступя паки под высокое предводительство Вашего Сиятельства, поручаю себя продолжению Вашей древней милости и пребуду до конца дней моих с глубочайшим почтением».

Сначала без единого выстрела он разоружил польские части в Брацлавской губернии (современная Винницкая область Украины). «Мы предупредили их несколькими днями или, скорее, одними сутками, — сообщил 4 июня Суворов своему другу Рибасу. — Покамест, елико возможно, хлопочите в Санкт-Петербурге, чтобы мне, лишь только покончу дело в Польше, возвратиться к Вам: сие на благо общества, ежели только интригующая партия не желает меня вновь ввергнуть в бездействие… Я очень доволен моим старым почтенным начальником». Очевидно, он беспокоился за Крым и пограничные с Турцией территории. Всем казалось, что двинутые в Польшу и Литву войска быстро справятся с мятежниками.

Императрица в рескрипте Румянцеву поблагодарила фельдмаршала, не покидавшего своего имения на Украине, за успешное «обезоружение большей части бывших польских войск», поручив «объявить Наше благоволение и Генералу Графу Суворову-Рымникскому за его труды и деятельность».

«Я провел несколько весьма приятных часов у Фельдмаршала, — сообщает Александр Васильевич Рибасу 24 июня. — Польша дана не ему, но Князю Репнину, и я таким образом остаюсь ни при чем. Мне не пишут из Санкт-Петербурга; впрочем, там довольны моею прогулкою, а Графом Иваном Салтыковым нет». Далее следует профессиональная оценка военных действий в Польше: «После поражения Костюшки пруссаки потребовали сдачи Кракова, который тотчас и сдался на волю победителей с гарнизоном, состоящим из 7000 человек. Несчастный Костюшко с небольшим числом своих окружен в тамошних лесах. Город сей отдан австрийцам, которые тремя корпусами общим числом 35 000 человек, большею частию венгерцев, не обнажая меча, проникли в 3 их воеводства… Варшава занята пруссаками».

Но слух о занятии Варшавы оказался ложным. Пожертвовав своим авангардом, Костюшко прорвался к Варшаве, вызвав искреннюю похвалу Суворова: «В мятежнике довольно искусства!»

После краткого свидания с Румянцевым в его имении Ташань, в 110 верстах от Киева, Суворов получил от него план варшавского предместья Праги.

Дела в Польше, несмотря на частные успехи ее противников, осложнялись. Мятежники увеличивали силы, привлекая под свои знамена крестьян обещанием освободить их от крепостной зависимости. «Косиньеры» (они вооружались самодельными копьями из древка и прикрепленного к нему лезвия косы) усилили «старые» (регулярные) войска. Поляки держали в руках инициативу, наносили неожиданные удары, дрались смело и упорно. Их предводители умело выбирали позиции, хорошо маневрировали в ходе сражений. Отлично действовала польская артиллерия.

Успешно дрались и французские войска: 14 (25) июня в генеральном сражении при Флерюсе они разбили австрийцев. Судьба Голландии, вступившей в ряды антифранцузской коалиции, была предрешена. Испанская армия также терпела неудачи. Газеты были полны слухами о раскрытых якобинских заговорах в Турине и других городах Италии. И хотя вожди якобинцев (Робеспьер и его ближайшие сторонники) 17/28 июля были гильотинированы, новые диктаторы не собирались отказываться от военных завоеваний.

Суворов, почтительно намекнувший Румянцеву о «томной праздности», в которой он пребывает «невинно после Измаила», и прибавивший, что «мог бы преспособить окончанию дел в Польше и поспеть к строению крепостей», начинает тревожиться не на шутку. 15 июля летит письмо Хвостову в Петербург: «Одно мое слово — хочу служить! Здесь без дела, театр в Польше… Отрицаюсь от всех награждениев, себя забуду и напрягу их (силы. — В.Л.) для других… Я возьму терпение до сентября. Боже! И это тошно».

Проходит неделя. Новое письмо: «Долго ли мне не войти в мою сферу? В непрестанной мечте, паки я не в Польше, там бы я в сорок дней кончил!»

Через три дня он взывает к Румянцеву: «Ваше Сиятельство в писании Вашем осыпать изволите меня милостьми, но я всё на мели. Остается мне желать краткую мою жизнь кончить с честью! где бы то ни было, по званию моему, не инженером. Один Вы, Великий муж! мне паки бытие возвратить можете». В тот же день Суворов решает прибегнуть к последнему средству «Всемилостивейшая Государыня! — пишет он. — Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу всемилостивейше уволить меня волонтером к союзным войскам, как я много лет без воинской практики по моему званию».

Ответ не заставил себя ждать. «Граф Александр Васильевич! — писала 2 августа Екатерина. — Письмом Вашим от 24-го июля, полученным Мною сего утра, вы проситеся волонтером в Союзную Армию. На сие Вам объявляю, что ежечасно умножаются дела дома и вскоре можете иметь тут по желанию Вашему практику военную много. И так не отпускаю Вас поправить дел ученика Вашего, который за Рейн убирается по новейшим известиям, а ныне, как и всегда, почитаю Вас Отечеству нужным».

Седьмого августа Румянцев, ссылаясь на вести из Константинополя, подтвердил мнение Суворова о «удержании покоя и мира с сей стороны» и поручил ему двинуться к Бресту против поляков, чтобы «сделать сильный отворот сему дерзкому неприятелю и так скоро, как возможно». Письмо заканчивалось многозначительным напутствием: «Ваше Сиятельство были всегда ужасом поляков и турков, и Вы горите всякий раз равно нетерпением и ревностью, где только о службе речь есть… Ваше имя одно в предварительное обвещание о Вашем походе подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи». В подкрепление Суворову выделялись два летучих отряда генералов И.И. Моркова и Ф.Ф. Буксгевдена.

Четырнадцатого августа полководец начал свой знаменитый марш, завершившийся взятием варшавского предместья Праги и положивший конец войне. План действий был давно обдуман. Сохранилась записка полководца, набросанная для себя.

«Невежды петербургские не могут давать правил Российскому Нестору (Румянцеву. — В. Л.); одни его повеления для меня святы, — пишет Суворов, подчеркивая нежелание слушать невнятные советы Салтыкова из Петербурга. — Союзники ездят на российской шее; Прусский король даже и варшавских мятежников обращает на Россиян, если то не из газет взято». (Австрийцы действовали крайне пассивно. Энергичная оборона Варшавы и восстание в захваченной Пруссией части Польши заставили прусского короля Фридриха Вильгельма II снять осаду, а затем отступить, бросив русский корпус Ферзена на произвол судьбы.) Именно ему, Суворову, предстояло нанести противнику решающие удары.

«Время драгоценнее всего, — продолжает Суворов. — Юлий Цезарь побеждал поспешностью. Я терплю до двух суток для провианта, запасаясь им знатно на всякий случай. Поспешать мне надлежит к стороне Бреста». Он обозначает цель похода, на что так и не отважился Репнин: «Там мне прибавить войска, итти к Праге, где отрезать субсистенцию из Литвы в Варшаву».

Суворов прекрасно знал театр войны, знал сильные и слабые стороны противника и на этом основывал свой план: его козырь — внезапность.

Польские военачальники, как и должно, учитывали возможность выступления против них непобедимого русского полководца. Но Костюшко, ободряя своих сторонников, заявил, что «Суворов будет занят» предстоящей войной с турками и «в Польше быть не сможет». Когда же стали доходить слухи о движении суворовского корпуса, никто не мог предположить такой быстроты его марша.

Он приказал взять в поход самый легкий обоз с провиантом на восемь дней. На столько же должно было хватить сухарей, которые несли в своих ранцах солдаты. Было приказано не брать зимнего платья, кроме плащей, быть в кителях. Подавая пример, первый солдат своего войска также оделся по-летнему и проделал поход до Бреста в белом кителе, укутываясь в холодные ночи в свой синий плащ. Экипажем генерал-аншефу служила кибитка, куда помещался весь его багаж.

В самом начале похода генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, боевой товарищ по Измаилу, ставший заместителем Суворова в Польской кампании, разослал в войска приказ:

«Его Сиятельство Главнокомандующий здесь войсками Господин Генерал-Аншеф и Кавалер Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский поручил мне управление корпуса и устроение порядка… Знаменитость предводительствующего войсками Его Сиятельства Графа Александра Васильевича всему свету известна, и войски под его руководством всегда и везде надежны в подвигах своих.

Правила на всякое приготовление и на случай сражения от Его Сиятельства Господина Главнокомандующего предписаны; должно оные затвердить всем господам штаб и обер-офицерам и внушить нижним чинам и рядовым, чтоб каждый знал твердо ему предписанное».

Это был заранее составленный Суворовым военный катехизис, вобравший в себя боевой опыт последних войн и содержавший положения будущей «Науки побеждать».

Войска шли, повторяя заветные слова своего вождя:

«Легко в ученье — тяжело в походе; тяжело в ученье — легко в походе…

Скоро, проворно, храбро во всех эволюциях стоять должен… Напрасно пули не терять, а беречь на три дни… чтоб для случая иметь две смерти: штык и пулю в дуле…

Шаг назад — смерть. Всякая стрельба кончается штыком…

На неприятеля начинать атаку с слабой стороны…

По военной пословице, сбитого неприятеля гони плетьми. Но при жестокой погоне нимало не давать времени ему оправляться и паки выстроиться. Тогда был бы опять равный бой…

Пехота, особливо кареями, должна быть приучена к пальбе весьма и цельному прикладу, к действию штыка, к быстрым движениям, чтоб, сколько можно, от кавалерии не отдаляться…

Производить экзерциции… кавалерия, приученная к крестной рубке, проезжает сквозь на саблях… линию кавалерии или спешенной, или пехоты, под пальбою сих последних, дабы кони приучены были к огню и дыму, как и к блеску холодного ружья, а седок к стремю и поводам».

Командующий носился верхом по расположениям войск, подбадривая уставших, проверяя знание своих наставлений, напоминая о прошлых победах. И, как всегда, звучали слова: «В поражениях сдающимся в полон давать пощаду… Обывателям ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить. Война не на них, а на вооруженного неприятеля».

По пути к суворовскому корпусу присоединились еще два, силы возросли до пятнадцати тысяч человек. Среди присоединившихся войск находились как ветераны, хорошо знавшие боевые приемы своего полководца, так и новички. Им тоже приказано было учить военный катехизис. По воспоминаниям участника событий, все знали наставления Суворова не хуже, чем Отче наш.

За 20 дней суворовские войска прошли 530 верст!

Третьего сентября казачья полусотня атаковала под Дивином сторожевой отряд поляков в 200 человек, совершенно не ожидавших появления русских войск. Подкрепленные еще сотней товарищей казаки уничтожили противника. Пленные и жители показали, что в 35 верстах в Кобрине находится авангард корпуса генерала Сераковского, дислоцированного под Брестом.

Некоторые из соратников Суворова советовали ему провести разведку, он же приказал казачьему авангарду бригадира Ивана Исаева идти вперед. И внезапный удар 4 сентября снова решил дело.

Спустя два дня в сражении при Крупчицком монастыре близ Кобрина были разгромлены части из корпуса Сераковского, а еще через два дня под Брестом сокрушены его основные силы — более десяти тысяч человек. Остатки корпуса, собиравшегося наступать на восток, бежали к Варшаве. «Брестский корпус, уменьшенный при монастыре Крупчицком 3000-ми, сего числа кончен при Бресте, — донес Суворов фельдмаршалу. — Поляки дрались храбро, наши войска платили их отчаянность, не давая пощады… По сему происшествию и я почти в невероятности. Мы очень устали».

За пять дней одержаны четыре победы! Суворов блестяще реализовал свой принцип: «быстрота, глазомер и натиск». Имея численное превосходство, противник дрался упорно и умело, но уступил в честной борьбе лучшему полководцу своего времени. Первые два боя выиграли шедшие в авангарде казаки, в сражениях при Крупчицах и Бресте решающую роль сыграли обученные по суворовской системе сквозных атак Черниговский карабинерный и Переяславский легкоконный полки, те самые, о маневрах которых под руководством Суворова рассказывал Денис Давыдов.

Впечатление от поражений мятежников было потрясающим. Костюшко прискакал в Гродно, наспех осмотрел войска и умчался обратно в Варшаву Он сознавал, что в борьбу вступила новая грозная сила — Суворов.

Тот же смысл вложила в свой отзыв императрица Екатерина: «Я послала в Польшу две силы — армию и Суворова». В Петербурге ликовали. Победитель стал предметом восхищения. Все рассказывали о его удивительных причудах. Например, в походе он не указывал часа подъема, а сам будил войска криком петуха. И эта скрытность была залогом внезапности появления перед противником. Лаконизм высказываний Суворова порождал сравнение его с великим Цезарем. Передавали его приказ дежурному офицеру Федору Матюшинскому: «В час собираться, в два отправляться, в семь-восемь быть на месте. Крепок лагерь местом. Смотреть в оба. Сарматы (так издревле называли поляков. — В. Л.) близко».

В письме Рибасу, с которым у Суворова установились особо доверительные отношения, говорилось: «Ваше Превосходительство, Господин Адмирал, читайте: пришел, увидел, победил. Живу будто во сне. Да хранит Вас Господь, друг мой сердечный!»

Ходило по рукам стихотворное письмецо Александра Васильевича дочери:

Нам дали небесаДвадцать четыре часа.Потачки не даю моей судьбине,А жертвую оным моей Монархине,И чтоб окончить вдруг,Сплю и ем, когда досуг.

Стихи, конечно, корявые, но от них так и веет энергией.

Доносить о своих победах Суворов был обязан Румянцеву, а тот уже слал гонцов в Петербург. Но писать частные письма не возбранялось, и Александр Васильевич писал Платону Зубову, зная, что фаворит передаст его слова самой государыне: «Ваше Сиятельство имею честь поздравить с здешними победами. Рекомендую в Вашу милость моих братцев и деток — оруженосцев Великой Екатерины! толико в них прославившихся». После унылых отзывов Репнина, готовившегося к переводу войск на зимние квартиры, это звучало победным гимном и давало надежду на скорый конец войны. Екатерина пожаловала победителю алмазный бант к шляпе и три отбитые у неприятеля пушки. Посланцев, привозивших победные известия, Румянцев повышал в чине, а князя Алексея Горчакова, племянника героя, сама императрица произвела из полковников в бригадиры.

Пересылая донесения Суворова в Петербург, Румянцев кратко и точно определил возможные следствия побед. «Начало отвечает совершенно всеобщим мнениям о несравненном Суворове, — писал он 14 сентября Зубову. — Боже изволи, чтобы дальнейшие следствия, кои главнейше от содействия иных корпусов Князя Николая Васильевича (Репнина. — В. Л.) зависят, имели те же или лучшие успехи и чтобы везде совершенное согласие господствовало».

Приведем несколько документальных свидетельств о решающих этапах кампании, чтобы дать читателю возможность услышать голоса участников событий.

Итак, Суворов занял Брест. У него оставалось не более десяти тысяч человек. Продолжать с такими силами наступление было невозможно. Ближайшие к нему два корпуса находились под командованием Репнина. Отступление прусского короля от Варшавы поставило содействовавший союзникам русский корпус Ивана Ферзена в очень трудное положение. Ферзен стал уходить вверх по Висле на юго-восток, удаляясь от Репнина и сближаясь с Суворовым. Другой корпус находился под Гродно, левее войск Суворова. Его командир генерал-поручик Вильгельм Дерфельден, соратник по фокшанской победе, выполняя приказы осторожного Репнина, действовал нерешительно.

«Дерфельдену околичности Гродни давно очистить надлежало, — доносил Румянцеву Суворов. — Чая скорого сближения Ферзена, отсюда я его (Дерфельдена. — В. Л.) к тому побудил, уведомя Князь Николая Васильевича Репнина. Время потеряно на доклады… Тако, Сиятельнейший Граф!

Близ трех недель я недвижим». И следует аналогия из античной истории, которая для всякого образованного русского военного была не только предметом чтения, но и образцом для подражания: «И можно здесь сказать, что Магарбал — Ганнибалу: "Ты умеешь побеждать, но не пользоваться победою". Канна и Бржесц подобие имеют . Время упущено. Приближаются винтер-квартиры».

Не забывая о главной цели похода, Суворов не сидел в Бресте сложа руки. Войска готовились к решающему сражению. Пехота постоянно отрабатывала приемы штурма крепостных укреплений, а солдаты уже передавали из уст в уста: «Скоро пойдем на Варшаву». А.Ф. Петрушевский отмечает маленькую деталь, прекрасно характеризующую взаимоотношения суворовских войск и их предводителя. Наступали осенние холода, солдаты и офицеры мерзли в летних кителях. Плащи не спасали. Воспользовавшись задержкой в Бресте, Суворов приказал подвезти мундиры. Сам он переоделся лишь после того, как сменили обмундирование его подчиненные. Такое не забывается.

Время шло. Репнин не собирался передавать Суворову корпуса Ферзена и Дерфельдена. И тогда Александр Васильевич решил опереться на авторитет Румянцева. Единственный действующий фельдмаршал Российской армии указал Репнину, что победа под Брестом «могла и должна бы иметь уверительно большие и важные успехи и взятие Варшавы самой, когда бы корпусы Господ Генерал-Поручиков Фон Дерфельдена и Ферзена к сему корпусу присоединены быть могли».

Главнокомандующий войсками в Польше и Литве был вынужден повиноваться, но пожаловался в Петербург графу Салтыкову: «Мне крайне прискорбно сие случившееся со мною обстоятельство… Я уже не знаю, сам ли я командую или отдан под команду».

Глава Военной коллегии и рад был бы помочь: «Сообщество Ваше с Суворовым я весьма понимаю, сколь неприятно для Вас быть может, и особливо по весьма авантажному об нем заключению. Предписание его Дерфельдену доказывает, что он ничем общему порядку не следует, и он приручил всех о себе так думать, ему то и терпят». Однако дипломатичный Салтыков, не называя имени императрицы, давал понять, что сама Екатерина высоко оценила суворовские победы, а посему ничего сделать нельзя — придется уступить.

«Князя Николая Васильевича подвиги Графа Суворова щекочат, но страдание честолюбия вдаль его не двинет, — сообщал Румянцеву столичные вести Завадовский. — Осторожность велика, решимость не видна. Его понуждают подвинуть войска, которые близки будут, войтить в состав предводительства Графа Александра Васильевича на случай, ежели бы Вы предположили пунктом наступательным его действий Варшаву и Костюшку. Между тем, что нам уже кажется, шея сломлена бунту польскому».

В 1900 году, в столетнюю годовщину со дня кончины Суворова, в Николаевской академии Генерального штаба состоялись Суворовские чтения. Выступали самые известные военные теоретики и писатели. Профессор Михаил Васильевич Алексеев (будущий начальник штаба Николая II и фактический руководитель операций в решающий период Первой мировой войны) в докладе отметил: в 1794 году Суворову были вынуждены уступить, но «при неудаче он не мог ждать пощады от своих недоброжелателей».

Первого октября войска Костюшко настигли корпус Ферзена, но получили достойный отпор. В сражении при Мацеёвице польские силы были разгромлены и потеряли всю артиллерию. В плен попали три генерала — Каминский, Сераковский и сам Костюшко. Тяжело раненного польского главнокомандующего отправили в Киев, а затем в Петербург. Эта потеря была для Польши невосполнимой. После длительных уговоров пост главнокомандующего принял Томаш Вавржецкий, не обладавший ни авторитетом, ни талантами предшественника.

Суворов был готов к такому повороту событий. Он немедленно начал движение к Варшаве, 15 октября его войска по пути соединились с корпусом Ферзена и в тот же день в сражении при Кобылке разбили корпус польского генерала Мокроновского. 19-го к Суворову присоединился Дерфельден. Накануне была произведена рекогносцировка Праги, предместья Варшавы на низком правом берегу Вислы, превращенного в мощную полевую крепость с сильной артиллерией.

Двадцать третьего октября последовал приказ: «Взять штурмом прагский ретраншемент». В диспозиции, как всегда, подчеркивалось: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать». Специальный приказ, повторенный начальниками корпусов, предписывал: если во время приступа «в городе будет барабан бить… и выставят белое знамя, то тогда ж должны остановиться и дать знать главнокомандующему как наискорее. В подтверждение чего, предписав всем господам колонным, полковым и баталионным начальникам, чтоб сие было не упущено незнанием, а притом подтверждаю, что отрез от мостов чрез Вислу неприятеля упущен не был».

Выдвижение семи колонн началось в три часа утра 24 октября. Войска шли в глубокой тишине. В пять часов, перед рассветом, была пущена сигнальная ракета. Штурм начался. Он проходил с большим ожесточением. Ни боя барабана, ни белого флага не было. Защитники Праги дрались до последнего: из двадцати шести тысяч в Варшаву удалось уйти «только кавалерии до 2000, в плену теперь с лишком 10 000: 3 генерала, 23 штаб- и до 250 обер-офицеров, да пушек свезено 72, а достальные еще свозятся».

«Сиятельнейший Граф, ура! Прага наша», — донес в тот же день Суворов Румянцеву. В подробной реляции говорилось:

«По преодолении всех трудностей и превозмогши упорную защиту неприятеля, из трех укреплений ворвались наши войска в Прагу…

Все сии блистательные подвиги и самая победа произведена и одержана столь храбро, что оная с самого начала и до совершенной победы продолжалась токмо три часа.

Недостает изречения изъяснить довольно похвалу неустрашимости господ частных начальников, мужеству командующих колоннами, бодрому рвению штаб- и обер-офицеров и храбрости солдат. Жаркая ревность всех чинов, в сем случае оказанных, неизъяснима; храбрые войски, коими я имею честь командовать, превосходят всякое одобрение.

Редко я видел толь блистательную победу, дело сие подобно измаильскому».

Мы помним, как после штурма Измаила газеты революционной Франции обрушились на Суворова и его чудо-богатырей. Тогда же российский посланник в Варшаве Булгаков, поздравляя победителей, писал: «Взятие Измаила, коему нет примера в нынешнем веке, сокрушило здесь буйные головы: но как оне злы, то вздумали всё очернивать, называя нас даже варварами в газетах». Но то были турки и никому в Европе не известный и далекий Измаил. Кровопролитный штурм предместья европейской столицы вызвал настоящую бурю.

В ответ на клевету газетчиков приведем свидетельства участников и очевидцев этого события. Некий Збышевский вспоминал:

«Смотрела сердобольная Варшава на показанный на Праге страшный измаильский пример, видна была вся ярость этого варварства. В ярость привело это варшавян. Из Варшавы была открыта пальба из всех орудий на Прагу, и огонь нашей артиллерии был очень действителен, ибо в 8 часов (утра. — В. Л.) заставил замолчать все неприятельские орудия, которые пред тем не мало причинили Варшаве вреда…

Король вышел на балкон (замка. — В. Л.) над библиотекой, за ним — довольно людей. Москали, увидев это, направили на них пушки, и ядра так свистали, что ни одной минуты нельзя было оставаться в безопасности… В 8 часов пальба совершенно прекратилась. Около полудня донесли, что почти все москали перепились и что можно бы было добыть пушки, поставленные на берегу Вислы и со стороны Праги. На это дело вызвался мужественный Мадалинский во главе нескольких сот конных. Москали допустили его почти до половины моста и, открывши затем из нескольких орудий огонь, доказали тем свою осторожность…

Резня на Праге и пожар продолжались до вечера. Собрался магистрат… Там было решено отдать город Суворову».

Ненавидящий «москалей» мемуарист сбивчиво и противоречиво передает происходящее. Чего стоят хотя бы заявления о том, что варшавская артиллерия подавила русские орудия, а вскоре «ядра москалей свистали»… И всё же правда берет свое — Збышевский вынужден констатировать, что в городе царила паника, позорно бежали лидеры польских якобинцев, а Рада под давлением жителей согласилась, чтобы магистрат и король послали Суворову предложения о сдаче города на условии гарантии безопасности населения. Три депутата отправились на лодке под белым флагом и с двумя трубачами. Оставим на совести мемуариста утверждение о том, как казаки, «не обращая внимания на права народов», отобрали у прибывших парламентеров кошельки. На рассвете депутатов принял Суворов:

«На вопрос, зачем приехали, они отдали ему письма от короля и совета. Прочитав их, был очень доволен и вскричал: "Виват! Виват! Вечный мир с храбрым польским народом! Мы не рождены для того, чтобы биться друг с другом. У нас одни корни. Я уже не стану мочить оружия в крови народа, действительно заслуживающего почтения и уважения!"

Говоря это, он сорвал со своего бока саблю и бросил ее в угол. Потом Суворов велел дать водки. Чокнувшись с депутатами, выпил. Выпили и они. Затем, разломавши хлеб на куски, поделился с ними, говоря: "Мы делимся друг с другом последним куском хлеба, а воевать оставим".

Потом, обнявшись с депутатами, осведомился, какие условия Варшавы. Ответили, что они изложены в письме короля и магистрата и главным образом касаются безопасности варшавского населения и его имущества. "Когда ваши условия таковы, — сказал Суворов, — слушайте теперь мои"».

Збышевский довольно точно передает условия капитуляции Варшавы, но, чтобы избежать погрешностей при переводе, приводим их по копии, сохранившейся в Российском военно-историческом архиве.

«1 -е. Оружие сложить за городом, где сами за благо изобретут, о чем дружественно условиться.

2-е. Всю артиллерию с ее снарядами вывести к тому же месту.

3-е. Наипоспешнейше исправя мост, войско российское вступит в город и примет оной и обывателей под свое защищение.

4-е. Ее Императорского Величества всевысочайшим именем всем полевым войскам торжественное обещание по сложении ими оружия, где с общего согласия благорассуждено будет, увольнение тотчас в их домы с полною беспечностию, не касаясь ни до чего каждому принадлежащего.

5-е. Его Величеству Королю всеподобающая честь.

6-е. Ее Императорского Величества всевысочайшим именем торжественное обещание: обыватели в их особах и имениях ничем повреждены и оскорблены не будут, останутся в полном обеспечении их домовства, и всё забвению предано будет.

7-е. Ее Имераторского Величества войски вступят в город сего числа по полудни или по зделании моста рано завтре».

По просьбе польских уполномоченных Суворов приказал перевести на польский условия капитуляции. Отдавая депутатам подписанный им перевод, Суворов потребовал ответа через 24 часа. «Некоторые московские генералы, — рассказывает мемуарист, — советовали в обеспечение взять в заложники двоих депутатов, а третьего отправить. Но Суворов, обиженный этим, громко сказал: «Мне известен характер благородного польского народа, и такие предосторожности не нужны. Поляки умеют сдерживать слово».

Збышевский свидетельствует, что в Варшаве оказалось много противников капитуляции, особенно после прихода в столицу шести тысяч литовцев («самой лучшей пехоты») во главе с генералом Гедройцем. Чтобы вывезти из города амуницию, орудия и запасы, Вавржецкий и Гедройц настояли на отсрочке вступления русских до 1 (12) ноября. На этом рукопись обрывается.

Судя по сохранившимся документам, противники капитуляции не собирались сражаться, а только пытались сохранить лицо. Они намеревались увести с собой короля и русских пленников, но народ, боясь мщения, этого не допустил. Вавржецкий впоследствии признавал с горечью, что «ни в ком не видно было духа революции».

Приведем свидетельства с русской стороны. Один из участников штурма в воспоминаниях, названных «Похождения, или история жизни Ивана Мигрина, Черноморского казака», заявил: «Описывать Прагского штурма не буду — это известно по истории. Скажу только, что это была ужасная резня! Солдаты были озлоблены против поляков за истребление ими незадолго пред тем изменнически русского отряда в Варшаве. Солдаты резали кого ни попало и грабили весь день и ночь. Тогда существовала еще такая варварская система войны, и это не считалось преступлением».

Оценку человеколюбивого казака дополняют рассказы, записанные и опубликованные ранними биографами Суворова.

«Когда после взятья приступом укрепленного предместия Праги в октябре 1794 года присланы были из Варшавы к Графу Суворову депутаты, он принял их, сидя в палатке, разбитой на опровергнутом ретраншементе. Один отрубок деревянный служил ему стулом, а другой вместо стола. Простая куртка, на голове каска и сабля при бедре составляли всё убранство сего знаменитого победителя. Палатка была раскрыта.

Как скоро Граф увидел депутатов, то, не допуская до шатра шагов пятнадцать, пошел к ним навстречу и, сняв саблю, бросил в сторону, сказав: "Мир, тишина и спокойствие да будут впредь между нами". И с распростертыми объятиями принял депутатов, которые, видя кротость и благосклонность в полководце столько грозном, уклонясь пред ним, обнимали его колена.

Победитель, не допуская их до того, поднимал. Слезы радости текли как у него, так и у присланных. Все предстоящие сим были тронуты. Таким образом, сей непобедимый полководец умел внушать ужас мечом своим и покорять сердца своим человеколюбием».

Другой рассказ: «Некоторые советовали Графу Суворову задержать Графа Потоцкого яко главнейшую особу революции, вместо залога за Российских пленных. Но он отверг сей совет. "Непростительно, — сказал он, — употреблять во зло доверенность человека, вверившего себя мне. Да и какая надобность в залоге, когда и без того будут отпущены пленные"».

Как видим, всё совпадает с рассказом Збышевского. Расхождение в частностях не меняет сути: Суворов выказал большое снисхождение к побежденным. Под пером обличителя «москалей» он выглядит даже более великодушным и благородным. Не приходится сомневаться в правдивости свидетельств о самой капитуляции города. Верховный совет сложил свои полномочия, передав их Станиславу Августу. Король попытался вовлечь русского главнокомандующего в переговоры о мирных условиях, но получил в ответ заявление о том, что войны между Россией и Польшей нет, что Суворов — не министр, а военачальник, которому поручено сокрушить мятежников, и только из уважения к королю он откладывает ввод войск до 29-го числа.

Вавржецкий вывел войска из города, вывез 50 пушек и много амуниции, а также золото и серебро с монетного двора. Король поблагодарил Суворова за его образ действий и сообщил об освобождении русских пленных, а магистрат просил о скорейшем вступлении его войск в город. 29 октября суворовские войска торжественно вступили в столицу.

Один из ранних биографов полководца В.С. [Кряжев] повествует:

«При въезде в Варшаву встречен он был всем Магистратом, одетым в богатое черное платье. Главнейший из Магистратских чиновников подал ему на бархатной подушке позолоченные серебряные городские ключи, также хлеб и соль, и говорил краткую речь.

Граф принял ключи собственными своими руками, поцеловал оные и, подняв вверх, обратил взор свой к небу и сказал: "Благодарю Бога, что эти ключи не так дорого стоят, как..." — оборотясь к Праге.

Со слезами обнимал он всех членов дружеским образом. Народ, ободренный его великодушием, от радости теснился к нему. Некоторые падали пред ним на колени, многие простирали к нему руки. Одним он отвечал пожатием, а многих из тех, кои были поближе, обнимал».

Более подробно описал это событие участник кампании 1794 года Яков Михайлович Старков, ветеран русской армии, некоторое время прослуживший адъютантом у любимца Суворова князя Петра Ивановича Багратиона.

«29 октября рано утром народ в Варшаве покрывал крыши прибрежного строения. Все окна в домах были им наполнены, и тесные толпы его плотились по берегу реки Вислы. Они ждали нашего вступления, как тишины и покоя после землетрясения, после ужасной бойни. Ждали и молчали.

Мы были готовы как на парад. Всё вымылось, вычистилось и ждало повеления идти. Явились казаки исаевцы, одетые на славу, даже лошади их против обыкновения были вычищены. Прага наполнялась нашими войсками, колонны входили в нее с музыкою, с боем барабанов и с игрою на трубах...

Настал десятый час утра, и Александр Васильевич явился к нам. Громовое "ура!" воинов приветствовало отца своего. Он шибко объехал нашу колонну, здоровался с нами, и радостное лицо его утешило, порадовало наших. Тьма народу кипела в Варшаве.

По мановению великого всё двинулось вперед — к мосту. Военная музыка огласила воздух. Наша колонна под командою боевого генерала Ф.Ф. Буксгевдена вступила первая на мост. Вперед понеслись быстро Исаевцы. За ними двинулись баталионы егерей, Лифляндский и Белорусский, а затем и наш полк. За ним два эскадрона Ольвиопольских гусар, Киевские конные егеря и в заключение Ряжской пехотный полк. Полковая артиллерия была при полках.

Крик встречающего нас народа оглашал воздух: Wiwat! Wiwat Katarzyna! Wiwat Szuwarow! Wiwat Rusnacie!

Перед самым входом с моста в город городские власти дожидались с хлебом-солью и с ключами города встретить великого. Ф.Ф. Буксгевден оставил при них своего адъютанта указать Победоносца. Мы шли в город на взлобье горы по улице. Народ покрывал крыши домов; окна и улицы были им полны. Он теснился возле взводов наших и пробегал в их промежутке. Многие — старость и молодость — целовали руки, даже платье офицеров.

Александр Васильевич в простой куртке, в каске, с коротким мечом по поясу, ехал вслед за нашею колонною. Рассказывали после, что властелины Польши именем ее и именем короля поднесли хлеб-соль и ключи Варшавы победоносному, милосердному полководцу; приветствовали его со слезами, обнимали колена, целовали его ноги, даже стремена седла его, и повергали участь Польши в его милосердие.

Александр Васильевич, тронутый до глубины души, с навернувшимися на глазах слезами принимая хлеб-соль и ключи, возвел глаза свои к председящему превыше небес Богу милосердному, внутренно благодарил Его величие, что это вступление без крови и слез. От преизбытка чувств своих он мог только сказать представшим властям: "Мир, целость вашего имущества и спокойствие дарует вам Всемилостивейшая наша Государыня Царица".

После того войска двинулись вслед за нашею колонною, и представители ехали с величайшим нашим полководцем. Виват, ура народа рассекал воздух и оглашал всю Варшаву. Между этим радостным криком слышны были хриплые голоса: Niech bedzie jak bedzialo! Niech zye Polska! (т. е. пусть будет так, как было! Да живет Польша!). Это был отклик издыхающего республиканизма и любви к Отечеству, любви людей, которые не умели истинно любить отечества. (Это замечание было делано тогда умными нашими офицерами.)

Так прошли мы весь город и за ним расположились лагерем в огромном укреплении. На другой день чуть свет колонна наша выступила в поход. Мы шли шибко, догоняя республиканские войска, бежавшие во Францию. Они имели впереди нас два дня пути и подводы, на которых удалялись от нас опрометью. Мы не могли их догнать и расположились близ Саксонских границ. Генералы Домбровский и Зайончек увлекли с собою свыше десяти тысяч человек.

По вступлении в укрепленный лагерь предстали к Александру Васильевичу пленные до трех тысяч человек. Рассказывали, что наших было до 1300 человек, взятых во время резни на Страстной неделе, Поляками сделанной; до шести сот Пруссаков и до сотни Цесарцев. Они были спасены от смерти чудом. Кровожадный Калантай, председатель народного совета, определил умертвить их. Так рассказывали пленные и сами поляки. Пленные содержимы были, как высочайшие преступники, в тюрьмах, а многие в кандалах.

Всё оружие и прочие военные принадлежности были по приказанию Александра Васильевича снесены Поляками; пушки и огнестрельные снаряды из арсенала и из других мест собраны, и всё это переслано в Прагу. Польские войска, оставшиеся в Варшаве, равно как и косынеры, т. е. поселяне с косами, распущены по домам. Объявлено было всеобщее прощение всем, волею или неволею участвовавшим в мятеже против законного] Короля; людям значительным предоставлено просить Александра Васильевича о том письменно или лично. И после всего этого настала тишина, все успокоились…

Так в пятьдесят дней кончилась война и покорено всё Польское королевство. Война, порожденная беспутною сумасбродною партиею в подражание легкомысленной нации, которая называла себя просвещеннейшею частью Европы. Польша пала. Пала бы и республиканская Франция, если бы была так же близко к нам, как Польша; пала бы и в 1799 году, если бы Австрийский Гоф-кригзрат… не вязал рук непобедимому Суворову, не мешал бы его распоряжениям и не делал всячески и всякий раз ему препятствия».

Интересно, что мемуарист упоминает о голосах протеста, раздававшихся в толпах варшавян во время вступления суворовских войск. Но ликование основной массы мирных жителей — не выдумка: Варшава действительно славила милосердного полководца, спасшего город.

На другой день Суворов, испросив у короля аудиенцию, явился во дворец в полной форме, при всех орденах, с большой свитой. Станислав Август обнял полководца и в течение часа беседовал с ним наедине. Договорились, что король отдаст приказание, чтобы все оставшиеся польские войска немедленно положили оружие и выдали пушки. Суворов гарантировал амнистию. «Сим торжественно объявляю, — говорилось в его заявлении, присланном королю, — 1. Войска по сложении оружия пред их начальниками, тотчас отпускаются с билетами от их же чиновников в свои дома и по желаниям, а оружие, тож пушки и прочую военную амуницию помянутые начальники долженствуют доставить в королевский арсенал. 2. Вся их собственность при них. 3. Начальники, штаб- и обер-офицеры, как и шляхтичи, останутся при оружии».

Невозможно пройти мимо маленькой сценки, попавшей на страницы самых ранних биографий Суворова:

«В Варшаве поутру явилось к победителю многочисленное собрание. Одна знатная польская редкой красоты дама, отлично уважаемая, стояла в толпе. Суворов тотчас бросился к ней с сим восклицанием: "Что вижу я? О, чудо из чудес! На прекраснейшем небе два солнца!"

Протянул два пальца к ее глазам и ну ее целовать. После сего на парадах, на балах везде казалась она ему и возносила его. Александр Васильевич доказал сим, что он знал дамское сердце и знал, кому сделать такое приветствие».

«Женщины управляют здешнею страною, как и везде», — признался Суворов Бибикову, прощаясь с Польшей в 1772 году. Новая встреча была трагичной для поляков и славной для полководца. Его порыв не был расчетливым ходом умного и видавшего виды политика: после совершённых подвигов он находился в особо приподнятом настроении. Прекрасную даму, скорее всего ненавистницу «москалей», обмануть было невозможно. Она сделалась поклонницей и защитницей воина без страха и упрека, потому что оценила искренность душевного порыва генерала.

Пока русские части, одетые, как на парад, вступали в Варшаву, а Суворов общался со Станиславом Августом, корпус Ферзена и казаки Денисова, переправившись через Вислу в другом месте, энергично преследовали польские войска. «Их оставалось больше 20 000 и около 80 пушек», —

считал Суворов. У Ферзена же было всего семь тысяч человек. Генерал просил подкреплений и ждал указаний. Ответ полководца — свидетельство его системы руководства войсками: «Рекомендую Вашему Превосходительству полную решимость. Вы Генерал! Я издали и Вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было: Вы локальный! Блюдите быстроту, импульзию, холодное ружье. Верить щет мятежников».

Сражаться корпусу Ферзена не пришлось — польские солдаты и офицеры отказывались от борьбы. Войска противника таяли на глазах — сведения об амнистии действовали убедительнее, чем пики казаков, сабли конницы и штыки русской пехоты. Как справедливо замечает А.Ф. Петрушевский, залог успеха лежал в сочетании энергии с мягкостью.

Главнокомандующий Томаш Вавржецкий ссорился с остававшимися при нем генералами, терял доверие войск. Когда он добрался до городка Радошице, у него оставалось всего три тысячи человек с двадцатью пушками. Генерал Домбровский предлагал уходить во Францию через Пруссию или Австрию, главнокомандующий не соглашался. Всё это тянулось до 7 ноября, когда в дом, где находились Вавржецкий и генералы Домбровский, Неселовский, Гедройц и Гелгуд, вдруг явился казачий генерал-майор Федор Петрович Денисов и предложил им ехать к Суворову. Польские аванпосты сразу при появлении казаков сложили оружие.

Изумленный польский главнокомандующий заявил, что это арест и нарушение условий объявленной амнистии. Денисов возразил: он никого не арестовывает, оружия не отбирает. Спор закончился появлением разъяренных польских офицеров и солдат, которые потребовали у Вавржецкого свои паспорта. После подписания главнокомандующим двух тысяч увольнительных оставшиеся без войск генералы отправились в Варшаву.

Восьмого ноября, в День архистратига Михаила, гонец Суворова поскакал к Румянцеву. «Виват, Великая Екатерина! — говорилось в донесении. — Всё кончено, Сиятельнейший Граф! Польша обезоружена».

ВАРШАВА — ПЕТЕРБУРГ — ТУЛЬЧИН

За вычетом «сидения в Бресте» Суворов закончил кампанию в 42 дня. Военные авторитеты были потрясены.

Широкая амнистия, объявленная полякам Суворовым, способствовала прекращению войны в неменьшей степени, чем его победы. Когда король попросил победителя отпустить одного офицера, уже отправленного в Россию, Суворов приказал дать свободу пятистам офицерам. «Всё предано забвению, — сообщал он Румянцеву. — В беседах обращаемся, как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают». Это подтвердил бывший комендант Варшавы Йозеф Орловский. «Вас могут утешить великодушие и умеренность победителей в отношении побежденных, — писал он Костюшко. — Если они будут всегда поступать таким образом, Вы увидите, что наш народ, судя по его характеру, крепко привяжется к победителям».

Ненависть поляков к Пруссии была всеобщей. Во время недавних войн России с Турцией и Швецией пруссаки, играя на шляхетской гордости, сумели пустыми обещаниями привлечь массу сторонников, привели их к власти и настроили против восточной соседки. Когда же Россия с честью вышла из тяжелой борьбы, Пруссия инициировала второй раздел Речи Посполитой, потребовав свою долю.

«Начальники остававшихся инсургентов, — сообщал 16 ноября Румянцеву Суворов, — сколько ж меня просили о дозволении продолжать им войну с пруссаками. Я шутил: то неприлично».

В конце письма победитель признался: «Здоровье мое очень ослабло, надобно мне для поправления его временно от шума городского удалиться в малое местечко, как скоро дела перемежатся».

Российский посланник в Турции Виктор Павлович Кочубей, поздравляя Румянцева «с именитыми победами над польскими бунтовщиками», писал о политическом резонансе суворовской победы: «Превосходность войск Ея Императорского Величества… еще более во всём пространстве туркам представилась. Захваченные предводители мятежников и частые сих побиения отвергнули внушения недоброхотов наших… От стороны здешней не будем мы озабочены».

Прусский король и австрийский император прислали лучшему полководцу Европы награды. Но самой высокой оценкой его ратных трудов стал долгожданный чин генерал-фельдмаршала. Первым на это намекнул Румянцев. «По прочтении краткого донесения о взятии Праги, — рассказывает очевидец, — отдавая его адъютанту своему Ясновскому, он сказал: "По чести, счастье само лезет в окно к графу Александру Васильевичу"».

Один из ближайших сотрудников Екатерины и многолетний фактический глава Коллегии иностранных дел граф Безбородко постоянно держал в курсе событий своего друга графа Семена Романовича Воронцова, российского посланника в Лондоне. «Секретно положено, — писал он 9 ноября, — что при получении формального о Варшаве известия, послать Графу Суворову чин Фельдмаршала, так чтоб здесь тогда уже сведали, когда уже после подробной реляции отправлены будут к Графу Румянцеву все награждения. Всего страннее, что Граф Николай Иванович Салтыков не в конфиденции по сим пунктам и думает еще, что Суворова сделают только Генерал-Адъютантом. Но когда меня спросили, я сказал прямо, что, взяв столицу, естьли б меня не сделали Фельдмаршалом, несмотря на старшинство домоседов, я бы счел за несправедливость. Как дело уже решено было, то и неудивительно, что апробовали мои мысли».

Утром 19 ноября генерал-майор Петр Алексеевич Исленьев, один из героев штурма Праги, привез в Петербург донесение Румянцева «о покорении войсками Ее Императорского Величества под предводительством господина Генерал-Аншефа Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского минувшего октября в 29-й день Польского столичного города и крепости Варшавы». Государыне были поднесены городские ключи, хлеб и соль. «Ее Императорское Величество всемилостивейше соизволила пожаловать помянутого Генерала-Аншефа Графа Суворова-Рымникского в Генерал-Фельдмаршалы», — записано в камер-фурьерском журнале.

На другой день в Зимнем дворце был выход. Безбородко читал «объявление о причинах войны с Польшею». Под залпы пушек Петропавловской крепости был отслужен благодарственный молебен. Отведав варшавских хлеба-соли, императрица собственноручно угостила ими дочь победителя.

Зная о влиятельных недоброжелателях и завистниках Александра Васильевича, Екатерина действовала по-суворовски: во время парадного обеда государыня провозгласила тост за здоровье генерал-фельдмаршала графа Суворова-Рымникского! Пили, стоя, при 201 пушечном выстреле.

«Пожалование Графа Суворова, по общей истине дело приличное, сбило с пути всех его старших, их жен, сестер, детей и приятелей», — сообщал Безбородко одному из своих друзей. Еще точнее выразился Завадовский: «Произведение Суворова в фельдмаршалы кольнуло генералов старее его. Граф Салтыков, Князь Репнин, Прозоровский, Князь Долгоруков просят увольнения от службы. Граф Салтыков (Иван Петрович. — В. Л.), как горячее наступал, то уже и отставлен; другие то же получат, когда настоять не перестанут. Суворов просвещается в Варшаве. Не перестает блажить. В прочем чудак, но всегда побеждать есть его жребий, и в войне все его сверстники останутся позади. Правду сказать, они ему не равны ни сердцем, ни предприимчивостью».

Правду сказать, прибавим мы, Суворов не зря считал Репнина и Салтыковых своими недоброхотами. Молниеносной кампанией он сам произвел себя в фельдмаршалы. Но этот легкоранимый человек, не забывавший нанесенных ему обид, не был мстительным.

Начальник штаба Суворова в Польской кампании Петр Никифорович Ивашев вспоминал, что в 1795 году Александр Васильевич по пути в Петербург проезжал мимо Гродно, где «главнокомандующий отдельным корпусом Князь Репнин имел главную свою квартиру»:

«Репнин в чине полного генерала был старее Графа Суворова, но ожидал уже встретить его со всеми военными почесть-ми, как Фельдмаршала своего и начальника.

Фельдмаршал узнал на станции о приготовленной для него за 8 верст пред Гродною встрече, приказал мне ехать вперед, отклонить все приуготовленные ему почести и явиться от его имени Князю Репнину с извинениями, что от сильной боли в ноге он не в состоянии иметь честь быть у него…

Репнин отпускает меня с видом сожаления, что Фельдмаршал не удостоил его посетить и принять его рапорт, сказав: и доложите, мой друг, Графу Александру Васильевичу, что я, старик, двое суток не раздевался, вот как видите, во ожидании иметь честь его встретить с моим рапортом".

На 7-й версте за Гродно я достиг Фельдмаршала. Слова Князя Репнина поколебали было его чувствительность, долго размышлял он, не возвратиться ли назад; наконец решился продолжать путь, сказав: "Князь Репнин упражнялся больше в дипломатических изворотах; солдатского мало"».

Чудная сцена. Честный отзыв. Как ни неприятен был Суворову Репнин, он не захотел унизить соперника, убеленного сединами.

Отметим важную подробность. В рескрипте императрицы от 19 ноября 1794 года говорилось: «Господин Генерал-Фельдмаршал Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, поздравляю Вас со всеми победами и со взятием Прагских укреплений и самой Варшавы. Пребываю к Вам доброжелательна. Екатерина». В первоначальном варианте после слова «Рымникский» значилось «и Варшавский». Подумав, государыня вычеркнула это прибавление к графскому титулу Александра Васильевича. Прекрасно знавшая нравы европейских политиков, их двойные стандарты в оценках их собственных мер и действий России, Екатерина понимала, с каким озлоблением они будут встречать любое напоминание о штурме предместья Варшавы. Время подтвердило ее правоту. И по сей день западные историки выставляют русскому полководцу претензии за пражский штурм. Отповедь Суворова поражает исчерпывающей точностью: «Миролюбивые фельдмаршалы занялись на первую Польскую кампанию устроением магазейнов. План их был воевать с вооруженною нациею три года. Какое кровопролитие! Кто отвечает за будущее? Я пришел и победил. Одним ударом доставил мир и спас величайшее пролитие крови». Свой любимый афоризм — «Победа — враг войны!» — он подтвердил делом.

Всё познаётся в сравнении. В 1799 году в далекой Индии английские войска под командованием генерала Артура Уэлсли, будущего герцога Веллингтона, победителя Наполеона при Ватерлоо, взяли штурмом город Серингапатам. 30 тысяч защитников города, в том числе мирные жители, были истреблены. В 1809 году в результате штурма наполеоновскими войсками испанской Сарагосы весь гарнизон и большая часть мирных жителей погибли.

Самые авторитетные западные энциклопедии в биографии Веллингтона или Наполеона если и упоминают о кровопролитных битвах и штурмах, подают их без всякого морализирования как эпизоды боевой деятельности полководцев. На войне как на войне, говорят французы.

Иное дело — русский Суворов. «Он так же мало ценил своих солдат, как и население завоеванных городов», — читаем в «Британике». Застарелая неприязнь к России превратилась в манию. Невольно вспоминаются пушкинские строки из стихотворения «Клеветникам России», написанного в 1831 году в ответ на призывы французских парламентариев к вооруженному вмешательству на стороне восставшей Польши:

Уже давно между собоюВраждуют эти племена;Не раз клонилась под грозоюТо их, то наша сторона.Кто устоит в неравном споре:Кичливый лях иль верный росс?Славянские ль ручьи сольются в русском море?Оно ль иссякнет? вот вопрос.Оставьте нас: вы не читалиСии кровавые скрижали;Вам непонятна, вам чуждаСия семейная вражда;Для вас безмолвны Кремль и Прага;Бессмысленно прельщает васБорьбы отчаянной отвага —И ненавидите вы нас…За что ж? ответствуйте: за то ли,Что на развалинах пылающей МосквыМы не признали наглой волиТого, пред кем дрожали вы?За то ль, то в бездну повалилиМы тяготеющий над царствами кумирИ нашей кровью искупилиЕвропы вольность, честь и мир?..

Суворов был христианин и всегда напоминал своим воинам о нравственном долге. «Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший дом! Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава! — говорится в его знаменитой солдатской памятке «Наука побеждать». — Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник». Ни одна армия в мире не знала подобных заветов. Приказ разрушить во время штурма Праги никем не защищаемый мост в Варшаву является в военной истории редчайшим примером рыцарского благородства: русский полководец спас польскую столицу от мести солдат, не забывших апрельскую резню. Городской магистрат оценил этот подвиг великодушия и поднес Суворову драгоценную табакерку с надписью «Спасителю Варшавы».

В разгар успехов Суворова военные дела на Западе шли всё хуже. Французы повсюду били противников. Встревоженные успехами республиканцев, объявивших войну всем монархам Европы, берлинский, венский и петербургский дворы поспешили объединиться для отпора нашествию Франции. Ценой объединения стал окончательный раздел Польши, чьи исконные земли захватили Пруссия и Австрия.

Суворов был противником уничтожения Польского государства. Великий стратег понимал, что на границах России возникнет источник постоянной напряженности, опасный плацдарм для вторжений с запада. Война 1812 года подтвердила его опасения. Наполеон, играя на национальных чувствах поляков, увлек их в поход на Москву, заставив умирать за чуждые им интересы.

«Кабинетной политики не знаю», — писал из Варшавы Суворов, не подозревая, что за его спиной Польше уже вынесен приговор. Осведомленный статссекретарь императрицы Дмитрий Прокофьевич Трощинский откровенно выразил отношение двора к действиям нового фельдмаршала: «Правду сказать, Граф Суворов великие оказал услуги взятием Варшавы, но зато уж несносно досаждает несообразными своими там распоряжениями. Всех генерально поляков, не исключая и главных бунтовщиков… отпускает свободно в их домы, давая открытые листы. Вопреки сему посланы к нему прямо повеления». 21 ноября 1794 года императрица подписала рескрипт Суворову:

«Благоразумие, равно как и справедливость, требуют разобрать, кто был виною злодейского поступка в Варшаве и кто оный тайно и явно производил в действо. А потому и различить безпокойных и виновных от невиновных и неволею в мятеж вовлеченных…

Прислать сюда под стражею, не исключая и Игнатия Потоцкого, нагло оскорбившего и столь явно презревшего преступническим сношением своим с губителями рода человеческого, свирепствующими во Франции, законы отечества своего, воспрещавшие всякому поляку иметь связь и сообщение не токмо с цареубийцами, но и живущими в областях, подпавших их мучительству, под страхом наказания, законами изменникам определенными…

Короля в Варшаве не держать… препроводить на первый случай в Гродно к Генералу Князю Репнину».

Суворов расценил арест и содержание в заключении руководителей восстания как личное бесчестье. «Они хорошо содержатца, но мой пароль тем не содержан; в нем забытие прежнего — и они вольны, — писал он Хвостову 17 марта 1795 года. — Стыдно России их бояться, ниже остерегатца… Пора им домой».

Польская кампания сделала Суворова европейской знаменитостью. Именно в это время к Александру Васильевичу обратился подполковник граф Егор Гаврилович Цукато, боевой офицер, участник кампании в Польше и штурма Праги, с просьбой позволить стать его биографом. Ответ полководца замечателен по силе и глубине самоанализа и заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью:

«Материалы, принадлежащие к Истории моих военных действий, столь тесно сплетены с Историей моей жизни, что оригинальный человек и оригинальный воин должны быть между собою нераздельны, чтоб изображение того или другого сохраняло существенный свой вид.

Почитая и любя нелицемерно Бога, а в нем и братии моих, человеков, никогда не соблазняясь приманчивым пением сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим на земле сокровищем — временем — бережливо и деятельно, в обширном поле и в тихом уединении, которое я везде себе доставлял.

Намерения, с великим трудом обдуманные и еще с большим исполненные, с настойчивостью и часто с крайнею скоростию и неупущением непостоянного времени, — всё сие, образованное по свойственной мне форме, часто доставляло мне победу над своенравною Фортуною.Вот что я могу сказать про себя, оставляя современникам моим и потомству думать и говорить обо мне, что они думают и говорить пожелают».

Далее следует прекрасный пассаж о том, что только во всеоружии знаний, при безусловной честности и добросовестности исследователя может торжествовать истина. Воин-философ ратует за подлинно исторический подход к оценке лиц и событий:

«Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины, а более сего я не требую от того, кто почтет достойным трудиться обо мне, думать и писать. Сей есть масштаб, по которому я желал бы быть известным.

Для доставления материалов потребно свободное время; но сего-то мне теперь и не достает. Однако ж я приказал Вам сообщить все подлинные бумаги с начала и до конца кампании против Польских мятежников, ныне, к счастию, более не существующих. Ясный и понятный слог и обнаженная истина, основанная на совершенном познании образа моих поступков, должны быть единственными правилами для моего биографа.

Не знаю, много или мало сказал я Вам о себе, но скажу еще от всего сердца, что питает почтение и дружбу к Вам, любезный Граф, Ваш преданнейший слуга Граф Александр Суворов-Рымникский. Варшава. 28 декабря 1794 / 8 января 1795».

По каким-то причинам — возможно, из-за недостатка времени у героя задуманной графом Цукато книги — почин остался без продолжения.

Тогда же начал набрасывать свои заметки адъютант Суворова маркиз Габриель Пьер Гильоманш-Дюбокаж, который завершил свой труд через восемь лет после смерти полководца.

Первым биографом «Росского Геркулеса» суждено было стать Фридриху Иоганну фон Антингу. Уроженец города Готы в Германии, он получил богословское образование, снискал известность как рисовальщик силуэтных портретов европейской знати. Переехав в Россию, Антинг сумел попасть в свиту российского посланника, отправлявшегося в Константинополь. Проездом он останавился в Херсоне, где познакомился с Суворовым, который поручил ему собрать сведения о военных приготовлениях южного соседа.

Антинг выполнил задание, и полководец рекомендовал его Зубову. Вскоре он был принят на русскую службу, получил чин секунд-майора, оказался в штабе фельдмаршала и принялся за книгу о нем. Петр Ивашев вспоминал:

«В 1795 году в Варшаве сочинитель читал свое произведение Графу Суворову и первый том собственными Фельдмаршала замечаниями тогда же был исправлен…

Вторым же томом Суворов был недоволен, поручил мне… указать Антингу недостатки и неверные повествования, вкравшиеся в его сочинение от слабого знания русского языка, и частично по той же причине превратно изложен смысл о происшествиях, описанных в реляциях, которыми он руководствовался.

Поручение Фельдмаршала заключалось следующими собственными словами: "Во второй части Антинг скворца дроздом величает, много немогузнайства и клокотни. Тебе лучше известно, куда пуля, когда картечь, где штык, где сабля. Исправь, пожалуй, солдатским языком, отдай каждому справедливость — и себе — я свидетель".

И в доказательство — вот сохраненная записка Графа: "Петру Никифоровичу сегодня кушать у Антинга и целый день с ним работать".

Через три дня после этого поручения получен был Высочайший рескрипт Великия Екатерины с приглашением победителя в Петербург».

Книга Антинга вышла на немецком языке в двух томах на его родине в 1795 году. Третья часть задержалась по не зависящим от автора причинам: в 1797 году майор Антинг вместе с другими офицерами суворовской свиты по приказу Павла I подвергся аресту. Третья часть увидела свет только в 1799-м. Намерение автора описать последнюю кампанию героя книги осталось неосуществленным.

Незатейливая, сжато излагавшая события книга Антинга в течение десяти лет оставалась самым полным источником сведений о жизни и деятельности великого полководца. Биограф сохранил для потомков драгоценные свидетельства, рисующие облик героя книги, которому шел 65-й год:

«Телесные немощи и припадки ему вовсе не известны. Причиною тому не что иное, как привычка от самой молодости к строгой и суровой жизни; крепкое телосложение и великая во всём умеренность…

Летом и доколе погода позволяет, живет и спит в саду в палатке. Одевается в несколько минут; наблюдает чрезвычайную опрятность; моется и, когда не препятствуют обстоятельства, обливается холодною водою по нескольку раз на день. Носит всегда мундир, никогда не носит шлафрока, сюртука, перчаток, плаща или шубы».

Пока тома первой биографии Суворова готовились к печати, обостренный интерес к его личности удовлетворяли портреты.

«Страсть к портретированию была чужда Суворову, — отмечает А.В. Помарнацкий. — Те портреты, которые были исполнены с натуры, писались не по его инициативе, а иногда и без его ведома».

Сравнительно большое число изображений Суворова, созданных в Варшаве в 1795 году, было обусловлено пребыванием в польской столице многочисленных живописцев, скульпторов, миниатюристов — по большей части иностранцев, состоявших на службе у короля Станислава Августа — любителя искусств. Скульптор Джакомо Мональди исполнил мраморный бюст полководца в фельдмаршальском мундире, с Андреевской лентой, бриллиантовым эполетом, орденскими звездами и крестом Александра Невского. «Движение правой руки, полускрытой драпирующим нижнюю часть бюста плащом, — пишет Помарнацкий, — позволяет угадывать в ней полководческий жезл — знак фельдмаршальского достоинства. Голова Суворова, с высоко взлетевшими бровями и резко обозначенными морщинами, дана в энергичном повороте… Этот образ, подчеркнуто патетический и несколько театральный, очень далек от нашего представления о "солдате-полководце", чуждом всякому позерству… но автору удалось очень живо передать насмешливое "задиристое" выражение подвижного лица Суворова, что придает бюсту большую убедительность и отводит ему заметное место среди других прижизненных изображений полководца». Исследователь убедительно доказывает, что заказчиком была Екатерина II, оплатившая работу скульптора и доставку бюста из Варшавы в Петербург. Но спрос на изображения фельдмаршала был большой. Наиболее доступным способом «увидеть» первого полководца Европы была миниатюра. И француз Карл Бекон (Бишон), содержавший в Варшаве школу рисования, выполнил целую серию миниатюр, на которых Суворов изображен то в мундире, то в белой рубашке, но обязательно с фельдмаршальским жезлом.

«Лицо Суворова на миниатюрах Бекона, — отмечает Помарнацкий, — охарактеризовано одинаково: оно покрыто многочисленными глубокими морщинами на лбу, около глаз и рта, волосы редкие, изогнутые брови высоко вздернуты, веки тяжелые, припухшие, губы плотно сжаты. Словом, это лицо очень старого человека, на которое время наложило свою резкую неизгладимую печать». С этих миниатюр были сделаны гравюры, широко разошедшиеся в европейских изданиях, посвященных как самому Суворову, так и России.

К варшавскому периоду относятся два уникальных рисунка. Художники А. Лорман и А. Орловский изобразили Суворова на маневрах в белой рубашке, раздуваемой ветром, солдатской каске, низеньких сапогах, скачущего во весь опор. Глядя на стремительного всадника, не скажешь, что ему шел 65-й год — столько в нем жизненной силы и бодрости.

Были и другие рисунки, выполненные с натуры. Живописец, рисовальщик и гравер Жан Пьер Норблен де ла Гурден (Ян Петр Норблин), родившийся во Франции, был приглашен в 1772 году в Польшу учителем рисования молодых князей Чарторыйских, представителей одной из самых могущественных польских фамилий. Мать последнего короля Польши была урожденной Чарторыйской. Тридцать лет жизни в Польше сделали Норблина «вполне поляком и патриотом». Профильный рисунок головы Суворова сделан с натуры, по словам Помарнацкого, «рукою художника, склонного к гротеску, да к тому же рукою недружелюбною». И хотя, по мнению исследователя, сходство с изображением Суворова на измаильской медали неоспоримо, «черты утрировки в наброске Норблина очевидны: утрирована форма носа, излишне выпуклым сделан лоб, рот полураскрыт, подчеркнута небритость лица». На втором рисунке Норблина профиль полководца помещен среди «зарисовок казаков и гренадеров в потемкинских шапках — наглядное свидетельство, что голова Суворова была зарисована с натуры… в момент, когда полководец находился среди своих войск». И снова перед нами шарж. Есть и третий рисунок, в котором художник переработал свои наброски: «брови полководца нахмурены, рот крепко сжат, форма носа стала более правильной, волосы развеваются… Рядом изображены пылающий факел, кинжал, копье с извивающейся вокруг него змеей и маска Горгоны — атрибуты, долженствующие напоминать об ужасах ночного штурма Праги».

Однако блестящий рисовальщик не устоял перед искушением и оставил нам великолепные документальные свидетельства пребывания Суворова в Варшаве. «На Саксонской площади в самом центре столицы изображен парад войск. На переднем плане слева строй гренадеров в "потемкинских" шапках… В центре можно различить фигурку командующего парадом Суворова; слева от него два барабанщика, позади группа штабных офицеров… Как к привычному зрелищу относятся к смотру варшавяне, огибающие площадь; непринужденно расположились перед строем гренадеров две собаки. Низкие облака передают ощущение промозглой погоды, обычной для варшавской зимы» — так описывает рисунок Помарнацкий. К общему плану парада на Саксонской площади художник прибавил два средних, в высшей степени интересных: «Суворов изображен в фас, без мундира, в широкой свободной рубашке, гренадерской солдатской шапке и низких ботфортах со шпорами; дирижерским жестом обеих рук он, очевидно, поясняет какие-то словесные поучения. На другом рисунке Суворов изображен в профиль; одежда и жест приподнятых рук на обоих рисунках одинаковы». Помарнацкий сопроводил эти рисунки воспоминаниями француза Дюбокажа, которые позволили «дополнить и оживить» парад на Саксонской площади.

Маркиз Дюбокаж представляет Суворова страстной, чувствительной натурой, человеком твердого характера и железной воли, которая замечательно сочеталась с искренним добродушием, простотой, скромностью и благочестием: «Физическое сложение сходствовало совершенно с его оригинальностью. Он был маленького роста, телосложения слабого и, казалось, с виду деликатного, но природа одарила его крепким, сильным и нервическим темпераментом, который вследствие его воздержаний, строгой и деятельной жизни постоянно укреплялся. Вообще Суворов был мало знаком с болезнями, мог вынести любую усталость больше, нежели другой более крепкого сложения».

Он закалил тело и дух, личным примером учил переносить тяготы военной жизни, не бояться холода. Дюбокаж повествует, как в январе 1795 года на плац-параде в Варшаве фельдмаршал держал речь перед войсками:

«Холод был ужасный. Суворов, одетый по обыкновению в канифасный белый камзол, явился посреди каре и начал свою речь. Но, заметив, что многим казалась она слишком длинною по причине чрезмерного холода, продолжал ее нарочно более двух часов.

Все генералы, офицеры и солдаты разошлись по квартирам почти замерзшие, с простудою, насморком и кашлем. Один Суворов оставался невредим, и редко видал я его столь веселым: во всех горницах раздавался громкий кашель; но эта музыка веселила его до крайности. Он смеялся от души и был весьма рад, что подал солдатам своим пример неутомимости и научил их презирать суровые зимние морозы».

Зарисовки Норблина вкупе с рассказом Дюбокажа, словно маленький документальный фильм, дают представление о живом Суворове. Их удачно дополняют воспоминания племянника последнего польского короля. Князь Станислав Понятовский в 1791 году смело выступил на сейме против новой конституции, подвергся обструкции и был вынужден покинуть родину. В апреле 1795-го он отправился из Рима в Петербург хлопотать о своих секвестированных имениях и по пути остановился в Варшаве.

«В моем загородном доме жил Суворов, и, желая взглянуть на первый, я не мог избежать последнего. Но где я увидел его? В чулане, где для меня приготовляли кофе.

Он пошел мне навстречу и сказал: "Мне совестно, что вы находите меня здесь, но зато посмотрите, как я содержу ваш дом".

Действительно, вся хорошая мебель была составлена по его приказанию в сарай. Нигде не было ни столов, ни стульев, а в той маленькой комнатке, где он занимался делами, стояли лишь стол и два стула, такие, каких не найти и в самом жалком кабаке.

Так как он давно знал меня, он вполне естественно сказал мне: "Мы не можем избежать войны с Францией, и мне поручат вести ее"».

Суворов внимательно следил за потенциальным противником, разбирал его возможности — и чисто военные, и духовные. Поражают его оценки противоборствующих сторон — французских роялистов и революционеров.

«Однажды в Варшаве на параде, — вспоминает Дюбокаж, — Суворов подходит ко мне, берет за руку и, отведя в сторону, говорит мне: "Петр Гаврилович, слушай, брат, я хочу писать к Шаррету , ты ему скажешь, что я дивлюсь ему, что я его поздравляю; слава Богу, честь ему… Ты мне принесешь вечером письмо, я его подпишу".

Потом, сделав несколько вопросов касательно его, окончил так: "Если ему удастся, то он будет великим человеком".

Но, кажется, он не совсем верил в успех, потому что вечером, когда я подал ему письмо для подписи, он спросил меня, каким образом я могу доставить письмо. Я ответил, что Шаррету весьма лестно будет получить его чрез русского офицера, и так как это поручение сопряжено с опасностью, то это мое дело.

Он задумался, потом сказал: "Я не хочу тебя посылать, потому что не предвижу ничего прочного в Вандее; каждую минуту можно ожидать его гибели"».

«Доблестный Шаррет! честь французских рыцарей! — говорится в письме Суворова. — Вселенная исполнена имени твоего, изумленная Европа созерцает тебя, а я восхищен и шлю тебе свой привет. Бог избрал тебя, как некогда Давида для наказания Филистимлянина. Благоговей пред волей Его. Лети, руби, рази — и победа последует стопам твоим.

Таковы суть желания воина, поседевшего на поле чести».

Подготовивший этот текст Дюбокаж делает интересную оговорку: слова о «воине, поседевшем на поле чести», не понравились Суворову, который не любил, чтобы ему напоминали о его возрасте. По этой же причине он приказывал завешивать зеркала там, где он квартировал.

Шаррет получил письмо непобедимого русского полководца, приветствовавшего героя Вандеи, славного защитника веры отцов и престола. Но силы были неравны. Пророчество Суворова сбылось. В марте 1796 года Шаррет был захвачен в плен и расстрелян.

Эмигрант-маркиз донес до нас поистине провидческие мысли Суворова о причинах торжества революционного начала в борьбе со старой властью: «Он имел высокое понятие о душе человеческой, почитал ее как частичку Божества и присваивал ей большую силу. "Знаешь, — сказал он мне однажды, — отчего якобинцы торжествуют во Франции? Потому что их воля тверда и непреклонна, а вы (эмигранты) не умеете желать. Чтобы иметь успех, надо иметь силу воли"».

Готовясь к походу против французов, возмутителей европейского спокойствия, он с еще большей настойчивостью, чем ранее, внедрял в войска свою «Науку побеждать», окончательно сложившуюся после Польской кампании.

Второй раздел этой памятки прямо назван «Разговором с солдатами их языком». Написанный сильным, образным слогом «Разговор» является не только выдающимся памятником военной мысли, но и литературным шедевром: «Ломи чрез засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам. Колонны, лети чрез стену на вал… Ров неглубок. Вал невысок… Ударь в штыки, коли, гони, бери в полон!.. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет… У неприятеля те же руки, да русского штыка не знают… Богатыри! Неприятель от вас дрожит!» Чудо-богатыри заучивали памятку наизусть и помнили ее даже на склоне лет.

Немного найдется произведений, в которых бы так зримо и впечатляюще была передана стихия боя. Отзвуки суворовского «Разговора» слышны в чеканных строках пушкинской «Полтавы»:

Швед, русский — колет, рубит, режет.Бой барабанный, клики, скрежет,Гром пушек, топот, ржанье, стон,И смерть, и ад со всех сторон.

«Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! от него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

Ученье — свет, неученье — тьма. Дело мастера боится, и крестьянин не умеет сохою владеть — хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех! Давай нам шесть! Нам мало шести! Давай нам десять на одного! Всех побьем, повалим, в полон возьмем! Последнюю кампанию неприятель потерял щетных семьдесят пять тысяч, только что не сто. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы! Воинское обучение! Господа офицеры — какой восторг!»

Большинство владельцев крепостных не горели желанием отдавать в армию хороших, здоровых работников и покупали рекрутов на стороне или, если не было достатка, сдавали провинившихся. Нередко комиссии по приемке отмечали физическую слабость новобранцев. Как же при таком подходе тому же Суворову удавалось делать из рекрутов настоящих солдат, превращать бывших крепостных в чудо-богатырей? Православная вера была основой для воспитания во вчерашних «рабах» высоких понятий о долге, чести и мужестве; довершало дело кропотливое обучение военной премудрости. «Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко; солдаты его любят» — один из любимых суворовских постулатов.

Его войска были приучены к маршам с полной выкладкой, а чтобы ноша не казалась тяжелой, он призывал подбадривать солдат песней, военной музыкой, шуткой, придумал для солдатских ранцев шутливое прозвание — «ветры». Любую, даже самую обычную ситуацию Суворов использовал для обучения. Рассказывают, как он часто направлял лошадь на идущую колонну войск. Молодые солдаты почтительно расступались, а он сердился, кричал: «Службы не знаете!» Старики же, смыкая ряды и выставляя штыки, радовали его своей постоянной готовностью встретить атакующую кавалерию.

Результат такого воспитания войск — победы.

Во время Отечественной войны 1812 года англичанин Роберт Томас Вильсон — британский представитель при штабе М.И. Кутузова — хорошо изучил русского солдата. Вернувшись в Англию, он написал воспоминания, в которых отметил любовь служивых к памяти Суворова. «Хотя русский солдат и родился в рабстве, — подчеркивал Вильсон, — дух его не унижен». Англичанин отмечал, что русская армия отличается высокой дисциплиной, хотя «наказания в ней менее жестоки и часты, чем в войсках других народов».

Ему вторит французский граф Ланжерон. Этот эмигрант провел в рядах Русской армии не одну кампанию, сражался против шведов на Балтике, участвовал в штурме Измаила, при Аустерлице командовал одной из колонн, в Отечественную войну доблестно бился против Наполеона до самой победы над ним. «Русская армия одна из лучших в мире, — заявил Ланжерон. — Русский солдат — это лучший солдат мира, и победа всегда непосредственно шагает за ним. Он отважен, как испанец, терпелив, как цыган, горд, как англичанин, честен, как швед; он может восторгаться и приходить в ярость, как француз, как валлонец и как венгерец. В русском солдате соединены все эти качества, и они делают из него не только прекрасного бойца, но и героя… Русская армия — это нерушимая стена! И если потребуется, стена превращается в поток. Русская армия, если ею управлять правильно, отличается большой дисциплиной, и она пойдет туда, куда ей скажут, и сделает всё то, что от нее потребуют. Сделает она это быстро и прекрасно».

Обязательным этапом боевой подготовки войск становятся знаменитые сквозные атаки. Их подробно описал маркиз Гильоманш-Дюбокаж: «Военное искусство для одиночного солдата или офицера заключалось, по мнению Суворова, в быстроте исполнения и в неустрашимости, не останавливаемой никакими препятствиями… Для достижения быстроты и неустрашимости нужно было… освоить войска с явлениями войны посредством маневров до того близких к действительности, чтобы солдат смотрел на настоящую атаку не более как на маневр. Вследствие этого и верный своей любимой тактике — не ждать атаки, но всегда атаковать самому — Суворов все маневры заканчивал свалкой».

Разделенные на две стороны и поставленные на некоторой дистанции друг от друга части начинали встречное движение. При сближении на 100 шагов пехота припускалась бегом, а кавалерия в карьер. «Прохождение линий или колонн одной сквозь другую исполнялось не так, как это принято в других европейских армиях, — уточняет Дюбокаж, подчеркивая, что у Суворова интервалы были предельно малы. — Эта атака была действительная свалка, какая происходит в настоящем деле. Она производилась обеими сторонами, атакующими друг друга с фронта… среди огня пехоты и артиллерии, при криках "ура!", повторяемых всяким пехотинцем и кавалеристом. Офицеры кричали при этом: "Руби! В штыки!"».

Маркиз свидетельствует:

«Этот маневр был не безопасен, если кавалерия шла на кавалерию или на пехоту… Интервалы часто были недостаточны… Мне часто случалось видеть выбитых из седла и до того ушибленные колена, что люди не могли ходить по нескольку дней, а иногда и недель…

Для войск, выдержанных на суворовских маневрах, бой не представлял ничего нового…

Фельдмаршал имел обычай говорить с войсками. Каждый свой смотр, парад он заканчивал весьма длинною речью (иногда в течение двух часов), в которой подробно разъяснял, что нужно для того, чтобы быть хорошим солдатом или офицером. Он указывал на ошибки, сделанные войсками в одном случае, хвалил за то, как они вели себя в другом. Наконец, он передавал им в своих речах общие основания военного искусства.

Нужно ли после всего этого распространяться о причинах непобедимости войск Суворова? Последний солдат из попавших в сферу его влияния узнавал и практически, и теоретически боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время, не исключая и самых образованных».

Свои воспоминания о Суворове Дюбокаж издал за границей в 1808 году, когда слава Наполеона находилась в зените. Маркиз привел примеры великодушия и гуманности Суворова и заключил свой рассказ словами: «Он умел предпочитать лаврам, обагренным кровью, славу менее блестящую, но более существенную: спасти и щадить человеческую кровь. Оставив в стороне другие поступки, делающие честь его чувствительной душе, я восклицаю, наконец: "Как велик, как великодушен наш Герой, уничтоживший мост Праги для спасения Варшавы!"».

Стареющая Екатерина с тревогой оценивала перспективы развития обстановки в Европе и стремилась обезопасить границы России. Так, в 1796 году она была вынуждена направить в Закавказье значительные силы, чтобы наказать персидского шаха Ага Мохаммед-хана, совершившего кровавый набег на Грузию. Предполагалось, что поход возглавит Суворов.

Императрица устроила покорителю Варшавы торжественную встречу. В Таврическом дворце, ранее принадлежавшем Потемкину, для Суворова были отведены покои, убранные в соответствии с его вкусами. Все зеркала были завешаны, в гранитную вазу налита ледяная вода, на полу лежали охапки сена для постели генерал-фельдмаршала. 3 декабря 1795 года Суворов прибыл в столицу и в тот же день был принят Екатериной.

За семь месяцев до этой встречи в присутствии государыни состоялось венчание дочери Суворова с братом фаворита Николаем Зубовым. Долгие поиски жениха завершились. Екатерине казалось, что Платон Александрович Зубов, в руках которого сосредоточилась большая власть, способен вместе со своими братьями хотя бы отчасти заменить «незаменимого Потемкина». Военной опорой фаворита должен был стать Суворов.

Петр Никифорович Ивашев, сопровождавший Суворова в столицу, оставил свидетельство о приеме императрицей своего лучшего полководца: «Государыня осыпала его самыми милостивыми приветствиями и после продолжительного беседования изволила отпустить его сими словами: "Вам нужен покой после дороги; теперь моя обязанность вас успокоить за все трудные и славные ваши подвиги на возвышение отечественного величия". Его был ответ: "Государыня! После Бога — Вы, и Вами гремит в мире наше Отечество"». Ивашев рассказывает и о подарке императрицы — богатой собольей шубе, крытой зеленым бархатом с золотым прибором, «с строжайшим милостивым приказанием не приезжать к ней без шубы и беречь себя от простуды при настоящих сильных морозах. Граф попросил камер-фурьера (привезшего подарок) стать на диван, показать ему развернутую шубу; он пред нею низко три раза поклонился, сам ее принял, поцеловал и отдал своему Прошке на сохранение, поруча присланному повергнуть его всеподданнейшую благодарность к стопам августейшей Государыни».

Подарок был сделан императрицей по подсказке зятя Суворова графа Николая Зубова, встречавшего фельдмаршала в придворной «георгиевской» карете в Стрельне. «Суворов впервые облекся в полный фельдмаршальский мундир, присланный от Государыни в Варшаву, — повествует Ивашев. — Невзирая на двадцатидвухградусный холод, в декабре весьма обыкновенный, в 4 часа пополудни выехал из Стрельны в одном мундире прямо представиться Государыне. Встретившие его генералы сели с ним, вероятно также в первый раз жизни при таком холоде, в одних мундирах». Рассказ Ивашева дополняет адъютант Суворова Александр Алексеевич Столыпин: «В придворной осьмиместной карете в восемь лошадей… сидели: Фельдмаршал в полном мундире без шубы, с шляпою в руках, подле него Граф Н.А. Зубов, насупротив П.А. Исленьев и Н.Д. Арсеньев, также без шуб с шляпами в руках; одно окошко было опущено. Приехавши во дворец и взошед по маленькой лестнице, что ныне называется Комендантская, Граф Н.А. Зубов, обернувшись ко мне, сказал: "Твой молодец нас всех заморозил!" Во внутренних комнатах на половине Великой Екатерины я увидел, какое внимание было оказываемо даже к причудам Фельдмаршала: все зеркала в комнатах Императрицы были завешаны. По Ея приказанию велено было узнать все его привычки и выполнять их».

Придворные, ловившие на лету все желания государыни, повалили к Суворову с визитами, скоро его утомившими. Ивашев рассказывает: «Во второй день Граф не желал никого принимать, кроме избранных лиц; первого он дружески принял Г.Р. Державина в своей спальне, будучи едва прикрыт одеждою. Долго с ним беседовал и даже удерживал, казалось, для того, чтобы он был свидетелем различия приемов посетителям. Многие знатные особы, принадлежавшие двору, поспешили до его обеда (в Петербурге назначен был для обеда 12-й час) с визитом, но не были принимаемы. Велено было принять одного Князя П.А. Зубова. Зубов приехал в 10 часов. Суворов принял его в дверях своей спальни так же точно одетый, как бывал в лагерной своей палатке в жаркое время. После недолгой беседы он проводил Князя до дверей своей спальни и сказал Державину vice versa , оставил последнего у себя обедать…

Во время обеда докладывают Графу о приезде вице-канцлера Графа И.А. Остермана. Граф тотчас встал из-за стола, выбежал в белом своем кителе на подъезд. Гайдуки отворяют для Остермана карету. Тот не успел привстать, чтоб выйти из кареты, как Суворов сел подле него, поменялись приветствиями и, поблагодарив за посещение, выпрыгнул, возвратился к обеду со смехом и сказал Державину: "Этот контрвизит самый скорый, самый лучший и взаимно не отяготительный"».

Ивашеву вторит Столыпин: «Достоин замечания различный прием, сделанный Суворовым двум вельможам. Раз за столом раскладывал я горячее. Фельдмаршал спросил: "Чей это экипаж?" Я взглянул в окно, доложил: "Графа Остермана!"

Фельдмаршал выскочил из-за стола и выбежал на крыльцо так поспешно, что я, находясь ближе его к двери, не мог его предупредить. Лакей Графа Остермана только что успел отворить дверцу кареты, как он вскочил в нее, благодарил за сделанную ему честь посещением и, поговоря минут десять, простился с ним. Остерман был в то время Вице-Канцлером Иностранной Коллегии, но оною не управлял.

Через несколько дней, сидя за обедом, Фельдмаршал спросил: "Чей это экипаж?"

Я отвечал: "Графа Безбородко!" Он не встал из-за стола, а когда Граф Безбородко вошел в столовую, он велел подать стул подле себя и сказал ему: "Вам, Граф Александр Андреевич, еще рано кушать, прошу посидеть!" Безбородко, поговорив с четверть часа, откланялся. Фельдмаршал не встал его провожать. В то время А.А. Безбородко был Действительный Тайный Советник и управлял Иностранною Коллегией».

Пересуды об этих выходках Суворова мгновенно разлетались по столице, пополняя и без того широкий круг анекдотов о его странностях. В приеме самых влиятельных лиц империи сказалась устойчивая неприязнь полководца к придворным. Даже властный любимец императрицы Платон

Зубов, теперь родственник Суворова, позволивший себе принять в своих покоях в Зимнем дворце нового фельдмаршала, будучи одетым по-домашнему, получил отповедь.

Биографы Александра Васильевича выстроили целую систему доказательств, согласно которым «странности Суворова» были продуманным приемом, маской чудака, чтобы защититься от зависти, интриг, подсиживания и добиваться своих целей.

Известный русский психиатр П.И. Ковалевский в работе «Генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Психиатрические эскизы из истории» (1905) высказал иную, более близкую к истине версию: «Нам кажется, что все чудачества Суворова были естественным следствием его характера, его душевного склада, организации его нервной системы… его крайней порывистости, привычке действовать сразу… Странность поступков Суворова объясняется особенностью его натуры, не входящей в обычные рамки жизни, и никоим образом не является чем-то умышленным и заранее обдуманным. Он действовал, как жил, и особенность его натуры выражалась особенными, выделяющимися из ряда обыкновенных поступками».

Большой популярностью пользовались анекдоты о самых неожиданных вопросах Суворова, которые он задавал своим подчиненным: «Сколько звезд на небе?», «Далеко ли до Луны?» и т. д. Екатерина еще до близкого знакомства с лучшим полководцем своей империи рассказывала о его чудачествах своему постоянному корреспонденту барону Гримму: «…подписывает свое имя мельчайшими буквами. Во-первых, по своему смирению; во-вторых, чтоб все знали, что он пишет без очков. Кроме того, когда он обращается к кому-либо с вопросом, то нужно ему отвечать тотчас же, без малейшей запинки и никогда не говорить "не знаю", потому что тогда он приходит в ужаснейший гнев. Но ответ, как бы нелеп он ни был, никогда не рассердит его. Вообще он большой чудак, притом человек чрезвычайно даровитый и начитанный, но у него пропасть странностей, которые ему иногда вредят».

После приезда Суворова из Варшавы в Петербург и длительных бесед с ним государыня изменила свое мнение. «Об сих странностях И.И. Шувалов разговаривал однажды с Императрицею Екатериною, — вспоминает племянник основателя Московского университета князь Федор Голицын. — Она изволила ему на это сказать, что Фельдмаршалу всё сие простительно, потому что, когда мы двое с ним сидим, то я не могу довольно вам рассказать, сколь он, когда захочет, умно и основательно рассуждает: совсем, кажется, не тот человек».

Манера Суворова требовать немедленного ответа на свои вопросы являлась, выражаясь современным языком, постоянным психологическим тренингом, приучавшим подчиненных к инициативе, находчивости, умению быстро реагировать на изменение обстановки в бою.

Александр Столыпин поведал чудесную историю о том, как он, назначенный адъютантом к Суворову, был ему представлен:

«…Фельдмаршал прыгнул на средину комнаты, подняв правую руку к козырьку каски. Тищенко (генеральс-адъютант. — В. Л.) тотчас доложил ему: "Адъютант Столыпин!"

Он, обернувшись ко мне, спросил: "Где служил твой отец?"

Забыв, что батюшка был отставлен Лейб-кампанцем при восшествии на престол Петра III, я отвечал: "Не знаю, Ваше Сиятельство!"

Он, приложив указательный и средний пальцы правой руки к губам, вскричал: "В первый раз… не знаю!"

Граф Хвостов, тут же бывший, прибавил: "Алексей Вельяминович служил по статской службе".

Зная, что Фельдмаршал статскую службу не любит, я, вероятно от испуга, вспомнил о Лейб-кампанском корпусе. И только граф Хвостов успел выговорить, я закричал во всё горло: "Нет, Ваше Сиятельство, батюшка служил в Лейб-кампанском корпусе!"

Тут Фельдмаршал и все предстоящие засмеялись, видя испуг мой».

Между старым воином и молоденьким адъютантом вскоре установились прекрасные служебные отношения. Столыпин понимал начальника с полуслова и сделался самым неутомимым и смышленым его помощником, всегда готовым к любому неожиданному вопросу.

«В другой раз, — вспоминал он, — гостей было много, в том числе семейство Французских эмигрантов: старик Виконт де Полиньяк, сын его Дюк де Полиньяк, внук его Арман де Полиньяк и Шевалье де ла Ривьер. Я далеко сидел от Фельдмаршала и не слыхал его разговора. Вдруг дежурный Генерал сказал довольно громко: "Столыпин! Фельдмаршал вас спрашивает".

Я привстал и сказал:

— Что прикажете, Ваше Сиятельство?

— Чем у нас чистят полы? — спросил меня Фельдмаршал.

— Нашатырем, Ваше Сиятельство, — отвечал я.

— Что стоит в день?

— Двадцать пять червонцев.

— Помилуй Бог, как дорого!

Когда все встали из-за стола, меня спрашивали, как мне в голову взошел нашатырь? Я уверял, что сам того не понимаю, но, зная, что за обедом Фельдмаршал всегда шутит и не терпит медленности в ответах, я сказал ему первое слово, которое мне попалось».

Наверное, сам Суворов был доволен невероятной расторопностью, которую его адъютант продемонстрировал важным гостям.

Дюбокаж отмечал:

«Образ речи Суворова был краткий, сжатый, энергичный и отрывистый. Всякая фраза, заключавшая не более трех или четырех слов, выражала полный смысл, который всегда был точным и глубоким…

Приближенные его должны были напрягаться, проявляя большое внимание, и знать все события, могущие его интересовать, потому что всякая его фраза содержала окончательную идею и переход от одного предмета к другому был чрезвычайно быстр…

Одним словом, речь его была неподражаема. Я могу сказать верно, что почти невозможно выразить энергичный лаконизм его идей, когда забываешь их прямой текст… Еще любил он в разговоре некоторыми фразами воспроизводить смысл сказанного в форме пословиц и притч. Наконец, самый любимый конек его разговора — это война. Особенно он любил рассказывать о своих походах.

Суворов знал, кстати, и как увертываться тонким и ловким ответом от щекотливых просьб и нравиться даже тем, коим должен был иногда отказывать».

И — внимание — Дюбокаж подчеркивает, что Суворов отличался «неизменною искренностию — следствие безграничной честности»: «Эти две добродетели весьма естественно должны были господствовать в душе человека, который был врагом всякого притворства… Офицер, который отвечал ему двояко, был потерян в его мнении. Он называл его "немогузнайкой". Он не только почитал низостью и малодушием скрывать свой образ мыслей (из боязни или из интереса), но видел в этом слабость характера, которая в его глазах была пороком и которую он никогда не прощал».

Великий мастер войны был и хорошим психологом. Слабость характера непростительна для командира, отвечающего за жизни подчиненных, недопустима и для солдата. «Богатыри! Неприятель от нас дрожит, — говорится в «Науке побеждать». — Да есть неприятель больше богадельни: проклятая немогузнайка, намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка, безтолковка… От немогузнайки много беды! За немогузнайку офицеру арест, а штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный».

Во время бесед императрицы с Суворовым, несомненно, обсуждалась главная возмутительница европейского спокойствия — Франция. Екатерина, как и полководец, прекрасно знала историю и предрекала появление диктатора, к которому все политиканы, кричащие о свободе, братстве и равенстве, поползут на коленях, чтобы заслужить его милость. Суворов разделял эти оценки и соглашался с прогнозами, поэтому решительно отказался от предложения возглавить Персидский поход для наказания разорителя царства Ираклия II, считая его частным делом. Главной опасностью, грозившей бедствиями не только Европе, но и России, была Франция.

Ивашев вспоминает:

«В праздник Рождества Христова и Новый год Суворов должен был быть у Государыни, но всегда испрашивал увольнения от приглашения к Высочайшему столу.

Государыне угодно было принять во внимание привычную деятельность Фельдмаршала: поручила ему обозреть состояние всех тех укреплений по шведской границе, которые в 1791 и 1792 годах были устроены под его началом.

Зная привычку к деятельной жизни Суворова и к занятиям по военной части, Государыня озабочивалась, чем занять его. В январе он исполнил Ея поручение и в первой половине февраля 1796 года возвратился в Петербург, приметно скучал вне своей сферы, и как скоро Императрица поручила ему главное начальство Юго-Западной армии, немедленно оставил столицу и прямыми путями отправился в центральный пункт занимаемых мест ему подведомственными корпусами, — местечко Тульчин.

В июле 1796-го он получил секретное повеление составить шестидесятитысячный корпус по его собственному избранию из войск, под начальством его состоящих, и быть в готовности с первого повеления выступить за границу».

По пути в Тульчин он навестил Румянцева, жившего почти безвыездно в своем имении Ташань под Киевом. Сохранился весьма любопытный рассказ о встрече двух фельдмаршалов, записанный со слов Петра Григорьевича Корицкого, много лет служившего у Суворова старшим адъютантом.

Подъезжая к имению графа Петра Александровича, Суворов приказал остановиться и стал совещаться со свитой, может ли он теперь подъехать к крыльцу графского дома, чего прежде из уважения к нему никогда не делал. Все единогласно объявили, что теперь он имеет на то полное право как равный чином. Суворов поначалу возражал, ссылаясь на старшинство Румянцева, известность его заслуг, и, наконец, склонившись перед общим мнением, сказал: «Смотрите же, смотрите, чтобы вы не ввели меня в беду». Экипажи тронулись. Подле ворот усадьбы Суворов приказал остановиться, вышел из экипажа и проследовал к дому в полной парадной форме, со шляпой на сгибе руки. Красноречивая сцена свидетельствует о той всегдашней почтительности, которую питал к Румянцеву его гениальный ученик.

В дни встречи двух маститых русских полководцев в далекую Ниццу прибыл новый командующий Итальянской армией Наполеон Бонапарт со своим начальником штаба Луи Александром Бертье. 29 марта (9 апреля) 1796 года начался знаменитый Итальянский поход. В течение двух недель были разгромлены и выведены из борьбы пьемонтцы. Через месяц французы, разбив австрийцев, вступили в Милан. В их руках оказалась вся Ломбардия — богатейшая область Италии, подвергшаяся разграблению. Австрийцы бросили в Северную Италию новые войска, но их ждало поражение. На Рейне успешно действовали французские армии генералов Моро и Журдана.

Второго августа 1796 года, через две с половиной недели после разгрома Бонапартом австрийцев при Кастильоне, Суворов в рапорте Екатерине прямо ставит вопрос о походе в Европу: «Карманиольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг и на Вислу… Всемилостивейшая Государыня! Я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их предварить».

Екатерина и ее советники стремились не допустить, чтобы Франция подчинила себе итальянские и германские государства и создала враждебную России систему государств, в которую помимо упомянутых входили бы Швеция, Пруссия, Австрия и Турция.

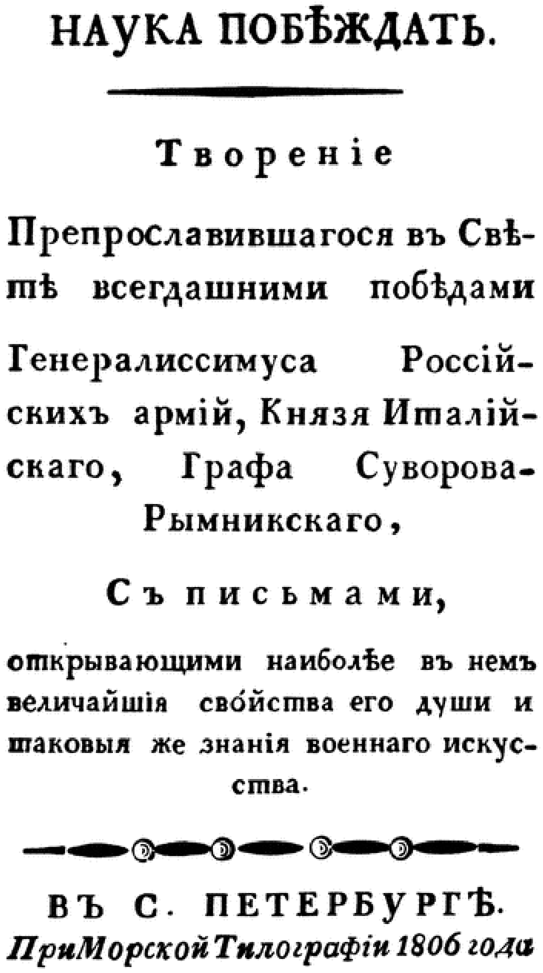
В секретной инструкции посланнику в Вене графу А.К. Разумовскому Екатерина указывала: «Сегодня дело заключается в том, чтобы реорганизовать коалицию на других принципах, чем первую, поставив перед нею в виде единственной задачи — задачу принудить французов прекратить свои нашествия, отказаться от побед и вернуться к прежним границам».

Эти взгляды разделял и Суворов. «Турецкая Ваша война — нет, а принятца за корень, бить французов… От них она родитца, — читаем мы в письме Хвостову от 29 августа. — Когда они будут в Польше, тогда они будут тысяч 200—300. Варшавою дали хлыст в руки Прусскому Королю, у него тысяч 100. Сочтите турков (благодать Божия со Швециею): России выходит иметь до полумиллиона; ныне же, когда французов искать в немецкой земле надобно, на все сии войны только половину сего». Предвидение гениальное: в 1812 году император Наполеон, подчинив себе почти всю Европу, двинул в русский поход более пятисот тысяч человек.

Суворов тщательно готовился к походу. Дюбокаж вспоминал: «…когда не было военных дел, то фельдмаршал проводил время в размышлении над географическими картами, над составлением планов кампаний. Также любил он следить по карте бывшие походы всех полководцев, известных нам по истории. Рожденный завоевывать, он постоянно был занят военными соображениями. Я не сомневаюсь, что он составлял планы кампаний для всех частей света». Конечно, последняя фраза — явное преувеличение. Правильнее было бы сказать, что Суворов внимательно изучал театры возможных войн и прекрасно ориентировался в военно-топографической обстановке. Но в 1796 году главное внимание было обращено туда, где продолжалась война второй коалиции с Францией. Адъютант Суворова Столыпин вспоминал:

«В иностранных газетах 1796 года писано было, что генерал Моро окружен Австрийскими войсками и что он как будто в западне. — В них всё объяснено было обстоятельно, сказаны имена Австрийских генералов, сколько у кого войск и как они расположены. Фельдмаршал приказал мне отнести газеты к инженерному полковнику Фалькони, чтоб он по сим известиям начертил план и статью из газет перевел на Русский язык, и когда будет всё готово, то, поставя палатку в саду, после вечерней зари пригласить туда всех Генералов на чай.

По пробитии зари Фельдмаршал и Генералы сели вокруг стола… Фельдмаршал приказал читать вслух перевод из иностранных ведомостей. Вошедший полковник Фальконi тут же представил и план, им начертанный, тогда Фельдмаршал сказал: "На военном совете начинают дело с младших: почему рассматривайте по очереди и объявляйте всякий свою мысль!"



НАУКА ПОБѢЖДАТЬ.

Твореніе

Препрославившагося въ Свѣтѣ всегдашними побѣдами Генералиссимуса Россійскихъ армій, Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго,

Съ письмами,

открывающими наиболѣе въ немъ величайшія свойства его души и таковыя же знанія военнаго искусства.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.
При Морской Типографіи 1806 года

Все Генералы, рассмотрев прилежно план, объявили, что если Генерал Моро не захочет жертвовать войсками, под командой его находящимися, то он должен будет сдаться.

Фельдмаршал же, взглянув пристально на план, сказал, указывая на расположение войск на плане: "Ежели этот Австрийский Генерал не успеет подать помощь Генералу, защищающему мост, то Моро тут пробьется!"

Не упомню чрез сколько времени, в газетах было видно, что именно тот Генерал, про которого говорил Фельдмаршал, не успел помочь Генералу, защищавшему мост, и Моро пробился и тем спас войско от плена и себя прославил».

В сентябре австрийцы потерпели новое поражение при Арколе, в Италии. Суворов откликнулся на это событие в замечательном письме племяннику, князю Алексею Горчакову:

«О, как шагает этот юный Бонапарте! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун!.. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальника, как он уже разрубил Гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему ведома неодолимая сила натиска — более не надобно. Сопротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным; а у него военный совет в голове… Меж тем, покуда мир Европейский и тактика обновляются, я цепенею в постыдном бездействии, я изнемогаю под бременем жизни праздной и бесполезной».

Конец письма — настоящее пророчество: «Пока генерал Бонапарте будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли — он погибнет».

Двадцатого октября российская императрица сообщила о своем решении барону Гримму: «Прусский Король вооружается. Против кого? Против меня. В угоду кому? Цареубийцам, друзьям своим, на которых ему нельзя ни в чем положиться. Если этими вооружениями думают отвлечь меня и остановить поход моих войск под предводительством фельдмаршала Суворова, то очень ошибаются».

Но 6 ноября 1796 года Екатерина скоропостижно скончалась от кровоизлияния в мозг. На престол вступил ее 42-летний сын.

Узнав о смерти государыни, Суворов поделился с Хвостовым горестными мыслями:

«Сей день печальный! Я отправлял… после заутрени без собрания один в алтаре на коленях с слезами.

Неблагодарный усопшему Государю будет неблагодарен царствующему.

Среди гонения Князя Платона, в Херсоне я ходил на гроб Князя Григория Александровича Потемкина, помня его одни благодеяния».

Оставим в стороне упоминания о «гонениях князя Платона». Суворов смотрел на Зубова как на мальчишку и обращался со своим родственником, перед которым многие пресмыкались, довольно бесцеремонно.

В дни печали и скорби по усопшей великой императрице Александр Васильевич искренне признаётся в поклонении праху Потемкина. Именно под начальством князя Таврического развернулся его выдающийся талант, он поднялся на такие вершины чести и славы, откуда его не могли сбросить завистники и недоброжелатели. Воспоминание о Потемкине — это крик души в тяжелую минуту жизни. Суворов знает, что наступает страшное время — время деспота на троне.

ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

Пятнадцатого декабря новый император присылает Суворову милостивый рескрипт:

«Граф Александр Васильевич!

Не беспокойтесь по делу Вронского. Я велел комиссии рассмотреть, его же употребить. Что прежде было, того не воротить. Начнем сначала. Кто старое помянет, тому глаз вон, у иных и без того по одному глазу было (намек на Потемкина. — В.Л.).

Поздравляю с Новым годом и зову приехать к Москве, к коронации, естли тебе можно. Прощай, не забывай старых друзей.

Павел».

Упомянутое дело Вронского, связанное со злоупотреблениями провиантских чиновников в Варшаве, доставило Суворову много хлопот и вызвало его раздражение против Зубовых, не желавших помочь в его разрешении. Новый император сделал красивый жест. Главное заключено в приписке: «Приведи своих в мой порядок, пожалуй».

Суворов видел этот «порядок» двенадцатью годами ранее во время посещения Гатчины. Великий князь продемонстрировал ему свое воинство, одетое и вымуштрованное по прусскому образцу. И теперь этот засидевшийся в наследниках фанатичный поклонник прусской муштры, прусской формы, прусского шага предлагает ему — лучшему полководцу Европы — отказаться от всего, что было создано им вместе с Румянцевым и Потемкиным за последние четверть века!

«Нет вшивее пруссаков. Лаузер, или вшивень, назывался их плащ. В шильтгаузе (караульном помещении) и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты и первая докука ныне солдат — штиблеты: гной ногам… Карейные казармы, где ночью запираться будут, — тюрьма. Прежде [солдаты] делили провиант с обывателями, их питомцами…

Милосердие покрывает строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании здоровья, истинного искусства, благонравия: милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством. Гражданские доблести не заменят жестокость в войсках… Солдаты, сколько ни веселю — унылы и разводы скучны. Шаг мой уменьшен в три четверти, и тако на неприятеля вместо 40 — 30 верст…

Мою тактику прусские принимают, а старую протухлую оставляют; от сего французы их били…

Я — лутче Прусского покойного великого короля; я милостью Божиею батальи не проигрывал…

Французы заняли лучшее от нас, мы теряем: карманьольцы бьют немцев, от скуки будут бить русских, как немцев».

Это отрывки из записочек Суворова, которые он называл «мыслями вслух», из его писем Хвостову за первую половину января 1797 года. Приговор полководца однозначен: «не русские преображения!» Всем своим существом военного человека он чувствует страшную угрозу, нависшую над Отечеством: «Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно».

Восьмого декабря умер Румянцев. «Ваше Сиятельство потеряли отца, а Отечество героя! — пишет потрясенный Суворов сыну фельдмаршала графу Николаю Петровичу. — Я ж равно Вам в нем отца теряю…» Теперь на его плечах лежала ответственность за судьбу русской военной школы.

В первые же дни своего царствования Павел пожаловал чин фельдмаршала Николаю Репнину, Николаю Салтыкову, Ивану Чернышеву. 15 декабря фельдмаршалом стал Иван Салтыков. 5 апреля по случаю коронации этот чин получили еще трое: Михаил Каменский, Валентин Мусин-Пушкин и Иван фон Эльмпт. 26 октября к ним прибавился престарелый эмигрант герцог Виктор Франциск Брольо, маршал Франции.

За всю историю Российской империи ничего подобного не было, если не считать столь же скоропалительных пожалований в начале недолгого царствования Петра III. За 34 года царствования Екатерины II в генерал-фельдмаршалы были пожалованы только пятеро: Петр Румянцев и Александр Суворов за выдающиеся победы, Захар Чернышев и Григорий Потемкин по должности президентов Военной коллегии, Александр Голицын за успешную кампанию 1769 года и по должности главноначальствующего в Петербурге — все, кроме Потемкина, в военное время! Но Павел Петрович превзошел своего отца — в мирные дни появились сразу восемь новых фельдмаршалов! Причем среди них были те, кого Суворов не без оснований считал своими соперниками и недоброжелателями.

«[Милость] не питает [верноподданного] заслуги, когда сей, яко каженик, теряет свои преимущества... Я Генерал Генералов. Тако не в общем генералитете. Я не пожалован (в фельдмаршалы. — В. Л.) при пароле», — делится с Хвостовым Суворов. И следует вывод: «Фельдмаршал понижается».

Цель этих скоропалительных пожалований — умалить авторитет самого популярного вождя армии, принципиального противника павловских военных реформ по прусскому образцу.

Двадцатого декабря был сделан первый выпад императора против Суворова — отмена собственного повеления о назначении его шефом Суздальского пехотного полка. Затем один за другим следуют выговоры: за посылку офицеров курьерами, за увольнение их в отпуск без разрешения императора, за аттестацию их для производства в чины.

«Сколь же строго, Государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю прослугу! Казнен я тобою стабом (штабом. — В. Л.), властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, Государь, только власть Высочайшего указа 1762 году », — записывает свои мысли Суворов 11 января 1797 года.

У него уже созрело решение: воспользовавшись предоставленным дворянам правом не служить, попроситься в отставку. Но он не может бросить дело всей своей жизни. Он знает, что на него смотрят тысячи глаз. Суворов подает рапорт о предоставлении ему годичного отпуска. Следует сначала отказ, затем требование немедленно отправиться в Санкт-Петербург. И тогда он подает прошение об отставке. В ответ летит приказ, отданный Павлом 6 февраля 1797 года: «Фельдмаршал граф Суворов отнесся к Его Императорскому Величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы».

Поход в Европу не состоялся. Из Северной Италии шли тревожные вести. 3—4 (14—15) января австрийцы потерпели тяжелое поражение в битве при Риволи. Вся Северная Италия была завоевана Бонапартом. Российский посол в Вене граф Андрей Кириллович Разумовский посылал Суворову газеты и другие сведения об Итальянской кампании с просьбой сообщить свое мнение. 27 февраля Суворов отвечает:

«Бонапарте концентрируется — Гофкригсрат его мудро охватывает от полюса до экватора. Славное делает раздробление, ослабевая массу.

Не только новые, но и старые войски штык не разумеют, сколько гибельный карманьольский не чувствуют. Провера пропал. Святейший и отец (римский папа. — В. Л.) в опасности. Альвинций к Тиролю, дрожу для Мантуи, ежели Эрцгерцог Карл не поспеет. Но и сему не надобно по артиллерии строиться, а бить просто вперед... О, хорошо! ежели б это при случаях внушали...»

О себе же он сообщает: «Я команду сдал. Как сельский дворянин еду в Кобринские деревни в стороне Литовского Бржеста».

Прогноз великого полководца сбывался с поразительной точностью: австрийский главнокомандующий Альвинци, посланный на помощь запертому в Мантуе фельдмаршалу Вурмзеру, был отброшен в сражении при Риволи. А через день при Фаворито корпус под командованием фельдмаршал-лейтенанта маркиза Проверы капитулировал. Вскоре сдалась крепость Мантуя, считавшаяся ключом к Северной Италии, с укрывшейся в ней армией Вурмзера. Французы вторглись в Австрию и стали угрожать Вене. 7(18) апреля было подписано Леобенское перемирие между эрцгерцогом Карлом и Бонапартом. А в октябре генерал Бонапарт вырвал у австрийцев мир, оставив за Францией созданные на территории Италии марионеточные республики.

В это время Суворов уже находился в своем белорусском имении «Кобринский Ключ», подаренном ему Екатериной II за Польскую кампанию. В сочиненной Полевым биографии полководца описано его прощание с Фанагорийским полком:

«Повинуясь воле монарха, трогательно разстался с товарищами своими Суворов. Его любимый Фанагорийский полк был выстроен на площади Тульчинской. Суворов явился перед полком в фельдмаршальском мундире, во всех орденах, обратил речь к солдатам, прощался с ними, увещевал их быть верными Государю, послушными начальникам. Потом снял он с себя ордена, положил их на барабан и воскликнул: "Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри! Оставляю здесь всё, что я заслужил с вами. Молитесь Богу! Не пропадет молитва за Богом и служба за Царем! Мы еще увидимся — мы еще будем драться вместе! Суворов явится среди вас!"

Солдаты плакали. Суворов подозвал одного из них к себе, обнял, зарыдал и побежал в свою квартиру. Почтовая тележка стояла уже готовая. Суворов сел в нее, и тройка помчалась».

Эта сцена послужила основой для прекрасного эпизода советского фильма «Суворов», снятого в самый канун Великой Отечественной войны режиссером Всеволодом Пудовкиным. До того малоизвестный артист Николай Черкасов, тезка и однофамилец знаменитого исполнителя роли

Александра Невского в одноименном фильме режиссера Сергея Эйзенштейна, потряс зрителей, создав на экране мужественный и одновременно трогательный образ гениального полководца. Эпизод прощания с солдатами — один из самых волнующих в фильме.

Но муза истории Клио — упрямая дама.

«Прощания этого вовсе не было, — повествует адъютант фельдмаршала А.А. Столыпин в 1844 году. — Я один находился при Графе, когда он в 1797 году марта 1-го дня в три часа по полудни отправился из Тульчина. Это мне памятно и тем, что тогда он перекрестил меня, поцеловал в лоб и, ударив по плечу, сказал: "Бог милостив, мы еще послужим вместе!" К моему несчастию, сего не случилось. Д.Д. Мандрыка, П.Г. Тищенко, П.П. Носков и Ставраков (адъютанты Суворова. — В. Л.), бывшие уже в отставке, отправились в пять часов утра за Графом в Кобрин. Проводов никаких не бывало!»

Престарелый ветеран ошибся в дате выезда Суворова из Тульчина, поскольку лишь 3 марта Суворов отправил императору донесение: «Всемилостивейший Государь! Во ожидании увольнения на Всеподданнейшие мои прошения, которое по слуху уже и воспоследовало, отдавши давно уже команду, на сих днях еду я в Кобринские мои деревни. Вашему Императорскому Величеству, Всеподданнейше донося, повергаю себя к священнейшим стопам». Но сам рассказ не вызывает сомнений.

В конце марта Суворов был уже в Кобрине, где его нашло семейное известие, которого он ждал с тревогой и радостью: 5 марта его Наташа родила сына, названного в честь деда Александром.

«Христос воскресе, — писал он зятю. — Вы меня потешили тем, чего не имел близ семидесяти лет: читая, дрожал… Наташа, привози Графа Александра Николаевича ко мне в гости, а он пусть о том же попросит своего батюшку, твоего мущину».

А 22 апреля в Кобрин прискакал отставной коллежский асессор Юрий Николев с предписанием императора: «Ехать Вам в Кобрин или другое местопребывание Суворова да его привезть в Боровицкие его деревни, где и препоручить Вындомскому (боровичскому городничему. — В. Л.), а в случае надобности требовать помощи от всякого начальства».

На следующее утро фельдмаршала увезли, даже не позволив ему сделать распоряжений по имению. 12 мая петербургский генерал-губернатор Николай Архаров рапортовал императору о доставлении Суворова 5-го числа в Боровичи и водворении его в купленном еще его отцом селе Кончанском, расположенном в лесной глуши на границе Новгородской и Тверской губерний.

КОНЧАНСКАЯ ССЫЛКА

Ссылка длилась почти два года. Николев доносил о каждом шаге Суворова. Тому было запрещено ездить в гости к соседям. Появлявшихся в округе офицеров арестовывали и доставляли в Петербург на допрос к Павлу. Правда, верные своему командиру офицеры тайком прорывались в Кончанское и привозили важные вести. Сподвижник Суворова по Польской кампании полковник Степан Александрович Талызин в 1814 году признавался сыну: «Суворов был мой благодетель. Ты сие знаешь. Когда его сослали в ссылку к своим поместьям, при сем положении всеми был оставлен и брошен. Но я от него не отставал и съездил в его деревню переодетым слугою, рискуя, если бы сие узнали, то не миновать бы мне Сибири».

Надзор за опальным фельдмаршалом был предельно строгим. На запрос новгородского гражданского губернатора Митусова — «можно ли Графу ездить в гости?» — последовал ответ генерал-прокурора князя Алексея Куракина: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: разъезды по гостям Графу Суворову запретить». Сам повелитель огромной державы потребовал от Митусова: «Имейте смотрение, чтобы исключенные из службы майоры Антинг и Грессер и ротмистр Четвертинский и подобные им [из] свиты Суворова не имели никакого сношения и свидания с живущим в Новгородской губернии бывшим Фельдмаршалом Графом Суворовым».

Утешением для Александра Васильевича стали вести от дочери. 13 июня она писала из Москвы в Кончанское:

«Милостивый Государь батюшка!

Всё, что скажет сердце мое, — это молить Всевышнего о продлении дней Ваших при спокойствии душевном. Мы здоровы с братом и сыном. Просим благословения Вашего. Необходимое для Вас послано при записке к Прохору. Желание мое непременно скорее Вас видеть. О сем Бога прошу — нашего покровителя. Целуем ручки Ваши. Остаюсь навсегда покорная ваша дочь

Графиня Наталья Зубова».

Муж «Суворочки» первым известил в Гатчине наследника престола Павла Петровича о смертельной болезни его матери-императрицы, за что был пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного. Но вскоре он был отставлен и выслан из Петербурга. Наталья Александровна выполнила обещание и посетила отца в новгородской глуши, взяв с собой новорожденного сына Александра и брата Аркадия, которому вот-вот должно было исполниться 13 лет.

Мы помним, что Суворов не получил развода. Аркадия он никогда не видал и даже не считал его своим сыном. То ли графиня Варвара Ивановна посоветовала дочери показать брата отцу, то ли сама графиня Наталья Александровна решилась на это, но ход был, несомненно, удачным.

Верный Прохор Дубасов в письме Хвостову сравнивал положение своего барина с гонениями римлян на Кориолана, героя шекспировской трагедии, прибавляя: «Судите же мучительство судьбы и невинности его. Чем ему ехать в Петербург, лучше бы отпустили в чужие края».

Тяжело переживавший опалу Суворов впервые увидел красивого белокурого живого мальчика, всем сердцем привязался к нему и сразу же погрузился в заботы о его воспитании и обучении. Аркадий поселился в Петербурге у Хвостова, которому Суворов писал: «Должен я прибегнуть к дружбе Вашей. При выезде Наташи из Санкт-Петербурга прошу Вашего Превосходительства принять Аркадия на Ваши руки и как мой ближний содержать его так, как пред сим реченную его сестру содержали, соблюдая его благочестие, благонравие и доблесть».

Самому Аркадию последовали внушения: «Будь благонравен, последуй моим советам, будь почтителен к Дмитрию Ивановичу, употребляй праздное время к просвещению себя в добродетелях. Господь Бог с тобою!»

Суворов нанял для сына учителей. Но эти заботы не в силах были умерить его страданий. Боровичский городничий А.Л. Вындомский (человек благородный, отказавшийся принять на себя роль надсмотрщика за Суворовым) доносил 21 июля в Петербург:

«Господин Фельдмаршал Суворов на сих днях в слабом здоровье и весьма скучает, что состоящий дом в селе Кончанском весьма ветх и не только в зиму, но и осень пережить в слабом его здоровье вовсе нельзя, и желает переехать в сорока пяти верстах состоящее свойственницы его Ольги Александровны Жеребцовой (сестры четырех братьев Зубовых) село Ровное.

Приехавшего в свите Графини Натальи Александровны Зубовой майора Сиона Его Сиятельство отправил в польские его деревни для получения всех бриллиантовых вещей, там хранящихся у подполковника Корицкого; и как таковых вещей по цене может быть с лишком на триста тысяч рублей, то по привозе сюда — иметь ли мне в своем смотрении и где хранить оные, ибо при жизни Его Сиятельства в Кончанске, как в самом опасном месте, крайне опасно».

Ответ императора был краток: «Дозволить Графу Суворову переехать в село Ровное и бриллиантовые вещи ему оставить при себе; но при том надлежащее наблюдение иметь как за образом его жизни, так равно и за поведением».

По повелению Павла был дан ход «делам», связанным с денежными расчетами периода Польской кампании. В нарушение закона Суворову вменили «иски» на огромную сумму — 150 тысяч рублей, пытаясь добиться покорности самого авторитетного военного деятеля России.

Борьба Суворова против опруссачивания армии вызывала горячее сочувствие в обществе. Державин в послании «На возвращение графа Зубова из Персии» прямо указал на пример Суворова, мужественно переносящего опалу и ссылку:

Смотри, как в ясный день, как в буре,Суворов тверд, велик всегда!Ступай за ним! — небес в лазуреЕще горит его звезда.

Современники отметили роль Репнина, самого близкого сподвижника императора в перестройке армии на прусский лад, в гонениях на Суворова. «Репнин, — читаем в «Записках» крупного чиновника, барона Карла фон Гейкинга, — всегда старался унизить достоинства Суворова, не любимого Павлом и отставленного от службы за то, что осмелился выразить мнение, будто можно выигрывать сражения, не обременяя солдат крагами, косою и пудрою… Репнин же увлекся в отношении к этому известному генералу до таких низостей, что мне и говорить о них не хочется».

Новая неудобная форма и суровая муштра вызывали протест в армейских кругах. Странно, что Радищеву и Новикову посвящены сотни публикаций, а попытка суворовских офицеров выступить против антинациональной политики Павла оказалась практически вне поля зрения отечественных историков. Редчайшее исключение представляет обстоятельное исследование Т.Г. Снытко, затерявшееся среди журнальных публикаций 1950-х годов. На основании сохранившихся материалов секретного расследования об офицерском заговоре исследовательница показала, что уже в начале 1797 года полковник Александр Михайлович Каховский, герой Очакова и Праги, пользовавшийся большим доверием Суворова, предложил ему поднять армию против засевших в Петербурге гатчинцев. «Государь хочет всё по-прусски в России учредить и даже переменить закон», — приводит слова Каховского арестованный и допрошенный капитан Василий Степанович Кряжев. Патриотически настроенные офицеры считали, что надо, «восстав против государя, идти далее… на Петербург».

По свидетельству другого участника заговора, будущего героя Отечественной войны 1812 года Алексея Петровича Ермолова, единоутробного брата Каховского, тот «однажды, говоря об императоре Павле, сказал Суворову: "Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу?"». Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому. «Молчи, молчи, — сказал он, — не могу Кровь сограждан!» Великий полководец и гражданин не мог пойти на братоубийственную войну, не мог увести армию с юга и отдать туркам всё, ради чего воевали поколения русских людей.

Но своего любимца фельдмаршал не выдал. Каховский же создал некое подобие тайной организации, имевшей ответвления в Смоленске, Дорогобуже и некоторых воинских частях. Заговор был разгромлен в 1798 году. Многие офицеры оказались в ссылке, а более двадцати наиболее активных участников заговора, в том числе Каховский и Кряжев, были лишены чинов и дворянства и заточены бессрочно по разным крепостям, откуда были выпущены по амнистии после воцарения Александра I.

Еще до раскрытия и разгрома офицерской организации Каховского император был сильно испуган, когда ему сообщили, что вслед за уволенным из армии и направившимся в Кобрин фельдмаршалом Суворовым отправились почти два десятка офицеров его штаба, вышедших в отставку, между которыми он хотел разделить свое огромное имение. Суворов был спешно отвезен в затерянное в новгородских лесах село Кончанское, а его бывшие подчиненные оказались арестантами.

Вот как позднее вспоминал об этих событиях известный мемуарист пушкинского времени Филипп Вигель:

«Великий Суворов, Оден русского воинства, вдруг был отставлен, как простой офицер, и послан жить в деревню.

Не знаю, насильственная смерть Герцога Энгиенского (схваченного по приказу первого консула Наполеона Бонапарта на чужой территории и расстрелянного без суда. — В. Л.) произвела ли во Франции между роялистами тот ужас, коим сие известие поразило всю Россию. Она содрогнулась. Сим ударом, нанесенным национальной чести, властелин хотел как будто показать, что ни заслуги, ни добродетели, ниже сама слава не могут спасти от его гнева, справедливого или несправедливого, коль скоро к возбуждению его подан малейший сигнал.

Сим не довольствуясь, по какому-то неосновательному подозрению он велел схватить всех адъютантов его, всю многочисленную его свиту посадить в Киевской крепости. И бедный отец мой осужден был стеречь сподвижников великого Суворова».

За четыре с половиной года царствования Павла, которое современники сравнивали с якобинским террором, были уволены или отставлены, выкинуты со службы 333 генерала и 2261 офицер — притом что тогдашняя численность русской армии не превышала 390 тысяч человек. Это был разгром офицерского корпуса, имевшего бесценный боевой опыт.

«Я из вас потемкинский дух вышибу!» — кричал император. И вышибал — жестокой муштрой, палочной дисциплиной, парадоманией, изнурением солдат. Суворов выступил против гатчинских преобразований, потому что потемкинский дух был и его, суворовским духом — русским духом армии. По всей стране и за ее пределами разнеслись стихи Суворова, разившие гатчинцев, словно картечь:

Пудра не порох,Букли не пушка,Коса не тесак,Я не немец, а природный русак!

В длинном списке выигранных Суворовым баталий нет Кончанского. Но здесь он одержал одну из самых выдающихся побед — нравственную победу над силами разрушения. Не Суворов, а Павел был вынужден уступить. Напуганный широкой оппозицией всех слоев общества, он уже в феврале 1798 года распорядился снять надзор за опальным фельдмаршалом и пригласил его в столицу.

Четырнадцатого февраля флигель-адъютант императора и племянник Суворова князь Андрей Иванович Горчаков прибыл в Кончанское с повелением Павла о немедленном приезде фельдмаршала в Петербург. Он же привез и распоряжение генерал-прокурора Куракина пять месяцев сторожившему опального фельдмаршала Юрию Николеву, чтобы тот «возвратился в дом свой». В 1855 году Д.А. Милютин, трудившийся над многотомной историей кампании 1799 года, записал рассказ Горчакова:

«Суворов не только не обрадовался полученному от Государя приглашению, но даже отказывался ехать в Петербург, отговариваясь старостию и плохим здоровьем; лишь после долгих и настоятельных убеждений… старик согласился отправиться в путь, поручив однако же своему племяннику доложить Государю, что он не может иначе ехать, как проселочными дорогами и на своих лошадях…

Император столь нетерпеливо ожидал свидания с Суворовым, что по нескольку раз в день присылал спросить у князя Горчакова: скоро ли прибудет его дядя?

Но старик не торопился; он ехал, как говорится, "на долгих"… Наконец, после нескольких дней ожидания, кибитка кончанского помещика остановилась у петербургской заставы. Здесь встретил его князь Горчаков, и хотя время было уже позднее, однако же, исполняя в точности Государево повеление, он прямо поехал с донесением во дворец, между тем как Суворов отправился в квартиру своего племянника графа Д.И. Хвостова.

Император имел обыкновение в 10 часов вечера удаляться в свою спальню, раздевался и тогда уже не принимал никого. Однако же на сей раз, в виде особенной милости, князь Горчаков был допущен в спальню Государеву и получил приказание объявить Суворову, что Его Величество немедленно же принял бы его, если б не было так поздно. Прием был назначен на другой же день утром, тотчас по возвращении Императора с обычной прогулки. Князь Горчаков, предваренный дядею, спросил, в какой форме повелено будет графу представиться, так как он отставлен без мундира . "В таком мундире, какой вы носите", — отвечал Государь, т. е. в общем армейском.

Мундир племянника пришелся почти впору старому дяде; нашили звезды, кресты, и на следующее утро, в 9-м часу, отправился Суворов во дворец вместе с князем Горчаковым. Ожидая в приемной комнате возвращения Государя с прогулки, Суворов успел, по старому своему обычаю, подшутить над несколькими из бывших тут придворных и, между прочим, заговорил с графом Кутайсовым (любимцем императора) по-турецки.

Около 9 с половиной часов Император подъехал верхом к Зимнему дворцу и немедленно же Суворов был приглашен в кабинет. Он оставался там глаз на глаз с Государем более часа; в первый раз случилось, к крайнему удивлению всех остававшихся в приемной комнате, что Император опоздал даже к разводу, который обыкновенно начинался ровно в 10 часов. К разводу приглашен был и Фельдмаршал; в угождение ему Государь делал баталиону учение, водил его в штыки скорым шагом и проч. Но Суворов явно показывал невнимание: то отворачивался от проходивших взводов, то шутил над окружавшими, то подходил к князю Горчакову, говоря ему: "Нет, не могу более, уеду".

Князь Горчаков убеждал своего причудливого дядю, что уехать с развода прежде Государя неприлично; но старик был упрям. "Нет, я болен, — сказал он, — не могу больше", — и уехал, не дождавшись конца развода.

Государь не мог не заметить странных поступков Суворова и после развода, призвав к себе князя Горчакова в кабинет, сурово спросил его, что значит всё это.

Молодой князь Горчаков, крайне смущенный, старался сказать что мог в извинение своего дяди. Но Император, прервав его с заметным волнением, начал подробно припоминать свой продолжительный разговор с Суворовым.

"Я говорю ему о заслугах, которые он может оказать отечеству и Мне; веду речь к тому, чтоб он сам попросился на службу. А он вместо того кинется в Измаил и начинает длинно рассказывать штурм. Я слушаю, слушаю, пока не кончит, потом снова завожу разговор на свое; вместо того, гляжу, мы очутились в Праге или в Очакове".

Потом Государь говорил с некоторым удивлением о поведении Суворова на разводе и, наконец, сказал князю Горчакову: "Извольте же, сударь, ехать к нему; спросите у него самого объяснения его действий и как можно скорее привезите ответ; до тех пор я за стол не сяду".

Князь Горчаков поспешил к своему дяде и передал ему слова Государя; он нашел Суворова в прежнем раздраженном расположении: "Инспектором я был в генерал-майорском чине, — говорил он, — а теперь уже поздно опять идти в инспекторы. Пусть сделают меня главнокомандующим да дадут мне прежний мой штаб, да развяжут мне руки, чтобы я мог производить в чины, не спрашивался… Тогда, пожалуй, пойду на службу. А не то — лучше назад в деревню; я стар и дряхл, хочу в монахи!" — и прочее, и прочее в том же роде.

Князь Горчаков возражал, что не может передать таких речей Государю. "Ну, ты передавай, что хочешь, а я от своего не отступлюсь"…

Было уже далеко за полдень, а ровно в час Государь обыкновенно садился за обед. Князь Горчаков поспешно возвратился во дворец в совершенном недоумении, как доложить Императору. Он решился сказать для оправдания своего дяди, будто он был слишком смущен в присутствии Государя и что крайне сожалеет о своей неловкости; что в другой раз он, без сомнения, будет уже говорить иначе и с радостию воспользуется Царскою милостию, если Его Величеству угодно будет принять его в службу. Выслушав это объяснение, Государь сказал строго князю Горчакову: "Хорошо, сударь, я поручаю вам вразумить вашего дядю; вы будете отвечать за него!"

После того Император не раз приглашал Суворова к столу своему; видел его на разводе и вообще обращался с ним милостиво; однако же старик не просился в службу, и когда разговор касался слишком близко этого предмета, то Суворов начинал обыкновенно жаловаться на свои лета и слабость здоровья. Князь Горчаков по-прежнему служил посредником между Царем и полководцем — и часто был поставляем в самое затруднительное положение странными поступками своего дяди. В присутствии Государя Суворов искал всякого случая, чтобы подшутить над установленными новыми правилами службы и формами: то усаживался в целые четверть часа в карету, показывая, будто никак не может справиться с торчащею сзади шпагою; то на разводе прикидывался, будто не умеет снять шляпу, и, долго хватая за нее то одною рукою, то другою, кончал тем, что ронял шляпу к ногам самого Государя. Иногда же нарочно перебегал и суетился между проходившими церемониальным маршем взводами, что было строжайше запрещено и считалось непростительным нарушением порядка в строю. При этом шептал он молитвы и крестился, и когда раз Государь спросил его, что это значит, то Суворов отвечал: "Читаю молитву, Государь: да будет воля Твоя".

Каждый раз после подобной проделки Павел I обращался к князю Горчакову и требовал от него объяснений. Тот должен был ездить к Суворову и привозить Государю ответы своего собственного вымысла, ибо никогда не мог он передать те речи, которые в самом деле слышал от дяди.

Так прожил Суворов в Петербурге около трех недель. Необыкновенная снисходительность и милость Императора не смягчили упорства старого Фельдмаршала, который всегда под разными предлогами отклонял разговор о поступлении снова на службу. Наконец, однажды в разговоре с Государем Суворов прямо попросил, чтобы его отпустили в деревню на отдых. Павел I с видимым неудовольствием ответил, что не может его удерживать против воли. Тогда Суворов подошел к руке Императора, откланялся и в тот же день уехал из Петербурга в свою деревню».

Перед нами потрясающая психологическая дуэль. Суворов знал, как скор был на расправу Павел даже со своими любимцами. Тот же Репнин в конце 1798 года по возвращении из Пруссии после сложных дипломатических переговоров, окончившихся неудачей, был отставлен с повелением не появляться в столице. Можно только поражаться силе духа великого воина, открыто осуждавшего никчемные военные забавы императора. Старый фельдмаршал смело требовал восстановления отнятых у него прав, без которых немыслима настоящая, а не показная жизнь армии. Не получив ответа, он демонстративно возвратился в Кончанское. Поединок с императором завершился вничью.

Конечно, Суворов томился без настоящего дела. Как-то в письме Хвостову он выразил самую суть своего существования: «Я привык быть действующим непрестанно, тем и питается мой дух!»

Правнук священника отца Феодора Попова из соседнего с Кончанским села Сопина сохранил семейное предание:

«Живя в своем опальном кончанском одиночестве, забытый всеми Суворов… болел душою и скучал, но как человек совершенно по-русски религиозный, отчаянию не предавался, а питал себя верою в Бога и надеждою, что в трудную минуту "вспомнят и его, старика".

Особенное утешение находил он в посещении церковных богослужений. Хотя и тогда была уже церковь в имении Суворова в Кончанском, им же выстроенная, но причта определенного никогда там положено не было. Обедни там служил отец Попов, который и ходил для сей цели от села Сопина в Кончанское… Лошадей не полагалось, быть может, потому, что в то отдаленное время не считалось большим делом пройти три с половиной версты. Люди жили в простоте.

В тот день, когда была обедня, Суворов задолго еще до начала службы поднимался на колокольню и поджидал, когда на зеленом пригорке у деревни Кончанской покажется убогая фигура сельского иерея, в выцветшей скуфейке и сером подряснике, раздуваемом ветром. Тогда Суворов начинал звон к утрене. При входе же священника в церковь с искусством любителя трезвонил "во вся".

Во время самого богослужения Александр Васильевич прислуживал священнику в алтаре: подавал кадило, теплоту и проч. Любил он также читать на клиросе. Любимым его чтением были "часы", а уж читать "Апостол" он никому не дозволял — читал сам.

Так великий полководец, бессмертный герой русского оружия, подобно Цинциннату, подавал пример смиренной простоты, исполняя должность церковного причетника.

По окончании обедни Суворов приглашал священника к себе в дом и угощал часто [чаем] из "зверобоя". "Сей чай, — говаривал он, — для желудка, помилуй Бог, сколь большую пользительность имеет", — и настаивал: "Пей, пей, государь милостивый". Угощал иногда Суворов водочкой, причем на закуску у него полагалась редька, о которой он был также самого высокого мнения.

Словом, Суворов был образцовый любитель простоты во всём образе жизни. По праздникам, вечерами он созывал деревенских мальчишек, играл с ними в "бабки", "козлы", а потом оделял их пряниками; девицам и бабам дарил платки, пояса; мужиков же поил водкою. Но, должно быть, прибавим от себя, поил умеренно, потому что кончанские мужики — народ до сих пор трезвый и зажиточный».

Между тем обстановка в Европе становилась всё более напряженной. Французские армии повсюду теснили соседей, захватывали земли в Бельгии, Германии, Швейцарии, Италии, Далмации, учреждая марионеточные режимы под громкими названиями республик. Генерал Бонапарт отправился в Египетский поход и сражался с мамелюками. Потрясенная поражением Австрия готовилась в союзе с Англией возобновить борьбу. Новая коалиция не мыслилась без участия России. А для общего успеха был нужен полководец, способный победить молодых напористых французских генералов.

Показательно письмо барона Ф. Гримма российскому посланнику в Лондоне графу С.Р. Воронцову, ведшему переговоры об условиях заключения нового антифранцузского союза. «В 1793 году, — писал Гримм, — старый Граф Вурмзер говорил мне в главной квартире Прусского Короля во Франкфурте: "Дайте нам вашего Суворова с пятнадцатью тысячами русских, и я обещаю вам, что через восемь дней мы будем в Майнце и овладеем всеми запасами оружия и поклажи. То, что потеряно, потеряно, но верьте мне, этот способ (суворовский. — В. Л.) воевать менее дорогой и ваши русские знают это лучше, чем любая другая нация"».

Отзыв австрийского фельдмаршала Вурмзера был сделан в дни первой антифранцузской коалиции, оказавшейся неспособной одолеть наспех набранные и плохо обученные, но сильные духом французские армии. Сделан еще до блистательной Польской кампании Суворова. Самому Вурмзеру пришлось до конца испить чашу унижений — в 1797 году в Северной Италии 73-летний фельдмаршал капитулировал перед генералом Бонапартом, которому шел 28-й год.

Суворов по газетам следил за военными событиями в Европе и Египте. Когда же присланный Павлом в сентябре 1798 года генерал-майор И.И. Прево де Лемуан, сотрудник Суворова по строительству укреплений в Финляндии, попросил опального полководца высказаться о будущей войне против Франции, старый воин продиктовал глубоко продуманный план действий, основанный на поразительном понимании общей обстановки и расклада сил европейских держав. «Только наступление, — диктует Суворов. — Быстрота в походе, горячность в атаках холодным оружием. Никакой методичности при хорошем глазомере. Полная власть главнокомандующему. Атаковать и бить противника в открытом поле. Не терять времени на осаду… Никогда не распылять силы для охранения различных пунктов… Не перегружаться тщетными комбинациями для контр-маршей и так называемых военных хитростей, которые мыслимы только в теории». Он называет главным пунктом войны Париж, на который должно быть нацелено острие наступающей армии. (Этот план великого мастера военного искусства был выполнен союзниками только в 1814 году. Падение Парижа фактически поставило точку в наполеоновских войнах. Сто дней Наполеона были авантюрой, обреченной на неудачу.)

Фельдмаршал продолжал томиться в Кончанском. Вместо описания его унылой жизни в новгородской глуши приведем рассказ сержанта Ивана Сергеева, который 16 лет находился при Суворове безотлучно. Его бесхитростные и такие человечные воспоминания опубликовал в 1842 году петербургский журнал «Маяк», сопроводив их кратким примечанием: «Подробности частной жизни Суворова принадлежат Истории; в них выражаются его особенные привычки, дополняющие очерк свойств беспримерного во всем Русского вождя побед. Много было и будет героев в России, но Суворов только один. Подобного ему не найдем в летописях мира».

«День Суворова начинался в первом часу пополуночи. Он часто приказывал будить себя по первым петухам. В военное время или по случаю каких-нибудь важных дел бывало, что он вставал еще ранее, приказывая строго своему камердинеру будить его, не слушая отговоров. "Если не послушаю, тащи меня за ногу!"

Суворов спал, накрывшись одной простынею. Встав с постели, еще не одетый, он начинал бегать взад и вперед по спальне, а в лагере по своей палатке и маршировал в такт. Это продолжалось целый час до чаю. Между тем, держа в руке тетрадки, он громко твердил татарские, турецкие и карельские слова и разговоры. Для упражнения в карельском языке он даже держал при себе несколько карелов из собственных своих крестьян.

Окончив уроки, которые продолжал таким образом ежедневно, он умывался. Рукомойников никогда не подавали ему; вместо того приносили в спальню два ведра самой холодной воды и большой медный таз, в два же ведра. В продолжение получаса он выплескивал из ведер воду себе на лицо, говоря, что помогает глазам. После того служители его должны были оставшуюся воду тихонько лить ему на плечи так, чтоб вода, скатываясь ручейком, катилась к локтям, для чего Суворов и держал локти в таком положении. Умыванье оканчивалось во втором часу пополуночи. Тогда входил в спальню повар Суворова с чаем; он только один наливал чай для него и даже в его присутствии кипятил воду. Налив половину чашки, подавал Князю отведывать; если чай был крепок, разбавлял водою. Суворов любил черный чай, лучшего разбора, и еще приказывал просеивать сквозь сито. В скоромные дни он пил по три чашки со сливками, без хлеба и без сухарей; в постные дни без сливок, и строго наблюдал все посты, не исключая середы и пятницы.

По подании чаю требовал белой бумаги для записывания своих уроков и вытверженного им. Вместо орешковых чернил он всегда писал китайскою тушью.

После чаю Суворов не назначал своему повару, что готовить, а всегда у него спрашивал: "Что у тебя будет для гостей?"

Повар отвечал, что придумал. — "А для меня что?" — спрашивал Князь, и повар в постный день отвечал "Уха", а в скоромный — "Щи". Было и жаркое. Пирожного Суворов почти никогда не ел. Соусы редко. Большой званый обед для гостей был из семи блюд и никогда более.

После чаю Суворов, всё еще не одетый, садился на софу и начинал петь по нотным книгам духовные концерты Бортнянского и Сартия (итальянского композитора Джузеппе Сарти. — В. Л.); пение продолжалось целый час. Суворов очень любил петь и всегда пел басом. Окончив пение, одевался обыкновенно не долее, как в пять минут; после того снова умывал лицо холодною водою и приказывал камердинеру Прошке позвать своего адъютанта полковника Данилу Давыдовича Мандрыкина с письменными делами.

Еще не было и семи часов, когда Суворов отправлялся на развод и каждый раз при этом говорил солдатам: "Братцы! Смелость, храбрость, бодрость, экзерциция, победа и слава! Береги пулю на три дня. Первого коли и второго коли, а третьего с пули убей!.. Ученый один, а неученых десять" — и прочее.

К разводу он всегда выходил в мундире того полка, какой был тогда в карауле. После развода, если не было письменных дел, то приказывал позвать инженер-полковника Фалькони для чтения иностранных газет на французском и немецком языках; по окончании чтения газет вдруг спрашивал: готово ли кушать? И садился за стол в восемь часов утра. К этому же времени собирались гости, приглашенные к обеду его. В ожидании почетных посетителей обед иногда отлагался до девяти часов утра.

Суворов никогда не завтракал и никогда не ужинал. Перед обедом всегда пил одну рюмку тминной сладкой водки, но не более, а за неимением тминной рюмку золотой водки и всегда закусывал редькою. В случае, если бывал нездоров желудком, выпивал вместо того рюмку пеннику, смешанного с толченым перцем. В продолжение обеда пил с большою умеренностию венгерское или малагу, а в торжественные дни шампанское. Плодов и лакомств не любил, иногда только вместо ужина подавали ему изрезанный тонкими ломтиками лимон, обсыпанный сахаром, или три ложечки варенья, которые он запивал сладким вином.

В армии Суворов никогда не обедывал один. Стол накрывался всегда на пятнадцать, двадцать и более приборов для военных генералов и прочих чинов, составлявших его свиту. Суворов никогда не садился на хозяйское место, а всегда сбоку, по правую сторону стола, на самом углу.

Столовый прибор для него был особенный. Всегда оловянная ложка, на образец серебряной. Когда случалось спрашивали его, почему он предпочитает оловянную ложку, он отвечал, что в серебре есть яд. Нож и вилка его были с белыми костяными черешками; стакан и рюмка также отличные от других. Кушанья не ставили на стол, а носили прямо из кухни, с огня, горячее, в блюдах, обнося каждого гостя и начиная со старшего. Суворову же подносили не всякое блюдо, а только то, которое он всегда кушал. За столом он любил, чтоб гости беспрестанно говорили; в случае же тишины вскрикивал: "Да говорите, братцы, что-нибудь!"

По слабости желудка Суворов наблюдал величайшую умеренность в пище. Камердинер его Прохор Дубасов, называемый Прошкой, всегда стоял при столе и не допускал его съесть лишнее, но отнимал у него тарелку, не убеждаясь никакими просьбами, потому что знал в случае нездоровья Суворова, что сам же будет в ответе и подвергнется строгому взысканию: зачем давал лишнее есть?

Если кто приглашал Суворова к обеду, то обыкновенно приглашал и повара его. Когда же не он готовил, то Суворов за столом ничего не ел и жаловался на нездоровье.

Перед обедом, идучи к столу, он читал громко молитву "Отче наш". После стола всегда крестился три раза. Молился усердно утром и вечером по четверти часа и с земными поклонами.

Во всё время Великого поста всякий день в его комнатах отправлялась Божественная служба. Суворов при этом почти всегда служил дьячком, зная церковную службу лучше многих приходских дьячков. На первой неделе Великого поста ел грибное кушанье. В прочие недели употреблял и рыбу. На Страстной неделе всегда говел и тогда во всю неделю довольствовался одним чаем, и то без хлеба.

О Святой неделе: отслушав заутреню и раннюю обедню в церкви, становился в ряду с духовенством и христосовался со всеми, кто бы ни был в церкви. Во всё это время камердинеры стояли сзади его с лукошками крашеных яиц и Суворов каждому подавал яйцо, а сам ни от кого не брал. Пасха и кулич во всю Святую неделю предлагались гостям его.

В Троицын день и в Семик Суворов всегда любил обедать в роще, с гостями своими, под березками, украшенными разноцветными лентами, при пении песельников и при звуках музыки в разных местах рощи. После обеда начинал играть в хороводы, но только не с девицами, а с солдатами и с военными чинами.

Во время святок, в Херсоне, Суворов звал к себе на вечерники, на которые много собиралось и дам, забавлялся в фанты и в разные игры, но преимущественно любил игру "жив-жив курилка" . Когда же приходил час сна, тихонько уходил от гостей в спальню, а бал продолжался без него иногда до рассвета.

На масленице он очень любил гречневые блины и катался с гор. На этой неделе в Херсоне и в других местах у него бывали балы, иногда раза по три.

Имянин и рождения своего никогда не праздновал, но всегда праздновал торжественные дни рождения и тезоименитства Императрицы и Ея Наследника, также Великого Князя Александра Павловича. В сии дни он бывал в церкви во всех своих орденах и во всём блеске. После общего молебна служил еще свой особенный молебен о здравии Царского дома, с коленопреклонением; сзывал гостей на обед, а иногда и на бал.

После обеда Суворов опять умывался, выпивал стакан английского пива с натертой лимонной коркой и с сахаром и ложился спать часа на три; но когда случалось дело, отдых его сокращался.

Ложился отдыхать, совершенно раздевшись. Постелею ему служило сено, укладенное так высоко, как парадная кровать. Над сеном постилалась толстая парусинная простыня, на нее тонкая полотняная, в головах две его пуховые подушки, которые везде за ним возились. Третья полотняная простыня служила ему вместо одеяла. В холодное время он еще сверх того накрывался синим плащом.

Встав после обеда, одевался с такою же скоростию, как поутру.

Одежда его, кроме белья, состояла из канифасового платья с гульфиками. Садясь на стул, он надевал наколенники и китель (белый канифасный камзол с рукавами). Это был его домашний, комнатный наряд. В заключение надевал на шею Александровский или Аннинский орден; но при выезде он всегда был в мундире, надевал все кресты, а в торжественные дни — все ленты и звезды.

Зимою ни в какую стужу он не носил на себе не только мехового платья, но даже теплых фуфаек и перчаток, хотя бы целый день должен был стоять на морозе в одном мундире. В самые жесточайшие морозы под Очаковом Суворов на разводах был в одном супервесте (суконной безрукавке. — В. Л.), с каской на голове, а в торжественные дни в мундире и в шляпе, но всегда без перчаток. Плаща и сертука не надевал и в самый дождь. <...>

Зимою он любил, чтоб в комнатах его было так тепло, как в бане; большую часть дня он расхаживал по комнате без всякого платья. Летние квартиры, в Херсоне, в Варшаве и где бы ни случилось, выбирал всегда с садом, и всякий день перед обедом, а иногда и после обеда, бегал целый час кругом сада по дорожкам, без отдыха, в одном нижнем платье и в сапогах; а возвратясь в спальню, ложился в постелю.

Квартира его состояла по большей части из трех комнат. Первая комната была его спальня и вместе с тем кабинет. Вторая шла за столовую, гостиную, зал. Третья назначалась для его прислужников.

От 12 часов до рассвета в спальне его всегда горели две восковые свечи, лучшего воска. В камердинерской комнате возле спальни горела одна сальная в тазу, во всю ночь.

В баню Суворов ходил раза три и четыре в год и выдерживал ужасный жар на полке, после чего на него выливали ведер десять холодной воды и всегда по два ведра вдруг.

При нем находилось не более четырех приближенных служителей. Старший из них, камердинер Прохор Дубасов, столько известный под именем Прошки, испытанный в усердии и верности. Во уважение заслуг его господину он в день открытия памятника Суворову на Царицыном лугу Всемилостивейше пожалован был в классный чин с пенсиею по 120 рублей в год и умер в 1823 году восьмидесяти лет. Подкамердинер сержант Сергеев, который вел сии записки, был при Суворове с 1784 года и поступил из Козловского мушкатерского полка, а впоследствии находился при сыне героя, Аркадии Александровиче, до самой кончины его, постигшей сына в той же реке, которая доставила отцу славное имя Рымникского. Третий подкамердинер сержант Илья Сидоров, четвертый фельдшер. Все четверо, они спали рядом возле спальни Суворова.

Суворов часто спал навзничь и от того подвергался приливу крови, кричал во сне, а в таком случае было его приказание тотчас будить его для предупреждения вредных последствий. Однажды спросил он Сергеева, пришедшего будить его в полночь: "Кричал я?" — "Кричали, Ваше Сиятельство", — отвечал Сергеев. "Для чего ж ты не разбудил меня тогда?" — "Был еще десятый час", — сказал Сергеев. "Позови ко мне Тищенку". А Тищенко был малороссиянин, адъютант Суворова, человек неграмотный, употреблявшийся для расправы.

Суворов не держал при себе никаких животных, но, увидев на дворе собаку или кошку, любил по-своему приласкать их; встретив собаку, кричал: "гам, гам", а увидя кошку: "мяу, мяу", подражая их голосу.

Он не терпел своих портретов, и только одна Императрица убедила его по взятии Варшавы согласиться, чтобы с него списали портрет и сделали бюст. В доме его не было зеркал, и если на отведенной ему квартире оставались зеркала, то закрывались простынями. "Помилуй Бог, — говорил он, — я не хочу видеть другого Суворова".

Также он не любил и никогда не имел ни при себе, ни в комнате своей ни стенных, ни столовых, ни карманных часов, говоря, что солдату и без часов должно знать время.

Зимою и летом он носил нитяные чулки. Докторов не только не любил, но даже, когда офицеры или солдаты просились в больницу, то говорил им: "В богадельню эту не ходите. Первый день будет тебе постеля мягкая и кушанье хорошее, а на третий день тут и гроб! Доктора тебя уморят. А лучше, если нездоров, выпей чарочку винца с перечком, побегай, попрыгай, поваляйся и здоров будешь!"

Во время Польской и Турецкой войны, в походе, особенно при больших, утомительных переходах, по привале, для роздыха в полдень или ввечеру Суворов, слезши с лошади, бросался на траву и, валяясь несколько минут на траве, держал ноги кверху, приговаривая: "Это хорошо, чтобы кровь стекла!" То же приказывал делать и солдатам.

Табаку никогда не курил, но днем любил нюхать рульной табак и очень часто. В будничные дни держал золотую табакерку, а в праздник осыпанную бриллиантами, с портретом Императрицы Екатерины II или с вензелями Иосифа Второго и других Европейских Государей, даривших его табакерками, и менял их почти ежедневно; но не любил, чтобы нюхали из его табакерки. Исключение было только для Князя Григория Семеновича Волконского, с которым он был в дружбе.

Суворов очень любил мазаться помадою и прыскаться духами, особенно оделаваном (лавандовой водой. — В. Л.), которым смачивал всякий день узелок платка своего.

Во всю жизнь Суворова при нем не было женщин в прислужницах».

Казалось, великому полководцу оставалось доживать свой век. Александр Васильевич всерьез подумывал об уходе в монастырь. Он даже просил у императора позволения «отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу»: «Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный Государь». И вдруг в Кончанское прискакал фельдъегерь с рескриптом императора от 4 февраля:

«Сейчас получил Я, Граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского Двора, чтоб Вы предводительствовали армиями Его в Италии, куда и Мои корпус [а] Розенберга и Германа идут.

И так по сему и при теперешних Европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить Вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезду в Вену».

Ближайший сотрудник Павла I Ф.В. Ростопчин вспоминал: «Венский кабинет в 1799 году по смерти Принца Оранского, назначенного главнокомандующим в Италию, затрудняясь на его место выбором и преодолев самолюбие, решился у Государя Императора Павла требовать живущего в деревне и в отставке Фельдмаршала Суворова. И как время не терпело, то и прислан был от Римского Императора нарочный гонец. Прочитав письмо два раза, Император Павел изволил мне сказать: "Вот русские — на всё пригождаются, радуйся". И, взяв перо, написал к Фельдмаршалу Суворову следующее: "Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться: виноватого Бог простит. Римский Император требует Вас в начальники своей армии и поручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше — спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у Меня удовольствия Вас видеть"». Возможно, граф ради красного словца выдумал это второе, личное письмо государя, хотя не исключено, что оно существовало — Павел был не чужд рыцарских порывов. Но, поручая Суворову значительные силы, император по-прежнему не доверял ему и не понимал лучшего полководца России.

Фельдмаршал еще не выехал из Кончанского, как другой фельдъегерь поскакал с рескриптом к генералу Герману. Тому поручалось: «Иметь наблюдение за его, Суворова, предприятиями, которые могли бы повести ко вреду войск и общего дела, когда будет он слишком увлекаться своим воображением, заставляющим его иногда забывать всё на свете. Итак, хотя он по своей старости уже и не годится в Телемаки, тем не менее однако же Вы будете Ментором , коего советы и мнения должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами».

Генерал-лейтенант Иван Иванович Герман, старый знакомый Суворова еще по Астрахани и Финляндии, был известным специалистом по военной топографии. Нечаянную славу ему принесла победа в 1790 году на Кубани над армией Батал-паши, когда после скоропостижной смерти командующего Кубанским корпусом де Бальмена Герман как старший генерал принял командование. Победу добыли его подчиненные — заслуженные боевые генералы и офицеры; Герман же отправил реляцию и получил Георгия 2-й степени.

Герман не постыдился принять на себя уготованную ему роль. Угождая императору, он высокомерно отозвался о Суворове, в котором видел только «старые лета, блеск побед и счастие, постоянно сопровождавшее все его предприятия».

Но генерал-лейтенанту не пришлось руководить маршалом — он был назначен командовать войсками в Голландию. Да и Суворов, исповедовавший принцип «вся власть командующему», никому не позволил бы вмешиваться в свои распоряжения. История зло посмеялась над самонадеянным выскочкой — в первом же большом сражении при Бергене 8 сентября 1799 года русско-английские войска потерпели полное поражение: потери англичан составили тысячу человек, русских — три тысячи. Узнав, что Герман со всем своим штабом был взят в плен, император в гневе приказал вычеркнуть его из списков генералитета.

Не доверяло Суворову и австрийское руководство. Глава кабинета и гофкригсрата Тугут (известный дипломат и отнюдь не военный человек) даже предполагал поручить пост главнокомандующего союзных войск в Италии совершенно неискушенному в военном деле юному эрцгерцогу Иосифу, брату императора. В таком случае роль Ментора должен был играть уже Суворов. При всём том австрийцы видели свое спасение только в военной помощи России. Но вмешались главные устроители коалиции — практичные англичане, которые, по справедливому замечанию А.Ф. Петрушевского, «никогда не продавали дешево услуг своей страны». Они высказались за Суворова. Недаром в письме в Лондон графу Воронцову Александр Васильевич счел своим долгом выразить признательность Георгу III за «благоволение… в избрании моем на предлежащий мне подвиг».

Полководцу шел 69-й год, но он без колебаний принял на себя ответственность за судьбы Европы.

В России и во времена Павла I оставались люди, способные смело и с пониманием дела оценивать политические и военные события и действующих лиц. «В ту минуту, когда вся Европа устремила свой взор на Фельдмаршала Суворова, — говорилось в издававшемся в Москве «Политическом журнале» (1799. № 2), — нам кажется, что не неприятно будет для наших читателей прочесть следующую выписку, представляющую характеристическое изображение, зделанное одним большим чиновником, служившим под командою сего героя». Узнать имя автора письма не удалось, но это не так уж важно. Гораздо важнее то, что опубликованная в журнале характеристика Суворова показывает истинное отношение к нему русского общества:

«Суворов обширен в своих замыслах, скор в своих предприятиях, неутомим в исполнении, не достигая своего успокоения, как только пробившись сквозь неприятельские полки. Таков сей знаменитый человек, никогда не отступавший ни на один шаг и сотворенный по образцу Цезарей и Александров, почитавшемуся столь давно разрушенным.

Непрестанно занимается славою, которая есть его стихия. Посвящает он время трудам, которое люди употребляют на отдохновение. Уснуть несколько часов на сене, в простой палатке во всякое почти время года есть единственная дань, отдаваемая им натуре.

Скромен и прост в своей приватной жизни и довольствуется холстинным платьем.

Непрестанно находясь в действии, дух его не может дать ему покою. И он никогда не ходит просто, а бегает. Он не так низко думает о военной науке, чтоб заниматься мелочьми; он смотрит единственно на то, что велико, оставляя другим щитать пуговицы на камзоле.

Обожаемый своими солдатами, при всяком параде бывает он посреди их, как отец, и беседует с ними о причинах, доставивших победу, и об ошибках, которые они могли сделать.

Добрая, благородная его душа особенную имеет привязанность к малым детям. И тот самый человек, который в день сражения подобится Перуну раздраженного божества, при слабом и нещастном имеет всю чувствительность нежнейшего сердца».

Автор подчеркивает набожность Суворова и его нетерпимость к врагам православия, мечтавшим подчинить своей власти всю Европу:

«В Варшаве низложил он сию философскую мечту в ту минуту, когда Север был близок пасть под ея бременем.

Наконец, нельзя лучше показать черты характера героя сего Великого человека, как представя его письмо, которое он писал к Ея Величеству по взятии Измаила, стоившего туркам 30 000 человек».

И опять приведены звучащие уже рефреном стихотворные строки «Слава Богу, / Слава Вам», правда, относя их к другой славной победе Суворова:

Измаил взятИ я там, —

с прибавлением:

«Кажется, как будто читаешь послание Спартанского генерала.

В письме, присовокупленном к изображению, мною сообщенному, сказано: "Сей Фельдмаршал Суворов есть один из великих людей сего века. Он никогда не был побежден. Небольшой беленький камзольчик есть вся его оборона от самых больших морозов. У него нет конюшни, и на первой гусарской лошади, которая ему попадется, он едет на сражение. Встает всегда в час по полуночи. Обедает в восемь часов утра, живет, как солдат, и выиграл двадцать баталий. Он ненавидит революцию!"

Подлинно, есть нечто древнее в сем генерале, который заслуживает быть между героями, описанными Плутархом…»

Даже допущенная ошибка (как мы помним, полководец посвятил стихотворные строки взятию Туртукая) не портит общей картины: Суворов уже давно был живой легендой.

Ростопчин, пересылавший Александру Васильевичу указ о его отставке и осуждавший полководца за неуместные выходки, вдруг сделался (и оставался до самой кончины генералиссимуса) его восторженным почитателем и поведал о том, как, прощаясь с Суворовым, Павел Петрович сказал: «Воюй, как умеешь!»

И старый «екатерининский орел» показал, как надо воевать против лучших европейских войск того времени.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОХОД

К концу 1798 года французы захватили в Нидерландах Бельгийские провинции и Голландию, земли германских государств и Швейцарии, большую часть итальянских государств, восточное побережье Адриатики, Мальту, Египет. Армия генерала Наполеона Бонапарта двинулась в Сирию. Молодой покоритель Италии и Египта грезил повторением походов Александра Македонского, мечтал дойти до Индии.

В Европе царили ужас и смятение. Неаполитанский король спасался на Сицилии, прикрытой английским флотом. Сардинский король бежал из Турина на Сардинию. Римский папа, покинувший Ватикан, молил о помощи. Австрия страшилась нового натиска Франции — в недавно закончившейся войне Вена уже оказывалась под угрозой захвата противником. Англичане, удержав господство на морях (Нельсон разгромил французский флот, доставивший армию Бонапарта в Египет), сколотили новую коалицию против Франции, так неожиданно и с такой страшной мощью возродившейся из хаоса революции. Павел I великодушно согласился «спасти Европу». На запад были двинуты крупные сухопутные и морские силы.

По пути в Вену Суворов посетил в курляндской Митаве проживавшего там с разрешения российского императора брата казненного французского короля графа де Лилля, будущего Людовика XVIII. Тот оставил воспоминания о встрече с русским фельдмаршалом, очень показательные с точки зрения отношения Европы к России:

«Этот полудикий герой соединял в себе с весьма невзрачной наружностью такие причуды, которые можно было бы счесть за выходки помешательства, если б они не исходили из расчетов ума тонкого и дальновидного. То был человек маленького роста, тощий, тщедушный, дурно сложенный, с обезьяньею физиономией, с живыми, лукавыми глазками и ухватками до того странными и уморительно забавными, что нельзя было видеть его без смеха или сожаления.

Но под этой оригинальною оболочкой таились дарования великого военного гения. Суворов умел заставить солдат боготворить себя и бояться. Он был меч России, бич турок и поляков. Жестокий порывами, бесстрашный по натуре, он мог невозмутимо спокойно видеть потоки крови, пожарища разгромленных городов, запустение истребленных нив. Это была копия Аттилы с его суеверием, верою в колдовство, в предвещания, в таинственное влияние светил. Словом, Суворов имел в себе все слабости народа и высокие качества героев.

Предоставившись почтить меня своим приветствием, он явился в довольно простой одежде, хотя весь в орденах, с расстегнутой грудью и без парика. А между тем этот наряд слыл у него самым парадным, в который он облекся в знак особенной передо мною вежливости. Но я мало обращал внимания на подобные мелочи и только наблюдал характер этого необыкновенного человека, который, отправляясь на борьбу с искуснейшими генералами Французской республики, дерзал говорить: "Бог в наказание за грехи мои послал Бонапарта в Египет, чтобы не дать мне славы победить его".

Как только я узнал о прибытии Суворова, то задался мыслью приобресть его приязнь и показать ему в приеме моем высокое уважение. Когда мне о нем доложили, я вышел из кабинета к нему навстречу. Суворов с своей стороны преклонился передо мною почти до земли, потом поцеловал мне руку и полу платья, по русскому обычаю… Высказав ему несколько приветственных слов относительно военных его подвигов, я промолвил, что глубоко сожалею о невозможности моей разделять с ним боевые опасности победы, в которой я совершенно уверен.

— Уповаю на то, — отвечал он, — с помощию Божией и Святого Николая Угодника.

— Господин Фельдмаршал, — сказал я, — ваша шпага есть орудие кары, которое направляет само Провидение на погибель врагам ваших государей.

— Надеюсь, Ваше Величество, сжечь немного пороха, чтоб выгнать неприятеля из Италии, и прошу вас, Государь, дозволить мне назначить свидание с вами во Франции в будущем году.

Признаться ли мне здесь, что такая уверенность в себе Суворова была для меня несколько прискорбна? В сердце моем болезненно отдавалась эта высокомерная самонадеянность, не допускавшая никакого сомнения в торжестве над французами!

Вот так-то всякое обстоятельство в моей изгнаннической жизни усугубляло ее горечь…

Однако я поостерегся обнаружить это чувство перед фельдмаршалом и снова воздал хвалы заслуженной им славе. Он поддержал разговор с ловкостью бывалого придворного и, наконец, откланялся, пробыв со мною около часа, который прошел для меня незаметно быстро. Проходя через залу моих телохранителей, он опять заговорил о близком вступлении своем во Францию, закончив возгласом: "Честь и защита верным слугам королевским и смерть якобинцам!"».

Россия в помощь изгнаннику посылает войска под командованием своего лучшего полководца, который свободно говорит с ним на его родном языке (с немцем он говорил бы по-немецки), а тот именует его «полудиким героем», суеверным поклонником колдовства, сравнивает с Аттилой, имя которого давно стало для европейцев синонимом безграничной и бессмысленной жестокости. Даже при описании внешности и манер героя, с которым политики связывали единственную надежду на успех в великом деле восстановления европейского равновесия (а заодно и на реставрацию во Франции), Людовик почти дословно повторяет антирусский памфлет Шарля Массона.

Уроженец Женевы, Массой приехал в Россию в 1786 году, сначала преподавал в кадетском корпусе, затем был взят учителем и гувернером к сыновьям вице-президента Военной коллегии графа Н.И. Салтыкова, который занимался воспитанием внуков Екатерины. Опытный в придворных интригах Салтыков решил пристроить своего человека к любимому внуку государыни, и по его рекомендации Массой стал секретарем великого князя Александра. Француз женился на баронессе Розен, обладавшей обширными связями, получил чин майора и был принят в высшем свете. Не чуждый поэзии, он написал восторженный стихотворный панегирик в честь внуков Екатерины. Неожиданно карьера Массона прервалась — новый император Павел выслал его из страны как шпиона.

Европейскую известность бывшему майору российской службы принесли не его верноподданнические стихи. В 1800 году одновременно в Амстердаме и Париже были изданы на французском языке «Секретные записки о России» без указания имени автора, которым был Массой. О скандальном успехе «Записок», неоднократно издававшихся и переводившихся, красноречиво свидетельствует тот факт, что император Наполеон, вообще-то не жаловавший русских, после Тильзитского мира запретил их продажу.

Если Массой и говорил что-то хорошее о России, Екатерине, Потемкине, Суворове, то делал это не из-за любви к истине, а с целью обличить своего гонителя. Так, он хвалил введенную Потемкиным форму русской армии как «предмет национальной гордости и пример для подражания» и писал о ропоте, вызванном решением императора Павла заменить эту простую, удобную и красивую форму прусской, при этом ссылался на авторитет «кумира русского солдата, старого оригинала фельдмаршала Суворова», который высмеял букли, пудру и косички, заплатив за свой мужественный поступок отставкой. Через несколько страниц «кумир русского солдата» без зазрения совести назван «чудовищем, которое заключает в теле обезьяны душу собаки и живодера».

Когда Людовик писал свои записки, он не мог не знать о чудовищных зверствах Бонапарта в Египте, когда на площадях Каира из отрубленных голов арабов выкладывались пирамиды. Знал он и о том, что в Палестине Бонапарт приказал расстрелять четыре тысячи пленников, сдавшихся на милость победителей, а английский адмирал Нельсон в освобожденном при решающем участии русских Неаполе, нарушив условия капитуляции, расстреливал и вешал республиканцев. Знал король и о грабеже Италии французскими оккупантами во главе с Бонапартом, вывозившими бесценные шедевры мастеров Возрождения, которые и поныне являются украшением Лувра.

Суворов не устраивал пирамид из отрубленных голов, не расстреливал пленных, не вешал сдавшихся итальянцев, не вывозил картины и другие произведения искусства из покоренной Варшавы. За его спиной осталась спасенная польская столица. Наполеон же в недалеком будущем оставит после себя разграбленную и сожженную Москву, покидая которую цивилизованные варвары по приказу своего императора будут взрывать Кремль — святыню русского народа…

Суворов ехал в Италию не так быстро, как хотел. Сказывались годы, болезни, напоминали о себе старые раны. 15 марта 1799 года он прибыл в Вену и был восторженно встречен жителями австрийской столицы: ему устраивали овации, называли спасителем Австрии. Франц II пожаловал ему чин генерал-фельдмаршала. Известно предание о том, как Александр Васильевич ответствовал императору и гофкригсрату на вопросы о предстоящей кампании:

«По нескольких днях пребывания своего в Вене приглашен был Граф Суворов от Императора в Военный Совет. Сам Император показывал ему план войны, Советом утвержденный, и требовал его мнения.

Граф, рассмотрев план, сказал Императору, что план сей не годится и что он имеет лучший. "Покажите нам, — отвечал Император, — мы охотно согласимся на предложение полководца столь искусного".

Тогда Граф подал ему бланкет (чистый лист бумаги. — В. Л.), подписанный рукою своего Государя. Император, увидя бланкет, произнес: "О! Я согласен, план ваш превосходный и я охотно оный подписываю". После сего дал Графу от себя такой же бланкет и всё распоряжение войны оставил на его волю».

К войскам, располагавшимся около итальянской Вероны, Суворов прибыл 3(14) апреля. Вот как описывает встречу полководца войсками и местными жителями уже упоминавшийся Яков Михайлович Старков, в то время унтер-офицер, а впоследствии адъютант князя П.И. Багратиона:

«Вспомогательная Австрийцам Русская армия под временным начальством Генерала от инфантерии Розенберга вступила в Италию и, собравшись при городе Вероне, остановилась лагерем…

Вдруг разнеслась весть: Суворов едет! И в русских войсках раздался гул веселый, радостный; всё ожило, засуетилось; солдаты хватались за ружья, становились во фронт, расходились, собирались в кружки. У всех сердце играло радостию и жилки трепетали; всяк рассказывал о нем анекдоты во время былых турецких и польских войн. Так длилось несколько часов.

Вдруг по шоссе пронеслись вершники в город, и в миг стены его покрылись народом. Тьма людей лезла из городских ворот; все бежали на встречу непобедимого. И вот явилась на дороге коляска, похожая на русскую кибитку. Ее окружили и почти на руках понесли в город, оглашая воздух кликами: "Да здравствует русский Император! Да здравствует Суворов!"

Суворов остановился у приготовленного для него дома, в котором наперед все зеркала были завешаны; выскочивши из повозки, он откланялся и шибко пошел по мраморной лестнице вверх. Когда Фельдмаршал скрылся, в мгновение приемная зала и комнаты наполнились русскими и австрийскими Генералами, городскими чиновниками, духовенством и знатными вельможами.

Через несколько минут из смежной комнаты вышел Суворов в мундире, поклонился всем, подошел к католическому Архиепископу и, наклонившись, принял благословение.

Выслушавши его и речь представителя города, он твердым голосом сказал: "Милосердный мой Государь Павел Петрович, Император большой русской земли, и австрийский Император Франц II прислали меня с своими войсками выгнать из Италии безбожных, сумасбродных, ветреных французов; восстановить у вас и во Франции тишину; поддержать колеблющиеся троны государей и Веру христианскую; защитить нравы и искоренить нечестивых. Прошу вас, Ваше Высокопреосвященство! Молитесь Богу за Царей-Государей, за нас и за всё христолюбивое воинство. А вы (сказал он, обращаясь к чиновникам города и знатным людям) будьте верны и Богу, и государевым законам, душою помогайте нам!"

Представление Розенбергом генералов фельдмаршал слушал с закрытыми глазами. Тем, кого не знал, говорил: "Помилуй Бог! Не слыхал!" — открывал глаза, вглядывался в лицо представлявшегося и произносил: "Познакомимся!" Когда очередь дошла до Милорадовича, Суворов припомнил, как едал у его отца сладкие пироги, а маленький Миша скакал на лошадке-палочке и лихо рубил деревянной саблей врагов. Багратиону, обняв и расцеловав, он напомнил прошлые боевые дела. И Милорадович, и Багратион, по словам мемуариста, не могли сдержать слез».

Радостный прием, оказанный русскому полководцу жителями Вероны, подтверждается документами. Князь Андрей Иванович Горчаков писал Хвостову: «Мы, слава Богу, благополучно приехали в Верону. Все встречи, которые были по дороге и в Вене, ничего против того, что здесь было!.. За милю немецкую почти вышла часть здешнего народа, который вынес знамя и с великими восклицаниями вивата поставил знамя сие на Графскую карету. И таким образом въехали мы в город, где час от часу прибавлялась толпа, умножалась и, наконец, доходило тысяч до тридцати, все кричавши: "Виват Суворов!", а потом — "Виват Франц и Суворов!"».

4 (15) апреля было обнародовано воззвание русского полководца:

«Вооружитесь, народы Италийские! Стремитесь к соединению под знамена, несомые на брань за Бога и веру, и вы победоносно восторжествуете над враждебными им сонмами… Не обременили ли вас правители Франции безмерными налогами? Не довершают ли они вашего разорения жестокостию военных поборов? Все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства, которые повергают семейства в плачевную бедность, похищают у них сынов и против воинства ваших государей, ваших возлюбленных отцов, защитников Святой веры, принуждают их сражаться…

Смотрите на восстающие уже народы, одушевляемые желанием прекратить столь долговременную кровавую брань! Смотрите на героев, от Севера для спасения вашего пришедших. Все зримые вами храбрые воины стремятся освободить Италию…

Но внимайте! Если бы кто из вас был столь вероломен, что подъял бы оружие противу Августейшего Монарха, или другим способом старался содействовать намерениям Французской республики, тот, несмотря ни на состояние, ни на род, ни на звание, расстрелян будет и всё его имение взыщется в казну.

Ваш разум, народы Италийские, служит мне уверением, что вы, убежденные в справедливости нашего дела, не навлечете на себя столь праведных наказаний; что, напротив того, самыми опытами докажете свою верность и преданность к благотворительному и многолюбящему вас Государю».

«Воззвание Суворова не осталось пустым документом, — отметил еще в 1884 году А.Ф.

Петрушевский. — Оно, как семя, пало на подготовленную почву, которую представляла из себя большая часть итальянского народа, особенно сельское население. Народные восстания сделались вскоре заурядным явлением, прямым следствием отступления французов или появления союзных войск. Последние почти повсюду были встречаемы как защитники и избавители».

Марионеточные режимы Лигурийской, Цизальпинской, Партенопейской, Римской республик, насажденные оккупантами, уже изрядно надоели итальянцам, убедившимся, как цинично и безжалостно грабят их французы.

Не случайно в 1799 году чеканились медали в честь «освободителя Италии». Также не случайно король Сардинии Карл Эммануил II возвел освободителя Пьемонта и столицы королевства Турина в сан гранд-маршала, князя и своего кузена.

В разгар успехов Суворова и освободителя Неаполя Ушакова в Петербург отправился неаполитанский дипломат маркиз Марцио Мастрилли дель Галло с секретнейшей миссией увлечь императора Павла делом объединения Италии во главе с правившей в Неаполе династией. Австрийской дипломатии удалось разрушить эти планы.

По мнению современного российского историка П.Н. Грюнберга, фактический руководитель российской внешней политики во второй половине царствования Екатерины II А.А. Безбородко, получивший от Павла титул светлейшего князя и пост канцлера, «сделал по дипломатической линии всё возможное, чтобы русская экспедиция в Средиземноморье сразу же дала значительные политические результаты». Посылая русские флот и армию в Средиземноморье, Безбородко реализовывал свою старую идею, одобренную еще Екатериной Великой, — так называемый Греческий проект, который предусматривал восстановление православных государств Восточной Европы, исчезнувших к середине XV века под натиском османов.

В задачи военной экспедиции во главе с Суворовым входило воссоздание королевств Сардинии и Пьемонта и Венецианской республики.

Восьмого апреля начался знаменитый Итальянский поход Суворова, прославивший русское оружие и вознесший его предводителя на вершину славы. Французы отступали к реке Адца, удерживая за собой несколько крепостей.

Командовать союзными войсками — задача не из легких. Большую часть суворовской армии составляли австрийцы, они же ведали снабжением. Австрийские генералы настороженно встретили чужака. Поначалу были обиды и непонимание. Суворовское требование быстроты марша даже вызвало ропот.

Но подчиненные сразу почувствовали, что во главе армии стоит мастер военного дела. «До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода, — с нескрываемым сарказмом пишет Суворов своему заместителю австрийскому генералу М.Ф. Меласу. — Переход был сделан на службе могущественному Монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как эгоист, отрешен от должности. В военных действиях следует быстро сообразить — и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тот пусть и остается назади. Италия должна быть освобождена от ига безбожников и французов: всякий честный офицер должен жертвовать собою для этой цели… Глазомер, быстрота, натиск! — этого будет довольно».

Еще по дороге из Вены в Верону Суворов продиктовал генерал-квартирмейстеру маркизу Шателеру инструкцию, в которой изложил суть своей системы неумолимого натиска и быстроты:

«Надо атаковать!!! — холодное оружие — штыки, сабли! Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека… Без отдыху вперед, пользоваться победой. Пастуший час! Атаковать, смести всё, что встретится, не дожидаясь остальных».

Это был совет вялым и нерешительным союзникам. И это был ответ противникам, французским генералам, чью тактику кабинетные стратеги презрительно именовали «варварской». Только значительно позже военные историки под влиянием побед Наполеона назовут ее «доктриной невозможного». Но точно так же горе-теоретики обрушивались на тактику Суворова, создавшего свою «доктрину невозможного» еще тогда, когда большая часть французских полководцев эпохи революционных и Наполеоновских войн делала первые шаги.

Во время похода по приказу Суворова русские инструкторы обучали союзников штыковым приемам. В его наставлениях сверкают бессмертные афоризмы: «Тяжело в ученье — легко в походе! Быстрота и натиск — душа настоящей войны. Бегущего неприятеля истребляет одно преследование. Победителю прилично великодушие. Бегущий неприятель охотно принимает пардон. Смерть или плен — всё одно. Каждый воин должен понимать свой маневр!»

Зная, как важен первый успех, главнокомандующий приказал штурмовать цитадель города Брешии, если она не сдастся добровольно. 10 апреля после нескольких часов канонады французский гарнизон, насчитывавший 1264 человека во главе с генералом Бузе, сдался. Союзникам достались 46 орудий.

15—17 апреля разгорелось ожесточенное сражение на реке Адда. Французский командующий Шерер, отведя 28-тысячную армию за широкую и глубокую реку, считал свою позицию на высоком правом берегу надежной. Но он разбросал свои силы почти на сотню верст. В первый день сражения он был отозван в Париж, армию принял талантливый генерал Моро. Узнав об этом, Суворов заявил своим подчиненным: «И здесь вижу я перст Провидения. Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть». Его уверенность передалась войскам.

У Суворова было около сорока девяти тысяч человек. Сражение начал отряд генерала Багратиона атакой на крайнем правом фланге. Противник упорно защищался и контратаковал. Бой длился весь день. 16-го утром австрийцы форсировали Адду в самом неудобном месте. Не ожидавший такого хода противник слишком поздно понял, что именно здесь наносится главный удар тремя дивизиями. Все попытки Моро контратаковать окончились неудачей. Прямой путь отступления на Милан был перерезан. 17 апреля шло преследование, окруженный со всех сторон генерал Серюрье капитулировал с тремя тысячами солдат и офицеров и восемью пушками. Противник потерял до 7500 человек, союзники — в пять раз меньше.

Суворов называл Серюрье (наряду с генералами Моро, Макдональдом, Жубером, Шампионе) «честным, но несчастным республиканцем». В отличие от них Бонапарт, Массена, Сюше и еще несколько генералов получили прозвище «разбойники».

Император Павел послал к Суворову в качестве правителя его походной канцелярии Егора Борисовича Фукса, поручив тому тайно присматривать за фельдмаршалом. Мы не знаем, как справился павловский посланец с этим поручением, но несомненно, что он подпал под неотразимое обаяние подлинно великой личности и сделался «суворовцем». Фукс оставил «зарисовки с натуры», раскрывающие характер, привычки, поступки Суворова в быту и на поле боя, передал его острые слова и глубокие мысли о войне и мире. Он первым использовал большой массив бесценных документов, относящихся к войне 1799 года, за что историки ему благодарны. Попавший в плен Серюрье, будущий маршал Франции, стал действующим лицом нескольких маленьких историй о Суворове, которые записал и опубликовал Фукс:

«Надобно чтить превратность счастия в пленном — была всегдашняя аксиома Суворова, и по поводу сего никогда не любил он принимать шпагу от попавшегося в полон, а любил возвращать. Тотчас отдал ее Генералу Серюрье в Милане с сими словами: "Кто ею владеет так, как вы, у того она неотъемлема"».

«Когда Генерал Серюрье просил пленному своему войску пощады и снисхождения, то Суворов отвечал ему: "Эта черта делает честь вашему сердцу; но вы лучше меня знаете, что народ в революции есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами. Однако победы, оружием приобретенные, оканчиваются милосердием. По взятии Варшавы прочитал я депутатам города стихи Ломоносова, отца Русской нашей поэзии:

Великодушный лев злодея низвергает,Но хищный волк его лежащего терзает".

Велел пересказать сии стихи по-французски и ушел. Серюрье воскликнул: *Quel homme!*— "Какой человек!"».

«Когда французский Генерал Серюрье, находясь несколько месяцев у Россиян в плену, был отпущен на честное слово, Суворов пригласил его к обеду, обошелся с ним очень ласково, разговаривал об военных делах и, прощаясь с ним, спросил:

— Куда вы отправитесь?

— В Париж, — отвечал Серюрье.

— Тем лучше, — сказал Суворов, — я надеюсь скоро видеться там с вами».

Отметим важное обстоятельство. Австрийский фельдмаршал-лейтенант Мелас доносил в гофкригсрат: «Я совершенно не в состоянии приобрести доверие Господина Фельдмаршала Графа Суворова. Марш слишком быстрый, совершенно без всякого военного расчета».

Вопреки настоятельным советам не утомлять войска перед боями Суворов стремительно шел вперед. Если бы он замедлил марш, Моро успел бы перегруппировать свои войска, растянутые вдоль Адды, и тогда победа потребовала бы больших усилий и больших жертв.

Первые же успехи преобразили австрийцев. Не раз битые Бонапартом и его соратниками, они были неузнаваемы. Но основная тяжесть боев легла на плечи русских.

В Петербурге, Вене, Лондоне ликовали, получая известия о победах в Италии. 17 апреля союзные войска вступили в Милан. Архиепископ Висконти выехал навстречу Суворову. «В облачении с крестом, [он] возгласил: "Sta Sol! Остановись, солнце! И солнце ста и не иде на запад", — вспоминал Фукс. — [Суворов] тотчас соскочил с лошади и бросился целовать крест; престарелый, летами согбенный архиепископ продолжал: "Я остановил тебя, спаситель алтарей наших, на пути Христианской славы твоей словом Иисуса Навина; а теперь произреку тебе: и ты придеши пред лицом Господним уготовати пути Его и дать разум спасения Его людям"». Со слезами на глазах русский полководец расцеловал святого отца. На другой день в белом австрийском фельдмаршальском мундире, расшитом золотом, со звездами, крестами и лентами, Суворов посетил миланский собор. Жители устроили ему триумфальную встречу. Толпы народа провозглашали здравицы в честь русского императора, русского полководца, русских войск.

«В соборном храме Божием архиепископ с духовными великолепно при великом собрании служили большую мессу, благодарственный молебен Всемогущему», — донес 20 апреля Суворов императору, присовокупив сведения о новых стычках с неприятелем, трофеях и пленных.

Блокируя сильные крепости, Суворов занимал город за городом. Он активно вел разведку, в которой важную роль играли вездесущие и быстрые казаки. Моро отступил на запад, в Турин. На юге находилась армия Макдональда. Пассивные действия эрцгерцога Карла, имевшего в Швейцарии большой перевес, оставляли инициативу противнику, который мог угрожать северному флангу союзной армии и даже выйти ей в тыл.

А из Вены летели инструкции: взять сильные крепости Пескиеру и Мантую, которая считалась у кабинетных теоретиков ключом к Северной Италии.

Суворов составил план дальнейших действий. «Когда Граф открыл Маркизу Шателеру свое начертание, — рассказывает осведомленный Фукс, — то сей, изумленный, воскликнул: "Когда успели Ваше Сиятельство всё сие обдумать?" Ответ: "В деревне. Здесь было бы поздно; здесь мы уже на сцене. Теперь предлагаю я только к исполнению и начинаю отсюда кампанию". — "И вас, — сказал Шателер, — называют Генералом без диспозиции"».

Двадцатого апреля Суворов послал в Вену план: препятствовать соединению Макдональда с Моро, для чего, не ожидая взятия крепостей в тылу, меньшую часть армии оставить для их осады, а с остальной продолжать наступление, перейти реки Тичино и По, разбить Макдональда и потом повернуть к Турину, к армии Моро. По взятии крепостей овладеть при содействии английского флота Генуей. Северную Италию прикрыть со стороны Швейцарии Тирольской армией Бельгарда. Армии эрцгерцога Карла направиться между Базелем и Констанцей в тыл Массена. После этого Итальянская и Тирольская армии должны были очистить Швейцарию от французов. В ответ полководец получил указания «ограничивать главные действия левым берегом По».

Старший из австрийских генералов Мелас в нарушение всех воинских правил продолжал за спиной главнокомандующего посылать доносы в Вену. «Мы движемся, не заботясь о тыле и о флангах, без предосторожностей, никогда не принимая в соображение причины и конечную цель», — писал он 6 (17) мая. Глава венского кабинета и гофкригсрата барон Тугут потребовал разъяснений у начальника штаба союзных войск маркиза И.Г. Шателера. Тот высказался 20 (31) мая с рыцарской прямотой:

«Чтобы в течение одного месяца привести армию с берегов Адидже на Тонаро и Дониа-Пастео, покорить Цизальпинскую республику и Пьемонт, надо было совершить необыкновенное и воспользоваться необычайными средствами. Всё это исполнено и приказано Господином Фельдмаршалом Графом Суворовым. Я был единственный человек в армии, который помогал обширным зачинаниям этого человека. Все те, которые его не понимали, набросились на меня и обвиняют в распространении в армии беспорядка...

Обширные планы Его Превосходительства Господина Фельдмаршала, которые я, конечно, разделяю, он применяет сообразно обстановке и местности. Эти планы кажутся сумасшедшими и баснями тем ограниченным гениям, благодаря которым мы потеряли Савойю и Италию».

Храброму и знающему военное дело Шателеру, завоевавшему доверие и уважение Суворова (тот называл его «своей военной библиотекой»), дорого обошлось это послание — он вскоре был отозван. Кроме того, его постарались дискредитировать в глазах Суворова, распуская слухи, что маркиз был агентом гофкригсрата при русском главнокомандующем.

А Суворов оставался собой — не давал противнику ни дня покоя. По взятии Милана, сообщает Фукс, некоторые австрийские генералы настаивали, что после трехдневных боев войска заслуживают хотя бы короткого отдыха. В ответ главнокомандующий отдал приказ: «Вперед!»

В этой напряженной обстановке как снег на голову свалилась новая забота — 26 апреля в армию прибыл великий князь Константин Павлович. В его свите оказался и сын Суворова Аркадий, пожалованный в генерал-адъютанты. (Как мы помним, сам Александр Васильевич так и не получил этого звания.) Павел I, думая сделать приятное Суворову, послал молодых людей с пожеланием учиться побеждать.

Историки хорошо знают, какой обузой для командующего становилось пребывание в действующей армии отпрысков коронованных особ, не занимавших никаких должностей: надлежало не только обеспечивать их безопасность, но и всеми способами не позволять им вмешиваться в дела. Суворов и здесь оказался на высоте — встретил сына Павла Петровича с подобающими почестями, уведомил войска о новой милости и доверии к ним императора.

Первого мая «граф Романов» (под этим именем Константин значился в армии) всё же позволил себе вмешаться в распоряжения генерала Андрея Григорьевича Розенберга. Великий князь упрекнул опытного и заслуженного генерала в том, что он, долго служа в Крыму, привык к спокойной жизни, а неприятеля никогда в глаза не видел, а потому не хочет атаковать замеченных за рекой французов. Розенберг, имея приказ Суворова идти к назначенному пункту, переправился через По и ввязался в сражение при Басиньяно. Успех, по замечанию А.Ф. Петрушевского, был полный, но непродолжительный. Поблизости оказался сам Моро с крупными силами. После восьмичасового упорного боя пришлось отступить. Местные жители, сначала встречавшие русских радостными криками, увидев их бедственное положение, стали стрелять по ним из окон и в довершение всего перерезали канат парома. С трудом переправа была налажена, и войскам удалось выйти из-под удара. Потери составили почти 70 офицеров (среди них один генерал), до 1200 нижних чинов и два орудия, тогда как противник потерял вдвое меньше.

Встревоженный Суворов отдает приказ Багратиону: «Розенберг, которому велено было сюда иттить, пошел сам собою на Валенцию и, переправясь при Боргофранко на Басиньяно, зашел в кут. Вчера ему было дурно, а сего дня не будет ли дурнее… Я иду отсюда с чем есть. Вы, Бога ради! сколько можно, со всем спешите… Побудите Карачая также, чтоб скорее шел».

Всё обошлось, но главнокомандующий решил навести порядок. Вызванный им адъютант великого князя граф Комаровский получил строжайший выговор. «Я сейчас велю вас и всех ваших товарищей сковать и пошлю к Императору Павлу с фельдъегерем, — вспоминал граф слова Суворова. — Как вы смели допустить Великого Князя подвергать себя такой опасности? Если бы Его Высочество, чего Боже сохрани, взят был в плен, какой бы стыд для всей армии, для всей России, какой удар для августейшего его родителя и какое торжество для республиканцев! Тогда принуждены бы мы были заключить самый постыдный мир, словом, такой, какой бы предписали нам наши неприятели».

Настала очередь и самого Константина, отличавшегося необузданным нравом и боявшегося только одного человека — своего отца, получить острастку от фельдмаршала. «Великий Князь поехал в главную квартиру, — повествует Комаровский. — Едва Его Высочество вошел к Графу Суворову, как он встретил его в передней, просил войти в свою комнату, где они заперлись. Беседа продолжалась очень долго, и Великий Князь вышел из оной очень красен». После этого Константин Павлович, которому только что исполнилось 20 лет, сделался послушным исполнителем приказаний Суворова. Ему разрешалось подавать свое мнение на военных советах и даже водить в сражения войска, правда, под опекой старого боевого товарища главнокомандующего генерала Дерфельдена. Из похода великий князь вернулся убежденным суворовцем.

15 (26) мая был взят Турин — столица Пьемонта. 17 (28) мая Суворов отправился в Туринский собор Святого Иоанна Крестителя, где хранится знаменитая Туринская плащаница. «При входе в Храм, — свидетельствует Фукс, — он встречен знатнейшим католическим духовенством, которое в угодность ему благословило его по обряду Греческой церкви».

Приближались решающие дни кампании, а Тугут усиливал давление на Суворова, требуя не переходить По и заниматься осадой крепостей. Это распыляло силы и не давало никакого стратегического выигрыша.

Ставший хозяином в Коллегии иностранных дел Ростопчин поддерживал активную переписку с Суворовым, который старался раскрыть ему пагубность распоряжений гофкригсрата. Казалось, пользовавшийся особым доверием генерал-адъютант императора, недавно возведенный в графское достоинство, понял суть трудностей, с которыми столкнулся главнокомандующий Итальянской армией. «В Италии барон Тугут недоволен тем, что Граф Суворов не берет приступом Мантуи, Тортоны, Александрии и пр., — писал он в Лондон Воронцову. — Он знает, что наши солдаты идут на приступ, как на катание с гор во время масленицы, но зачем же губить их тысячами? Война ведется с блестящим успехом в этой стране, и Вы увидите из прилагаемой реляции Графа Суворова, что французы дерутся плохо».

Но ни Ростопчин в Петербурге, ни Воронцов в Лондоне, ни Разумовский в Вене так и не сумели помочь Суворову. Они засыпали победителя поздравлениями, а ему нужна была реальная поддержка. Не желая обострять отношений с Веной, он передавал через Разумовского поклоны «почтеннейшему барону Тугуту», постоянно обращая внимание российского посла на создаваемые ему трудности: «О! естьли б здесь можно было иметь мне пиамонтскую армию от 10 до 15 тысяч и на земском содержании: она бы делала Великому Императору Римскому превеликие услуги… Вдали Вам не так видно… Далее не вхожу, исполняю Высочайшую волю».

На другой день в новом письме полководец еще более откровенен: «Unterkunff уже не здесь, но в Вене, отношениями мне вреден. Preu[ssi]sch Impertinens сокращаю ласковостью. Ich kann nicht bestimt sagen — мне наизлейший неприятель. Очень скушен дипломатический стиль обманчивою двуличностью. Спать недосуг». Далее — самое главное: если не принять его наступательную систему, Европе грозят или тридцатилетняя война, или новые унизительные уступки, подобные вырванному у Австрии «юным Бонапартом» Кампоформийскому миру 1797 года и даже хуже. Суворов внушает послу необходимость постоянно доказывать австрийскому руководству преимущества наступления (офензивы) перед обороной (дефензивой). За примерами далеко ходить не надо: в минувшей войне с турками австрийский оборонительный кордон «прорывали варвары по их воле»: «Так делал здесь (в Италии. — В. Л.) Бонапарте, так погибли Болье, Альвинци и Вурмзер. Мне повороту нет, или также погибнуть. На шее моей Тортонский и Александрийский замки… Мантуя сначала главная моя цель. Но драгоценность ее не стоила потеряния лучшего времени кампании… Пора помышлять о зюйдовой черте. Недорубленный лес опять вырастает».

Однако какая-то необъяснимая слепота напала на Тугута и гофкригсрат. Гибель пьемонтской армии Болье и двух австрийских армий, предводимых Альвинци и Вурмзером, забыты, словно их не было. Снова кордонная оборонительная стратегия, стремление взять крепости и отвлечение войск от главной задачи — разбить армии противника, одна из которых (Макдональда) идет от зюйдовой черты (с юга), другая, находящаяся поблизости (Моро), — недорубленный лес, который «опять вырастает». Но Разумовский, женатый на австрийской аристократке и прекрасно принятый в венском свете, хозяин музыкального салона, в котором появился новый гений, Бетховен, не оценил суворовских предупреждений, не высунул носа из своего «унтеркунфта».

Двадцать пятого апреля (6 мая) Суворов обратился к пьемонтским войскам, начавшим переходить на сторону наступающих союзников:

«Пьемонтские воины! Весь свет содрогается, видя, что французы, без объявления войны, низвергли короля Сардинского с престола его предков, овладели государством его, и храбрые войска пьемонтские обратили на низвержение религии и правительств европейских. Они употребили во зло свою силу, исторгнув у короля вашего повеление, чтобы заставить вас служить его же злодеям…

Воины Пьемонтские! покиньте знамена, опозоренные злодеяниями столь гнусными; присоединяйтесь к избавителям вашим, чтобы довершить великое дело возрождения Италии». П.Н. Грюнберг справедливо подчеркивает: «Здесь прямо говорится о "возрождении Италии". И слова русского полководца не расходились с делом. Набор в пьемонтские батальоны, начатый в Турине, превосходил самые смелые ожидания».

Сведения о противнике, приносимые лазутчиками, были отрывочны и противоречивы: то сообщалось о посылке к Моро крупных подкреплений из Франции, то эти подкрепления якобы направлялись в Неаполь к Макдональду, то сам Макдональд перебрасывал свою армию морем в Генуэзскую Ривьеру, чтобы соединиться с Моро. Суворов реагировал на эти слухи с большой чувствительностью, порой совершал ненужные перегруппировки войск, но ответ на действия противника приготовил мастерски. Сосредоточив главные силы под Алессандрией, полководец поддерживал боевой дух войск постоянными учениями по своей системе. К Пьяченце, навстречу Макдональду, был выдвинут австрийский корпус генерала Отта.

Затянувшаяся пауза, наконец, закончилась. «Новейшие известия, — пишет Суворов 2 июня Розенбергу. — Французы, как пчелы, и почти из всех мест роятся к Мантуе… Нам надлежит на них спешить. Где это Вас застанет, отдохнувши, сколько надлежит, поспешайте к нам на соединение. Мы скоро подымемся. Они сильны. С нами Бог! Простите мне, что Вы были затруднены по обстоятельствам». Из-за неповоротливости австрийских интендантов корпус Розенберга, подтянутый Суворовым к Алессандрии, должен был отойти к Асти. Теперь ему предстояло вернуться и догонять главные силы, устремившиеся навстречу Макдональду, который уже нанес удар при Модене австрийскому передовому отряду, отбросив его на север и захватив более тысячи пленных.

Оказавшись между двух огней, Суворов принимает смелое решение. Он устремляется с главными силами на сильнейшего противника (Макдональда), прикрывшись со стороны Моро частью австрийских войск.

Начинается знаменитый суворовский марш на Треббию. Под палящим солнцем русские войска, ободряемые личным примером своего вождя, за неполные двое суток прошли 70 верст. Этот марш-бросок противник Суворова Жан Виктор Моро впоследствии назовет «совершенством в военном искусстве».

Спешил и Мелас во главе австрийцев. Наглядный пример влияния полководца на ход боевых действий еще до своего прибытия к месту сражения: корпус Отта под Пьяченцей, атакованный Макдональдом, дрался отчаянно, зная, что к нему на помощь идет Суворов.

Сражение 6—8 июня на реке Треббии отличалось большим упорством с обеих сторон. Подходившие войска сразу бросались в бой. Атаки чередовались с отступлением. Численный перевес был то на одной, то на другой стороне. Верх одержали союзники, победила несокрушимая воля их предводителя. Французы отступили, потеряв половину армии (до шестнадцати тысяч человек), тогда как потери союзников были в два с половиной раза меньше.

Битва при Треббии стала переломным моментом кампании. Незадолго до Бородинского сражения, в котором князь Петр Иванович Багратион получил смертельную рану, он рассказывал:

«Когда усиленным маршем пришли мы к Треббии, множество солдат отстало у нас по дороге от утомления. Суворов приказал мне атаковать Макдональда немедленно.

— Позвольте отложить атаку на несколько часов, — сказал я ему вполголоса. — К нам подойдет много усталых, а теперь почти не с кем воевать: в ротах нет и по 40 человек !

— А у Макдональда нет и по 20-ти, — сказал мне Суворов на ухо. — Атакуй с Богом! Ура!»

Фельдмаршал был верен принципам, которые внушал своим войскам: быстрота и натиск. Он, несомненно, учитывал усталость войск Макдональда, совершивших пусть не такой скорый, но всё же длинный марш. Внезапность появления суворовских войск внесла в победу свою лепту.

А вот свидетельство простого русского солдата Сидора Карповича Сидорова, записанное Николаем Полевым в 1817 или 1818 году. По мнению М.А. Преснухина, ветеран скорее всего служил в Московском гренадерском полку Розенберга. Сидоров вспоминал, как 7 июня войска, утомленные маршем и вчерашним боем, были подняты довольно поздно, почему и время выступления было перенесено с семи часов утра на десять часов.

«Все мы стояли в строю, и я глаза проглядел — так хотелось видеть этого отца солдатского, и я представлял его себе еще выше нашего Багратионова. Вот и слышу, ревут "Ура!" И мы крикнули. И едет… Ах ты, Господи Боже! Из див диво: стариченцо, худенький, седенький, маленький, в синей шинели, без кавалерии, на казацкой лошади, поворачивается в седле направо, налево, а за ним генеральства гибель.

Но как он подъехал, как заговорил, так я и узнал, отчего солдаты его любят. Всё поняли мы, о чем говорил он, и так сладко и так умильно говорил он, что когда он снял шляпу, начал молиться Николаю-Чудотворцу, мы готовы были и плакать, и смеяться — подавай по десяти на одного! Уж не по приказу, а от души кричали мы "Ура!"».

Таким же показался Суворов молодому казаку, назначенному к нему ординарцем. В 1872 году ветеран (ему было не менее восьмидесяти восьми лет) вспоминал:

«Поехал я, еще и заря не занималась. Пришел я, коня привязал у ворот, а сам — во двор. Стою, дожидаюсь… Чуть стало светать, гляжу — выходит седенький старичок в куртке, в больших сапогах, без шапки. Перекрестился на восход три раза и волосы разгладил, а денщик и несет ему рюмочку. Выпил, крякнул он, да и пошел по двору. Как завидел меня, сейчас же ко мне.

— Ты, — говорит, — к кому пришел?

— К Его Сиятельству, мол, к грапу.

Вдруг как запрыгает старичок, и пошел с ножки на ножку поскакивать, знай в ладоши бьет да кричит: 'Трап, грап! Помилуй Бог, какой такой грап? Тяп да ляп, вот и вышел грап!" А сам всё подпрыгивает, подскочил ко мне, да и говорит:

— Не слухай ты их, какой там грап!

— Это Суворов…

— Да ведь он полоумный… Пускай дома сидит, а мы с тобой пойдем-ка разгуляемся. Вишь какая теплынь… Благодать!

Только уж я догадался, что это он самый и есть. Молчу, слухаю. Подвели ему коня и шапку принесли какую-то лохматую. Сел он на коня и поскакал. Я за ним.

Глядь, а в полверсте всё наше войско выстроилось: и антиллерия, и начальство. Как завидели они старика, как загудят "Ура!".

И енералы все навстречу ему повыскакивали, а он — шмыг мимо их — да и давай чесать во весь дух, всё вперед да вперед. Я за ним. Почитай, версты полторы проскакали, а тут стало место неровное — всё бугорки.

Вскочил он на горку, снял шапку, перекрестился да ладонью заслонился от солнца и давай разглядывать во все стороны. А там и крикнул меня:

— Казак, казак!

— Слухаю, мол, Ваше Сиятельство!

— Гляди-ка, — говорит, — а ведь француз-то, вот он где!

А сам показывает на ту сторону. Гляжу я — синеется что-то вдали, словно полосами, и впереди… синие, как муравьи рассыпались.

— Точно так, — говорю, — француз и есть!

— А как ты думаешь, много их там?

— Много, Ваше Сиятельство, видимо-невидимо.

— Ах, помилуй Бог, правда. Правда твоя, казачок. Гляди — вот там еще… Эге-ге! А вон еще… Гляди, гляди! Вишь ты, как притаились, думают, что мы с тобой их не найдем. Истинно, видимо-невидимо! Ну, а как ты думаешь: ведь мы их всё-таки побьем?

— Точно так, Ваше Сиятельство, беспременно побьем. В пух и дребезги разобьем!

А сам соскочил с горки, да и погнал во весь дух прямо к нашему войску. Подскакал к ним, шапкою махает да кричит: "Братцы, казак сказал, что мы француза победим. Вон вы его хоть самого спросите. Говорит, в пух и дребезги разобьем! Поздравляю с победою, царские слуги. Чудо-богатыри, идем на них!"

Господи, что тут с войсками-то поделалось. Словно все взбеленились. Как загудят: "Ура! Разобьем, отец Ляксандро Васильевич. Веди нас, справимся, не впервые с ним схватываться!"

На что уж господа, и те всполошились, саблями махают да "ура!" кричат. Суворов остановился, слышу меня кличет:

— Казак!

— Слухаю, мол, Ваше Сиятельство!

— А ну как француз-то отгрызётся?

— Нет, Ваше Сиятельство, зубы поломает.

— Ох, правда, правда… Да чего же мы стоим-то? С Богом… Со Христом, братцы, вперед. Идем на них! Помилуй, Господи!

Вскакнул он на середку к самым знаменам, махнул рукой. Ну, и пошли, и пошли! С музыкою, с песнями, словно на пир. Только француз-то не оробел: хоть бы на шаг попятился. Куда тебе, еще нам же навстречу полез. Это надо правду говорить — молодцы драться и они-то!

Ну и схватились. Владычица Пресвятая, что тут сотворилось! (Старик перекрестился.) Молод тогда я был, боя-то еще не видывал. Ну, нечего греха таить — жутко мне пришлось. Да с Суворовым труса праздновать было нельзя… Насмотрелся тогда я на него. Вот богатырь-то он был так богатырь! Ни минутки-то он на месте не постоит. Где самая резня, самый ад кромешный, тут и он! Борскает по полю, командует, кричит, подбодряет. А француз-то всё валит вперед. Повидали мы их! Поджарые, черномазые, страшилищные такие. Накренят башку на ружье, насупятся, штыки вставят да и прут, как волы!

Я и страх позабыл, только бы от Суворова не отстать. Пыль, дым… Того и гляди зазеваешься. Да, спасибо, маштак-то у меня был лихой, выносливый. Суворов поскачет, и я у него за хвостом, смотрю во все очи — еще, оборони Бог, как бы не поранили его либо что!

А тут он опять как вытянет коня нагайкою и погнал на фла-нок. Француз там больно напирал, а ребятушки наши маленько приостановились и призадумались, а француз навалил да и тоже встал, как вкопанный. Стоят да ругаются. Господа и наши, и ихние из себя выходят, сами первые бросаются, да нет… Солдаты-то уставились — ни взад, ни вперед!

Наконец, вышел у них из рядов простой солдат, такой почтенный седак, махнул ружьем да как гаркнет: "Алон! Марше-е-е!"

Французы тронулись, наши заколыхались и назад, а Суворов тут как тут: "Детки, что стали? Чего на них смотреть? Вперед! Ура! Что закручинились? Бей, коли их!" А больше я не слыхал».

Когда казак очнулся, то увидел своего убитого коня. По грудам мертвых тел он сумел добраться до своих и немедленно явился к Суворову, праздновавшему со всей армией победу.

Рассказ ветерана напоминает былину про русских богатырей. Язык воспоминаний Якова Михайловича Старкова более литературный, но и у него в повествовании об одном из самых горячих эпизодов битвы звучат те же былинные мотивы:

«Уже был второй день сражения при Треббии и Тидоне с Макдональдом. Французы сосредоточили все свои силы и напор против русских. Битва была насмерть. И вот в часу одиннадцатом утра Макдональд составил колонну тысяч из пяти человек. Под прикрытием сильной, адской пальбы своих батарей она перешла реку Треббию и, опрокидывая все преграды, прямо ударила в середину нашей линии и прорвала наш фронт!

Наши невольно пятились назад, а безбожники гордо, пышно шли вперед с игрою музыки, с боем барабанным и с громким криком: "Вив республик! Вив либерте-эгалите! Вив! Вив! Авант!"

Передний фронт этой колонны, рассыпанные по бокам его цепь стрелков и пушки сеяли смерть в рядах наших. Казалось, они уже торжествовали победу над нами. Но у отца Русских былых сил, у батюшки Александра Васильевича выиграть победу было трудно — невозможно! Александр Васильевич в то время был на левом крыле сражавшейся линии — направлял в бой австрийцев.

Лишь узнал он о движении этой колонны, шибко полетел и явился к отступающим. И в середине их и между ими носясь, повелевал громко: "Заманивайте!.. Шибче!.. Шибче заманивайте!.. Бегом!.."

И сам был в виду впереди отступающих. Так было шагов полтораста. Наши, увидев отца Александра Васильевича, ободрились и при отступе, как львы, клали наупокои налетов Французских.

"Стой!" — крикнул Александр Васильевич, и линия отступавших в минуту остановилась. И в это мгновение скрытая наша батарея брызнула французам в лицо ядрами и картечью. Ошеломленные, они колебались, остановились. Ядра, гранаты и картечь, бегло пускаемые нашею сильною батареею, пронизывали их насквозь.

"Вперед!.. Ступай, ступай!.. В штыки!.. Ура!" — крикнул Александр Васильевич, и все наши кинулись вперед, и он, отец наш, был впереди всех. Из запасу принеслись казаки и три баталиона гренадер и егерей русских. Французы были смяты, колоты штыками и копьями без милости. Кучи тел их навалены, и едва ли и половина этой грозной колонны спаслась бегством».

Еще одно свидетельство очевидца оставил человек сугубо штатский. Егор Борисович Фукс обликом (полным кругловатым лицом, очками) напоминает Пьера Безухова из гениальной эпопеи Льва Николаевича Толстого.

«Под Треббиею был я очевидцем, что на разных пунктах, где только начнут расстраиваться войска, его одно присутствие тотчас восстановляло порядок.

Я стоял с Вилимом Христофоровичем Дерфельденом на возвышенном месте и удивлялся сим явлениям.

"Они для вас новы, — сказал мне почтеннейший генерал Дерфельден, — а я насмотрелся в течение 35 лет, как служу с этим непонятным чудаком. Это какой-то священный талисман, который довольно развозить и показать только, чтобы одерживать победы. Он меня несколько раз в жизнь мою стыдил: часто диспозиция его казалась мне сумбуром, но следствия доказывали противное.

Справедливо сказала, — продолжал он, — Екатерина: "Я посылаю в Польшу две армии — одну армию, а другую — Суворова".

Едва кончил он разговор, как неприятель уже обращен в бегство. Дерфельден поскакал и крикнул мне: "Вы видите, что я не лгу?"».

Спустимся с генеральских высот и закончим рассказ о сражении на Треббии словами того простого казака, которому судьба подарила счастье быть в победный день битвы ординарцем самого Суворова.

Контуженный молодой казак, придя в себя и взяв одну из лошадей, во множестве носившихся без седоков по полю сражения, стал искать главнокомандующего:

«А дядька еще надсмехался надо мной: "Вона кого вздумал искать! Да вон он, Суворов-то, где. Нешто не видишь?"

Гляжу, а неподалечку всё начальство собралось, и палатки раскинули. Поехал я. Да как тут до него доберешься? Всё начальство, как есть: и наши, и австрийские енералы. Словом, все господа собрались. Где же тут сунуться! Ан, на мое счастье, денщик Суворова встренулся. Узнал меня. Спасибо ему.

— Ну вот, — говорит, — слава Богу, и ты объявился. А он про тебя испрашивал, корпусному самому велел тебя разыскивать. Постой туточки, я пойду доложу.

— Да на что же, — говорю, — сделайте милость, не беспокойтесь. Опосля явлюсь, а то, може, Его Сиятельство прогневается.

— Какой, — говорит, — прогневается! Нетто ты не знаешь его, непоседу? Коли не доложу, пожалуй, еще заругает.

Пошел он это, да скоренько и воротился.

— Иди, мол, кличет тебя!

Пошел я промеж господ-то, гляжу, Суворов лежит на траве и пот полотенцем утирает. А позади енералы и наш атаман стоит во всей броне. А подле Суворова — енерал со звездой стоит, плечистый, хмурый. Да видный такой. Сказывали — сам князь. (Вероятно, великий князь Константин Павлович или князь Петр Иванович Багратион. — В. Л.)

Как завидел меня Суворов, привстал, сел и говорит:

— А-а-а! Вот и казачок мой сыскался. Ну-ка, говори, как ты француза бил?

— Бил я его своими боками, Ваше Сиятельство, маленько он меня зацепил, да Бог спас: жив, здоров остаюсь!

— Ох-хо-хо. Помилуй Бог — вот напасть! Ну, а к лекарю ты ходил, небось?

— Какой там лекарь, Ваше Сиятельство! Водочкою с солью примочу, да вот те всё лечение!

Суворов как вскочит и давай подпрыгивать да похваливать:

— Вот, господа, то ли не богатырь? Не слабится, не бабится… Вот оттого он и француза победил… А что, казачок, чин-то какой на тебе? Не знаю, как и величать.

— Какой там на мне чин, Ваше Сиятельство, простой казак да и только. Молоденек еще я чины-то получать!

Все господа рассмеялись, да и сам я, признаться, осмелился — тоже рассмеялся: какие там чины, и на казака не похож — весь в крови, в грязи. Да еще и сапог правый где-то затерял; стременем, что ли, его стащило. Я думать про него забыл. Слава Христу, что еще жив остался. А тут гляжу — на одну ногу босой, при всех-то господах. Тьфу ты, пропасть. Оборванец, как есть! Князь показал на меня австрийскому командеру, а господа и пуще давай смеяться.

Только Суворов не смеялся — глядит да головою покачивает. "Эх, ма! Пообносились мы с тобой. Совсем нас француз ободрал! Ну, да зато великую службу мы Царю сослужили, а Царь нам с тобой за то пожаловал по кафтанчику да по исподничкам, да по паре сапожков, да по шапке, да по кушаку… Вон спроси хоть у самого атамана!"

Суворов подошел, поклонился нашему-то атаману и говорит: "Ваше Превосходительство, когда вы царскую милость нам с казачком объявить изволите? Ведь уж верою, правдою служили, крови своей не жалели!"

Низенько поклонился наш атаман Суворову: "Всё, мол, готово, Ваше Сиятельство, имею честь поздравить. Всё сегодня явится и сегодня же по войску объявится".

Я обрадовался, кричу: "Покорнейше благодарю, Ваше Сиятельство!"

Закрутился опять, запрыгал Суворов, подскочил ко мне, по плечу похлопывает да приговаривает: "Ой, хорошо! Ой, помилуй Бог, прекрасно! Защеголяем мы с тобой. Царская милость, шутка сказать! Небось пора и угощенье справлять. Эй, Прошка!"

Денщик как из земли вырос, а Суворов возьми да и обругай его ни за што, ни про што: "Что ты, пьяная рожа, стоишь да спишь? Нешто не видишь, что казачок объявился? Ведь он с французом бился, с коня свалился да еще сам излечился! Ты пьяница! Ничего-то ты не знаешь! Чай, це слыхал, что вон господин атаман сказать изволил. Ведь нас с казачком Государь пожаловал, а ты на такую-то радость, да и не подносишь! Иди живей — одному принеси, а другому припаси!"

Только денщик-то Суворова не боялся. Куда тебе! Он ему еще, с позволения сказать, нагрубеянил. Вот вы не поверите, а ведь хошь бы и тут — ворчать на Суворова стал: "Чего пьяница? Я сам поднесу. Отчего не поднести хорошему человеку? А вы не лайтесь при всех-то господах".

Потом подошел он ко мне, взял под руку и говорит: "Пойдем, казачок, пускай он тут кочевряжится, а мы, в самом деле, выпьем. Дело хорошее".

Суворов стал его ругать, а князь опять рассмеялся, и все господа развеселились. А денщик повел меня в палатку, напоил, накормил, спасибо ему! Сам атаман приходил меня поздравлять и чарку выпил, похвалил. Обещал родителям моим отписать. Награду вскорости я сполна получил. Суворов из своих рук два червонца пожаловал: "Как приедешь, мол, домой — в землю посади… Урожай будет!"

Так вот как я помню Суворова… Если нескладно рассказал, простите, а если чего недосказал, не обессудьте старика: память у меня нынче больно плоха стала.

А великий он был воин, этот самый Суворов! Теперь уж, чай, и не найдешь ему богатыря под стать. Так-то!»

Победа на Треббии произвела ошеломляющее впечатление и на врагов, и на союзников, и на русское общество.

Во Франции власть шаталась. Только что произошел переворот, изменивший состав Директории, а тут было получено известие о разгроме на Треббии. Обвиняемые в поражении генералы были вызваны в Париж. Макдональд, ставший впоследствии маршалом Франции, признавался в доверительных беседах с российскими дипломатами: «Хотя император Наполеон не дозволяет себе порицать кампанию Суворова в Италии, но он не любит говорить о ней. Я был очень молод во время сражения при Треббии. Эта неудача могла бы иметь пагубное влияние на мою карьеру. Меня спасло лишь то, что победителем моим был Суворов».

Режим Директории лихорадочно искал чрезвычайные способы для спасения Франции от близкой опасности вторжения. А в России ликовали. В храмах служили благодарственные молебны. Император Павел без изъятий утвердил представленный Суворовым список отличившихся. Сверх того была выслана тысяча знаков отличия для раздачи по усмотрению главнокомандующего. Всем полкам корпуса Розенберга было пожаловано право выступать на парадах и смотрах не под обычный армейский, а под гренадерский марш. Нижние чины получили по рублю на человека. Самому Суворову Павел пожаловал свой украшенный бриллиантами портрет для ношения на груди. «Да изъявит всем и каждому признательность Государя к великим делам своего подданного, им же прославляется царствование Наше!» — говорилось в рескрипте.

Награды получили не только участники битвы, но даже сидевший в Вене граф Разумовский, доносивший государю о восторге, с каким австрийцы встретили весть о победе. Правда, он же осторожно упомянул о скупости императора Франца, ничем не наградившего Суворова. Граф Воронцов из Лондона также доносил о ликовании англичан. Не без изумления писал он Суворову:

«Здесь, где никогда не палят из пушек, как токмо тогда, когда собственные их флоты либо войска одерживают над неприятелем победу, при сем случае, против обычаю, по приказу Короля палили из пушек с крепости Тауэр и в королевском парке…

Сегодня, распуская Парламент, в публичной перед Парламентом говоренной речи Король также не пропустил изъявить свою признательность к Государю Императору и отдать справедливость отличным Вашим талантам и подвигам. Сие также учинено против здешних обыкновений и единственно от восхищения о сей победе, ибо здесь, в Парламенте, Король никогда не говорит об иностранных полководцах».

В другом письме, особо подчеркнув, что Джон Буль (собирательный образ типичного англичанина, символ общественного мнения) «льстить не знает даже и противу собственного своего Короля», Воронцов сообщил фельдмаршалу: «Если есть причина, [он] открыто изъявляет свое неудовольствие, а если кого хвалит и прославляет, то верить можно, что без лести, без обиняков, а от искреннего сердца и от истинного уважения. Во всей Англии за всеми столами после здравия Королевского следует здравие Вашего Сиятельства».

Суворова называли спасителем Европы. Нарасхват шла биография полководца, написанная Антингом. Она была переведена на английский, итальянский и французский языки.

Огромным спросом пользовались портреты «великого московита». Все хотели видеть Суворова. Дело доходило до курьезов: ловкие дельцы пустили в продажу портрет первого президента Североамериканских Соединенных Штатов Джорджа Вашингтона, уверяя покупателей, что это «сам Суворов».

На другой гравюре, напечатанной в Лондоне 10 июня 1799 года, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий Итальянской армией был изображен в виде сурового воина могучего сложения, с большими усами, одетым в отороченный мехом доломан, напоминающий гусарский, на голове кивер с перьями и кистью. Правая рука опиралась на тяжелую саблю.

Еще раньше (23 мая) появилась карикатура, исполненная неким Жильраем: опять гигант в том же наряде и с той же саблей, но без головного убора, а на крупной лысой голове над лицом с густыми бровями, огромными усищами и свирепо вытаращенными глазами виден большой шрам. Публикуя эту гравюру, известный дореволюционный исследователь суворовской иконографии С. Козлов отметил, что она «имела в Англии более широкое обращение, чем какой-либо из портретов Суворова. Она дает нам понятие о том, каким по внешности понимали в Англии Суворова. В представлении англичан, несокрушимые боевые успехи Суворова не могли быть достигнуты иначе, как человеком богатырского сложения, и вот они для полноты гармонии придают ему фигуру чуть ли не Геркулеса».

Под карикатурой была помещена подпись, свидетельствовавшая о восхищении великим и непобедимым воином: «Этот замечательный человек находится теперь в расцвете жизненных сил, он ростом шесть футов и десять дюймов, он не пьет ни вина, ни водки, ест лишь раз в день и каждое утро погружается в ледяную ванну. Одежда его состоит из простой рубашки, белого жилета и таких же брюк, коротких сапог и русского плаща. Он ничего не носит на голове ни днем ни ночью; когда испытывает усталость, то заворачивается в простыню и спит на открытом воздухе. Он предводительствовал в 29 генеральных сражениях и участвовал в 75 боях».

Про эту карикатуру вспомнили через полтора века, в разгар холодной войны. В Нью-Йорке был издан объемистый словарь Who is who in the military history («Кто есть кто в военной истории»). Словарь хорошо иллюстрирован, вот только — единственный случай во всей книге — вместо настоящего портрета Суворова помещена лондонская карикатура, причем без уважительной подписи. Читателям внушалось, что именно так выглядел национальный герой России…

Двадцать пятого июня, в разгар поздравлений и славословий, Суворов подает рапорт императору: «Робость Венского кабинета, зависть ко мне как чужестранцу, интриги частных, двуличных начальников, относящихся прямо в Гофкригсрат, который до сего операциями правил, и безвластие мое в производстве сих прежде доклада на 1000 верстах — принуждают меня Вашего Императорского Величества всеподданнейше просить об отзыве моем, ежели сие не переменится. Я хочу мои кости положить в моем отечестве и молить Бога за моего Государя!»

Его стали уговаривать — более того, умолять — остаться. Ему послали подкрепления — корпус генерал-лейтенанта Ребиндера, который австрийцы требовали для себя в Швейцарию. Император Павел написал императору Францу письмо с просьбой принять меры, чтобы гофкригсрат не давал фельдмаршалу таких предписаний, которые противоречат его желаниям и планам, предупредив, что подобные действия могут привести к гибельным для обоих союзников последствиям.

Суворов остался. 4 августа в генеральном сражении при Нови он еще раз блистательно подтвердил свою репутацию лучшего полководца Европы.

«Жуберт, новокомандующий французскою армиею, состоявшею свыше 30 000, выступил из гор, распростерся частьми, оставя Гави в спине, по хребту на Нови к Саравале, — кратко донес фельдмаршал российскому императору 5 августа. — Соединенная армия его атаковала и по кровопролитном бою одержала победу… Неприятель потерял на месте и в погоне убитыми до 5000, пленено до 4000 при генералах дивизионных Груши, Периньян, раненых, и Коли с бригадным Партоно; и едва не вся их артиллерия в наших руках: 30 пушек. А Жуберт убит».

Жубер прибыл на смену Моро, прибыл прямо из Парижа, сразу после своей свадьбы. Современники высоко ценили полководческое дарование ровесника и ближайшего сподвижника Бонапарта. Сам Суворов называет его генералом, «доверенность войск имевшим и храбростию славившимся». Жубер поклялся разбить «кровожадного Аттилу» и вернуться триумфатором. Его армия, доносил Суворов, расположилась «на хребтах высоких, утесистых близлежащих гор» и имела «всевозможные выгоды оборонительной позиции», делавшей «всякое покушение на нее неприступным». Русский полководец попытался выманить неприятеля на равнину, но это удалось лишь частично. И тогда союзная армия ранним утром начала атаку правым флангом — австрийскими частями. В первой же схватке Жубер был смертельно ранен. Принявший командование Моро в течение всего жаркого дня выдерживал атаки русских войск в центре. Особенно отличился Багратион.

«Когда в центр войски его (противника. — В. Л.) были собраны, правый фланг его обессилился», — говорилось в реляции победителя. Австрийский генерал Мелас по приказу Суворова атаковал правый фланг французов, заходя им в тыл. «Неприятель был повсюду опрокинут; замешательство его в центре и на левом крыле (союзной армии. — В. Л.) было свыше всякого выражения; он выгнан был из выгоднейшей своей позиции, потерял всю свою артиллерию и обращен в бегство… Все соединенные войски… гнали его, брали в плен, разили за восемь верст и далее от Нови. Таким образом продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и, в летописях мира, по выгодному положению неприятеля, единственное. Мрак ночи покрыл позор врагов».

Потери французов составили более двадцати тысяч человек (из них до семи тысяч убитыми) — почти половину армии, тогда как русские потеряли 348 человек убитыми и более 1500 ранеными, австрийцы — 900 человек убитыми и 3200 ранеными.

Имя освободителя Италии от ига французов гремело в Европе. В ознаменование выдающихся заслуг Суворова император Павел даровал ему титул князя Италийского. В особом приказе повелевалось «в благодарность подвигов Князя Италийского Графа Суворова-Рымникского гвардии и всем Российским войскам, даже и в присутствии Государя, отдавать ему все воинские почести подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества».

Победы русского полководца могли принести Европе мир. Но успехи Суворова потрясли не только его противников. По словам одного британского дипломата, глава австрийского кабинета Тутуг «с большим страхом следил за успехами Суворова, чем за успехами своих врагов».

Габсбурги зарились на итальянские владения, а «владычице морей» не улыбалась перспектива увидеть Мальту (стратегически важную базу в Средиземном море) в руках российского императора, принявшего по просьбе мальтийских рыцарей титул Великого магистра — главы этого старинного духовно-рыцарского ордена иоаннитов (госпитальеров). Орден Святого Иоанна был основан еще в 1099 году крестоносцами в Иерусалиме. Выбитые арабами из Палестины рыцари обосновались на Кипре, затем под натиском турок на Родосе и, наконец, с 1530 года на Мальте. Орден был крупной военно-политической силой, имел отделения во многих европейских странах, славился героической борьбой против османов. В 1798 году Великий магистр ордена сдал Мальту генералу Бонапарту, направлявшемуся с десантной армией в Египет. 2 ноября российский император, снисходя к просьбам рыцарей, возложил на себя звание Великого магистра. Этими нехитрыми приемами дельцы большой европейской политики гарантировали горячее участие Павла I в антифранцузской коалиции.

Россия, лишь при Петре Великом ставшая полноправной участницей «европейского концерта», после побед Суворова оказалась в роли главной вершительницы судеб континента. К такому повороту ни Австрия, ни Англия не были готовы. Политики, еще недавно панически боявшиеся французских армий во главе с молодыми и талантливыми полководцами, решили, что опасность позади и русских надо под благовидным предлогом отодвинуть в сторону.

Суворовские планы — наступлением на Геную и Ниццу с полным изгнанием французов из Северной Италии подготовить кампанию по овладению Парижем — были грубо отвергнуты. Через голову командующего император Франц предписал своему генералу Клейнау прекратить наступление и обратить внимание на Флоренцию и Рим.

Вместо восстановления пьемонтской администрации австрийцы устанавливали оккупационный режим. Королю Карлу было запрещено возвращаться в свою столицу Турин, куда его пригласил Суворов. Вспомогательную десятитысячную пьемонтскую армию, на которую так рассчитывал Суворов, набрать не удалось. Вена разрешила сформировать только шесть батальонов под командованием австрийских офицеров, но обманутые пьемонтцы отказывались служить новым оккупантам.

Шестнадцатого августа Суворов получил от императора Франца II первый приказ о переброске русской части союзной итальянской армии в Швейцарию. В ходе переговоров в Петербурге англичанам и австрийцам удалось убедить Павла в необходимости сосредоточить все русские войска в Швейцарии и уже оттуда наступать на Францию.

Суворов пытался противостоять этому ошибочному стратегическому решению. Он указывал на бездействие австрийской армии в Швейцарии: эрцгерцог Карл, имея численное превосходство над французами, не сумел выбить их и снять постоянную угрозу Северной Италии. Полководец доказывал необходимость «покорения крепости Кони и совершенного поражения неприятеля в графстве Ницском и в Савое», чтобы обезопасить освобожденные земли Италии с северо-запада. На операцию требовалось не менее двух месяцев. Кампания 1799 года на этом заканчивалась. К этому времени швейцарские дороги становились непроходимыми для армии, следовательно, переброска русских войск из Италии делалась невозможной. На будущий год, согласно плану Суворова, война должна была закончиться наступлением на Францию с юга и востока и взятием Парижа. В ответ фельдмаршал получил ошеломляющее известие: эрцгерцог Карл спешно покидает свои позиции в Швейцарии, передавая их прибывающим русским войскам (корпус Римского-Корсакова), в помощь которому австрийцы оставляют незначительные силы.

Вывод русского полководца однозначен: «Печальные следствия для Германии и Италии, неизбежные с этой переменой, должны быть очевидны для опытного военачальника». Так говорится в его письме эрцгерцогу от 18 августа с просьбой не спешить «с исполнением хотя бы даже уже отданного повеления, выполнение которого было бы в полном противоречии с великими намерениями, а в лучшем случае может привести к замешательству, хотя бы и незначительному, в достижении общего блага». «Полагаясь совершенно на прозорливость и доброту Вашего сердца, — дипломатично писал Суворов союзнику, — остаюсь спокоен в рассуждении всякого преждевременного шага, и, больше того, надеюсь даже получить приятное известие, что Швейцария обязана восстановлением прежней свободы и своим спасением Вашим новым знаменитым победам».

Но на самом деле он не мог оставаться спокойным, видя пагубность политики австрийского кабинета. Суворов предупреждает о грозящей опасности английского представителя при союзных войсках в Швейцарии Викгама (письмо от 19 августа), старается получить от императора Павла санкцию на задержку русских войск в Италии (донесение от 20 августа). Зная о влиянии на государя Ростопчина, полководец открывает ему свои сокровенные планы успешного ведения войны: «Намерение мое было, взымая к себе от Корсакова 10 000, по кончании утвердить границу и изготовить вступление всеми силами во Францию чрез Дофине, где, верно, до Лиона нам уже яко преданы были, а ныне нечто остыли поступками Венского кабинета с Королем Сардинским».

Пригрозив отставкой, Александр Васильевич буквально вырвал у царя рескрипт Разумовскому — тому предлагалось добиться аудиенции у Франца II и объявить ему: если козни его кабинета будут продолжаться, Суворов имеет повеление собрать все русские войска в одном месте и действовать по своему усмотрению, а Россия немедленно прекратит помощь Австрии. Но посол отказался выполнить повеление государя и даже написал Суворову, что не сомневается в одобрении фельдмаршалом его действий, которые якобы предотвратили обострение отношений между союзниками.

Не лучше действовал в Лондоне Семен Романович Воронцов. При его участии англо-русские переговоры завершились секретным соглашением, по которому Россия посылала эскадру с десантным корпусом для освобождения Нидерландов — исключительно в интересах Англии, стремившейся обезопасить себя со стороны образованной в 1795 году на этой территории Батавской республики, сателлита Франции, располагавшего сильным флотом. Вместо усиления суворовских войск, действовавших на главном направлении, затевалась новая, не предусмотренная ранее операция.

Узнав об этом, австрийское руководство получило дополнительный стимул к тому, чтобы выдвинуть армию эрцгерцога Карла ближе к новому театру военных действий, рассчитывая вернуть под свою власть бельгийские провинции («австрийские Нидерланды»), захваченные Францией.

Суворов был противником десантов, обреченных, как правило, на неудачу, и советовал прибегнуть к этим вспомогательным операциям лишь тогда, когда главные силы союзников будут угрожать Парижу. Его предостережения оказались пророческими: англо-русский десант потерпел сокрушительное поражение. Но политики были уверены в успехе. Этот оптимизм внушили им победы Суворова. В самый канун выступления его армии в Швейцарский поход Воронцов, поддавшись общему настроению, продолжал упиваться победами над французами в Италии. «Какое счастье для Европы, какая слава для России, что к командованию был призван этот великий человек! — пишет он брату, графу Александру Романовичу — Вы не можете себе представить, как им восторгаются здесь. Он стал идолом нации наравне с Нельсоном. Их здоровье пьют ежедневно и во дворцах, и в трактирах, и в хижинах». Посол проглядел интриги английского руководства, бывшего едва ли не главным инициатором переброски русской армии из Италии в Швейцарию.

Не лучше своего лондонского друга действовал граф Ростопчин. Руководитель внешнеполитического ведомства России уже почувствовал тревогу, но ничего не сделал, чтобы помешать переброске суворовской армии в Альпы. «Судя по ходу дел и зная, как Государь недоволен Венским двором, я сильно опасаюсь, что в одно прекрасное утро пропадут без следа все эти успехи, эти прекрасные подвиги и радостные надежды. Через несколько лет французы, пожалуй, опять придут хозяйничать в Италию, а до того времени страна эта сделается добычею Австрийского дома, который отнимет у Итальянских Государей всё, что ему будет угодно», — сказано в письме Ростопчина Воронцову от 25 августа. Самому Суворову, снова писавшему о своей вынужденной отставке, летит утешение:

«Государь намерен спасти Европу, всё равно, от Французов или Цесарцев, а лутче сказать, от Тугута... Если бы Государь оставил теперь Союзные Державы, то Австрия принуждена себя найдет заключить сепаратный мир, на который Франция охотно согласится с тем, чтоб чрез несколько лет начать снова свои завоевания, и в то время ничто не спасет Италию и Немецкую землю от неизбежной погибели.

Но куда денутся плоды великих дел ваших: упование народов на помощь Государя нашего и дух бодрости, оживотворивший те земли, кои Вы избавили от ига Французов? Но, естьли увенчав спасительно дело сие, возстановлен будет престол Царский во Франции, тогда Европа будет спасена, и спасена бескорыстием и твердостию Российского Императора и великими делами Князя Италийского.

Оканчиваю тем, что молю Вас — останьтесь и побеждайте. Повторение просьбы Вашей итти в отставку нанесет страшные следствия для общего блага».

Суворову нужны были не прогнозы и мольбы, а реальное противостояние козням союзников, обрекавших Европу на новые войны. Вместо этого государь утешал Суворова словами, которые вскоре приобретут гротесковый смысл. «Римский Император, Мой брат, — говорилось в рескрипте Павла от 25 августа, — намерен, когда Вы, оставя Италию, перейдете командовать в Швейцарию, вознаградить Вас орденом Марии Терезии Большого креста (высшая награда, даваемая императором Священной Римской империи германской нации за исключительные заслуги на военном поприще. — В. Л.). Я о сем Вас предупреждаю заранее для предохранения, зная, что радость непомерная имеет опасные следствия!»

Добившись согласия Павла на переброску армии Суворова в Швейцарию, Тугут устами своего императора обещал подсластить горькую пилюлю. Сам Павел Петрович также получал великолепный подарок: в Петербург отправлялся эрцгерцог Иосиф, чтобы обвенчаться с великой княжной Александрой Павловной. В свиту жениха был включен член гофкригсрата князь Дитрихштейн, креатура Тугута, один из авторов плана поспешного вывода из Швейцарии австрийских войск и замены их войсками Корсакова и Суворова. Павел, гордый своей миссией спасителя Европы, готовился к брачной церемонии, фактически бросив Суворова на произвол судьбы.

«Хотя в свете ничего не боюсь, — предупреждал Воронцова Суворов, — скажу: в опасности от перевеса Массены мало пособят мои войска отсюда, и поздно… Массена не будет нас ожидать и устремится на Корсакова, потом на Конде».

Двадцать седьмого августа главнокомандующий союзной итальянской армией в прощальном приказе поблагодарил австрийских генералов, офицеров и солдат, вместе с которыми было одержано столько побед: «Желаю уверить всю армию в моем неограниченном к ней уважении, уверить, что не нахожу слов, чтобы выразить вполне, сколько я доволен ими и сколько сожалею о разлуке с таким благоустроенным и неустрашимым войском. Никогда не забуду храбрых австрийцев, которые почтили меня своею доверенностию и любовью; воинов победоносных, соделавших и меня победителем».

Суворов лично с большой сердечностью простился с австрийскими генералами, которые, как отметил в своем донесении Е. Б. Фукс, расставались с ним не без тайной боязни за будущее. Жители Пьемонта провожали русских с сожалением и печалью.

РУССКИЙ ШТЫК ПРОБИЛСЯ СКВОЗЬ АЛЬПЫ

На следующий день русская армия двинулась в поход. Но после всего лишь одного дневного перехода ей пришлось возвращаться назад. Французский гарнизон, блокированный в крепости Тортона, должен был, согласно договоренностям, сдаться утром 31 августа, если не придет выручка. Как только французы узнали об уходе русских войск, они двинулись к Тортоне. Австрийцы, оставшись одни, встревожились не на шутку. Возвращение Суворова заставило неприятеля ретироваться, и 31 августа Тортона капитулировала. В плен попали 49 штаб- и обер-офицеров и 1045 нижних чинов, было взято 62 пушки, 14 мортир, 2700 ружей, 270 пудов пороху, множество снарядов и продовольствие на два месяца. Это была последняя победа Суворова в Италии. Но два дня были потеряны.

Ускоренными маршами фельдмаршал вел свои войска в Таверно. «Я пришел сюда 4/15 числа, следовательно, сдержал мое слово, — донес он императору Францу. — Но здесь не нашел я ни одного мула и даже не имею никаких известий о том, когда прибудут они. Таким образом, поспешность нашего похода осталась бесплодною; решительные выгоды быстроты и стремительности нападения потеряны для предстоящих важных действий».

Для объединения сил с корпусами Римского-Корсакова, Готце и Линкена против армии Массена Суворов избрал трудный, но кратчайший путь через перевал Сен-Готард к Люцерну Обещанные австрийцами 1500 мулов были нужны для подъема провианта, боеприпасов и перевозки горных пушек по альпийским дорогам. Свою артиллерию и армейские обозы он отправил безопасным, но более длинным путем. Не получив мулов, армия была вынуждена использовать под вьюки запасных казачьих лошадей и только 9 сентября продолжила поход. Шесть дней было потеряно.

Суворов держал Корсакова и Готце в курсе своего продвижения, рекомендуя им действовать сообразно со складывающейся обстановкой: «Никакое препятствие не считать слишком большим, никакое сопротивление — слишком значительным. Мы должны быть убеждены в том, что только решительность и стремительный натиск могут решить дело… малейшее промедление дает противнику средства оказать сопротивление, а нам создает новые трудности, которые увеличиваются в связи с трудностями доставки провианта в этой стране без дорог».

Швейцарский поход Суворова досконально изучен историками. Подчеркнем его главные особенности. Согласно разработанному совместно с австрийцами плану корпус Римского-Корсакова и вспомогательные австрийские корпуса Готце и Линкена должны были при подходе Суворова начать наступление и совместными усилиями разгромить французскую армию генерала Массена. Самая трудная задача выпадала на долю суворовских войск. Им предстояло взять почти неприступные горные позиции противника.

Сочетая фронтальные атаки с обходами по горным кручам, войска Суворова 13 сентября штурмовали перевал Сен-Готард, 14-го прорвались через Урнзернский тоннель и форсировали с боем Чертов мост, демонстрируя в горных условиях выдающееся боевое мастерство.

В селении Альтдорф Суворова ждал сюрприз: прямой дороги на Швиц вдоль Л юцернского озера не было. На озере господствовали французы. Прокладывавшие маршрут австрийские офицеры во главе с подполковником генерал-квартирмейстерской службы Францем фон Вейротером «ошиблись» в расчетах.

Миллионы зрителей советского фильма «Суворов» запомнили Вейротера как умного и коварного шпиона, выдававшего французам планы русского главнокомандующего. Когда попался с поличным его сообщник, подполковник сдал его, чтобы замести следы, и австрийский офицер был расстрелян.

В 1985 году, работая над комментариями к письмам Суворова, я обратил внимание на послужной список Вейротера и был поражен открывшимися данными. Римский-Корсаков в своих записках утверждает, что идея похода через Сен-Готард принадлежала австрийцам: «Суворов поначалу был за более надежный маршрут через Сплуген. Фельдмаршал сам впоследствии признавался, что введен был в ошибку советами австрийцев. Он говорил, что вся диспозиция была составлена одним австрийским офицером, при нем состоявшим». Скорее всего, именно Вейротер отвечал за разработку маршрута движения войск через Сен-Готард, Чертов мост, Альтдорф, Швиц на Цюрих.

Тяжелейшее положение, в котором оказалась армия Суворова, — лишь один из эпизодов, «украшающих» послужной список Вейротера. В 1796 году армия Вурмзера, в которой Вейротер занимал должность генерал-квартирмейстера штаба, следовательно, отвечал за планирование операций, была разгромлена Бонапартом в Северной Италии. В 1800-м план наступления армии эрцгерцога Иоанна, разработанный его начальником штаба полковником Вейротером, привел к разгрому австрийцев при Гогенлиндене. В 1805-м сложное маневрирование русско-австрийской армии под Аустерлицем закончилось катастрофой…

Все эти неудачи невозможно объяснить педантизмом кабинетного стратега, не понимавшего сути военного искусства. Беспристрастный исследователь вправе поставить вопрос о прямом пособничестве Вейротера врагу. Небольшая деталь дополняет общую картину: именно Вейротер вел переговоры о поставке мулов в Таверно. Задержка на шесть суток оказалась роковой.

В Альтдорфе Суворов должен был принять решение, каким образом достичь Швица и выполнить обещание, данное Готце и Корсакову. Полководец выбирает кратчайший маршрут — через хребет Росшток по охотничьей тропе, указанной местными жителями.

И по сей день этот путь носит имя Суворова. Ни одной армии мира не доводилось проходить подобными дорогами. «Где пройдет олень, там пройдет и русский солдат! Вперед, чудо-богатыри! — подбадривал своих воинов фельдмаршал, постоянно напоминая: — Корсаков ждет. Без нас его войска в опасности!»

Участник похода граф Павел Тизенгаузен вспоминал:

«Наш путь вел нас прямо из Альтдорфа в высокие горы, где дорога, точнее, пешая тропа, скоро стала настолько узкой, что ни о каком боевом порядке думать не приходилось. Каждый искал, как ему наилучшим образом идти дальше, избегая опасности сорваться в пропасть. Однако многим не удалось ее избежать, а некоторым это стоило жизни: дорога была покатой и из-за выпавшего в горах снега влажной и ненадежной. Продвигаться вперед можно было лишь медленно, длинными колоннами, верхом не ехал никто, и мы, офицеры, должны были сами вести своих лошадей под уздцы. Нагруженные провиантом казачьи лошади попадали в пропасть. Это же произошло со многими мулами с их вьючными седлами…

Так медленно мы и шли вперед, добравшись с наступлением ночи до последней высокой горы на пути в долину Муттена (реки Муотта. — В. Л.) в кантоне Швиц. В темноте только часть войска смогла спуститься вниз, что на крутом спуске было сопряжено с опасностью, и едва ли не половина наших сил с генералом Розенбергом осталась на ночь стоять биваком на горе на пронизывающем горном холоде. В темноте огни их лагеря, если смотреть из долины, являли собой прекрасный вид».

Армия совершила новый подвиг. Авангард Багратиона, затем главные силы спустились в Муттенскую долину, вытянувшуюся с запада на восток. Небольшие отряды неприятеля, не ожидавшие русских, были разбиты и пленены. До Швица оставался один бросок. А там недалеко и цель похода — Цюрих.

Неожиданно в Главную квартиру, расположившуюся в женском монастыре Святого Иосифа, приходит страшная весть: Массена, воспользовавшись уходом эрцгерцога Карла, 14 (25) сентября (в день, когда Суворов прорвался через Чертов мост!) нанес тяжелое поражение корпусу Римского-Корсакова при Цюрихе. Потеряв часть артиллерии и обозы, корпус отступил за Рейн. Командовавший австрийским корпусом храбрый швейцарец Готце, мечтавший об освобождении своей родины и готовившийся к боевому сотрудничеству с Суворовым, в самом начале сражения вместе со штабом попал в засаду и погиб, а корпус, лишившись командования, понес большие потери и отступил. Поспешно отступил и второй австрийский корпус.

Суворовская армия (около двадцати тысяч человек) была заперта в Муттенской долине превосходящими силами неприятеля. Уже после похода полководец дал оценку действиям австрийского руководства, не допускающую никаких кривотолков: «Меня прогоняют в Швейцарию, чтобы там уничтожить». Это не преувеличение. Вопреки настойчивым предупреждениям Суворова, император Франц потребовал ускорить марш в Швейцарию. Эрцгерцог Карл поспешно увел свои главные силы, оставив Корсакову незначительное прикрытие. Сорвав поставку мулов и грузов, австрийцы задержали поход на шесть дней, вынудив русских взять минимальный запас продовольствия и боеприпасов. Сведения о маршруте, предоставленные Суворову Вейротером, разошлись с действительным состоянием театра военных действий. Австрийская разведка не сумела обнаружить подготовку наступления французов, и Корсаков и Готце были застигнуты врасплох. Ближайшие к Суворову вспомогательные австрийские корпуса Линкена и Елачича при первых известиях о поражении соседей поспешно отошли, позволив неприятелю надежно перекрыть выходы из Муттенской долины.

18 (29) сентября в трапезной монастыря Святого Иосифа собрался военный совет. Пришедший первым Багратион увидел фельдмаршала в мундире при всех орденах. Не заметив князя, Суворов взволнованно ходил по трапезной и разговаривал сам с собой: «Парады… разводы… большое к себе уважение: обернется — шляпы долой! Помилуй Господи! Да, и это нужно, да вовремя, а нужнее-то знать вести войну, знать местность, уметь расчесть, не дать себя в обман, уметь бить… А битому быть — не мудрено! Погубить столько тысяч и каких! В один день!» Багратион незаметно ушел и дождался прихода остальных участников совета. Кроме него, собрались генерал-майор Николай Каменский, генерал-майоры Якуб Барановский, Дмитрий Кашкин, Михаил Милорадович, генерал-лейтенанты Максим Ребиндер, Иван Ферстер, Яков Повало-Швейковский, генерал от инфантерии Андрей Розенберг, генерал от кавалерии Вильгельм Дерфельден и великий князь Константин Павлович. Австрийцев на совет не пригласили.

Через несколько лет Багратион рассказал своему адъютанту Якову Старкову об этом совете. Приводим текст речи Суворова в пересказе Старкова:

«Корсаков разбит и прогнан за Рейн! Готце пропал без вести и корпус его рассеян! Елачич и Линкен ушли! Весь план наш расстроен!

Теперь мы среди гор, окружены неприятелем превосходным в силах. Что предпринять нам? Идти назад постыдно. Никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швицу — невозможно. У Массены свыше 60 тысяч, у нас же нет и 20. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии… Мы окружены врагом сильным, возгордившимся победою, победою, устроенною коварною изменою! Нашему Великому Царю изменил кто же? Верный союзник России — Кабинет великой, могучей Австрии, или, что всё равно, правитель дел ея, министр Тугут с его Гофкригсратом…

Нет! Это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупости, разумное, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливших за спасение Австрии!

Помощи нам ждать не от кого… Мы на краю гибели!..

Теперь одна остается надежда на Бога да на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы Русские! С нами Бог!

Спасите честь России и Государя! Спасите сына нашего Императора!»

Герой, прославленный победами, сознавал всю тяжесть ответственности, которая легла на его плечи. Дело шло не только о его собственной безупречной и славной службе, о судьбе доверенных ему тысячах русских жизней — на карту были поставлены честь России и судьба русской военной школы. Багратион признавался, что речь Суворова была речью «великого военного оратора» и произвела на участников совета потрясающее впечатление. Все горели желанием сразиться с врагами, сколько бы их ни было.

На советах первый голос подавали младшие в чине. На этот раз, вопреки традиции и с согласия всех, ответил старший — Вильгельм Христофорович Дерфельден. «Отец наш Александр Васильевич, — сказал убеленный сединами, заслуженный воин, — мы теперь знаем, что нам предстоит. Веди нас, отец, как думаешь, делай, как знаешь. Мы твои, отец, мы русские!»

Все поклялись победить или умереть. Слезы блестели на глазах у Суворова. «Мы, русские, всё одолеем!» — таким напутствием полководец закончил военный совет. Воля главнокомандующего была доведена до каждого офицера и солдата.

Вскоре после смерти Суворова в книгах о нем появился рассказ о том, как перед переходом через Сен-Готард солдаты ужаснулись при виде высоких скал, покрытых снегом, и не хотели идти далее. Узнав об этом, Суворов прибыл в авангард и велел своим воинам рыть ему могилу, сказав: «Оставьте здесь своего генерала: вы не дети мои, я не отец вам более». Потрясенные солдаты просили прощения, клялись не посрамить своего вождя и кинулись на врага. Этот рассказ лег в основу одного из самых драматичных эпизодов фильма «Суворов». Действие было перенесено с Сен-Готарда к Чертову мосту, казавшемуся неприступным и взятому героическим штурмом. Полководец вдохновенно призывает чудо-богатырей к новым подвигам, и на этой высокой ноте фильм завершается.

Сохранилась рукопись одного из участников Альпийского похода поручика Григоровича, который на склоне лет (ему было уже за семьдесят), прочитав в книге Н. Полевого о ропоте солдат, дал отповедь бойкому журналисту: «Полевой говорит, что Фельдмаршал, узнав о возникающем волнении, немедленно велел выстроить полки, а которые, не именует… В наших полках ропота не было, Фельдмаршал не выходил к нам что-нибудь говорить, и о сем мнимом происшествии ни от кого не слыхал, тут и сам был и ничего не видел». Григорович ссылается на Дерфельдена, у которого по пути из Швейцарии в Россию он служил дежурным офицером. Генерал часто беседовал с ним, вспоминая боевые походы, но «никогда о ропоте солдат в альпийских горах не говорил». Ветеран подчеркивает, что не слыхал ничего подобного и от своих подчиненных, будучи командиром роты, в которой служили более шестидесяти участников похода, находившиеся на всём его протяжении в авангарде. «…Полевой всех их обесславил и тем сделал обиду нескольким тысячам своих граждан-солдат пред всем государством нашим, пред миллионами потомков наших и перед всем светом. Я доношу своим соотечественникам, чтоб не верили историку, что он написал о ропоте солдат и о протчих происшествиях. Они ни в чем не виноваты».

Это подтверждает и Старков. Действительно, при подъеме на Сен-Готард авангарда под командованием Багратиона произошла остановка, но причиной была ссора российского майора (русского немца) с австрийским свитским офицером из-за политики венского кабинета. Когда прибыл Суворов (вместе с Дерфельденом), Багратион был уже в передовых частях. Адъютант Багратиона рассказывает:

«Гренадеры сводных баталионов Калемина, Ломоносова и Дендригина, опершись на ружья, стояли с пасмурными лицами перед горою... Александр Васильевич, подъехав к ним, соскочил с лошади и, взглянув на них, строгим тоном спрашивал: "Зачем стали?" И вслед за сим говорил: "Разве не хотите идти?"

И гренадеры в один голос закричали: "Помилуй, отец! Кто не хочет? Да спаси нас Господь Бог от этого! Впереди стали, и нам, отец ты наш, идти нельзя, некуда".

В это время Князь Петр Иванович Багратион приехал с горы от передовых и донес Александру Васильевичу, что вся эта остановка произошла от ссоры майора его полка с Австрийским офицером, и рассказал обо всём, как было. Этому последнему был сделан строжайший выговор; а майор за пылкость свою был арестован до первого боя с врагом, — и только!

И на этой-то основе, как изволите видеть, господа историки соткали ложь, неправду чистую».

В 1806 году Старков по просьбе Багратиона начал читать ему свои уже составленные записки об Итальянском и Швейцарском походах. «Когда я дошел до входа войск наших в Альпийские горы, коснулся и того, что наши ратники будто бы не хотели идти. Князь Петр Иванович бросил курить трубку и, не давая мне времени дочитать, с сердцем спросил:

— От кого вы слышали эту безбожную ложь? От кого слышали? Говорите, сударь!

— Выслушайте, Князь, всё до конца. Увидеть изволите, что это только вступление, молва, происшедшая от неизвестных людей. А вот и опровержение этой лжи.

И я прочел всё, что слышал от многих, бывших при том самовидцами, и поверял слышанное, расспрашивая в 1805 году оставшихся в живых, из служивших в 6-м егерском полку господ офицеров и стариков-ратников.

— Так, да не совсем так, а похоже, — и рассказал мне всё то, что я выше написал».

Свидетельства ветеранов заслуживают доверия. Любовь войск к Суворову была неимоверной. Духовное единство армии с ее вождем стало основой подвига, который без преувеличения должно назвать чудом.

Уже 18 (29) числа австрийцы Ауфенберга, затем авангард Багратиона начали пробиваться к Гларису. Ночью у Багратиона появился Суворов в плаще, мокром от дождя со снегом, и подтвердил задачу — взять Гларис. На другой день Багратион, сочетая обходы по скалам с дерзкими штыковыми атаками, заставил французов отступать. Гларис был взят, заняты деревни Нефельс и Молис. Неприятель потерял знамя, две пушки и до сотни пленных, но к нему подошло сильное подкрепление. Получив перевес, он контратаковал. Пять или шесть раз деревня Нефельс переходила из рук в руки. Суворов понял, что дальнейший путь на восток надежно закрыт, и приказал Багратиону отойти к Гларису.

19 (30) сентября арьергард армии под командованием Розенберга, спустившийся в долину последним, отбил атаку противника с запада. Массена провел разведку боем. Убедившись в том, что вся русская армия находится в Муттенской долине, французский главнокомандующий на следующий день лично повел свои войска в решительное наступление. Победа над усталой, голодной, оборванной армией, не имеющей ни патронов, ни артиллерии, казалась делом решенным. Но результат был ошеломляющим: заманив противника на свои главные силы, Розенберг поднял их в штыковую контратаку, которая при поддержке лихих налетов казаков с их страшными пиками вызвала панику в рядах наступавших.

В десять вечера Розенберг донес Суворову: «Ваше Сиятельство, имею честь поздравить с победою тем более славною, что предводительствовал здесь французами сам генерал Массена. Число войск его в деле было более десяти тысяч, из которых по малой мере полагать можно шесть тысяч разнообразно истребленных, в плен же взяты генерал Лакурк, полковников два, офицеров 10, нижних чинов, сколько по сей час сочтено, более тысячи, в добычу получено пять пушек, убит генерал Лягурье; наш урон в сравнении того весьма малочислен, о чем по обстоятельной выправке не замедлю Вашему Сиятельству донесение зделать».

В суворовской реляции императору от 3 октября, то есть после выхода из окружения, говорится:

«20-го в 11-м часу утра неприятель, собравшись в числе за 10 000 и быв устроен своим главнокомандующим в Швейцарии генералом Массена, в присутствии его произвел на нас атаку с большою стремительностию. Велецкий (генерал-майор, шеф Бутырского мушкетерского полка. — В. Л.), выполняя в точности ему приказанное, с передовыми пикетами и его баталионом, отстреливаяся, отступает к левому флангу и заманивает неприятеля за собою в ровную долину к устроенным там в боевом порядке нашим силам, коими целою линиею поражен был штыками так, что, потеряв множество убитыми и смертельно раненными, показал нам свой тыл. Полки Ферстера, Елецкого, Мансурова и егерский Кашкина на бегу не переставали поражать его, а батальон Фертча, усмотря оное, також бросился вперед и продолжал делать то же.

Казачьи полки Денисова и Курнакова открывали рассеянного неприятеля в выгодных его местах, мнящего на некоторое время удержаться, купно с пехотными били и брали в полон.

Неприятель потерял на месте первого жестокого сражения и в погоне, чрез 12 верст до Швица, убитыми: 1-го генерала Ла-Гурье и до 3000 разных чинов; в реке потонуло более 300, побилося с крутизны гор до 200.

В плен взято: генерал Лекурб (на самом деле — генерал с похожей фамилией Лакур. — В. Л.), 1 бригадный и 1 баталионный командиры, 13 офицеров и 1200 рядовых. Сверх того до 400 оставлено раненых в лесу, коих приказано собрать жителям в Мут[т]ентале. Отбито 5 пушек, из коих одна 12-ти фунтовая, стоявшая на мосту, обращена была на поражение бегущего неприятеля к Швицу.

Генерал Массена и с ним некоторая часть спаслись бегством».

В заключительной части реляции Суворов отдал должное главным героям сражения — Андрею Григорьевичу Розенбергу и его первым помощникам Михаилу Андреевичу Милорадовичу и Максиму Владимировичу Ребиндеру.

Как контрастирует эта скромная реляция с бюллетенем 4-й дивизии французской армии, подписанным Мортье и офицерами его штаба!

«Вся дивизия сражалась с полудня до семи часов вечера, — говорится в бюллетене. — Она потерпела небольшое поражение и с пяти часов начала отходить к Швицу, в то время как батальон 67-й полубригады, прибывший из Цуга Люцернским озером, бросился в атаку, опрокинул врага и вынудил его отступить на его вчерашние позиции. Наши потери — около 80 убитых, 300 раненых и 400 военнопленных, среди которых оказался генерал-аджюдан (то есть заместитель командира дивизии. — В.Л.) Лакур, в течение дня показавший чудеса храбрости…»

Но свидетельства нейтральной стороны — швейцарцев — полностью опровергают беспардонность французских реляций.

Настоятельница монастыря 54-летняя сестра Мария Йозефина Вальбурга Мор записала в монастырских протоколах: «1 октября ровно в 12 часов французы напали на русских за каменным мостом (по слухам, около 10 тыс. человек). У первых были пушки. Обе стороны отчаянно сражались, со стороны французов было множество убитых. На протяжении всей битвы из Ури всё время прибывали русские солдаты… Русские всё больше продвигались вглубь долины… Обе стороны несли большие потери, русские постепенно оттягивали войска к Гросcraлю. Французы преследовали русские войска страшным огнем из пушек и из ружей. В конце концов русские перешли в наступление. По обеим сторонам гор французов гнали 800 кавалеристов, а из центра долины — многочисленная пехота. Стремительно бросилась в атаку русская армия и гнала французов прочь из долины. Французы неслись сломя голову, отступать им пришлось по узкой тропе через мост, где они потеряли много людей. Из-за столпотворения на мосту, узкой тропы и приближающегося врага многие французы сорвались в Муотту, в которую сами же толкали друг друга в стремлении удержаться на мосту. В реку упали французский генерал вместе со своей лошадью, тележка с боеприпасами и четырьмя лошадьми. Французов преследовали до Шененфельда, кавалерия — до Ибаха и полей. Русские привели много пленных, среди которых были генерал, его адъютант, командир батальона, майор-адъютант, капитаны и лейтенанты, всего 11 офицеров и от 1500 до 1600 рядовых».

Настоятельнице вторит церковный староста Франц Бет-черт, записавший в своем дневнике: «1 октября. В этот день французы в количестве 14 тыс. человек напали на русских, хотели взять их в плен и двинулись к женскому монастырю, но кавалерия и стрелки русского войска обратили самих французов в бегство… взяли многих в плен. Они отступали к Бюолю и Хинтербергшутцу, но и там их преследовали русские солдаты. Французы бежали сломя голову, карабкались в горы, многие срывались с Чертова моста в быструю реку Муотту. По всей долине остались следы той битвы, а русские так и гнали французов за поля».

Сокрушительное поражение, превращенное французским командованием в «небольшую неудачу», охладило победный пыл охотников за суворовской армией. Сам Массена бросился подкрепить Молитора, запиравшего северо-восточный выход из Муттенской долины.

Французов напугал не только мощный контрудар суворовцев. Розенберг послал властям Швица требование заготовить хлеба, мяса и вина на 12 тысяч русских, которые завтра вступят в город. Эта военная хитрость заставила первого помощника Массена генерала Сульта разослать приказание об обороне позиций позади Швица, благодаря чему корпус Розенберга оторвался от неприятеля и беспрепятственно отступил на восток к главным силам.

В Гларисе Суворов снова собрал военный совет. А.Ф. Петрушевский замечает: «Обстоятельных сведений об этом совете нет… Но есть известие, что великий князь восстал против предлагаемого Суворову австрийским Генеральным штабом движения на Молис, Везен и Саргане и что это мнение советом было принято. Последовало решение — взять путь кружной, но безопасный». Ввиду отсутствия патронов и артиллерии пришлось уклониться от новых сражений с крупными силами неприятеля и, преодолев труднопроходимый хребет Панике, спуститься в долину Верхнего Рейна, чтобы забрать обозы, полевую артиллерию и двинуться на соединение с Корсаковым. Линкену, так и не сделавшему попытки помочь Суворову, было приказано заготовить к 25 сентября провиант на два дня.

К оставленным в Муттентале тяжело раненным прибавились новые, помещенные в наскоро устроенном в Гларисе госпитале, с письменной просьбой о человеколюбивом отношении к ним, обращенной к начальнику первого вступившего в селение французского отряда. Всего раненых было 800 русских и столько же французов, уже получивших необходимую помощь от победителей, что было честно отмечено французским командованием.

Упустив Суворова, Массена попытался, перегруппировав свои силы, добить Корсакова и Конде. 26 сентября (7 октября) французы стали выдвигаться к местечку Шлатт. Русская разведка на этот раз была на высоте. Узнав о сосредоточении неприятеля, Корсаков ночью переправил на левый берег Рейна значительные силы — 12 тысяч штыков и три тысячи сабель — и неожиданно атаковал французов, находившихся на марше и не успевших принять боевой порядок.

Ввод в сражение главных сил не принес Массена успеха. Войска Корсакова, стараясь отомстить за цюрихскую катастрофу, дрались прекрасно, а затем отошли на правый берег Рейна, уничтожив мосты. «Журнал Комаровского» (адъютант великого князя вел по поручению своего шефа хронику кампании) ограничивается лишь краткой записью от 28 сентября: «Г[енерал]-Лей[тенант] Римский-Корсаков донес Господину] Фельдмаршалу], что 26 числа атаковал он неприятеля при деревне Шлатте в окрестностях Шафгаузена и, взяв у него 2 пушки, 1 знамя и несколько пленных, принудил его отступить из занимаемой им позиции».

В тот же день произошел еще один бой. «Корпус Принца Конде, расположенный при городе Констанце (правее Корсакова. — В. Л.), — говорится в «Журнале Комаровского», — атакован был неприятелем и по упорном сражении принужден был оставить оный превосходным неприятельским силам. При сем случае оказал помянутый корпус опыты великой храбрости; неприятель потерял одно знамя и несколько пленных». (Корпус Конде, принца королевской крови, в основном состоял из бывших офицеров королевской армии, бежавших из революционной Франции. Ротами командовали старые заслуженные генералы, взводами — полковники. Численность корпуса не превышала четырех-пяти тысяч человек. После Кампоформийского мира, вырванного в 1797 году победоносным генералом Бонапартом у поверженных австрийцев, корпус быль принят Павлом I на русскую службу и дислоцировался на Волыни. В 1799-м он был направлен в Швейцарию, где выдержал сильную атаку республиканцев у Констанца, важного пункта на Рейне у Боденского озера, и был вынужден отступить, понеся серьезные потери. Поддержанный небольшим русским отрядом корпус пробился из окружения.) П.Н. Грюнберг справедливо замечает: «Бои при Шлатте и Констанце выпали из истории Швейцарской кампании осени 1799 г. Корсаков остался только неудачником Цюриха... Результат боя при Шлатте поддержал победный итог суворовского Альпийского похода. После этого сражения и занятия Суворовым Майенфельда инициатива на театре военных действий в Швейцарии нечувствительно переходила к союзникам... Если бы Массена реализовал свой замысел и вторично разгромил Корсакова, а заодно и принца Конде, то судьба суворовской армии оказалась бы иной».

Четвертого ноября последовал ответ Суворова на запрос императора о причинах поражения корпуса Корсакова при Цюрихе. Как ни был разгневан и удручен этим поражением сам Александр Васильевич, он честно признал, что «нашел верными» распоряжения Римского-Корсакова, «поелику они клонились на низвержение неприятеля, в трех пунктах его атаковавшего», и что Корсаков имел «твердую надежду на прибытие Генерал-Лейтенанта Дурасова, в 18-ти верстах оттуда стоявшего». «Сражались, — писал он, — всюду до наступления ночи; ночью получено известие, что Генерал Готце разбит и все дороги, из Цюриха ведущие, неприятелем заняты. Корсаков, пробиваясь сквозь превосходящего неприятеля, отошел к Эглиазу, где и соединился с Дурасовым. Сей, по мнению моему, причиною происшедшего, поелику занят будучи одною лишь канонадою и угрожанием переправы, не поспешал соединитца с прочими войсками, в бою бывшими». Павел отставил и Дурасова, и Корсакова.

Показательны документы французской стороны, относящиеся к альпийской эпопее Суворова. Приводим даты по юлианскому и григорианскому вместо революционного календаря тогдашней Франции.

18 (29) сентября генерал Лекурб пишет Массена: «Тороплюсь сообщить Вам, мой дорогой генерал, что генерал Суворов с русским корпусом от 20 до 25 тысяч человек лично прошел через Альтдорф, направляясь в Муттенталь по горе Колен (через хребет Росшток). Говорят, в его намерение входит снять блокаду Цюриха. Примите меры на правом фланге дивизии Сульта в Гларисе... Кажется, Суворов намерен объединиться с армейскими корпусами Хотце и Корсакова. Я предупредил генерала Сульта, чтобы он наблюдал за Гларисом и предупредил генерала Мортье за Швицем... Я следую за неприятелем с предосторожностями, так как у меня лишь 800 человек... Если генерал

Сульт… генерал Мортье… и я… будем действовать вместе, мы сгноим Суворова в горах».

Мастер горной войны, вынужденный под ударами Суворова отходить с одной неприступной позиции на другую, дает авторитетную оценку сложившейся обстановки: русские заперты в Муттенской долине. Выхода у них нет.

20 сентября (1 октября) начальник Генштаба армии Порсон сообщает генералу Гюдену: «Суворов зажат… Сомневаюсь, что он сможет выйти из Муттенталя, в то время как мы занимаем значительными силами Гларис, Швиц и охраняем Шахенталь.

Мы надеемся, что войска и он сам будут вынуждены сдаться. Сегодня их сильно атакуют».

21 сентября (2 октября) генерал Сульт предупреждает генерала Мортье: «Остатки ваших войск должны быть готовы к походу, и приготовьтесь завтра сражаться… Если потерпите поражение на Вашей позиции в Швице, то отступайте на Ротенурм и на высоты Айнзидельн, где соединитесь со мной». В тот же день Сульт передает генералу Газану: «Кажется, что со дня на день нас атакуют».

22 сентября (3 октября) Мортье отвечает Сульту: «Тороплюсь сообщить Вам, мой дорогой генерал, что неприятель стремительно покидает Муттенталь. Он оставил в монастыре Муттена 600 раненых. За нашими был самый хороший уход… Неприятель понес значительные потери в последних сражениях. Я прикажу его преследовать. Среди раненых находятся офицеры и русский князь». Мортье явно доволен, что ему не придется снова пережить ужас бегства к Швицу, но не торопится преследовать уходящих на восток русских. Короткое признание в хвастливом донесении Сульту говорит о реальном положении дел: «Их потери, по крайней мере, равны нашим».

В тот же день генерал Салиньи информирует генерала Газа-на: «Неприятель покинул после полудня Муттенталь. Можно предположить, что он направится к Гларису и энергично атакует вас завтра». Газану обещаны резервы, но он предупрежден: «Не нужно ввязываться в генеральное сражение!»

В донесении правительству Франции — Директории — Массена вынужден признать:

«Каждый день мы ввязываемся в смертельные сражения, дни 8-го и 9-го [вандомьера] (19 (30) сентября и 20 сентября (1 октября) 1799 года. — В. Л.) были страшны, в схватках сражались целыми часами прикладами и штыками. Пушки, знамена, пленные, поля сражений в течение одного дня переходили от одной стороны к другой. Страшная резня на всех позициях — вот что происходит здесь каждый день.

Переход Суворова от Белинцоны до Глариса уже стоит ему двух проигранных сражений. Дни 3-го и 4-го вандомьера (разгром корпуса Хотце и поражение Корсакова. — В. Л.) дали первый импульс к успеху кампании. Швейцария, как я вам об этом часто говорил, граждане Директора, это ключ от Франции, мишень для стран коалиции».

Как мы помним, Массена и его генералы собирались пленить Суворова и его армию. Вместо этого приходилось доносить о «страшных» повседневных боях, умалчивая о своих потерях. Чуть ли не десять раз в переписке французских генералов упоминается «русский князь», оказавшийся среди оставленных в долине раненых.

Поручик Орловского мушкетерского (генерал-майора Мансурова) полка князь Мещерский 3-й звался Константином. Сочетание слов «князь» и «Константин», учитывая горячку тех дней, могло породить у французского командования смутную надежду на то, что в плену оказался сын российского императора Константин Павлович. Князь Мещерский умер от полученных ран вечером 24 сентября.

23 сентября (4 октября) Сульт выражает Газану свое недоумение: «Я с удивлением увидел, мой дорогой друг, что войска, которые вы имеете в этом месте, никакого движения не произвели».

Французы кинулись догонять уходившую русскую армию, но все попытки разгромить арьергард, которым командовал Багратион, не увенчались успехом. Сберегая последние патроны, русские переходили в штыковые атаки, заставляя противника постоянно останавливаться и даже отходить.

Преследовавший Багратиона Молитор красочно расписал в донесении Сульту от 26 сентября (7 октября), как его артиллерия громила русский арьергард, как в руки победителей попали 1800 пленных и… три маленькие горные пушки (брошенные из-за отсутствия зарядов). Но как он ни преувеличивал потери противника, ему всё же пришлось признать, что «остатки русской армии в плачевном состоянии, умирая с голода, пересекли высокие горы, которые отделяют долину от Гризон» — иными словами, ушли.

Этот последний этап Швейцарского похода оказался самым тяжелым. В.П. Энгельгардт, много сделавший для увековечения памяти Суворова в Швейцарии, в 1890 году записал рассказы местных жителей, слышавших о суворовском походе от своих бабушек и дедушек. Вот одно из таких повествований:

«Бабушка моей жены, жившая тогда в… доме (где теперь находится памятная доска), часто рассказывала мне о происшествиях и пережитом за это время…

По ее рассказам, большинство русских находилось в печальнейшем положении: полуголодные, полунагие и страшно утомленные, преследуемые французами, они должны были выступить в отвратительную погоду и снег через высокую и трудную гору.

Они нападали на местных жителей, разграбили съестное, скот и платье, забрали сено для лошадей и для ночлега; срывали с людей платье и обувь и сожгли все заборы и деревянные покрытия домов.

Несмотря на это, многие, в самой жалкой одежде и даже с босыми ногами, при ужасной погоде, когда почва до самой долины покрыта снегом, совершили поход, бывший для многих последним.

Французы преследовали их… затем возвратились назад.

Это был ужаснейший поход для несчастных русских, которые, застигнутые ночью на горе, в снег и бурю, страшно усталые, холодные и голодные, должны были сделать остановку.

Проводники бежали при первой возможности. Солдаты большею частию растеряли свою амуницию и шли по всем сторонам. Многие падали в пропасти. Большая часть нашла себе смерть на горе.

Много лет спустя в пропастях и оврагах, находящихся возле перевала, встречались их печальные останки».

Конечно, рассказ содержит преувеличения. Большая часть армии перешла Панике и спустилась в Иланц, затем вступила в Кур. Старый и больной главнокомандующий разделил со своими солдатами, офицерами и генералами все тяготы перехода.

Командир швейцарского полка Фердинанд де Ровереа 1(12) октября в Линдау видел спустившиеся с гор суворовские войска. Отметив перенесенные ими трудности, он отметил главное: «И все-таки не слышалось ни малейшего ропота и дисциплина не послаблялась ни в чём».

Правоту решения русского полководца вывести армию через труднопроходимый перевал Панике признал мастер войны в горах Лекурб. «Если горы для него и были губительны, — говорится в составленном Лекурбом историческом бюллетене 2-й дивизии, — то они, по крайней мере, помогли ему увести остатки своих войск. На равнине он был бы полностью разбит, окружен со всех сторон, его бы атаковали с фронта, тогда как его открытые фланги были бы раздавлены».

28 сентября (9 октября) Массена донес Директории: «Я полностью разбил Суворова; его армия потерпела полное поражение». Но он явно преувеличивал успех, скрыв свои потери (около пяти тысяч человек против шестисеми тысяч у Суворова) и не упомянув о том, что основным силам русских удалось вырваться из каменной ловушки. Армия Суворова ушла, уведя с собой 1400 пленных французов, которых потом обменяли на своих.

1(12) октября Массена приказывает Сульту, не теряя времени, идти на Кур: «Надо выгнать оттуда Суворова, пока он не реорганизовал своей армии». Французский главнокомандующий опасался не напрасно. Выведя армию из окружения, Суворов соединился с левым флангом союзников. Через пять дней его отдохнувшие и подкормившиеся воины были готовы к новым боям.

Можно верить преданию, согласно которому Массена, ставший одним из лучших маршалов императора Наполеона, признавался, что готов отдать все свои победы за подвиг армии Суворова в Альпах.

«Вся Европа следила с напряженным вниманием за разыгрывавшейся в Швейцарии кровавой драмой, — отмечает А.Ф. Петрушевский. — Газеты ловили новости налету и сообщали с театра войны сотни былей и небылиц без всякого разбора. Нетрудно понять… в каком беспокойстве находился Император Павел, получая известия о происходящем позже всех… Переписка государственных людей с Суворовым и между собою показывает, что на него возлагалась вся надежда, но что эта надежда не спасала от мучительной тревоги».

«От Суворова никаких известий, а с ним Великий князь, — взволнованно писал Воронцову Ростопчин. — Газеты противоречат, то он побеждает, то разбит и уничтожен». «Вы должны были спасать царей, — обращается к полководцу Павел. — Теперь спасите русских воинов и честь Вашего Государя».

Наконец в Петербург пришла радостная весть. «Да спасет Вас Господь Бог за спасение славы Государя и русского войска, — в восхищении писал Суворову Ростопчин. — Что скажут злодеи Ваши и злодеи геройства? Казнен язык их молчанием… До единого все Ваши награждены, унтер-офицеры все произведены в офицеры… В Вене Ваше последнее чудесное дело удостоилось названием une belle retraite (прекрасное отступление. — В. Л.); если бы они умели так ретироваться, то бы давно завоевали всю вселенную».

Суворов, вырвавшись из каменного мешка, резко и точно объяснил Разумовскому суть интриг австрийского руководства и прозорливо указал на их последствия:

«Тугут выгнал меня из Италии, где сердца мои были до Лиона и к Парижу. Он их остудил хищничеством Пиамонта, где у меня была бы хранительная армия в спине для моих спокойных винтер-квартир, ежели не лутче — во Франции…

Эрцгерцог из Швейцарии ушел, жертвуя Корсаковым в угодность злодеям, — жертва мною и великодушным Великим Союзником, жертва всеми частями общего блага!

Неистовствы сии легко поправить можно, спросясь с Богом и совестию! На вышесказанном основании верно будет войти во Францию чрез Дофине. Эрцгерцог Карл с швейцарцами и баварцами, освободя Швейцарию от ига безбожных сумасбродов, войдет во Францию чрез Франш-Конте. Можно одною кампаниею отвечать… Мне быть здесь главным командиром обоих Императорских Союзных войск, как был в Италии».

В противном случае, предупреждает Суворов, «новый Рим (так он именует республиканскую Францию) чрез краткое летоисчисление поглотит» и Потсдам, и Вену. Герой призывает российского посла в Вене «быть послушным мудрости Вашего Монарха»: «Он хочет возвратить каждому свое. Чего благочестивее, справедливее и тверже! Изгибами Вашими Тугуту вы ввергаете Европу и себя в опасность».

Понадобятся годы изнурительных войн против наполеоновской Франции, прежде чем европейские политики и стратеги усвоят уроки, которые в начале большой европейской смуты преподал им русский полководец.

Альпийский поход окончился неудачей. Но бывают неудачи, которые на страницах военной истории сияют ярче самых блистательных побед. Швейцарский поход Суворова по праву называют легендарным.

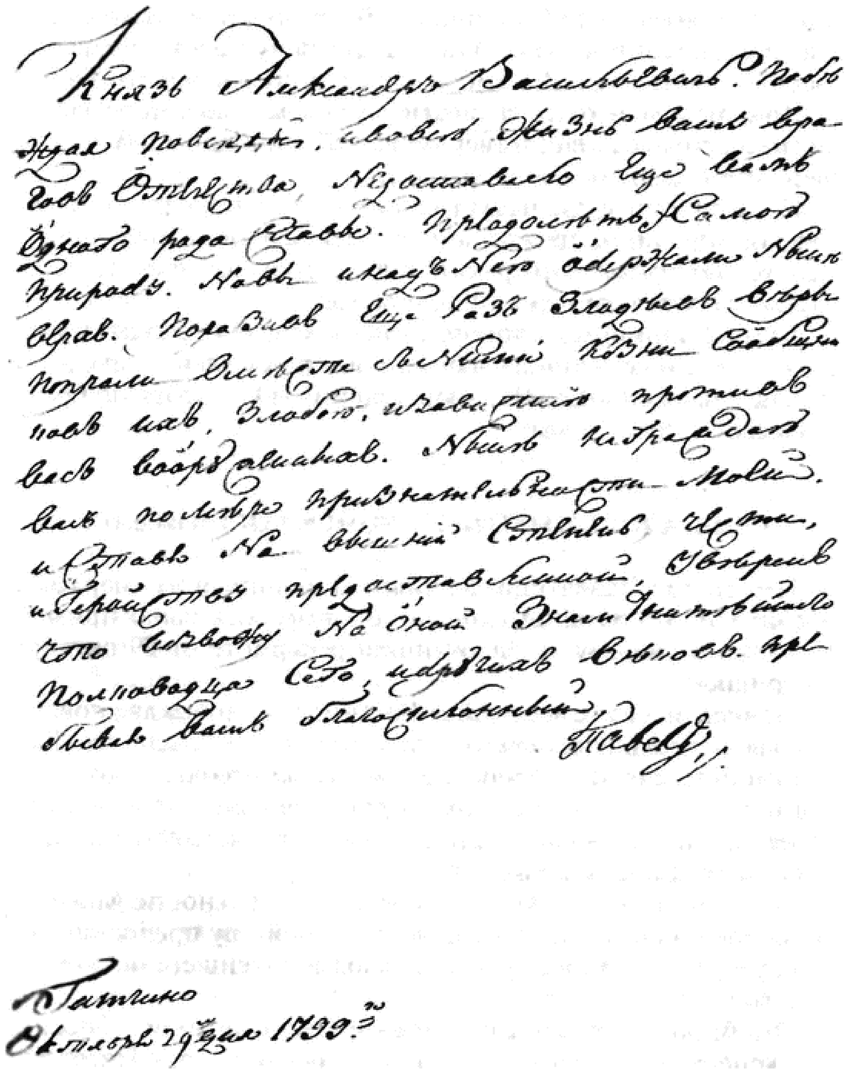
«ГЕНЕРАЛИССИМУС ВСЕХ ВОЙСК РОССИЙСКИХ»

Император Павел, справедливо гневавшийся на «мерзких» союзников, не находил слов, чтобы выразить свою признательность Суворову. В высочайшем рескрипте от 29 октября говорилось:

«Генералиссимус всех войск Российских! Побеждая повсюду во всю жизнь Вашу врагов Отечества, недоставало еще Вам одного рода славы — преодолеть и самую природу! Но Вы и над нею одержали ныне верх, поразив еще раз злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистию против Вас вооруженных.

Ныне награждаю Вас по мере признательности Моей и, ставя Вас на вышний степень чести, геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков».

Это была почесть неслыханная и почти забытая в России. Чин генералиссимуса не входил в составленную при Петре Великом Табель о рангах, хотя в Воинском уставе была сделана важная оговорка: «Сей чин коронованным главам и великим владетельным принцам токмо надлежит, а наипаче тому, чье есть войско. В небытии же своем оный команду дает над всем войском своим генерал-фельдмаршалу».



Князь Александръ Васильевичъ. Побе-
ждая повсюду, и во всю жизнь Вашу вра-
гов Отечества, недоставало еще вам
одного рода славы. преодолеть и самую
природу. Но вы и над нею одержали ныне
верх. Поразив еще разъ злодеев веры
попрали вместе с ними козни сообщни-
ков ихъ, злобою, и завистию противу
вас вооруженных. Ныне награждая
вас по мере признательности Моей.
и ставя на вышний степень чести,
и геройству предоставленный, уверен
что возвожу на оный знаменитейшего
полководца сего, и других веков. пре-
бываю вам благосклонный
Павел.

Гатчино
Октября 29 дня 1799 г.

Первым генералиссимусом царь-преобразователь назвал в 1696 году ближнего боярина Алексея Семеновича Шеина. Пожалование в генералиссимусы стало частью пышных торжеств по случаю первого успеха русской армии — завершения длительной осады Азова, в которой Шеин играл роль номинального главнокомандующего. Вторым генералиссимусом стал 12 мая 1727 года Александр Данилович Меншиков, буквально вырвавший этот чин из рук малолетнего государя Петра II. Не прошло и трех месяцев, как «полудержавный властелин» был арестован, а вскоре, лишенный чинов, оказался в сибирской ссылке. Третьим генералиссимусом 11 ноября 1740 года сделался супруг правительницы Анны Леопольдовны принц Антон Ульрих Брауншвейгский — фигура проходная и совершенно незаметная в истории. Его торжество было немногим длиннее, чем у Меншикова: свергнутое брауншвейгское семейство было сослано.

Таким образом, Суворов стал первым генералиссимусом, получившим этот чин за выдающиеся военные заслуги .

Ростопчин, поздравляя Александра Васильевича с производством в чин генералиссимуса, доверительно сообщил ему слова государя: «Другому этого было бы много, а Суворову мало. Ему быть ангелом».

Были щедро награждены все участники похода. Великий князь Константин получил титул цесаревича.

«Главное — возвращение Ваше в Россию и сохранение ее границ!» — писал Суворову император Павел, решивший разорвать союз с Австрией и выйти из коалиции.

Генералиссимус не был сторонником поспешных действий. После всего пережитого им в Альпах поражает его продуманный и далекий от всяких личных обид взгляд на ведение европейской политики и войны. Британский подполковник лорд Генри Клинтон Младший (будущий герой Ватерлоо) записал продиктованные ему русским фельдмаршалом правила «Военной физики»:

«Эрцгерцог Карл, когда он не при дворе, а на походе, такой же генерал, как и Суворов, с тою разницей, что сей последний старше его своею практикой и опроверг теорию нынешнего века, особливо в недавнее время победами в Польше и в Италии. Посему ему и диктовать правила военного искусства.

Всякие переговоры при свиданиях, где обыкновенно примешиваются личные интересы, были бы обременительны. Вкратце вся тайна состоит в следующем:

1. Вновь разместить свою армию по удобным квартирам.

2. Быть там поскорее, дабы скорее разместиться и приготовиться к предстоящим действиям.

3. Сии последние должны начаться зимою, как только дороги станут проходимыми.

4. У Эрцгерцога армия много сильнее; он должен действовать всеми силами, выключая несколько отрядов.

5. Русские и прочие присоединятся к нему.

6. Двигаться по прямой, а не параллельно.

7. Да не будет зависти, отступлений, отвлекающих атак — всё это принадлежит к детским играм.

8. С высоты расположения атаковать неприятеля по центру, искусно гнать его, не давая времени опомниться, раздавить его, а после выгнать остатки изо всей Швейцарии и окончательно освободить ее — сие уже труды невеликие. Разбитые части легко могут быть уничтожены после в короткое время.

9. На всё сие потребен месяц. Нужно только беречься адских козней разных теорий».

Не менее поучительной оказалась и другая беседа в присутствии нескольких свидетелей, о которой Клинтон писал в Лондон одному из своих друзей:

«Сей час выхожу я из ученейшей Военной Академии, где были рассуждения о Военном Искусстве, о Аннибале, Цезаре, замечания на ошибки Тюрена, Принца Евгения, о нашем Мальборуке, о штыке и пр., и пр., Вы, верно, хотите знать, где эта Академия и кто профессоры? Угадайте!

Я обедал у Суворова. Не помню, ел ли что, но помню с восторгом каждое его слово. Это наш Гаррик , но на театре великих происшествий. Это тактический Рембрандт: как тот в живописи, так сей на войне — волшебники.

Боюсь только, чтобы он не занемог нашим сплином, но от богатства побед. И этот умнейший муж вздумал меня уверять, что он ничего не знает, ничему не учился, без воспитания и что его по справедливости называют Вандалом.

Наконец, остановил я его сими словами: "Если вам удастся обманывать нас, ваших современников, то не удастся обмануть потомков. Впрочем, и в самом потомстве останетесь вы Иероглифом".

Он замолчал, стал корчить лицо, кривляться, делать невероятные гримасы и проч.».

Клинтон был так восхищен Суворовым, что на другой день повидался с Фуксом и прочел ему свой панегирик великому полководцу. Егор Борисович «отважился прочесть» письмо англичанина Суворову, и Александр Васильевич воскликнул: «Ах! Помилуй Бог, кто бы подумал, что и добрый Клинтон был у меня шпионом? Сам виноват, слишком раскрылся: не было пуговиц».

Обед, превратившийся в профессорскую лекцию, произвел сильное впечатление и на другого гостя — маркиза Марсилья-ка, француза-эмигранта из окружения графа д'Артуа, младшего брата казненного короля. Тот писал другу:

«Теперь половина одиннадцатого часа с полуночи, а я вышел от Суворова, уже отобедав у него, и спешу описать Вам сию беседу. Я пришел в 8 часов. Через полчаса ввели меня в комнату и вызвали к Фельдмаршалу. Тут я нашел четырех Англичан и князя Броглио, адъютанта Принца Конде, пришедшего по делам.

Суворов появился. Это человек небольшого роста, сухой и уже состарившийся, с лицом, покрытым морщинами, и с глазами почти зажмуренными. Он говорил, что оные отчасу у него слабеют, но, когда открывал их, тогда в них виден был блистающий огонь гения.

Одна нога была у него в сапоге, а другая в туфле, потому что он расшиб ее, упавши в горах. Его прическа непышная: волосы собраны в небольшую кучу без пудры. <…> Он продолжал: "С некоторого времени мы говорили только о победах и приобретениях, но теперь не можем более. Непредвиденные обстоятельства принудили нас переменить тон; но даю вам честное слово, что всё это поправится…

Вы возвратитесь в Англию, увидите Его Королевское Высочество (графа д'Артуа. — В. Л.). Скажите ему: наш переход через Альпы ежели не превосходит Аннибалов, то, по крайней мере, оному равняется"… Он продолжал ко всему собранию: "Римляне говорили, что надобно публично хвалить себя для того, что сие производит соревнование". После того, обратясь к Принцу Амеде, произнес: "Наконец армия Конде с нами. Она показала свою стойкость в Констансе. Она составлена из людей, почтенных своею храбростию и добродетелями"».

Расточая комплименты, полководец явно желал ободрить союзников. «Между тем Суворов, — продолжает Марсильяк, — разговаривал об Голландии, просил, чтоб ему рассказывали подробно о всём, до нее относящемся. Но он и сам знал страну сию совершенно».

Эта тема затронута не случайно: в Голландии французы нанесли тяжелое поражение русско-английским войскам. Суворов, остроумно играя словами, заметил: «Англичане — храбрый народ. Это великая нация. Она больше всех приближается к Ангелам… Римляне, — сказал он, — называли себя Царями мира, но Шотландцы никогда от них побежденными не были: они противустояли сим Царям целой вселенной».

Суворов завел речь о своих итальянских и швейцарских сражениях, рассуждал о бесполезности переговоров с противником: «Австрийский Генерал принимает переговорщика, вступает с ним в рассуждение. Между тем Французы переходят Рейн, разбивают его армию и берут его самого в полон. Цесарь сказал, что никогда не должно вести переговоров с варварами… К чему служат переговоры, переписка, сообщения для двух друзей, хотя бы они были Русские, Французы, Англичане или Немцы?» Полководец приложил руку к сердцу: «Оно говорит и устремляет к одной цели. Я, как Цесарь, не делаю никогда планов частных, гляжу на предметы только в целом. Вихрь случая всегда переменяет наши заранее обдуманные планы».

Суворов не скрывал неудач, которыми закончилась блестяще начатая кампания 1799 года, и недвусмысленно давал понять, что австрийское руководство, вступившее в переговоры с противником за спиной союзников, совершило предательство. И совсем не случайным кажется маленький эпизод, завершивший монолог Суворова.

«Далее он рассказал о том, как один из его адъютантов, который тут же находился, упал в пропасть и нимало не ушибся. "Знаете, — сказал он мне, — кто его вытащил оттуда? Чорт, потому что он Франкмасон"».

Игравшие видную роль во Французской революции масоны имели влиятельных сторонников в правящих кругах стран — участниц коалиции.

Замечателен портрет русского полководца, оставленный в воспоминаниях маркиза:

«Суворов обладал глубокими сведениями в науках и литературе. Он любил высказывать свою начитанность, но только перед теми, коих считал способными оценить его сведения.

Он отличался точным знанием всех европейских крепостей, во всей подробности их сооружений, а равно всех позиций и местностей, на которых происходили знаменитые сражения.

Он говорил много о себе и о своих военных подвигах; по его словам, "человек, совершивший великие дела, должен говорить о них часто, чтобы возбуждать честолюбие и соревнование своих слушателей".

Обладая военным гением, он судил о действиях с высшей точки зрения. Мне часто доводилось слышать от него следующие суждения: "Получив повеление Императора — принять начальство над армией, я спрашиваю у него, какими землями он желает овладеть? Затем соображаю мой план действий таким образом, чтобы вторгнуться в неприятельскую страну с различных сторон многими колоннами. При встрече с неприятелем я его опрокидываю: это дело солдатское; полководец же, составляя план действий, не должен ограничивать его атакою какой-либо позиции. Неприятель, сторожа существенно какой-либо важный пункт, будет обойден с фланга и даже с тыла и для противодействия вторжению в его страну должен раздробить свои силы"».

Беседы велись на французском. Возможно, маркиз что-то недопонял (император Павел только один раз поручил Суворову командовать армией), но главное схвачено верно: русский полководец стоял за активную наступательную стратегию. Его цель — не просто разбить неприятеля («это дело солдатское»), а победой закончить войну.

Русская армия двинулась через Швабию в Чехию. В Праге Суворов, восторженно приветствуемый жителями, окруженный почтительным вниманием австрийских военных и европейских дипломатов, жил в отеле Витмара, который стал местом паломничества. Шли напряженные переговоры о судьбе коалиции.

Фукс вспоминал:

«На святках в Праге провел Князь время очень весело. Он завел у себя на банкетах святочные игры: фанты, жмурки, жгуты, пляски и проч. Мило было смотреть, как престарелый седой Военачальник бегал, плясал, мешался в толпе своих подчиненных и с какою точностию исполнял то, что ему назначалось делать, когда его фант был вынут.

Все знатнейшие Богемские дамы, Австрийский Генерал Граф Бельгард, Английский посланник при Венском Дворе Лорд Минто и множество иностранных путались в наших простонародных играх. Мы все восхищались, были в то время будто на родине. Но это была последняя песнь лебедя на водах Меандра: в Кракове ожидали его немощи и телесные, и душевные, ускорившие кончину знаменитой его жизни».

В рассказе Фукса главное перемешано с второстепенным. Более удачно нарисовал картину пребывания Суворова в Праге Акинфий Никитич Кононов, назначенный к генералиссимусу ординарцем от кавалерии:

«— Ты какого полка? — спросил меня Суворов.

— Драгунского Шепелева, — отвечал я. Тогда полки именовались по фамилиям своих шефов.

(Павел I переменил не только форму русской армии по образцу прусской, но и, подражая своему кумиру Фридриху, названия полков: со времени появления регулярной армии они звались по месту своего формирования, теперь — по имени шефа полка. Частые перемены шефов приводили к неразберихе.)

— Я этого не знаю, — сказал Суворов, услышав ответ нового ординарца. — Как полк назывался прежде?

— Санкт-Петербургский драгунский.

— А, знаю, знаю, славный полк, богатыри! Я тебе расскажу, какой он славный, ты еще не служил тогда.

И Суворов рассказал одно дело, в котором полк отличился. Потом с подобным же вопросом обратился он к пехотному офицеру, разговаривал с ним также ласково и затем вышел в другую комнату, куда входили приезжавшие по службе генералы, штаб и обер-офицеры — все без доклада.

Между этим временем подошел ко мне сын Главнокомандующего Князь Аркадий Александрович и сказал: "Если войдет сюда австрийский генерал большого роста с звездою Шведского меча, доложите об нем батюшке".

Генерал не замедлил явиться, и я доложил о нем Фельдмаршалу. Суворов поспешно вышел в залу, а за ним и все бывшие у него.

"Ах! Здравствуйте, храбрый генерал", — громко говорит Фельдмаршал, схвативши стул, который поставил пред гостем. Потом встал на этот стул, обнял генерала и, обратившись к присутствующим, продолжал: "Это великий человек, великий человек! Он вот (там-то) и меня не послушал".

То же повторил он по-немецки для не понимавших русского языка. Австрийский генерал побледнел, но Суворов уже более с ним не говорил, а подходил то к одному, то к другому из находившихся в комнате. Наконец, он быстро повернулся на одной ноге и, сказав: "Прощайте, прощайте, господа!" — скрылся. Все расхохотались».

В этой забавной сценке таился важный смысл. Гневу Павла I на союзников из-за их коварства не было предела. Английские и австрийские правящие круги всполошились, начались многоходовые переговоры с целью убедить российского императора не покидать коалицию. Император Франц, посылая в Прагу фельдмаршал-лейтенанта графа Бельгарда, отличившегося в Итальянской кампании и заслужившего одобрение Суворова, просил принять его посланца, «чтобы объяснить Вам важные затруднения, сопряженные с продолжительною остановкою вверенной Вам армии в Богемии и Австрии по причине совершенного истощения Моих наследственных владений от долговременной войны». «Вместе с тем, — писал австрийский государь, — Я поименованному Фельдмаршал-Лейтенанту поручил сообщить Вам для ближайшего обсуждения некоторые мысли о том, как, по Моему мнению, лучше употребить в предстоящую кампанию вверенную вам Русскую армию на пользу общего блага».

«Миссия Графа Бельгарда, — тут же сообщил Суворов в Петербург Ростопчину, — была основана на интригах, клонящихся к единому разведыванию образа мыслей, а притом к старанию нас завязать входом во Франконию каким-либо движением неприятельским, долженствующим быть по движению нашему. Осторожность и вежливость вся была с ним сохранена, но успеху он никакого не имел… По Высочайшей воле я с ним в объяснения не входил, да и неможно было: он мне диктовал, кричал — я поступал тихо, дабы не было налепу, что я Великого Монарха в неудовольствие привел на Венский Двор. Только мог я растолковать, что предлогом продовольствия он нас отсюда гонит».

Не менее показательна другая сценка, описанная ординарцем:

«Граф Ностиц, зять Тугута, давал бал. Суворов отправился в белого цвета мундире и во всех орденах… Карета подъехала к парадно освещенному крыльцу, лестница была уставлена цветами и деревьями, по сторонам стояли дамы, ожидавшие встретить Фельдмаршала.

Выйдя из кареты, Суворов сделал такую непристойность, которая заставила дам отвернуться, между тем как Прошка подал Фельдмаршалу полотенце обтереть руки. После чего Суворов начал входить по лестнице, кланяясь дамам по обе стороны». Даже молодому и неопытному Акинфию Кононову была понятна выходка Суворова, по-солдатски прочистившего нос: «Странное его обхождение и неучтивость на бале у Графа Ностица многие объясняли тем, что он был сердит на Тугута, дочь которого была замужем за Ностицем».

Кононов продолжает:

«При входе в залу он мне отдал свою шляпу, а оркестр, весь составленный из знатных лиц, заиграл "Славься сим, Екатерина". Генерал с лентой Марии Терезии играл на виолончели, баронесса Шлик пела. Она была беременна. Суворов остановился, благоговейно слушал музыку, делая в такт движения головою и рукой. Когда музыка умолкла, он поклонился на все стороны, подошел к певице, перекрестил ей будущего сына или дочь и поцеловал в лоб. Та вспыхнула.

Между тем Граф Ностиц представил Суворова жене. Графиня взяла руку Суворова и открыла с ним бал. Более Суворов не танцовал, а ходил по зале, разговаривая то с одним, то с другим. Хозяин был неотлучно при нем.

Когда же заиграли вальс и пары начали кружиться, Суворов схватил адъютанта своего барона Розена и начал с ним вертеться, но не в такт и в противоположную сторону. Беспрестанно сталкиваясь с танцовавшими, Суворов приговаривал Розену: "Учи меня, учи меня этому умному танцу".

Наконец, запыхавшись, он остановился и, обращаясь к Графу Ностицу, сказал: "Славный танец, умный танец, да вот никак не выучусь, а славный танец!"

В зале было много прозрачных картин, изображавших победы Суворова; он начал их рассматривать и рассказывать Ностицу, что, как и где было. Наконец, подойдя к одной, вскрикнул: "Моро ретируется! Хотите, Ваше Сиятельство, посмотреть, как он ретировался? Вот точно так".

И он побежал из комнаты в комнату, а за ним вся свита, потом в сени, сбежал с лестницы, сел проворно в карету и закричал: "Домой!"».

В декабре 1799 года в Праге оказался шведский военный и государственный деятель барон Армфельд, сподвижник и любимец покойного Густава III. Армфельд отличился в Финляндии во время русско-шведской войны 1788—1790 годов и сыграл большую роль при заключении мира. Он писал дочери:

«Я видел Суворова несколько дней тому назад в театре. Его слава и странности привлекли туда множество народу. За билеты платили тройную цену. Театр был иллюминирован, и пролог читался в его славу.

Он появился в ложе Эрцгерцога Карла, в австрийском фельдмаршальском мундире и во всех своих орденах. После пролога, равно как и при его входе в ложу, кричали "Ура!" и "Да здравствует

Суворов!" с неслыханным энтузиазмом.

Он отвечал: "Да здравствует Франц!" — и несколько раздавал знаки рукою, что не желал, чтоб произносили его имя, но когда это ему надоело, он низко кланялся и кончил тем, что благословил зрителей в партере и ложах. Никто не находил это смешным; ему кланялись, как Папе.

Во время одного из антрактов одна молодая дама далеко высунулась вперед из соседней ложи, чтобы видеть его. Он просил узнать ее фамилию. Ее представили ему, и он протянул ей руку, но она сконфузилась и не дала ему своей. Тогда Суворов взял ее за нос и поцеловал. Публика тогда не могла не смеяться».

Знакомство Армфельда с Суворовым состоялось на обеде у князя-архиепископа, на котором присутствовал высший свет Праги:

«Он заметил меня и мои ордена и приблизился ко мне. После того как Князь Горчаков на его вопрос ответил, кто я, он кинулся ко мне на шею, живо обнял и кричал: "Герой, герой, ты побил русских и очень. Суворов только бил турок, пруссаков, поляков и французов"… Потом он призвал всех своих генералов и свой штаб, представил меня им и кончил следующими словами: "Да, да, он нас крепко побил; это заслуживает уважения. Но он никогда не переставал быть верным своему Королю и отечеству, это заслуживает почтения и удивления"».

Приглашенный на обед Армфельд удостоился доверительной беседы с Суворовым: «Он мне говорил совершенно новые вещи касательно нашего ремесла, которые я никогда не забуду. Если его тактика не совершенна, то нельзя отрицать, что он обладает взглядом и даром уметь пользоваться одержанным успехом или ошибкой неприятеля… Он странный, выражается странно, но всё, что он говорит о военных делах, отмечено печатью великого таланта и глубокого знания… Ты не поверишь, как этот человек, покрытый лаврами и ранами, интересен. Он не дурак, он не чудак, он чрезвычайно глубок и тонок, а в особенности ловок судить о людях и обстоятельствах». Швед приводит показательный пример. На обеде Суворов в присутствии лорда Минто спросил генерала Бельгарда: «Отчего Ганнибал после сражения при Каннах не пошел на Рим?» Бельгард ответил: «Он хотел дать своей армии несколько дней отдыху». — «Нет, — сказал Суворов. — Ему помешал Совет Карфагена. Да и всюду, где есть совет и где дипломаты хотят направлять действия генералов, будет то же самое».

Еще один швед, оказавшийся в Праге, дипломат граф Делагарди записал пророчество русского гения: «Не английские деньги, не русские штыки, не австрийская кавалерия и тактика, не Суворов водворят порядок и одержат победы с желанными последствиями, а справедливость, бескорыстие, которое внесут в политику прямота, порядочность и благородство, привлекающие сердца, — вот чем можно достигнуть всего!»

Великий воин разъяснял самую суть большой стратегии: «Если начинать еще раз войну с Францией, то надобно ее вести хорошо. Если поведут ее худо, то это будет смертельный яд. Тысячу раз лучше ее не предпринимать по-прежнему. Всякий, вникнувший в дух революции, был бы преступником, если бы о сем умолчал. Первая большая война с Франциею будет и последнею».

Эти советы не были услышаны. Зато во Франции победы русского полководца произвели сильное впечатление. Итальянский триумф Суворова ускорил крах режима Директории. Генерал Бонапарт бросил в Египте свою армию, прорвался сквозь морскую блокаду англичан и высадился на юге Франции. Через несколько дней он был в Париже. 28—29 октября (9—10 ноября) 1799 года произошел военный переворот, открывший генералу путь к диктатуре. Поначалу Бонапарт сделался одним из трех членов нового органа высшей исполнительной власти Франции — Консулата. Помимо генерала консулами стали члены упраздненной Директории Роже Дюко и бывший аббат Эммануэль Жозеф Сийес, искушенный политикан, один из организаторов переворота.

Знаменательно, что 28 октября помечен рескрипт Павла о пожаловании Суворову чина генералиссимуса. Успехом переворота будущий император французов был обязан страху, который в правящих кругах республики поселил русский полководец Суворов.

Ростопчин поспешил поделиться с генералиссимусом оценками новой ситуации во Франции. «Теперь весьма важно знать, — писал он 23 ноября, — какой оборот возьмет новое, но сильное республиканское правление и чего захочет Бонапарте. Если оставят его в живых, то из двух он, верно, изберет одно: быть Кромвелем или возвесть на престол Короля, потому что человек этого разбора, ознаменовав жизнь свою делами военными и политическими и быв завоевателем и царем Египта, не захочет быть орудием какого-нибудь Си[йе]са или ему подобного скареда».

Современники ясно сознавали, что значили и что обещали победы Суворова.

Прославленный адмирал Нельсон откровенно льстил русскому генералиссимусу: «Все восхищаются Вашими великими и блистательными подвигами. Это делает и Нельсон. Но он Вас любит за Ваше презрение к богатству… Я знаю, что мои заслуги не могут равняться с Вашими… Нынешний день сделал меня самым гордым человеком в Европе. Некто, видевший Вас в продолжение нескольких лет, сказал мне, что нет двух людей, которые бы наружностию своею и манерами так походили друг на друга, как мы».

«Нужно будет следовать идеям Фельдмаршала Суворова и ни в коем случае идеям барона Тугута, — увещевает графа Воронцова министр иностранных дел Великобритании лорд Гренвиль 28 октября (9 ноября) 1799 года. — По правде, я думаю, что будет выгодно попросить у последнего план операций предстоящей кампании раньше, чем он узнает план Фельдмаршала… Оставив за ним инициативу, можно будет подчинить его идеи рассмотрению Фельдмаршала, получить право их оспаривать и здесь (в Лондоне. — В. Л.), и в Петербурге… Лорд Минто будет следовать советам Фельдмаршала, в честности которого он может быть так же уверен, как в его гении».

И вдруг — невероятная перемена. Британский дипломат лорд Минто, ухаживавший в Праге за российским генералиссимусом, заявляет в письме жене: «Суворов самый невежественный и неспособный командир в мире, ничего не делающий, неспособный на самостоятельные действия, окончательно теряющий голову при трудностях и опасности. А по миновании опасности присваивающий себе всю славу… Он целиком обязан своими успехами в Италии превосходным австрийским генералам, которые служили под его командой… вот настоящий портрет этого сумасшедшего паяца».

Откуда такая желчь и такая ненависть? Всё объясняется просто: император Павел вышел из коалиции и приказал Суворову возвращаться с армией домой.

Минто высказался в частном письме, но в газетах, особенно французских, была развязана кампания критики Суворова как полководца. Фукс замечает: «Суворов ничем так не гордился, как тем, что во всю жизнь свою разбивал везде неприятеля многочисленнейшего меньшими силами и всегда говаривал: "В Александре [Македонском] великое было то, что он малою силою истребил миллионы Персов". Зато не сердился так много, как когда в периодических сочинениях ложно увеличивали его войско, а неприятельское уменьшали. И в сем не прощал он и Дюмасу, издателю Precis des evenements militaires («Обозрений военных событий», публиковавшихся в Гамбурге. — В. Л.). Тотчас продиктовал с жаром в заметке возражение для помещения в газетах: "У этого наемника Историка два зеркала: одно увеличительное для своих, а уменьшительное для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба и выставит свое, в котором мы не будем казаться Пигмеями"».

Остается только пожалеть о том, что до нас не дошли отклики Минто на военные события, последовавшие вскоре после смерти Суворова. «Превосходные австрийские генералы», побеждавшие под руководством русского гения, были повержены в 1800 году. В битве при Маренго Бонапарт принудил к капитуляции армию Меласа. Соперник Суворова Моро разгромил армию эрцгерцога Иоанна при Гогенлиндене.

Пятого ноября 1799 года Ростопчин поспешил известить «своего великого друга» о последних распоряжениях императора. «Светлейший Князь! Объявляю Вам, что… Государь приказал сделать проэкты для литья статуи Российского генералиссимуса». «Статуя опробована и идея счастлива, — пишет Ростопчин 3 января 1800 года. — Герой в виде сражающегося воина; правая рука вооружена мечом, поражает; левая с щитом, прикрывает жертвенник, на коем две короны и тиара. И за жертвенником растут из земли лилии (символы французской королевской власти. — В. Л.). Место статуи будет против главной фасады Михайловского замка, и сей монумент — достойный и проницательности Великого Государя, и великих беспримерных дел Его героя».

В эти самые дни в Прагу приехал придворный художник саксонского курфюрста Иоганн Генрих Шмидт с поручением написать портрет российского генералиссимуса.

«Сеанс был назначен Шмидту во время обеда, часу в девятом утра, — передает со слов своего отца (дипломатического чиновника, состоявшего при полководце) барон Ф.А. Бюлер. — Суворов сидел за столом в рубашке и разговаривал с генералами. Шмидт рисовал с него, сидя за другим концом стола. После обеда Суворов прочел молитву и проскакал мимо Шмидта на одной ноге, закричав "кукареку". Мундир и ордена Шмидт писал после, для чего камердинер Суворова Прошка вынес ему австрийский фельдмаршальский мундир с блестковыми (шитыми. — В. Л.) звездами».

Фукс также вспоминает о том, как создавался портрет, правда, перепутал имя художника — вместо Шмидта у него Миллер:

«Курфирст Саксонский, уважая отличные достоинства великого россиянина, изволил отправить в Прагу (в Богемии) знаменитого своего живописца Миллера для списания портрета Суворова, который будет украшать Дрезденский Музеум или, лучше сказать, Музеум Европы.

Сими словами возвестил я Князю Александру Васильевичу о прибытии артиста в Прагу. Он отвечал: "Зачем изволит беспокоиться Его Светлость? Откажи ему и скажи, что я мальчишка".

Сии слова меня поразили, я остановился и произнес с жаром: "Судить, кто вы, не ваше дело;

предоставьте сие Европе. Ужели вы заставите художника сказать вам, что сказано было Монтескье, отказавшемуся также от портрета: 'Разве в отказе сем меньше гордости?' "

Он запрыгал, поставил посреди горницы стул и велел ввести к себе живописца. При появлении сего сединами украшенного старца Князь тотчас обнял его и расцеловал. Потом, отскочив, начал по-немецки следующую речь: "Его Светлость Курфирст желает иметь мой портрет. Ваша кисть изобразит черты лица моего — они видны; но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик (тут вскочил на стул); при приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим (сел на стул), как и теперь".

Тут он умолк, сидел неподвижно, и восхищенный художник с чувством гордости принялся за кисть».

Егор Борисович не без литературных прикрас и ошибок сообщает, что, когда портрет был готов, перед художником встал вопрос: «Показать ли его оригиналу, который никогда не хотел видеть себя и в зеркале?» Суворов, едва взглянув, спросил:

— Полезны ли вам были психологические мои рассуждения о самом себе?

— Очень, — отвечал художник. — Для начертания характеров пригодно всё, даже мелочи. Толпою не замечаемые черты делаются для артиста, изобразителя души в теле, весьма важными. Счастливо перенесенные на холст, они дают портрету всю физиономию. До сего невдохновенный художник никогда не достигнет. Рубенс… изображал смеющееся дитя. Один миг волшебной его кисти — и дитя, к изумлению всех предстоящих, плачет. Я не Рубенс! Но он бы в первый раз позавидовал теперь моему счастью.

Прекрасное описание портрета и его оценку находим у А.В. Помарнацкого: «Изображен Суворов в белом австрийском мундире, с обнаженной головой, с задорным хохолком, со спустившейся на лоб прядью и легкими, разлетающимися на висках прядями седых волос. Глаза смотрят остро и внимательно, брови с характерным изломом слегка приподняты и придают лицу чуть насмешливое выражение. Асимметричные складки у рта со слегка выдвинутой нижней губой усиливают впечатление подвижности лица Суворова и заставляют зрителя предчувствовать насмешливую улыбку, еще таящуюся внутри, но вот-вот готовую заиграть на устах старого полководца, который сейчас, кажется, обронит какую-нибудь из своих саркастических шуток. Характерная черта Суворова — его необыкновенная духовная и физическая подвижность, юношеская легкость, которую он сохранил до последнего года своей жизни, — с большим мастерством запечатлена в этом последнем прижизненном его портрете».

К этому мастерскому эссе исследователя можно добавить только один штрих: лицо Суворова дышит необыкновенной просветленностью и благостностью, словно полководец говорит зрителям: свой долг я исполнил, утвердил славу русской военной школы и свою славу.

БОЛЕЗНЬ, ОПАЛА, СМЕРТЬ

При виде оживленного, казалось, не знавшего утомления полководца никому не могла прийти в голову мысль, что ему оставалось жить считаные недели. «Это был, — отмечает Помарнацкий, — последний подъем, как бы продолжавший необычайное напряжение духовных и физических сил Суворова во время кампании последнего года. За этим длительным напряжением неминуемо должен был последовать кризис, и он наступил, когда кипучая боевая деятельность и шум чествований и празднеств остались позади. Тотчас по выезде из Праги 14 января 1800 года Суворов почувствовал недомогание. В пути болезнь его (простуда и общее недомогание) обострилась, силы угасали, и в Петербург, где вместо заслуженных почестей его ждала новая опала, он приехал тяжелобольным».

По пути из Праги в Краков генералиссимус остановился в городке Нейтингене (ныне Нови-Йичен) в Моравии и посетил гробницу знаменитого австрийского полководца Лаудона. Прочитав длинную и величественную эпитафию, украшавшую памятник, он сказал, что желал бы, чтобы кости его лежали в Отечестве, а на могильной плите было написано: «Здесь лежит Суворов».

Письмо Ростопчину из Нейтингена от 27 января Суворов начинает словами: «Я возвратился с места, где скончался Лау-дон: пролил по нем слезы — жребий смертных» — и тут же переходит к оценкам продолжающейся европейской войны. «Любезные герои "готдемы" воюют для корыстей: они как вечно целы на их природных островах». Особенно возмущает полководца захватническая политика венского двора в Италии, освобожденной в результате его побед. Австрия становится сильнее «атейской (атеистской, безбожной. — В. Л.) Франции, изнуренной способами едва ли не на половину последней Италианской кампанией… Что ж скажет всегда хитровозражающий Поцдам? [постоянная соперница Австрии — Пруссия]…. Ныне Берлин малосильнее Вены. Великий Император Норда (Севера, то есть России. — В. Л.) — правитель судьбы». Он предвидел, что эгоистическая политика европейских держав приведет к захвату Наполеоном почти всего континента, а спасительницей его станет Россия.

В Кракове Суворов почувствовал себя так плохо, что сдал командование армией генералу А.Г. Розенбергу и поспешил в свое имение «Кобринский Ключ».

Девятого февраля адъютант генералиссимуса барон Александр Розен писал князю Алексею Горчакову в Петербург:

«Вчерашнего числа приехали мы в Кобрин. Князь занемог в Кракове и для того здесь остановился дня на четыре. Болезнь его не опасная, но напротив, к счастию, что вода вышла наружу. По всему телу пузыри водяные… Вот уже четыре дня, что он совсем ничего не ест, не пьет. Сегодня я уговорил его поесть супу и доктор позволил понемногу пить аглицкого пива. Надеюсь, что дни чрез три в состоянии будет ехать.

С ним только Ставраков и я — мы безотлучно. Вы знаете, каков он здоровый, а больной вдвое таков; но со всем тем нам приятно жертвовать всем для нашего благодетеля и для человека, который есть подпора отечеству.

При сем посылаю письмо в Кончанск (то есть Кончанское. — В. Л.). Покорнейше прошу его отправить да приказать кончанскому дворецкому, чтобы исправить и топить покои, да чтобы было пиво, мед вареный, баня. Все сие Князь приказал мне Вашему Сиятельству отписать».

Сам Суворов оценивал свое состояние гораздо серьезнее. «Огневице (лихорадке. — В. Л.) моей 17 дней, и 11 последних я на чистом голоду, даже малейшая крупица хлеба мне противнее ревеню. 2-е, почти годовой кашель мне здесь умножился непрестанным, томные кишки подвело, — диктует он 11 февраля письмо племяннику. — Всё тело мое в гноище, всякий час слабею, и ежели дни чрез два то же будет, я ожидать буду посещения Парков ближе, нежели явиться Всемилостивейшему Монарху».

Он борется с болезнью постом и молитвой. Диктует «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу»: «Отверзаю уста моя к пению славы и милосердия Твоего, Господи, испытываю сердце и душу мою, и вем, яко ни едино слово довольно к пению чудес Твоих. Но ты, яко Человеколюбец, не возгнушайся моих словес и услыши мя вопиюща: Помилуй мя, Боже, помилуй мя!.. Воздевая к Тебе, Богу моему, руки мои, поклоняюся Тебе сокрушенным сердцем и чистою совестию Создателю моему. Верую и исповедую, яко Ты еси Искупитель мой, и несомненно ожидаю от Тебя спасения моего. Вручаю Тебе душу мою и тело, причти меня угодником Твоим. Сего единаго у Тебя прошу и молю, да обрящу. Се на умоление предлагаю Тебе, Господи, Матерь Твою Пречистую и всех от века Тебе угодивших, молитва их у Тебе много может, приими ходатайство их за меня недостойного; не вем уже, что более Тебе изрещи: Твой есмь аз, спаси мя! Аминь».

М.Г. Жукова, публикуя суворовский канон, отмечает, что он написан под несомненным влиянием Великого покаянного канона христианского теолога преподобного Андрея Критского (около 660 —

740): «Некоторые ирмосы почти дословно воспроизводят текст канона, другие были полностью написаны Суворовым, но также в духе высокого покаянного чувства».

Пока Суворов боролся со смертельным недугом, император писал ему сердечные письма. «Князь Александр Васильевич! — говорилось в письме от 29 февраля. — С крайним сожалением вижу Я из донесения вашего от 20/9 сего месяца, что здоровье Ваше продолжает быть разстроенным. Надеюсь, что воздержание и терпение Ваши, а притом и доктор Мой возстановят Вас по прежнему и доставят Мне скорое удовольствие Вас видеть здесь. Прощайте, до свидания. Уповайте, яко и Я, на Бога».

Больной полководец постоянно думает о минувшей кампании. 7 марта он диктует по-французски письмо барону Гримму:

«Я шаг за шагом возвращаюсь с другого света, куда меня едва не утянула неумолимоя фликтена с большими мучениями. Вот моя тактика: отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение.

Все кампании различны между собой. Польша требовала массированного удара. В Италии потребно было, чтобы повсюду гремел гром...

Италия очищена, но о сю пору меня перегоняют в Швейцарию, чтобы там уничтожить. Эрцгерцог при приближении нового русского корпуса свою армию, на одну треть сильнейшую русской, бестрепетно уводит, не помышляя о возвращении. Русским же предоставляет удерживать все занятые пункты. Тогда неприятель, благодаря перевесу в силах, добился блестящих успехов.

Я был отрезан и окружен; день и ночь мы били врага и в хвост, и в гриву, брали у него пушки и бросали в пропасти за неимением транспорта. Враг потерял в 4 раза больше нас. Мы везде проходили с победой и соединились в Куре… От Эрцгерцога не ждал я более ничего, кроме разговоров да зависти, посему вызвал к себе цюрихские русские войска из Штафхаузена (Римского-Корсакова. — В. Л.) и отправился на отдых в Швабию, Аугсбург.

Итак, гора родила мышь. Мы поначалу в Пьемонте столь были благоразумны, что молва о сем до Лиона дошла, а то и до Парижа, коий к Крещению я бы призвал к ответу.

Да не до Франции стало — кабинет (австрийский. — В. Л.), ни военного, ни мирного искусства не ведая, в лукавстве и коварстве погрязнув, заставил нас всё бросить и отправиться по домам. Последняя его пражская хитрость вот какова была — меня вернуть и заставить войти во Франконию, на тех же основаниях, что и в Швейцарии. Я заявил, что выполню сие не прежде, чем увижу воочию под знаменами своими 100 000 человек.

Поистине, никто не выиграет больше, чем Англия, от продолжения войны…

Нидерланды потеряны, но возвращены обратно Милан, Тоскана и Венеция, завоеваны Романья и, главное, Пьемонт, — увидите ясно, что Австрия соделалась в три раза сильнее, нежели прежде была, для совместной с Англией войны».

Очерк минувшей кампании предельно краток и точен, перспективы продолжающейся войны очевидны. «Он читал в будущем, — резюмирует Фукс, приводя слова Суворова, сказанные им после получения повеления возвращаться с войсками домой: — "Я бил французов, но не добил. Париж — мой пункт, беда Европе!"».

Он гнал прочь мысли о смерти. Его заботили житейские семейные дела, прежде всего бракосочетание князя Аркадия Александровича. Еще из Праги Суворов сообщил Ростопчину: «Сын мой… теперь хоть и в молодых летах, но я весьма желаю еще при жизни моей иметь ту отраду, чтобы пристроить судьбу его. Выбор его пал на дочь покойного герцога Курляндского герцогиню Саган. Сходство их обоих нравов, лет и состояния побудило меня дать на сей брак отцовское мое благословение».

Аркадий познакомился с герцогиней Катериной Фридерикой Вильгельминой Бенигной фон Бирон (внучкой фаворита императрицы Анны Иоанновны) в Праге. Герцогиня была одной из самых видных и богатых невест Европы. Император Павел дал согласие на брак и разрешил приезд невесты с матерью в Петербург. Смерть 2(13) января отца невесты повлекла за собой трехмесячный траур.

Полагая, что траур подходит к концу, Суворов хотел, чтобы бракосочетание совершилось в Петербурге, в его присутствии. А пока он писал Хвостову, опекавшему его сына: «Благодарствую Вам за призрение К[нязя] Аркадия. Избегайте малейшей роскоши, он должен на свою долю Вам соучаствовать в найме квартиры, а в столе на образ Наташи… Ежели бы что не стало, то добавляйте ему от меня. Паче, как молодого юношу, берегите строго его любомудрие и благонравие».

Даже в болезни он был занят поисками места, где мог бы спокойно провести остаток жизни.

Вспоминал Кончанское, которое он «уважает столько, что хочет там построить каменный домик с церковью». Советовался с Хвостовым, не обменять ли «Кобринский Ключ» на российское имение.

«Я буду жить в деревне и, где бы то ни было, надлежит мне Высочайшая милость, чтоб для соблюдения моей жизни и крепости присвоены мне были навсегда штаб-лекарь хороший с его помощником, к ним фельдшер и аптечка. И ныне бы я не умирал, естли б прежде и всегда из них кто при мне находился…

Ежели буду жив, в Высочайшее шествие из Санкт-Петербурга в Павловское 23 мая, прямо ли мне тогда в деревню ехать или чрез несколько дней из Павловского увольниться…

Я бы законно желал быть иногда в публике в иностранном мундире. Великому Императору то слава, что его подданный их достойно заслужил».

Не внешняя красота белого с золотым шитьем австрийского мундира или роскошного синего мундира великого фельдмаршала сардинских войск были дороги старому воину — дорого было признание выдающихся заслуг русского полководца европейскими монархами. Суворов уже знал о пожелании Павла, чтобы он сложил с себя звание австрийского фельдмаршала. Знал и о том, что еще 22 ноября последовало повеление, чтобы князю Италийскому «не утвержденного указом титула светлости не давать», а титуловать его по-прежнему «сиятельством». Незадолго до него пожалованные в князья Безбородко и Лопухин именовались «светлостями». Но заслуги Безбородко в царствование Павла I не шли в сравнение с подвигами Суворова. Лопухин же получил титул за то, что император страстно влюбился в его дочь Анну.

Генералиссимус чувствует приближение немилости, но гонит черные мысли прочь. Заканчивается письмо Хвостову просьбой: «Мне должно, нацелясь, чтоб под Петербург приехать одну станцию к ночи, где и ночлег взять. Тут я должен уже найти К[нязя] Андрея (Горчакова. — В.Л.) или К[нязя] Аркадия с краткою о всем запискою для предуведомлений и потому благомерия».

Ростопчин продолжал держать Суворова в курсе важнейших политических новостей: «Тугут всё еще в шишаке и сбирается на войну, но о мире трактует. Затрудняет его один пункт — возстановление Цизальпийской республики. Вероятно, что Бонапарте сам примет над армиею команду, и власть его, быв основана на войне и оружьи, он захочет увериться еще более в солдатах, начальствуя оными. Он царь без титла: все ему поклоняются, всего его чтят в ожидании мира; участь всех смягчена; но как иноземцу с репутациею управлять живою и сумазбродною нациею? Он хочет непременно начать войну, если Венский Двор не возстановит республики Цизальпийской, а тут его Сиейс и подкосит тем, что Италии [незачем] Франциею жертвовать». Среди новых военных планов граф упоминает план генерала Дюмурье, которому пришлось бежать из революционной Франции. Старый знакомец Суворова направился в Россию, чтобы убедить императора Павла дать ему русские войска, зимовавшие после провала голландской экспедиции на маленьких островках подле Англии. «Государь о войне и слышать не хочет, оставляя других на их произвол», — резюмирует Ростопчин. Заканчивается письмо тонкой лестью: «Приезжайте разговеться сюда и сделайте вместо одного праздника два».

Постом и молитвой остановив «неумолимую фликтену», Суворов отправился в Петербург. Еще ранее из письма Ростопчина он узнал о приготовленной ему поистине царской встрече: «Герой века» въедет в столицу под звон колоколов. Народ, войска, гвардия будут приветствовать генералиссимуса. Сам император обнимет его у дверей дворца — честь неслыханная!

Неожиданно 20 марта 1800 года последовал царский рескрипт: «Господин Генералиссимус Князь Италийский Граф Суворов-Рымникский. Дошло до сведения моего, что во время командования войсками моими за границею, имели Вы при себе дежурного генерала, вопреки всех моих установлений и высочайшего устава, то и, удивляясь оному, повелеваю Вам уведомить меня, что Вас побудило сие сделать».

Вскоре последовал приказ императора: «Во всех частях, составляющих службу, сделано упущение, даже и обыкновенный шаг нимало не сходен с предписанным уставом».

Пока тяжелобольной Суворов медленно приближался к столице, Павел попросил своего сына Константина, вернувшегося из похода приверженцем великого полководца, высказаться насчет военной формы. Цесаревич по-суворовски отрезал: неудобная. Отец попросил представить образец более подходящей одежды. Доверчивый Константин представил. Император разразился гневом, усмотрев в «удобной форме» сходство с потемкинской.

Все эти придирки скрывали страх Павла. Суворов на деле доказал всю порочность гатчинских преобразований армии. Боялся император и проявлений народного восторга при въезде генералиссимуса в столицу. Последовало повеление перенести въезд на ночь.

Дмитрий Иванович Хвостов 23 апреля обратился к любимцу Павла Ивану Кутайсову, бывшему царскому брадобрею, получившему графский титул, с просьбой «принять на себя донести Государю

Императору, что Генералиссимус Князь Италийский прибыл сейчас в С.-Петербург и остановился на моей квартире в весьма слабом состоянии».

«Суворов не приехал, а его привезли в Петербург, — писал известный мемуарист Александр Михайлович Тургенев. — Что-то удерживало еще бросить его в Петропавловскую крепость, но в доме, для него приготовленном, Граф Рымникский Князь Италийский Суворов жил не веселее казематного — к нему не смел никто приезжать». К воспоминаниям Тургенева, начавшего служить еще в царствование Екатерины Великой и умершего в царствование ее правнука Александра II, следует относиться с осторожностью. Они писались на склоне лет, в них правда перемешана со слухами. Но что касается опалы Суворова, то она и вправду была и неожиданной, и настоящей. У генералиссимуса были отобраны адъютанты и разосланы по полкам, ему было запрещено являться во дворец.

Полководец провел последние дни жизни в доме Хвостовых на Крюковом канале близ морского собора, носящего имя защитника всех путешествующих святого Николая. По горячим следам были опубликованы рассказы о последних днях Суворова, записанные со слов Дмитрия Ивановича Хвостова, на руках которого Суворов скончался. Хотя в этих историях заметны старания всячески обелить государя, тем не менее они доносят до нас драгоценные свидетельства о силе духа великого полководца и его воле к жизни:

«Родственники со слезами радости приветствовали Суворова, но вскоре они уверились, что принимают у себя Героя, сделавшего честь своему веку, отечеству и военному искусству, уже расслабленного и умирающего, который принес им одно утешение — славное свое имя…

Суворов по предписанию врачей начал вести иной образ жизни. Обедал уже не в 7 часов утра, а во втором пополудни и спал не на сене. Он часто вставал с постели, садился в большие кресла, в которых его возили по комнате. Для препровождения времени продолжал учиться турецкому языку или рассуждал о Государственных делах.

Странно было слышать, что он сохранил в своей памяти все подробности о походах противу поляков и турок, между тем как ежеминутно сбивался и забывал даже названия покоренных им городов и крепостей в Италии и имена генералов, над которыми одержал в сей стране победы.

Чтоб успокоить больного, один из родственников испросил у Государя Императора славнейшего в то время врача Грифа, который два раза в день приезжал к нему, объявляя всякий раз, что он прислан самим Императором.

Полководец, дороживший всегда вниманием государя, был сим очень доволен и только просил врачей, чтобы скорее его вылечили, дабы мог он явиться лично пред Государем Императором для принесения благодарности за милости, на него излиянные.

Тщетны были все старания, болезнь его день ото дня усиливалась — и смерть скорыми шагами приближалась.

Со всем тем живое воображение и острота ума не оставляли Суворова на одре смерти, и однажды острота его столь удивила предстоящих, что они начали укорять врачей, утверждавших, что нет ни малейшей надежды к сохранению его жизни. Тогда один из них сказал: "Вы ошибаетесь, господа, он умрет, в нем расслабление дошло до величайшей степени; но природа одарила его таким быстрым духом, что дайте мне полчаса времени, и я выиграю с ним сражение"».

В другом варианте того же рассказа, отличающемся деталями, этот врач назван по имени — армейский штаб-лекарь Николай Андреевич Гениш. Тот якобы однажды сказал Хвостову: «Вы обольщаетесь пустою надеждою. Чрез неделю или чрез десять дней его не будет на свете, хотя умирающий Князь Италийский истинный Герой. В этом человеке потаенные жизненные запасы удивительны; дайте мне его приготовить, я с ним за два часа до смерти дам сражение, которое, если не ошибаюсь, выиграю».

Врач, конечно, старался ободрить родственников умирающего. Сам Суворов гнал от себя мысли о смерти. Предание повествует:

«Однажды утром Альпийский Герой был один на один с Графом Хвостовым и завел весьма издалека речь о своей болезни. Много скучал, расспрашивал, что думают врачи, и заключил: "Мне уже не вставать".

Поэт прибегнул к часто употребляемым поговоркам общежития и уверял скрепя сердце, что в нем ничего смертного, что все врачи надеются скоро поднять его на ноги.

Воин как тонкий и замысловатый человек будто согласился и сказал: "Так ты думаешь, будто я от настоящей болезни не умру?"

Племянник говорил: "Я в этом уверен без сомнения".

Суворов снова возразил: "Хорошо, а если я останусь жив, сколько лет проживу?"

Вопрос сей излетел из уст Суворова ровно за неделю до его смерти. Поэт, чувствуя, что должен вскоре его оплакать, думал сделать большой подарок, сказав громогласно и решительно: "Пятнадцать лет".

Вообразите, каков был ответ умирающего Героя! Он нахмурил брови, показал сердитый вид, плюнул и сказал: "Злодей! Скажи тридцать"».

Вот еще несколько историй, также записанных со слов Хвостова.

«Последние минуты его жизни показывают необыкновенную его пылкость и приверженность к деятельности. Когда Вице-канцлер Граф Ростопчин привез к нему письмо от нынешнего Французского Короля, жившего тогда в Митаве, и орден Св. Лазаря, Суворов лежал в совершенном расслаблении. Долго он не мог понять, зачем Ростопчин приехал; наконец, собравшись с силами, велел прочитать письмо, взял орден и заплакал. Потом велел прочитать город, откуда оно прислано, и с ироническою улыбкою сказал: "Так ли прочитали? Французский Король должен быть в Париже, а не в Митаве!"».

«Бюлер, ныне получивший по предстательству Суворова баварский орден Златого Льва, желая, чтоб он сам возложил на него знаки отличия, упросил племянника доложить о сем Суворову. Племянник, вошед к больному, сказал ему: "До вас есть дело". Суворов, окинув его быстрым взглядом, возразил твердым и решительным голосом: "Дело? Я готов". Но, узнав, в чем оно состояло, опустил голову на подушку — и слабо едва внятными словами произнес: "Хорошо, пусть войдет"…

Последнюю ночь он провел очень беспокойно и в бреду беспрестанно твердил о Генуе и новых своих планах. На другой день, чувствуя, что конец его жизни уже близок, он хотел окончить ее подвигом благодарности, вручив племяннику своему богатую шпагу, поднесенную ему в дар городом Турином. Но огорченный родственник не принял оной, доказав тем, что привязанность его к Суворову основана была на истинной дружбе и почтении.

Потом, простясь со всеми, Суворов хотел что-то сказать, но слова замерли на устах. Смертная бледность покрыла чело его, и Суворов окончил славную жизнь свою 6 мая во втором часу пополудни.

Император, пораженный смертью Суворова, послал своего Генерал-Адъютанта утешить родственников и объявил им, что он наравне с Россиею и с ними разделяет скорбь о потере великого человека. Приняв на себя попечение о погребении, он сам распределил печальный обряд». Я.И. Старков в мемуарах передал рассказ князя Петра Ивановича Багратиона о реакции Павла I на смерть Суворова: «Я донес Государю Императору обо всем и пробыл при Его Величестве за полночь. Всякий час доносили Государю об Александре Васильевиче. Между многими речами Его Величество сказать изволил: "Жаль его: Россия и я со смертью его потеряли много, а Европа — всё"». Эти воспоминания явно грешат желанием скрасить факт последней опалы, которой подверг Павел умиравшего полководца. Свидетельства, сделанные в те печальные дни, рисуют картину всеобщего горя.

Известный историк русской литературы архимандрит Евгений в день смерти Суворова писал своему другу В.И. Македонцу:

«Сегодня в первом часу пополудни умре Генералиссимус Князь Суворов. У нас в Петербурге, в хижине у племянника, Синодского обер-прокурора. Дней с 10 как он едва довезен сюда. Каждый день покой его по дважды топили. Вот и конец великого человека.

Mors solafateturQuantula sunt hominum corpuscula!(Только смерть показывает, как ничтожно тело человека!)

Суворову у нас назначено погребение в субботу. Могила будет в Невском, в Благовещенской нижней церкви, возле левого клироса. Церемония, думаю, будет большая.

И смерть его обманывала лекарей, как сам он неприятелей… Говорят, что пред кончиною за два дня открылись на давно заживших у него ранах язвы и превратились в гангрену. Впрочем, он скончался тихо и в памяти, а всё остро шутил. Услышите много его анекдотов, но, думаю, много и прилгут, а особливо госпожа Москва… Что-то напишет нам на смерть Державин!»

Сам Гаврила Романович 7 мая сообщил своему близкому другу Н.А. Львову:

«Герой нынешнего, может быть, и многих веков, Князь Италийский с такою же твердостию духа, как в многих сражениях встречал смерть, вчерась в 3 часа пополудни скончался.

Говорят, что хорошо это с ним случилось. Подлинно хорошо: в такой славе вне и в таком неуважении внутрь окончить век!

Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, вот что есть человек!»

Будущий адмирал, государственный секретарь, автор манифестов, поднимавших русских людей на отпор Наполеону, президент Академии наук, министр народного просвещения, поэт Александр Семенович Шишков вспоминал: «Суворов больной, после знаменитых подвигов своих, возвращается в Отечественную столицу, увенчанный лаврами, но неизвестно почему под тем же гневом, под каким был прежде. Он недолго был болен. 6 мая 1800 года смерть прекратила дни его. Все или, по крайней мере, многие не только к нему больному, но даже к телу его, опасаясь немилости, появляться не смели. Вот что я видел своими глазами.

Приехав однажды, вошел я в комнату, где он лежал в гробу. Всех нас было трое и четвертый — часовой с ружьем. Князь Шаховской, лишившийся руки в одном из сражений, бывших под предводительством Суворова, смотря на него, сказал сквозь слезы: "За тобою следуя, лишился я руки моей. Встань! Я с радостью дам себе отрубить другую".

Мы с ним прослезились и, отдав последний поклон праху великого мужа, идем мимо часового, который при отдании нам чести, казалось, удерживался от плача. Взглянув на печальное лицо его, мы спросили: "Тебе так же, как и нам, жаль его?"

Он вместо ответа залился слезами. "Верно, ты служил с ним?" — повторили мы свой вопрос. "Нет, — отвечал он, рыдая, — не привел Бог!"

Погребение Суворова, несмотря на желание похоронить его просто (из гвардейских частей в процессии участвовала одна Конная гвардия), было по великому стечению народа превеликолепно! Все улицы, по которым его везли, усеяны были людьми. Все балконы и даже крыши домов наполнены были печальными и плачущими зрителями. Сам Государь простым зрителем выехал верхом и сам мне рассказывал, что лошадь его окружена была народом и две женщины, не приметя, кто на ней сидит, смотрели, облокотясь на его стремена».

Шишкову вторит графиня Варвара Николаевна Головина, хорошо знавшая нравы двора:

«Князь Суворов на обратном пути заболел, и Государь подверг его немилости самой несправедливой — печальное следствие его характера.

Суворова привезли в Петербург, и было приказано поместить его в самом отдаленном квартале вместо помещения, приготовленного для него при Дворе. Гнев Императора увеличил его болезнь и подвинул его к могиле...

Шествие проходило мимо моего дома... Никогда я не видела зрелища более трогательного: у всех военных было выражение самой глубокой скорби. По обе стороны улицы было много народа различных классов, и многие становились на колени. Государь несколько минут следовал за церемонией».

О похоронах генералиссимуса подробно рассказал в письме другу от 14 мая участник траурного шествия архимандрит Евгений:

«Гроб стоял на высоком черном катафалке, обитый малиновым бархатом с золотыми на углах кистями.

Князь лежал в фельдмаршальском мундире, в Андреевской ленте. Около гроба стояли табуреты числом 18, на них расположены были кавалерии, бриллиантовый бант, пожалованный Екатериной 11-й за взятие Измаила, и перо за взятие Рымника, бриллиантовая шпага, фельдмаршальский жезл и проч. На пестроту разных кавалерии любо было смотреть. Подивился я Сардинской зеленой кавалерии с крупным бриллиантовым крестом.

Два раза обходил я табуреты, спрашивая, какой где орден и знак, а для рассказывания приставлен был и человек. Там я видел и любимого Князю камердинера Прошку. Чудной шутовской физиономии человек! Но на шее его две золотые медали...

Лицо покойного Князя было спокойно и без морщин. Борода отросла на полдюйма и вся белая. В физиономии что-то благоговейное и спокойное.

Между тем съезжались иностранные министры, сенаторы и президенты (коллегий. — В. Л.)... Пред окнами расположены были войска, по баталиону из каждого полка...

В 10 часов начался вынос. По совершении литии подняли подушки с орденами офицеры и понесли наперед процессии по два в ряд. За ними архиерейские певчие, за ними белое духовенство по два; затем придворные певчие в черном платье; за ними придворные священники; за ними мы; за нами синодальные члены и гроб.

Мы все прошли мимо строя при барабанном бое и опущенных на молитву ружьях.

Гроб везен был на шести серых лошадях, приодетых с головы до ног черными сукнами. На дрогах стоял катафалк с гробом, а над гробом препышный малинового бархату с золотым подзором фигурным балдахин на 8-ми столбах. Сей балдахин делан был еще для Князя Безбородки и оставлен в Невском. Шнуры поддерживали офицеры, а лошадей вели с факелами нарочно к тому одетые в плащи.

Едва провезли гроб, то войско двинулось за ним с траурным маршем и сопровождало до Невского.

Санкт-Петербургский архиерей провожал тело до Харламова моста, потом, сев в карету, поскакал в Невский на встречу Ростовский архиерей провожал тело оттуда до Аничкова дворца, а отселе до Лавры — Псковский.

Мы шли по Сенной бессменно до Лавры. Едва вышли на Невский проспект близ Гостиного ряду, как вдруг увидели Государя, ожидающего церемонии верхом на лошади на углу Гостиного двора. Мы поклонились, и он соответствовал, а потом сделал честь и гробу Мы потянулись по Невскому, а он куда изволил поехать, не видали.

Лбы наши припотели в пути, ибо не менее 6 верст мы промаршировали. Улицы, все окна в домах, балконы и кровли преисполнены были народу. День был прекрасный. Народ отовсюду бежал за нами».

Рассказы о том, что император, поклонившись гробу, «соизволил шествовать в Невский монастырь для слушания панихиды и службы», не заслуживают доверия. Последним выражением истинных чувств Павла к гениальному полководцу стало то, что он не участвовал официально в пофебальном шествии и прощальной церемонии, а предпочел роль стороннего зрителя.

Архимандрит Евгений повествует о последних почестях, отданных Суворову:

«Обедня поспешно началась в половине 12-го часу. В церковь пускали только больших, а народу и в монастырь не допускали. Проповеди не было. Но зато лучше всякого панегирика пропели придворные певчие 90-й псалом "Живый в помощи", концерт сочинения Бортнянского. Прочтите этот псалом, и вы со мною согласитесь, что нет лучшего панегирика Суворову.

Войска расположены были за монастырем. Отпето погребение, и тут-то раз десять едва я мог удержать слезы. При последнем целовании никто не подходил без слез ко гробу. Тут явился и Державин. Его приуниженный поклон гробу тронул до основания мое сердце. Он закрыл лицо платком и отошел, и, верно, из сих слез выльется бессмертная ода.

Все плакали, только что не смели рыдать. При опускании гроба трижды 12 раз за монастырем выпалено из пушек и чрез каждые 12 выстрелов — беглый огонь.

Буде вечная память Суворову».

Лучший поэт России откликнулся на смерть Суворова одним из самых задушевных своих стихотворений — знаменитым «Снигирем»:

Что ты заводишь песнь военнуФлейте подобно, милый Снигирь?С кем мы пойдем войной на Гиенну? Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?Северны громы в гробе лежат.Кто перед ратью будет, пылая,Ездить на кляче, есть сухари;В стуже и в зное меч закаляя,Спать на соломе, бдеть до зари;Тысячи воинств, стен и затворов,С горстью Россиян все побеждать?Быть везде первым в мужестве строгом,Шутками зависть, злобу штыком,Рок низлагать молитвой и Богом,Скиптры давая, зваться рабом.Доблестей быв страдалец единых,Жить для царей, себя изнурять?Нет теперь в свете мужа столь славна;Полно петь песню военну, Снигирь!Бранна музыка днесь не забавна,Слышен отвсюду томный вой лир;Львинова сердца, крыльев орлиныхНет уже с нами! — что воевать?

«Снигирь» был впервые опубликован в 1805 году без имени автора. А через 61 год напечатан был другой стихотворный отклик Державина на смерть Суворова (найденный в архиве поэта издателем его сочинений академиком Я.К. Гротом), в котором венценосный гонитель героя прямо назван тираном.

История — великий драматург. Когда гроб с телом Суворова вносили в монастырские ворота, казалось, что пышный балдахин не пройдет. Хотели снять его, но один из унтер-офицеров, несших гроб, крикнул: «Небось! Пройдет! Везде проходил!» И гроб прошел.

Эти слова, повторяемые из уст в уста, стали прекрасной народной эпитафией победоносному полководцу и герою.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Суворов — гений необычайной и редкой судьбы. Слава пришла к нему в последние 12 лет жизни. Его победы снискали ему известность и признание.

Памятник, украсивший в 1801 году Петербург, был отлит по повелению Павла I еще при жизни полководца (скульптор М.И. Козловский). Его открыли на Марсовом поле через год после кончины Суворова и через два месяца после убийства заказчика.

Отметим, что памятник российскому герою стал третьим монументом в России с изображением реального исторического лица. Первым был знаменитый Медный всадник, установленный на Сенатской площади в 1782 году; вторым — памятник Петру I у Михайловского замка (1800); четвертым стал памятник Минину и Пожарскому на Красной площади.

О зле, причиненном России императором Павлом, решительно высказался Николай Михайлович Карамзин:

«Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность Отечества; к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; он считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники; имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчию зла; ежедневно замышлял способы устрашать людей — и сам более всех страшился; думал соорудить себе неприступный дворец — и соорудил гробницу!..

Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне боялись даже и мыслить — нет! Говорили, и смело!.. Умолкали единственно от скуки частого повторения, верили друг другу — и не обманывались! Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах: общее бедствие сближало сердца, и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности. Вот действия Екатеринина человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в 4 года Павлова, и доказывало, что мы были достойны иметь правительство мудрое, законное, основанное на справедливости».

Выдающийся русский историк не знал оценки, данной гатчинским реформам Суворовым, но подтвердил предвидение гениального полководца. Как мы помним, Суворов писал: «Не русские преображения! Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно».

Нет сомнения в том, что заговорщики, от рук которых погиб император, также понимали меру зла, причиненного России Павлом. Главе верховной власти не простили шараханий от одной крайности к другой, не простили страшной несправедливости по отношению к Суворову. Не случайно первый роковой удар Павлу нанес граф Николай Зубов.

Также не случайно новый император Александр I поспешил 5 мая 1801 года торжественно открыть памятник национальному герою. Скульптор Михаил Иванович Козловский в полном соответствии с принципами классицизма изобразил «российского Геркулеса» в виде Марса — бога войны.

Подчеркивая свое уважение к памяти героя, император пожаловал княгиню Италийскую графиню Варвару Ивановну Суворову-Рымникскую в статс-дамы и наградил ее орденом Святой Екатерины.

По высочайшему повелению, объявленному 5 ноября 1802 года министром юстиции Гаврилой Романовичем Державиным, получил вольную камердинер и денщик Суворова Прохор Иванович Дубасов с женой и детьми. Несмотря на противодействие княгини, завещание ее мужа было выполнено. Дубасов получил в награду пять тысяч рублей серебром. Вскоре он был принят в придворный штат.

Вдова Суворова скончалась 8 мая 1806 года. Трагично оборвалась жизнь сына. Князь Аркадий Александрович 13 апреля 1811 года утонул при переправе через Рымник, спасая своего денщика. Утонул в реке, на берегах которой его отец одержал одну из самых выдающихся своих побед. Ему было всего 27 лет, а он уже имел чин генерал-лейтенанта. Во время новой войны с Турцией он командовал дивизией, заслужив репутацию неустрашимого и волевого военачальника. Александр I повелел принять его сирот на государственное обеспечение.

Графиня Наталья Александровна Зубова, овдовев в 1805 году, выказала себя рачительной хозяйкой, сумела поставить на ноги троих сыновей и устроить судьбу трех дочерей. В грозном 1812 году, когда войска Наполеона вступали в Москву и многие жители, не желая оставаться под игом захватчика, устремились из города, экипаж дочери Суворова задержался с выездом и был остановлен французским патрулем. Графиня Наталья Александровна назвала имя своего отца, и офицер, отдав честь дочери прославленного полководца, приказал пропустить экипаж. Такова была слава Суворова среди врагов.

Пророчество гениального стратега, предупреждавшего об опасности французского нашествия, сбылось. В год смерти Суворова австрийцы были разгромлены в генеральных сражениях при Маренго и Гогенлиндене. изгнаны из Италии, снова оказавшейся под пятой Наполеона.Попытка новой коалиции (Великобритании, Австрии, России, Швеции) остановить европейского диктатора ознаменовалась полным разгромом австрийской армии и тяжелым поражением русской при Аустерлице 20 ноября (2 декабря)

1805 года. Вена подписала унизительный Пресбургский мир, а Россия продолжила военные действия в союзе с Англией и Пруссией.

Через год пробил грозный час для прусской армии, принятой императором Павлом за образец для подражания. В сражениях при Йене и Ауэрштедте пруссаки были разгромлены.

Настал черед русских. Затяжная и малоуспешная кампания

1806 года закончилась поражением при Фридланде и заключением Тильзитского мира, по которому Россия признала наполеоновскую Францию гегемоном континентальной Европы.

Российское общественное мнение, приученное в течение десятилетий к победам, было потрясено. Поражения при Аустерлице и Фридланде заставили осознать непривычную истину: враг у ворот Отечества! Способна ли русская армия защитить государственную целостность и независимость России? Неужели французы, которых Суворов совсем недавно громил в Италии, стали непобедимыми?

Правящие круги империи лихорадочно принялись за усиление вооруженных сил. Пришлось спешно обратиться к наследию русской военной школы. Одна за другой начинают выходить книги о Румянцеве, Потемкине, Орлове и, разумеется, Суворове.

Еще до Аустерлица в Москве в 1805 году известный переводчик Василий Кряжев, один из активных участников офицерской оппозиции гатчинским реформам, перевел и выпустил в свет книгу «Жизнь Павла I, императора и самодержца Всероссийского. Писанная на немецком языке российской службы офицером». Подлинным ее героем оказался не император, а Суворов, подвигам которого в Италии и Швейцарии посвящена большая часть книги.

«Имя Суворова бессмертно: дела его, общественная и частная жизнь суть величайшие похвалы, какими превознести его может перо панегириста, — восклицает с пафосом автор. — Он умер, не быв никогда побежден: никакой полководец, какого б народу ни был, не может похвалиться, чтоб преодолел его. Суворов без пятна сохранил до фоба славу свою, добродетели и лавры».

В 1806 году дождался своего часа Михаил Антоновский. Изданная им суворовская «Наука побеждать» быстро разошлась и пользовалась огромным успехом. Найденное Антоновским название выражало самую суть выдающегося военно-литературного труда. В 1809 и 1811 годах последовали два новых издания, а между ними вышла военно-теоретическая работа самого Антоновского «Наука успешно воевать по правилам Великого Военачальника Суворова», посвященная тактике действия колоннами. Всего с 1806 по 1812 год «Наука побеждать» была издана девять раз!

В 1808 году приведенный выше панегирик великому полководцу был дословно повторен в книге «Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском, графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском… с присовокуплением безсмертного его сочинения тактики или науки искусно побеждать и переписки Суворова с разными знаменитыми особами. Российское сочинение В. С.». В книге были напечатаны суворовские обращения к народам Италии с призывом подняться на борьбу с захватчиками-французами. Первым в России автор поведал об опале и ссылке Суворова и напечатал его отповедь гатчинцам:

Пудра не порох,Букли не пушки,Коса не тесак,Я не немец, а природный русак.

«Сии острые слова, — говорилось в книге, — сделались у русских некоторою пословицею и были, наконец, причиною того, что император Павел отозвал и отставил его».

Книга была запрещена цензурным комитетом якобы из-за вкравшихся в нее неточностей. Но это был лишь предлог.

Многие влиятельные гатчинцы, сохранившие свои позиции в высших эшелонах власти, узнавали себя в строках: «Враги Суворова не те, которых он побеждал на поле брани, но те, которые пресмыкаются по чертогам царским, шипели подобно змеям и хотели заградить его славу;

торжества приписывали щастью… Разум и твердость — вот его щастие! Он проник всеобъемлющею прозорливостью во все составы военного искусства, а творческим духом гибельной, но знаменитой науке сей дал новые способы и направление».

В 1809 году плодовитый переводчик Василий Левшин публикует «Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, в коих изображается истинный дух и характер сего ироя…». Василий Андреевич Жуковский в своем журнале «Вестник Европы» приводит большие выдержки из книги Гильоманш-Дюбокажа о Суворове.

Десятки документов полководца, отражающих его неутомимую деятельность во время Итальянского и Швейцарского походов, печатает «Военный журнал».

В 1811 году выходит «История генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», написанная Егором Борисовичем Фуксом. В самый канун Отечественной войны историк и публицист Сергей Николаевич Глинка, собиратель и большой знаток суворовского эпистолярного наследия, выпускает книгу «Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его».

В начале следующего, трагического для России года в Петербург приехала знаменитая писательница и публицистка баронесса Анна Луиза Жермена де Сталь, дочь не менее знаменитого финансиста Неккера. Решительная противница Наполеона, она видела в России последнюю надежду сокрушить диктатора, поработившего почти всю континентальную Европу. Эту мечту укрепляла слава Суворова. Мадам де Сталь в своих мемуарах «Десять лет в изгнании» отметила:

«Милорадович рассказал мне многое о Суворове. — Все говорят, что это был человек высокообразованный, хотя сохранивший природное чутье, основанное на непосредственном знании людей и вещей. Он много работал, но скрывал это, чтобы сильнее поражать воображение своих солдат, во всём стараясь казаться вдохновленным.

В Александро-Невской лавре находится гробница Суворова, и памятник украшен лишь его именем. Покойному большего не надо, но русские не должны довольствоваться этим в увековечивании памяти человека, оказавшего России столько услуг».

Все понимали, что Тильзит — всего лишь передышка перед решающей схваткой с властелином Европы. Готовя нападение на Россию, Наполеон сознавал, что ему придется иметь дело с армией, отличавшейся от армий европейских государств, помнившей заветы своих непобедимых вождей. По приказу императора французская разведка, для которой он не жалел средств, собирала досье на русских полководцев, в том числе на покойного Суворова.

Гениальное предвидение Суворова сбылось с поразительной точностью: собрав силы почти всей континентальной Европы, Наполеон бросил в поход на Россию полумиллионную «Великую армию».

Среди видных российских военачальников в то время находились сподвижники и ученики великого полководца: князь Петр Багратион и Александр Тормасов (командовали армиями), Михаил Милорадович и Алексей Ермолов, Николай Лавров (командир гвардейского корпуса) и казачий атаман Матвей Платов, князь Андрей Горчаков и Яков Кульнев. Суворовские заветы знали тысячи и тысячи нижних чинов и офицеров. Среди прославленных героев Отечественной войны упомянем бесстрашного партизана Дениса Давыдова, мальчиком получившего напутствие самого Суворова. В самый критический период войны во главе объединенной армии встал Михаил Кутузов.

«Пусть всякой помнит Суворова, — говорилось в приказе Кутузова от 29 октября 1812 года. — Он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

В 1812 году история вынесла свой приговор. Русская армия разгромила мощную агрессивную военную машину Запада и внесла решающий вклад в освобождение Европы. Диктатор был повержен. Русские знамена развевались в столице Франции.

Однако на параде в Мобеже граф Михаил Семенович Воронцов услышал упрек от императора Александра — сыну «гатчинского капрала» показался недостаточно четким марш проходящих частей. Ответ одного из самых доблестных русских генералов был по-суворовски краток и смел: «Это тот самый шаг, которым русская армия дошла до Парижа!»

Не забыл великого полководца и Наполеон, сосланный на затерянный в бескрайних просторах Атлантического океана остров Святой Елены. Диктуя воспоминания, бывший властелин Франции, прославленный при жизни как гений всех времен и народов, отметил в Суворове сильную волю и характер, позволявшие ему с его армией творить чудеса. Но, заявлял низложенный император, русский полководец не имел настоящего военного таланта и не может быть причислен к сонму великих. В другом месте своих обширных воспоминаний Наполеон признал «блестящие успехи» Суворова в Итальянской кампании, но тут же назвал его «варваром, обагренным кровью несчастных поляков».

Уложивший на полях сражений миллионы своих и чужих солдат, заставивший поляков участвовать в беспощадном подавлении борьбы испанского народа за независимость и в Русском походе, диктатор пытался оправдаться перед историей. Наполеон развивал старый миф о России — освободительнице Европы как главной угрозе цивилизации. Русские национальные герои становились мишенями в кампании по созданию образа «империи зла».

В самой России в обстановке патриотического подъема, охватившего все слои общества, суворовская тема, наряду с обсуждением недавних событий и ожиданием отмены крепостного права, по-прежнему занимала самое видное место. Лучшие офицеры широко использовали суворовский опыт для обучения подчиненных. Забота о солдатском быте, отказ от жестоких наказаний, напоминание о славных традициях Румянцева, Потемкина, Суворова — всё это красной нитью проходит в приказах начальника 16-й пехотной дивизии графа Михаила Орлова, одного из видных деятелей ранних декабристских организаций.

Другой будущий декабрист, Никита Муравьев, разбирая биографию Суворова, изданную Траншан де Лаверном в Париже в 1809 году, в разгар культа Наполеона, доказывал в своих статьях, что «Суворов основал свое искусство на быстроте и натиске сосредоточенных сил» и «многие правила военного искусства занял Наполеон у великого нашего Суворова».

Отказ Александра I выполнить обещания, данные народу в грозный час 1812 года, установление режима аракчеевщины привели к разрыву между властью и передовой частью общества. Династический кризис декабря 1825 года спровоцировал вооруженные выступления в Петербурге и на Украине. Мы помним, что близкие к Суворову офицеры призывали его поднять оружие против засевших в столице гатчинцев. Великий воин и гражданин ответил отказом, сознавая пагубные последствия гражданской войны. Молодые патриотически настроенные люди, большей частью офицеры, решили рискнуть; в результате подавления их выступления реформы были отодвинуты на долгие десятилетия.

Разгромив оппозицию, Николай I стал проводить охранительную внутреннюю политику. В армии насаждалась палочная дисциплина. Но государь явно благоволил к памяти Суворова. Именно в его царствование сложился культ русского военного гения и народного героя.

Император устранил несправедливость, допущенную его родителем, подтвердив право внука генералиссимуса князя Александра Аркадьевича титуловаться «светлостью». В его царствование увидели свет (1825—1826) три тома документов под названием «История российско-австрийской кампании 1799 года под предводительством генералиссимуса князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского», собранных Е. Б. Фуксом. Собрать документы указал еще Александр I в ответ на попытки австрийцев, прежде всего эрцгерцога Карла, дискредитировать деятельность Суворова в 1799 году.

Питомец Кильского университета Фридрих фон Смитт, добровольцем вступивший в русскую армию и доблестно сражавшийся против Наполеона, сделал важный шаг по пути создания научной биографии непобедимого полководца, издав в 1833 году на немецком языке первую часть книги Souworows Leben und Heerzuge («Жизнь и походы Суворова»). Вторая часть была опубликована в 1858 году, перевод всей книги — в 1866— 1867 годах.

Наконец, в 1843 году Николай Полевой выпустил свою живо и ярко написанную «Историю князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», богато иллюстрированную гравюрами Р. Жуковского, А. Коцебу, Т. Шевченко и на долгие десятилетия ставшую самой популярной биографией полководца. Полевой выполнил заказ верховной власти — подменил подлинный и принципиальный конфликт Суворова с императором Павлом мнимыми гонениями на него Потемкина.

Событием в отечественной военно-исторической науке стал капитальный труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». Первое издание, начатое еще А.И. Михайловским-Данилевским (ум. 1848) и доведенное до печати Д.А. Милютиным, вышло в 1852 — 1853 годах в преддверии Крымской войны. Второе издание (1857), также в трех томах, было удостоено одной из высших академических наград.

Своего рода художественным дополнением к этим томам стала монументальная серия картин, посвященных Итальянскому и Швейцарскому походам Суворова, выполненная по заказу императора известным художником-баталистом А. Коцебу Начатая в годы неудачной для России Крымской войны против мощной коалиции (Англия, Франция, Турция и Сардинское королевство) серия была закончена в 1860-х годах и украсила галерею Зимнего дворца, став напоминанием о славном прошлом.

Культ Суворова не изменил принятой в России военной системы. Николай I, как и его предшественники, исповедовал тот же гатчинский подход к военному делу, ставил форму выше духа, в муштре видел суть учения. Предупреждение Суворова не было услышано. Расплатой стало поражение в Крымской войне.

Двадцать четвертого ноября 1873 года в Петербурге был торжественно открыт памятник Екатерине II (автор проекта М. Микешин, скульпторы М. Чижов и А. Опекушин). Низ постамента, на котором стоит могучая фигура великой государыни, опоясывает скамья, на которой помещены девять выдающихся деятелей ее царствования. В центре сидит Потемкин, попирающий ногой турецкую чалму, слева от него Румянцев, а справа в непринужденной живой позе стоит Суворов, что-то говорящий князю Таврическому. Три прославленных фельдмаршала олицетворяли воинскую славу России.

В это время на континенте появилась новая грозная сила — Германская империя, объединенная под эгидой Пруссии. Стало очевидно, что Европу ждут большие потрясения. Отечественные историки наконец-то сподобились создать научную биографию Суворова. Генерал-лейтенант А.Ф. Петрушевский в 1884 году выпустил в трех томах первое издание книги «Генералиссимус князь Суворов». На обширнейшем, во многом новом документальном материале он проследил жизненный и боевой путь великого воина, убедительно доказав, что тот входит в когорту самых выдающихся полководцев мировой истории.

Конечно, в эпоху бурного развития техники и путей сообщения, массовых армий, комплектование которых обеспечивалось всеобщей воинской повинностью, военное искусство претерпело огромные изменения. Но в деле обучения и воспитания служивых суворовские заветы оставались крайне актуальными. Видный военный деятель М.И. Драгомиров настойчиво пропагандировал «Науку побеждать» и другие приказы и наставления Суворова для «развития у солдат воли, бесстрашия, верности воинскому долгу, чувства боевой доблести, инициативы и активности».

В войнах, которые пришлось вести России после победы над Наполеоном, только одного полководца можно назвать подлинным наследником Суворова. Это Михаил Дмитриевич Скобелев, особняком стоящий среди высшего военного руководства страны. О торжестве гатчинского духа (формализма и слепого подражательства) свидетельствует вопиющий факт: в созданной в 1832 году по повелению императора Николая I Военной академии будущие офицеры Генерального штаба («мозг армии») более полувека усваивали курс военной истории преимущественно на примерах деятельности иностранных полководцев — Карла XII, Фридриха II, Наполеона, а опыт их победителей оставался в тени. Таков был красноречивый результат павловской системы, отбросившей русское военное искусство на десятилетия назад.

Сказывались и крайне осторожное отношение верхов к родной истории, неумение сделать ее живым достоянием всех слоев общества. Достаточно сказать, что такой выдающийся историко-культурный памятник, как записки Екатерины Великой, опубликованные эмигрантом Герценом в Лондоне в 1859 году, находился под запретом до 1907 года.

Россия проигрывала идеологическую борьбу с Западом — и не только. Гениальный Ф.М. Достоевский, предсказавший нашествие бесов, писал: «История у нас дала бы духовные идеи, история спасла бы от растления и направила бы ум юноши хотя бы в мир исторический из отвлеченного бреда и бурды, составляющих духовный мир нашего общества… История, по крайней мере, вселила бы уважение к историческим формам жизни человеческой, дала бы смысл». В дневник за 1881 год он с тревогой занес мысль о пассивности народа в почитании своих исторических героев, хотя и отметил, что, помимо Алексея — человека Божьего, в народе помнят и чтят Суворова и Кутузова.

В 1900 году торжественно отмечалось столетие со дня кончины великого сына России. Было решено по всенародной подписке создать в столице музей Суворова. Глубокие по содержанию и блестящие по форме доклады профессоров Николаевской академии Генерального штаба, казалось, поставили точку в давнем и совершенно надуманном споре о месте Суворова в военной истории: он, бесспорно, гениальный полководец, смелый новатор, великий стратег, мастер добиваться победы малой кровью.

Но в год открытия суворовского музея (1905) русским людям пришлось до дна испить чашу позора. Поражение в Русско-японской войне еще раз подтвердило правоту великого провидца: «Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно». Командование и самый дух войск явно оказались не на высоте.

К началу Первой мировой войны удалось значительно повысить боеспособность русской армии. Однако вместо суворовской быстроты высшее военное руководство проявляло поспешность, вместо натиска — действовало вяло и неуверенно. Это привело к проигрышу кампаний 1914 и 1915 годов и к затягиванию войны. Брусиловский прорыв, закончившийся разгромом австро-венгерской армии, и выдающаяся победа Н.Н. Юденича над турецкой армией (1916), казалось, приблизили долгожданную победу. Но время было упущено. Вместо мира Россия получила серию переворотов, причем высшее военное руководство пошло на открытое предательство государя и Верховного главнокомандующего, принудив Николая II к отречению от престола. Как не вспомнить ответ Суворова знатным французским эмигрантам, досаждавшим ему в Италии рассказами о своих пожертвованиях в пользу несчастного Людовика XVI: «Жаль, что во Франции не было дворянства!»

Отметим две подробности. В 1916 году вышел первый том книги Василия Алексеевича Алексеева «Письма и бумаги Суворова». Известный переводчик античной литературы занялся Суворовым в канун столетней годовщины его кончины и посвятил всю свою последующую деятельность разысканию, исследованию и публикации суворовских текстов. Алексеев посетил десятки архивов в столицах и провинции, разослал сотни запросов всем, кто мог дать какие-либо сведения об эпистолярном наследии Суворова. С замечательной тщательностью исследователь выверял тексты уже опубликованных писем, восстанавливая пропуски, устраняя неточности, связанные как с цензурным вмешательством, так и с небрежностью переписчиков и издателей. Его прочтение суворовских писем можно назвать классическим, а саму деятельность Василия Алексеевича — научным подвигом. В том же году пришлось еще раз позаботиться об увековечении памяти о Суворове. Его конный монумент, установленный 6 ноября 1913 года на Рымникском поле в Румынии (сооружен на личные средства императора Николая II одесским скульптором Б. Эдуардсом), после поражения румынской армии и наступления немцев был снят с пьедестала и эвакуирован в Россию.

Памятник, увезенный в Одессу, простоял там всю Гражданскую войну, годы пятилеток, фашистскую оккупацию. Он украсил главную площадь Измаила после освобождения города Красной армией.

Развал государства и кровопролитная братоубийственная война стоили стране огромных жертв. Российские якобинцы-большевики, проводя политику массового террора и беспощадного истребления целых классов, удержали свою власть и оказались той силой, которая сохранила целостность государства. Этим объясняется честное и зачастую добровольное служение диктатуре значительной части бывших генералов и офицеров императорской армии. Именно они внесли решающий вклад в победу Рабоче-крестьянской Красной армии над белыми армиями и стоявшими за их спиной интервентами.

В 1918 году при формировании большевиками регулярной армии в служебную «Книжку красноармейца», утвержденную В.И. Лениным, Я.М. Свердловым и Н.И. Подвойским, были включены такие популярные изречения Суворова, как «Сам погибай, а товарища выручай», «Каждый воин должен понимать свой маневр», «Три воинские искусства: первое — глазомер, второе — быстрота, третье — натиск». Эти и другие заветы свидетельствовали о популярности великого полководца и жизненности воинских принципов, сформулированных им.

Объявив историю страны «проклятым прошлым», диктаторы пытались стереть историческую память народа. Уничтожались памятники, переименовывались города и поселки, улицы и площади. Суворовская тема звучала в узких профессиональных военных кругах, но из массового сознания изгонялась память о великом полководце и патриоте. В качестве образцов для подражания навязывались разбойники и мятежники Болотников, Разин, Пугачев, прославляемые как борцы против самодержавия. В эту компанию поначалу попали и оба Лжедмитрия — ставленники польских интервентов. Всё это происходило на фоне массовых репрессий против казачества и крестьянства, посмевших сопротивляться диктатуре.

Музей Суворова в Ленинграде был закрыт. Ленинский декрет от 12 апреля 1918 года об уничтожении памятников «царям и царским слугам» выполнялся последовательно и с большим размахом по всей стране. Однако памятник «российскому Геркулесу» вместе с другими неугодными революционным властям монументами до поры до времени продолжал украшать «колыбель Октября». Великие прожектеры, не дождавшись мировой революции, были вынуждены налаживать экономические, научные, торговые и прочие связи с капиталистическим Западом и не торопились слишком явно демонстрировать свои художественные пристрастия в бывшей столице империи — культурном центре мирового значения. Чудом сохранились некоторые памятники в провинции: монумент «Тысячелетие России» в Новгороде, памятник Суворову в далеком Очакове.

Двухсотлетний юбилей генералиссимуса прошел в СССР незамеченным. О тогдашнем отношении официальной идеологии к полководцу красноречиво свидетельствует отзыв (1933) советского критика И.В. Евдокимова о картине В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы»: «Художник чувствовал сусальную выдуманную фальшь, которой окружено имя "придворного полководца", выступающего под видом "народного героя". "Героя" не могло получиться. Суворов — это строгий ревнитель палочной дисциплины, традиционный генералиссимус с "орлиным взором", щедро швыряющий "живую солдатскую массу" в ущелья и провалы Альп, совершающий безумный по бессмысленности поход с тысячами ненужных жертв во славу петербургского двора… Добросовестной, бесконечной и многолетней работе не суждено было оказаться удачной. "Заказ" сорвался. Суриков не смог "загореться" героикой итальянского (? — В. Л.) похода… Отдельные лица превосходны… но в целом картины нет».

Только накануне нового столкновения с Западом в советской идеологии произошли важные перемены. Изгнанная из учебных заведений история вернулась в школы и вузы. Лозунги мировой революции сменил культ тщательно отобранных исторических героев России. Мятежники-бунтари и «пламенные революционеры» были вынуждены потесниться и уступить место князьям Александру Невскому и Дмитрию Пожарскому, земскому старосте Кузьме Минину и царю Петру I, царским генералам Суворову и Кутузову. «Генералиссимус всех войск Российских» сделался героем книг, театральных постановок и фильмов. Причем проглядывалась тенденция противопоставить полководца самодержавной власти в лице фаворита Екатерины Потемкина и самого императора Павла.

Слава Суворова достигла апогея в годы Великой Отечественной войны. Когда враг стоял у стен Москвы, в кабинете Верховного главнокомандующего появились два новых портрета — Суворова и Кутузова. На историческом параде 7 ноября 1941 года на Красной площади И.В. Сталин напутствовал уходящие на фронт войска словами: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

И сам парад, и речь Сталина — живое воплощение великой связи времен.

Суворов вел на подвиги солдат и офицеров Красной армии. «Тяжело в ученье, легко в бою», «Русские прусских всегда бивали» — эти и многие другие заветы великого патриота и защитника Родины знали миллионы людей на фронте и в тылу.

Именем Суворова был назван полководческий орден трех степеней, учрежденный в тяжелые дни отступления на юге летом 1942 года.

С гордостью носили орден Суворова самые прославленные полководцы Красной армии — И.С. Конев и К.К. Рокоссовский, Л.А. Говоров и А.М. Василевский, Ф.И. Толбухин и Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков и И.Д. Черняховский. Первым кавалером высшей степени ордена стал маршал Победы Георгий Константинович Жуков.

Именем Суворова были названы военные училища для мальчиков-сирот, созданные по типу кадетских корпусов старой России. В первоначальном проекте они именовались сталинскими. Но Верховный главнокомандующий показал своим клевретам, как надо относиться к памяти народа, и назвал училища суворовскими.

В разгар войны открылся музей великого полководца в селе Кончанском. 150-летие со дня смерти Суворова отмечалось в 1950 году по всей стране как событие государственного значения. 18 мая в Москве на площади Коммуны был торжественно заложен памятник Суворову, о котором «Правда» писала в передовой статье: «Прошло полтора века… но не меркнет слава военного гения русского народа, жива память о нем в сознании народном. Благодарные потомки никогда не забудут блистательных походов Суворова, прославивших нашу Родину». Главная газета партии и страны отмечала, что миллионы советских людей с гордостью произносят имя одного из самых выдающихся великих предков, которое «золотыми буквами вписано в героическую историю нашей Родины, ныне уверенно идущей по пути к коммунизму».

Торжественное собрание в честь Суворова состоялось в Центральном театре Советской армии. Специальное заседание провела Академия наук СССР. По всей стране проходили Суворовские чтения, устраивались выставки, открывались музеи (в Кобрине, Очакове, Измаиле, Тимановке). Был восстановлен Суворовский музей в Ленинграде, здание которого сильно пострадало от немецкой бомбы. Большим тиражом были изданы (с 1949 по 1953 год) четыре тома документов Суворова — самое полное собрание свидетельств жизни и деятельности гениального полководца.

Сборники документов из грандиозной серии под названием «Материалы по истории русской армии», книги о Суворове, Кутузове, других выдающихся русских полководцах и флотоводцах продолжали по инерции выходить во время хрущевской оттепели. Лебединой песней выдающегося военно-патриотического сериала, начатого во второй половине 1930-х годов, стал фильм, посвященный адмиралу Ушакову, прозванному «морским Суворовым».

Но во времена оттепели всё заметнее становилось пренебрежительное отношение к родной истории. Малограмотный руководитель партии, уверовавший в то, что безопасность страны гарантирована ракетно-ядерным оружием, предложил заменить ордена, носившие имена великих предков, орденами имени героев братоубийственной войны Фрунзе и Тухачевского. Страну накрыла волна памятников Марксу, Энгельсу, Ленину и ленинцам, а закладной камень на площади Коммуны всё ждал, когда он превратится в памятник великому полководцу Монумент (скульптор О. Комов) был открыт только через 32 года. В это же время были созданы памятники в Тирасполе и Симферополе. 250-летие со дня рождения генералиссимуса прошло в 1980 году скромно, на ведомственном уровне. Символично, что в юбилейный суворовский год на экраны вышел двухсерийный фильм о Пугачеве. Сам Суворов такой чести не удостоился.

Сражавшиеся в Афганистане советские воины нуждались в моральной поддержке, а им снова и снова навязывали отжившие свой век лозунги о победе коммунизма во всем мире. И Советская армия стала терпеть серьезные неудачи. Вместо «милого солдатского братства», которое вдохновенно строил и воспитывал Суворов, в солдатской среде укоренилось такое позорное явление, как дедовщина.

Забвение прошлого наряду с другими причинами привело к краху государства. Великая держава перестала существовать. Ордена с именами великих защитников Родины были упразднены. Суворовцы перестали появляться на военных парадах.

Сегодня Россия медленно поднимается с колен. Восстанавливаются храмы и памятники. В Краснодаре воссоздан памятник Екатерине Великой. В 1994 году была учреждена медаль Суворова, а в 2010-м — орден: позолоченный крест, в центре которого медальон с изображением полководца.

В 1999 году российские граждане и представители русского зарубежья вместе с гражданами Швейцарии встретились на перевале Сен-Готард по случаю двухсотлетия похода Суворова. Торжества ознаменовались открытием памятника русскому полководцу. Он стоит на вершине небольшой горы и прекрасно смотрится снизу. Вблизи памятник вызывает противоречивые чувства: сгорбленный старик с изможденным лицом, сидящий на невзрачной лошадке, которую ведет под уздцы бодрый проводник-швейцарец. Не грозного полководца представляет он, а какого-то Дон Кихота.

Но разве осенью 1799 года Суворов не оказался в положении страдальца за общее дело? Призванный спасти Европу русский полководец и его армия были брошены союзниками на верную гибель в Альпах. Какая тяжесть ответственности лежала на плечах Суворова! Речь шла о чести и славе России, которой он преданно и доблестно служил всю жизнь. Эти трагичные мгновения передал русский скульптор Дмитрий Тугаринов.

Мы знаем, как израненный в битвах, тяжелобольной старик распрямился во весь свой былинный рост и вместе со своими чудо-богатырями совершил последний подвиг — пробился из окружения и поднял славу России на такие вершины, которые и по сей день остаются предметом восхищения и тревожат воображение европейцев неразгаданной тайной русской души.

В центре Европы встал памятник одному из самых замечательных сыновей России, о котором Державин сказал проникновенные слова, вынесенные в эпиграф нашей книги и как нельзя лучше характеризующие ее героя:

СЕ РОССКИЙ ГЕРКУЛЕС:ГДЕ, СКОЛЬКО НИ СРАЖАЛСЯ,ВСЕГДА НЕПОБЕДИМ ОСТАЛСЯ,И ЖИЗНЬ ЕГО ПОЛНА ЧУДЕС!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.В. СУВОРОВА

1730, 13 ноября — в Москве в семье подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка Василия Ивановича Суворова и его супруги Авдотьи Федосеевны, в девичестве Мануковой, родился сын Александр.

1742, 22 октября — записан в лейб-гвардии Семеновский полк солдатом сверх комплекта с предоставлением отпуска для обучения «указным наукам» в родительском доме.

1743, 5 сентября — рождение сестры Анны. 1745, 29 января — рождение сестры Марии. 1745 (1746?) — смерть матери.

1747, 25 апреля — произведен в капралы.

1748, 1 января — начал действительную службу в 3-й роте Семеновского полка.

1749, 22 декабря — произведен в подпрапорщики.

1751, 8 июня — произведен в сержанты.

1752, 5 марта — командирован курьером в Дрезден и Вену.

1754, 25 апреля — выпущен из гвардии в армию с чином поручика. 10мая — назначен в Ингерманландский пехотный полк.

1756, 17 января — определен обер-провиантмейстером капитанского ранга в Новгород.

28 октября — назначен генерал-аудитор-лейтенантом в Военную коллегию.

4 декабря — переведен премьер-майором в распоряжение генерал-фельдмаршала А.Б. Бутурлина для формирования резервных батальонов в Лифляндии и Курляндии.

1758, 9 октября — произведен в подполковники.

1758—1759 — служил комендантом Мемеля, исправлял должность дивизионного дежурного при штабе генерал-аншефа В.В. Фермора.

1759, 14 июля — «впервые видел войну» при Кроссене в Силезии. 1 августа — участвовал в сражении при Кунерсдорфе.

31 декабря — назначен обер-кригскомиссаром.

1760, 25 февраля — возвращен в соответствии с его желанием в Казанский пехотный полк при заграничной армии.

28 сентября — участвовал в занятии Берлина русскими войсками (?).

1761, июль — назначен исполняющим обязанности начальника штаба кавалерийского корпуса генерал-майора Г.Г. Берга.

Июль—декабрь — участвовал в боях с пруссаками, командуя кавалерийскими и казачьими частями.

1762, 8 июня — в реляции генерал-аншефа П.А. Румянцева императору Петру III представлен к чину полковника.

28 июня — в результате дворцового переворота на престол взошла Екатерина II.

26 августа — произведен в полковники с назначением командиром Астраханского пехотного полка.

1763, 6 апреля — назначен командиром Суздальского пехотного полка. 1764—1765 — разработал «Полковое учреждение» — инструкцию по организации службы и воинского обучения в Суздальском полку.

1765, июнь — полк Суворова отличился в больших маневрах под Красным

Селом. 1768, 22 сентября — произведен в бригадиры. 15 ноября — выступил с Суздальским полком из Новой Ладоги в Смоленск.

1769, 15 мая — направлен в Польшу во главе бригады из трех пехотных полков для участия в военных действиях против Барской конфедерации.

2 сентября — одержал победу над конфедератами при деревне Орехово.

1770, 1 января — произведен в генерал-майоры.

30 сентября — награжден орденом Святой Анны. 7 октября — назначен командующим русскими войсками в Люблинском районе.

1771, 10 мая — одержал верх над польскими конфедератами при Тынце. 12 мая — разбил отряд конфедератов под руководством Дюмурье при Ландскроне. 22 мая — одолел конфедератов при Замостье.

19 августа — награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

12 сентября — разгромил войска литовского великого гетмана М. Огинского при Столовичах.

20 декабря — награжден орденом Святого Александра Невского.

1772, 15 апреля — принял капитуляцию гарнизона Краковского замка.

17 сентября — переведен в Обсервационный корпус генерал-поручика И.К. Эльмпта.

1773, февраль—март — выполнял секретную миссию по осмотру русских укреплений на границе со Швецией, составил смету на строительство оборонительных сооружений.

4 апреля — определен в 1-ю армию генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева.

6 мая — прибыл в местечко Негоешти на берегу Дуная. 10 мая — совершил первый рейд за Дунай и овладел турецкими укреплениями и городком Туртукай. 17 июня — второй успешный «поиск» на Туртукай. 30 июля — награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. 4 августа — назначен П.А. Румянцевым оборонять Гирсовский пост на правом берегу Дуная.

3 сентября — отбил атаку на Гирсов и контрударом разгромил противника.

Ноябрь — получил отпуск и отбыл в Москву.

1774, 16 января — обвенчался с княжной Варварой Ивановной Прозоровской.

17 марта — пожалован в чин генерал-поручика.

Май — во главе корпуса выступил за Дунай.

9 июня — разгромил турецкие войска в сражении при Козлудже.

3 августа — назначен в 6-ю Московскую дивизию.

19 августа — определен состоять в команде генерал-аншефа П.И. Панина «доутушения бунта» Е. И. Пугачева.

4—14 сентября — преследовал остатки войск Пугачева до берегов Большого и Малого Узеня.

18 сентября — 2 октября — конвоировал Пугачева из Яицкого городка до Симбирска, где сдал его П.И. Панину. Служба в Поволжье.

1775, 10 июля — награжден шпагой с алмазами по случаю празднования мира с Турцией и внутреннего замирения.

15 июля — смерть отца.

1 августа — рождение дочери Натальи.

Конец года — назначен Потемкиным состоять при Санкт-Петербургской дивизии

1776, первая половина года — назначен состоять при Московской дивизии.

Ноябрь — командирован в Крым в подчинение генерал-поручика А.А. Прозоровского.

1777, март — временно командуя Крымским корпусом, содействовал утверждению власти хана Шагин-Гирея.

28 ноября — приказом П.А. Румянцева (по ходатайству Потемкина) назначен командующим Кубанским корпусом.

1778, 1 января — приступил к командованию корпусом.

23 марта — назначен командующим Крымским корпусом с сохранением поста командующего

Кубанским корпусом.

Март—июль — укрепил позиции русских войск в Крыму. Добился ухода турецкой эскадры из Ахтиарской гавани.

Июль—сентябрь — руководил переселением христиан из Крыма.

1779, июнь — вывел войска Крымского корпуса за Днепр.

Июль — назначен состоять при пограничной дивизии Новороссийской губернии. Разрыв с женой.

24 декабря — получил из рук императрицы звезду ордена Святого Александра Невского.

1780, 11 января — командирован Потемкиным в Астрахань для подготовки экспедиции сухопутных и морских сил в прикаспийские ханства с целью освобождения Армении.

Февраль — прибыл в Астрахань.

Между 11 и 18апреля — церковное примирение с женой. 26 апреля — получил в командование Казанскую дивизию с пребыванием в Астрахани.

1782, август — назначен командующим Кубанским корпусом.

1783, 28 июня — руководил приведением к присяге на верность России кочующих ногайцев.

28 июля — награжден орденом Святого Владимира 1-й степени. 30 июля — начало мятежа части ногайских орд. 1 октября — нанес поражение мятежным ногайцам в урочище Керменчик на Лабе.

1784, апрель — назначен состоять при 6-й Владимирской дивизии под командованием генерал-аншефа И.П. Салтыкова. Окончательный разрыв с женой.

4 августа — родился сын Аркадий.

Ноябрь — награжден золотой медалью за участие в присоединении Крымского ханства.

Проживал в своих имениях во Владимирской губернии. Впервые

посетил село Кончанское Новгородской губернии.

1785, 21 ноября — переведен в 1-ю Санкт-Петербургскую дивизию.

1786, 22 сентября — произведен в генерал-аншефы.

Конец года — назначен командующим 3-й дивизией Екатеринославской армии Потемкина.

1787, 6 января — назначен командующим Кременчугской дивизией. 1787, май—июнь — участвовал в обеспечении путешествия Екатерины II на юг.

Август—сентябрь — руководил укреплением обороны Кинбурн-Херсонского района.

1 октября — разгромил турецкий десант на Кинбурнской косе, в ходе сражения был дважды ранен.

9 ноября — награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

1788, июнь — содействовал победам гребной флотилии над турецким флотом на Днепровско-Бугском лимане.

27 июля — ранен пулей в шею при отражении вылазки Очаковского гарнизона.

Август—декабрь — командовал войсками на Кинбурнской косе.

1789, февраль — вместе с Потемкиным пребывал в Санкт-Петербурге, участвовал в торжествах по случаю взятия Очакова.

15 апреля — на церемонии чествования очаковских победителей награжден бриллиантовым пером с буквой «К» (Кинбурн). 23 апреля — назначен командовать частью войск бывшей Украинской армии, расположенной в Молдавии.

10 мая — прибыл в Яссы в подчинение к генерал-аншефу Н.В. Репнину

21 июня — совместно с австрийским корпусом принца Ф.И. Саксен-Кобургского одержал победу над турецкими войсками при Фокшанах.

11 сентября — совместно с силами союзников разгромил турецкую армию в Рымникском сражении.

25 сентября — получил от австрийского императора Иосифа II титул графа Священной Римской империи.

26 сентября — награжден Екатериной II золотой шпагой с надписью «Победителю Визиря».

3 октября — возведен императрицей в достоинство графа Российской империи с наименованием «граф Суворов-Рымникский». 18 октября — награжден орденом Святого Георгия 1-й степени.

1790, июнь—август — возглавил поход корпуса под Бухарест для поддержки австрийцев.

Октябрь—ноябрь — готовил Кубанский и Кавказский корпуса к отражению турецкого наступления за Дунай. 25 ноября — назначен командующим войсками под Измаилом. 11 декабря — взял штурмом Измаил.

1791, 4—10 февраля — пребывал в Главной квартире Потемкина в Яссах. Змарта — приехал в Санкт-Петербург.

25 марта — пожалован чином подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.

25 апреля — командирован в Финляндию для осмотра фаницы. 25 июня — получил от Екатерины II повеление построить укрепления на русско-шведской границе в соответствии с разработанным им планом.

1792, 8 января — назначен командующим Финляндской дивизией, Роченсальмским портом и Саймской флотилией.

8 сентября — рапортовал императрице об окончании работ по укреплению границы в Финляндии.

10 ноября — назначен командующим войсками в Екатеринославской губернии и Таврической области с поручением построить укрепления на южных рубежах России.

Начало декабря — прибыл в Екатеринослав.

1793, 7 сентября — пожалован похвальной грамотой с перечислением всех подвигов и воздвигнутых оборонительных укреплений, алмазными эполетом и перстнем.

1794, 24 апреля — после начала Польского восстания под руководством Костюшко получил указание императрицы состоять под начальством П.А. Румянцева.

Май—июнь — расформировал входившие в состав русской армии части польских войск, расположенные в Брацлавской губернии.

7 августа — получил предписание фельдмаршала Румянцева выдвинуться к Бресту и обеспечить оборонительную линию по Бугу.

14 августа — выступил в поход из Немирова на Брест.

3 сентября — одержал победу при Дивине.

4 сентября — разбил поляков под Кобрином.

6 сентября — выиграл сражение при Крупчицком монастыре.

8 сентября — победил в сражении при Бресте.

15 октября — победил поляков в сражении при Кобылке.

24 октября — штурм укрепленного варшавского предместья Праги.

26 октября — капитуляция Варшавы.

19 ноября — пожалован в генерал-фельдмаршалы.

1795, 6 января — назначен главнокомандующим русскими войсками в Польше.

29 апреля — свадьба дочери с Н.А. Зубовым в Санкт-Петербурге. Весна—лето — завершил окончательную редакцию «Науки побеждать».

17 октября — отозван из Польши.

3 декабря — торжественно встречен в Санкт-Петербурге. Декабрь — командирован в Финляндию

для осмотра пограничных укреплений.

1796, март — назначен командующим армией на юге России с Главной квартирой в Тульчине.

Июль — получил секретное повеление составить шестидесятитысячный корпус и быть готовым выступить против Франции. 6 ноября — смерть Екатерины II, вступление на престол Павла I.

1797, 6 февраля — по собственному прошению отправлен в отставку.

5 марта — родился внук Александр Зубов. Конец марта — приезд в Кобрин.

5 мая — доставлен в село Кончанское.

1798, 12 февраля — по повелению Павла I освобожден от надзора и получил дозволение приехать в столицу.

26 февраля — прибыл в Санкт-Петербург.

Начало марта — после отказа вернуться на службу на условиях императора вернулся в Кончанское.

5 сентября — продиктовал посланцу императора план войны против Франции.

1799, 6 февраля — получил в Кончанском письмо Павла I о желании участников антифранцузской коалиции вручить ему командование союзными войсками в Северной Италии.

9 февраля — приехал в Санкт-Петербург и вновь зачислен на службу.

13 февраля — награжден Большим крестом ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

17 февраля — выехал из Санкт-Петербурга в Италию. 15 марта — прибыл в Вену.

23 марта — получил чин австрийского фельдмаршала. 3 апреля — прибыл в Верону к союзным русско-австрийским войскам. 8 апреля — начал Итальянский поход.

10 апреля — взял крепость Брешиа. 15—17 апреля — выиграл сражение на реке Адда. 17 апреля — союзные войска вошли в Милан. 15 мая — взял Турин.

6—8 июня — победил армию генерала Ж. Э. Макдональда в сражении при Треббии.

17 июля — принял капитуляцию Мантуи.

4 августа — разбил французов в сражении при Нови. 8 августа — возведен в княжеское достоинство Российской империи с титулом князя Италийского.

16 августа — получил предписание австрийского императора Франца I о немедленном выступлении русских войск в Швейцарию. 28 августа — армия Суворова выступила в Швейцарию.

13 сентября — овладел перевалом Сен-Готард.

14 сентября — суворовские войска взяли штурмом Чертов мост. 16—18 сентября — армия под предводительством Суворова перешла через хребет Росшток в Муттенскую долину.

18 сентября — военный совет принял решение пробиваться из окружения на восток.

19—20 сентября — победил французов в сражениях в долинах Муттенталь и Клентадь.

25—26 сентября — суворовские войска перешли через перевал Panикe в долину Верхнего Рейна.

28 октября — пожалован в генералиссимусы всех российских войск.

Декабрь — триумфально встречен жителями Праги. 1800, 25 января — на пути из Праги в Краков резко ухудшилось самочувствие.

2 февраля — сдал в Кракове командование армией генералу А.Г. Розенбергу.

4 февраля — смерть сестры, М.В. Олешевой. 8 февраля — приехал в имение «Кобринский Ключ». 20 марта — рескрипт Павла I с выговором Суворову за содержание в армии дежурного генерала.

20 апреля — прибыв в Санкт-Петербург, узнал о запрещении являться к императорскому двору.

24 апреля — в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявлено о выходе из печати второй части книги «Деяния генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского».

25 апреля — по указанию Павла I адъютанты Суворова разосланы по полкам.

6 мая — скончался.

12 мая — похоронен в Благовещенской церкви Александро- Невской лавры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лнтинг Ф.И. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского / Подг. М. Парпура. СПб., 1799-1800. Ч. 1-3.

Алексеев В.А. Суворов-поэт. СПб., 1901.

[Антоновский М.] Наука побеждать. Творение прославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских армий князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства. СПб., 1806.

Архив князя Воронцова: В 40 кн. / Изд. П.И. Бартенев. Кн. 10. М., 1876; Кн. 12. М., 1877; Кн. 13. М., 1879; Кн. 24. М., 1880; Кн. 30. М., 1884; Кн. 31. М., 1885; Кн. 33. М., 1887.

Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. Париж, 1935.

Бакунина Т.А. Русские вольные каменщики. Париж, 1934.

Богданов А.Б. Суворов в 1799—1800 гг. СПб., 2000.

Вернадский Г.В. Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767—1768 годов. Пермь, 1918.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.

Генералиссимус Суворов: Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность по вновь открытым источникам за 1788 и 1797 годы и местным преданиям его вотчин / Подг. Н. Рыбкин. М., 1874.

Геруа А.В. Суворов-солдат. 1742—1754: Итоги архивных данных о его службе нижним чином. СПб., 1900.

Грибовский А.М. Воспоминания и дневники. М., 1899.

Грюнберг П.Н. Трагедия и слава. Швейцарская кампания и Альпийский поход А.В. Суворова. Сентябрь—октябрь 1799 года: свидетельства участников и современников и сопроводительные статьи (рукопись).

Гутор А.Е. К вопросу о времени рождения Александра Васильевича Суворова // Суворовский сборник: К 150-летию со дня смерти великого русского полководца Александра Васильевича Суворова / Отв. ред. А.В. Сухомлин. М., 1951.

Державин Г Р. Сочинения: В 7 т. 2-е изд. / Под ред. Я. Грота. СПб., 1868-1878. Т. 1,3,6.

Дневник А.В. Храповицкого 1782-1793. СПб., 1874.

Драгунов Г.П. Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии. М., 1995.

Дружинина Е. И. Северное Причерноморье. 1775—1800. М., 1959.

Дубровин Н.Ф. А.В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб., 1886.

Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885—1889. Т. 1-4.

Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском, графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском... с присовокуплением безсмертного сочинения тактики, или науки искусно побеждать и переписки Суворова с разными знаменитыми особами. СПб., 1808.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791 / Подг. В.С.Лопатин. М., 1997.

Жизнь Суворова в художественных изображениях / Сост. М.Б. Стремоухое, П.Н. Симанский. М., 1900.

Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его / Подг. и прим. С. Глинки. М., 1819. Ч. 1—2.

Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. Письма. Документы. Воспоминания. Устные предания / Авт.-сост. В.С.Лопатин. М.,2001.

Жукова М.Г. Твой есмь аз. Суворов. М., 2007.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). СПб., 1865.

Записки графини Варвары Николаевны Головиной. СПб., 1900.

Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870.

Кавтарадзе А.Г. А.В. Суворов в отечественной историографии // Александр Васильевич Суворов: К 250-летию со дня рождения / Отв. ред. Л.Г. Бескровный, А.А. Преображенский. М., 1980.

Ковалевский П.И. Генералиссимус Суворов// Психиатрические эскизы из истории: В 2 т. М., 1995. Т. 1.

Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева: В 3 т. Т. 1. Л., 1961; Т. 2. Л., 1966; Т. 3. Л., 1970.

Лебедев Б.Б., Козлов В.В. Суворов в Москве. М., 1999.

Левшин В. Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского графа Суворова-Рымникского, в коих изображается истинный дух и характер сего ироя… М., 1809.

Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992.

Лопатин В.С. Светлейший князь Потемкин. М, 2004.

Лопатин В.С. Суворов не был масоном // Иванов О. А., Лопатин В. С, Писаренко К А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М., 2000.

[Марченко М.К] Александр Васильевич Суворов в своих рукописях. СПб., 1900.

Массон К Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.

Меерович Г.И., Буданов Ф.В. Суворов в Петербурге. Л., 1978.

Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд. СПб., 1857. Т. 1—3.

Михайлов О. Суворов. М., 1973.

Нерсисян М.Г. А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770— 1780-х годах. Ереван, 1981.

Николаев Б.П. А.В. Суворов. По архивным материалам. Владимир, 2008.

Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. М, 1995.

Орлов Я.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890.

Орлов Н.А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894.

Осипов К. Александр Васильевич Суворов. М., 1949.

Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 1—3.

Пигарев К.В. Солдат-полководец. М., 1943.

Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762-1779 гг. СПб., 1888.

Письма и бумаги Суворова / Прим. В. Алексеева. Т. 1. Письма 1764— 1781 гг. Пг, 1916.

Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса Российских войск. 2-е изд. СПб., 1858.

Помарнацкий А.В. Портреты А.В. Суворова: Очерки иконографии. Л., 1963.

[Попадичев И.О.] Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1895.

Преснухин М.А. Битва на Треббии. М., 2001.

Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А. С Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 9. М, 1959.

Румянцев И.А. Документы: В 3 т. М., 1953—1959.

Русский биографический словарь. СПб., 1896—1918. Т. 1—25.

Сборник военно-исторических материалов. Вып. 4, 6—8. СПб., 1893-1895.

Смитт Ф. Суворов и падение Польши. СПб., 1866—1867. Ч. 1—2.

Сокол К.Г. Монументы империи. М., 1999.

Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863.

[Старков Я. И.] Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847.

Суворов А.В. Документы / Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1949—1953. Т. 1-4.

Суворов А.В. Письма/ Подг. В.С. Лопатин. М., 1987. Серия «Литературные памятники».

Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба: В 2 кн. СПб., 1900—1901.

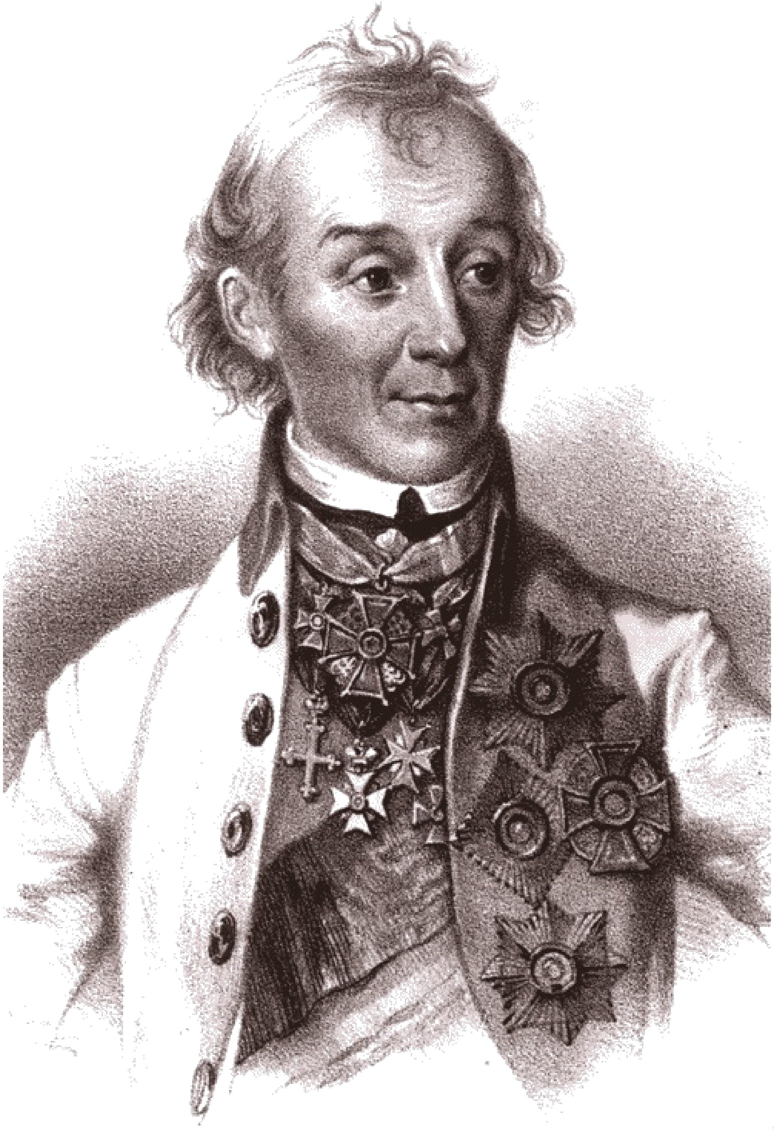
Фукс Е.Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. СПб., 1827.

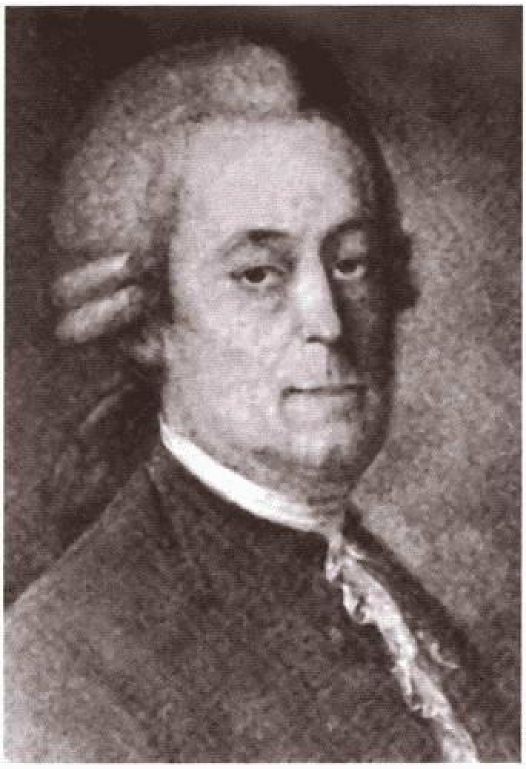
Фукс Е.Б. История генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова- Рымникского. М., 1811. Ч. 1—2.

[Фукс Е.Б.] История Российско-австрийской кампании 1799 года под предводительством генералиссимуса князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. СПб., 1825—1826. Ч. 1—3.

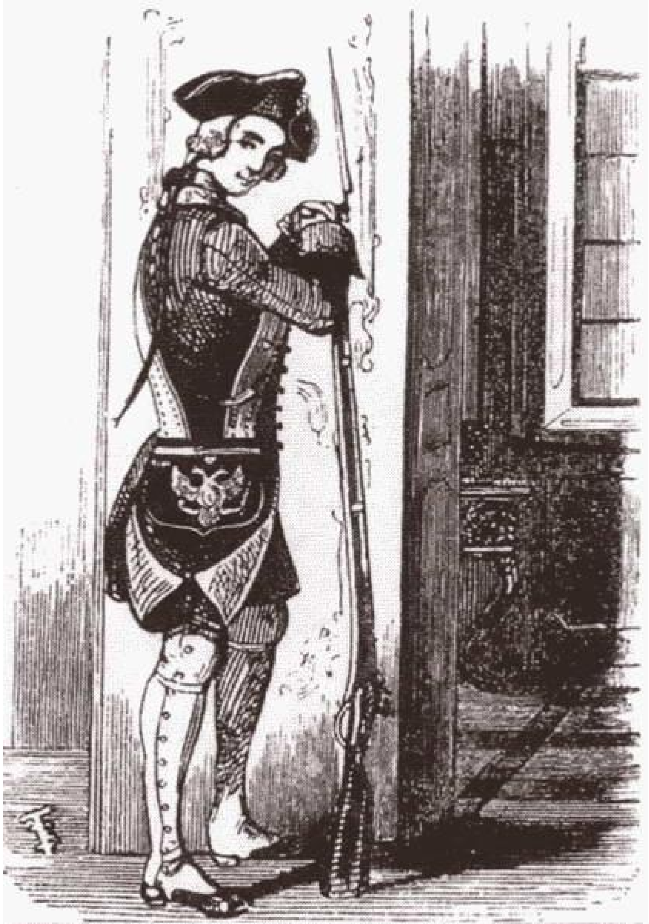
Фукс Е.Б. Собрание разных сочинений. СПб., 1827.

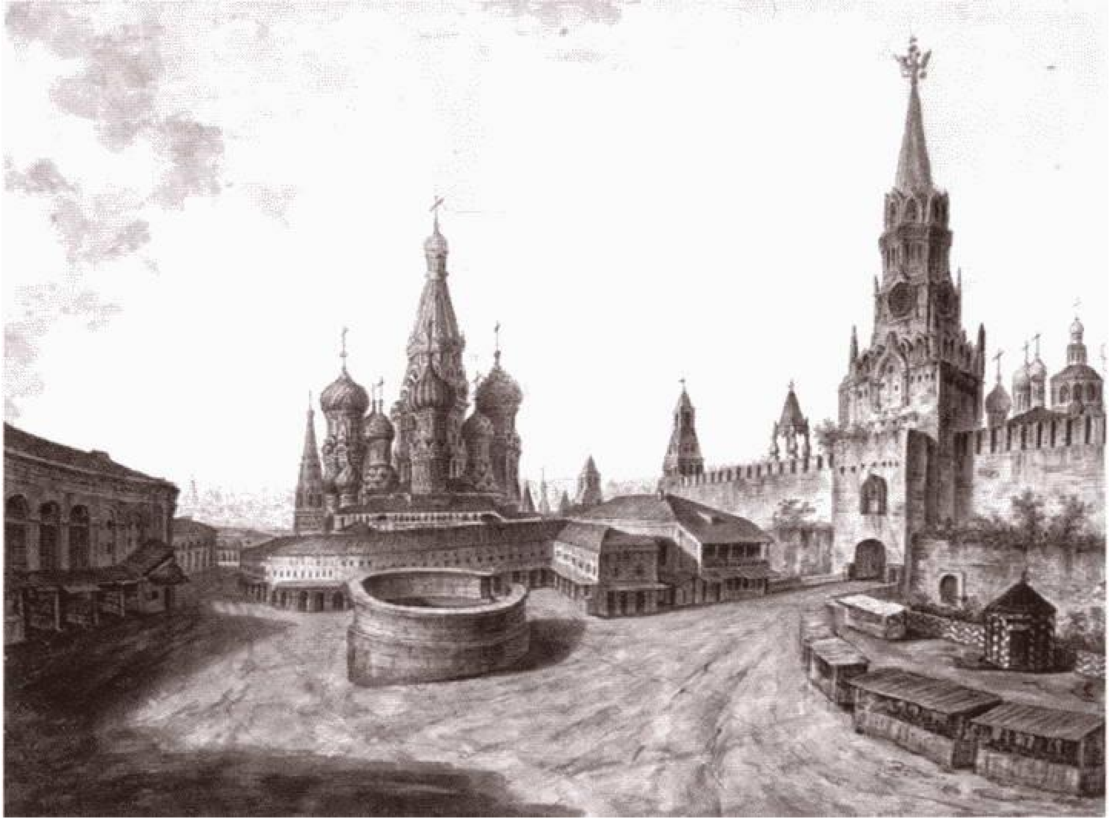
ИЛЛЮСТРАЦИИ

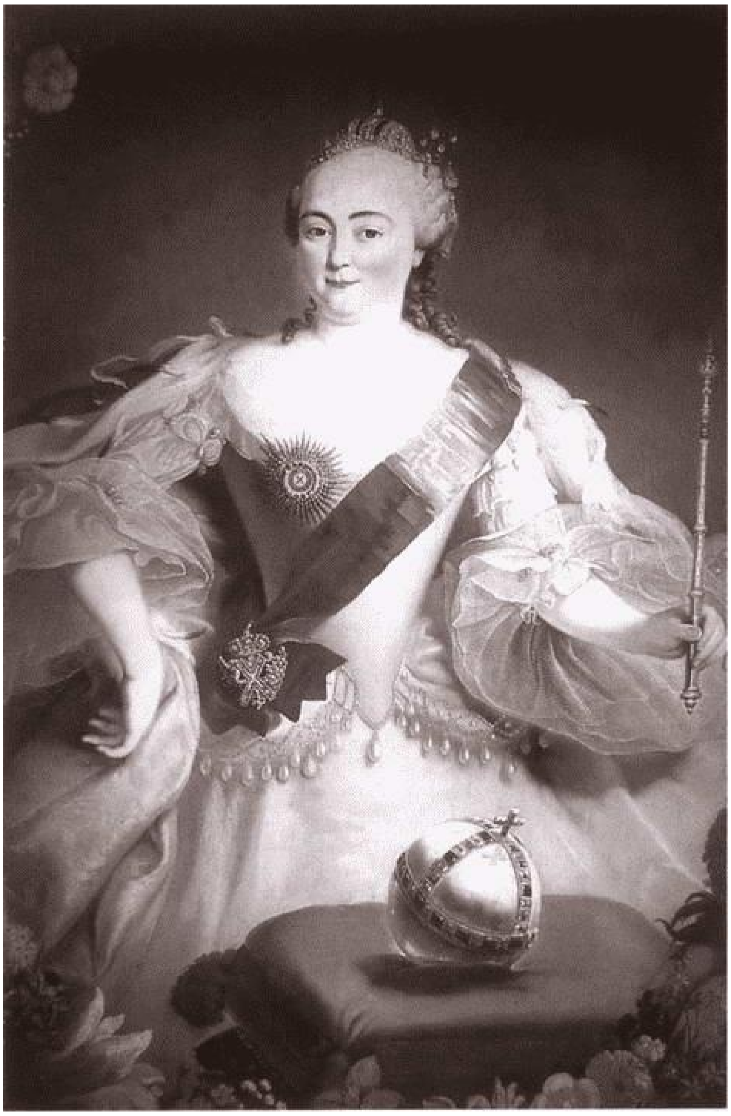




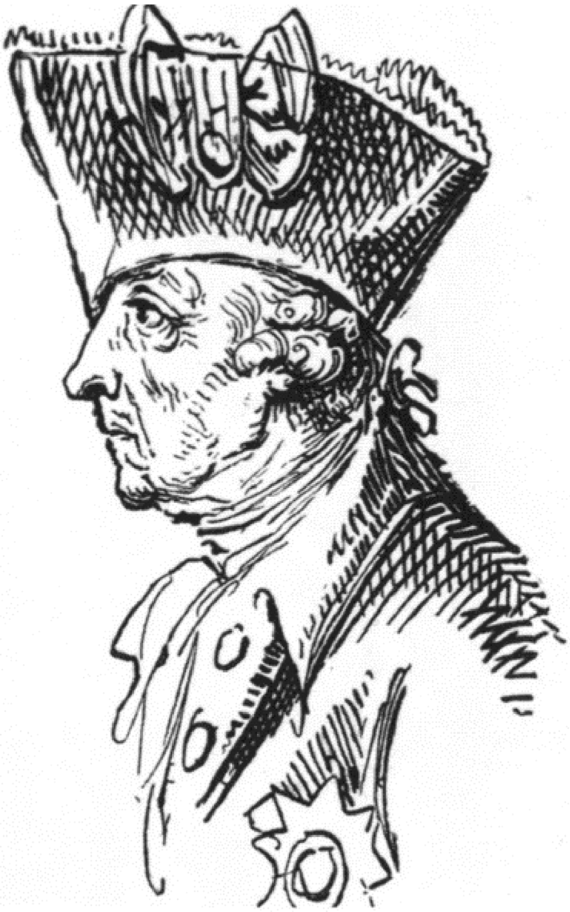
Александръ Суворовъ

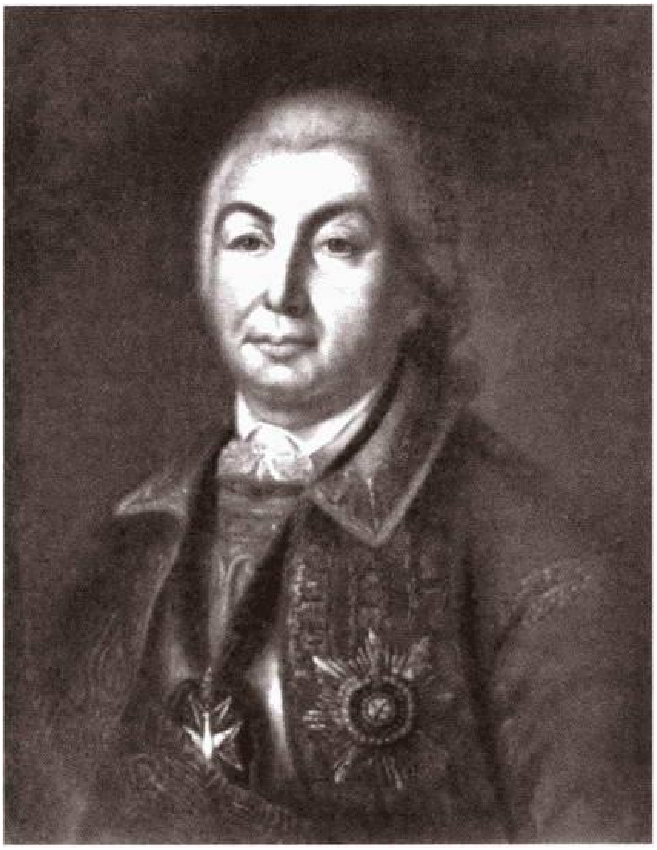


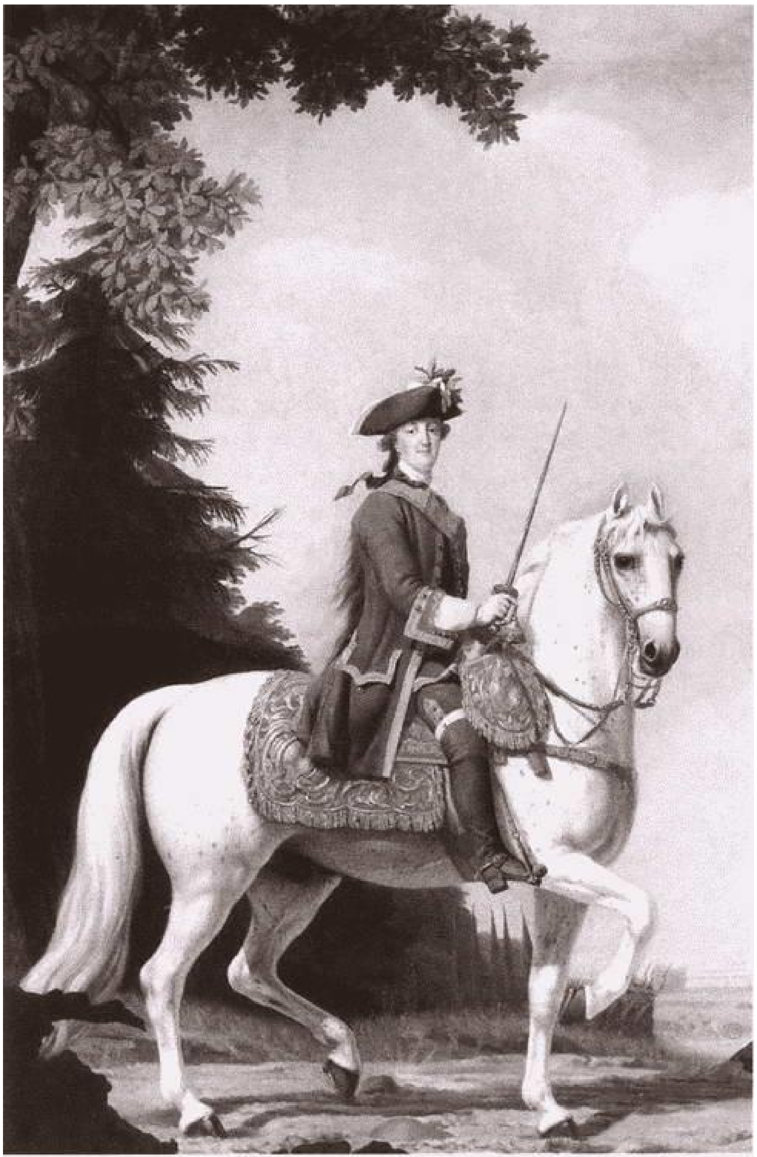


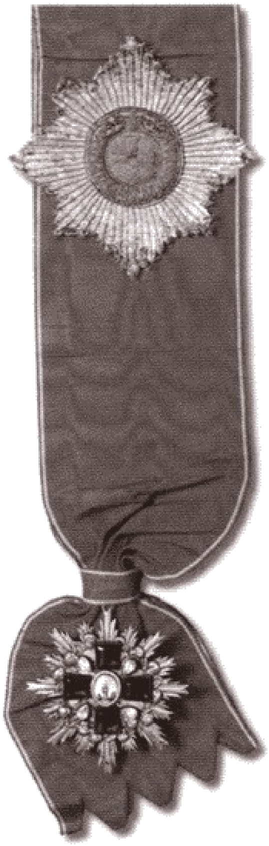


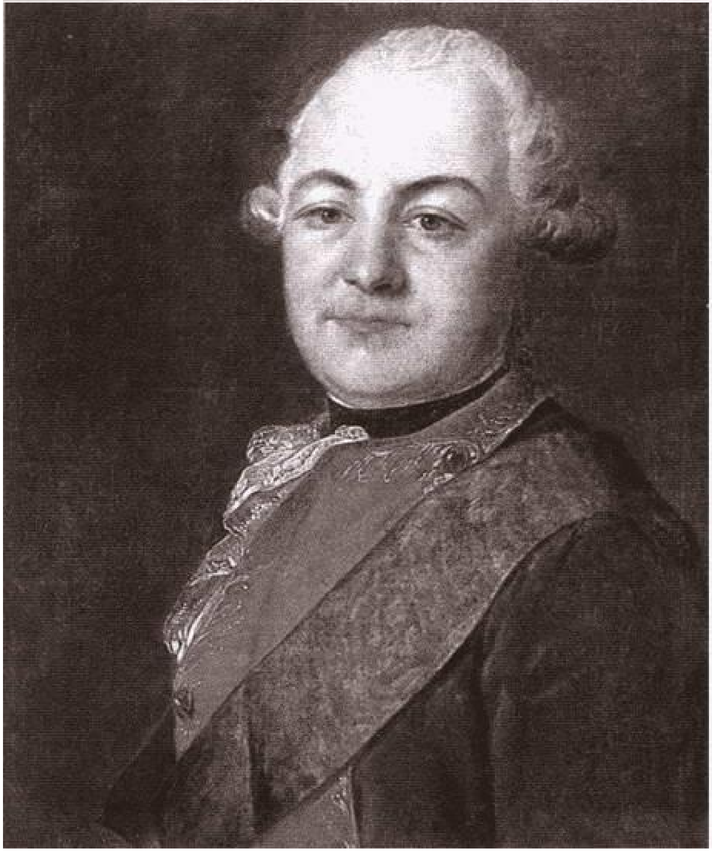
АДЪПРУСАКАМИ

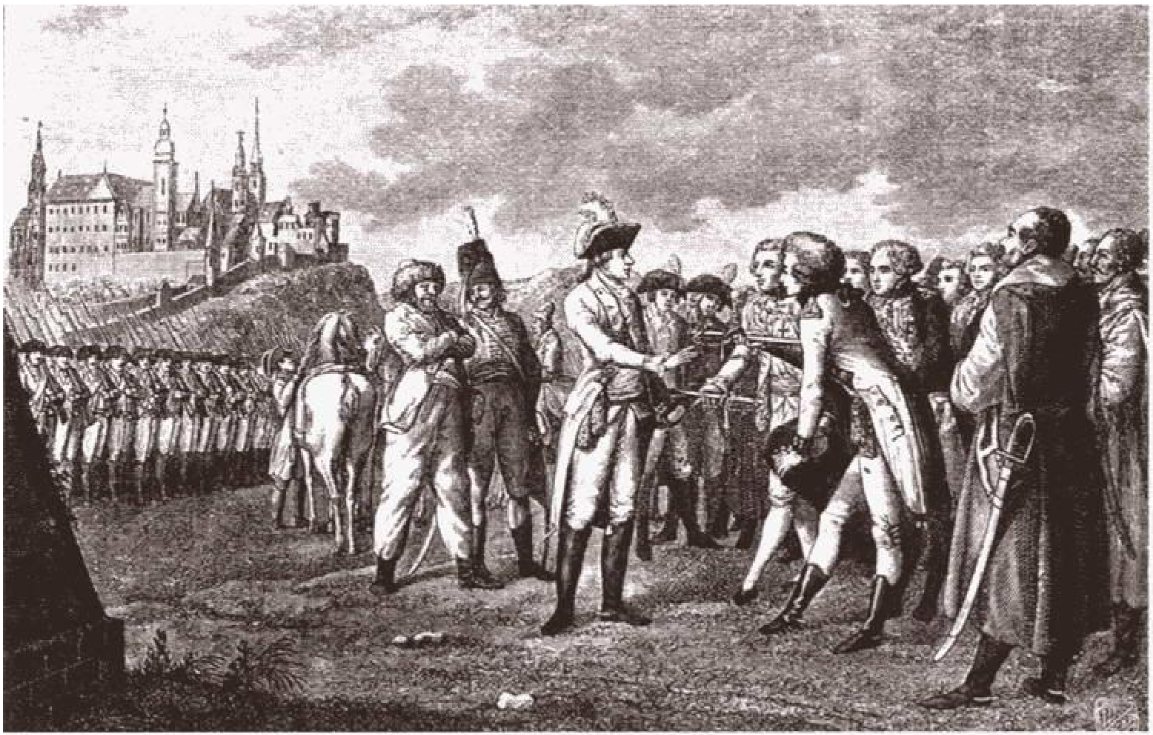


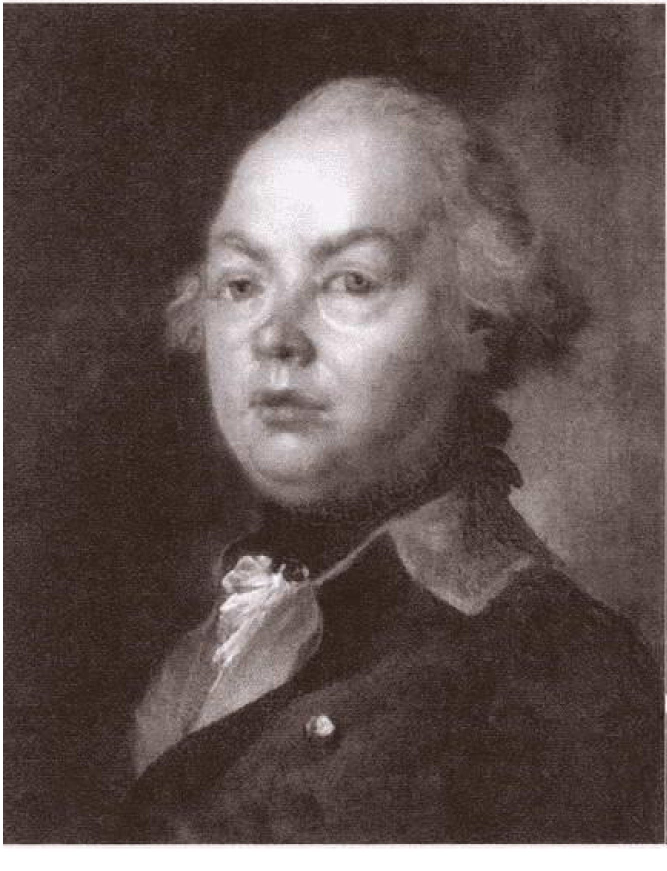


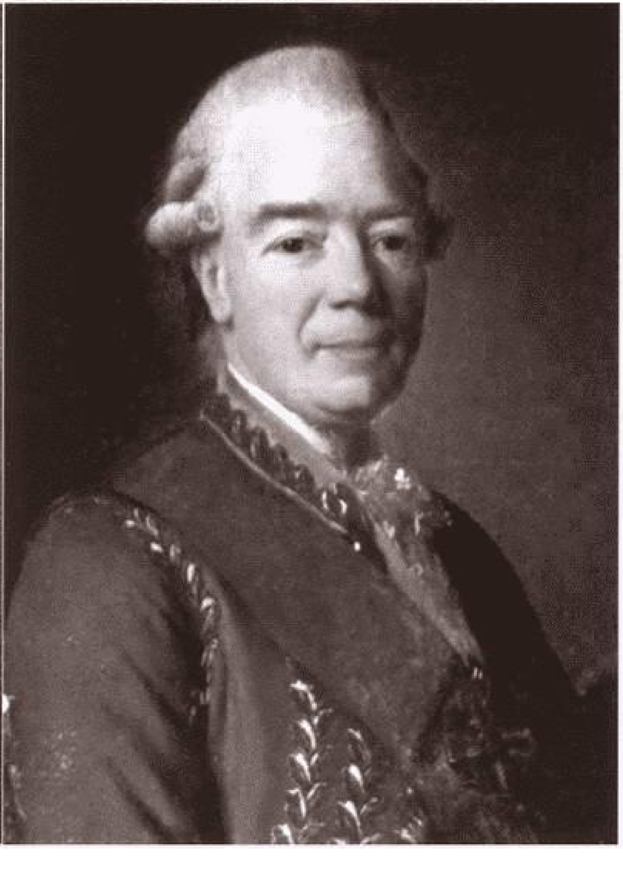


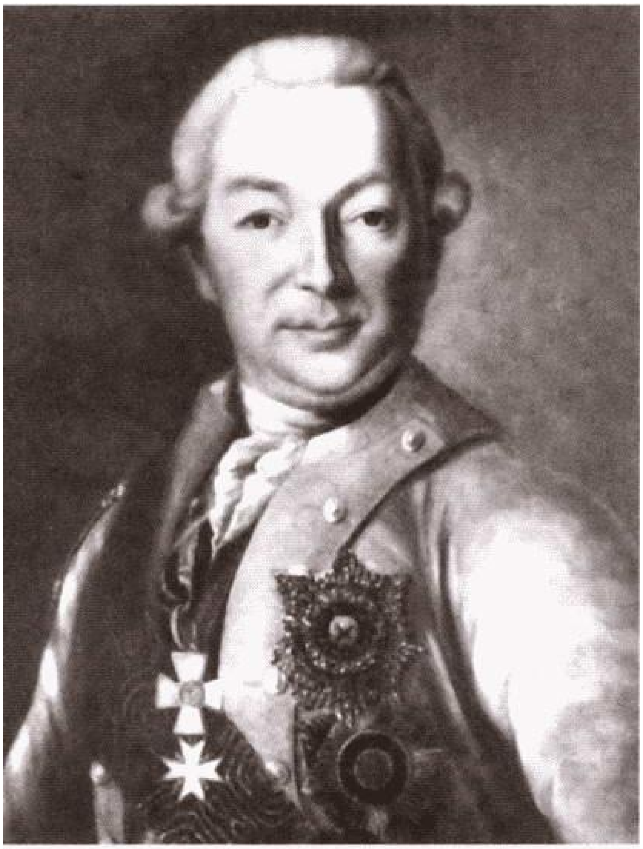


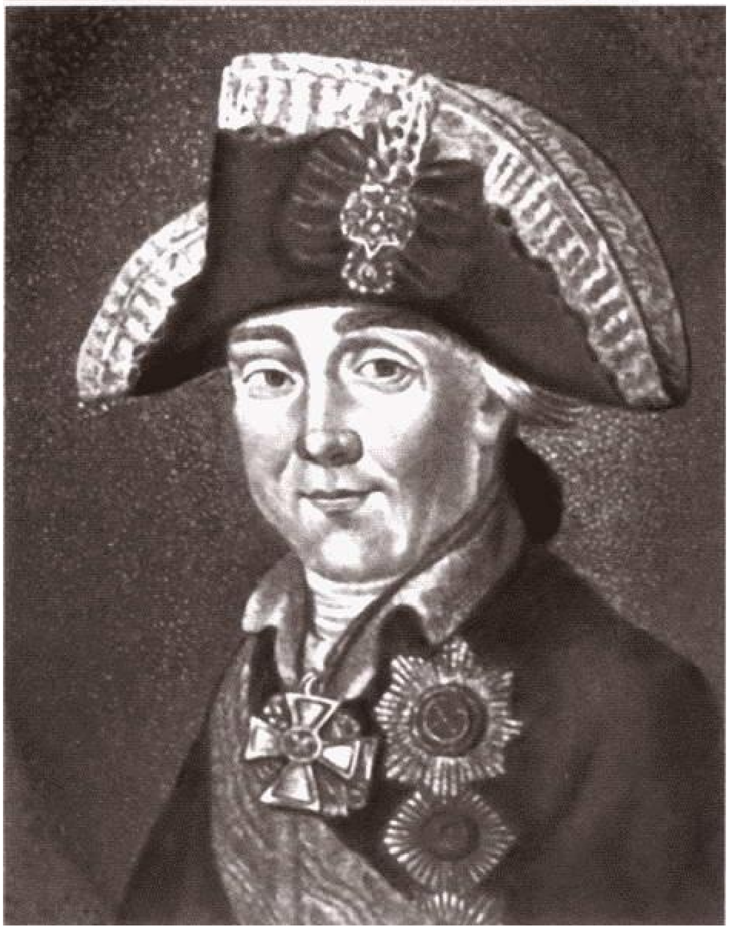


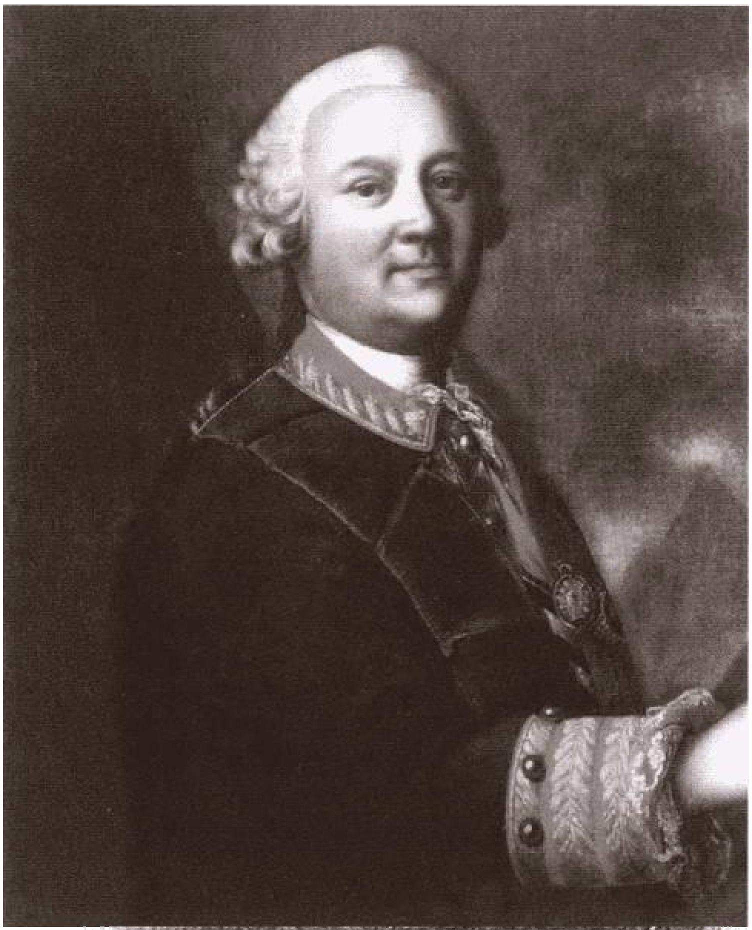


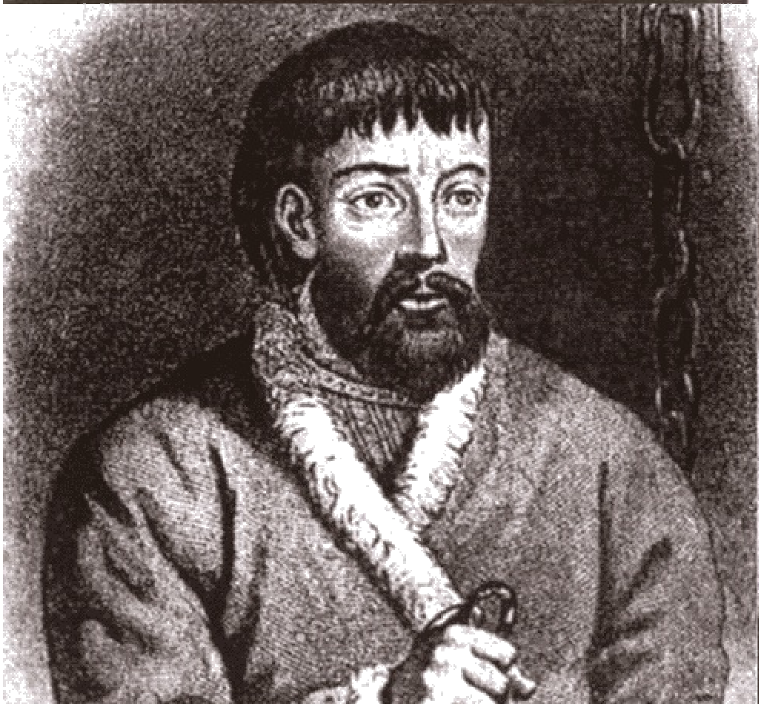


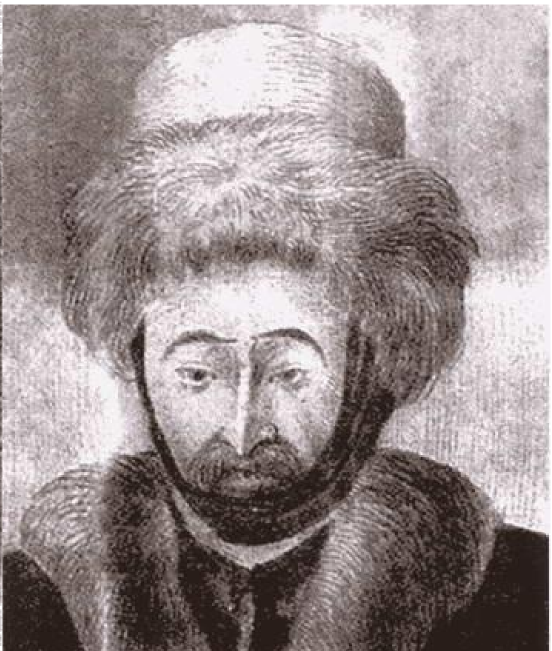


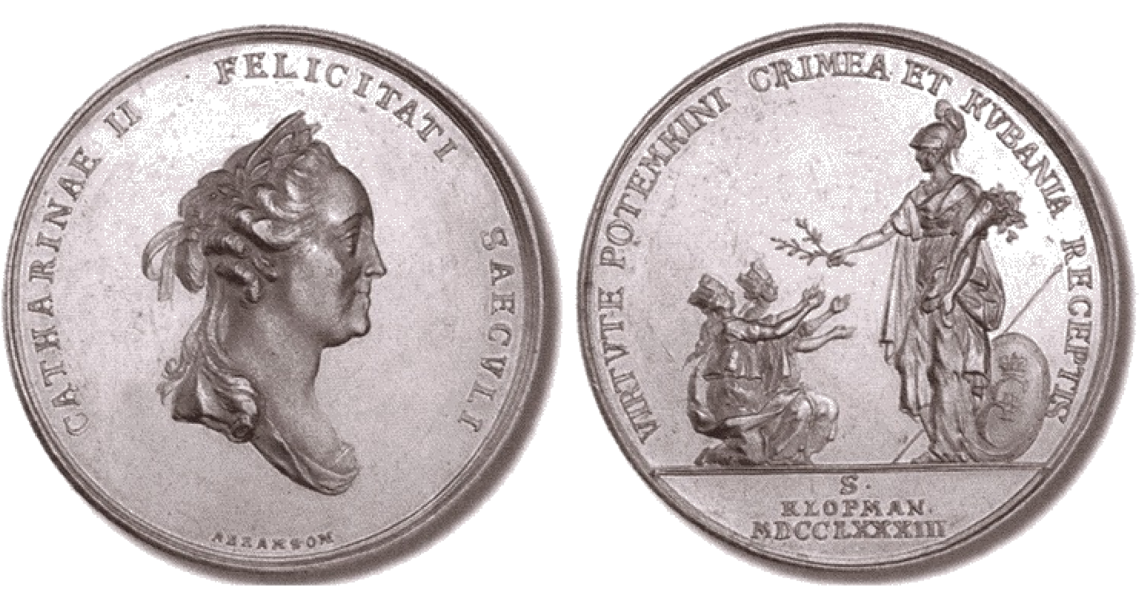


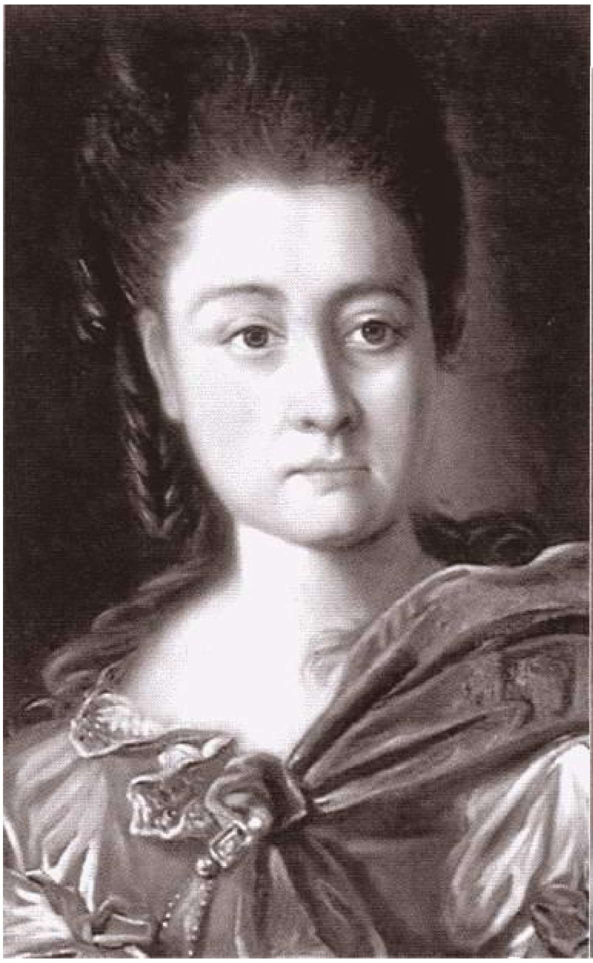


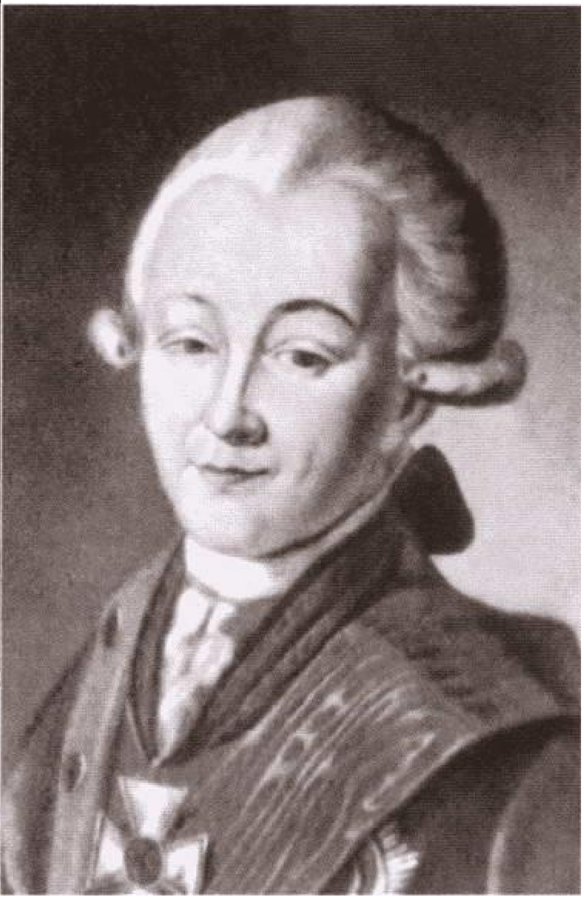


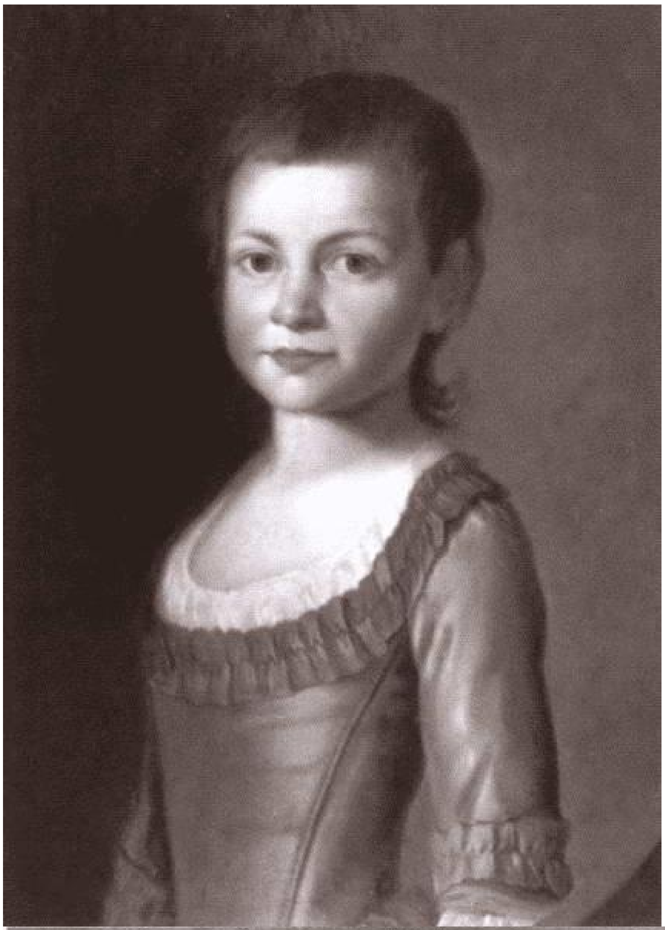


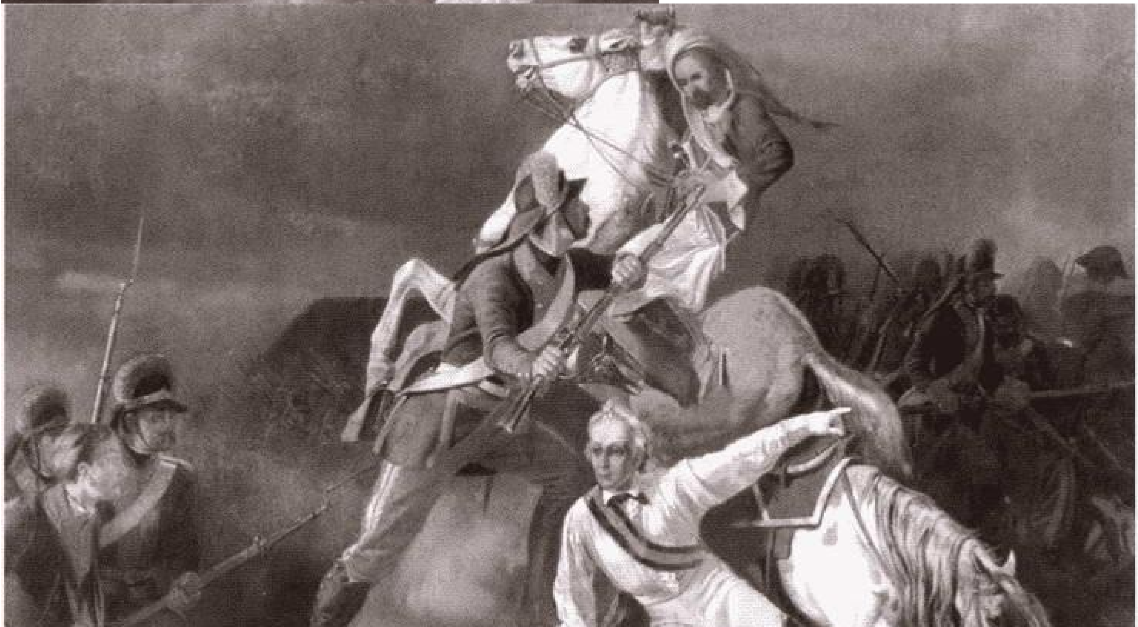


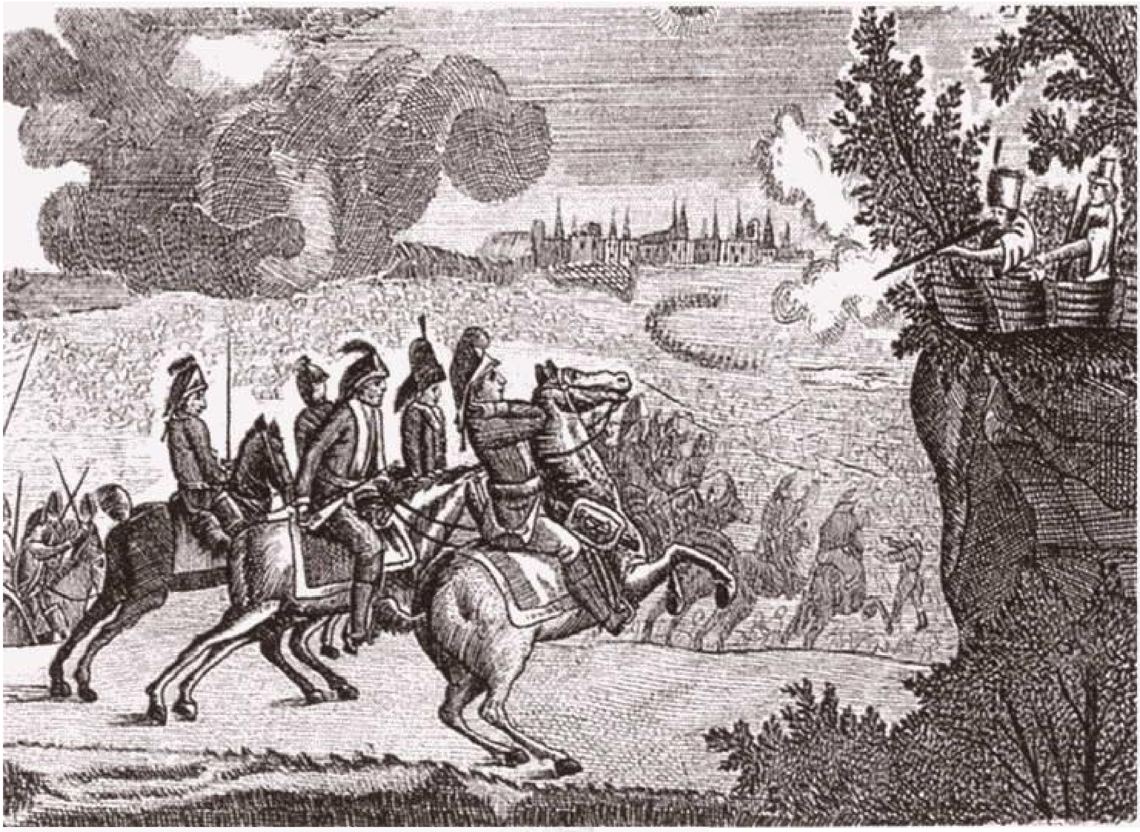

CATHARINAE II FELICITATI SAECULI
ABRAMSON
VIRTUTE POTEMKINI CRIMEA ET KUBANIA RECEPTIS
S.
KLOPMAN.
MDCCLXXXIII

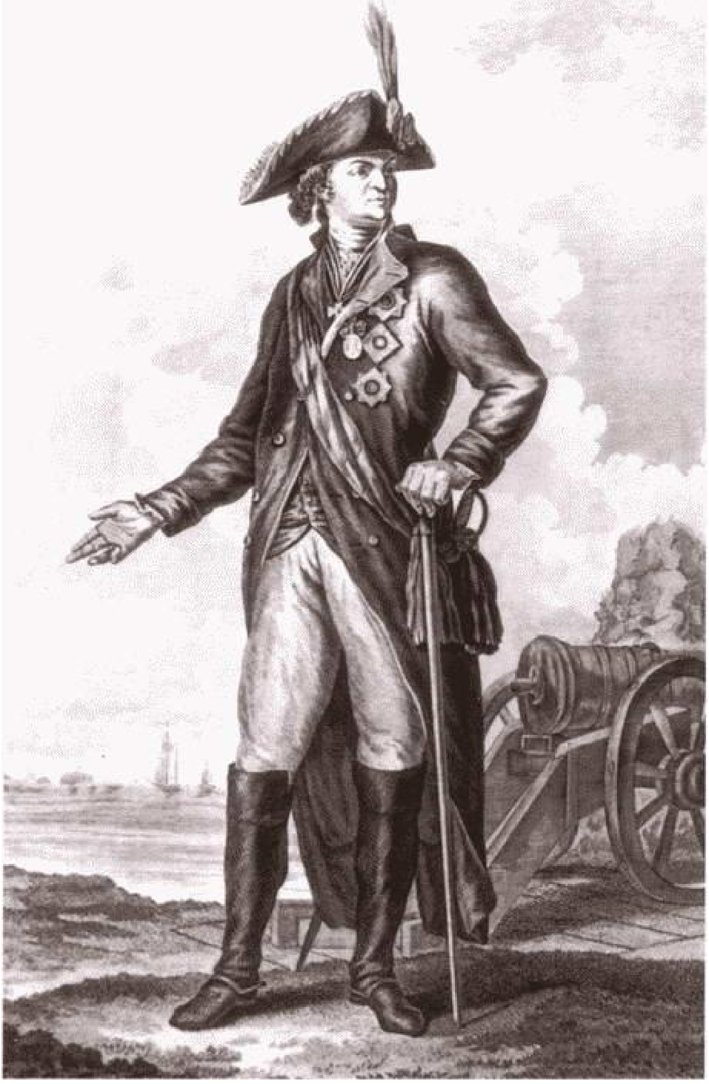


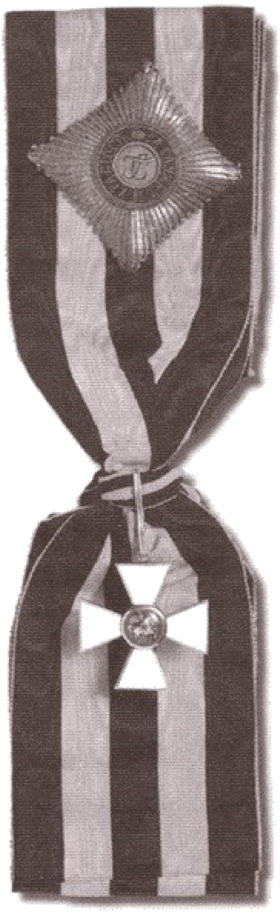


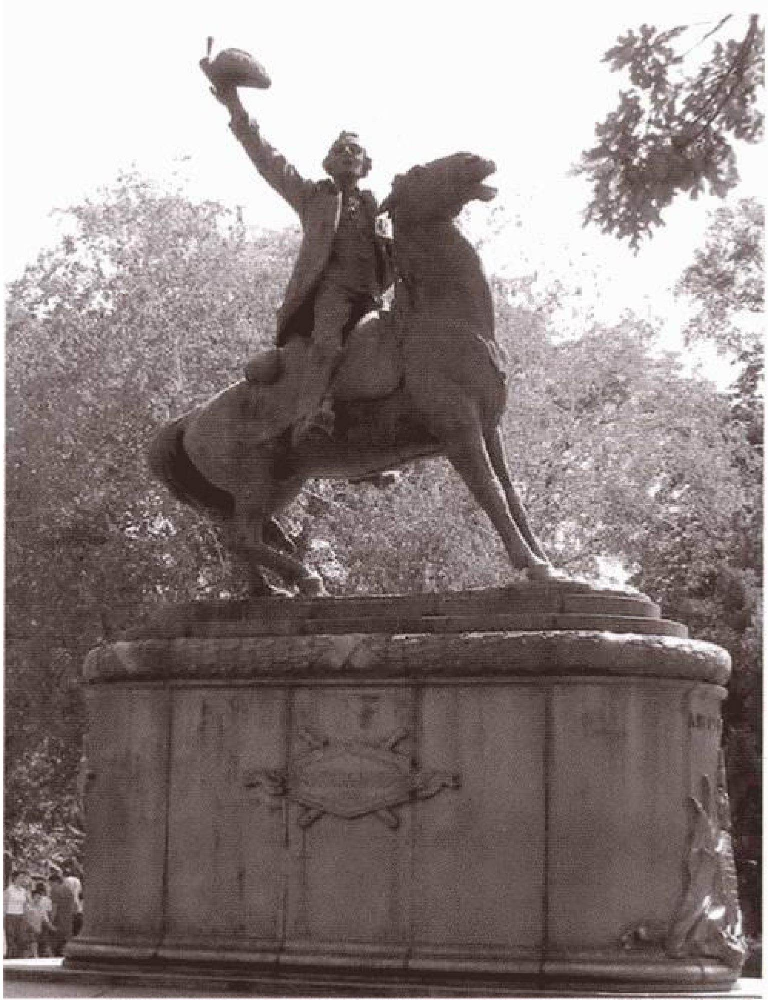


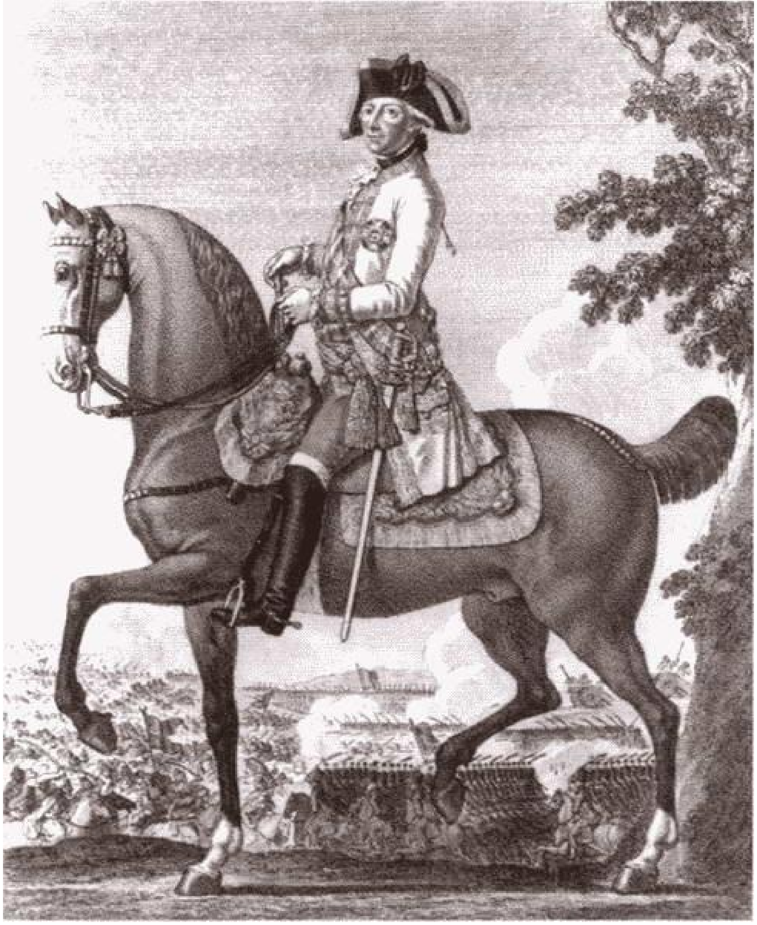


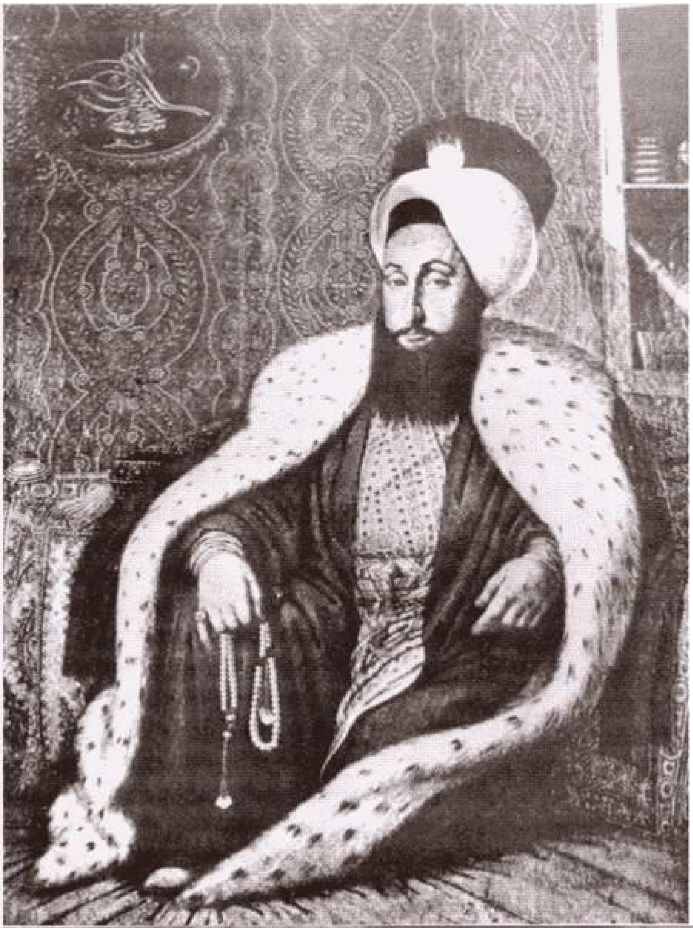


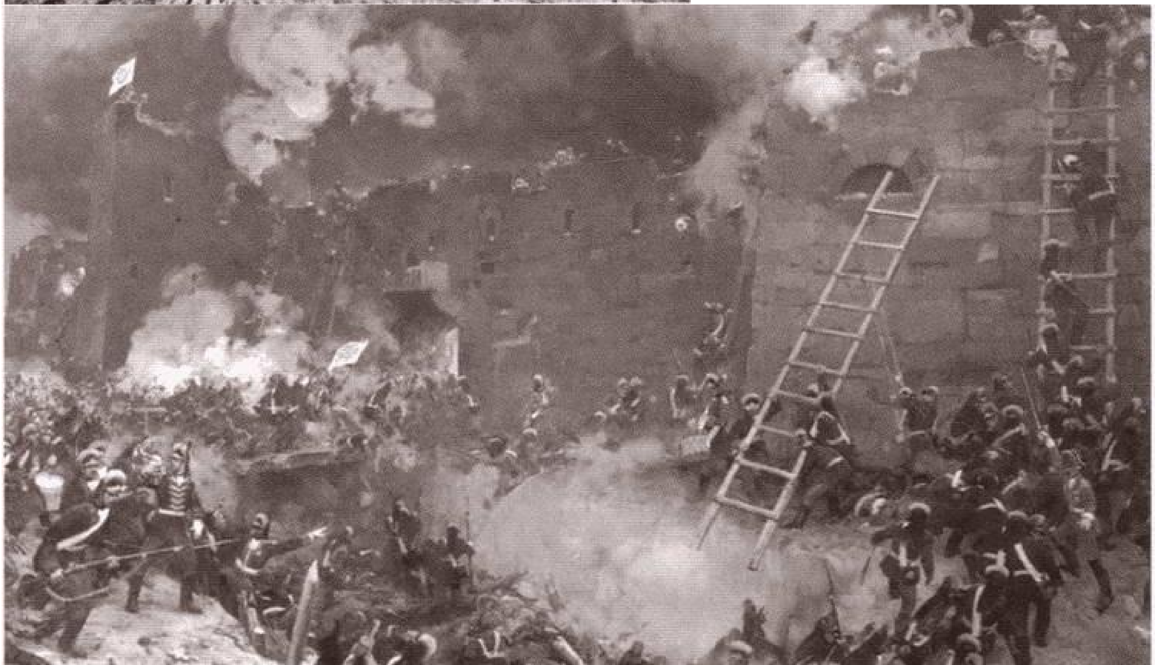






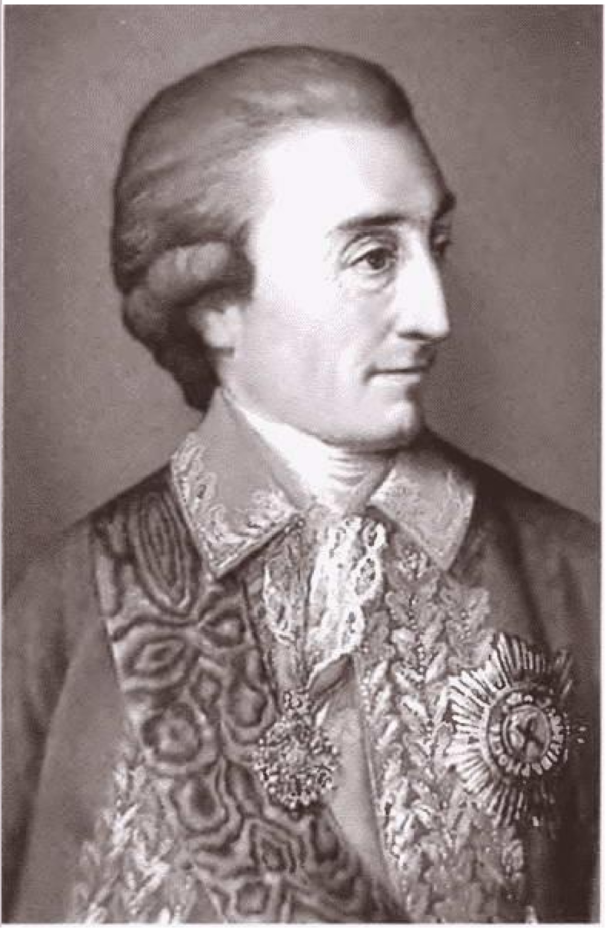


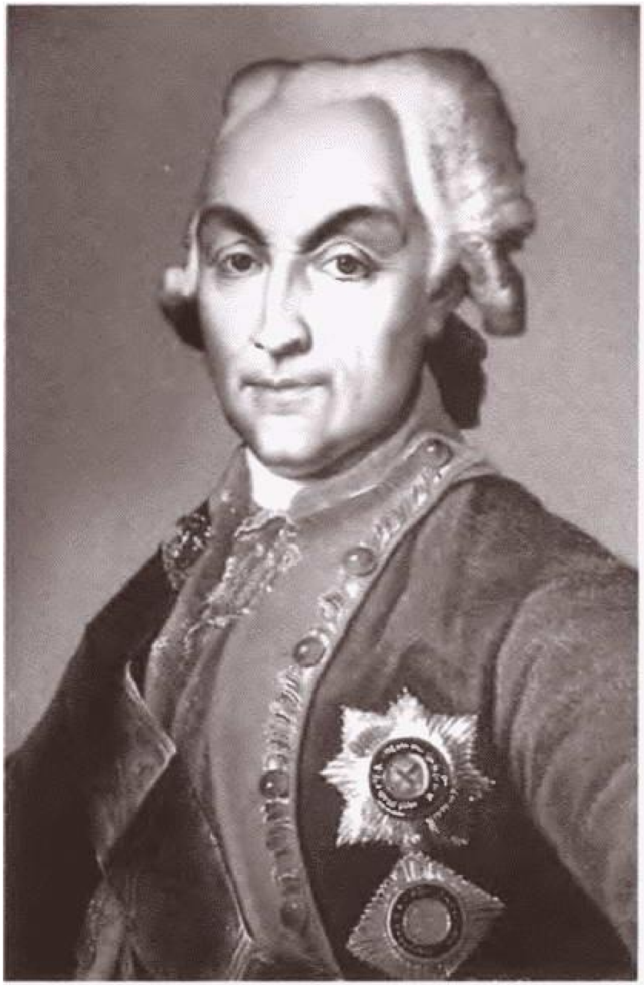


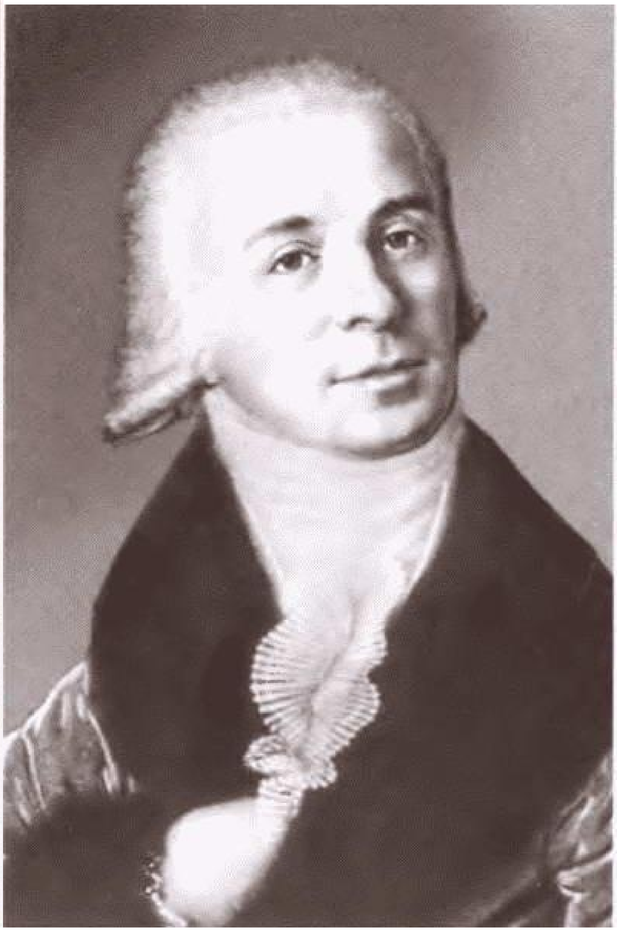


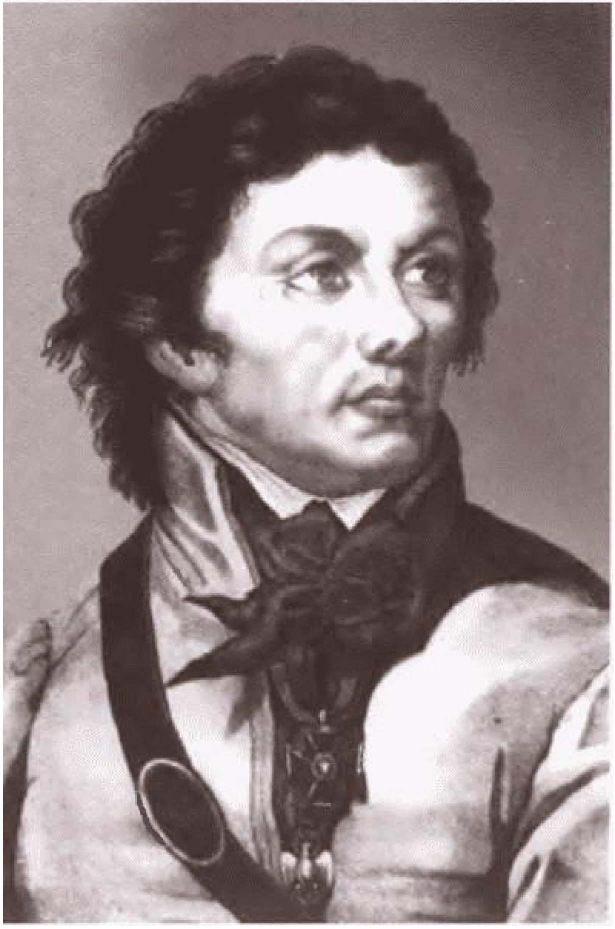
КН. ПОТЕМКИНЪ.
КН. СУВОРОВЪ

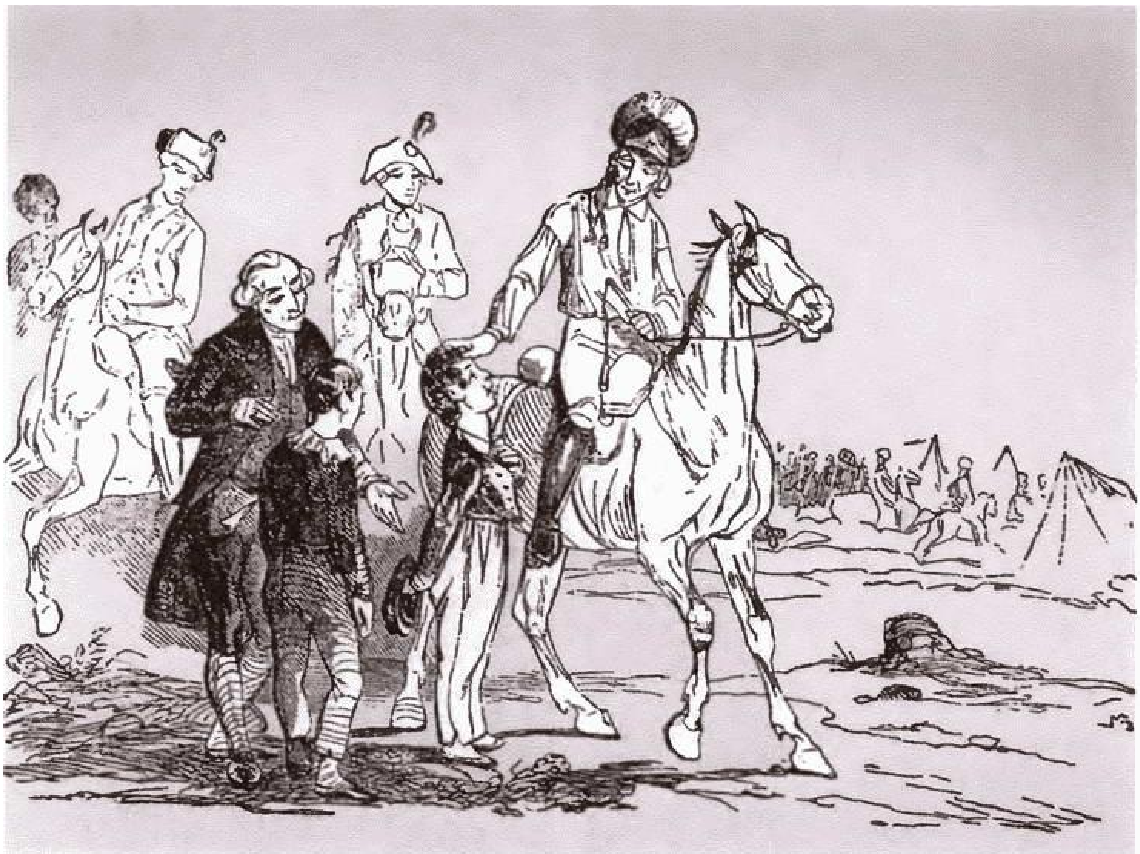
ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ ГЕН: АНШЕФЪ
ПОБѢДИХЪ
Рымникъ
Измаилъ
Кинбурнъ
Фокшаны
ВЪ 1787 . 1789 И 1790
ГОДѢХЪ

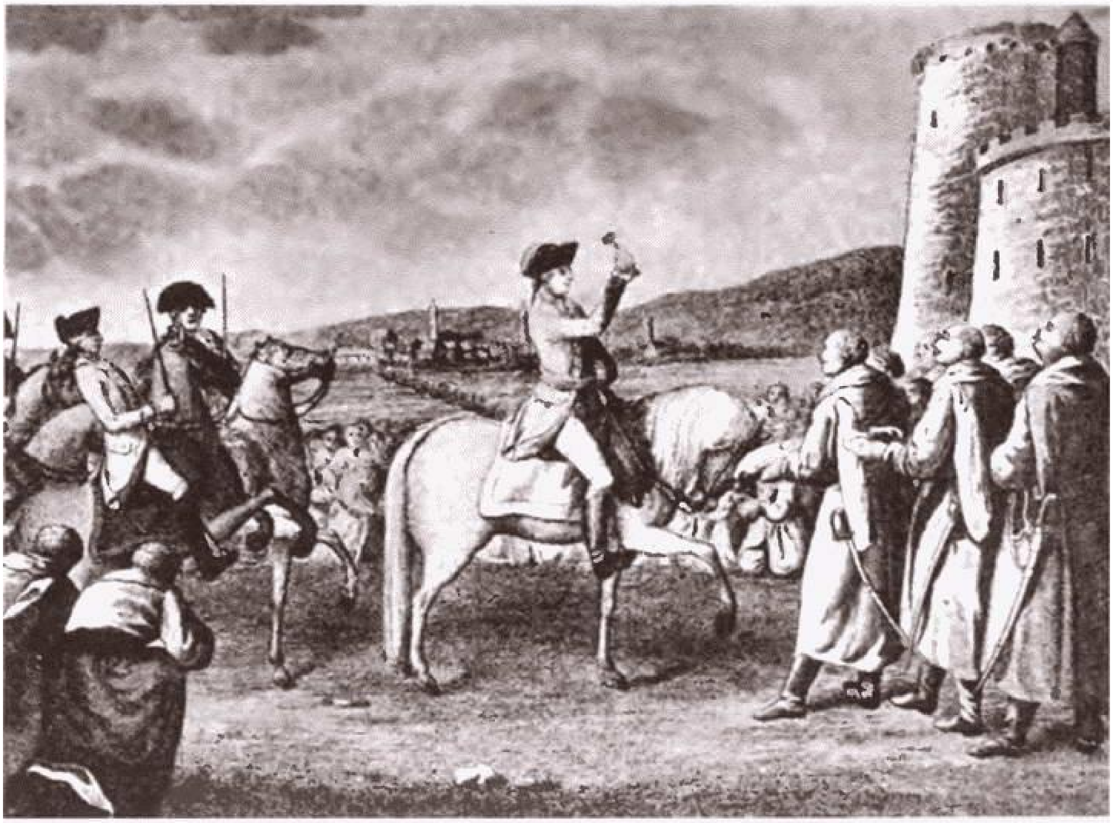


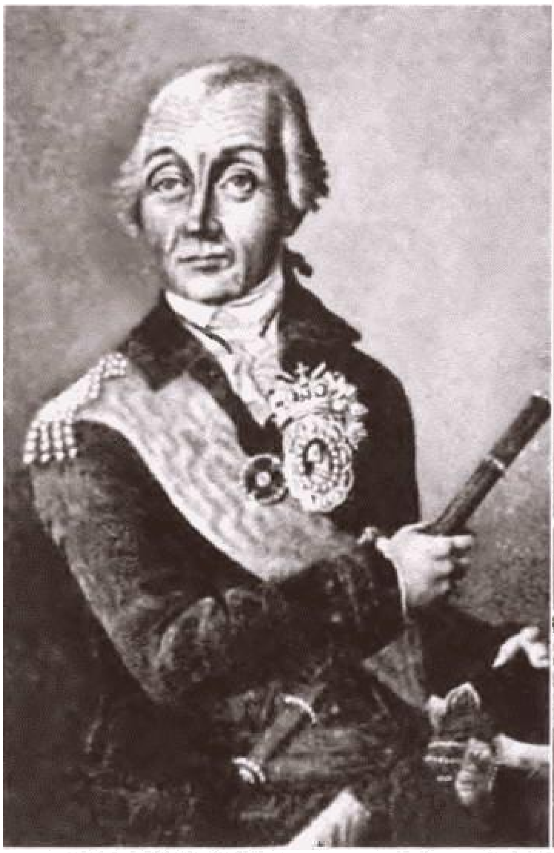


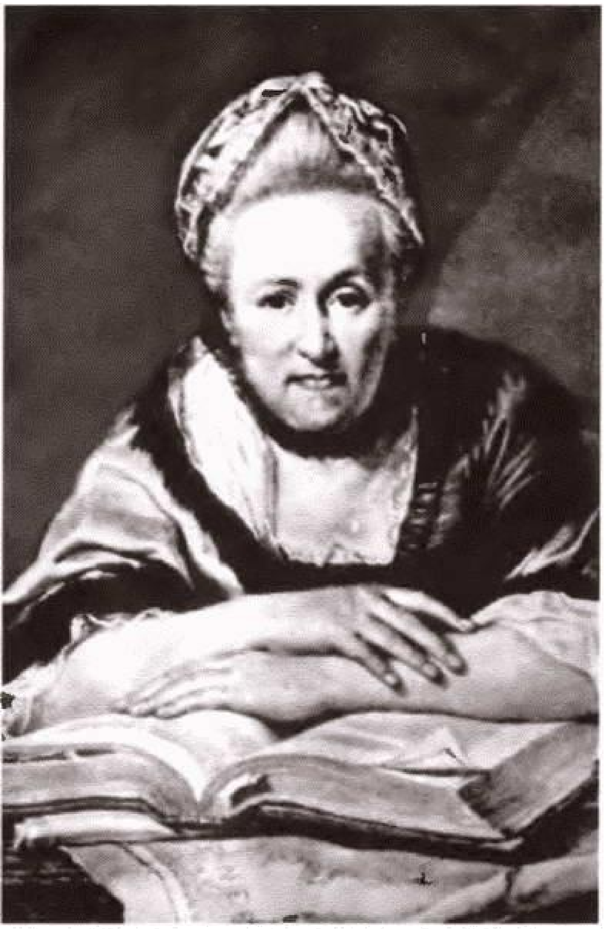


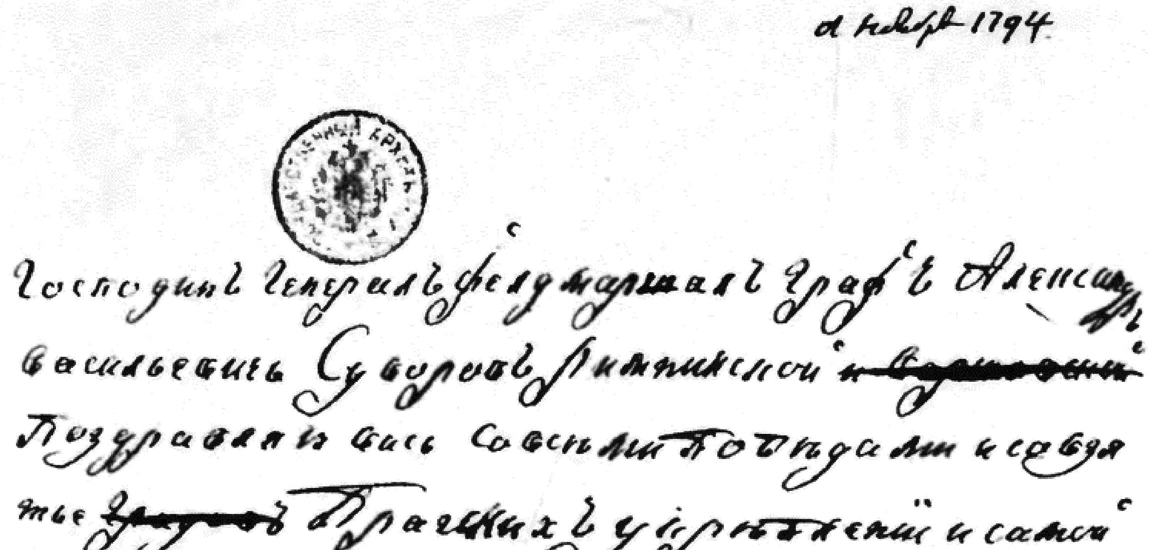






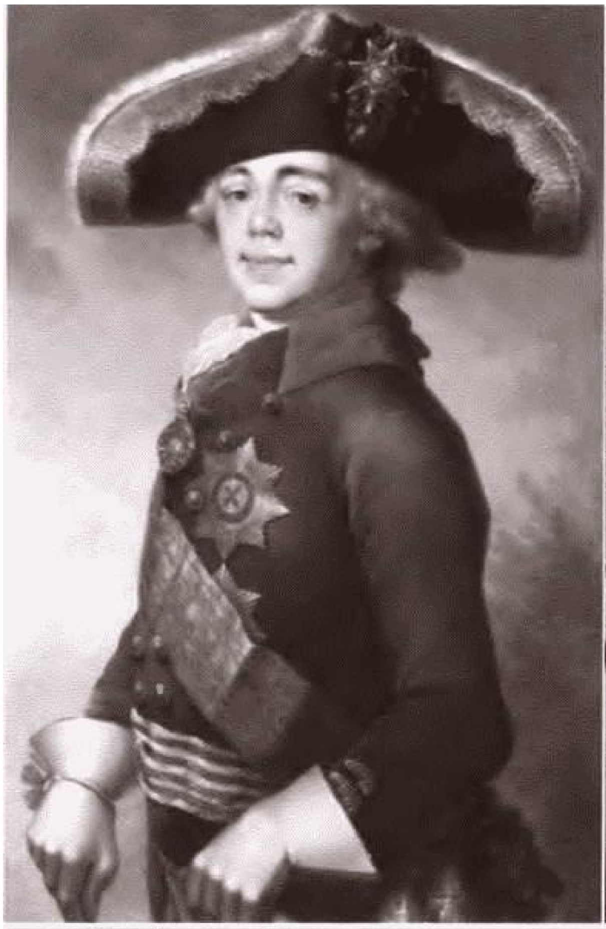


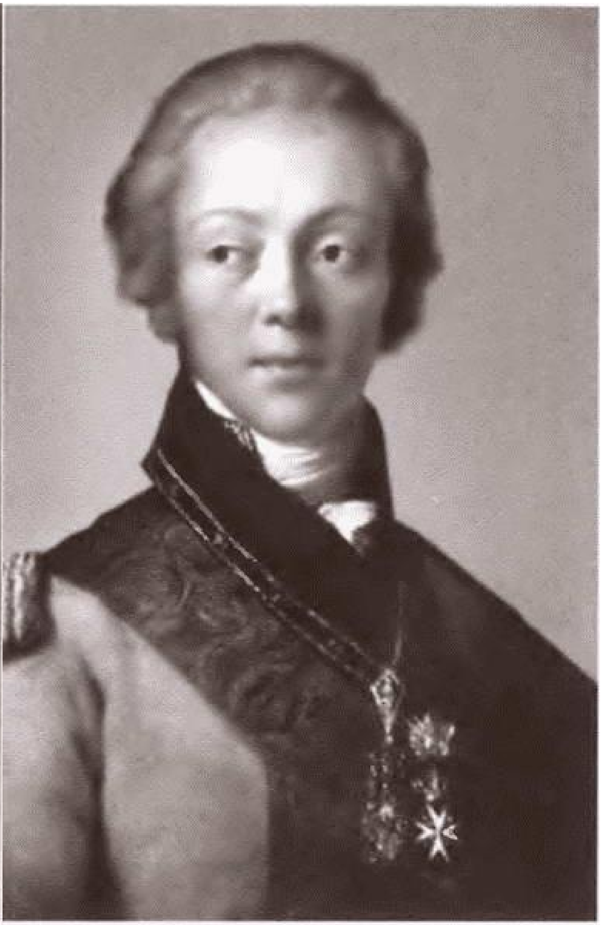


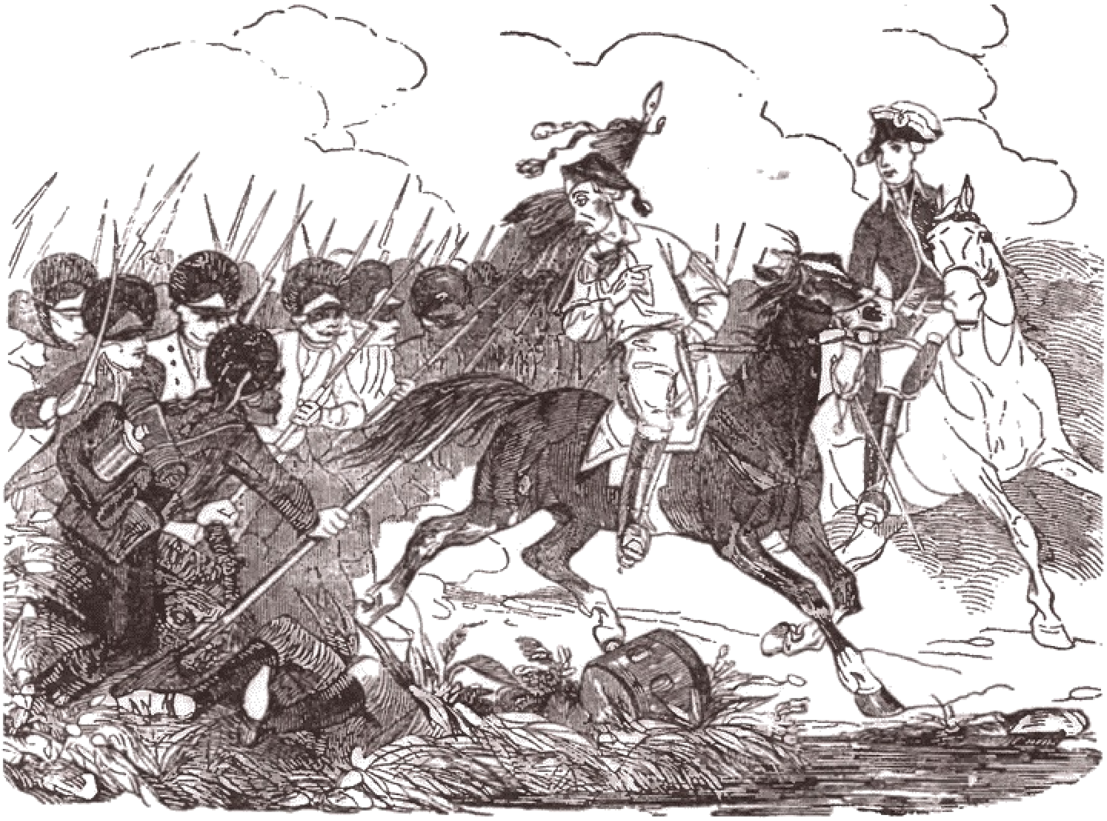


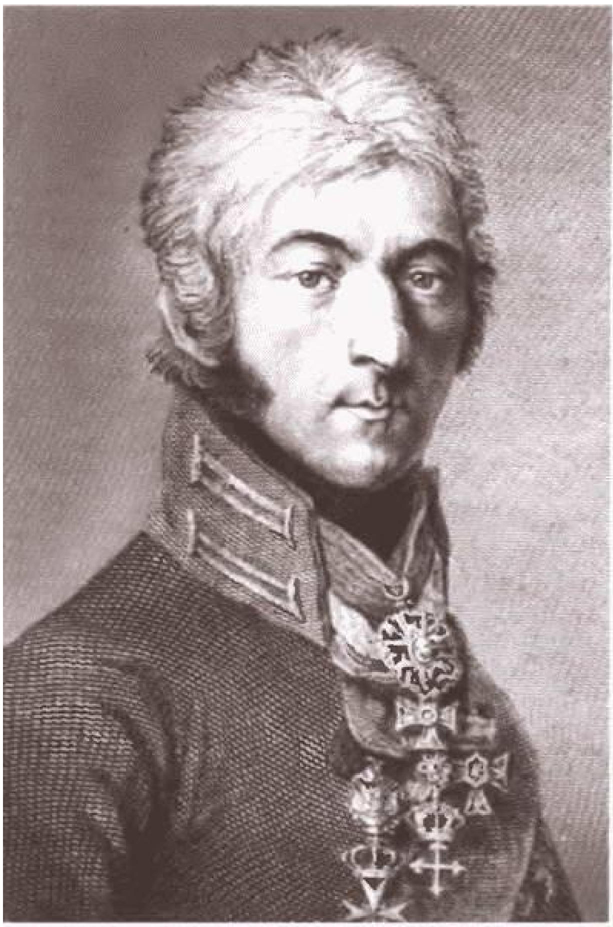
19 ноябр 1794

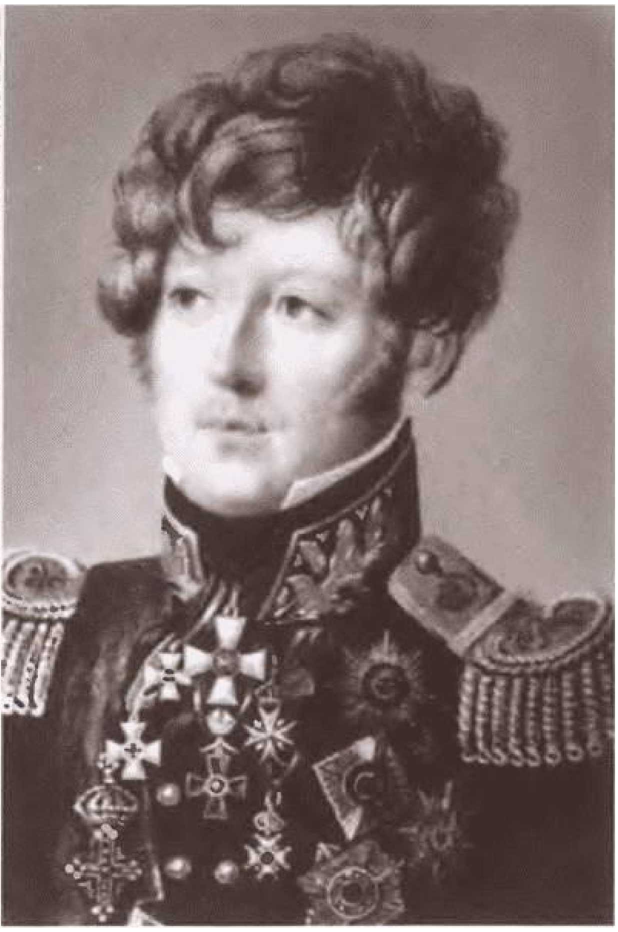
Господинъ Генералъ фелдмаршалъ Графъ Александръ
Васильевичь Суворовъ Рымникской ~~и Варшавской~~
Поздравляю вась совсеми победами и совзя
тьемъ ~~[illegible]~~ Пражскихъ укрепленiй и самой
Варшавы пребываю вамъ доброжелательна

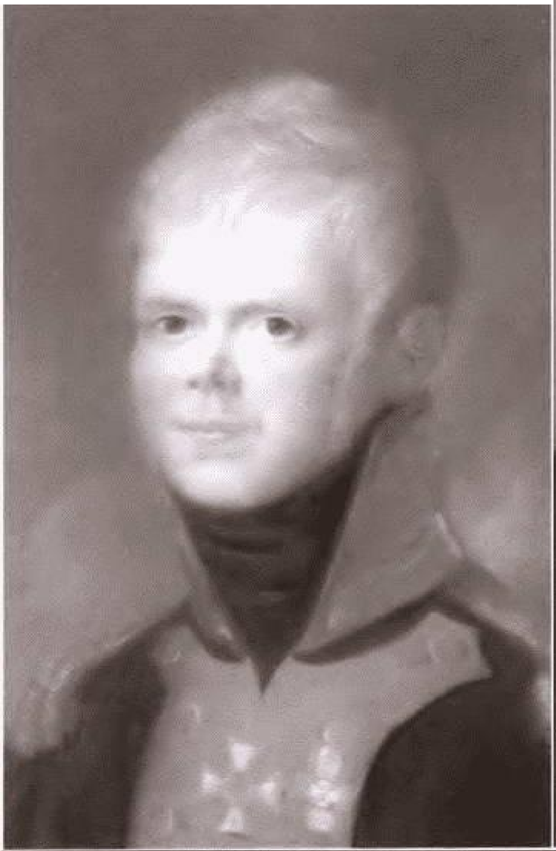
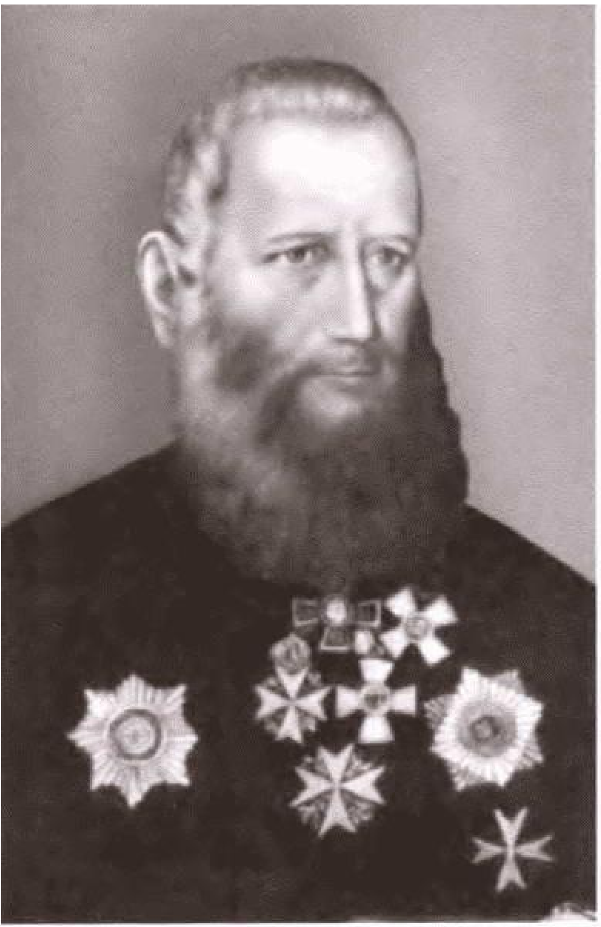
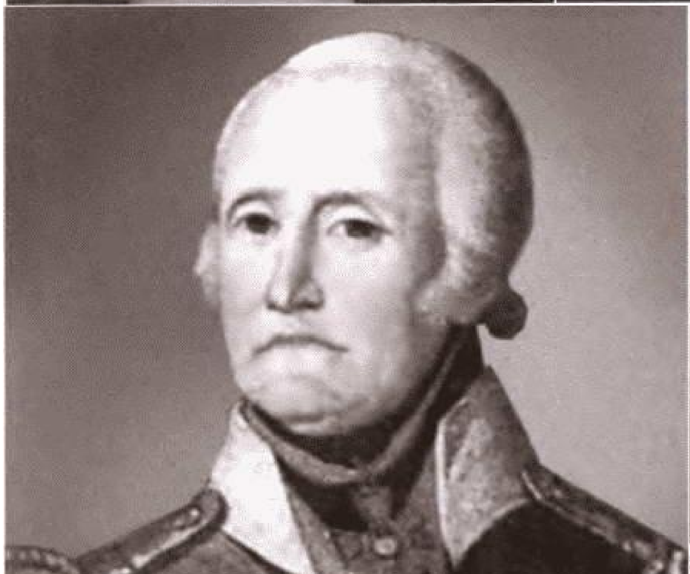
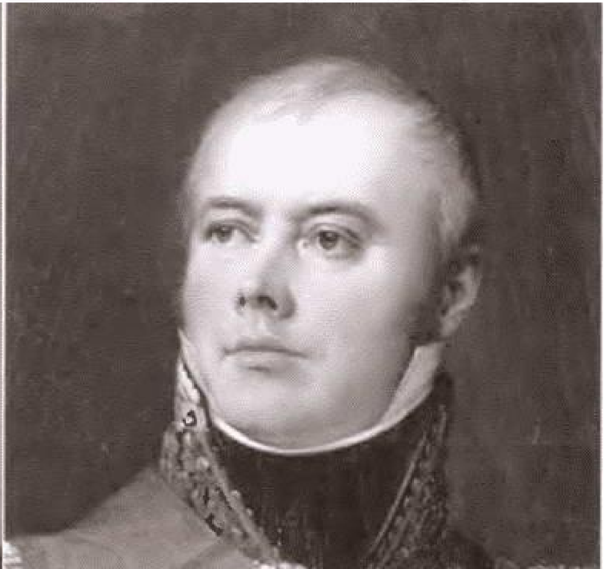


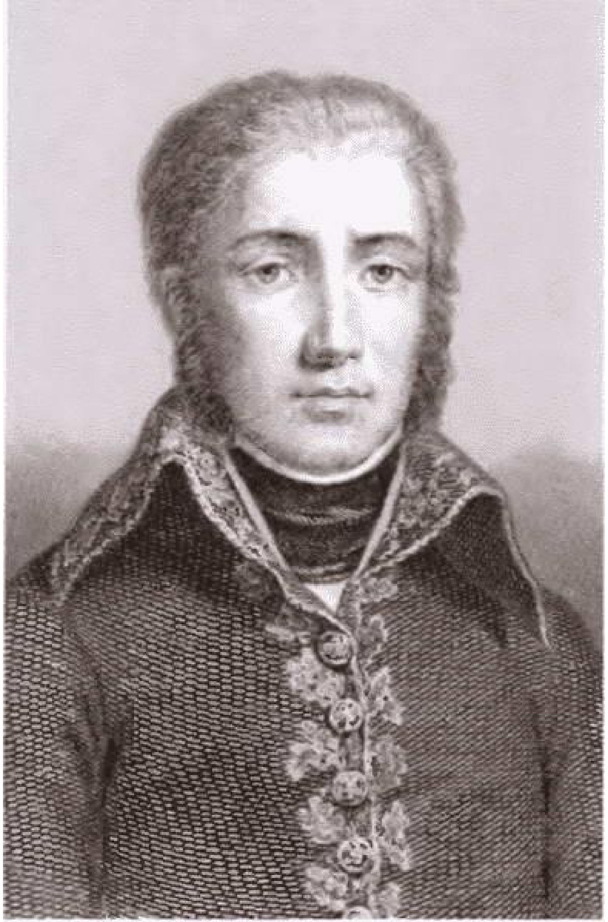


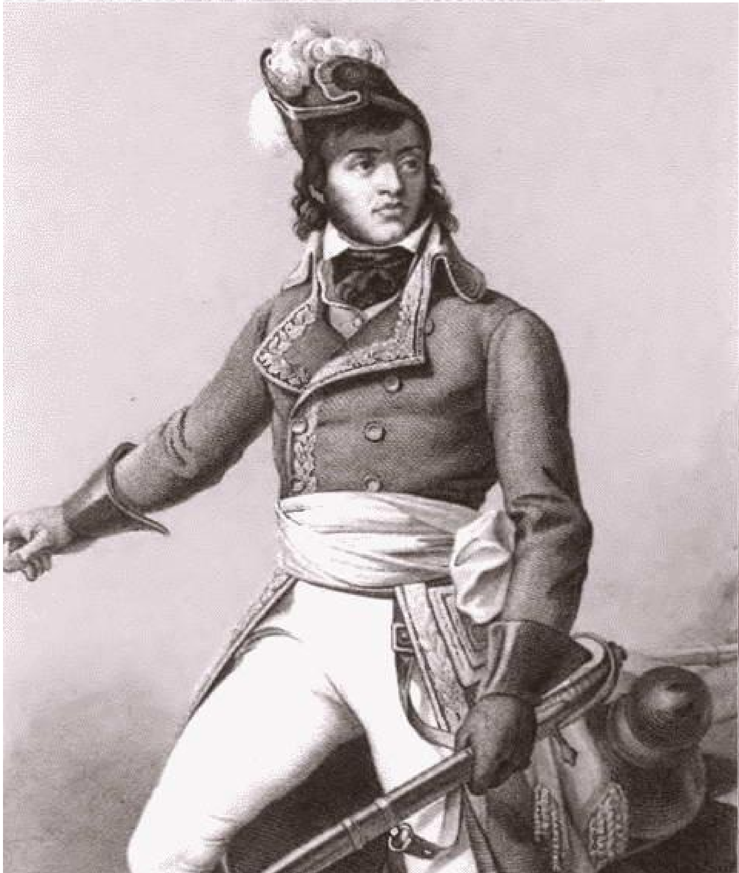


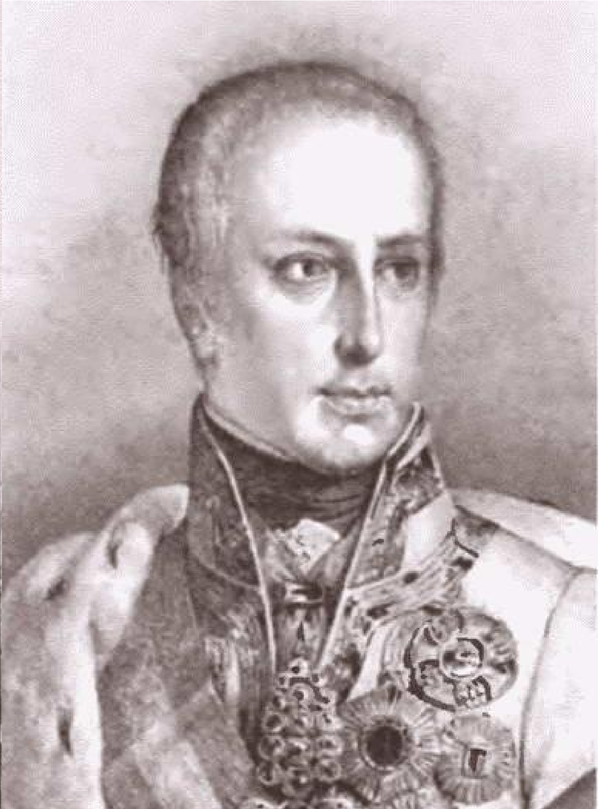


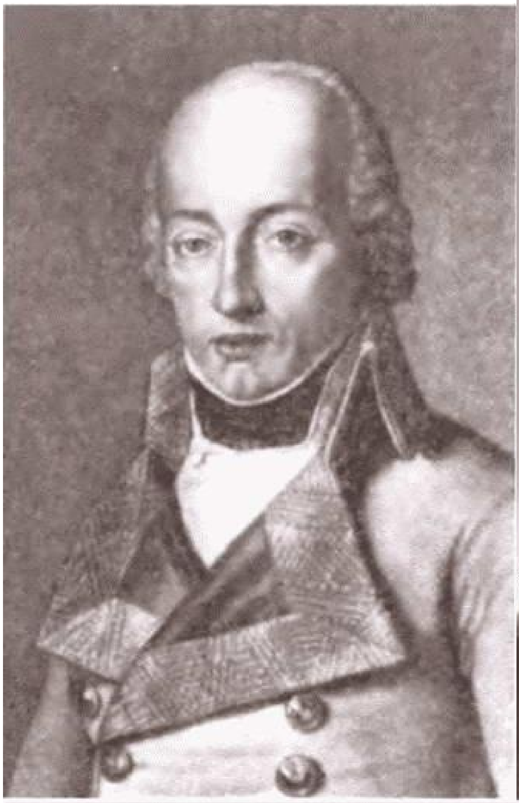


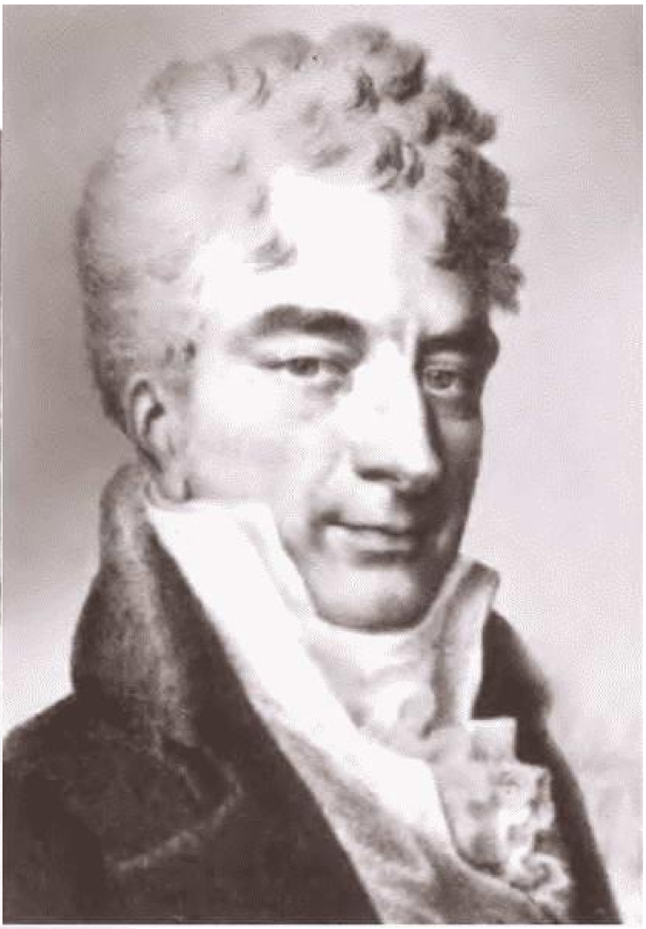





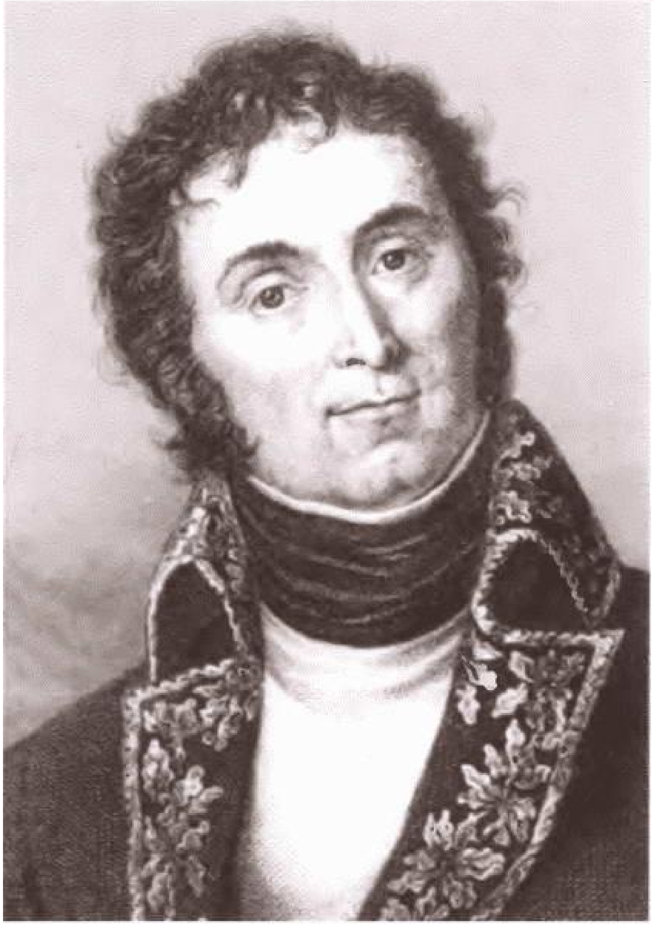


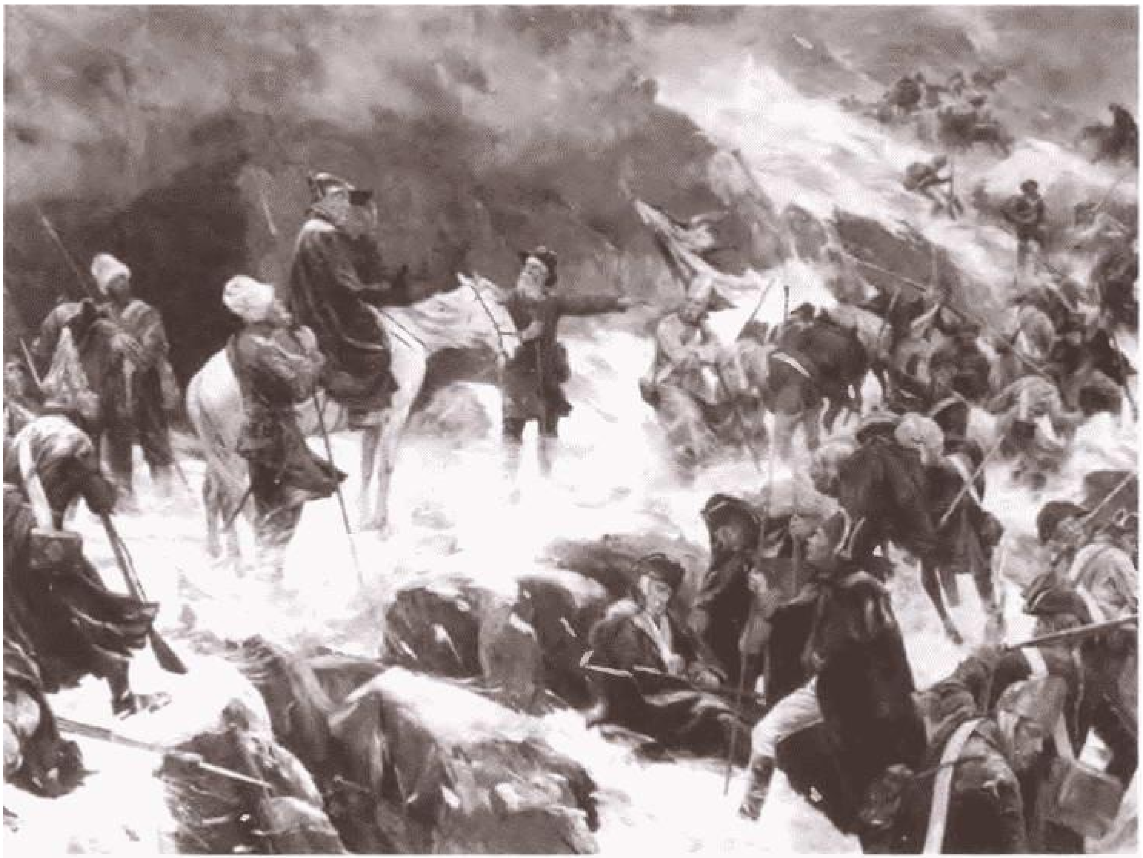


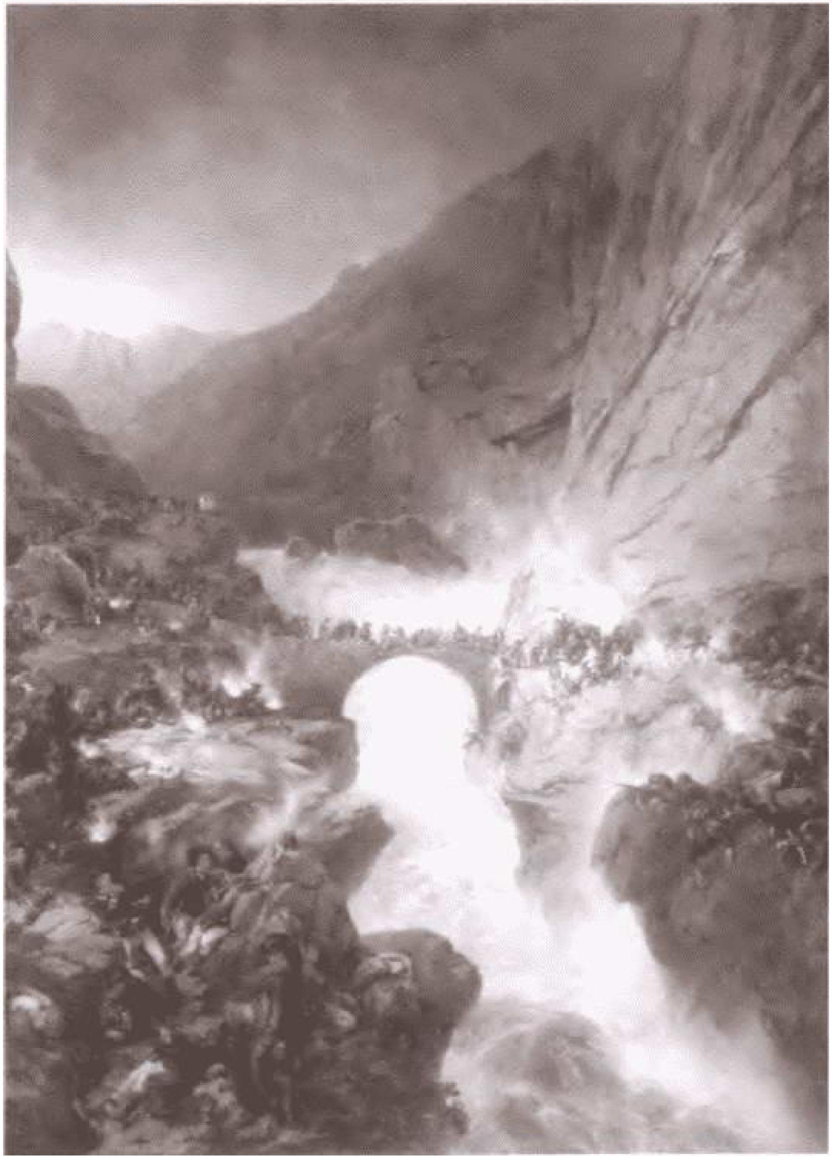


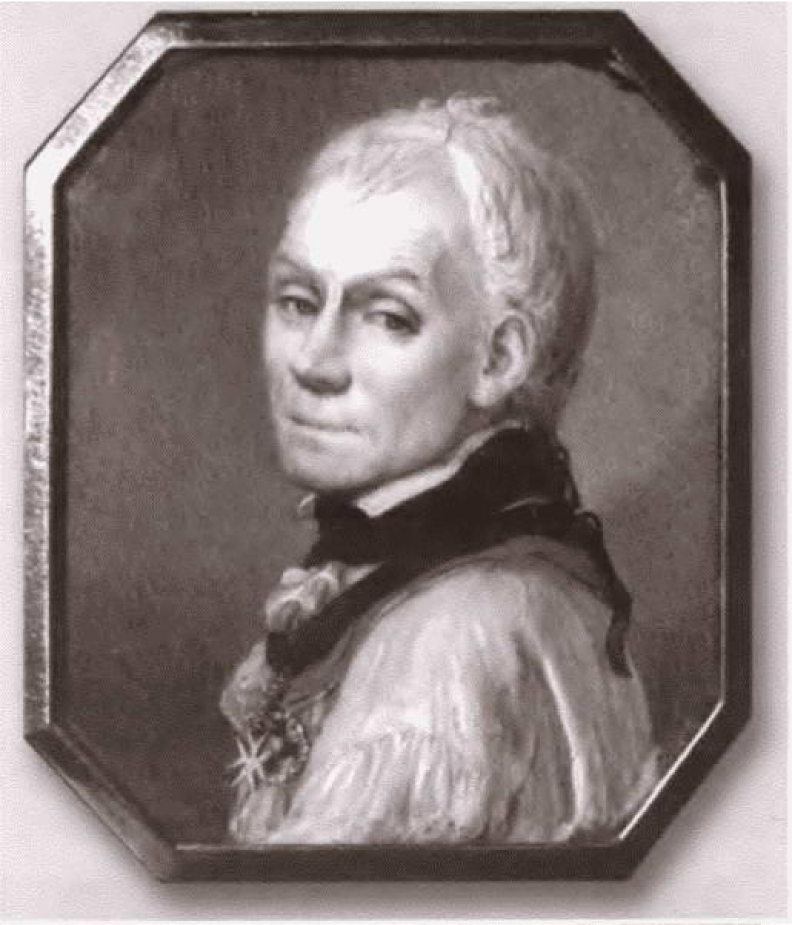


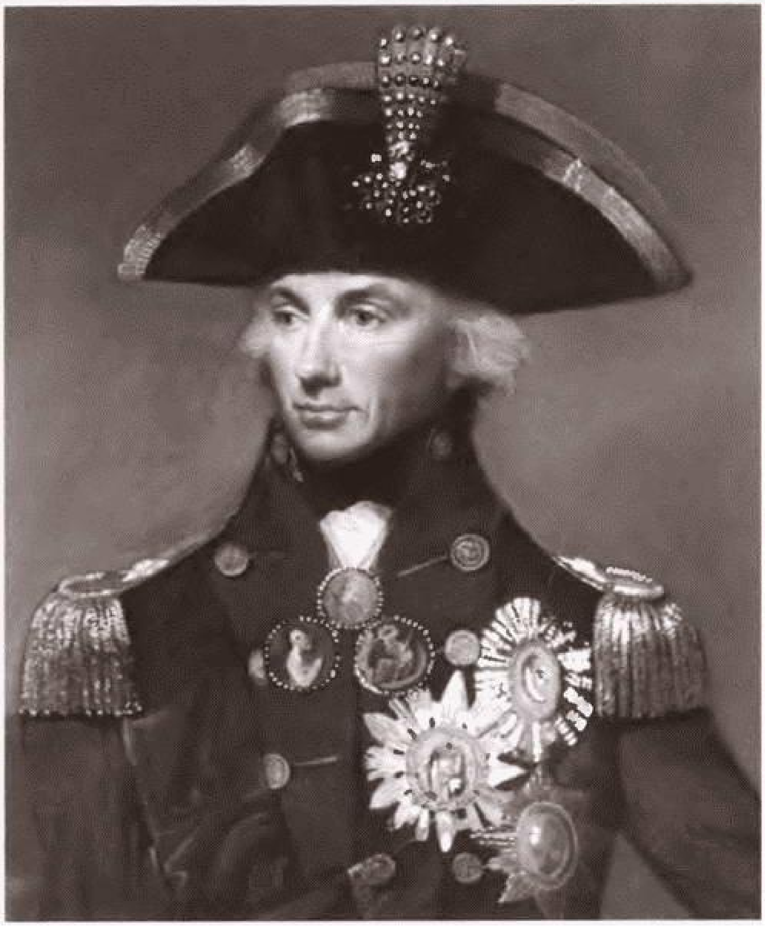


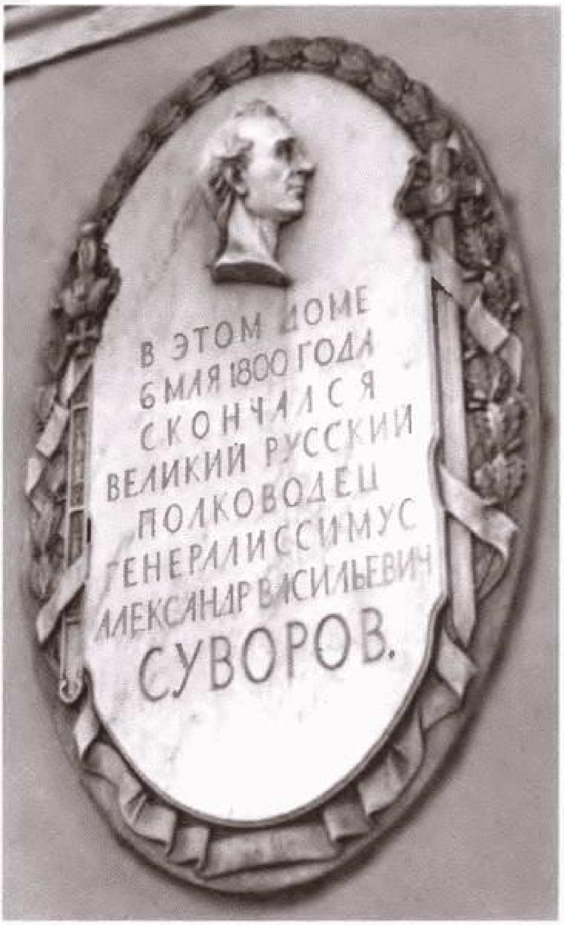


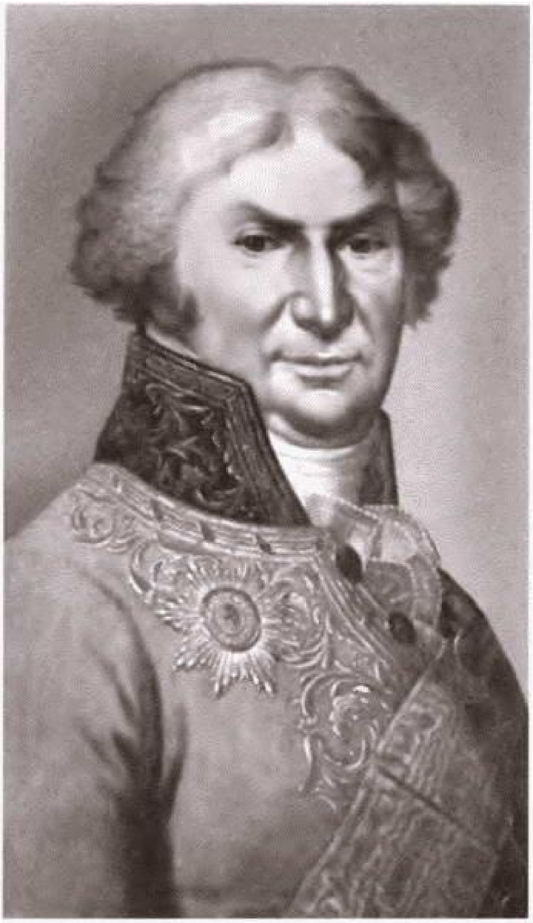


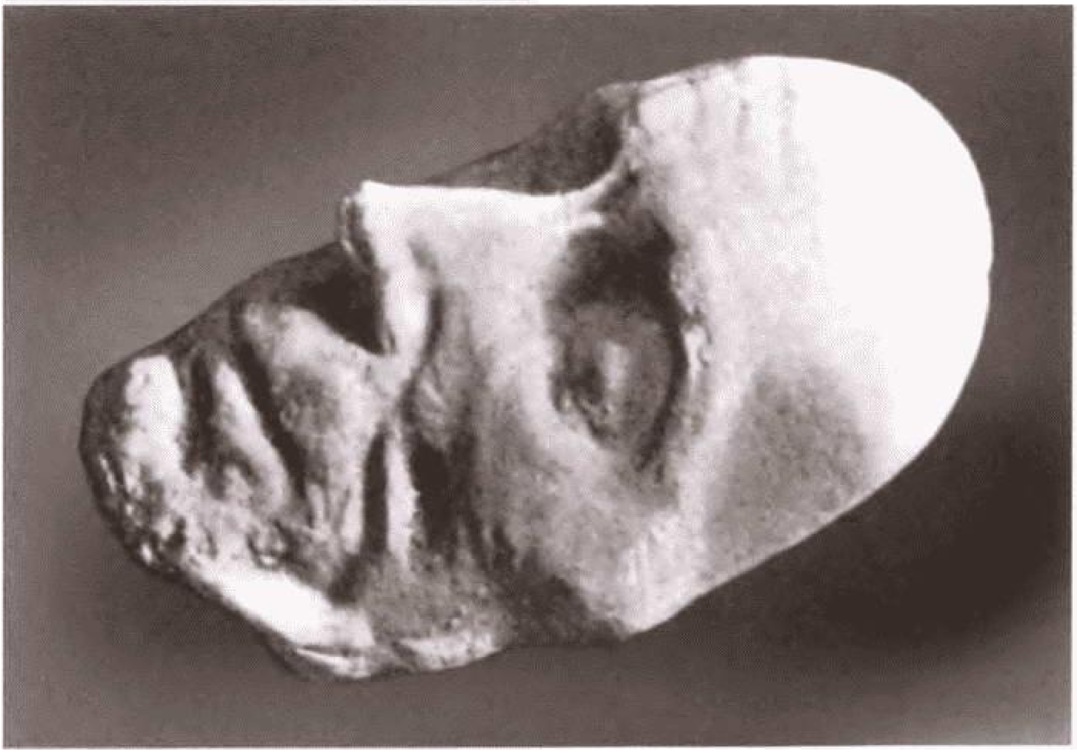


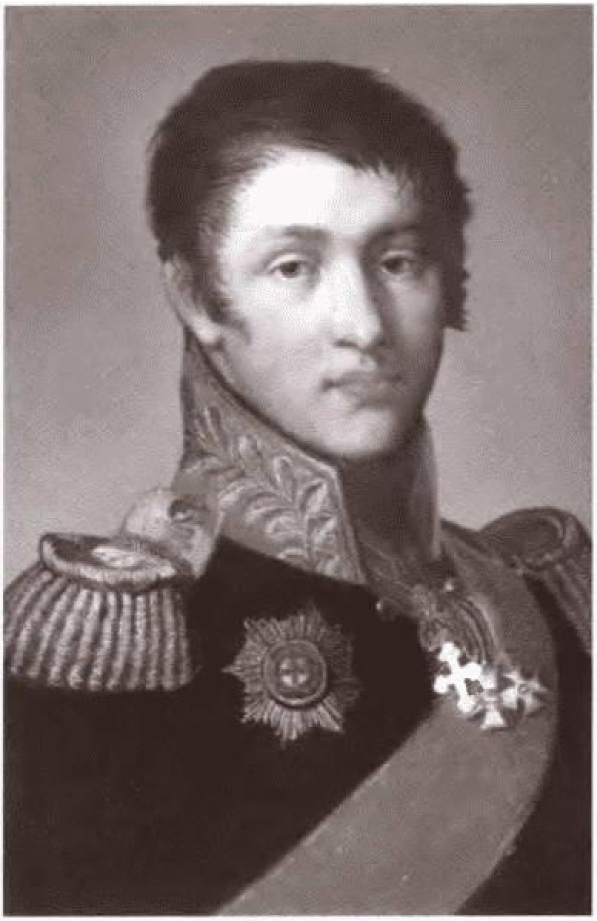


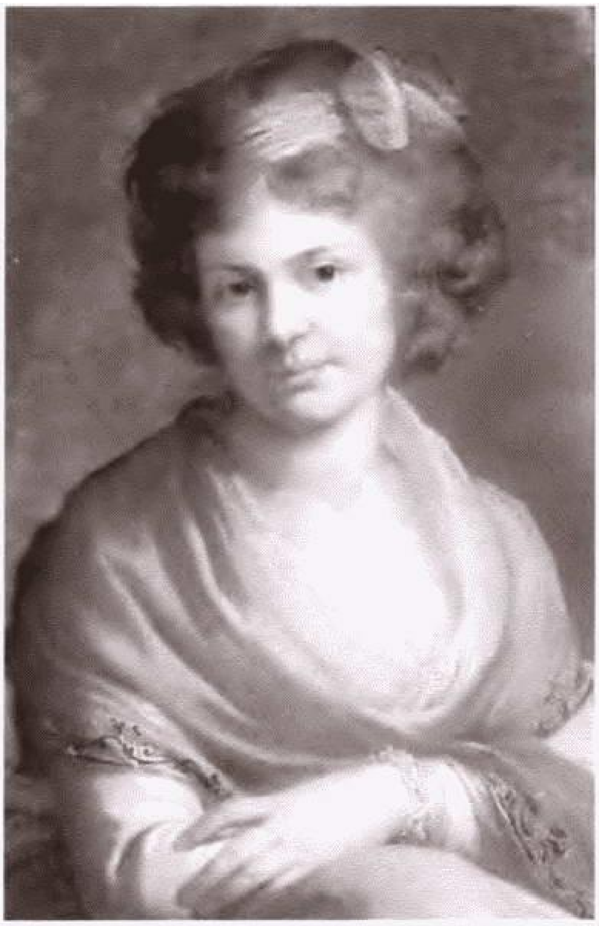


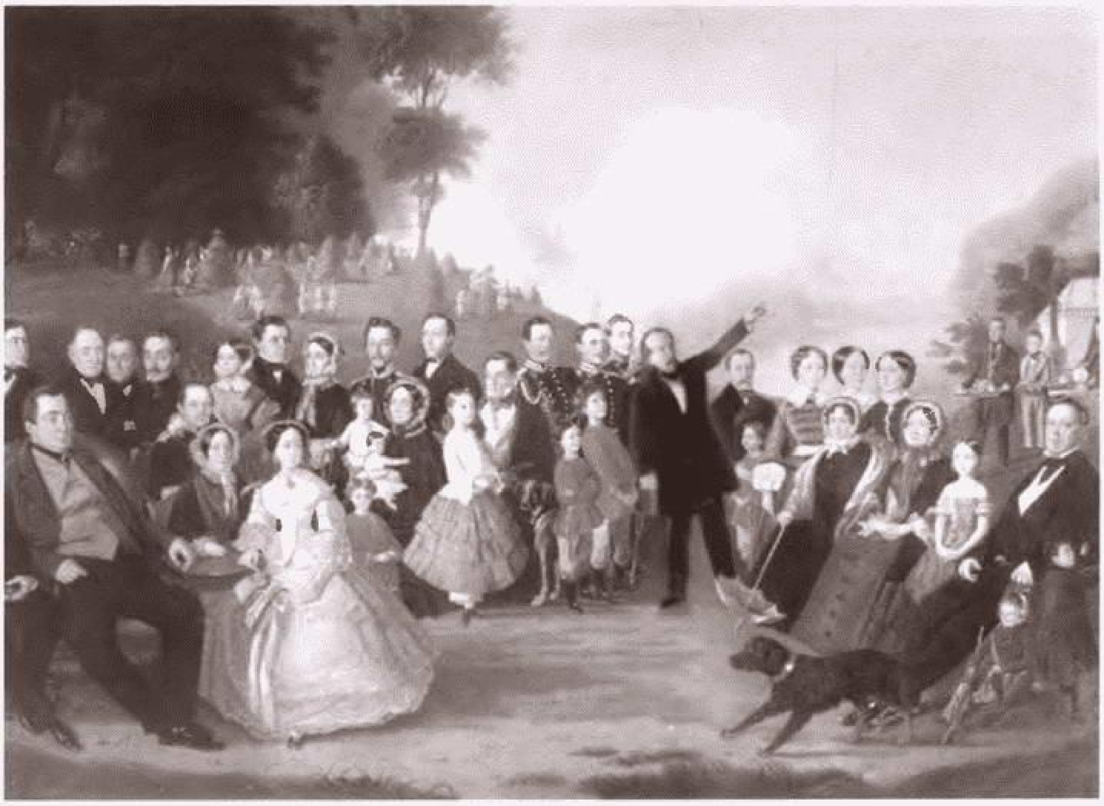

В ЭТОМ ДОМЕ
6 МАЯ 1800 ГОДА
СКОНЧАЛСЯ
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
ПОЛКОВОДЕЦ
ГЕНЕРАЛИССИМУС
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
СУВОРОВ.

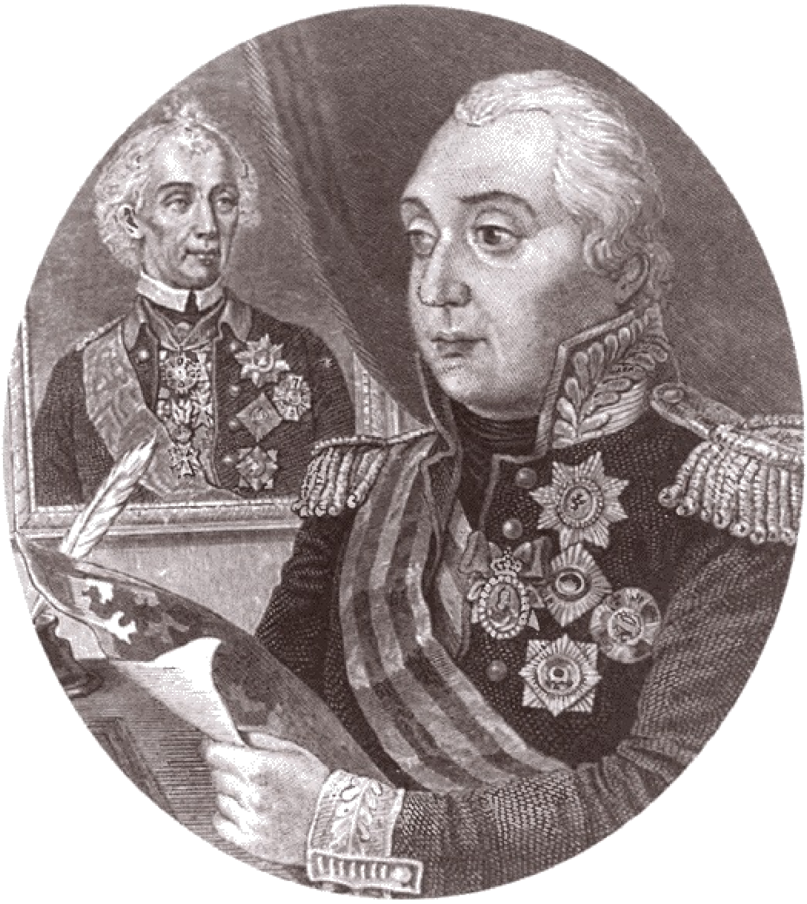












Здѣсь
лежитъ
Суворовъ

ISBN 978-5-235-03571-3

9 785235 035713 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1

Редакция не разделяет мнения автора по данному вопросу. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

Hofkriegsrat — придворный военный совет (нем.).

3

Дефиле (фр. defile — шествие, от file — ряд, вереница) — здесь: теснина, узкий проход в естественных преградах или труднопроходимой местности.

4

Товарищ (искаж. англ., нем. или фр.).

5

Заслугу (англ.).

6

В отличие от экстраординарных пожалований в чин, производимых за особые заслуги, пожалования по старшинству производились при наличии вакансий; преимуществом пользовались получившие предыдущий чин ранее других.

7

Период пребывания в Смольном делился на четыре класса или возраста, отличавшиеся цветом форменной одежды: воспитанницы 6—9 лет носили платья коричневого (кофейного) цвета, девочки 9—12 лет — голубые, 12—15 — серые, 15—18 лет — белые.

8

Суворов напомнил трагический эпизод предыдущей войны, когда егерская команда майора Анрепа была окружена и, вместо того чтобы пробиваться на штыках, засела в монастыре, ожидая выручки. Расстреляв патроны, все они погибли. (Прим. авт.)

9

Мемуары Поля Джонса, где он отзывался о Суворове в превосходной степени, неоднократно подчеркивал свою искреннюю с ним дружбу, восхищался лингвистическими талантами русского полководца, его великодушием, честностью и простотой, якобы были найдены неким А. Бьюлем (Бюелем) и опубликованы в Нью-Йорке в двух томах в 1901 году, вскоре после столетней годовщины со дня смерти Суворова и с тех пор неоднократно переиздавались. Перевод большого отрывка, в котором говорилось о кампании 1788 года и о Суворове, напечатал в 1902 году солидный русский журнал «Исторический вестник». Особенно красочно было описано прощание с Суворовым, который подарил моряку бобровую шубу и подбитый горностаем доломан: «Возьмите, Джонс, они слишком хороши для меня; мои детушки не узнали бы своего батюшку Суворова, если бы я так нарядился, но вам они подойдут; вы ведь французский кавалер. Для вашего брата Суворова годится серая солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги. Прощайте». Этот монолог явно отдавал литературщиной. Да и откуда у спартанца Суворова оказались бобровая шуба и доломан на меху? Еще большие подозрения вызывали бранные слова в адрес Потемкина, якобы высказанные Суворовым заезжему иностранцу. В конце 1930-х годов всё встало на свои места: американские военные историки убедительно доказали, что отысканные Бюелем воспоминания Джонса являются подделкой, а потому должны быть вычеркнуты из суворовской библиографии. (Прим. авт.)

10

Шармицель — схватка, стычка, перестрелка между малыми, изолированными от основной части войска отрядами, например разъездами, пикетами, частями авангарда.

11

Арнауты — турецкое название албанцев.

12

Трапезе (фр.).

13

Пиршества (фр.).

14

Мемуарист называет Суворова графом, тогда как он получил титул именно за рымникскую победу. (Прим. авт.)

15

В те времена античные герои были предметом всеобщего поклонения и подражания. Суворов напомнил принцу историю одного из любимейших своих героев — спартанского царя Леонида, всего с тремястами воинов оборонявшего Фермопильское ущелье от огромной армии персидского царя Ксеркса. Гонец Ксеркса заявил Леониду, что если все персидские лучники пустят стрелы, то никто не увидит солнца. «Что ж, — ответил один из спартанцев, — будем сражаться в тени!» (Прим. авт.)

16

Графиня двух империй (фр.).

17

От моей Высочайшей Матери (фр.).

18

Суворов иронизирует по поводу угодливости поляков: за союз с турками они, чего доброго, уступят и Каменец-Подольский, с большим трудом отвоеванный в конце XVII века. (Прим. авт.)

19

Доказательства см.: Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992. (Прим. авт.)

20

Перевод Т. Гнедич.

21

До захвата турками в 1538 году Измаил носил славянское название Смил (Синил).

22

Двор и население столицы жили новостями с юга. 22 июня войска Гудовича взяли штурмом сильную крепость Анапу Вскоре в Петербург был доставлен захваченный в плен чеченский пастух Ушурма. Императрица пожелала видеть пленника, который, объявив себя Шейхмансуром и наследником пророка Магомета, поднял горцев против России. Вместе со стражниками он несколько раз прошелся перед окнами дворца в Царском Селе. Екатерина писала Гримму, что трудно понять, как такой молодой человек мог привлечь столько сторонников, доставивших много хлопот империи. (Прим. авт.)

23

Вертумн — древнеиталийский бог времен года, изображался, как правило, в виде садовника с плодами разных сезонов. Упоминая Вертумна, Суворов намекает на возможность вынужденной отставки.

24

В феврале 1791 года Потемкин, отъезжая в Петербург, хотел оставить армию Суворову, но вмешался Репнин и как более осторожный и послушный военачальник был поставлен командовать. Воспользовавшись случаем, он добил ослабленных предыдущими поражениями турок. Его единственная победа в долгой войне принесла ему лавры миротворца. Суворов по этому поводу сочинил афоризм в подражание Эзопу: «Безумен мачинский, как жаба против быка, в сравненье Рымника». (Прим. авт.)

25

Эммануил Сведенборг (1688— 1772,) — шведский ученый-естествоиспытатель, изобретатель, автор теософско-мистических трудов о посмертном существовании.

26

Кал кун (от нем. Kalkuhn — калькуттская курица) — индюк.

27

Карпоральство (капральство) — подразделение роты под командой капрала.

28

На самом деле родство было дальним и не кровным: Дарья Александровна Трубецкая, в девичестве Румянцева, была родной сестрой фельдмаршала Петра Александровича, женатого на родной тетке жены Суворова Марии Михайловне Голицыной.

29

В 218 году до н. э. гениальный карфагенский полководец Ганнибал совершил беспримерный переход через Альпы и вторгся в Италию. В битвах при реках Тицине и Треббии и в генеральном сражении при Каннах (216) он уничтожил армию римлян. У Рима не было войск для защиты, но Ганнибал не решился нанести последний удар, потерял драгоценное время и дал противнику возможность восстановить силы. Война была проиграна, Карфаген вскоре пал. (Прим. авт.)

30

Виват! Да здравствует Екатерина! Да здравствует Суворов! Да здравствуют русские! (польск.).

31

В начале 1793 года в ответ на декрет Конвента о призыве в армию трехсот тысяч человек в северо-западных департаментах Франции начались контрреволюционные выступления. Наибольшего успеха повстанцы добились в департаменте Вандея в мае—июне 1793 года. Франсуа де Шаррет был одним из самых талантливых предводителей вандейцев. (Прим. авт.)

32

Противоположным образом, наоборот, обратно (лат.).

33

Имеется в виду Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», освобождавший его от обязательной службы.

34

Имеется в виду Один — верховное божество германо-скандинавской мифологии, бог войны и победы, хозяин Вальгаллы — небесного чертога для павших воинов, повелитель дев-валькирий.

35

Как правило, отставник сохранял право ношения мундира. Отставка «без мундира» была признаком немилости.

36

Согласно позднейшим рецептам «золотая» водка настаивалась на меду с липовым цветом.

37

Курилка — старинная детская игра, по правилам которой играющие образуют круг, по которому передают из рук в руки горящую (курящуюся) лучинку или соломинку и при этом по очереди поют песенку: «Жив, жив Курилка, жив, жив, не умер!» Игрок, в руках у которого лучина гасла, выбывал из игры.

38

Канифас (от голл. kanefas — канва) — плотная атласная ткань китайского происхождения, обычно с рельефными полосками.

39

Вероятно, имеются в виду кюлоты — узкие панталоны до колен.

40

Рульный (рульной) табак (от голл. rol — связка, сверток) — нераскрошенные табачные листья в связках или скрученные.

41

Телемак (Телемах) — в греческой мифологии сын царя Итаки Одиссея. Ментор — друг Одиссея, наставник его сына.

42

Место расквартирования (нем.).

43

Прусская наглость (искаж. нем.).

44

Немогузнайство; дословно — не могу ничего точно сказать (нем.).

45

Имеются в виду роты 7-го егерского полка князя Багратиона, где по штатам было 64 человека. Если бы речь шла о гренадерских ротах, в которых штат составлял 154 штыка, потеря почти 3/4 списочного состава означала бы уничтожение подразделения. — См.: Преснухин М.А. Битва на Треббии. Три дня А.В. Суворова. М., 2001. (Прим. авт.)

46

Маштак — малорослая крепкая лошадь.

47

Да здравствует республика! Да здравствуют свобода и равенство! Да здравствует! Да здравствует! Вперед! (искаж. фр.).

48

После Суворова чин генералиссимуса присваивался лишь единожды — 27 июня 1945 года И.В. Сталину

49

Дэйвид Гаррик (1717—1779) — знаменитый английский актер, драматург, директор театра «Друри-Лейн».

50

От англ. goddamit — черт возьми; намек на англичан.

51

Парки — богини судьбы в древнеримской мифологии.

52

Фликтена — прыщ, пузырь (греч.). Так Суворов называл свою болезнь.